

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

Г О Д Ъ Д В Ъ Н А Д Ц А Т Ы Й .

А П Р Ъ Л Ъ .

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1891.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Каронина.	1
II. ДЕНЬГИ. Романъ Эрста Альгрена. Гл. III—V. Переводъ съ шведскаго В. М. С.	42
III. БРАТЪ «ЕДИНСТВЕННОГО» СЫНА. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»).—Вас. И. Немировича-Данченко	90
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Л. Величко	128
V. ПРИ ДВОРѢ МЕДИЧИ. Историческій романъ Карла Веркова. Гл. I—IV. Переводъ В. М. Р.	130
VI. ИМПЕРАТОРЪ МИХАИЛЪ. (Историческая повѣсть).—П. В. Безобразова	171
VII. ДНЕВНИКЪ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.—В. А. Г.	203
VIII. ВАЛУЕВСКАЯ КОММИССІЯ.—Я. Ст—на	1
IX. СРЕДНЕВѢКОВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ. <i>Окончаніе</i> .—А. А. Кудрявцева.	30
X. ВЗГЛЯДЪ НА ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦІИ ВЪ БЕРЛИНѢ 1890 ГОДА.—Гр. Л. А. Камаповскаго	44
XI. ЭКСКУРСЫ ВЪ ОБЛАСТЬ РУССКАГО ЭПОСА. <i>Продолженіе</i> .—Вс. Ѳ. Миллера.	67
XII. ИДЕЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКО-ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ: (Предисловіе проф. Лависа къ французскому переводу книги <i>Brice'a</i> : «The Holy Roman Empire»)	97
XIII. ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО. <i>Окончаніе</i> .—М. А. Протопопова.	123

Русская мысль

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

—
1891.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/64

TO VINDI
ABSTRACT

Москва. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP 30
A 875
v. 12:4
MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
I. УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> . — Наронина	1
II. ДЕНЬГИ. Романъ Эрнста Альтгрена. Гл. III—V. Переводъ съ шведскаго В. М. С.	42
III. БРАТЪ «ЕДИНСТВЕННОГО» СЫНА. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»). — Вас. И. Немировича-Данченко	90
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. — В. Л. Величко	128
V. ПРИ ДВОРѢ МЕДИЧИ. Историческій романъ Карла Беркова. Гл. I—IV. Переводъ В. М. Р.	130
VI. ИМПЕРАТОРЪ МИХАИЛЪ. (Историческая повѣсть). — П. В. Безобразова	171
VII. ДНЕВНИКЪ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ. — В. А.	203
VIII. ВАЛУЕВСКАЯ КОМИССИЯ. <i>Окончаніе</i> . — Я. Ст—на.	1
IX. СРЕДНЕВѢКОВОЕ МИРОВОЗРѢНІЕ. <i>Окончаніе</i> . — А. А. Кудрявцева.	30
X. ВЗГЛЯДЪ НА ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЪ БЕРЛИНѢ 1890 ГОДА. — Гр. Л. А. Намаровскаго	44
XI. ЭКСКУРСЫ ВЪ ОБЛАСТЬ РУССКАГО ЭПОСА. <i>Продолженіе</i> . — Вс. О. Миллера.	67
XII. ИДЕЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКО-ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ. (Предисловіе проф. Лависа къ французскому переводу книги <i>Bruse'a</i> : «The Holy Roman Empire»)	97
XIII. ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО. <i>Окончаніе</i> . — М. А. Протопопова.	123

859561

	<i>Стр.</i>
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Черное море въ физико-географическомъ отношеніи.—В.—а	142
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	165
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. В. Шелгунова.	174
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. <i>Продолженіе</i> .—Н. К. Михайловскаго.	193
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: «Новая эра» въ желѣзно-дорожномъ строителствѣ.—«Большія компаніи».—Новыя правила для пассажировъ на дорогахъ.—Поступленія государственныхъ доходовъ въ 1890 году.—Выкупъ голландскаго займа.—Конверсія 5% банковыхъ билетовъ.—Новыя правила для экзаменовъ въ гимназіяхъ.—Дѣло о поединкѣ въ павловскомъ полку.—Эпидемія убійствъ «изъ-за любви». — Процессы Селиванова, Ботельникова, Липшантьева, Мельникова и Павлова .	227
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Психологія и педагогика.— Исторія и біографія. — Политическая экономія и статистика. — Медицина. — Военное дѣло.— Дѣтскія книги. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Кіевская Старина», <i>іюнь 1890 г. — мартъ 1891 г.</i> — «Дѣтское Чтеніе», <i>январь—мартъ</i>	175

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ *).

(Повѣсть).

IX.

Хординъ, по обыковенію, спалъ тотчасъ послѣ обѣда, но когда проснулся, пошелъ было въ садъ искать жену и Чехлова. Не найдя ихъ тамъ, онъ спросилъ, куда они ушли? Прислуга отвѣчала—въ поле. Въ первый разъ ему стало до боли неприятно. Но онъ постарался свое мрачное настроеніе объяснить дурнымъ тяжелымъ сномъ. Это бывало. Особенно когда много погушаешь, ужасно бываетъ тяжелый сонъ: въ головѣ какая-то бурая мгла, въ горлѣ саднить, всѣ окружающіе предметы принимаютъ досадный, противный видъ. Однако, сегодня было не такъ; когда онъ совсѣмъ оправился отъ сна, неприятное чувство еще болѣе утвердилось въ его душѣ. Это еще не была ревность, а только тревога, безпокойство, предчувствіе семейной бури, не поддающаяся опредѣленію словами злость. Онъ раздраженно напился чаю одинъ, съ раздраженіемъ вышелъ изъ-за стола, но никакъ не могъ понять, на какой предметъ вылить злобу. Онъ думалъ идти по хозяйству, но вернулся, не дойдя до порога выходной двери, подошелъ къ огню, выходящему въ открытое поле, сѣлъ тутъ и сталъ ждать. Ждалъ онъ съ нетерпѣніемъ, когда они вернуться, и, въ то же время, сознавалъ, что это ожиданіе бессмысленно. Развѣ этимъ ожиданіемъ у окна можно что-нибудь измѣнить? Ничего. Но онъ, все-таки, сидѣлъ, смотрѣлъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ по опушкамъ лѣса и, не видя тамъ никого, бѣсился. И, въ то же время, опять сознавалъ, что это бѣшенство, увеличивающееся съ каждымъ мгновеніемъ, бессмысленно. Развѣ Чехловъ или жена сдѣлали что-нибудь дурное, чтобы вызвать его злобу? Но онъ, все-таки, продолжалъ сидѣть,

*) *Русская Мысль*, кн. III.

раздраженно барабанилъ пальцами по стеклу и горѣвшими отъ нетерпѣнія глазами отглядывалъ всѣ опушки лѣса.

Вдругъ на краю одной изъ рощъ онъ замѣтилъ двѣ фигуры, мелькавшія между деревьями; онъ ихъ тотчасъ узналъ; онъ быстро шли по направленію къ дому. Одну минуту Хординъ наблюдалъ за ними; потомъ онъ бросился отъ окна, прошелъ черезъ всѣ комнаты почти бѣгомъ, какъ воръ, похитившій какую-то вещь, и вышелъ на дворъ съ такимъ перепуганнымъ лицомъ, будто за нимъ гнались. Онъ торопливо старался скрыть всѣ слѣды своего сидѣнья у окна, и ему это удалось. Когда Александра Яковлевна и Чехловъ вошли черезъ калитку во дворъ, онъ встрѣтилъ ихъ лѣнивымъ, равнодушнымъ взглядомъ и лѣнивымъ голосомъ выговорилъ:

— А, это вы! Что же вы такъ мало гуляли? Вечеръ чудесный!

— Какъ мало? Почти половину дня! Заговорились и не замѣтили, какъ подкрался вечеръ, — отвѣтила просто Александра Яковлевна.

Хординъ бросилъ пристальный взглядъ на ея открытое лицо и мгновенно ему стало стыдно за ту бессмысленную тревогу, съ которой онъ сидѣлъ передъ окномъ. Онъ готовъ былъ приласкаться къ женѣ, если бы не молчаливое присутствіе Чехлова, но, вмѣсто этого, закричалъ на прислугу, чтобы она поскорѣе подогрѣла самоваръ. Александра Яковлевна не обратила вниманія на виноватый видъ мужа и прошла въ комнаты.

А Чехловъ скоро ушелъ на поѣздъ. Хординъ, съ его уходомъ, забылъ о непріятномъ чувствѣ.

Но на слѣдующій день Чехловъ опять пріѣхалъ, на третій день также. Наконецъ, его посѣщенія стали регулярны, изо дня въ день. Тревога Хордина также стала проявляться регулярно, какъ перемежающаяся лихорадка. Когда Чехловъ уѣзжалъ, тревога его мгновенно падала; но лишь тотъ появлялся на слѣдующій день, какъ мгновенно въ Хординѣ поднималась мука ревности. Да, это уже была ревность.

Она возростала до мучительной боли въ тѣ часы, когда жена и Чехловъ уходили на отдаленную прогулку по лѣсу.

Александра Яковлевна продолжала исполнять всѣ свои и домашнія работы, но лишь только освобождалась отъ нихъ, тотчасъ приглашала Чехлова, и они вдвоемъ уходили въ поле, въ лѣсъ или къ «Разбойничьему гнѣзду».

Чехловъ держалъ себя на этихъ прогулкахъ, попрежнему, молчаливо и безотвѣтно. За то Александра Яковлевна какъ будто нарочно старалась развернуть всѣ свои умственные силы. Она съ

интересомъ разспрашивала Чехлова о малѣйшихъ подробностяхъ ученія, докапываясь до самыхъ интимныхъ основъ его, и ни одной мысли Чехлова не оставляла безъ отвѣта. Иногда отвѣты были очень рѣзкіе, безповоротные. Такъ, однажды она разспрашивала о практическихъ путяхъ. Чехловъ распространился, но было ясно, что мысли его никогда не работали въ этомъ направленіи. Въ каждой фразѣ его слышалось изумительное легкомысліе, напыщенное пустословіе.

— Все это мнѣ ужасно странно, — однажды вдругъ замѣтила Александра Яковлевна. — «Любить... жить просто...» «отдавать людямъ свой трудъ» — гдѣ я объ этомъ слыхала? А гдѣ-то уже слыхала, только страшно давно, въ смутномъ прошедшемъ, безвозвратно исчезнувшемъ. Это прошлое оставило въ моей душѣ какое-то смутно-радостное чувство, но я, въ то же время, знаю, что его уже нѣтъ! Оно не вернется. Быть можетъ, эти слова мнѣ говорила мать, когда мнѣ было три-четыре года, а, быть можетъ, я ихъ переписывала нетвердою рукою изъ прописи, но только я знаю, что ихъ я уже больше ни отъ кого не слыхала въ такой наивной дѣтской формѣ! Неужели у васъ больше ничего нѣтъ?

— Люди и должны быть просты, какъ дѣти, — возразилъ Чехловъ.

Онъ смотрѣлъ въ лицо собесѣдницы и искалъ въ немъ слѣдовъ ядовитого юмора, съ какимъ она, казалось ему, говорила.

Но она и не думала смѣяться. Ей было просто досадно за его безответность.

Въ другой разъ, когда онъ заговорилъ о томъ, какъ легко каждому человѣку перевернуть свою жизнь и какъ просто дойти до совершенства, она сильно задумалась, но вдругъ возразила:

— Ваше ученіе только для богатыхъ...

Чехловъ неприятно изумился.

— Это почему? — спросилъ онъ.

— Да, вѣдь, только богатому и праздному легко исполнить жакую угодно фантазію. Только богатый, почувствовавъ отвращеніе къ рябчикамъ, можетъ вдругъ воспылатъ желаніемъ кушать кашу съ постнымъ масломъ, или любовью къ лаптямъ! Всѣ ваши мысли направлены только на то, чтобы помочь богатому, потерявшему отъ пресыщенія всякій вкусъ къ жизни, возобновить свои жизненные аппетиты. А бѣдному вы не имѣете права сказать, что бѣдному и бѣдному легко и просто выполнить ваше ученіе. Чему вы его будете учить? Чтобы онъ ѣлъ кашу, а не рябчика? Но онъ ее одну только и ѣсть. Чтобы онъ помогалъ трудомъ ближнему? Но весь его трудъ

содержитъ человѣчество. Чтобы онъ любилъ ближняго? Но онъ и безъ васъ его любить, любить этимъ самымъ трудомъ. Или чтобы онъ сдѣлался въ вашемъ смыслѣ разумнымъ и совершеннымъ? Но кто по временамъ умираетъ съ голода, кто всю жизнь долженъ проводить въ грязи, у кого каждый текущій день—судорожная погоня за кускомъ хлѣба, кто безвѣстно умираетъ отъ нелѣпой случайности,—тотъ не имѣетъ силъ быть чистымъ, разумнымъ, совершеннымъ. А если вы, все-таки, требуете отъ него совершенства, то какъ же вамъ не стыдно?

Одинъ разъ они, послѣ длинной бесѣды, долго молчали, потерявъ мысль разговора. Но вдругъ Александра Яковлевна посмотрѣла куда-то далеко и сказала:

— Ваше ученіе, кажется, все имѣетъ, что нужно для каждаго ученія: и разумъ, и любовь, и совершенство, и пути къ нему, все! Нѣтъ только одной, но за то самой необходимой вещи—Бога. То-есть того объединяющаго центра, вокругъ котораго можно было бы расположить всѣ эти прекрасныя вещи—любовь, совершенство, простоту. Оно мнѣ напоминаетъ одежду босяка-золоторотца, спитую изъ безчисленнаго множества кусковъ, случайно находимыхъ. Тутъ и ситцевая заплатка московскаго производства, и обрѣзокъ сукна, сдѣланнаго, быть можетъ, на иностранной фабрикѣ, и дерюга, сотканная въ глухой деревнѣ; нѣтъ только въ этомъ ужасномъ платьѣ единства замысла. Въ случаѣ горькой нужды, оно все же платье, конечно; но никто безъ нужды не надѣнетъ его... Никто изъ нуждающихся въ вѣрѣ не приметъ вашего ученія, потому что въ немъ именно вѣры-то и нѣтъ! Оно холодно, умно и безчеловѣчно!... Задуманное только ради богатыхъ, для нуждающагося бѣдняка оно даетъ только угрозы, жестокія обвиненія и скорпіоны и ни одного луча надежды!

Это было сказано Александрой Яковлевной безъ злобы, безъ малѣйшаго желанія оскорбить Чехлова, но, все-таки, рѣзче нельзя было сказать.

А онъ ограничился въ отвѣтъ на это только нѣсколькими парадоксами. Ей дѣлалось досадно. «Неужели это тотъ самый Чехловъ, который недавно громилъ притворство, глупость, ложь? Почему же всѣ его отвѣты теперь такіе жалкіе, ребяческіе?»—спрашивала она себя. «Бываютъ такіе сильныя, но безплодные умы, которые могутъ громить, но не создавать...»—смутно догадывалась она. Но и послѣ того для нея оставалось много темнаго въ немъ. Почему онъ съ нѣкотораго времени, въ разговорахъ съ ней, не только пересталъ учить своему ученію, но даже не же-

дасть больше защищать его, какъ будто ему все равно, будутъ ли слова его любить, или презирать?

Ему, дѣйствительно, было все равно, какъ относится къ его словамъ, но ему было не все равно, какъ Александра Яковлевна относится къ нему самому. Лишь только онъ пріѣзжалъ въ усадьбу и видѣлъ лицо ея, весь умъ его поглощался мыслями о ней. Онъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, подмѣчалъ, когда она весела и когда чувствуетъ досаду; наблюдалъ, какъ она хмурится или какъ улыбка расправляетъ ея черты. Онъ изучалъ ея слова, жесты, выраженія; угадывалъ, что ей нравится и чего она не любитъ, кто ея двузья и кого она не любитъ. И все это изучалъ больше всего по отношенію къ себѣ. Когда она весело смѣялась, онъ старался угадать, какія его слова вызвали въ ней этотъ смѣхъ; когда на ея лицѣ выражалось недовольство, онъ спрашивалъ себя, чѣмъ онъ вызвалъ его. Какъ она къ нему относится: смѣется надъ нимъ или уважаетъ, негодуетъ или сочувствуетъ?

Онъ разбиралъ, слѣдилъ, изучалъ все, что говорить или дѣлать Александра Яковлевна по отношенію къ нему, и за этою утомительною работой ему некогда было думать о защитѣ своего ученія. Оно смутно рисовалось ему, когда онъ сидѣлъ передъ Александрой Яковлевной. Только въ рѣдкія минуты умъ его освобождался отъ поработившаго его образа и жестоко указывалъ на фактъ измѣны. «Ты измѣнилъ первому закону твоего ученія — быть свободнымъ всюду и поработилъ себя женщинѣ!» — говорилъ ему умъ. Но проходило мгновеніе и этотъ умъ уже покорно, не возмущаясь, начиналъ работать надъ тѣмъ, что приказывало ему сердце.

Сердце сдѣлалось господиномъ. Чехловъ любилъ.

Но какая это была странная любовь! Въ то время, какъ сердце его праздновало весну и билось отъ неизвѣданнаго счастья или сжималось отъ безпричинной тоски, умъ его холодно, какъ добро-совѣстный счетчикъ, отмѣчалъ каждый его ударъ. Сердце стало его господиномъ, а умъ рабомъ; но какой это былъ лукавый, подлый рабъ! Ни одного шага господина онъ не пропускалъ безъ того, чтобы не присутствовать при его исполненіи, ни одного движенія господина не ускользало отъ него. Онъ все зналъ, во все вмѣшивался, всюду слѣдовалъ за своимъ господиномъ, и вездѣ, при всѣхъ дѣяніяхъ того, подавалъ совѣты, читалъ нравоученія, замѣчалъ ошибки, указывалъ выходы.

Такъ что, въ сущности, Чехловъ и не Александру Яковлевну изучалъ, а себя и тѣ новыя ощущенія, которыхъ онъ не зналъ раньше. Иногда онъ разсуждалъ практически и заранѣе пытался уга-

дать, какъ ему въ будущемъ придется жить, что надо сдѣлать, чтобы устранить Хордина, просто ли разорвать старую связь, или путемъ развода, какъ къ этому отнесется Хординъ, какъ онъ будетъ думать, и что всё они будутъ *тогда* думать?

Только въ нѣкоторыя мгновенія чувство широкою волной заливало всё холодныя и лукавыя соображенія ума. Чехловъ смотрѣлъ тогда дикимъ и необузданнымъ, какимъ былъ его отецъ. Сидя въ лѣсу рядомъ съ Александрой Яковлевной, онъ иногда въ порывѣ восторга желалъ бы взять ее на руки, пронести черезъ этотъ лѣсъ, пробѣжать по полю, перепрыгнуть послѣдній оврагъ, добѣжать до станціи и при свистѣ паровоза увезти ее туда, въ безконечную даль, по ту сторону горизонта. Приѣзжая въ усадьбу, онъ въ первую минуту свиданія готовъ былъ броситься къ Александрѣ Яковлевнѣ со всѣхъ ногъ и сказать ей про все; а уѣзжая отъ нея, онъ чувствовалъ, что сердце его разрывается отъ тоски.

Но это были только мгновенія. Въ остальное время умъ его, хотя и поработанный, безъ усталости считалъ каждый ударъ сердца и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что оно дѣлаетъ.

X.

Александра Яковлевна долго не видала Буреева. Мелькомъ встрѣчая его, она замѣчала въ немъ какую-то хорошую перемену, но не могла отгадать, откуда она идетъ. До недавняго времени онъ проводилъ жизнь лѣниво и безалаберно. Что только ни дѣлалъ онъ: сидѣлъ ли за обѣдомъ, ѣхалъ ли въ городъ по домашнимъ дѣламъ, говорилъ ли или слушалъ, — все это совершалось съ явною неохотой, весь его видъ какъ будто говорилъ: «Да развѣ я обязанъ жить? воть еще!» Но съ нѣкотораго времени въ фигурѣ его появилась необычайная живость, въ словахъ — горячее волненіе, въ мысляхъ — пытливость. Онъ куда-то торопливо ѣздилъ, велъ какія-то хлопоты, на каждомъ шагу и со всѣми затѣвалъ буйные споры.

И вотъ однажды въ такомъ буйномъ настроеніи онъ приѣхалъ изъ своей усадьбы къ Хординымъ.

— Гдѣ это вы пропадали? — спросила его Александра Яковлевна.

— Да такъ, разныя дѣлишки. Бое-что устраивалъ... Видите ли, я пришелъ недавно къ заключенію, что много спать довольно вредно. Спишь, спишь, а проснешься — и ничего не понимаешь... Темно. Озираешься эдакъ съ просонья по сторонамъ и думаешь: гдѣ это я? Дверь-то гдѣ, и съ которой стороны солнце-то заходитъ?

Не понимаешь! Кажется, ложишься спать днемъ послѣ обѣда, а теперь, кажется, утро? Озираешься по сторонамъ, въ груди тяжело, мозгъ работаетъ какъ у осла, котораго передъ тѣмъ били палками, и долго ничего не понимаешь, только какая-то свирѣпая жестокость появляется въ душѣ, самъ себя противень!...

Вслѣдъ затѣмъ онъ съ одушевленіемъ заговорилъ о своихъ планахъ и о томъ, какого рода «дѣлишки» занимали его въ послѣднее время. Александра Яковлевна съ полнымъ сочувствіемъ слушала и уже хотѣла съ своей стороны подѣлиться планами. Но Буреевъ не далъ ей сказать ни одного слова.

— Впрочемъ, я не за тѣмъ пріѣхалъ... Вы не знаете новость? Вѣдь мои — то женятся! — сказалъ онъ внезапно и вдругъ расхохотался.

— Какіе ваши?—спросила Александра Яковлевна.

— Да Божьи коровки-то!

И еще добродушнѣе расхохотался, такъ что глаза его наполнились слезами. Но вдругъ онъ самъ себя прервалъ и уже задумчиво прибавилъ:

— Въ сущности, лучше мужа, какъ нашъ Михаилъ Егоровичъ, нельзя въ цѣломъ свѣтѣ сыскать!...

Высказавъ это увѣренно, онъ вслѣдъ затѣмъ рассказалъ, какъ было дѣло, и просилъ Александру Яковлевну принять участіе въ свадьбѣ. По желанію Мизинцева и Маши, обвѣнчаются они въ сельской церкви той деревни, гдѣ жили Хордины, проведутъ время до поѣзда у Хординыхъ, а съ послѣднимъ поѣздомъ отправятся въ городъ.

— Само собою разумѣется, никакихъ скверныхъ принадлежностей свадьбы быть не должно при семь! Вина ни капли. Табакъ не курить. Воспрещаются бѣсовскія игрища, руками плесканія и головой помаванія и нѣсни поганскія! Такъ хочетъ Михаилъ Егоровичъ. Завтра мы къ вамъ подъ вечеръ съѣдемся, побываемъ въ церкви, напьемся жидкаго чайку въ прикуску на чистомъ воздухѣ — и свадьба готова! По крайней мѣрѣ, двумя влюбленными дураками на свѣтѣ будетъ меньше!

Передавая желанія Мизинцева въ такой шутовской формѣ, Буреевъ опять залился смѣхомъ до слезъ. А немного погодя онъ уже простился и поспѣшно поѣхалъ въ село, къ священнику.

Какъ желалъ Мизинцевъ, такъ все и случилось.

Въ саду былъ накрытъ чайный столъ. Стоялъ теплый, августовскій вечеръ. Возвратившись изъ церкви, всѣ съ оживленіемъ заняли мѣста вокругъ самовара. Бромъ знакомыхъ, тутъ сидѣли еще двое

незнакомыхъ въ Хординымъ товарищей Мизинцева, исполнявшихъ обязанности шаферовъ. Но ихъ присутствіе нисколько не мѣшало общему живому настроенію. Свадьба совершилась такъ скоро и просто, что ни одному изъ участниковъ ея не было нужды настраивать себя на какой-то особенный свадебный ладъ. Каждый чувствовалъ себя дома, за простымъ дѣломъ, съ обыденнымъ строемъ мысли. Это было настроеніе будничное и бодрое. Только на лицо Маши по временамъ набѣгали тѣни задумчивости и румянецъ на ея щекахъ то блѣднѣлъ, то сильнѣе разгорался, да самъ Михаилъ Егоровичъ чего-то немного конфузился.

Но этихъ мелочей никто не замѣчалъ подъ перекрестнымъ огнемъ шутокъ и смѣха. Въ особенности былъ въ ударѣ Буреевъ. Онъ произнесъ нѣсколько курьезныхъ спичей и все время потѣшалъ публику. Хординъ такъ хохоталъ, что потомъ сталъ смѣяться уже безъ всякой причины; взглянуть на него Буреевъ, и онъ хохочетъ...

Веселое настроеніе маленькаго общества поддерживалось еще чуднымъ вечеромъ. Жара спала. Съ полей доносился аромат сжатыхъ хлѣбовъ. Воздухъ застылъ въ неподвижномъ покоѣ. Деревья въ саду замерли въ беззвучной истомѣ. Послѣдніе лучи солнца съ мягкою любовью ласкали всѣ предметы, играя на дремавшихъ листьяхъ, на перламутровыхъ перьяхъ голубей, собравшихся на крышѣ, въ золотистыхъ волосахъ невѣсты, въ ея влажныхъ глазахъ, въ ея горящемъ лицѣ; но, прощаясь послѣдними поцѣлуями съ землей, солнце съ багровою краской гнѣва смотрѣло назадъ, въ ту сторону, откуда надвигалась ночь. И ночь, какъ будто стыдясь себя, тихо и безшумно надвигалась, незамѣтно занимала оставленные свѣтомъ уголки и робкими тѣнями подкрадывалась къ столу, гдѣ раздавались веселые голоса.

Когда сумерки закрыли прозрачною пеленой дальніе уголки сада, а въ воздухѣ чувствовалась уже влажная свѣжесть, за калиткой вдругъ показалась фигура Чехлова. Онъ хотѣлъ пройти, минуя садовую калитку, но когда услышалъ позади себя голоса, вдругъ обернулся, пристально взглянулъ въ кучку людей, сидѣвшихъ за столомъ, и нахмурилъ брови. Онъ пріѣхалъ изъ города, чтобы видѣть только Александру Яковлевну, но, наткнувшись на цѣлую компанію чужихъ, непріятныхъ людей, онъ сначала оторопѣлъ, а потомъ желчная досада разлилась по его сердцу. Съ тяжелымъ выраженіемъ на лицѣ онъ подошелъ къ столу, подъ деревья.

Мгновенно произошло всеобщее замѣшательство. Протягивая гостю руку, каждый чувствовалъ какое-то недоброежелательное чув-

ство къ нему. Лица у всѣхъ вытянулись. У Хордина дрожала рука, мѣшавшая ложечкой чай въ стаканѣ; Мизинцевъ низко нагнулся надъ столомъ. Маша съ необъяснимою тревогою прижалась къ Александрѣ Яковлевнѣ. Только послѣдняя съ прежнею непринужденностью обратилась къ Чехлову съ предложеніемъ присѣсть. Чехловъ взялъ стулъ, но сѣлъ нѣсколько поодаль отъ стола.

— Приѣхали къ намъ на свадьбу?—замѣтила Александра Яковлевна, ничего не подозревая.

Чехловъ удивленно оглянулъ всѣхъ присутствующихъ. Было очевидно, что свадьбы онъ даже и не подозревалъ. Мизинцевъ, между тѣмъ, вдругъ покраснѣлъ и въ замѣшательствѣ заговорилъ, обращаясь къ Александрѣ Яковлевнѣ:

— Денисъ Петровичъ не знаетъ, что тутъ свадьба... Хоть мы и въ одномъ домѣ живемъ, но я не считъ нужнымъ сообщать ему, и не пригласилъ. Онъ слишкомъ занятъ, чтобы заниматься еще свадьбами...

Мизинцевъ сказалъ это торопливо, весь красный, и безъ всякаго желанія сказать колкость по адресу Чехлова. Но послѣдній пристально оглянулъ его и вдругъ насмѣшка заиграла на его губахъ.

— Дѣйствительно, мнѣ рѣшительно не могло придти въ голову, что Михаилъ Егоровичъ женится! Иначе я, незванный, не посмѣлъ бы показаться сюда! Тѣмъ болѣе, свадьбы не мнѣ устраивать...—сказалъ онъ жестко.

— Почему же?—спросила Александра Яковлевна и засмѣялась.

— Не могу.

— Будто свадьба дурное или неприятное дѣло?

— Зачѣмъ дурное!... Я только никогда не участвую ни въ какихъ обрядахъ,—заговорилъ Чехловъ прежнимъ, злораднымъ тономъ.—Досадно и грустно. Человѣкъ каждый свой актъ облачаетъ въ священнодѣйствіе и всю жизнь что-нибудь празднуетъ. Подошли ли именины—и праздникъ, исполнилось ли двадцать лѣтъ лѣтнivoй и вредной дѣятельности—опять праздникъ. Женится ли онъ, или разводится съ супругой, умираетъ или рождается, переходит ли въ новый домъ, или поправляетъ старый,—опять все праздники, съ рѣчами и объѣдами. Даже самый объѣдъ у «порядочныхъ людей» обставляется такою торжественностью, словно желудокъ—величественный богъ. Самымъ низкимъ, животнымъ актaмъ человѣкъ старается придать святость, которой быть не можетъ въ нихъ, и самыя низкіе свои поступки хочетъ облагородить... Какъ священно-

дѣйствуетъ женщина, наряжающаяся выйти на прогулку! Какимъ гордымъ чувствуетъ себя мужчина, которому удалось въ первый разъ напиться пьянымъ!... Когда люди идутъ на войну, они предварительно освящаютъ ножи, которыми будутъ рѣзать горла другихъ людей. Если устраивается новая бойня для скота, она сначала освящается торжественнымъ актомъ. Часто человекъ отъ животного отличается только тѣмъ, что видитъ священное въ томъ, что совершаетъ только по необходимости. Какъ же не избѣгать всякихъ торжествъ? Свадьба ли, именины ли, рожденіе ли гдѣ совершаются, я бѣгу какъ можно дальше... Мнѣ досадно и больно участвовать въ торжествѣ, гдѣ нѣтъ ничего торжественнаго, на праздникѣ, отъ котораго непременно кто-нибудь плачетъ.

Звукъ его голоса, раздававшійся въ сумеркахъ, навелъ положительно ужасъ на молодую дѣвушку, принявшую сегодня имя любимаго человека; она съ широко раскрытыми глазами смотрѣла на него, въ то же время, прижимаясь къ Александрѣ Яковлевѣ. Всѣмъ остальнымъ стало неловко и досадно. А Хординъ вдругъ поднялся изъ-за стола, злобно двинулъ стуломъ, на которомъ сидѣлъ, опрокинулъ его на траву и молча ушелъ въ глубину сада, не желая даже извиняться какимъ-нибудь предлогомъ.

Но самъ Чехловъ оставался насмѣшливо-холоднымъ. Впрочемъ, онъ прекратилъ свою рѣчь, когда замѣтилъ общую подавленность.

Прошло нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Слышался невнятный шелестъ листьевъ, которыми шевелилъ неуловимый вѣтеръ; надъ головой пѣли мошки; самоваръ, застывая, жалобно допѣвалъ какую-то одну тонкую ноту; изъ деревни доносился лай собакъ. Какъ будто у всѣхъ пропалъ даръ слова, — такъ неприятно было каждому изъ сидящихъ за столомъ.

Первымъ заговорилъ Мизинцевъ.

— Не пора ли, господа, намъ перебраться въ комнаты? Кажется, довольно свѣжо, — сказалъ онъ и, взявъ со спинки стула платокъ, накинулъ его на плечи Маши.

Досада, почти злоба сверкала въ его добрыхъ глазахъ, когда онъ слушалъ слова Чехлова, но когда онъ накидывалъ Машѣ платокъ и заглянулъ ей въ глаза, мгновенно это выраженіе растаяло. Онъ забылъ о Чехловѣ и его словахъ, отравившихъ этотъ вечеръ.

Всѣ поспѣшно отозвались на его приглашеніе, въ томъ числѣ и Хординъ, возвратившійся изъ темной глубины сада, и направилась въ домъ. Послѣдними шли Чехловъ и Александра Яковлевна. Но Чехловъ, по выходѣ изъ сада, когда уже всѣ ушли, вдругъ оста-

новился, дотронулся рукою до руки Александры Яковлевны и сказал глухо:

— Прощайте!

— Куда же вы?—спросила та съ удивленіемъ.

— Я пріѣхалъ только васъ видѣть... Только съ вами мнѣ нужно было говорить... Но теперь... не могу! Прощайте.

Все это Чехловъ выговорилъ съ внезапнымъ волненіемъ, замирающимъ голосомъ. Потомъ схватилъ руку Александры Яковлевны, пожалъ ее до боли и бросился по дорогѣ къ вокзалу. Александра Яковлевна смотрѣла ему вслѣдъ, пока фигура его не исчезла въ ночной мглѣ. Тогда она направилась домой, изумленная и въ первый разъ встревоженная тяжелымъ подозрѣніемъ. Въ темнотѣ лицо ея загорѣлось краской, а сердце сжалось отъ какого-то предчувствія. Но когда она вошла въ освѣщенную комнату, никто не замѣтилъ испуга на ея лицѣ.

Тамъ продолжалось то самое неприятное молчаніе, которое произвелъ Чехловъ. Даже веселый Буреєвъ никакъ не могъ настроить себя на живой ладъ. Но лишь только онъ узналъ, что Чехловъ ушелъ, какъ моментально засмѣялся.

— Что это за странный человѣкъ!—вскричалъ онъ оживленно.— Кажется, его прямая и единственная обязанность отравлять каждую минуту человѣческой жизни!... Ей-Богу, когда онъ появился, я тотчасъ почувствовалъ, что совершилъ какое-то преступленіе... не то укралъ что, не то кому-то голову отрѣзалъ... Вѣдь, можетъ же уродиться такой чудакъ!

— Просто бездѣльникъ!—вдругъ возразилъ на это Хординъ и съ яростью сверкнулъ глазами.

Александра Яковлевна слушала задумчиво и съ тою же задумчивостью возразила, обращаясь исключительно къ Буреєву:

— Вы говорите—странный? По-моему, несчастный! Я еще не видала человѣка съ большимъ преобладаніемъ головы надъ сердцемъ... Такіе люди не живутъ, а только думаютъ, да, пожалуй, и не думаютъ, а только наблюдаютъ свои думы. Умъ его не изъ тѣхъ умовъ, которые строятъ цѣльныя и удобныя зданія мысли, а только разрушаютъ,—умъ его сильный и, въ то же время, ничтожный. Мысли его не даютъ плода, онѣ только борются между собою... Мнѣ кажется, въ душѣ у него, вмѣсто цѣльныхъ образовъ, пустынные развалины, въ которыхъ холодно и жутко... Большая голова и маленькое сердце—это ужасное дѣло! Мнѣ иногда кажется, что когда онъ выражаетъ какую-нибудь мысль, сзади нея уже стоитъ другая

мысль и подкарауливает первую, чтобы убить ее. Нѣтъ, это не странный человѣкъ, а ужасно несчастный...

— «Несчастный»... просто бездѣльникъ!—вдругъ опять бѣшено вмѣшался Хординъ.—Я бы такихъ... Проповѣдуетъ трудъ, а самъ безъ дѣла слоняется! Проповѣдуетъ любовь, а не пропуститъ ни одного человѣка, чтобы не оскорбить его... скотина эдакая!

Хординъ злобно поводилъ глазами по лицамъ, но вдругъ встрѣтился съ глазами жены и обмеръ. Лицо Александры Яковлевны въ это мгновеніе покрылось пятнами, въ глазахъ свѣтилось негодованіе, сжатые руки ея хрустнули.

— Ты никакъ не можешь обойтись безъ ругани, къ которой привыкъ на дворѣ,—сказала она тихо, но съ страшнымъ презрѣніемъ.—Это ты-то ругаешь Чехлова? Опомнись... Пусть его ругаетъ кто угодно, но не вамъ, не вамъ, практичнымъ людямъ, кого бы то ни было обвинять!... Пусть судьями мыслящихъ будутъ тѣ, за кѣмъ не числится... практичности! Это не ваше дѣло! Молчите и продолжайте устраиваться потеплѣе и погрознѣе!

Хординъ обмеръ. Онъ смотрѣлъ на жену, блѣдный и растерявшійся. Его не слова жены оскорбили, онъ только съ страшною тоской думалъ: «Значить, это правда!»

Между тѣмъ, Александра Яковлевна быстро вышла изъ комнаты.

Немного погодя, тяжело ступая, вышелъ изъ комнаты и Хординъ. Оставшіеся въ залѣ такъ были поражены всѣмъ случившимся, что боялись взглянуть въ глаза другъ другу. Буреевъ отвернулся къ растворенному окну, высунулъ на воздухъ голову, да такъ и остался въ этой позѣ. Онъ понялъ, что въ домѣ кончается какая-то драма, но не желалъ угадывать, въ чемъ она. Маша нѣсколько минутъ судорожно улыбалась, но вдругъ громко заплакала. Мизинцевъ отъ этого еще болѣе растерялся; онъ подошелъ къ ней и хотѣлъ успокоить ее, но не зналъ, чѣмъ; онъ неясно понималъ, отчего она плачетъ. Постоялъ, постоялъ онъ въ нерѣшительности и вдругъ молча началъ цѣловать ея слезы.

До прихода поѣзда всѣ трое мучительно провели время. Александра Яковлевна вышла ихъ проводить, но лицо ея вдругъ такъ осунулось, что ея привѣтливыя слова, сказанныя на прощанье, казались мрачными. А самъ Хординъ совсѣмъ не вышелъ.

Такъ кончилась эта, начатая просто, свадьба.

Хординъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, положивъ голову на руки. Онъ былъ убить и почти ни о чемъ не могъ ду-

мать. Только одна мысль безчисленное число разъ повторилась въ его умѣ: «Такъ это правда!» Онъ почти шепталъ ее губами и такъ много разъ повторялъ ее, что она, наконецъ, потеряла свой острый смыслъ. Это успокоило его бѣшенство, уже выплывавшее откуда-то изъ глубины. Безчисленное число разъ повторяя одну и ту же мысль, онъ успокоился до апатіи. Ему вдругъ стало скучно, въ тѣлѣ чувствовалось изнеможеніе, глаза слипались. Тогда онъ перешелъ отъ стола къ кушеткѣ, легъ на нее и почти мгновенно уснулъ.

Но за то онъ проснулся, когда еще было темно. Проснулся оттого, что во снѣ ему показалось, будто кто-то ударилъ его, онъ закричалъ отъ боли и раскрылъ глаза. И мгновенно вчерашняя мысль громко раздалась въ его умѣ: «Такъ это правда!» Только теперь она предстала передъ нимъ въ живыхъ образахъ, которые взволновали его, и онъ вскочилъ съ постели. «Такъ это правда, что она бросаетъ меня!» И она предстала передъ нимъ какъ живая, и не въ одинъ какой-нибудь моментъ, а въ цѣлой картинѣ событій ихъ жизни. Она наполнила его воображеніе и сердце до краевъ, ослѣпила всѣ его мысли своимъ образомъ и превратила его существо въ одинъ порывъ; если бы она въ эту минуту появилась здѣсь, онъ упалъ бы къ ея ногамъ и, умоляя, отдалъ бы себя въ ея распоряженіе. «Дѣлай что хочешь со мной, но не уходи, не уходи!» Но ея не было и страстный порывъ его принялъ другую форму.

Ужасная мысль опять повторилась: «Такъ это правда, что она избрала *того!*...» При этомъ въ его воображеніи всталъ вдругъ образъ, видъ котораго вызвалъ всю ревность, все бѣшенство его. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, шепталъ ругательства, сжималъ кулаки. О ней онъ забылъ; она ему рисовалась въ какомъ-то туманѣ; онъ не думалъ о ней. Ея образъ во всю ихъ жизнь оставался такимъ чистымъ, что онъ и теперь, въ принадлежѣ бѣшеной ревности, не могъ приписать ей ничего грязнаго, — она всегда поступала такъ, какъ велѣла ей совѣсть. Она и теперь такъ поступитъ и, притомъ, безповоротно. И теперь также. Она рѣшила, и—все кончено! Тутъ не о чемъ думать! Конецъ! Это правда, что ихъ жизнь кончилась... И онъ не думалъ больше о ней.

Онъ думалъ о *томъ*. Что онъ за человѣкъ? Зачѣмъ онъ отнимаетъ его любовь, зачѣмъ разбилъ его жизнь? Кто онъ, честный или подлецъ? Если честный, его надо убѣдить, что онъ дѣлаетъ подлость. Пусть выстрадаетъ, пусть поборетъ свою любовь и уйдетъ, если можетъ, или останется, если не можетъ... А если не можетъ? А если не захочетъ? Если такой прекрасный на словахъ, онъ на

самомъ дѣлѣ низкій человѣкъ, который не остановится ни перелѣтъ, ради удовлетворенія собственныхъ желаній... И у Хордина, какъ лучъ свѣта, вдругъ мелькнула надежда, желанная, ложная надежда, но на мгновеніе потушившая его бѣшенство. Онъ вспомнилъ все, что говорилъ Чехловъ, представилъ себѣ весь его крупный образъ, и у него мелькнула надежда, что такой человѣкъ не можетъ не быть великодушнымъ. Хординъ мысленно подошелъ къ Чехлову и сталъ убѣждать его, чтобы тотъ подумалъ, прежде нежели разбить его жизнь... Онъ ему сказалъ, что она, эта женщина, въ продолженіе многихъ лѣтъ была для него единственнымъ источникомъ свѣта, любви, справедливости... въ будущемъ—единственный его идеалъ, радость, правда... Другимъ многое дано, а у него, Хордина, выше ея ничего больше нѣтъ. Если она оставитъ его, у него ничего не останется... Постылая работа изъ-за куска, безцѣльных хлопотъ, грязь, ненавистная жизнь!... Ничего другаго не останется! Она все унесетъ съ собою!... Онъ долго и пламенно говорилъ и убѣждалъ, обращаясь къ великодушію противника, и сердце его такъ страдало, что онъ плакалъ слезами, не стыдясь присутствія врага. Напротивъ, онъ плакалъ, чтобы вызвать въ немъ состраданіе...

Но вдругъ онъ становился и потрогалъ рукой лицо; на немъ текли по щекамъ дѣйствительныя слезы. Только Чехлова здѣсь не было, и пламенной рѣчи онъ не слышалъ, да и рѣчь эта глупая. Оглянувъ всю комнату (онъ не замѣтилъ, какъ разсвѣтало), онъ вдругъ съ бѣшенствомъ понялъ, что все это только фантазія. Въ дѣйствительности, Чехловъ сегодня пріѣдетъ и уйдетъ съ ней гулять, а завтра, быть можетъ, они уѣдутъ.

И онъ опять забѣгалъ по комнатѣ, но теперь въ немъ уже не было слѣпой злобы. Въмѣсто нея, его сознаніе наполнено было обдуманною мезтью. Онъ уже не фантазировалъ, сочиняя пламенные рѣчи, а обдумывалъ, какъ ему поступить. Злоба подсказывала ему, а онъ повторялъ за ней и рѣшилъ. Онъ рѣшилъ увидать Чехлова и... что онъ сдѣлаетъ, онъ еще не зналъ. Ему было только ясно, что онъ долженъ увидать его, и не съ глазу на глазъ, а съ ней. Когда онъ пріѣдетъ, и они пойдутъ гулять, надо незамѣтно послѣдовать за ними, подслушать, своими глазами убѣдиться и вдругъ предстать предъ ними. А дальше что дѣлать, это все равно. Быть можетъ, онъ убьетъ его палкой, какъ злую собаку, можетъ быть, плюнетъ ему въ лицо или дастъ ему пощечину, собьетъ съ ногъ, наступитъ ногой на это ненавистное лицо и будетъ душить.

На мгновеніе опять имъ овладѣлъ припадокъ бѣшенства. Солн-

це взошло, и лучи брызнули прямо ему въ лицо, но онъ съ бѣшенствомъ отвернулся отъ нихъ и бѣгалъ въ тѣневой сторонѣ комнаты. Потомъ припадокъ прошелъ, и онъ снова съ холодною злобой обдумывалъ, какъ онъ поступить. Злоба вызывала изъ глубины его души всѣ самыя низкія человѣческія силы—хитрость, притворство, обманъ, и съ ихъ помощью онъ обдумывалъ. Онъ не выйдетъ изъ комнаты. Притворится спящимъ. Будетъ звать она,—онъ не пойдетъ; не надо вызывать ея подозрѣнія. Придетъ горничная звать его къ чаю, онъ нарочно соннымъ голосомъ скажетъ, что онъ хочетъ спать... Въ этихъ видахъ, онъ подошелъ къ двери и заперъ ее на задвижку. Онъ выйдетъ отсюда только когда они отправятся гулять. Но они могутъ не пойти, а остаться въ комнатѣ. Тогда онъ подождетъ, потомъ неслышно выйдетъ, пройдетъ черезъ корридоръ, прислушается и вдругъ отворитъ дверь. Тогда!... быть можетъ, онъ схватитъ его за воротъ и выброситъ за окно, въ канаву, гдѣ крапива и кирпичи отъ прошлогодней стройки, выброситъ прямо внизъ этимъ подлымъ лицомъ на кирпичи!...

Снова порывъ бѣшенства затемнилъ его разсудокъ, и онъ забѣгалъ по комнатѣ. Такъ нѣсколько разъ чередовались слѣпое бѣшенство и злобное обдумываніе того, что онъ сдѣлаетъ. Онъ то бѣгалъ по комнатѣ, то садился къ столу.

Было уже позднее утро. Но онъ не замѣчалъ, какъ шло время.

Вдругъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда бѣшенство бушевало въ самой крови его, онъ услышалъ голосъ Чехлова, раздавшійся въ передней. Кровь остановилась въ его сердцѣ, онъ, казалось, пересталъ дышать и чувствовалъ только ужасъ. Дальше онъ слышалъ, какъ на вопросъ Чехлова, дома ли Александра Яковлевна, горничная отвѣтила—дома, какъ онъ тяжело прошелъ по корридору въ залу, какъ оттуда послышались голоса. Онъ поднялся съ мѣста изъ-за стола и, дрожа, пошелъ къ двери. Но отъ всего его хитраго плана, повидимому, ничего не осталось. Онъ только успѣлъ осторожно отодвинуть задвижку своей двери... но затѣмъ, дальше ему слѣдовало, какъ раньше онъ обдумалъ, немного подождать, тихо отворить дверь, неслышно пройти въ корридоръ, остановиться тамъ, прислушаться... потомъ вдругъ войти. Такъ онъ обдумалъ и такъ слѣдовало ему поступить, но отъ всего этого плана ничего не осталось, когда онъ невнятно услышалъ ея голосъ. Стоя по срединѣ комнаты, онъ посмотрѣлъ на свои руки, которыя дрожали, пощупалъ горящую годову—и ничего не хотѣлъ. Всѣ желанія, подсказанныя мстью, пропали. Передъ нимъ вдругъ всталъ образъ его Саши, ударилъ по его ослѣпленному разсудку и разсѣялъ весь его

планъ. И все, что было въ немъ порядочнаго и чистаго, поднялось, возмутилось и заговорило благородными словами: «Боже мой! Да неужели я буду шпионить за ней? Она уходитъ, но пусть хоть въ послѣдній разъ убѣдится, что я честный человѣкъ!» Онъ шепталъ это и отвернулся отъ двери. Потомъ, лишенный всякой воли и обезсиленный, онъ подошелъ къ кушеткѣ, легъ внизъ лицомъ на нее и заплакалъ.

Между тѣмъ, въ залѣ въ это время происходила глухая сцена, въ которой два лица говорили не тѣмъ языкомъ, какимъ хотѣли.

Приходъ Чехлова въ такой ранній часъ для Александры Яковлевны былъ неожиданностью, тѣмъ болѣе ужасною, что ей было не до него. Когда она услышала его голосъ въ передней, сердце ея такъ сжалось, что нѣсколько минутъ она считала невозможнымъ выйти. Но это показалось ей малодушіемъ, которое надо было подавить. И она подавила и вышла въ залу, твердая, съ свѣтлымъ лицомъ.

Чехловъ стоялъ по серединѣ комнаты. Здороваясь, онъ избѣгалъ встрѣтиться съ ея глазами, но черезъ мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились, и они оба почувствовали состояніе другъ друга. Она увидала, зачѣмъ онъ пришелъ, и въ ужасѣ спрашивала себя: чѣмъ она могла подать поводъ для такой любви? А онъ понялъ, что она увидала его любовь. Она наскоро рѣшила, какъ ей поступить, а онъ рѣшился—ни однимъ словомъ не намекнуть о своей страсти («пусть она думаетъ, что ошиблась!»), но за то все узнать, и непремѣнно сейчасъ, о своей судьбѣ, иначе сердце его не выдержитъ испытанія. И, подавивъ страшнымъ усиліемъ свое волненіе, онъ сдѣлалъ лицо почти насмѣшливымъ.

— Неужели вы изъ города?—сказала Александра Яковлевна первое, что пришло ей въ голову.

— Нѣтъ, я переночевалъ въ деревнѣ у мужика... Вчера мнѣ не дали поговорить съ вами и я рѣшился дожидаться утра,—сказалъ Чехловъ насмѣшливо.

— Но теперь-то уже намъ никто не помѣшаетъ. Въ чемъ дѣло?—спросила Александра Яковлевна и вся замерла отъ ожиданія.

— Да дѣла-то, кажется, никакого... Я пришелъ проститься съ вами, потому что уѣзжаю надолго... Впрочемъ, мнѣ хотѣлось узнать, какъ вы обо мнѣ думаете. Вѣдь, я очень самолюбивъ, когда дѣло идетъ о вашемъ мнѣніи. Но, кажется, я и сегодня попалъ не во-время?

Онъ опять насмѣшливо улыбнулся, хотя лицо его было страшно блѣдно.

— Мы какъ будто съ вами сговорились... Вѣдь, я и также

уѣзжаю, и также хотѣла проститься съ вами, — отвѣтила Александра Яковлевна.

Мгновенно вся кровь бросилась ему въ лицо, а глаза запылали страшною надеждой. Онъ пылко смотрѣлъ на Александру Яковлевну.

— Куда уѣзжаете? — сказалъ онъ слабымъ голосомъ и чувствовалъ, что сейчасъ все будетъ кончено.

Волнуясь и путаясь, съ величайшею поспѣшностью Александра Яковлевна рассказала свое рѣшеніе. Она уѣзжаетъ окончивать курсъ. Въ эти годы она забыла обо всемъ на свѣтѣ, убитая горемъ, но теперь то же горе подсказало ей, что надо дѣлать. Она кончить курсъ на врача. Если ей нельзя будетъ сдѣлать этого въ Россіи, она немедленно уѣдетъ за границу. Дальше что будетъ, она не знаетъ. Но, по всей вѣроятности, она поселится въ деревнѣ и будетъ лечить дѣтей. Во имя умершаго своего мальчика она выберетъ своею специальностью дѣтскія болѣзни.

— Не подумайте, — кончила она взволнованно, — что я смотрю на все это какъ на прекрасную мечту! Это простое дѣло, и я его выполню. Въ эти годы я убѣдилась, какъ страшно оставаться безъ цѣли, хотя бы и маленькой.

По мѣрѣ того, какъ Чехловъ слушалъ эти слова, сердце его умирало отъ холода. Почувствовавъ внезапную слабость, онъ опустился на первый попавшійся стулъ и съ минуту сидѣлъ съ закрытыми глазами. Александра Яковлевна еще разъ спросила себя при видѣ Чехлова: «Боже мой! Неужели я сама могла подать поводъ для такого страданія?»

Но лишь только Чехловъ замѣтилъ жалость на ея лицѣ, какъ еще разъ овладѣлъ собою. Еще разъ, при помощи замричавшаго самолюбія, онъ побѣдилъ волненіе и страсть и вызвалъ холодную кашмѣрку на свое лицо.

— А я-то думалъ, что вы дѣйствительно пойдете по моему пути! А вы только идете «окончить курсъ»! — замѣтилъ онъ ядовито.

— Какою же вашъ путь?

— Мой путь тотъ, гдѣ правда и любовь!

Александра Яковлевна отрицательно покачала головой.

— Вы вдвойнѣ, Денисъ Петровичъ, заблуждаетесь, — сказала она торопливо. — Относительно меня и относительно вашего пути... Отвѣтъ на первое вы уже знаете, а второе...

Александра Яковлевна остановилась. Она отъ всей души хотѣла дружески проститься съ человекомъ, которому за многое бы-

ла глубоко благодарна, и ни одного рѣзкаго слова ей не хотѣлось бы въ эту минуту сказать ему. Но онъ холодно переспросилъ:

— Какое же второе заблужденіе?

— Вамъ очень многое дано, но только не любовь... Именно любви-то къ людямъ и нѣтъ у васъ!—выговорила она съ усиленіемъ.

Въ другое время эти слова поразили бы его, какъ внезапное оскорбленіе; но теперь ему было не до того; онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Онъ только наблюдалъ, что дѣлается у него внутри и какъ смертельно холодѣетъ его сердце.

Раскаиваясь за свои слова, исполненныя состраданія, Александра Яковлевна вскричала:

— Простите мнѣ, Денисъ Петровичъ! Я благодарна за все, за все!... Сами вы и не подозреваете, какъ много вы для меня сдѣлали... Но только не любовью... Я за другое благодарна вамъ.

Чехловъ чувствовалъ, что еще мгновеніе—и все его самолюбіе, вся гордость и насмѣшливость пронадутъ, и онъ потеряетъ послѣднія силы. Онъ быстро всталъ и, протягивая руку, холодно сказалъ:

— Ну, довольно, Александра Яковлевна! Пора. Прощайте!

И, почти не пожавъ ея руки, онъ быстро вышелъ изъ дому.

Александра Яковлевна долго слѣдила за нимъ глазами, когда онъ шелъ по дорогѣ къ вонзалу, и ждала, когда онъ оглянется, чтобы еще разъ проститься съ нимъ, но онъ ни разу не оглянулся. Напротивъ, чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ, казалось, быстрѣе были его шаги. Наконецъ, опущенная голова его скрылась за поворотомъ.

Тогда Александра Яковлевна отошла отъ окна, постояла нѣсколько мгновеній по срединѣ комнаты, съ печальнымъ отъ состраданія лицомъ, и вдругъ рѣшилась разомъ ужъ все кончить.

Хординъ лежалъ ничкомъ на кушеткѣ и не могъ поднять головы, страдая отъ какого-то душевнаго безразличія; онъ лежалъ безъ цѣли, безъ желанія, безъ мыслей. Но вдругъ онъ услышалъ, какъ кто-то отворилъ его дверь, быстро подошелъ къ нему и нѣжно положилъ руку на его голову. Онъ вскочилъ съ мѣста и очутился передъ женой. Онъ смотрѣлъ на нее и ничего не понималъ. Она первая заговорила:

— Я обидѣла тебя вчера... прости!

Онъ продолжалъ смотрѣть и не понималъ.

— Можетъ быть, и ты виноватъ, но зачѣмъ теперь это разбирать? Прости!... Намъ нечего больше дѣлать и не о чемъ спорить!...—продолжала взволнованно Александра Яковлевна.

Онъ молча слушалъ и опять не понималъ, къ чему это.

— Я хочу уѣхать на-дняхъ. Не отъ тебя, но чтобы кончить давнишнее мое дѣло. Для меня это неизбежно, а, можетъ быть, и для тебя будетъ лучше,—продолжала Александра Яковлевна и поспѣшно, но съ мельчайшими подробностями стала рассказывать о своихъ намѣреніяхъ и рѣшеніи. При этомъ она тихо усадила мужа на кушетку, сѣла сама съ нимъ рядомъ и гладила своею рукой его руку. Она долго говорила и кончила только тогда, когда упомянула имя Андрюши.

Хордины все молчалъ, смотрѣлъ въ полъ и болѣзненно улыбался, какъ будто говоря: «Къ чему это? Все это я уже знаю!» Наконецъ, онъ спросилъ съ болною улыбкой:

— Ты съ нимъ уѣзжаешь?

Александра Яковлевна вспыхнула, но безъ злобы, и отрицательно покачала головой.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и повторилъ свой вопросъ:

— Развѣ ты не съ нимъ уѣзжаешь?

Она могла бы притвориться не понимающей вопроса, но она просто сказала:

— Ты не долженъ такъ думать! Чѣмъ я подала тебѣ поводъ заподозрить меня во лжи?

Тогда онъ широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ на нее съ минуту, потомъ покраснѣлъ до корней волосъ и закричалъ:

— Такъ это не правда?!

И, еще разъ взглянувъ въ ея открытое, честное лицо, онъ съ восторгомъ бросился цѣловать ей руки, лицо, голову. Она уѣзжаетъ—это правда, но только не съ тѣмъ... Мысль о Чехловѣ такъ была ненавистна и мучительна для него, что теперь онъ отъ счастья не зналъ, что дѣлать и говорить.

— Поѣзжай, поѣзжай!... Ради Бога. Вѣдь, я самъ знаю, что твое мѣсто не здѣсь... Тебѣ было скучно, тяжело, отвратительно. Развѣ это я самъ не понималъ?... Но, вѣдь, я не могъ же за тебя рѣшить... Уѣзжай, ради Бога! Работай. Это бы давно нужно сдѣлать... Отчего ты раньше, милая, не сказала? Неужели ты думала, что я не соглашусь? Неужели уже такъ низко упалъ я въ твоихъ глазахъ, что ты не вѣрила въ простую порядочность мою? Ради Бога, моя милая, ступай, работай, я только тогда счастливъ буду, когда увижу тебя счастливою.

Онъ обезумѣлъ отъ радости и говорилъ безсвязно.

Черезъ часъ въ домъ все успокоилось.

А черезъ два дня Александра Яковлевна уже ѣхала на станцію съ вещами. Ее провожали мужъ и Буреевъ. Настроеніе всѣхъ

троихъ было счастливое. Хординъ сѣлъ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ тотъ часъ, когда она сказала ему, что ѣдетъ не съ *тѣмъ*. Онъ съ любовью смотрѣлъ на ея лицо и былъ вполне доволенъ ея отвѣдомъ.

Только когда они въ послѣдній разъ простились, и поѣздъ ушелъ, и онъ остался одинъ, внезапная грусть овладѣла имъ. Буреевъ съ поѣдороги повернулъ въ свою усадьбу, и онъ совсѣмъ одиноко возвращался домой. Онъ вѣрилъ каждому слову жены; онъ вѣрилъ, когда она говорила, что будетъ прїѣзжать, но какъ же онъ станетъ проводить цѣлые мѣсяцы? Развѣ это не тяжело? Онъ теперь вѣчно будетъ одинъ.

И онъ грустно смотрѣлъ на желтыя поля. Кругомъ, во всей природѣ, казалось, разлилась такая скука, что не хотѣлось смотреть ни на что. Но вдругъ, неизвѣстно почему, ему вспомнилась хорошенькая бабенка, которая то и дѣло въ послѣднее время попадалась ему въ глаза. Она была солдатка, жила въ деревнѣ, часто нанималась въ усадьбу на работы и—ахъ, бестія, хороша!—подумалъ онъ, улыбнулся и грусть его немного успокоилась.

XI.

Когда Чехловъ шелъ черезъ поле къ вокзалу, насмѣшка все еще рисовалась на его лицѣ. Это была та насмѣшка, которая является у человѣка въ то время, когда онъ внезапно былъ выруганъ или споткнулся, упалъ на землю, больно ушибся и, торопливо поднявшись, оглянулъ прохожихъ, не смѣется ли кто?... За такую насмѣшкой всегда скрывается мука и ярость. Эта насмѣшка—плодъ того лицемѣрія, съ которымъ человѣкъ не можетъ разстаться даже передъ самимъ собой.

Чехловъ лицемѣрилъ.

Идя черезъ поле, онъ низко опустилъ голову, но презрительно улыбался. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что *она* поставлена имъ въ такое глупое положеніе... Она, конечно, уже приготовилась слушать его признаніе, а, вмѣсто этого, услышала отъ него лишь нѣсколько ядовитыхъ колкостей! Она ждала, быть можетъ, что онъ въ цѣлой рѣчи выскажетъ ей свою любовь, а онъ только смѣялся, глядя на нее! Она, навѣрное, ждала слезъ, волненія, мольбы, бурнаго отчаянія, а онъ тихо и холодно ушелъ!... Пусть теперь она ждетъ его! Пусть глушцы плачутъ передъ женщиной, для него это только одинъ изъ тѣхъ идиотовъ, которыхъ онъ сбрасываетъ съ ихъ пьедесталовъ!

Опустивъ голову, Чехловъ быстро зашагалъ по дорогѣ, продолжая презрительно улыбаться.

Онъ всегда презиралъ женщину, а теперь въ особенности. Было время, когда она была только самка, какъ у животныхъ. Потомъ раба. Потомъ божество. Теперь источникъ наслажденій. Сообразно съ этими мужчина играли поочередно роли животного, разбойника, язычника и развратника. Какія презрѣнныя роли! Но, вѣдь, иначе и быть не можетъ. Кто видитъ только наслажденія, тотъ кончитъ развратомъ; кто увидитъ въ женщинѣ нѣчто священное, тотъ забудетъ о другихъ богахъ; кто подчиняетъ себя ея физической силой, тотъ рабовладѣлецъ. Между женщиной и женщиной естественны только животныя отношенія... но какъ это гнусно! Разумъ протестуетъ противъ всѣхъ животныхъ дѣяній, и надо слушаться его протестовъ. Наслажденіе—хищный звѣрь, котораго надо убить, и худшее рабство, изъ котораго надо вырваться...

Еще ниже опустивъ голову, Чехловъ ускорилъ шагъ и мысленно уже клеймилъ злыми эпитетами женщину, которая сдѣлала его такимъ несчастнымъ.

Онъ подыскивалъ мысленно пороки ея и придумывалъ позорнѣйшія названія, чтобы ими забросать неработившій его образъ.. Она кокетка! Каждое слово ея было рассчитано, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе; ея улыбки, ея грусть, ея слезы, ея смѣхъ,— все это только средства нравиться. Слова и мысли женщины никогда не выражаютъ ея убѣжденій; она смотритъ на нихъ такъ же, какъ на преминья и бантики, украшающіе ея наружность... Слова и мысли—это только ея средства нравиться. Она эгоистка. Она можетъ неять только боли своей семьи, своихъ дѣтей; до остальныхъ ей нѣтъ дѣла. Она всегда продажна. Она любитъ человѣка только за то, что тотъ даетъ ей средства къ празднои жизни, удовлетворяетъ ея грубые вкусы, нотакаетъ ея низкимъ привычкамъ...

Онъ дошелъ до вокзала.

Пассажирскаго поѣзда въ эти часы не было. Тогда онъ потребовалъ у начальника станціи посадить его на товарный поѣздъ, который долженъ былъ придти черезъ часъ. Начальникъ станціи хладнокровно отказалъ бы въ такомъ несообразномъ требованіи въ другое время и другому человѣку, но требованіе Чехлова было такъ повелительно, а на лицѣ его рисовалась такая ярость, что начальникъ неизвѣстно чего струсилъ.

Получивъ позволеніе ѣхать съ товарнымъ поѣздомъ, Чехловъ сталъ быстро ходить по единственной залѣ станціи и мысленно продолжалъ ругать, ненавидѣть и позорить любимую женщину. Онъ

не обращалъ вниманія, гдѣ онъ и кто около него. Но когда замѣтилъ, что на него смотритъ сторожъ, онъ круто повернулъ къ выходной двери и прошелъ въ садикъ, разбитый возлѣ вокзала. Тамъ онъ сѣлъ и продолжалъ подбирать позорнѣйшія названія для той, которая живетъ тамъ, за холмомъ, гдѣ лѣсъ надъ оврагомъ...

Взглядъ его обратился туда, гдѣ была усадьба. Усадьбы не было видно, отъ нея виднѣлись только двѣ верхушки березъ, подъ которыми они такъ часто сидѣли. Онъ сталъ смотрѣть на эти верхушки, какъ будто въ нихъ что-то скрывалось, и вдругъ почувствовалъ, что сердце его наполняется какою-то горячею волной. Ярость его мгновенно пропала. Въ головѣ его еще звучало послѣднее бранное слово, но изъ глубины души уже поднималась и росла другая мысль, мгновенно затопившая всю его злобу. Но; вѣдь, это же неправда! — кричала новая мысль. — Эти добрые глаза не могутъ быть живыми! Эта чистая улыбка не лицемерна! Это блѣдное лицо съ чертами страданія можетъ быть только у глубокаго человѣка! Этотъ прямой, свѣтлый лобъ можетъ выражать только ясность мысли и чистоту помысловъ! Она ему улыбалась, когда другіе обращали къ нему свои злые лица, она дружески пожимала ему руки въ то время, какъ другіе гнали его отъ себя. Она до послѣдней минуты оставалась его единственнымъ другомъ посреди враговъ его, и онъ за это теперь ее позоритъ! И въ послѣднюю минуту онъ не захотѣлъ даже проститься съ ней!

Ему было такъ невыносимо-стыдно, что онъ уже порывался броситься снова въ усадьбу и въ послѣдній разъ проститься съ ней. Вѣдь, онъ больше никогда не увидитъ ее. Ея ужъ нѣтъ, она умерла для него... Но въ эту минуту подошелъ товарный поѣздъ, свистнулъ, и Чехловъ машинально зашагалъ къ вагонамъ, а черезъ небольшой промежутокъ времени онъ уже ѣхалъ въ городъ, невольно увлекаемый отъ тѣхъ мѣстъ, куда направлены были все его мысли. Въ головѣ и сердцѣ его насталъ такой хаосъ, что онъ потерялъ власть надъ сердцемъ. За минуту передъ тѣмъ онъ проклиналъ любимую женщину, теперь ея образъ вызывалъ въ немъ восторгъ и отчаяніе, онъ желалъ еще разъ увидеть ее и проститься, но съ каждою минутой уѣзжалъ все дальше и дальше. Онъ уѣзжалъ неизвѣстно куда, не зналъ, что долженъ дѣлать сейчасъ, и не имѣлъ ни одной опредѣленной мысли. Весь его разумъ сдѣлался игрушкой какой-то невѣдомой силы, которая неизвѣстно куда увлекала его. Онъ стоялъ на площадкѣ вагона, подставляя лицо вѣтру, и уже ни о чемъ не думалъ; изъ хаоса его души нельзя было извлечь ни одной опредѣленной мысли, ни одного цѣльнаго желанія.

Но мало-по-малу въ затуманенной, полной безобразными обрывками головѣ его стало выдѣляться одно желаніе; оно сначала появилось въ странномъ видѣ, но чѣмъ болѣе оно разрасталось, тѣмъ разумнѣе казалось ему. Наконецъ, оно сдѣлалось настоятельною, неизбѣжною цѣлью, ради которой онъ только и ѣдет на этомъ поѣздѣ. Онъ желалъ увидѣть карточку Александры Яковлевны. Взять ее въ руки и тщательно рассмотреть. Тогда, какъ ему казалось, онъ все пойметъ; пойметъ, что ему думать и что дѣлать. Взять въ руки карточку и взглянуть на нее—это было нужно и неизбѣжно.

До города осталось полчаса, но онъ съ нетерпѣніемъ провелъ это время, то садясь на лавочку, то вставая. Однако, первое нетерпѣніе не мѣшало ему тутъ же обдумать, что онъ долженъ сдѣлать тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ; напротивъ, съ помощью возбужденія, онъ скорѣе все рѣшилъ. Онъ самъ не зайдетъ на квартиру къ Мизинцеву, а придетъ въ гостиницу, займетъ номеръ и оттуда пошлетъ слугу за своими вещами. Видѣть ему никого не нужно. Онъ долженъ быть одинъ. Да отъ этого, вѣдь, никто и не загруститъ, — кромѣ враждебныхъ или равнодушныхъ людей, здѣсь никого у него не было. Только она одна была его другомъ.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Войдя въ первую попавшуюся гостиницу, онъ занялъ номеръ, затѣмъ написалъ записку, адресъ, и послѣ устнаго объясненія отрядилъ слугу за своими вещами. При этомъ тщательно разъяснилъ, какія книги надо было взять, потому что карточка была положена именно въ одной изъ этихъ книжекъ. Карточку эту онъ выпросилъ у Александры Яковлевны съ мѣсяцъ тому назадъ, между шутками, и не придавалъ ей тогда значенія, но теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда слуга принесетъ ее.

Чтобы убить время, онъ заказалъ обѣдъ, но когда ему принесли, онъ почти не притронулся ни къ одному кушанью. Онъ ждалъ карточки. Наконецъ, слуга пріѣхалъ съ вещами, втащилъ ихъ въ номеръ, а книги, особо перевязанныя веревочкой, подалъ прямо ему въ руки. Кромѣ того, подалъ еще нѣсколько писемъ на его имя, накопившихся за послѣдніе дни. Чехловъ наскоро расплатился съ слугой, бросилъ письма на столъ и принялся перелистывать книги.

Карточка тотчасъ же нашлась. Онъ схватилъ ее въ руки и вперился въ нее взоромъ. На него смотрѣли оттуда добрые, вдумчивые и тоскующіе глаза, а лицо улыбалось ему дружески. У него оборвалось сердце отъ этого взгляда и отъ этой улыбки. Такъ вотъ кого онъ потерялъ! И, вѣвъ себя отъ отчаянія, онъ поцѣловалъ карточку, быстро завернулъ ее въ попавшуюся бумагу и уложилъ въ карманъ.

Для него теперь все стало ясно, онъ не можетъ навсегда разстаться съ ней! Пусть она не будетъ его женой, пусть ихъ будетъ раздѣлять другой человѣкъ, сотни другихъ людей, и время, и пространство, но онъ долженъ жить ею и для нея. Хотя бы только дружбой ея, но онъ долженъ пользоваться. Она побѣдила. Всѣ его помыслы ей принадлежать. У него больше нѣтъ ни гордости, ни самолюбія, ни идеи, ни ученія для нея, только она, любимая, существуетъ. Нѣтъ ничего, ни гордости, ни сознанія превосходства, ни чувства удовольствія, ни упоенія идеями, если ея не будетъ подлѣ него. Все важно только потому, что она существуетъ. Она побѣдила. Онъ не можетъ ее ни забыть, ни возненавидѣть.

Онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ и въ сильныхъ выраженіяхъ унижалъ себя. Подобно тому, какъ нѣсколько часовъ назадъ онъ подыскивалъ бранныя и презрительныя названія любимой женщины, такъ теперь съ тою же силой онъ клеймилъ себя. Передъ нимъ въ живомъ образѣ стояла она и ярко обнаруживала свою сердечность, простоту, добрые глаза, тоскливое лицо, а онъ передъ ней казался злымъ, суетнымъ, тщеславнымъ, лицемернымъ. Онъ припомнилъ всѣ свои вины и позорилъ себя всѣми способами, и въ этомъ униженіи находилъ ужасное счастье.

И самое огромное униженіе—это невозможность забыть ее, выбросить ее изъ памяти и успокоиться. Онъ не могъ, это было ясно, не думать о ней и не могъ безъ страха представить свою жизнь безъ нея. Но это ужасное униженіе было, въ то же время, и самымъ счастливымъ. Онъ съ какимъ-то восторгомъ смотрѣлъ на свое рѣшеніе—во что бы то ни стало жить ею и подлѣ нея и унижаться мыслью, что самъ онъ исчезъ въ другомъ человѣкѣ, жизнь котораго-отнынѣ будетъ его цѣлью, его душой, его бытіемъ.

Шагая по комнатѣ до самаго вечера, онъ не чувствовалъ ни усталости, ни душевной муки. Принятое имъ рѣшеніе ни въ какомъ случаѣ не разставаться съ любимой женщиной дало ему не только счастье, но и нечувствительность ко всему другому. Онъ забылъ, гдѣ онъ и чтѣ съ нимъ происходитъ. Только твердо помнилъ, что надо дѣлать впереди.

Во-первыхъ, онъ больше не станетъ добиваться невозможнаго, — придетъ время, она оцѣнитъ его. Во-вторыхъ, онъ ни однимъ словомъ не скажетъ ей ничего о своемъ чувствѣ, которое пусть молчитъ, пока не придетъ время. Онъ только поѣдетъ туда, гдѣ будетъ она, и возобновитъ ея дружбу.

Съ этою мыслью онъ сѣлъ писать ей письмо, но помимо его воли письмо вышло слишкомъ длиннымъ и выраженія его слишкомъ пла-

женщины. Тогда онъ разорвалъ его и написалъ коротенькую, сухую записку, въ которой просилъ Александру Яковлевну дать ему свой адресъ.

Когда эта записка была написана, онъ вдругъ увидалъ, что ужъ поздно. И тутъ только почувствовалъ, какъ онъ усталъ и разбитъ. Онъ въ изнеможеніи легъ на кровать. Но эта усталость и это изнеможеніе вливали въ его сердце невыразимое счастье. Онъ чувствовалъ общую слабость—душевную и тѣлесную, но, въ то же время, утихавшая этою слабостью, прекратившею болѣзненное напряженіе его воли. Въ такомъ состояніи онъ заснулъ.

Спалъ онъ одѣтый. Проснулся очень рано, отъ какой-то щемящей боли во всемъ тѣлѣ. Вскочивъ съ постели, онъ тотчасъ же припомнилъ все, о чемъ передумалъ вчера, и почувствовалъ то же душевное изнеможеніе, но уже безъ восторга и счастья. Утро какъ будто разсѣяло туманъ, онъ ясно сознавалъ, что вчерашнее его рѣшеніе—иллюзія, которму нельзя жить. Для него стало также ясно, что онъ разбитъ и ему надо оправиться отъ погрома.

Поборовъ усиліемъ воли малодушную слабость, онъ бросился къ умывальнику и сталъ лить на голову холодную воду. Потомъ позвонилъ слугу и велѣлъ дать чаю. Это освѣжило мрачныя его мысли. Послѣ того слуга принесъ приборъ; онъ, сидя за чаемъ, снова вынулъ карточку, пристально взглянулся въ нее и мало-помалу въ его головѣ прошелъ весь тотъ рядъ мыслей, который вчера взволновалъ его. И немного спустя онъ уже опять вѣрилъ, что не все для него пропало, что онъ тотчасъ начнетъ переписку съ Александрой Яковлевной, возобновитъ ея дружбу и поѣдетъ за ней всюду, гдѣ будетъ она. Развѣ онъ чѣмъ связанъ? Онъ можетъ жить тамъ, гдѣ хочетъ. Ни отъ кого и ни отъ чего онъ не зависитъ, почему же ему не поѣхать туда, куда она поѣдетъ? Онъ пытливо глядывался въ черты лица на карточкѣ и хотѣлъ какъ вчера прильнуть къ нимъ губами, но не сдѣлалъ этого, удержанный какою-то стыдливостью при утреннихъ лучахъ солнца...

Снова страстная грусть и счастливая слабость овладѣли имъ. Онъ уже опять вѣрилъ, что принятое имъ рѣшеніе—не иллюзія, а единственное и неизбѣжное дѣло. Только теперь, утромъ, соображенія его были болѣе практичны. Онъ обдумывалъ ближайшее дѣло, какое ему предстоитъ. Прежде всего, онъ вспомнилъ о написанномъ писемѣ, запечаталъ записку въ конвертъ, написалъ адресъ и для выигрыша времени рѣшилъ тотчасъ же отнести его прямо на поѣздъ. Но въ это время онъ замѣтилъ нѣсколько писемъ, принесенныхъ вчера отъ Мизинцева и брошенныхъ имъ на столъ. Надо бы-

до теперь пересмотрѣть ихъ, и онъ сталъ поочередно раскрывать конверты.

Первое письмо, раскрытое имъ, было отъ знакомаго единомышленника, на двухъ мелко исписанныхъ листкахъ. Все письмо состояло изъ теоретическихъ споровъ объ ученіи, которое еще нѣсколько дней назадъ онъ считалъ самымъ важнымъ и единственнымъ дѣломъ своей жизни. Но въ эту минуту, читая знакомые споры о знакомыхъ идеяхъ, онъ съ трудомъ слѣдилъ за мыслью автора; эта мысль казалась ему такою чужой и неважною, какъ будто прошло уже много лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ пережилъ другія мысли. Нетерпѣливо пропуская строчки, онъ слѣшилъ поскорѣе дочитать скучные споры до конца. Онъ сознавалъ, что не долженъ съ такимъ равнодушіемъ относиться къ мыслямъ, которыя были его собственныя мысли, но, въ то же время, не въ силахъ былъ подавить это нетерпѣливое равнодушіе и осторожно свернулъ письмо. Не ученіе его теперь занимало и не до теоріи ему было.

Чувствуя, что въ душѣ его начинается какой-то вопіющій разладъ и борьба, слѣдующія письма онъ уже разрывалъ раздраженно, наскоро прочитывалъ ихъ и бросалъ. То же самое онъ хотѣлъ сдѣлать и съ послѣднимъ заказнымъ письмомъ, разорвалъ его конвертъ и уже хотѣлъ отбросить отъ себя, чтобы поскорѣе отправиться на поѣздъ, но внезапно глаза его остановились на немъ.

Оно было написано на бланкѣ знакомаго банка, гдѣ лежали на текущемъ счету всѣ его деньги, и состояло всего изъ нѣсколькихъ строчекъ; перечитавъ эти строчки, онъ сначала ничего не понялъ. Скверный официально-конторскій языкъ его былъ такъ теменъ, что свѣжему человѣку дѣйствительно трудно было понять его въ одно мгновеніе, а Чехлову, душа котораго цѣликомъ занята была другимъ образомъ, въ особенности. Онъ еще разъ перечиталъ единственный періодъ письма и опять ничего не понялъ. Но на этотъ разъ не понялъ отъ изумленія, равносильнаго испугу... Какое-то управленіе извѣщало («имѣю честь извѣстить») господина Дениса Петровича Чехлова, что, въ виду приостановки дѣйствій банка г. Н., объявившагося несостоятельнымъ, и назначенія судебного разслѣдованія, начатаго вслѣдствіе незаконности его операций, выдача вкладчикамъ и кредиторамъ причитающихся имъ суммъ прекращена впредь до выясненія актива и пассива банка... Вслѣдъ за этими скверными строчками была какая-то подпись, которую, по обыкновенію, нельзя было разобрать. Больше ничего.

Чехловъ еще разъ сначала прочиталъ, причемъ убѣдился, что это вовсе не бланкъ его банка, а какой-то другой. Потомъ его по-

разила мысль, что ему не прислали ожидаемых денег. Недѣлю тому назадъ онъ послалъ требованіе въ банкъ о присылкѣ ему небольшой суммы денегъ, и вотъ, вмѣсто этихъ денегъ, пустое письмо съ какимъ-то сквернымъ содержаніемъ. Не въ состояніи будучи еще понять весь размѣръ содержанія письма, онъ только пораженъ былъ фактомъ неимѣнія денегъ, которыя были крайне необходимы для него сейчасъ. У него нечѣмъ было расплатиться за номеръ и обѣдъ, а, между тѣмъ, ему надо ѣхать. Къ кому обратиться? Здѣсь у него одни только недоброжелатели, которыхъ онъ самъ презираетъ. Всякій изъ нихъ только обрадуется его глупому положенію и скажетъ: «Да вамъ зачѣмъ деньги-то? вѣдь, вы считаете ихъ развратомъ!» Если же онъ скажетъ, что ему надо ѣхать, то ему возразятъ насмѣшливо: «Да вамъ зачѣмъ ѣхать-то? вѣдь, вы предпочитаете ходить пѣшкомъ!»

Но эти мысли смутно пронеслись и не остановили его вниманія. Вниманіе его приковано было къ поразительному факту: онъ не можетъ ни выбраться изъ гостиницы, ни уѣхать изъ города, потому что нѣтъ средствъ. Ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни въ вагонѣ онъ не можетъ уйти отсюда, потому что нѣтъ нѣсколькихъ рублей... Онъ сталъ быстро ходить по номеру и ломать голову, какъ быть, къ кому обратиться. Положеніе смѣшное, но отвратительное!

Вдругъ ему на память пришелъ Буреевъ. Почему Буреевъ—неизвѣстно. Онъ еще вчера презрительно смотрѣлъ на Буреева, какъ на всѣхъ. Но сейчасъ одинъ только Буреевъ сосредоточилъ на себѣ его вниманіе.

Но онъ долго колебался, прежде нежели отправиться съ просьбой къ Бурееву. Самолюбіе его вдругъ заняло при мысли, что онъ явится униженнымъ просителемъ передъ этимъ насмѣшникомъ. Нѣсколько времени онъ нерѣшительно стоялъ у окна. Потомъ онъ взялъ опять скверное письмо въ руки и еще разъ внимательно перечиталъ его. И тутъ только понялъ весь огромный смыслъ его. Оно, наконецъ, объяснило ему, что, быть можетъ, всѣ средства его пропали вмѣстѣ съ банкомъ, что онъ теперь голый бѣднякъ.

Онъ остолбенѣлъ отъ такого открытія и съ искаженною улыбкой разсматривалъ письмо.

Но это же открытіе заставляло его рѣшиться на что-нибудь. Онъ рѣшился идти къ Бурееву. Внѣ себя отъ возбужденія, онъ бросился изъ гостиницы, взялъ извозчика и поѣхалъ искать по городу Буреева. Последняго могло въ городѣ совсѣмъ не оказаться; но онъ тутъ же, сидя на извозникѣ, рѣшилъ, что поѣдетъ къ нему

въ усадьбу. Но у него могло не хватить нѣсколькихъ копѣекъ на билетъ до N—ской станціи. Онъ тутъ же, на извозничьей пролеткѣ, пересчиталъ свои деньги. Оказалось, на билетъ хватить.

Онъ подъѣхалъ къ крыльцу дома, гдѣ всегда останавливался Буреевъ. Черезъ минуту послѣ его звонка ему сказали, что Буреева нѣтъ дома. «Но онъ въ городѣ?»—спросилъ Чехловъ. Оказалось, въ городѣ, но гдѣ, неизвѣстно, и когда придетъ—тоже неизвѣстно. «Но хоть къ вечеру онъ придетъ?»—спросилъ взволнованный Чехловъ. Сказали, что, быть можетъ, придетъ, но можетъ и до утра не придти. «А завтра утромъ онъ во всякомъ случаѣ будетъ здѣсь?»—спросилъ Чехловъ, выходя изъ себя отъ возбужденія.

— Да кто его знаетъ! Надо быть, утромъ застанете. Но бываетъ—онъ прямо возьметъ, да уѣдетъ въ деревню... всяко бываетъ!—лѣнливо говорила кухарка и лѣнливо же поглядывала на незнакомаго барина, который, видимо, отчего-то осерчалъ. Но вдругъ она съ нѣкоторымъ интересомъ спросила:

— Да вы чьи будете?

— Свой!—въ бѣшенствѣ сказалъ Чехловъ, отпустилъ извозчика и пошелъ, самъ не зная куда.

На самомъ дѣлѣ онъ былъ далеко не свой. Онъ такъ мало въ эту минуту принадлежалъ себѣ, что даже не сознавалъ, что съ нимъ творится. Онъ сознавалъ только идиотское положеніе, но гдѣ его начало, откуда оно, это идиотское положеніе, идетъ и чѣмъ кончится, онъ не понималъ. Да и некогда было добираться. Онъ быстро шелъ по улицѣ и не зналъ, зачѣмъ именно по этой улицѣ идетъ и куда сѣсть. Въ головѣ его вертѣлась сутолока мыслей, сердце обливалось злобой и раздраженіемъ. Онъ смѣло шагалъ неизвѣстно куда.

Вдругъ на одномъ поворотѣ онъ почти носъ къ носу столкнулся съ Буреевымъ: онъ сначала остолбенѣлъ, но вслѣдъ затѣмъ порывисто пожалъ ему руку. Еще черезъ мгновеніе онъ уже устыдился этого радостнаго порыва, какъ выраженія эгоизма, и, насколько могъ, спокойно обратился къ Бурееву съ словами:

— А я у васъ былъ сейчасъ.

Буреевъ приподнял брови отъ удивленія.

Но Чехловъ, не останавливаясь, сквозь зубы рассказалъ, зачѣмъ онъ приходилъ. Онъ ничего не сказалъ ни о письмѣ, ни о скверномъ положеніи, въ которомъ очутился внезапно, а прямо обратился съ просьбой денегъ, крайне ему необходимыхъ въ эту минуту.

Буреевъ пересталъ улыбаться и заволновался.

— Вот так штука!.. А у меня, какъ на зло, ни копѣйки!— сказалъ онъ торопливо.

Потомъ еще пуще заволновался, метнулся рукой въ карманъ, но тотчасъ же выдернулъ ее оттуда.

Чехловъ угрюмо смотрѣлъ на него.

Подъ этимъ подозрительнымъ взглядомъ добродушный Буреевъ окончательно потерялся.

— Да вамъ скоро нужно?

— Въ пѣзду,—глухо выговорилъ Чехловъ и смотрѣлъ въ лицо Буреева.

Буреевъ вытаращилъ глаза, очевидно, ломая голову надъ вопросомъ, что тутъ дѣлать. Но черезъ мгновеніе онъ вдругъ засмѣялся весело, свистнулъ и, схвативъ Чехлова за руку, потащилъ его назадъ.

— Идемъ!... Надо что-нибудь дѣлать... Мы вотъ что сдѣлаемъ: вы идите ко мнѣ и посидите малость, а я толкнуусь къ одному тутъ человѣку... бо-ольшая скотина! ну, да чертъ съ нимъ, надо поклониться!... Идите и успокойтесь... живо все устроимъ!

Буреевъ выговорилъ это торопливо, несвязно и пустился почти бѣгомъ по другой улицѣ.

Чехловъ машинально шелъ назадъ. Онъ отыскалъ тотъ домъ, въ которомъ за нѣсколько времени назадъ стучался, вошелъ въ квартиру, сѣлъ и сталъ ждать. Раздраженіе и испугъ его на время прошли, но за то сердце его сжалось отъ какой-то новой тоски. И не настоящая тоска это была, а какой-то унижительный срамъ. Онъ ярко представилъ себѣ взволнованное, горячее лицо Буреева, внезапно принявшаго участіе въ чужомъ человѣкѣ, и почувствовалъ себя настолько униженнымъ, что гордая голова невольно опустилась, пока онъ дожидался прихода хозяина.

Немного погодя послѣдній съ шумомъ ворвался въ комнату.

— Даль-таки, подлець!—съ радостью крикнулъ онъ и передалъ Чехлову пачку денегъ.

Смѣющееся лицо его было красно,—видимо, онъ торопился и бѣжалъ.

Чехловъ вскочилъ съ мѣста и стремительно пожалъ ему руку. Но, взволнованный, онъ не нашелъ ни одного слова благодарности. Назначивъ срокъ уплаты долга, Чехловъ простился и ушелъ.

Въ гостиницѣ онъ быстро собрался, заплатилъ по счету и поѣхалъ на вокзалъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ, сжигаемый любимымъ образомъ женщины, онъ только о ней одной думалъ и свою дальнѣйшую жизнь обдумывалъ только виѣстѣ съ ней и ради

ней; она сдѣлалась необходимымъ центромъ, вокругъ котораго вертѣлись всё его мысли. Но сейчасъ этотъ образъ потемнѣлъ въ его душѣ, вытѣсненный другимъ представленіемъ,—представленіемъ подлымъ и безобразнымъ, но сильнымъ и живучимъ. Онъ даже забылъ бросить въ ящикъ письмо, казавшееся утромъ такимъ важнымъ. Когда по дорогѣ онъ вспоминалъ о немъ, то твердилъ себѣ: «Послѣ, послѣ, когда вотъ это устроится»...

Это—были его денежные средства. Ихъ внезапное разстройство нанесло ему такой ударъ, что все вниманіе его сосредоточилось на другихъ образахъ и мысляхъ. Рѣшеніе ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ былъ его банкъ, явилось у него внезапно, какъ внезапно пришло къ нему и само извѣстіе о крушеніи его средствъ. Онъ, не думая, тотчасъ убѣдился въ необходимости ѣхать и на мѣстѣ выяснитъ свое положеніе.

Дорога длилась болѣе сутокъ и во все это время голова его занята была подлымъ дѣломъ. Онъ потерялъ хладнокровіе, покой и сознаніе своей силы. Низкое дѣло, которое онъ долженъ былъ обдумывать подъ лязгъ и свистъ поѣзда, придавило его. Онъ давалъ себѣ слово не думать объ этомъ и, сидя въ вагонѣ, среди незнакомаго общества, онъ иногда забывался и дремалъ подъ невнятный говоръ окружающихъ его пассажировъ, но лишь сознаніе возвращалось къ нему, какъ низкое, подлое несчастіе, обрушившееся на него, овладѣвало всѣми его мыслями и принижало его гордость.

Онъ почти не сомнѣвался уже, что средства его безвозвратно погибли. Онъ бѣднякъ. Отнынѣ онъ долженъ будетъ думать о квартирѣ, объ одеждѣ, о хлѣбѣ и о томъ, какъ все это добыть,—прежде и больше всего объ этомъ. Отнынѣ онъ будетъ жертвой всѣхъ и всего. Потому что бѣднякъ—это сплошная жертва людей и обстоятельствъ, которые всецѣло распоряжаются имъ... И мысли Чехлова принимали мрачный цвѣтъ.

Съ нимъ рядомъ въ вагонѣ сидѣлъ какой-то лохматый, грязный мужичокъ, съ выпцвѣтшими глазами, но съ довольнымъ выраженіемъ на черномъ лицѣ; онъ, впрочемъ, больше спалъ, чѣмъ бодрствовалъ; для этого онъ зализалъ подъ лавку, чтобы никому не мѣшать, и громко храпѣлъ тамъ; когда приходило время поѣсть, онъ живо садился на лавку, вынималъ бѣлый хлѣбъ и съ наслажденіемъ жевалъ его, поглядывая на Чехлова; но лишь только онъ клалъ въ ротъ послѣднія крошки, упавшія на колѣни, какъ опять зализалъ подъ лавку, нѣсколько минутъ счастливо икалъ и засыпалъ. Во время осмотра билетовъ кондукторъ будилъ его ногой;

мужикъ испуганно вскакивалъ, каждый разъ долго шарилъ, разыскивая билетъ въ единственномъ своемъ мѣшкѣ, но лишь только билетъ простирали, онъ опять успокоивался и беззавѣтно глаза его отражали равнодушное довольство.

Ни одного разу Чехловъ не заговаривалъ съ нимъ, но много думалъ о немъ, впрочемъ, не о немъ, а по поводу его, и о себѣ. «Вѣдь, вотъ это—жалчайшее существо, а доволенъ собой и жизнью!—думалъ Чехловъ.—Зачѣмъ же мнѣ-то бояться? Можно быть водовозомъ, батракомъ, но, все-таки, гордо держать голову и сохранять всѣ черты человѣка». Но когда онъ вспоминалъ, зачѣмъ ѣдетъ, какая подлая бѣда на него обрушилась, онъ забывалъ объ идеальной жизни водовоза. А когда опять вспоминалъ эту мысль, то она казалось ему уже не серьезной, лицемѣрной и глупой. Нельзя быть батракомъ и полнымъ человѣкомъ! Можно на всю жизнь посмотрѣть съ презрѣніемъ, растоптать ногами всѣ ея мнимыя и въ существѣ презрѣнныя блага, можно даже отказаться отъ матеріальной обеспеченности и досуга, но тогда сдѣлаешься отшельникомъ, а не работникомъ, не водовозомъ. Водовозъ—рабъ, а не человѣкъ,—рабъ хозяина, которому возить воду, рабъ лошади, на которой ѣздитъ, рабъ куска хлѣба, получаемого за воду, рабъ всѣхъ рабовъ, которые сильнѣе его. Нельзя быть жалкимъ работникомъ и носителемъ разума... Недаромъ Сократа поносила жена именами бездѣльника и лѣнтяя; для нея и Діогенъ, предпочитавшій, вмѣсто работы, собирать милостыню, былъ только негоднымъ бездѣльникомъ... И кто скажетъ, что жизнь водовоза самая лучшая изъ всѣхъ возможныхъ жизней, тотъ или обманщикъ самого себя, или лицемѣръ передъ другими.

Но эта главная мысль пробѣгала мимолетною полосой. Онъ занять былъ обдумываніемъ только того безобразнаго положенія, въ которое поставилъ его лопнувшій банкъ. При имени хозяина этого банка въ умѣ его раздавались проклятія и всею его душой овладѣвало такое бѣшенство, что только привычка всегда владѣть собою удерживала его въ молчаливой позѣ. Эта привычка еще не покинула его. Въ то время, какъ въ воображеніи проходилъ длинный рядъ гнѣвныхъ образовъ и картинъ, въ то время, какъ одно имя хозяина банка вызывало ярость въ немъ, — лицо его оставалось невозмутимымъ, застывшимъ.

Въ такомъ двойственномъ состояніи онъ пріѣхалъ на мѣсто. Не останавливаясь въ гостиницѣ, онъ отдалъ свои вещи на храненіе артельщику и прямо отправился въ банкъ. Онъ оказался за-

пертымъ. Швейцаръ далъ ему адресъ, куда обратиться за справками. Онъ пошелъ туда. Но тамъ ему ничего опредѣленнаго не сказали.

— Осталось ли хоть что-нибудь?—спрашивалъ онъ съ холодною улыбкой, вызвать которую онъ еще имѣлъ силу.

— Неизвѣстно пока ничего...

— Но, быть можетъ, ничего не осталось, тогда я и разговаривать не буду...

— Можетъ быть... копѣекъ двадцать на рубль какъ-нибудь наскребемъ. Оставьте свой адресъ,—когда все выяснится, мы васъ извѣстимъ.

Чехловъ не сталъ больше спрашивать и ушелъ. Онъ окончательно убѣдился, что средства его погибли. Если даже онъ получитъ эти двадцать копѣекъ, то жить нечѣмъ будетъ черезъ полгода. Когда онъ вышелъ изъ правленія по дѣламъ лопнувшего банка, ему вдругъ пришла мысль повидаться съ самимъ банкиромъ. Тотъ былъ на свободѣ, благодаря крупному денежному поручительству. Не то изъ любопытства, не то изъ чувства ненависти, но Чехловъ рѣшилъ повидаться съ банкиромъ и пошелъ на его квартиру, въ которой раньше бывалъ.

Банкиръ сидѣлъ дома. Это былъ кругленькій, чистый, съ сахарнымъ лицомъ старичокъ; выраженіе глазъ его всегда было невинное. Онъ весело встрѣтилъ Чехлова; розовое, счастливое лицо его сіяло. Онъ гостепріимно усадилъ гостя въ бархатное кресло и тотчасъ предложилъ ему кофе, сигаръ, или чего господинъ Чехловъ хочетъ. Послѣдній грубо отъ всего отказался и принялся въ рѣзкихъ словахъ допрашивать пріятнаго и невиннаго старичка. Послѣдній, однако, на всѣ вопросы только улыбался и отговаривался незнаніемъ отнятаго у него дѣла.

— Теперь не мое дѣло!... Если бы не вмѣшались, я блестяще окончилъ бы операціи, но теперь... ничего, ничего не знаю! Пускай вамъ объяснятъ тѣ, кто вмѣшался въ мои дѣла!

Чехловъ едва сдерживался. Пытливо разсматривая розовое лицо и невинные глаза пріятнаго старичка, онъ внутренне дрожалъ отъ бѣшенства. Онъ соображалъ въ эти минуты, какъ можно уничтожить такихъ людей. А что ихъ нужно уничтожать всѣми средствами, какъ клоповъ, въ этомъ онъ не сомнѣвался. И ему вдругъ пришло сильнѣйшее желаніе поколотить этого пріятнаго мошенника, и еще одна минута—и онъ бы удовлетворилъ свое желаніе... Но въ это время банкиръ сказалъ:

— Всѣ люди, господинъ Чехловъ, воры. Только одни воры ничтожны, другіе крупнѣе...

Чехловъ, не дослушавъ, что дальше хочетъ сказать старикъ, вскочилъ съ мѣста и видъ себя отъ злобы проговорилъ:

— Ну, довольно! Вы—подлецъ, а съ подлецами я не вступаю въ споры!

— Ай, ай, ай! какъ вы дурно выражаетесь, господинъ Чехловъ!—возразилъ спокойно старичокъ, но въ невинныхъ глазахъ его мелькнула пугливая злость, какъ у пойманнаго звѣрка.

Чехловъ, между тѣмъ, былъ уже у двери, хлопнулъ ею и вышелъ на улицу. Онъ опять не зналъ, куда такъ быстро идетъ. Но въ томъ возбужденномъ состояніи, какое онъ переживалъ, рѣшенія создаются внезапно. У него также явилось внезапное рѣшеніе. Еще не доходя до вокзала, онъ вспомнилъ о родинѣ, о матери, о братьяхъ и тотчасъ же рѣшилъ ѣхать къ нимъ. Если здѣсь у него пропали всѣ средства, то тамъ ему снова дадутъ. Онъ попроситъ настойчиво. Это было новое униженіе: уже около восьми лѣтъ онъ не былъ на родинѣ и ни разу за это время ему не пришло желанія повидать мать и братьевъ; онъ не нуждался въ нихъ; теперь онъ вспомнилъ о нихъ лишь потому, что больше не къ кому обратиться за помощью... Это новое униженіе, новый стыдъ, но онъ долженъ его вынести, чтобы, по крайней мѣрѣ, на будущее время освободиться отъ низкихъ помысловъ и страховъ за кусокъ хлѣба.

Когда онъ пришелъ на вокзалъ, въ его головѣ былъ уже цѣлый планъ поѣздки и тѣхъ переговоровъ съ родными, которыми онъ убѣдитъ обезпечить его. Онъ рассчиталъ, что ему лучше ѣхать по желѣзной дорогѣ только до М—ской станціи, а оттуда на пароходъ, удобства котораго поправятъ его нервы. Планъ успокоилъ его. Онъ даже вспомнилъ о хорошемъ обѣдѣ и заказалъ на вокзалѣ нѣсколько порцій. Во рту у него былъ мѣдннй осадокъ; во всемъ тѣлѣ чувствовалась страшная слабость; сильный организмъ его, видимо, подвергся жестокому потрясенію. Надо было успокоиться, отдохнуть.

Но покоя-то онъ и не могъ добиться. Онъ потерялъ власть надъ собой. Когда черезъ нѣсколько часовъ онъ снова уже мчался на поѣздѣ, въ головѣ его опять воцарился хаосъ, а сердце наполнялось попеременно то гнѣвомъ, то отчаяніемъ. При этомъ образъ любимой женщины, три дня назадъ еще такой яркой и могучей, теперь едва мелькалъ въ его воображеніи. То, что было третьяго дня, теперь казалось ему невозвратнымъ прошлымъ. Онъ разъ вынулъ карточку изъ кармана, бережно развернулъ ее, но взглядъ милыхъ

глазъ причинилъ ему острую боль, подобно тому, какъ причиняетъ боль любимая рука, прикоснувшаяся къ ранѣ. Онъ поспѣшилъ спрятать карточку. Даже и любить можно только тогда, когда есть здоровье; больная душа не можетъ любить; въ напуганномъ сердцѣ нѣтъ мѣста для счастья. Гадкія мелочи загрязняютъ самые чистые источники наслажденій... А теперь у него только эти гадкія тревоги и были.

На другой день онъ сѣлъ на пароходъ. Ему нестерпимо показалось общество людей; по привычкѣ, онъ все еще поддерживалъ на лицѣ холодное спокойствіе, даже улыбку, когда былъ между людьми; но это усиліе не могло долго продолжаться. Чтобы остаться одному, онъ занялъ отдѣльную каюту.

Очутившись одинъ, онъ далъ полную волю чувствамъ; разнужданны, онъ цѣлою толпой ворвались въ разбитый строй его мыслей и стали производить опустошеніе въ его головѣ. Ему уже нечѣмъ сдержать ни раздраженіе, ни гнѣвъ, ни тоску, ни отчаяніе; онъ отдался имъ: терзайте!—находя какое-то наслажденіе въ положеніи безоружной жертвы. При этомъ имъ очень сильно овладѣло одно предчувствіе, которое онъ старался подавить насмѣшкой, но вскорѣ бросилъ, понявъ бесполезность борьбы. Это предчувствіе и раньше его посѣщало и всегда сбывалось. Онъ замѣтилъ, что за періодомъ гордости у него всегда и неизбѣжно слѣдовалъ періодъ униженія; замѣтилъ также, что величина униженія всегда точно соотвѣтствовала величинѣ гордости; чѣмъ больше, бывало, онъ возносился, тѣмъ ниже вслѣдъ затѣмъ падалъ. Какъ будто какая-то невидимая рука наносила ему, слишкомъ возгордившемуся, ударъ и пригибала его къ землѣ... Такъ и теперь. Весь послѣдній годъ прошелъ для него въ сознаніи торжества, и онъ такъ выросъ, занесся въ собственномъ мнѣніи на такую недостижимую высоту, что всѣ остальные люди казались ему какими-то букашками, которыя боязливо ползаютъ по землѣ и среди которыхъ онъ долженъ съ трудомъ пробираться, чтобы какъ-нибудь нечаянно не раздавить какую-нибудь изъ нихъ. Но вотъ теперь появилась невидимая, роковая рука и стала наносить ему ударъ за ударомъ, низвергая его внизъ... Онъ уже испыталъ цѣлый рядъ униженій, но кончатся ли они?

Онъ предчувствовалъ, что нѣтъ. Онъ предчувствовалъ, что самый сильный ударъ ждетъ его еще впереди. Онъ пытался угадать его, приготовиться, но эти бесполезныя попытки привели его только къ тому, что въ сердцѣ его тайно поселилась боязнь чего-то.

Онъ вышелъ изъ каюты подышать свѣжимъ воздухомъ только

тогда, когда настала ночь и пассажиры поспитались по каютамъ или сидѣли въ общей залѣ. Были первые дни сентября; дулъ свѣжій, холодный вѣтеръ. Но Чехловъ не обращалъ вниманія на холодъ и долго ходилъ взадъ и впередъ по опустѣвшей палубѣ. Только когда дрожь стала нестерпимо пробирать его, онъ возвратился въ каюту. Чтобы согрѣться, онъ велѣлъ подать себѣ чаю. Но ознобъ и послѣ того не прошелъ. Тогда онъ позвонилъ и приказалъ принести рюмку коньяку, смѣшалъ ее съ чаемъ и выпилъ. У него закружилась голова и онъ задремалъ. Въ срединѣ ночи онъ проснулся. Въ головѣ былъ жаръ, тѣло нестерпимо зябло. Для него стало ясно, что во время прогулки онъ захватилъ какую-то болѣзнь. На него напала вдругъ страшная слабость, — слабость не только тѣла, но и сознания. Онъ пересталъ раздражаться и думать. Это доставило ему положительно пріятное ощущеніе. Завтра къ вечеру онъ долженъ былъ пріѣхать къ роднымъ, и у него уже мелькнула мысль, что если онъ явится домой больнымъ, то это и лучше.

На утро ему захотѣлось тотчасъ встать, и онъ одѣлся и вышелъ даже въ общую залу. Но слабость въ ногахъ, нестерпимая ломота въ спинѣ, шумъ въ ушахъ и общая тяжесть во всемъ тѣлѣ заставили его вернуться въ каюту и лечь. Лежа ему было хорошо. Тѣло его опять зябло, голова горѣла, но удивительное спокойствіе снизошло на его душу. Физическая болѣзнь загасила жгучій жаръ его мыслей и онъ ощущалъ необыкновенно пріятное чувство, какъ человекъ, съ котораго вдругъ сняли какую-то тяжкую отвѣтственность. Онъ ощущалъ ознобъ, жаръ, слабость, но только одно это и ощущалъ, а все другое, еще вчера мучившее его, не появлялось больше и не мучило. Онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ утомленный работникъ, котораго положили въ больницу и сразу освободили отъ каторжнаго труда.

Только въ вечеру пріятное чувство покоя замѣнилось какою-то смутною тревогой.

Лежа на койкѣ, онъ дремалъ съ открытыми глазами, и въ такомъ состояніи вдругъ однажды ему показалось, что потолокъ его каюты расширяется, удлиняется и, наконецъ, исчезаетъ въ далекомъ пространствѣ, а на его мѣстѣ стоитъ огненное пятно. Онъ тогда сдѣлалъ усиліе, приподнялся и тотчасъ понялъ, что съ нимъ бредъ. Имъ овладѣлъ неопредѣленный испугъ. Онъ рѣшился болѣе не ложиться и сдѣлалъ усиліе, чтобы не бредить. Отъ этого напряженія голова его еще сильнѣе стала горѣть и шумъ въ ушахъ сдѣлался нестерпимымъ.

Онъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ сталъ ждать, когда паро-

ходъ подойдетъ къ пристани. Тотъ часъ, въ который пароходъ по росписанію долженъ былъ остановиться, давно прошелъ. Настала уже ночь. Волны рѣки усилились, подгоняемыя холоднымъ осеннимъ вѣтромъ. Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ, но весь корпусъ его дрожалъ отъ напряженія. Когда совсѣмъ потемнѣло и пароходъ освѣтили, Чехловъ вышелъ изъ каюты, сѣлъ въ отдаленное кресло-зала и съ нетерпѣніемъ прислушивался къ ударамъ колесъ и грохоту машины. Поясницу ему ломило, но всему тѣлу пробѣгали мурашки, онъ едва сдерживалъ стоны и едва сидѣлъ, но въ каюту не хотѣлъ идти. Онъ боялся остаться одинъ, да и вообще чего-то боялся. Часто у него не было силы держать голову прямо; онъ опускалъ ее на спинку кресла и дремалъ, но черезъ нѣкоторое время дѣлалъ страшное усиліе, открывалъ отяжелѣвшія вѣки и давалъ себѣ слово не бредить, не терять сознанія, не поддаваться невѣдомой болѣзни.

Онъ боялся, что съ нимъ начинается какой-то тяжелый недугъ, боялся тѣмъ сильнѣе, что не могъ понять, что съ нимъ дѣлается. Ему представилось, кромѣ того, что въ забытьи онъ пропуститъ свою пристань, пароходъ уйдетъ дальше и увезетъ его неизвѣстно куда. На этотъ случай онъ подозвалъ матроса и навазалъ ему, чтобы тотъ пришелъ за его вещами на М—ской пристани. Потомъ опять на него напала дремота; въ головѣ мелькали безобразныя видѣнія и давили его...

Наконецъ, въ полночь пароходъ далъ характерный, заунывный свистокъ и скоро присталъ. Матросъ немедленно подошелъ къ Чехлову, разбудилъ его и спрашивалъ позволенія насчетъ переноски вещей на извозчика. Чехловъ съ трудомъ поднялся и съ трудомъ сошелъ съ парохода; но пріѣздъ на родину на время оживилъ его сознаніе и бодрость. Но за то на него напала глубокая тоска. Темная ли ночь, воспоминанія ли дѣтства, или представленіе близости родныхъ, съ которыми онъ ничего не имѣлъ общаго, только тоска гнодала его во все время, пока онъ на извозчикѣ ѣхалъ по улицамъ. А затѣмъ еще хуже затосковалъ. Подѣхавъ къ своему дому, онъ сталъ стучаться въ массивную калитку; долго стучалъ; наконецъ, весь домъ поднялся на ноги, но ему еще пришлось долго вести переговоры съ соннымъ дворникомъ и съ неменѣе сонною кухаркой. На дворѣ рычали четыре цѣпныя собаки, дворникъ что-то кричалъ, кухарка тоже почему-то голосила; гдѣ-то завизжалъ ржавый желѣзный засовъ. Чехловъ продолжалъ при помощи извозчика стучать въ калитку, и тихая, заснувшая улица огласилась безобразнымъ шумомъ. А онъ-то хотѣлъ пріѣхать неслыш-

но и спокойно!... Вдругъ все такъ переполошилось, какъ будто ни вѣсть что случилось. Злость и щемящая тоска давили его.

Наконецъ, ему отперли калитку. Но вслѣдъ затѣмъ по всему дому началась суматоха, отъ которой у него зарябило въ глазахъ. Узнавшая его прислуга завонила и захохала. Потомъ вошла мать съ испуганнымъ лицомъ, потомъ братья, и жены ихъ, и дѣти,— вся эта большая семья за время его отсутствія страшно расплодилась... Все это соснучило съ постелей, лохматое, изумленное и кричащее, какъ на пожарѣ. И безъ того мучимый бредомъ, Чехловъ тутъ почти совсѣмъ потерялъ сознание и съ слѣпкою яростью цѣловалъ какія-то толстыя щеки, которыя окружали его. Долгое время онъ не могъ ни сѣсть, ни сказать, ни даже понять, что тутъ дѣлается. Наконецъ, ему удалось съ волненіемъ выговорить, чтобы не кричали такъ, иначе онъ совсѣмъ свалится съ ногъ. Тогда старшіе, при помощи крѣпкихъ словъ и тумачковъ, удалили въ спальни всю мелюзгу и усѣлись. Но отъ этого уменьшилось только число голосовъ, сами же голоса не сдѣлались спокойнѣе и пріятнѣе пріѣзжему гостю. Ему со всѣхъ сторонъ предлагались вопросы одинъ другаго безалабернѣе и никому онъ не имѣлъ возможности отвѣчать; онъ едва успѣвалъ говорить «да» и «нѣтъ», и только смотрѣлъ кругомъ себя. При этомъ онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто попалъ въ чужую страну, къ невѣдомымъ людямъ и слушалъ незнакомый языкъ. Быть можетъ, это чувство вызвано было его болѣзнью, но, быть можетъ, за послѣднія семь-восемь лѣтъ его родные стали для него какими-то непонятными дикарями. Отъ этого тоска его еще сильнѣе росла.

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и съ трудомъ понималъ, что вокругъ него говорится. Мать въ эти года поздоровѣла, необычайно пополнила и лицо ея, всегда бывшее наивнымъ, теперь казалось еще проще. Братьевъ онъ едва признавалъ. Ихъ лохматые, раздобрѣвшія лица сплошь заросли шерстью; только глаза, да носъ, да ничтожныя мѣстечки лба избѣгли общей участи и не покрылись бурьяномъ. Какіе вопросы ему предлагали!

Тоска разливалась по самымъ укромнымъ уголкамъ его сердца. «Боже мой! зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?»—спрашивалъ онъ себя.

И, просидѣвъ съ часъ среди забытой своей семьи, онъ не выдержалъ и попросилъ мать отвести его въ какую-нибудь комнату. При этомъ онъ сказалъ, что ему сильно нездоровится. Мать, указавъ ему постель, захопотала около него, но онъ уговорилъ ее идти спать и черезъ нѣсколько времени остался одинъ въ пустой комнатѣ. Стуча зубами отъ наступившаго вновь озноба, чув-

ствуя, что голова его пылает огнемъ, онъ кое-какъ сбросилъ съ себя платье, легъ на постель и старался заснуть.

Но это ему не удалось. Въ душу его подползало неотвязное предчувствіе, что недаромъ онъ пріѣхалъ на родину и что, видно, не выбраться уже ему отсюда. Когда въ домѣ потухли огни и все живое вновь заснуло, давая знать о своемъ существованіи только разнообразными тонами храпа, онъ одинъ не могъ забыться, и широко раскрытыми, воспаленными глазами старался пронизать мракъ комнаты; но мракъ ничего ему не говорилъ, только еще болѣе ужасалъ сердце. Мало-по-малу подкравшееся предчувствіе приняло живой образъ... Недаромъ онъ захворалъ! и недаромъ, больной душой и тѣломъ, онъ притащился сюда, какъ раненый звѣрь, въ свое родное логовище!... Видно, здѣсь его будетъ конецъ.

Онъ то забывался въ сонномъ бреду, то снова широко раскрывалъ глаза и со страхомъ вглядывался въ темноту. Неужели ему здѣсь суждено умереть?... Онъ зажегъ лампу, поставленную около него.

Утромъ онъ не могъ подняться съ постели. Рано къ нему навѣдалась вся семья и всѣ выражали сожалѣніе по поводу его болѣзни. Но сожалѣли какъ-то вяло и спокойно. Вотъ пріѣхалъ, молъ, человекъ въ гости и захворалъ!... И немного погодя всѣ разошлись по своимъ дѣламъ. Только одна мать приняла къ сердцу болѣзнь сына. Она тотчасъ дала ему выпить какой-то травы, поплакала около его постели и все время слѣдила за его удобствами: не надо ли чего покушать, не выпьетъ ли онъ смородиной настойки? Впрочемъ, выраженіе лица толстой старушки было бодрое и безбоязненное; она не сомнѣвалась, что все это пройдетъ. Однако, на всякій случай, оставшись одна въ залѣ, она крѣпко помолилась на образа за здоровье сына.

А самъ Чехловъ съ каждою минутой падалъ духомъ. Онъ вѣрилъ, что здѣсь его конецъ, метался по постели, стоналъ и вглядывался въ пустое пространство широко раскрытыми глазами... Да, это смерть къ нему идетъ! Онъ во всѣхъ презиралъ страхъ и смѣялся надъ тѣми, которые, чуть заболѣютъ, уже думаютъ о смерти. Но теперь тотъ же ужасъ и на него напалъ. Онъ вглядывался съ необъяснимымъ страхомъ въ пространство, словно тамъ, въ пустотѣ, надѣялся увидеть и предупредить идущую смерть... да, это смерть идетъ! Онъ не сомнѣвался въ этомъ, когда щупалъ рукой горящую голову, когда его трясъ ознобъ, когда въ сознаніи онъ улавливалъ какое-то роковое разстройство. Только когда на него находила дремота, онъ забывался.

Такъ прошли весь этотъ день и вся ночь.

На утро и сама старушка немного обезпокоилась. Она еще дала выпить больному какой-то травы. Но не очень полагаясь на это лѣкарство, рѣшила немедленно прибѣгнуть къ болѣе вѣрному средству. Она тихонько одѣлась въ чистое платье и платокъ и не спѣша отправилась къ знакомому священнику, прося его немедленно придти съ причтомъ отслужить молебенъ съ водосвященіемъ. Немного погодя священникъ, два дьячка и сторожъ уже входили въ домъ, приготовили въ залѣ все необходимое для службы и начали пѣть молебенъ.

Чехловъ передъ этимъ задремалъ и забылся. Но вдругъ въ его ухахъ раздалось монотонное чтеніе и пѣніе. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, въ ужасѣ приподнялся на постели и увидалъ въ сосѣдней залѣ зажженные свѣчи, дымъ, ризу и молящуюся семью. Отъ паническаго ужаса голова его снова упала на подушку и лицо помертвѣло. Чтò ему представилось—Богъ его знаетъ; только когда въ ухахъ его раздалось звучное пѣніе, когда обоняніе его поражено было запахомъ ладона и горящаго воска, онъ помертвѣлъ отъ страха. Онъ не сомнѣвался болѣе, что умираетъ. Это смерть идетъ!... Но, въ то же время, во всѣмъ тѣлѣ онъ чувствовалъ такую силу, а въ душѣ такую энергию воли, что готовъ былъ бороться за жизнь съ сотнями смертей. Онъ схватился обѣими руками за желѣзныя перекладки кровати, схватился такъ, что желѣзо затрещало, и въ такой позѣ замеръ.

Такъ и засталъ его батюшка; онъ окропилъ святою водою блѣдное лицо его, приложилъ къ его поблѣвшимъ губамъ крестъ и съ благодушною улыбкой сказалъ, что теперь, Богъ дастъ, онъ скоро поправится. Но Чехловъ въ ужасѣ смотрѣлъ на священника и молчалъ. Сознаніе его словно окоченѣло. Онъ только сознавалъ одну идею и не могъ оторваться отъ одного образа. У него не было ни движенія, ни слова.

Но лишь только молебенъ кончился и причтъ ушелъ, лишь только къ нему подошла мать, какъ онъ крикнулъ со всею силой здороваго человѣка:

— Да позовите доктора, ради Бога!

Докторовъ въ домѣ не уважали; но повелительный крикъ сына заставилъ старушку исполнить его желаніе. Отрядили одного изъ братьевъ къ доктору. Братъ, видно, наговорилъ послѣднему Богъ вѣсть какой нечѣсти, потому что докторъ явился въ комнату больного съ торжественнымъ лицомъ и не безъ тревоги сталъ изслѣдовать и расспрашивать. Щупалъ больному голову, поста-

видъ термометръ, смотрѣлъ языкъ, мялъ животъ, постукалъ въ грудь и только послѣ тщательнаго осмотра пожалъ плечами и весело улыбнулся.

Чехловъ съ напряженною пытливостью смотрѣлъ въ лицо доктора.

— Ну, баринъ мой, пустяки... хины придется покушать! — сказалъ, между тѣмъ, послѣдній. Но, встрѣтивъ ужасный взглядъ больнаго, онъ вдругъ громко расхохотался.

— Да вы чего на меня такъ смотрите? Или хины испугались?

И опять расхохотался. Потомъ уже серьезно прибавилъ:

— Два порошка по десяти гранъ. Впрочемъ, если угодно, еще кое-что вамъ пропишу. Завтра можете встать и погулять. А черезъ нѣсколько дней можете не только сѣсть на пароходъ, но даже везти его на буксирѣ!...

И врачъ еще разъ расхохотался. Сказавъ затѣмъ, что дѣлать ему здѣсь больше нечего, онъ радушно простился съ Чехловымъ и стыдливо взялъ изъ рукъ матери ассигнацію. Онъ въ это время думалъ: «Эдакое поганое ремесло! Придешь къ человѣку, который совсѣмъ не болѣвъ, пропишешь лѣкарство, которое онъ самъ можетъ себѣ прописать, и — пять рублей!»

А Чехловъ, тотчасъ послѣ ухода врача, еще слыша въ своихъ ухахъ его веселый хохотъ, въ изумленіи приподнялся на кровати, сѣлъ и почувствовалъ, что онъ уничтоженъ.

Простой лихорадки испугался, какъ послѣдній трусъ, дрожащій за каждую мелочь жизни!... Не смерть, а сознание срама — вотъ что невѣдомая рука приготовила ему, какъ послѣдній свой ударъ!... Онъ даже застоналъ отъ чувства смертельной обиды. Потомъ легъ на кровать, закрылъ голову одеяломъ и не хотѣлъ ни на что смотрѣть.

На другой день онъ дѣйствительно всталъ съ постели и гулялъ по комнатѣ. Но ему здѣсь сразу все такъ опротивѣло, что онъ въ этотъ день хотѣлъ ѣхать обратно. Только просьба матери оставила его на слѣдующій день.

Но на третій день онъ не могъ больше оставаться. О деньгахъ онъ вяло заговорилъ съ братьями и, получивъ немного на дорогу, не добивался того, зачѣмъ ѣхалъ сюда. «Послѣ, послѣ объ этомъ!» — говорилъ онъ себѣ.

Не до денегъ и ни до чего подобнаго ему сейчасъ не было дѣла. Въ душѣ его былъ полный погромъ. Ученіе его перестало служить ему оружіемъ, оно выпало изъ его рукъ. Онъ чувствовалъ, что ему

предстоит немедленно работа надъ созданиемъ мыслей, ибо вчерашнихъ мыслей уже не было въ наличности,—онъ ихъ самъ разрушилъ...

Еще больной, съ слабостью во всемъ тѣлѣ, но уже возстановившій власть надъ собою, онъ уѣхалъ на пароходѣ. Тамъ онъ сѣлъ въ уединенный уголь, гдѣ никто не могъ ему помѣшать, смотрѣлъ, какъ крѣпичники гурьбой таскали десятипудовые ящики, прислушивался къ шумнымъ голосамъ суетящейся толпы, среди которой кто-то плакалъ, прощался, гдѣ-то смѣялись, откуда-то изъ глубины раздавался хоръ крѣпичниковъ: *Ой, еще!*—а въ умѣ его рѣзко звучалъ знакомый вопросъ: «Что же такое жизнь?»

Каролинъ.

Д Е Н Ъ Г И *).

Романъ Эрнста Альгрена.

III.

Сельма проснулась на слѣдующее утро въ тяжеломъ, невеселомъ настроеніи. Тетка пришла за ней, чтобы идти вмѣстѣ въ церковь, но дѣвушка не была еще готова и общала придти попозже. Она торопливо одѣлась и, кончивъ свой туалетъ, вложила ассигнацію въ обшлагъ рукава и заволола ее булавкой.

Служба уже началась, когда она вошла на кладбище, и до нея доносились звуки органа. Ей захотѣлось сѣсть на скамью, чтобы насладиться чудною осеннею погодой, но, вѣдь, она не могла позволить себѣ этого. Какъ здѣсь было свѣжо... и такъ тихо! Крупныя капли росы покрывали траву и придавали ей голубоватый оттѣнокъ; воздухъ былъ прохладенъ и нѣжно ласкалъ воспаленныя вѣки Сельмы. Она чувствовала какую-то тяжесть въ груди и, чтобы избавиться отъ нея, дышала глубоко и часто.

Когда она вошла въ церковь, всѣ переднія скамьи были уже заняты, такъ что она должна была помѣститься подъ хорами, за колонной. Она насилу отыскала въ молитвенникѣ стихъ псалма, который пѣли. Руки ея тряслись и ей трудно было держать книгу. Отчего это у нея такъ разстроены нервы? Отъ музыки ли, или отъ вчерашняго волненія, или, можетъ быть, просто оттого, что она не завтракала? Она отложила книгу и прислонилась къ спинкѣ скамьи, радуясь, что нашла себѣ такое укромное мѣстечко.

Какъ трогателенъ показался ей сегодняшній хоралъ! Она хотѣла молиться, но не могла, потому что у нея не было, въ сущности, никакой религіи. Или, по крайней мѣрѣ, вся ея религія сво-

*) Русская Мысль, кн. III.

дѣлалась въ слѣдующему странному парадоксу: я не вѣрую въ Бога и Онъ накажетъ меня за это.

Какъ разъ сегодня она такъ живо чувствовала и то, что она не вѣруетъ, и то, что Богъ накажетъ ее.

Затѣмъ пасторъ взошелъ на кафедру. Она не могла видѣть его съ своего мѣста, и его проповѣдь произвела на нее совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ всегда.

Обыкновенно дѣйствіе проповѣди ослаблялось выраженіемъ лица пастора, сохранявшимъ свою непроницаемость даже и тогда, когда въ тонѣ его голоса какъ бы сквозило волненіе.

Голосъ его не былъ густъ и показался бы рѣзокъ, еслибъ онъ напрягалъ его; поэтому онъ говорилъ тихо, какъ бы подь сурдиной.

Но интересъ въ тому, что онъ говорилъ, поддерживался мастерскими модуляціями, придававшими изложенію и силу, и разнообразіе, несмотря на то, что онъ не злоупотреблялъ своими голосовыми средствами.

Онъ избралъ текстомъ своей проповѣди четвертую заповѣдь *). Онъ говорилъ, что проклятіе и погибель—удѣлъ тѣхъ, кто возстанетъ противъ отца и матери, что десница Господня тяготѣетъ надъ ихъ головой и никогда земное счастье не можетъ разцвѣсти на ихъ пути. Въ самомъ тонѣ его какъ бы слышался таинственный сокрушающій приговоръ, и дрожь пробѣжала по тѣлу Сельмы.

Какъ это ужасно — влечить свою жизнь подь гнетомъ такого проклятія, быть безповоротно осужденной на несчастье!

Пока она слушала его, она вѣрила. Такъ и всегда бывало. Лишь послѣ являлось сомнѣніе.

Какъ темно было подь хорами за колонной, гдѣ она сидѣла, какъ бы скрытая отъ остальныхъ молящихся! На нее нашелъ какой-то страхъ, точно смерть и осужденіе уже совсѣмъ нависли надъ ней, точно она преступница, ожидающая приговора. Вѣдь, и въ ней былъ этотъ духъ противленія, который могъ возстать противъ отца и матери, если... Она не кончила, потому что въ эту минуту голосъ пастора внезапно сдѣлался мягче.

Онъ напомнилъ, что это единственная заповѣдь, за соблюденіе которой Господь обѣщаетъ земное блаженство. И онъ медленно произнесъ: «Да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будешь на земли». Это подѣйствовало на Сельму, какъ что-то совсѣмъ новое; это не былъ избитый, заученный съ дѣтства урокъ катехизиса; это было

*) Какъ извѣстно, въ протестантскомъ катехизисѣ вторая заповѣдь упразднена, вслѣдствіе чего заповѣдь о почитаніи родителей является въ немъ четвертою по счету.

Прим. перес.

что-то великое, что-то чудесное, заставившее ее вздохнуть полною грудью.

Потомъ пасторъ сдѣлалъ паузу. И тихимъ, мечтательнымъ голосомъ началъ онъ изъяснять эти слова. Онъ говорилъ, что счастье можетъ обладать такою глубиной, что цѣлая жизнь не сравнится съ нимъ, хотя бы оно длилось и не долго. Онъ такъ наглядно изобразилъ, что «благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ», и уподобилъ его мягкому ковру, оберегающему насъ отъ терній жизни.

Сельма была совсѣмъ растрогана. Ей казалось, что она все принесла въ жертву послушанію, — все, что она любила, на что надѣялась. Неужели Богъ потребуетъ еще, еще больше?... Но чего бы не дала она за одинъ изъ этихъ солнечныхъ лучей, стоящихъ цѣлой жизни!

Когда пропѣли послѣдній псаломъ, она вынуждена была остаться еще минутку на своемъ мѣстѣ, чтобы огладить слѣды своего волненія. Въ это время толпа уже приблизилась къ ея скамьѣ и надо было переждать, пока сдѣлается попросторнѣе.

Она прислонилась къ колоннѣ и стала смотрѣть на проходившій мимо нея народъ. Вотъ тетушка Мёллеръ съ своею дочерью. Послѣдняя была въ нарядномъ модномъ платьѣ со множествомъ разныхъ побрякушекъ, хотя на головѣ у нея былъ платокъ, — толстый шелковый платокъ съ длиннѣйшею бахромой, — и она подвигалась къ выходу съ такою напыщенной миной, будто хотѣла сказать: смотрите, смотрите же на меня! Мать шла рядомъ съ нею, спѣсиво сжавъ губы, такъ что носъ казался отъ этого еще острѣе. Когда она поравнялась съ Сельмой, ея критическій взглядъ презрительно скользнулъ по ея старенькому пальто и остановился на несовсѣмъ свѣжей перчаткѣ. Сельма наклонила голову въ знакъ признатствія, но та сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ этого.

Оскорбленіе было слишкомъ чувствительно, и яркая краска разлилась по лицу дѣвушки. «Старая тѣрка!» — проговорила она мысленно на своемъ бойкомъ пансіонскомъ жаргонѣ, и въ душѣ ея закипѣла обида.

Когда толпа порѣдѣла, Сельма поднялась съ своего мѣста. Въ проходѣ она увидѣла Аксея Мёллеръ. Она быстро протѣснилась къ дверямъ и, выйдя на кладбище, остановилась у одной изъ могилъ въ ожиданіи своей тетки, заговорившейся въ дверяхъ церкви съ двумя крестьянками. Она чувствовала, что вся дрожить, и оперлась на желѣзную рѣшетку могилы. Мёллеръ долженъ былъ пройти какъ разъ мимо нея.

Онъ слегка покраснѣлъ и подошелъ прямо къ ней.

— Въ четыре часа я буду на полотнѣ желѣзной дороги; приходите тоже туда; мнѣ надо поговорить съ вами, — сказала она то-ропливо и затѣмъ отвернулась, какъ будто они только обмѣнялись поклономъ. Въ эту же минуту показалась тетка и она пошла къ ней на встрѣчу.

— Дитя, какъ ты блѣдна! — сказала пасторша. — Тебѣ нездоровится?...

— У меня стѣсненіе въ груди и голова болитъ, — отвѣтила Сельма равнодушнымъ тономъ, но съ печальною улыбкой.

Онѣ молча отправились домой.

Настроеніе во время обѣда было какое-то подавленное. Сельма, обыкновенно или болтавшая, или оживлявшая другихъ своими остроумными выходками и шалостями, за которыя ей, правда, иногда доставалось, сидѣла на этотъ разъ удивительно тихая и молчаливая, такъ что разговоръ поддерживалъ одинъ пасторъ. Его вниманіе къ племянницѣ тоже бросалось въ глаза; онъ обращался съ ней совсѣмъ какъ съ взрослою особой. Тетка видѣла это, и это ее раздражало.

«Посмотрите только, какою важною барыней сдѣлается эта дерзкая дѣвчонка! Что патронъ Кристерсонъ богатъ, это не подлежитъ сомнѣнію, а современемъ онъ будетъ и еще богаче, потому что, несмотря на свою флегму, онъ дѣльный хозяинъ, и всѣ находятъ, что онъ выгодно купилъ новое помѣстье. Разумѣется, онъ будетъ исполнять всѣ прихоти молодой жены. И она, конечно, очень скоро подниметъ носъ вверху, — это всегда такъ бываетъ. Кто знаетъ, она, пожалуй, еще станетъ разъѣзжать четверней! — и Фру Бергъ сердито покосилась на Сельму.

«И что только могутъ находить привлекательнаго въ этой дѣвчкѣ! Вѣдь, она дурна, какъ смертный грѣхъ. А, между тѣмъ, даже ея Ривардъ... развѣ онъ не интересовался ею? Положимъ, они вѣчно ссорились другъ съ другомъ, но, въ сущности, онъ ловилъ каждый ея взглядъ, каждое ея слово. Бя материнская гордость оскорблялась дурнымъ вкусомъ сына. Онъ говорилъ объ ея свѣжести. Вотъ вздоръ! Посмотрѣлъ бы онъ на нее нынче — совсѣмъ блѣдную и съ такими красными глазами, точно она цѣлыя ночи напролетъ работала. Да, да, пройдетъ нѣсколько лѣтъ и отъ этой свѣжести и слѣда не останется. И потомъ, какія громадныя руки! И такія-то дѣвушки, не умѣющія и соуса къ жаркому приготовить, выходить, все-таки, замужъ! Но она не станетъ вмѣшиваться. Пусть Бергъ дѣлаетъ, какъ хочетъ!»

Какъ скоро дядя и тетка легли отдохнуть послѣ обѣда, Сельма

отправилась къ желѣзной дорогѣ. Она шла быстро, какъ всегда, но безпечное выраженіе лица уступило мѣсто покорной серьезности. Однагожь, движеніе и свѣжій воздухъ вызвали прежній румянецъ на ея щеки.

Когда она увидала шедшаго къ ней на встрѣчу Мѣллера, сердце ея сильно забилось. Какъ трудно будетъ найти подходящія слова! Но рѣшеніе ея оставалось неизмѣннымъ.

Когда они приблизились другъ къ другу, она слегка кивнула ему и повернула назадъ, такъ что они пошли рядомъ по направленію къ пасторату. Сначала оба они молчали. Она искала словъ, чтобы приступить къ своему объясненію, а онъ чувствовалъ себя неловко.

«Назначать свиданіе—развѣ же это прилично для молодой дѣвушки?»—разсуждалъ онъ самъ съ собою. Она сразу упала въ его мнѣнія; онъ посмотрѣлъ на нее болѣе трезвымъ взглядомъ, и прежнее обаяніе ея исчезло.

— Я слишкомъ на себя понадѣялась,—начала она тихо и взволнованно.—Я не могу уговорить дядю отпустить меня въ Стокгольмъ, я должна остаться здѣсь.

Она замолчала. Что-то давило ей грудь; она откашлянулась, чтобы прочистить голосъ.

— На насъ, женщинъ, совсѣмъ иначе смотрять, чѣмъ на васъ, мужчинъ,—сказала она съ серьезностью, поразительною для ея лѣтъ.—Для васъ считается обязательнымъ стремиться къ независимости,—для насъ это чуть ли не преступленіе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не сдѣлались старыми дѣвами. Я думала прежде, что вся суть въ деньгахъ, но это не такъ. Еслибъ у меня и были деньги, я, все-таки, не могла бы теперь уѣхать. Я хотѣла было попытаться, несмотря ни на что, т.-е. уѣхать безъ позволенія и попросить помощи у кого-нибудь другого, но изъ этого ничего бы не вышло; я вижу это теперь. Меня сочли бы за сумасшедшую и только подняли бы меня на смѣхъ. И, кромѣ того... я сама не знаю, что такое со мной сдѣлалось сегодня въ церкви... я боюсь, что въ такомъ случаѣ меня будетъ преслѣдовать несчастіе. Еслибъ рѣчь шла о чемъ-нибудь другомъ, то мнѣ это было бы все равно. Но, вѣдь, я хочу работать... подумайте, какъ это ужасно—всегда, всегда терпѣть неудачу! Этого я никакъ не могла бы вынести. Лучше ужь и не пытаться.

Онъ слушалъ ее, не говоря ни слова. Такъ она это хотѣла сказать ему? Какая, все-таки, странная мысль назначать ему для этого свиданіе!

— Вы—другое дѣло,—продолжала она горячо,—для васъ все это не имѣетъ значенія. Такъ возьмите же мои деньги — у меня здѣсь сто кропъ, онѣ совсѣмъ, совсѣмъ мои — увѣжайте отсюда, найдите себѣ какое-нибудь мѣсто, все равно какое, лишь бы вамъ пробить себѣ дорогу.

— Это невозможно,—отвѣтилъ онъ съ испугомъ.

Лицомъ къ лицу съ этимъ внезапнымъ взрывомъ энергіи онъ почувствовалъ, будто стоитъ на краю водоворота, въ который его каждую минуту могутъ столкнуть.

— Невозможно? — повторила она, презрительно усмѣхнувшись. — Но что же мѣшаетъ вамъ теперѣ? Прежде, вѣдь, все дѣло было въ деньгахъ.

— Но, вѣдь, матушка противъ этого. Меня тоже могутъ постигнуть неудачи, о которыхъ вы говорите.

— Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы счастье измѣнило мужчинѣ, рѣшившемуся пойти своею собственною дорогой? Нѣтъ, если кого постигнетъ неудача, такъ меня, будьте въ этомъ увѣрены,— я такъ хорошо это чувствую.

— Но если вы сами не поѣдете, то почему же?...

— Именно поэтому, именно потому, что сама я не могу сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочу, я и не въ силахъ вынести мысли, что и вы останетесь здѣсь, что и изъ васъ ничего не выйдетъ. Неужели вы этого не понимаете?

— И вы хотите, чтобы я взялъ?...

— Ахъ, къ чему говорить *объ этомъ!* Неужели вы думаете, что деньги имѣютъ для меня теперь какой-нибудь смыслъ? Да я охотно выбросила бы ихъ на улицу. Пожалуйста, не мучьтесь этимъ. Вѣдь, вы сами знаете, что попали не въ настоящую колею, — теперь вы можете сразу изъ нея выбраться.

— Но на сколько же времени, думаете вы, можетъ хватить?...

Она вздрогнула и горячая краска залила ей лицо и шею. Сумма была слишкомъ ничтожна. Она вдругъ поняла это. Раньше она объ этомъ не думала; ей казалось, что это такія большія деньги. А теперь ей сдѣлалось невыразимо стыдно, что она выставила себя въ смѣшномъ свѣтѣ.

«Дядя правду говорилъ, что я ребенокъ. Но я не хочу долѣе оставаться ребенкомъ», — подумала она. Она хотѣла бы провалиться сквозъ землю отъ стыда. Она не сказала ни слова и не взглянула на Ансея, но прибавила шагу. Онъ шелъ рядомъ съ нею, но не могъ придумать, что сказать ей. Это было одинаково

тягостно для нихъ обонхъ. Только одно было ясно ему, что онъ оскорбилъ ее. Онъ горѣлъ желаніемъ поправить дѣло.

— Вы, конечно, можете себя представить, какъ я признателенъ...

— Только не говорите объ этомъ, — вырвалось у нея, — вѣдь, это было такъ нелѣпо, такъ ужасно нелѣпо! Вѣдь, мнѣ нечего было предлагать вамъ. Но я всегда такая...

— И подумать, что вы ради меня...

— Молчите! — вскричала она, блѣднѣя, — я не могу слышать объ этомъ, я съ ума сойду, и если вы хоть слово скажете кому-нибудь...

Ея зрачки расширились такъ, что глаза казались почти черными. Она остановилась передъ нимъ.

— Ни за что въ мѣръ... я только хотѣлъ... — сказалъ онъ, извиняясь, и его согнутая, узкоплечая фигура какъ-будто еще больше съжалась.

— Ну, такъ и молчите, — сказала она сурово, и они пошли дальше.

— Для васъ или для кого-нибудь другаго въ томъ же положеніи, — заговорила она немного погодя, — я сдѣлала бы то же самое. Вѣдь, я сказала вамъ, что такой ужъ у меня характеръ.

Они очутились у шлагбаума.

— Здѣсь мы разстанемся, — сказала она.

Онъ молчалъ. Все это было такъ грустно!

Сельма вскочила на одинъ изъ большихъ камней, лежавшихъ у дороги, и стала смотрѣть на ландшафтъ. Онъ былъ такой ровный и пустынный. Насколько глазъ могъ охватить пространство, не было видно ни одного живаго существа. Совсѣмъ вдаль высились глѣсъ и горы въ голубыхъ туманныхъ очертаніяхъ, а внизу сверкала изгибъ залива. Она долгимъ взглядомъ обняла весь ландшафтъ. Это было похоже на прощаніе.

— Хорошо здѣсь, — сказала она со вздохомъ, — я, все-таки, хотѣла бы сдѣлаться художницей.

Посмотрѣвши внизъ, она замѣтила маленькую птичку, прыгавшую по живую и постоянно размахивавшую хвостикомъ, который она поднимала какъ можно выше, чтобъ онъ не мѣшалъ ей. Сельма пришла въ восхищеніе. Она забыла Мѣллера и все на свѣтѣ. Ея взглядъ слѣдилъ за движеніями птички и она заливалась веселымъ смѣхомъ, такъ что зубы ея сверкали и глаза блестяли. И во всей ея фигурѣ, освѣщенной заходящимъ солнцемъ, жизнь такъ и била ключомъ. А тамъ, внизу, прыгала маленькая птичка, по

временамъ останавливаясь и наклоняя голову, чтобы поймать какую-нибудь добычу, и, наконецъ, исчезла въ другомъ направленіи.

Сельма взглянула на своего спутника. Онъ стоялъ совсѣмъ растерянный и разбрасывалъ камешки своею тростью.

— Прощайте, — сказала она торопливо и спрыгнула внизъ, — будьте счастливы.

Онъ вздрогнулъ отъ ея тона. Въ немъ было что-то горькое и извительное.

Шлагбаумъ захопнулся и она пошла по дорогѣ своею самоувѣренною походкой, засунувъ руки въ карманы пальто.

Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и слѣдилъ за нею взоромъ, пока она не скрылась изъ вида.

Ему показалось, что даже солнечный свѣтъ померкъ, — такъ глубоко было уныніе, закрывшееся въ его душу. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ поднялся голосъ самообвиненія. Какъ можно понялъ онъ ее... какъ велъ онъ себя съ нею! Чего только не могли бы вмѣстить въ себя эти минуты, еслибъ онъ сумѣлъ ими воспользоваться... еслибъ онъ излилъ предъ нею все свои мысли и чувства! Она-то, конечно, поняла бы его.

Теперь случай былъ упущенъ и, пожалуй, никогда не вернется.

Ея веселость имѣла надъ нимъ таинственную власть, и всякій разъ, какъ они разставались, онъ особенно живо ощущалъ это. Она словно уносила съ собою частицу его внутренняго «я», и никогда сердце его не болѣло при этомъ такъ, какъ сегодня.

Онъ бросился на песокъ, но въ дерево. Ему казалось, что весь міръ умеръ, и онъ остался жить одинъ съ своимъ раскаяньемъ и тоской. Никогда больше не придетъ она, — да, онъ это чувствовалъ. Онъ началъ еще больше растравлять свое горе, рисуя въ своей фантазіи все, что могло бы быть и что сдѣлалось теперь невозможно. Онъ испытывалъ истинное наслажденіе, терзая себя всяческими перспективами и погружаясь въ бездонную пропасть, увлеченный желаніемъ узнать ее во всемъ ея объемѣ.

— Никогда, никогда! — повторялъ онъ, и всякій разъ ему казалось, что сердце его готово разорваться. Развѣ же не могъ онъ умереть отъ этого?...

Въ его больномъ воображеніи она внезапно выступила, какъ что-то недосягаемое, какъ существо, окруженное ореоломъ неземной красоты.

Сельма вернулась домой угрюмая и печальная. Она тоже чувствовала пустоту, но пустоту другаго рода. До сихъ поръ она по-

стоянно строила планы о будущем и воздвигала воздушные замки. И вот теперь они всё разлетѣлись въ прахъ. Чѣмъ же наполнить жизнь, на что надѣяться, къ чему стремиться? И ко всему этому прижививалась нучительная мысль, что она покрыла себя стыдомъ и позоромъ, отдавъ себя на посмѣяніе, допустивъ, чтобы ее оттолкнули.

Она сѣла у окна въ столовой и стала смотрѣть на куръ и голубей—ей обычное развлеченіе, когда она бывала не въ духѣ.

Пришли дядя съ теткой и молча сѣли пить кофе. Потомъ она вернулась на свое мѣсто, а фру Бергъ ушла. Дядя остался и помѣстился у другаго окна.

— Кристерсонъ пріѣдетъ нынче вечеромъ,—сказалъ онъ,—ты сыграешь съ нимъ партію въ шахматы; это немножко развеселитъ тебя.

— Покорно благодарю. Мы всегда съ нимъ ссорились, такъ было и въ послѣдній разъ.

— Да, повидному, весь интересъ игры заключается для васъ именно въ этихъ пререканіяхъ,—забѣтилъ съ улыбкою пасторъ.

— Очень можетъ быть, но натронъ далеко не такъ способенъ разсердить человѣка, какъ Рикардъ. А что, Рикардъ только къ Мартынову дню пріѣдетъ?

— Да. Развѣ ты соскучилась по нему?

— Совсе нѣтъ. Но я думала, что онъ пріѣдетъ къ вашему рожденію.

Она сдѣлала недовольную мину. Наступило короткое молчаніе.

— Какъ тебѣ собственно нравится Кристерсонъ?—спросилъ немного погодя пасторъ.

Она замедлила отвѣтомъ и высунула голову изъ окна, чтобы лучше видѣть. Маленькій пѣтушокъ подрался съ большимъ. Чѣмъ-то это кончится?

Голова ея вновь показалась изъ-за окна.

— Онъ славный, но до чего онъ толстъ!

— Онъ превосходный человѣкъ.

Она опять выглянула въ окно, въ высшей степени заинтересованная пѣтушинымъ боемъ. Дядя тоже сталъ смотрѣть, но безъ всякаго интереса.

— Удивительно, до какой степени ты ребячлива,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ. Въ его тонѣ сквозило неудовольствіе.

Она обернулась, сѣла на стулъ и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Да, это правда, но я намѣрена скоро исправиться. Ахъ, еслибъ я только знала, что мнѣ съ собою дѣлать!

Она не въ силахъ была побороть искушенія и выглянула утрадкой въ окно. Бъ своему великому огорченію, она увидала, что побѣда рѣшительно склонялась на сторону большаго пѣтуха.

— Насчетъ этого я могу дать тебѣ хорошій совѣтъ,—сказалъ пасторъ.

— Что же ты не разнимешь ихъ? Вѣдь, они, того и гляди, выключаютъ глаза другъ у друга,—сердито закричала она служанкѣ, проходившей по двору.

— Дитя! неужели ты не можешь забыть на время о пѣтухахъ? Мнѣ, право же, надо поговорить съ тобой,—сказалъ пасторъ съ досадою,—пойдемъ въ мою комнату.

— О, въ этомъ нѣтъ надобности. Я отойду отъ окна,—вотъ и все. Ну, въ чемъ же дѣло?

— Я хотѣлъ поговорить о твоёмъ будущемъ. По-моему, для тебя ничего не можетъ быть лучше, какъ сдѣлаться женой хорошаго человѣка.

— Да, если дожидаться *этого*...

— Но тебѣ и не надо дожидаться. Бристерсонъ поручилъ мнѣ спросить тебя, согласна ли ты сдѣлаться его женой.

Сельма взглянула на дядю вопросительно, но довольно равнодушно.

— Да?—сказала она.

Наступила короткая пауза. Потомъ она вскочила и подошла къ окну.

— Вы только это и хотѣли сказать мнѣ, дядя?—спросила она, обернувшись.

— Только это?! Самый важный шагъ въ жизни...

— Да, разумѣется,—соблаговолила она согласиться,—для тѣхъ, кто *выходитъ* замужъ.

— Ты должна бы, по крайней мѣрѣ, взвѣсить это предложеніе, если не хочешь, чтобы тебя считали дурочкой.

Она съ отчаяніемъ опустила на стулъ и сложила руки на колѣняхъ.

— Но я рѣшительно не понимаю, на что я ему?

Пасторъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно. Губы его подергивались отъ сдерживаемаго смѣха.

— Что-жъ удивительнаго? Ты ему нравишься.

— И вы находите, дядя, что мнѣ слѣдуетъ выйти за него?

— Во всякомъ случаѣ, я посоветовалъ бы тебѣ подумать объ этомъ.

Лицо ея приняло болѣе серьезное выраженіе. Бурмъ вѣдими об- щій гвалтъ на дворѣ, но она не удостоила ихъ ни однимъ взгля- домъ.

— Но какой изъ этого выйдетъ толкъ? Вѣдь, я же не умѣю вести хозяйство!

— Да тебѣ и не надо будетъ ниѣ заниматься. Я полагаю, что Бристерсонъ и не потребуеъ этого.

Она еще больше задумалась.

— Желала бы я знать, какъ посмотрѣлъ бы на это папа.

— Разумѣется, онъ будетъ незаконечно счастливъ. У него до- статочно своихъ заботъ, а Бристерсонъ такой человѣкъ, котораго всякій пожелаеъ бы имѣть зятемъ.

— Вы думаете, что папа *хотѣлъ бы* этого?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Она помолчала.

— Но выйти за него замужъ!... Знаете, дядя, вѣдь, на это то- же нужно мужество.

— Почему это?

— Ахъ, онъ такой толстый и потому онъ такъ похожъ на по- ресенка!

— Сельма!

— Да, и, кромѣ того, вѣдь, ему какъ разъ столько же лѣтъ, какъ и папѣ.

— Такъ что-жь изъ этого? Магнусъ еще настолько молодъ, что можетъ вторично жениться. Хорошо тебѣ будетъ тогда при мацихѣ! Лучше ужъ, по-моему, жить своимъ собственнымъ домомъ.

— Ну, у папы и средствъ-то нѣтъ, чтобы жениться, — разсмѣ- ялась она, — вы просто хотѣли меня поугатъ.

Пасторъ замолчалъ. Приходилось дѣйствовать съ величайшею осторожностью, потому что она была на самомъ дѣлѣ хитрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ началъ съ равнодушною миной бараба- нить пальцами по подоконнику, какъ бы намѣреваясь прервать разговоръ.

На этотъ разъ она возобновила его.

— И потому, я такъ молода. Вѣдь, можетъ случиться, что мнѣ понравится кто-нибудь другой!

— Понравится... когда ты будешь замужемъ?!... Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, — сказалъ онъ медленно и укоризненно. За- тѣмъ онъ быстро повернулся къ ней, какъ будто у него мелькнула

новая мысль. — Да, встаети... я видѣлъ раза два, какъ ты прогуливалась съ молодымъ Мёллеромъ, — что это собственно значитъ? Ужь не влюбилась ли ты въ него?

Она вся вспыхнула.

— Я... влюбилась?... Что вы!... Ни капельки!

— Хорошо, хорошо. Мнѣ это пришло въ голову только потому, что ты не хочешь слышать о Бристерсонѣ. Но, видишь ли, тутъ тебѣ не на что надѣяться, потому что современемъ Аксель Мёллеръ, навѣрное, женится на Маріи Іонса-Ольса. Я долженъ сказать тебѣ, что Мёллеры очень любятъ деньги.

— Какое мнѣ дѣло! Онъ можетъ жениться на комъ ему угодно. Вотъ ужъ онъ никакъ не помѣшалъ бы мнѣ выйти за Бристерсона!

Она говорила совершенно искренно, но, тѣмъ не менѣе, обидая закипѣла въ ней. Неужели онъ думалъ о Маріи Іонса-Ольса въ ту минуту, когда отвергъ ея жалкія сто броне?

Браска все больше и больше заливала ея лицо, къ ея невыразимой досадѣ, но пасторъ дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ этого.

— Осенью Бристерсонъ собирается переѣхать въ свое новое имѣніе; тамъ, говорятъ, чудо какъ хорошо, — сказалъ онъ.

— У него очень красивыя лошади, — промолвила она.

Пасторъ молчалъ. Маневръ начиналъ дѣйствовать, и теперь онъ считалъ нужнымъ дать ей время.

— Съ такимъ богатствомъ можно имѣть все, что пожелаешь, — сказалъ онъ немного погодя.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ очень богатъ?

— Въ этомъ я могу поручиться, — отвѣтилъ пасторъ.

Наступило молчаніе. Ей представилась большая сѣрая лошадь, или, пожалуй, ворона, потомъ амазонка со шлейфомъ, который носить на рукѣ; маленькое дамское сѣдло, конечно, и грумъ у стремена: съ такимъ богатствомъ можно имѣть все, что пожелаешь.

Она опустила голову и стала озабоченно собирать въ мелкія складки отдѣлку своего платья.

— Какъ вы думаете, онъ сталъ бы держать для меня верховую лошадь?

Вопросъ прозвучалъ застѣнчиво и робко. Одно неловкое слово могло бы испортить все дѣло. Съ этимъ ребенкомъ приходилось торговаться съ такою же осмотрительностью, какую пускаетъ въ ходъ дьяволъ, стараясь завладѣть душою человѣка.

— Въ такомъ помѣстьѣ конюшни бываютъ полны лошадей, — сказалъ пасторъ съ равнодушнымъ видомъ.

Фарватеръ былъ слишкомъ хорошо ему извѣстенъ. Хоть лодочка сначала и смѣло пыла противъ вѣтра, достаточно было одного порыва, чтобы опрокинуть ее. Онъ зналъ это.

— Я такъ молода, — сказала она.

Это былъ послѣднй слабый протестъ.

— Да, это рѣдная честь получить въ твои годы подобное предложеніе, и я, право, не знаю, чѣмъ ты могла заслужить ее, — отвѣчалъ онъ съ своею тонкою улыбкой.

Его слова затронули ея тщеславіе. Быть помолвленной такъ рано — это надѣляетъ шуму!

Она сидѣла вся блѣдная; только два пунцовыхъ пятна пылали у нея на щекахъ, и этотъ отпечатокъ пробудившихся страстей искажалъ ея юное личико. Она посмотрѣла на свою лѣвую руку. Какъ-то будетъ сидѣть на ней обручальное кольцо, — тяжелое, толстое кольцо въ двадцать каратъ золота!

Какую мину сдѣлаетъ тогда тетушка Мѣллеръ? Ей припомнился насмѣшливый взглядъ, скользящій въ церкви по ея старенькому пальто. Глаза ея свергнули и она подняла голову.

— Я, вѣдь, кажусь очень бѣдной въ своемъ костюмѣ, — сказала она, вывернувъ подкладку рукавовъ, чтобы показать, насколько они вытерлись, — но было бы слишкомъ обидно, если бы онъ долженъ былъ одѣть меня съ ногъ до головы.

— Я дамъ тебѣ все, что нужно; я охотно сдѣлаю это для своей единственной племянницы.

Онъ торжествовалъ побѣду и потому съ непривычною сердечностью раскрылъ Сельмѣ свои объятія.

Она бросилась къ нему на шею и посмотрѣла на него своими свѣтлосѣрыми глазками, сіявшими такъ жизнерадостно. Густые пушистые волосы упали ей на лобъ и она улыбалась при мысли о той зависти, которую вызоветъ въ другихъ.

Вдругъ она сдѣлалась серьезна.

— Ты думаешь, что онъ будетъ любить меня? — сказала она.

Она всегда говорила ему ты, когда хотѣла приласкаться.

— Я въ этомъ увѣренъ!

По ея лицу пробѣжала свѣтлая улыбка и новая мысль зародилась въ ея неопытной душѣ:

«Еслибъ онъ настолько полюбилъ меня, чтобы...»

Снова поднялись всѣ ея прежнія мечты и воздушные замки.

Пасторъ ласково погладилъ ея волосы; больше ему нечего было сказать.

IV.

Отец патрона Бристерсона былъ ветеринаромъ и, благодаря практикѣ, могъ оставить сыну небольшое состояніе. Такъ какъ этотъ послѣдній не выказывалъ интереса къ ученію, то и сдѣлался сельскимъ хозяиномъ. Онъ обладалъ упорною настойчивостью, смѣлливостью и, кромѣ того, былъ предприимчивъ, да и счастливъ въ дѣлахъ.

Отцу приходилось жаться, чтобы скопить себѣ состояніе. Сынъ рано узналъ гнетъ стѣсненныхъ обстоятельствъ и, терпя нужду въ деньгахъ, сталъ ихъ цѣнить выше, чѣмъ слѣдуетъ. Наставленія старика упали, такимъ образомъ, на хорошую почву и дали ростъ одному только стремленію—къ деньгамъ, такъ какъ деньги были ключомъ ко всему остальному.

Молодость патрона прошла въ неустанной дѣятельности. Онъ велъ торговлю лошадьми и водкой, но, вышедши въ люди, оставилъ это занятіе, потому что оборотный капиталъ оказался болѣе чѣмъ достаточенъ, а онъ былъ дѣльнымъ сельскимъ хозяиномъ.

Онъ часто подумывалъ о женитьбѣ, но, по его расчету, его избранница должна была принести ему въ приданое по меньшей мѣрѣ сто тысячъ кронъ; а такъ какъ онъ былъ далеко не красавецъ съ своимъ краснымъ, лоснящимся лицомъ и моргающими глазами, то богатыя наслѣдницы прошли мимо его носа. Впрочемъ, онъ объ этомъ не особенно сокрушался. Ему и такъ было хорошо. Что касается ста тысячъ кронъ, то теперь, получивъ возможность жить въ довольствѣ, онъ больше и не думалъ о нихъ.

Онъ собственно не получилъ никакого образованія, но прочелъ множество романовъ и слѣдилъ въ газетахъ за событіями дня, почему и слылъ самымъ образованнымъ землевладѣльцемъ въ окресткѣхъ.

Больше всего онъ любилъ англійскіе романы, въ особенности написанные женщинами. Французскіе онъ ненавидѣлъ за ихъ безнравственность. Онъ любилъ упоминать объ этомъ, бесѣдуя съ дамами; это производило очень хорошее впечатлѣніе.

Въ товарищескомъ кружкѣ онъ держалъ себя грубовато, въ дамскомъ обществѣ былъ олицетворенное приличіе.

Иногда, когда онъ читалъ, лежа на диванѣ, ему случалось до такой степени растрогаться надъ книгой, что слезы навертывались у него на глаза. Рассказывая объ этихъ моментахъ, свидѣтельствовавшихъ, по его увѣренію, о нѣжности его сердца, онъ наблюдалъ, лукаво прищуривъ глаза, съ какимъ вниманіемъ слушали его нѣкоторыя дамы.

И вдругъ онъ встрѣтилъ Сельму. Это было въ концѣ прошлой зимы. Онъ сидѣлъ съ пасторомъ въ его гостиной, болтая за столомъ лунца. Только что зажгли лампы. Но никто не обмолвился ни словомъ о томъ, что въ домъ гостить молодая дѣвушка, и гость совершенно остолебенѣлъ, когда дверь открылась и вошла Сельма, румяная, разгоряченная, съ коньками, небрежно перекинутыми черезъ руку и гремѣвшими въ тактъ ея шагамъ. Волосы ея слупались, лифъ платья съѣхалъ немного въ сторону отъ быстрого движенія и она щурилась отъ свѣта. Потомъ она подошла къ нимъ, подала ему руку съ неловкимъ книксеномъ, а пасторъ представилъ ее, шутливо прибавивъ, что она прѣехала къ нимъ поучиться хорошимъ манерамъ, что для нея далеко не лишнее.

Она только засмѣялась и, повидимому, нисколько не смутилась тѣмъ, что патронъ такъ долго держалъ ея руку, въ которой всё жилаки трепетали отъ избытка теплоты и жизненной силы.

— Славно, славно, — сказалъ Бристерсонъ, самъ не зная, что говорить.

Но онъ улыбался и она тоже улыбалась. У него голова пошла крутомъ, ему показалось, что онъ будто помолодѣлъ. Отъ ея одежды вѣяло холоднымъ зимнимъ воздухомъ, а ея красныя губы дышали тепломъ. Онъ не зналъ, что такое съ нимъ сдѣлалось; онъ готовъ былъ вскопичить и прижать ее къ себѣ отъ радостнаго чувства, что она такая веселая и молодая.

Наконецъ, онъ вынулъ руку Сельмы и окинулъ ее взглядомъ.

Она была высока ростомъ, широкоплеча, съ длинными руками. Во всей ея крѣпкой фигурѣ еще замѣтно было что-то недоконченное, нескладное. Но ему было все равно, все равно—ребенокъ она или нѣтъ: она должна принадлежать ему!

Вотъ о чемъ думалъ патронъ, подѣвжая въ своемъ покоинѣ экипажъ къ дому пастора, чтобы узнать о результатѣ своего сватовства. Надо правду сказать, что дѣло не обошлось безъ колебаній. Порой онъ отрезвлялся и считалъ все это напризомъ, фантазией. И тогда онъ отправлялся въ пасторатъ, чтобы убѣдиться на мѣстѣ въ томъ, что она просто дурна, какъ всё говорили. Но всякій разъ, какъ онъ ее видѣлъ, повторилась та же исторія. Онъ готовъ былъ, пожалуй, назвать ее некрасивой, но не могъ отвести отъ нея глазъ. Не было ни одного движенія въ этой фигурѣ, ни одного звука въ этомъ голосѣ, которые бы не плѣняли его. Какое ему было дѣло до того, что говорили другіе? Въ этомъ свѣжемъ, некрасивомъ лицѣ таилось что-то, что неотразимо влекло его къ се-

бѣ,—не что-нибудь опредѣленное, не что-нибудь такое, на что онъ могъ бы указать, а просто то, что это была она.

Онъ не могъ и подумать, что она откажетъ ему; онъ былъ такъ влюбленъ, что ему казалось, будто она съ самаго начала предназначена ему, но что онъ только теперь постигъ это.

Онъ перебиралъ въ памяти свое прошлое, и ему представлялось, что Богъ велъ его путемъ всяческихъ заблужденій лишь къ этой конечной цѣли, и все, что онъ называлъ поэзіей, все, что онъ отбрасывалъ на задній планъ, пока «сто тысячъ» занимали первое мѣсто, все это устремилось теперь въ одинъ широкій потокъ. Правда, то не были чистыя струи родника, а скорѣе бурливая и тинистая пѣна прорванной плотины, но онъ радовался и этому. Вѣдь, эта юношеская страсть, разрушавшая всѣ преграды, казалось, возвращала ему его молодость. И онъ былъ счастливъ этою иллюзіей.

Сомнѣваться въ ея счастье ему и въ голову не приходило: вѣдь, онъ будетъ давать ей все, чего она пожелаетъ.

Когда экипажъ въѣхалъ во дворъ, Бристерсонъ точно очнулся отъ сладкаго сна. Было совсѣмъ темно, и въ окнахъ дома уже видѣлся свѣтъ. Патронъ подумалъ, что, можетъ быть, она сама выйдетъ на встрѣчу къ нему. Нѣтъ, на крыльцѣ стоялъ одинъ пасторъ.

Когда гость снялъ въ передней свой плащъ и шляпу, хозяинъ пригласилъ его въ кабинетъ.

Патронъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Онъ нервно потиралъ руки и сталъ ходить взадъ и впередъ по ковру, какъ бы для того, чтобы согрѣть ноги. Пасторъ внимательно осмотрѣлъ лампу и убавилъ немого огонь. Очевидно, оба они хотѣли выиграть хоть сколько-нибудь времени, прежде чѣмъ начать разговоръ.

Патронъ Бристерсонъ былъ высокъ и тученъ. Его величественная осанка производила впечатлѣніе силы, но на лицѣ его отпечатокъ безпечальнаго житія до такой степени огладилъ всѣ характеристическія черты, что оно не производило ровно никакого впечатлѣнія, кромѣ развѣ сытаго, спокойнаго довольства. Всею своею особою онъ какъ бы говорилъ: я сдѣлалъ свое дѣло и наслаждаюсь его плодами.

Пасторъ все еще стоялъ у письменнаго стола. Его тонкая, изящная фигура совершенно заслоняла лампу, стройно вырисовываясь на слабо освѣщенномъ фонѣ комнаты.

— Ну?—спазалъ патронъ.

Пасторъ обернулся и оперся на край стола.

— Что-жъ, все идетъ на ладъ, но мнѣ надо предварительно сказать тебѣ два слова.

Онъ поправилъ на носу очки, какъ это дѣлалъ всегда, когда ему предстояло какое-нибудь серьезное объясненіе.

Патронъ прекратилъ на минуту свою прогулку по помнатѣ и остановился въ ожиданіи.

— Это насчетъ твоей экономки...—Пасторъ оборвалъ рѣчь и деликатно кашлянулъ.

— Разумѣется, я это устрою. Она уѣдетъ двадцать четвертаго; я сниму ей булочную.

— Не по сосѣдству, надѣюсь?—Пасторъ не поднималъ головы, но изъ-подъ очковъ мелькнулъ быстрый, пытливый взглядъ.

— Боже избави!... Гдѣ-нибудь въ Треллеборгѣ, я самъ еще не знаю гдѣ.—Патронъ показавъ энергическимъ жестомъ руки, какъ сильно онъ желаетъ спровадить ее какъ можно дальше.

— И ты не давалъ ей обѣщанія жениться на ней?

— И въ умѣ никогда не держалъ ничего подобнаго.

— Ну, это, стало быть, въ порядкѣ, — сказалъ пасторъ. Онъ поднялъ руку и началъ разсматривать ногти.

Наступила пауза, во время которой патронъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

Наконецъ, пасторъ снова заговорилъ.

— Мнѣ надо сказать тебѣ еще одну вещь, — началъ онъ медленно, подбирая слова. — Я хочу только предупредить тебя. Дѣло въ томъ... ты поймешь меня, надѣюсь... дѣло въ томъ, что Сельма дѣйствительно необыкновенная дѣвушка и съ ней приходится обращаться совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими... Ты, съ своими привычками холостяка... да, да, я отлично знаю, что ты дамскій кавалеръ!... но не всѣ женщины ходятъ другъ на друга, а у такой дѣвушки, какъ Сельма, свои особенныя идеи. Если бы ты вздумалъ какъ-нибудь озадачить ее... ну, ну, я, вѣдь, подразумеваю что-нибудь совершенно невинное, то она, пожалуй, просто-на-просто возненавидѣла бы тебя. А еслибы это случилось, то никакая сила въ мірѣ не могла бы заставить ее перемѣниться. Я отлично понимаю, какую прекрасную партію она дѣлаетъ, поэтому-то мнѣ и не хотѣлось бы, чтобы все это разстроилось.

— Ты хочешь сказать, что...

Патронъ нерѣшительно осмотрѣлся кругомъ; ему было такъ трудно формулировать свой вопросъ.

— Я хочу только сказать, что такая дѣвушка, какъ Сельма, не похожа на тѣхъ женщинъ, которыхъ... гм... которыхъ ты встрѣчалъ. Въ этой дѣтской душѣ есть что-то до такой степени робкое и застѣнчивое, что-то... ну, какъ бы это выразиться?—что-то до

нельзя пугливое. Она способна оскорбиться какою-нибудь бездѣлицей, на которую никто другой и не подумалъ бы обратить вниманіе. Надо дать ей время привыкнуть къ тебѣ; ты долженъ обращаться съ ней такъ... ну, да, такъ, какъ если бы ты хотѣлъ поймать птичку.

Послѣднія слова пасторъ произнесъ быстро, въ противоположность предъидущимъ, и засмѣялся при этомъ короткимъ, беззвучнымъ смѣхомъ. Придуманное имъ сравненіе показалось ему необыкновенно комично, когда онъ взглянулъ на толстаго Бристерсона.

— Но, Господи Боже, поцѣловать-то ее мнѣ, надѣюсь, позволять!—вскричалъ свонфуженный женихъ въ порывѣ отчаянія.

— Д - да. Но я бы лучше совѣтовалъ тебѣ не слишкомъ торопиться.—Пасторъ сдерживалъ смѣхъ, но внутренно онъ весь дрожалъ отъ хохота, и широкій, сжатый ротъ его казался еще шире отъ саркастической складки въ углахъ губъ.

Водворилось молчаніе и патронъ снова началъ рассказывать по комнатѣ.

Сколько подготовленій! А онъ-то мечталъ, что любовь его будетъ триумфальнымъ шествіемъ! Ликующее чувство блаженства, разцвѣтшее въ его душѣ, стало медленно гаснуть, какъ умирающее пламя.

— Вѣдь, нѣтъ, конечно, надобности надолго откладывать свадьбу,—сказалъ онъ,—намъ, вѣдь, нечего ждать.

— Да, нечего, кромѣ оглашенія и туалета невѣсты, — отвѣтилъ пасторъ, лицо котораго сдѣлалось вдругъ серьезно.

Онъ всталъ и пригласилъ своего гостя наверхъ.

Сердце патрона забилося сильнѣе: все носило такой торжественный характеръ.

Гостиная была освѣщена, но они не встрѣтили въ ней никого.

— Присядь покамѣсть; я позову Сельму, — сказалъ пасторъ.

Патронъ подошелъ къ одному изъ столовъ и опустился на стулъ. Въ комнатѣ было такъ тихо и все казалось ему такимъ незнакомымъ; можно было подумать, что весь дождь погрузился въ жиданіе, какъ и онъ самъ. Но вотъ наверху стукнула дверь и слышались шаги на лѣстницѣ. Потомъ дверь отворилась и Сельма пошла одна.

Патронъ пошелъ къ ней на встрѣчу и взялъ ея руку. Она была олодна и слегка дрожала. Сельма была совсѣмъ не похожа на себя. Пренія непринужденность смѣнилась неувѣренностью, тягостно подѣйствовавшей даже на патрона.

— Сельма, — больше онъ ничего не могъ сказать. Этимиъ словомъ онъ какъ бы просилъ у нея прощенія, потому что самая бѣдность на этомъ дѣтскомъ личиѣ являлась упрекомъ. Но онъ сдѣлаетъ ее счастливою, непремѣнно сдѣлаетъ!

Въ ея обыкновенно ясномъ взорѣ сквозило сознание виновности, когда она взглянула на него; но она не выдернула своей руки, подошла вмѣстѣ съ нимъ къ столу и они сѣли другъ противъ друга. Онъ замѣтилъ, что она принарядилась. Волосы ея были приглажены и на ней было ея лучшее платье — синее, съ атласною отдѣлкой.

— Миѣ надо прежде кое-что сказать вамъ, — начала она своимъ густымъ контраalto, въ которомъ слышалась слабая вибрація. — Миѣ надо многое сказать вамъ. А потомъ вы ужь сами рѣшите.

Пока она говорила, на ея щекахъ выступили два пунцовыхъ пятна. На столѣ стояла лампа и бѣлый матовый шаръ сосредоточивалъ весь свѣтъ на ея лицѣ, такъ что краски выдѣлились на немъ еще рѣзче, чѣмъ всегда, и свѣжій пурпуръ губъ казался еще ярче отъ нѣжной бѣлизны подбородка.

Патрону вдругъ страстно захотѣлось поцѣловать ее, но онъ вспомнилъ предостереженіе пастора.

— Еслибъ я сказала вамъ, что люблю васъ, я сказала бы неправду, — продолжала она тономъ школьника, декламирующаго отрывокъ изъ поэмы, особенно пришедшійся ему по вкусу. Она, очевидно, повторяла вытверженный урокъ. — Но если я вамъ въ самомъ дѣлѣ нравлюсь, — а я думаю, что это такъ и есть, — то я, пожалуй, могла бы полюбить васъ, конечно, не такъ, какъ я люблю своего папу, но, можетъ быть, такъ, какъ я люблю дядю или своего двоюроднаго брата Рикарда.

Патронъ вдругъ встрепенулся.

— Вотъ какъ! Развѣ вы любите его?

— Само собою разумѣется! Вѣдь, онъ мой единственный братъ! — Она посмотрѣла на него съ обиженнымъ видомъ и снова стала прежнею Сельмой.

Не особенно заманчива была эта перспектива — заставить полюбить себя, какъ двоюроднаго брата, но...

— Это придетъ потомъ, это придетъ потомъ, — началъ онъ увѣрять ее.

— Ну, нѣтъ, — отвѣтила она рѣшительно, — я именно это и хотѣла сказать вамъ, что это, навѣрное, никогда не придетъ.

— Конечно, придетъ, — сказалъ онъ съ улыбкой; — придетъ, когда мы повѣщаемся.

— О, это не может составить большой разницы, — возразила она тономъ превосходства, — кто же не знаетъ, что время немолвки самая счастливая пора! — Она говорила съ такою увѣренностью, какъ будто была уже немолвлена, но крайней мѣрѣ, разъ десять.

— Но, Сельма, вѣдь, вамъ не нравится никто другой? — спросилъ онъ осторожно.

— Боже избави, я никогда не была способна легко воспламениться.

Можно было подумать, что ея прошлое представляетъ несчастный рядъ годовъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ...

— Да, я тоже такъ думаю, — перебила она его съ оживленіемъ, вообразивъ, что онъ понялъ ея мысль, — вѣдь, и безъ этого можно отлично обойтись. Вѣдь, люди такъ ужасно разнятся другъ отъ друга. Одни непремѣнно считаютъ нужнымъ *влюбляться*, — она насмѣшливо протянула это слово, — другіе же могутъ только чувствовать расположеніе. А, вѣдь, между этими двумя чувствами громадная разница, скажу я вамъ.

Она сдѣлала паузу и вопросительно взглянула на него, чтобъ убѣдиться, въ состояніи ли онъ слѣдить за ея глубокомысленнымъ разсужденіемъ.

Онъ сидѣлъ противъ нея, совершенно поглощенный мыслью о поцѣлѣ, не выходящемъ у него изъ головы. Поэтому онъ только кивнулъ. Она приняла это за выраженіе согласія.

— Да, конечно, — сказала она съ облегченіемъ, — я никакъ не могу понять, что въ этомъ такого пріятнаго. Нѣтъ ничего скучнѣе влюбленныхъ людей, и я не разъ давала себѣ слово, что про меня, по крайней мѣрѣ, никакъ ужъ нельзя будетъ сказать, что я готова растаять, какъ другія дѣвушки, когда онѣ помолвлены. Видите ли, я собственно думала прежде никогда не выходить замужъ, — прибавила она болѣе довѣрчивымъ тономъ. — Я надѣялась добиться независимости. Но тутъ столько препятствій... Ахъ! еслибъ нашелся кто — нибудь, кто хоть немножко помогъ бы мнѣ! Мнѣ такъ хотѣлось бы, все-таки, жить своимъ собственнымъ трудомъ.

Она взглянула на него украдкой, чтобы посмотреть, удастся ли ей заманить его въ эту ловушку.

Онъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на нее съ тупымъ выраженіемъ, нѣсколько напоминая собой человѣка, который совершенно разморился, стоя у печки, и потому не въ силахъ отойти отъ нея. По крайней мѣрѣ, такимъ показался онъ Сельмѣ съ своимъ блѣдымъ лоснящимся лицомъ и полузакрытыми вѣками.

Она громко кашлянула, и слезы досады выступили у нея на глазахъ.

— Мнѣ было бы въ тысячу разъ пріятнѣе пробить себѣ дорогу трудомъ, чѣмъ выйти замужъ, — воскликнула она, испугавшись его стереотипной улыбки.

— Чѣмъ же вы хотѣли бы сдѣлаться? — спросилъ онъ, съ усиліемъ отрываясь отъ своего любовнаго кошмара.

— Художницей, — тихо отвѣтила она. — Помогите мнѣ въ этомъ.

Она навлонилась впередъ, схватила его руки и заглянула ему въ лицо. Эта смѣлая натура могла, когда хотѣла, быть по-своему вкрадчивой.

Онъ посмотрѣлъ въ эти молящія глазки, ясные и переливчатые, какъ морская вода въ тихій солнечный день. Развѣ же не была она прекрасна?

— Вы будете дѣлать все, что вамъ вздумается, когда мы обвиняемся, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Все? — Она посмотрѣла на него съ сомнѣніемъ.

— Все, все! Никогда я не буду въ состояніи отказать вамъ въ чемъ-нибудь.

Онъ схватилъ ее за голову и поцѣловалъ ее порывисто и страстно.

Она покраснѣла до ушей, поднялась съ своего мѣста, вынула носовой платокъ и вытерла себѣ губы.

— Такъ вотъ какъ, — сказала она съ гнѣвомъ, — вотъ какъ! — Больше она не могла произнести ни слова.

Онъ вскочилъ и остановилъ ее въ ту самую минуту, какъ она взялась за ручку двери, чтобъ уйти.

— Я не буду больше, — вскричалъ онъ, — влянусь вамъ, не буду!

Въ этихъ словахъ было столько искренности, что она оглянулась. Но она смотрѣла на него, какъ на дикаго звѣря, въ которомъ можно подозрѣвать злой умыселъ.

— Подите же, сядьте сюда, вообразите себѣ, что этого вовсе и не было.

— Да, какже! — протянула она кислымъ тономъ и снова сдѣлала гримасу.

— Ну, ну, я больше не буду. Когда мы обвиняемся, вы увидите, какъ...

— Нѣтъ ужъ, конечно, не увижу! — оборвала она его сердитъ.

— Не будемъ же ссориться изъ-за этого.

Ей показалось, что онъ теперь совсѣмъ пришелъ въ себя, и они опять заняли прежнія мѣста.

— О чемъ это вы говорили? О живописи? Вѣдь, такъ?

— Да.

Она угрюмо смотрѣла на свои колѣни, капризно вытянувъ нижнюю губу.

Надо было постараться возстановить добрыя отношенія.

— Когда вы выйдете замужъ, вамъ можно будетъ рисовать хоть цѣлый день, вы будете совершенно вольны дѣлать все, что вамъ угодно.

Она не отвѣчала и продолжала разглаживать рукой свое платье.

— Ну, полно, стоить ли дуться изъ-за этого!—сказалъ онъ шутливо, взявъ ея обѣ руки и тряся ихъ въ своей, какъ бы для того, чтобъ снова вызвать ее къ жизни.

Она расхохоталась.

— Но, вѣдь, это было ужасно глупо съ твоей стороны... Какъ могъ ты такъ, ни съ того, ни съ сего, взять, да и поцѣловать меня?

Это «ты» было сказано такъ непринужденно, что прозвучало въ его ушахъ точно музыка. Теперь онъ побѣдить, онъ долженъ побѣдить во что бы то ни стало!

— Ну, что же ты еще хотѣла сказать?—весело спросилъ онъ.

— О, много, очень много,—сказала она, улыбаясь своимъ собственнымъ словамъ,—ты и представить себѣ не можешь, сколько у меня мыслей въ головѣ!

— Ну, говори же.

Между ними сразу возникла короткость и все изъ-за этого маленькаго словечка. Для ея дѣтскаго тщеславія было такъ «лестно» говорить «ты» самому богатому магнату въ околотеѣ, а для него оно являлось нѣжною лаской, когда, не то застыдливо, не то лукаво, слетало съ ея устъ.

Быть можетъ, она думала, что повела себя немножко глупо, и хотѣла это загладить. Вѣдь, этотъ поцѣлуй не Богъ ужь вѣсть какое преступленіе съ его стороны; хотя онъ былъ совсѣмъ не сладокъ, о, далеко нѣтъ. Но, вѣдь, это такъ ужь водится между женихомъ и невѣстой.

— Слушай, теперь намъ надо поговорить серьезно,—сказала она и тронула его за локоть, потому что онъ, очевидно, былъ готовъ все разсматривать съ шутливой стороны: лицо его такъ и сияло.

— Ну, хорошо.

— И такъ, самое главное, это то, что ты меня вовсе не знаешь.

— Ну, знаю достаточно, чтобы любить тебя.

— О да, я тебѣ вѣрю! Вѣдь, очень часто случается, что люди

намъ нравятся только потому, что мы ихъ слишкомъ мало знаемъ. — У нея былъ неистощимый запасъ житейской мудрости. — Но лучше ужъ я скажу тебѣ въ точности, какая я; по крайней мѣрѣ, дѣло будетъ на чистоту... Ну, хочешь слушать?

— О да, конечно.

Она начала считать по пальцамъ, всякій разъ многозначительно кивая головой:

— Во-первыхъ, я терпѣть не могу стряпать кушанье, а это — большой недостатокъ.

— Экономку я найду себѣ за деньги; тебѣ не надо будетъ готовить кушанье.

— Потомъ, я вспыльчива.

— Ну, это современемъ уляжется.

— Но, вѣдь, я могу разразиться, какъ ураганъ; потомъ, я упряма; потомъ, я неряха и взбалмошная. А если ты мнѣ не вѣришь, спроси у тѣти.

Онъ смѣялся и не сводилъ съ нея глазъ. Она же относилась къ дѣлу очень серьезно и съ отогнутымъ пальцемъ соображала, что бы такое придумать напоследокъ.

— И никогда въ жизни я не влюблюсь въ тебя.

Это было заключеніе, и она растопырила пальцы въ знакъ того, что теперь все было сказано.

— Мы это увидимъ, — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, будь же благоразуменъ. Вѣдь, я говорю тебѣ, что не могу влюбиться. Что-жь, ты, все-таки, хочешь, чтобы я вышла за тебя?

— Во всякомъ случаѣ, во всякомъ случаѣ, — бормоталъ онъ.

— Ну, такъ ужъ самъ себя вини потомъ. Не говори, что я тебя обманула!

— Нѣтъ, нѣтъ. Но, вѣдь, свадьба будетъ скоро?

— Объ этомъ ты ужъ самъ переговори съ дядей!

— Значить, теперь ты моя невеста. — Онъ протянулъ ей руку, и она дала ему свою съ торжественною серьезностью.

Они просидѣли нѣсколько минутъ молча. У каждого были свои мысли.

Сельма первая нарушила молчаніе:

— Знаешь, что я начинаю думать? Вѣдь, это, пожалуй, гораздо лучше, что ты настолько старше меня. Еслибъ ты былъ однимъ лѣтъ со мной, то врядъ ли былъ бы умнѣе меня, и я бы себя чувствовала все такую же одинокой. И, кромѣ того... я постоянно бо-

власъ бы, что ты разлюбишь меня и полюбишь другую!—Она закусила нижнюю губу и бросила на него лукавый взглядъ.

— Ну, тебѣ никогда не придется бояться этого, — отвѣтилъ онъ, польщенный ея словами. Онъ забылъ принять въ расчетъ ея фатальное «еслибъ».

— Да, а теперь это гораздо лучше, — продолжала она, — потому что теперь ты человекъ старый, разсудительный и можешь быть для меня опорой. Хоть никто мнѣ не вѣритъ, но я, все-таки, скажу тебѣ, что мнѣ ужасно хочется быть благоразумной.

— Ты сдѣлаешься современемъ славною жѣнушкой!

— Да, знаешь, я и сама въ этомъ увѣрена, — сказала она чистосердечно. — Мнѣ такъ бы хотѣлось быть со всѣми ласковой и вѣжливой, но порой на меня находятъ какое-то бурное настроеніе и тогда я не въ силахъ сдерживать себя и начинаю придумывать разныя шалости. А если меня за это бранятъ, я дѣлаюсь уже со-всѣмъ гадкой, но, видишь ли, тогда я *молчу*.

— О, я никогда не былъ бы въ состояніи сердиться на тебя!

— Правда? Ну, въ такомъ случаѣ, мы, навѣрное, будемъ друзьями. Знаешь ли, иногда я чувствую себя такою одинокой, точно никому нѣтъ дѣла до меня, точно весь міръ ничуть бы не измѣнился, еслибъ меня и не было на свѣтѣ, и такую я чувствую пустоту! Вотъ въ такія-то минуты у меня и является желаніе, чтобы нашелся кто-нибудь, кто полюбилъ бы меня, крѣпко полюбилъ бы меня, больше всего на свѣтѣ, и не изъ-за родства или чего-нибудь подобнаго, а просто ради меня самой, и кому я могла бы говорить все, что у меня на душѣ. Ты не повѣришь, какъ скучно все думать, думать и не имѣть никого, кому можно было бы разсказать, о чемъ думаешь. Знаешь ли, иногда мнѣ бываетъ такъ грустно, что я не могу удержаться отъ слезъ, хотя и сама не знаю, о чемъ я плачу, и такая на меня находятъ тоска, такая ужасная тоска!

Она смогла и задумалась. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Потомъ она придвинула къ нему свой стулъ, такъ что они усѣлись совсѣмъ рядомъ и, повернувшись къ нему, она оперлась локтями на его колѣни и взглянула ему въ лицо. Онъ взялъ ея руки въ свои и они просидѣли нѣсколько времени молча.

— У меня, конечно, есть папа, — снова заговорила она, — но онъ всегда такъ занятъ своими дѣлами, и потому это, все-таки, не то. Можешь ты полюбить меня?

Не онъ, а она дѣлала этотъ вопросъ.

Но, вмѣсто отвѣта, онъ только улыбался и пожималъ ея руки.

Бурный порывъ страсти мало-по-малу улегоя подь вліяніемъ какой-то таинственной силы, какой-то ласкающей теплоты, подобной тому чувству, которое овладѣваетъ нами, когда мы сидимъ вечеромъ у камина и двое малютокъ, взобравшись къ намъ на колѣни, прижимаются къ намъ головкой, чтобъ насладиться въ полномъ спокойствіи темнотой, безмолвіемъ и собственною довѣрчивостію. Такого чувства патронъ никогда не испытывалъ, никогда даже не могъ представить себѣ его, и теперь, хотя онъ ощущалъ нѣчто подобное, онъ, все-таки, не понималъ этого.

И, въ то же время, къ ихъ настроенію примѣшивалась грусть, сжимавшая сердце, безотчетная грусть, точно они оба виноваты передъ кѣмъ-то, но передъ кѣмъ же... передъ кѣмъ?

Въ эту минуту пасторъ отворилъ дверь. Онъ остановился на порогѣ, вглядываясь въ группу.

Патронъ сидѣлъ на стулѣ; изъ-за высокой спинки выступала только его затылокъ. Сельма представляла собой главную фигуру. Свѣтъ лампы, напоминавшій Рембрандтовское освѣщеніе, падалъ на бѣлокурые волосы и смѣлыя линіи профиля, оставляя все прочее въ тѣни. Но въ самой ея позѣ, въ томъ, какъ она наклонилась впередъ, откинувъ назадъ голову, было выраженіе довѣрія, при видѣ котораго пасторъ испыталъ неприятное ощущеніе, подобное электрическому удару.

Мысль о сынѣ мелькнула, какъ молнія, въ его мозгу. Каково было бы, еслибъ *онъ* сидѣлъ тутъ съ нею?

Они были такъ дороги ему, эти два существа. Для нихъ онъ строилъ планы, объ ихъ счастіи мечталъ онъ. Вѣдь, такъ естественно было бы желать ихъ союза. На него нашла минутная слабость. Но нѣтъ. Продолжительная помолвка и бракъ между кузенами — это не было въ его вкусѣ. И, къ тому же, что ожидало бы ихъ?—плохія обстоятельства, пожалуй, даже долги? Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ сухо и саркастически улыбнулся своей фантазіи. Нѣтъ, они должны были занять видное положеніе въ свѣтѣ, и онъ, и она. Деньги—сила. Онъ самъ, сынъ викарія, наголодавшійся и натерпѣвшійся всякихъ униженій въ тяжелую пору ученія, зналъ это хорошо.

Онъ кашлянулъ и подошелъ къ нимъ.

— Что-жъ, поладили вы?—ласково спросилъ онъ.

— Да, поладили, —весело отвѣчалъ женихъ.

— Да благословить тебя Господь, дитя мое; я увѣренъ, что ты будешь доброю женой.

Растроганная тономъ дяди, Сельма бросилась ему на шею. При-

живая ее къ своей груди, онъ услышалъ долгій, трепетный вздохъ. То было ее послѣднее «прости» мечталь о трудовой, независимой жизни, и въ душѣ пастора поднялось при этомъ что-то похожее на укоръ совѣсти.

— Ну, я пойду, сообщу важную новость своей старухѣ, — сказалъ онъ, — хотя я сильно подозреваю, что она уже кое-о-чемъ догадывается, потому что отчаянно хлопочетъ въ кухню.

Но Сельма все еще не выпускала его изъ своихъ объятій.

— И нынче же вечеромъ я пошлю телеграмму твоему отцу. Ты можешь быть увѣрена, что онъ обрадуется. — Онъ шепнулъ ей эти слова на ухо тихимъ, ласкающимъ голосомъ.

Она посмотрѣла на него; его лицо казалось моложе отъ освѣщавшей его пріятливой улыбки.

Когда дядя поцѣловалъ ее въ лобъ и вышелъ изъ комнаты, ей стало такъ легко на душѣ, точно она сдѣлала доброе дѣло. И въ порывѣ радости она подбѣжала къ жениху, взяла его подъ руку и начала ходить съ нимъ по комнатѣ.

Онъ слушалъ ее милую болтовню съ добродушною улыбкой, дѣлавшей его прямо-таки симпатичнымъ.

Вдругъ патронъ остановился и взглянулъ на свою невѣсту.

— Ты, вѣроятно, желала бы имѣть и то, и другое, — сказалъ онъ, — но еслибъ я самъ принялся за это и закупилъ цѣлую массу вещей, то, все-таки, врядъ ли сумѣлъ бы угодить тебѣ.

Она посмотрѣла на него весело и беззаботно, не совсѣмъ понимая, чтѣ онъ хочетъ сказать.

То, что почувствовалъ патронъ, взглянувъ въ ее довѣрчивое личико, превзошло его самыя смѣлыя ожиданія. Это было нѣчто совсѣмъ новое, никогда еще имъ неиспытанное. Это было что-то вроде благодарности. А такъ какъ для него существовалъ только *одинъ* способъ изъяслять ее, то онъ вынулъ свой бумажникъ.

Она смотрѣла на него съ любопытствомъ. Теперь у нихъ не было секретовъ другъ отъ друга: какъ это забавно!

— Лучше будетъ, если ты сама купишь все, что тебѣ надо, — сказалъ онъ, перебирая толстую пачку ассигнацій.

Онъ уже заранѣе сообразилъ, что положеніе жениха обойдется ему не дешево.

— Смотри, довольно тебѣ будетъ на первый разъ трехъ сотъ кронъ?

Она продолжала опираться на его руку, но какъ можно дальше отодвинулась отъ него.

— Это, конечно, только на разные пустяки; подарки я, разумеется, самъ куплю,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Она покачала головой и положила руку за спину, какъ будто бы ей было страшно прикоснуться къ деньгамъ.

Онъ засмѣялся. Какой она еще ребенокъ! Но этимъ она еще больше ему понравилась.

— Такъ ты не хочешь?

— Нѣтъ. Дядя дастъ все, что мнѣ нужно.

Лицо ея было неумолимо серьезно.

Онъ съ трудомъ удержался отъ смѣха, но спряталъ деньги обратно въ бумажникъ.

— Какъ тебѣ угодно.

Они снова стали ходить по комнатѣ, но Сельма не была уже такъ весела, какъ раньше.

Вскорѣ послѣ того вошла фру Бергъ. Она вся раскраснѣлась отъ кухни, а, можетъ быть, и отъ душевнаго волненія. Глаза ея смотрѣли сурово, но она улыбалась, поздравляя жениха и невѣсту. Очевидно, она дѣлала надъ собою усиліе, чтобы быть любезной.

Сѣли ужинать; жениха посадили рядомъ съ хозяйкой, невѣсту—рядомъ съ хозяиномъ. Разговоръ шелъ очень оживленно, благодаря пастору, бывшему въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Онъ потребовалъ вина — это еще усилило праздничное настроеніе. Пасторша была въ высшей степени предупредительна, но имѣла видъ жертвы. Она не могла примириться съ тѣмъ, что это дитя, «не умѣющее ни къ чему рукъ приложить», будетъ полновластною хозяйкой въ своемъ домѣ. Она видѣла въ этомъ чуть ли не обиду себѣ. Это новое время съ своими принципами равенства—Господи, къ чему только оно приведетъ!

Все, что не приходилось ей по вкусу, она обыкновенно ставила въ счетъ новому времени, а не правилось ей очень многое, потому что она страдала хроническимъ катарромъ желудка.

Зашла рѣчь о томъ, что надо объявить о помолвкѣ, какъ только будутъ куплены кольца.

— Естати, я завезу публикацію,—сказалъ женихъ.

— Но если мнѣ будетъ позволено высказать мое мнѣніе,—начала хозяйка съ своею натянутою учтивостью,—то, по-моему, карточки были бы гораздо приличнѣе. Всѣ эти нововведенія...

— Но это радикальнѣе,—настаивалъ патронъ.

— Да, да, мы сдѣлаемъ публикацію,—рѣшительнымъ тономъ произнесла Сельма.

Она чувствовала нѣкоторое злорадство: теперь тетка не посмѣетъ указывать ей.

Женихъ одобрительно кивнулъ ей черезъ столъ. Онъ находилъ совершенно естественнымъ, что она держитъ его сторону.

— Публикаціямъ предстоитъ во всѣхъ отношеніяхъ великая будущность, — сказалъ онъ. — Вы увидите, фру Бергъ, что скоро будутъ даже жениться по публикаціямъ.

— Ну, вы шутите, — отвѣтила она.

— Но почему же нѣтъ? По-моему, это очень практично.

— Ты, конечно, не серьезно говоришь это? — вскричала Сельма съ испуганною миной.

— Разумѣется, серьезно. Что же можно сказать противъ этого?

При этихъ словахъ ее охватило какое-то странное чувство отвращенія. Ей казалось, что въ нихъ есть что-то возмутительное, что они какъ бы унижаютъ ее самою, что въ нихъ кроется что-то такое, чего она должна стыдиться, но чего собственно, этого она не могла опредѣлить.

— Это противузаконно, — послѣшно сказала она.

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, — возразилъ женихъ. — Если бракъ совершенъ по формѣ, то никто не имѣетъ права спрашивать, какимъ образомъ познакомились между собою договаривающіяся стороны. Это ихъ частное дѣло.

— Но искать себѣ жену по публикаціямъ! Развѣ можно знать заранее, что полюбишь человѣка, котораго никогда не видалъ?

— Рѣшать заранее и не надо; можно, конечно, сперва пови-
даться.

Сельма ничего не отвѣтила, но взглядомъ призвала себѣ на помощь дядю.

— Я нахожу, что это не вполне прилично, но противузаконнымъ этого никакъ нельзя назвать, — отвѣтилъ онъ.

— Но это... это... — она искала словъ, — это гадко...

— Я позволю себѣ сказать, что, по-моему, Сельма права, — виѣшалась фру Бергъ.

Сельма бросила на нее признательный взглядъ, а пасторъ навелъ разговоръ на другую тему. Но веселость невѣсты исчезла.

Конецъ вечера протянулся довольно скучно, хотя патронъ сіялъ попрежнему.

Передъ отъѣздомъ онъ вошелъ въ комнату пастора подъ предлогомъ закурить сигару.

— У меня къ тебѣ просьба, — сказалъ онъ, — позволь мнѣ оставить у тебя эти деньги, и если Сельмѣ понадобится что-нибудь...

Патронъ вынулъ вторично свои ассигнаціи. Онѣ положительно жгли ему руки. Онъ такъ привыкъ расплачиваться за все чистыми деньгами; теперь же, какъ ему казалось, на немъ лежалъ долгъ чести.

— Я общалъ ей...—и пасторъ деликатно кашлянулъ.

— Да, она говорила мнѣ и ни за что не хотѣла ничего взятьъ отъ меня, но я думалъ... Ты понимаешь, что это доставить мнѣ такую радость! Вѣдь, ей вовсе и не надо знать объ этомъ.

Пасторъ похлопалъ его по плечу.

— Я отлично понимаю тебя,—сказалъ онъ почти растроганнымъ голосомъ.—Будь покоенъ, все будетъ сдѣлано по ея желанію. И они разстались.

У.

Время помолвки прошло не безъ волненій. Самъ патронъ называлъ его «бурнымъ приливомъ и отливомъ» и изъ всѣхъ силъ तोпилъ свадьбу.

Патронъ долженъ былъ переѣхать въ свое новое помѣстье раньше брачной церемоніи, чтобы все приготовить для встрѣчи молодой хозяйки. Фру Бергъ была руководительницей всѣхъ его распоряженій, и среди общихъ хлопотъ она и патронъ сдѣлались самыми задушевными друзьями, потому что онъ обладалъ неизмѣримо высокимъ, въ ея глазахъ, достоинствомъ, — никогда не жалѣлъ денегъ на покупки, лишь бы прибрѣтаемыя вещи были красивы и полезны.

Даже въ Сельмѣ почтенная пасторша стала относиться благосклоннѣе, благодаря тому, что она предоставляла имъ распоряжаться какъ они хотѣли, а когда спрашивали ея мнѣнія, то неизмѣнно отвѣчала: «отлично». Что въ этомъ отвѣтѣ было больше равнодушія, чѣмъ одобренія,—объ этомъ пасторша не заботилась.

Сельма нѣсколько разъ просила жениха освободить ее отъ даннаго слова. Она не хотѣла нарушить его безъ согласія патрона, — такъ сильно связывали ее возвышенныя представленія о требованіяхъ чести и о святости обѣщанія.

Несмотря на то, что она была женщина—или, можетъ быть, именно поэтому—ей былъ свойственъ духъ какого-то фанатическаго рыцарства.

Однакожь, ея переговоры съ женихомъ кончались всякій разъ тѣмъ, что она только раскандалась въ огорченіи, причиненномъ ею этому терпѣливому Юву. Его безпримѣрная покорность дѣйстви-

вала сильнѣе всего другого. Затѣмъ мало-по-малу дѣвушка немного успокоилась и сдѣлалась довѣрчивѣе. Порой она даже бывала весела и ласкова. Въ такія минуты патронъ радъ былъ бы озолотить ее.

Послѣднее время передъ свадьбой прошло въ полномъ согласіи. Сельма совершенно увѣрилась въ томъ, что можетъ дѣлать изъ своего жениха все, что ей угодно.

Въ пасторатѣ шла страшная суета, и приготовленія къ свадьбѣ не давали никому покоя. Фру Бергъ принадлежала къ числу тѣхъ хозяекъ, которыя не упускаютъ случая перевернуть вверхъ дномъ свое царство, — разумѣется, постоянно жалуясь на суматоху, поднятую ими самими.

Для пастора, любившаго спокойствіе, это былъ періодъ тяжелаго испытанія, но онъ оставался въ своей комнатѣ и радовался побѣдѣ.

Свадьбу назначили на 20 ноября. Это былъ очень ранній срокъ, но откладывать было не для чего. Сначала думали погодить, пока невѣстѣ исполнится семнадцать лѣтъ, но тогда свадьба пришлась бы къ самой рождественской уборкѣ, а какія-нибудь три недѣли не составили бы большой разницы.

— Но, вѣдь, это прекуръезно — вѣнчаться въ шестнадцать лѣтъ, — говорила она сама.

Женихъ толковалъ что-то о свадьбѣ съ бонбоньерками и немедленномъ отъѣздѣ, но фру Бергъ не хотѣла и слышать объ этомъ. Свадьбу надо было отпраздновать на славу, съ множествомъ приглашенныхъ. Пасторъ предоставилъ все на ея волю, какъ и всегда, когда дѣло касалось вещей, которыя самъ онъ не придавалъ значенія.

Утромъ знаменательнаго дня Сельму заперли въ одну изъ комнатъ, приготовленныхъ для гостей, такъ какъ никто не долженъ былъ видѣть невѣсту до начала церемоніи. Таково было строжайшее предписаніе фру Бергъ, и Сельма тѣмъ охотнѣе подчинилась ему, что голова ея была въ папильоткахъ, торчавшихъ во всѣ стороны и далеко не граціозныхъ.

Мѣстомъ ареста была большая комната со старою мебелью и только двумя окнами.

Сначала молодая дѣвушка развлекалась приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ прелестей своего вѣнчальнаго туалета, разложенныхъ на диванѣ. Но мало-по-малу это ей прискучило и она стала нетерпѣливо ждать освобожденія.

Благодаря маленькимъ золотымъ часикамъ, полученнымъ въ подарокъ отъ жениха, она могла, по крайней мѣрѣ, слѣдить за

временемъ. Но медленность, съ которой оно тянулось, приводило ее въ отчаяніе.

Вдругъ она вскочила, заслышавъ стукъ подъѣзжающаго экипажа. Это гости со станціи, навѣрное, папа,—быть можетъ, и Рикардъ! Она не могла ничего видѣть, потому что окна выходили въ садъ.

Рикардъ написалъ, что ему невозможно пріѣхать, и только настоятельныя убѣжденія отца заставили его дать обѣщаніе—быть на свадьбѣ. Но что, если онъ, все-таки, не пріѣдетъ? Это было бы такъ на него похоже,—онъ всегда поступалъ наперекоръ другимъ.

Она съ угрюмою миной присѣла къ столу, положивъ на него руки и опершись на нихъ головой. Не развернуть ли одну папильотку, чтобы посмотрѣть, какіе выйдутъ локоны? Ахъ, нѣтъ, они тогда не завьются. Она смала лобъ холодными руками; у нея стучало въ вискахъ.

Что-то удивительное происходило въ ея мысляхъ. Ей казалось, что отъ страшнаго наплыва ихъ черепъ готовъ расколоться. Она усиливалась удержать ихъ на мѣстѣ, но онѣ разбѣгались, какъ испуганныя овцы. Ахъ, если бы онѣ остановились,—совсѣмъ, совсѣмъ остановились! Это было бы единственное спасеніе. Теперь онѣ, вѣдь, не могли ни на одинъ часъ опередить событий безъ того, чтобы не очутиться въ запретной области. Въ этомъ заключалось ея представленіе о такъ называемой «чистотѣ души», это былъ главный итогъ правилъ, данныхъ ей въ руководство для жизни, или, вѣрнѣе, служившихъ преградой, за которую мысли не смѣли простираться. И она почувствовала бы презрѣніе къ самой себѣ, еслибъ стала втихомолку заниматься вопросами, которые стыдилась высказать вслухъ. Это была такая наивно-честная душа!

Ей хотѣлось бы перечитать порядокъ бракосочетанія, еслибъ былъ подъ рукою молитвенникъ, потому что она не совсѣмъ твердо знала его: всегда смѣются надъ дѣвушками, которыя вздумаютъ выучить его на память. Это считается чѣмъ-то постыднымъ. Но, во всякомъ случаѣ, она была намѣрена отвѣчать хорошо и отчетливо.

Поль просилъ ее не плакать. Но о чемъ же ей плакать? Вѣдь, этотъ день долженъ быть днемъ радости! Гм... Не слишкомъ-то радостенъ казался онъ ей.

Въ корридорѣ послышались шаги, это, навѣрное, Рикардъ! Она бросилась къ двери и пріотворила ее настолько, чтобъ ей было слышно его, но чтобъ онъ ее не видалъ.

— Рикардъ!

Она сказала это тихо и робко, но въ голосѣ ея звучало радостное ожиданіе. Вѣдь, онъ могъ, все-таки, перекинуться съ ней словомъ, хотя ему и нельзя было войти къ ней. Цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ они не видались, а онъ даже не поздравилъ ея.

Но отвѣта не послѣдовало, раздались только удаляющіеся шаги.

— Рикардъ!

На этотъ разъ въ тонѣ было и разочарованіе, и упрекъ.

Но шаги уже смолели и гдѣ-то щелкнулъ замокъ двери.

— И, все-таки, я готова побойться, что это былъ онъ, — проворчала Сельма и вернулась на свое мѣсто. На одно мгновеніе слезы подступили было ей къ горлу, но она осилила ихъ.

Наконецъ, явилась портниха Карна съ обѣдомъ на поднось.

— Всѣ приказали вамъ кланяться, фрѣкенъ, — сказала она.

— Папа пріѣхалъ?

— Да.

— А Рикардъ?

— Тоже.

Карна отодвинула туалетное зеркало и поставила поднось на столъ.

— Бѣдненькая фрѣкенъ, какво вамъ сидѣть взаперти!

— Еще бы! Мнѣ кажется, я умру отъ скуки.

— Вѣдь, ужъ какъ мы торопимся! Зала скоро будетъ совсѣмъ убрана и какъ это вышло красиво!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ же! Только господинъ кандидатъ ходитъ такой хмурый и дуется, какъ мышь на крупу.

— Почему это?

— Ужь не знаю.

— А еще кто-нибудь есть?

— Пропастъ народу пріѣхало съ послѣднимъ поѣздомъ.

Карна собралась уходить.

— Милая Карна, начните пораньше одѣвать меня; по крайней мѣрѣ, у меня будетъ чѣмъ заняться.

— Сейчасъ же приду, какъ только зала будетъ готова! — и Карна ушла.

Кончивъ обѣдъ, Сельма начала готовить свой костюмъ, чтобы время шло, все-таки, скорѣе. Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Кто это?

— Это я, моя душечка, — отвѣчалъ женихъ.

— Тебѣ нельзя входить!

— Нѣтъ, я не войду. Я хочу только сказать тебѣ кое-что.

Она подбѣжала къ двери и схватилась за ручку ради безопасности.

— Ну, что-жь? Говори!

— Я передамъ Барнѣ одну маленькую вещицу и прошу тебя надѣть сегодня то, что въ ней находится. Это мой свадебный подарокъ.

— Спасибо, спасибо. Но что же это можетъ быть?

— Хочешь посмотрѣть?

— О, да, конечно! Просунь ее въ дверь.

Это былъ словно якорь спасенія, къ которому могли устремиться ея мысли. Она пріотворила дверь, насколько считала нужнымъ, а сама отошла въ сторону, чтобъ ея не было видно. Онъ положилъ на полъ маленький футляръ и затворилъ дверь.

Она нажала замокъ и футляръ раскрылся.

— Но что же это, Поль? — закричала она сквозь затворенную дверь.

— Брошка, — отвѣчалъ онъ со смѣхомъ.

— Да нѣтъ же, я спрашиваю о камняхъ.

— Бриллианты.

У нея явилась уже эта догадка, когда она увидела, какъ они сверкаютъ на бархатномъ фонѣ футляра. Поэтому-то у нея такъ и забилось сердце.

— Настоящіе бриллианты?

— Да, настоящіе.

— О!

Больше она ничего не сказала, но это восклицаніе было такъ краснорѣчиво, что женихъ почувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ.

Она сѣла къ окну и стала разсматривать свою драгоценность, то отодвигая ее въ тѣнь, то выставляя на свѣтъ, чтобы видѣть, когда камни ярче сверкаютъ. Потомъ она стала примѣрять брошку передъ зеркаломъ, приглядывая ее то къ своему батистовому пеньюару, то къ панталоткамъ.

— Ахъ, что это за великолѣпіе!

Не успѣла она налюбоваться ею, какъ пришла Барна одѣвать ее.

— Смотрите, Барна, — закричала Сельма, протягивая ей брошку, — смотрите, что я надѣну!

— Что вы, что вы, фрэкенъ,—серьезно возразила портниха,—такія вещи никогда не надѣваютъ въ день свадьбы; это нехорошая примѣта. Можно надѣть только цвѣты, больше ничего.

— Вотъ пустяки! Я уже обѣщала своему жениху надѣть это,—нетерпѣливо отвѣтила Сельма. Она не чувствовала ни малѣйшей охоты отложить въ сторону свою новую игрушку. Пока портниха распускала ей локоны, она сидѣла неподвижно передъ зеркаломъ и на щекахъ ея горѣли два красныхъ пятна, какъ всегда, когда что-нибудь сильно волновало ее.

— Ну, пусть теперь пожалеетъ тетушка, чтобы надѣть на васъ вѣнокъ,—сказала, наконецъ, Барна, съ гордостью оглядывая произведеніе своихъ рукъ, бѣлое атласное платье, и вытягивая во всю длину его шлейфъ. Сельма стояла выпрямившись и боялась пошевелиться во всемъ этомъ парадѣ, но она, все-таки, была довольна.

Тетка явилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственницъ. Всѣ онѣ были въ шелку и разныхъ дешевыхъ украшеніяхъ. Сельма должна была сѣсть, потому что она была выше фру Бергъ, и на нее надѣли вѣнокъ, совершенно утопавшій въ пышныхъ складкахъ вуаля. Тетка поцѣловала ее въ лобъ и заплакала; другія родственницы стали пожимать ей руки и тоже принялись плакать. Сельмѣ казалось, будто онѣ собрались хоронить ее; рыданія снова сдавили ей горло, хотя она находила, что это глупо.

Она съ досадой посмотрѣла на всѣхъ, стараясь побороть слезы.

— Если вы намѣрены хныкать, то вамъ не зачѣмъ было приходить сюда,—сказала она сердито.—Вѣдь, я обѣщала Полю не плакать.

Ее оставили одну и она успокоилась. Да, правда, ей надо въ послѣдній разъ взглянуть въ лицо Сельмѣ Бергъ. Она наклонилась къ зеркалу. Неужели это въ самомъ дѣлѣ она? Блестящія локоны, спускавшіеся на ея плечи, миртовый вѣнокъ и этотъ прозрачный тюль, окутывавшій ее, словно облако,—все это было такъ ново, такъ восхитительно-ново!

Пришелъ отецъ, чтобы вести ее въ залу; онъ былъ такъ растроганъ, что не могъ говорить.

— Ну, будь умникъ, папа,—сказала она и взяла его за руку.—Его рука сильно дрожала, и Сельма чуть было опять не разсердилась. Что-жь это такое? Неужели всѣ рѣшительно сговорились довести ее до слезъ?

Они пошли по устланному ковромъ корридору, темному, не смотря на лампочки, зажженные по стѣнамъ. Оба они молчали среди

окужавшей ихъ глубокой тишины, и робкое дрожаніе руки сообщилось мало-по-малу отъ отца дочери. И тутъ сразу нашло на нее все то, что она старалась заглушить въ себѣ, —эта мучительная тревога, эта необъяснимая тоска.

Куда идетъ она, къ вѣнцу или на плаху? О, Боже!...

— Я не вѣрую въ Него и Онъ накажетъ меня за это!— снова припомнился ей ея старинный парадоксъ. Такъ неужели же теперь пробилъ часъ наказанія?

Черныя пятна замелькали у нея передъ глазами и предательская слабость овладѣла ея тѣломъ.

Двойныя двери распахнулись передъ ними и они вошли въ залу, изъ которой лился имъ на встрѣчу ослѣпительный свѣтъ. Она почувствовала, что глаза всѣхъ присутствующихъ устремлены на нее, и не рѣшалась поднять своихъ. Черныя пятна, носившіяся передъ ними, дѣлались все больше и больше и странный холодъ подступилъ къ ея сердцу.

Ей надо было сдѣлать надъ собою неимоверное усиліе, чтобы губы ея перестали дрожать, и съ застѣнчивымъ достоинствомъ заняла она мѣсто возлѣ жениха, передъ алтаремъ, у котораго дядя, съ служебникомъ въ рукахъ, готовился соединить на всю жизнь ихъ судьбу и призвать Божіе благословеніе на этотъ брачный союзъ.

Обрядъ начался, дамы тихо всхлипывали, закрывъ лица носовыми платками, но, однако, не спуская глазъ съ невѣсты.

А она... она не могла думать ни о чемъ, кромѣ этихъ черныхъ мельгающихъ пятенъ, говорившихъ ей, что если эта мука продлится еще хоть минуту, то она упадетъ безъ чувствъ на коверъ. Беззвучно, но твердо повторяла она вслѣдъ за пасторомъ вѣтвенныя слова, и вся брачная церемонія прошла такъ гладко, что не къ чему было придраться, кромѣ ужасающей блѣдности невѣсты. И, потомъ, невѣста—и не плачетъ!—пожилыя дамы покачивали головой.

Принимая поздравленія, Сельма съ трудомъ стояла на ногахъ, но держалась безукоризненно. вмѣстѣ съ овладѣвшею ею гнетущею тоскою явилась и сознательность въ ея движеніяхъ. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ ей, что она должна скрыть отъ этихъ любопытныхъ взглядовъ свое душевное состояніе. Она ни на минуту не забыла ни о шлейфѣ, ни о вуалѣ, ни о букетѣ. Даже годесть ея звучалъ размѣренно, улыбка была искусственная, а выраженіе глазъ было такъ хорошо рассчитано, какъ будто она сотни разъ изучала его передъ зеркаломъ.

Она словно переселилась въ другое, совершенно ей чуждое су-

щество. Она двигалась, какъ во снѣ, но съ полнымъ самообладаніемъ.

Бто она: плѣнница среди враговъ? Всѣ эти взоры — неужели они обращены на нее съ тѣмъ, чтобы уловить хоть одинъ признакъ ея страданій? О, никогда, никогда не выдастъ она себя!... И она улыбалась всѣмъ своею снокойною улыбкой, заставлявшею дамъ восклицать съ восхищеніемъ: «Какъ она мила!» Но въ глубинѣ души ея терзала все та же ужасная тревога.

Всѣ были такъ почтительны, такъ ласковы, чуть ли не сострадательны, — всѣ, кромѣ патрона, сившаго счастьемъ, всѣ, кромѣ Рикарда, который держалъ себя съ ней совсѣмъ какъ посторонній. Двоюродный братъ, товарищъ, вѣчно спорившій съ нею, исчезъ въ немъ безъ слѣда. Онъ былъ теперь вѣжливымъ молодымъ человекомъ, отвѣчавшимъ ей, когда она съ нимъ говорила, и только. Но это была, вѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя капля, переполнившая мѣру.

Сельма подошла къ огню и посмотрѣла на дворъ. Ей было необходимо вздохнуть свободно, ей казалось, что иначе она умретъ.

Шторы не были снущены, потому что дворъ былъ полонъ прихожанъ, собравшихся посмотрѣть, какъ пасторъ справляетъ свадьбу. Плошки бросали фантастическій свѣтъ на фигуры, двигавшіяся внизу. Сельма посмотрѣла изъ-подъ руки, чтобы лучше видѣть. Что это? Да, да, конечно... это старуха Мёллеръ! Ее охватила дивная радость и сердце ея усиленно забилося. Аксель былъ наверху, его пригласили ради Рикарда, а вотъ теперь и мать его здѣсь! Она стала такъ, чтобы привлечь на себя вниманіе собравшихся подъ окнами. Въ эту минуту къ ней подошелъ пасторъ.

— Дядя, не сойти ли намъ внизъ, въ контору, чтобы показаться народу? — торопливо спросила она. — Смотрите, какая толпа, а отсюда, вѣдь, ниъ ничего не видно.

— Я какъ разъ хотѣлъ просить тебя объ этомъ, — отвѣтилъ пасторъ, всегда обходительный съ простымъ народомъ.

Они сошли внизъ, окруженные молодыми дѣвушками съ букетами и молодыми людьми съ канделябрами. Это была великолѣпная свадебная процессія. Сельма опиралась на руку мужа и остановилась посреди комнаты, поправивъ ногою шлейфъ. Она хотѣла предстать въ полномъ блескѣ.

Народъ закричалъ «ура». Но взглядъ новобрачной искалъ только одно лицо съ острымъ носомъ и сердитыми глазами. Вотъ, вотъ оно... но совсѣмъ въ тѣни, такъ что его едва видно. Надѣтскою личикѣ въ вѣнчалномъ вуалѣ мелькнула искажившая его гадкая улыбка, злая и холодная.

Упиваясь завистью старухи Мёллеръ, Сельма забыла на минуту свою тоску. Въ ея взорѣ появилось надменное выраженіе и она сдѣлала жестъ, при которомъ, какъ она знала, должны были засверкать брилліанты. Какъ-то ихъ блескъ рѣзнулъ тѣ глаза! Она едва удержалась отъ взрыва хохота. Теперь она богаче старухи Мёллеръ, богаче Маріи Іонса-Ольса. Пусть онѣ величаются теперь надъ нею, если имъ угодно. И она отбросила въ сторону свой блестящій атласный шлейфъ, чтобъ видно было, какой онъ длинный.

Потомъ она повернулась съ такою величественною осанкой, которая сдѣлала бы честь королевѣ, и всѣ снова направились наверхъ, между тѣмъ какъ внизу раздавалось громкое «ура» толпы.

— Я распорядился, чтобы ихъ угостили, — сказалъ патронъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ шумнаго привѣтствія.

Ужинъ былъ роскошный, но казалось, что ему конца не будетъ. По крайней мѣрѣ, такъ думалось Сельмѣ. Она чувствовала, что со всѣмъ изнемогаетъ отъ усталости. Душевное напряженіе совершенно истощило ея силы. Впечатлѣнія слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что ихъ оказалось слишкомъ много даже для ея крѣпкаго организма.

Въ углу залы стоялъ Аксель Мёллеръ, блѣдный, какъ привидѣніе, и жадно ѣлъ кусокъ паштета съ шампиньонами.

Чѣмъ больше онъ нѣлъ, тѣмъ блѣднѣе дѣлалось его лицо.

Весь вечеръ Сельма чувствовала на себѣ его взглядъ, сверкавшій изъ-подъ очковъ то въ одномъ углу, то въ другомъ. Но теперь онъ, очевидно, забылъ о ней ради паштета. Ей было все равно, ради чего.

Ахъ, какъ она устала, какъ устала! Когда же это все кончится?

Рикардъ подошелъ къ Акселю и заговорилъ съ нимъ. У него былъ серьезный, почти сердитый видъ.

Ей хотѣлось знать, что такое онъ говоритъ ему, но она не могла слышать ни слова, потому что они стояли на противоположномъ концѣ залы.

— Аксель, больше ты пить не станешь.

Манеры Рикарда всегда были рѣзки, но въ этотъ вечеръ онѣ были рѣзче, чѣмъ всегда.

— Почему не утолить жажду, когда пируешь на свадьбѣ? — отвѣчалъ Аксель своимъ тонкимъ голосомъ и захихикалъ.

— Никакой жажды у тебя нѣтъ, — возразилъ Рикардъ, — и, кромѣ того, ты уже успѣлъ утолить ее болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Я наблюдалъ за тобой.

— Я выпилъ не больше, чѣмъ ты, — отвѣчалъ Мёллеръ, и по-

пробовалъ засмѣяться, но, вмѣсто смѣха, раздакъ короткий, глухой кашель.

— Съ твоимъ сложеніемъ я и вовсе не сталъ бы пить, — сказалъ кандидатъ, — но почему это ты перемѣнилъ фронтъ? Вѣдь, ты же былъ абсолютистомъ.

— Перемѣнилъ фронтъ! Что хочешь ты этимъ сказать? Изъ-за того, что я единственный разъ...

— Полно, полно, не притворяйся. Я отлично знаю, что ты пошелъ на понятный и отсталъ отъ общества трезвости. Ты видишь, мнѣ все хорошо извѣстно.

Аксель вскочилъ такъ порывисто, что Рикардъ, въ видѣ успокоенія, долженъ былъ положить руку на его плечо.

— Съ какихъ это поръ ты сдѣлался моимъ опекуномъ?

— Я не опекунъ твой, но я врачъ.

— Всего только студентъ!

— Это ничего не значить, разъ я понимаю, что говорю. Брось пить. Я не сталъ бы говорить съ тобой объ этомъ теперь, но я завтра же уѣзжаю, такъ что мы больше не увидимся.

— Сдѣлай милость, не заботься обо мнѣ.

— Но, вѣдь, ты слушаешься меня?

Рикардъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, которые Аксель отвелъ въ сторону.

— Это рѣшительно все равно, — сказалъ онъ уже другимъ тономъ.

— Что все равно?

— Да все.

— Что это за глупости!

Въ эту минуту пасторъ постучалъ объ стаканъ и разговоръ прекратился.

Послѣ тостовъ Аксель исчезъ. Рикардъ тщетно искалъ его по всѣмъ комнатамъ.

Подождавъ съ полчаса, онъ снова принялся за свои поиски. Подъ конецъ онъ нашелъ его внизу, въ гардеробной. Аксель сидѣлъ одинъ у лампы и писалъ что-то въ своей записной книжкѣ.

— Слава, пожалуйста, зачѣмъ это ты сюда забрался?

— Ты думаешь, что здѣсь я въ худшемъ обществѣ, чѣмъ въ шумной залѣ? Ты думаешь, что я согласился бы помѣняться съ кѣмъ-нибудь изъ васъ?

Онъ откинулся на спинку стула и посмотрѣлъ на своего пріятеля съ вдохновенною улыбкой.

— Ахъ, ты, неисправимый фантазеръ! Что это ты еще придумалъ?

Въ тонѣ Рикарда слышалось какое-то отчаяніе.

— Самъ посмотри!—и Аксель бросилъ свою книжку на столъ.

Его пріятель взялъ ее съ угрюмою миной.

— Есть люди, которые созданы для того, чтобъ прожить недолго, но богато,—сказалъ Аксель, откинувъ назадъ голову.

— Богато?—повторилъ Рикардъ,—скажи лучше — «безумно». Это будетъ ближе къ истинѣ.

— Не будемъ спорить о словахъ.

— Вотъ какъ! ты пишешь стихи?

— Это дѣлали люди, которые были лучше меня.

— И дѣлали это лучше тебя, по всей вѣроятности.

— Предоставимъ будущему судить объ этомъ.

Рикардъ не отвѣчалъ ему, но повернулся такъ, точно хотѣлъ призвать кого-то въ свидѣтели. Потомъ онъ заглянулъ въ книжку.

— Нѣтъ, я не дамъ тебѣ читать,—вскричалъ вдругъ Аксель. Онъ бросился въ нему и вырвалъ у него тетрадку.

Глаза ихъ встрѣтились на одну секунду, но они не обмѣнялись ни словомъ, и Рикардъ ушелъ.

Оставшись одинъ, поэтъ снова раскрылъ свою книжку и прочелъ въ полголоса то, что было въ ней написано.

«Не ангелы Божьи мой путь направляють,
А мрачныя демоны гонять мой чолнъ
И съ дикимъ злорадствомъ въ пучину бросаютъ
Его съ высоты разъярившихся волнъ.
Внезапно маякъ моймъ взорамъ открылся,
Надежду во мнѣ воскресилъ его свѣтъ,—
Увы! мой челнокъ объ утесы разбился:
Маякъ былъ миражемъ, звѣзды той ужъ нѣтъ.

Зачѣмъ, о зачѣмъ чьи-то грозныя руки
Зажгли этотъ лучъ, обманувшій меня?
Но гордо снесу я душевныя муки
И буду страдать до послѣдняго дня.
Мнѣ жизни не жаль, но одно я желанье
Въ истерзанномъ сердцѣ своемъ сохранилъ:
Увидѣть предъ смертью еще разъ сіянье
Коварной звѣзды,—я ее полюбилъ!»

Голова его горѣла, сердце усиленно билось. Да, слава ждетъ его,—ждетъ несомнѣнно, потому что Швеція обрѣла втораго Лиднера *); онъ зналъ это теперь.

*) Бенгтъ Лиднеръ (1759—1790 г.)—шведскій поэтъ, произведенія котораго отли-

На слѣдующій день былъ назначенъ сперва семейный завтракъ въ пасторатѣ, а потомъ ужинъ съ танцами у молодыхъ.

Проснувшись въ этотъ день, Сельма долго лежала и думала.

Зимнее утро бросало съвозъ шторы своей блѣдносѣрый, тусклый свѣтъ, подобный сонному взгляду человѣка, который еще не въ силахъ раскрыть вполне глаза. Она посмотрѣла на свое вѣнчалное платье, висѣвшее у окна, на стулѣ. Вуаль лежалъ тутъ же, небрежно брошенный, смятый; вѣнокъ отсырѣлъ и оставилъ на немъ гадкія, зеленоватыя пятна. Внизу повисли одни клочья, сѣрые и грязные отъ пыли, приставшей къ нимъ съ пола и лѣстницъ.

Все это было такъ похоже на ея собственное настроеніе.

Это было то же самое ощущеніе, какое овладѣло ею при словахъ патрона о томъ, что можно искать себѣ жену по публикаціямъ, съ тою лишь разницей, что теперь оно было болѣе определенно, но это было уже не предчувствіе, а сознаніе.

Въ комнатѣ было холодно; она пожалѣла, что каминъ не затопленъ. Это немножко оживило бы ее.

Онъ сказалъ ей, что таковы ужь люди—всѣ, рѣшительно всѣ. А она сама? Она почувствовала что-то вродѣ омерзения. Вѣдь, во всемъ мірѣ не было ничего такого, о чемъ она мечтала,—ничего, ровно ничего. Все это ложь, одна ложь,—дѣтскія сказки, которыми насъ дурачатъ и которыя потомъ мы вынуждены позабыть!

Цѣлый рой вопросовъ вихремъ закружился у нея въ головѣ и всѣ они требовали отвѣта, неумолимые, какъ голодные коршуны. Но гдѣ найти отвѣтъ на нихъ? Только теперь, получивъ право думать,—только теперь увидала она, какое ихъ множество.

А почему же раньше не имѣла она этого права?

Она приподнялась, сѣла на постели и обѣими руками откинула съ лица волосы. Они не были заплетены, а висѣли въ беспорядкѣ, какъ львиная грива, все еще завитые, но страшно спутанные.

Она посмотрѣла кругомъ, нѣтъ ли часовъ, но ихъ не было въ этой комнатѣ. Затѣмъ она бросила взглядъ на другую постель,—нечаянный взглядъ, оторвать который было не въ ея власти.

Неужели съ этимъ человѣкомъ она обвѣнчалась вчера? Ей казалось, что она видитъ его въ первый разъ въ жизни.

Сельма смотрѣла на это незнакомое лицо и дрожала всѣмъ тѣломъ; зубы ея стучали, какъ въ лихорадкѣ.

характеръ глубокимъ наэосомъ, богатствомъ красокъ и тонкою прелестью стиха. Особенно замѣчательнымъ его *Медель*, 1783 годъ и *Spartara*. Лиднеръ пользовался особиниъ располженіемъ Густава III.

Прим. перс.

Вчера онъ казался ей почти красивымъ. Его могучая фигура выгодно вырисовывалась въ черномъ, а статная осанка соответствовала праздничному характеру костюма. Его манеры носили по временамъ какой-то аристократическій отпечатокъ, и къ этому еще присоединилось вчера выраженіе такого глубокаго счастья, что все лицо его приняло отблескъ ума и молодости.

Но теперь она была просто колоссальна, эта голова, покоившаяся на подушкѣ съ вышитюю нарядною наволочкой. Эта геркулесовская голова показала Сельмѣ ужасной. Она смотрѣла съ испугомъ на ея толстыя, налитыя кровью вены и на загрубѣвшую, неровную кожу. И потомъ—это громадное лицо, такое тупое, неодухотворенное, безъ малѣйшаго признака жизни, кромѣ дыханія, со свистомъ вырывавшагося изъ его губъ, красный цвѣтъ которыхъ переходилъ въ фіолетовый.

— Любить?... любить и въ радости, и въ горѣ?... О, Господи!...

Только отдаленное хлопанье дверьми напомнило ей, что это первый день ея замужства, что нынче опять будутъ гости, опять суета, и что она должна, какъ и наканунѣ, спокойно выдерживать устремленные на нее взгляды.

Шаги приближались. Это служанка шла затопить печку. Неужели и она увидитъ его такимъ?

Сельма потянулась къ нему и стала трясти его за руку.

— Что такое? — сказалъ онъ ворчливымъ тономъ и открылъ глаза.

Въ эту минуту вошла служанка:

Тогда онъ ужь совсѣмъ проснулся и, при видѣ Сельмы, черты его оживились.

— Здравствуй, женушка!—весело сказалъ онъ и протянулъ ей свою громадную руку.

Она отвѣтила на его рукопожатіе и улыбнулась, въ виду присутствія служанки. Такъ начался для Сельмы первый день супружеской жизни. Затѣмъ она надѣла свой новый изящный утренній костюмъ и приготовилась выступить въ роли новобрачной.

Все было такъ безупречно, все такъ согласовалось съ требуемою формой.

Завтракъ прошелъ оживленно, молодая была весела. Одинъ только Рикардъ былъ, повидимому, не въ духѣ. Онъ собирался уѣзжать тотчасъ послѣ завтрака. Ему было «невозможно» продлить свое пребываніе, а пасторъ не желалъ настаивать.

Простился онъ торопливо и холодно.

— Прощай, Сельма,—сказалъ онъ,—будь счастлива.

Ни тѣни сердечности. Ровно ничего.

Сельма подошла къ одному изъ оконъ, чтобы видѣть, какъ онъ сядетъ въ экипажъ. Голова ея горѣла и спазма давила горло. О, если бы можно было поплакать... поплакать... дать полную волю слезамъ!...

Она прижала лобъ къ переплету окна. Никто не могъ видѣть ея лица.

Но Рикардъ не обернулся,—онъ возился съ своимъ пледомъ. Ни одного взгляда! Всегда былъ онъ рѣзокъ, но такимъ не былъ никогда; это—предназначенное невниманіе.

Экипажъ отѣхалъ. Рикардъ приподнялъ шляпу, не взглянувъ въ окно.

Вдругъ Сельма почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку. Это былъ дядя. Она посмотрѣла ему въ лицо. Возможно ли! неужели и онъ борется со слезами? Она обвила руками его шею и поцѣловала его. Желаніе его утѣшить заставило ее забыть свою собственную печаль. И, стараясь ободрить его, она провела рукою по его темнымъ, гладко причесаннымъ волосамъ, какъ это дѣлала всегда съ своимъ отцомъ, когда онъ бывалъ огорченъ чѣмъ-нибудь.

При этомъ что-то похожее на скорбь промелькнуло на всегда непроницаемомъ лицѣ пастора. Быть можетъ, въ эту минуту никто такъ не нуждался въ ея ласкѣ, какъ онъ.

Но слабость длилась лишь одно мгновеніе.

Вскорѣ подали экипажи. Все общество должно было вмѣстѣ отправиться въ домъ молодыхъ, находившійся въ трехъ миляхъ отъ пастората. Пасторъ распорядился, чтобы всѣ родные последовали туда за ними и уѣхали бы только вечеромъ. Онъ хотѣлъ до послѣдней минуты оттянуть прощаніе.

Бто знаетъ, Сельма будетъ, пожалуй, сильно взволнована; отъ нея, вѣдь, всего можно ожидать, а онъ не желалъ имѣть при этомъ ненужныхъ свидѣтелей.

Когда вучерь остановилъ лошадей у подъѣзда большого двухъ-этажнаго зданія, патронъ вырыгнулъ изъ экипажа и помогъ Сельмѣ выйти.

— Добро пожаловать въ твой собственный домъ! — сказалъ онъ и поцѣловалъ ее.

Въ этихъ словахъ ей послышался рѣзкій диссонансъ. Все было такъ ново, такъ незнакомо. Даже шаги звучали такъ странно на полированныхъ каменныхъ плитахъ.

Во всемъ этомъ большомъ домѣ не было ничего, что она могла бы назвать своимъ. Все, все это принадлежало *ему*! Ей казалось,

что она здѣсь только навязчивая гостя и, когда служанка поклонилась ей, протянула руку и сказала: «Здравствуйте, фру», она уже совсѣмъ сконфузилась. Развѣ у нея были тутъ какія-нибудь права?

— Входи же, дитя,—сказала фру Бергъ, тоже вышедшая изъ экипажа.

— Сперва вы, тетя,—отвѣтила Сельма и отошла въ сторону.

— Никакъ ты ужь начинаешь разыгрывать хозяйку?—сказала тетка съ кислою улыбкой.

Она приняла это за высокомѣріе.

Сельма покраснѣла, слезы выступили у нея на глазахъ. Затѣмъ подошелъ отецъ.

— Господь сохранить вхожденіе твое и исхожденіе твое,—сказалъ онъ своимъ мягкимъ, мелодическимъ голосомъ.

Она обняла его за шею съ товарищескою непринужденностью и, улыбаясь, заглянула въ его лицо, на которомъ настроенія и ощущенія смѣнялись такъ же быстро, какъ на лицѣ ребенка.

Теперь она опять была довольна. Отецъ положительно сіялъ, глядя на все это великолѣпіе, а, между тѣмъ, онъ видѣлъ только наружную сторону дома. Каково будетъ его удивленіе!

Она увлекла его за собой въ переднюю, гдѣ они сняли шубы.

Въ комнатахъ поднялся шумъ и говоръ. На дворѣ стоялъ сильный морозъ, и такъ было пріятно очутиться въ теплѣ.

Подали кофе, а потомъ надо было все показать и все рассмотреть. Съ каждымъ шагомъ восклицанія восторга становились громче и громче. Все было такъ ново, такъ комфортабельно и красиво.

Патронъ повелъ Сельму въ кухню и въ надворныя строенія и представилъ всю прислугу молодой хозяйкѣ, которую очень стѣсняли любопытные взгляды, словно повторявшіе ей собственное утвержденіе, что «прекуръзно вѣнчаться въ шестнадцать лѣтъ». Но она старалась изо всѣхъ силъ поддержать свое достоинство.

Экономка была пожилая женщина, привѣтливая на видъ и только недавно поступившая въ услуженіе. Сельма сейчасъ же познакомилась съ ней и ей казалось, что теперь у нея есть, по крайней мѣрѣ, хоть одно близкое существо въ ея новомъ домѣ.

Когда настало время одѣваться, патронъ самъ долженъ былъ напомнить объ этомъ Сельмѣ. Она ходила по комнатамъ рука объ руку съ отцомъ, наслаждаясь его восторгомъ.

По временамъ она громко хохотала надъ его наивностью, когда

дѣло касалось какого-нибудь новаго изобрѣтенія, назначенія котораго онъ не понималъ.

— Да, теперь мнѣ надо идти одѣваться, — сказала она, высвободивъ свою руку, — но ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе и какъ можно лучше завяжешь свой галстукъ, не выйдешь къ гостямъ растрепанный. — Она обняла его за шею, склонила голову на бокъ и взглянула на него съ самою плутовскою миной, пытаясь, въ то же время, казаться чуточку строгой. — Не думай, что я найду нынче время позаботиться о тебѣ, — прибавила она.

Она выпустила его изъ своихъ объятій, потомъ снова посмотрѣла на него. Какой онъ чудесный, ея папа, съ бѣлою, какъ снѣгъ, головой, хотя ему всего только сорокъ лѣтъ съ небольшимъ!

Онъ только смѣялся тихимъ смѣхомъ и, разставаясь съ нимъ, она опять погладила его волосы, такіе волнистые, шелковистые. Для нея всегда было истиннымъ наслажденіемъ расчесывать ихъ.

Какъ она любила этого стараго ребенка! Въ дверяхъ она еще разъ послала ему воздушный поцѣлуй.

Въ спальнѣ уже стоялъ ея сундукъ, и она начала торопливо распаковывать его. Вѣдь, это, все-таки, было весело! Она встряхивала свои платья, по мѣрѣ того, какъ вынимала ихъ. А ея вечерній туалетъ... какъ онъ очарователенъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь прелестнѣе этого блѣдно-голубаго цвѣта, такого мягкаго и пріятнаго для глазъ? А потомъ—эти серебристыя нити, просвѣчивавшія сквозь ткань!

И какъ мягко ступали ноги по коврамъ, словно утопая въ нихъ! Еслибъ только она могла увѣрить себя, что все это ея... ея собственное! Но она не могла этого, не могла признать, что эти ковры точно такъ же принадлежать ей, какъ войлочные половники дома, въ пасторатѣ, принадлежать ея теткѣ. Дома? Ей никогда раньше не приходило въ голову, что въ самомъ этомъ словѣ кроется что-то милое, сердечное, заставляющее насъ съ любовью повторять его, отдыхать, такъ сказать, на немъ, прислушиваться къ нему, какъ къ звуку дорогаго намъ голоса.

Но что такое съ Рикардомъ? Еслибъ только онъ остался на вечеръ! Она, навѣрное, сьумѣла бы, въ концѣ - концовъ, развеселить его.

Онъ говорилъ, что только въ голубомъ она имѣетъ «человѣчскій» видъ. *Говорилъ?*—Она засмѣялась. Вѣдь, онъ сказалъ это только одинъ разъ, въ тотъ самый день... да, подумать только, какъ давно это было!... да, да, это было въ то лѣто, когда онъ при-

ѣхаль навѣстить ее и папу, тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлался студентомъ. Въ то время онъ былъ гораздо добрѣе...

Среди этихъ размышленій она усердно занималась своимъ туалетомъ. Надѣвъ свѣтло-голубыя туфельки и длинную юбку, она стала важно прохаживаться по комнатѣ, глядя черезъ обнаженные плечи на обшитый кружевомъ шлейфъ. Просто страшно подумать, какая она нарядная!

Потомъ пришелъ мужъ. Она вскрикнула и набросила на себя пеньюаръ. Онъ сталъ смѣяться надъ ней и сказалъ, что это совсѣмъ лишнее. Она покраснѣла, поспѣшила надѣть платье и ушла въ залу подъ предлогомъ, что зеркало тамъ лучше.

Вскорѣ послѣ того начали съѣзжаться гости. Патронъ безъ конца представлялъ ихъ Сельмѣ, потому что она знала очень немногихъ. Но всѣ были такъ привѣтливы, что она быстро освоилась съ ними.

Особенно понравилась ей немолодая дама, въ толстомъ шелковомъ платьѣ, которая вплыла въ комнату съ рабочею сумочкой на рукавѣ. У нея былъ такой добродушный двойной подбородокъ, а глаза глядѣли, въ одно и то же время, и ласково, и лукаво.

Патронъ оказывалъ ей величайшее почтеніе; Сельма сдѣлала ей глубокой реверансъ.

— Ахъ, вѣдь, это просто грѣшно, вѣдь, она совсѣмъ ребенокъ! — сказала гостыя, смѣясь, и потрепала Сельму по щекамъ. — Мои дѣвочки будутъ въ этомъ возрастѣ еще учиться и ходить съ распущенными косами.

Сельма готова была броситься ей на шею въ благодарность за такія разумныя слова, но, вмѣсто этого, она должна была притвориться польщенной. Вѣдь, она теперь замужняя дама!

Конечно, Сельма была царицей бала.

Она танцевала до упаду, кровь прилила ей къ головѣ и сердце стучало. Музыка, освѣщеніе, комплименты, — все это дѣйствовало на нее опьяняющимъ образомъ.

Патронъ тоже танцевалъ. Онъ и сегодня смотрѣлъ молодцомъ.

Отдыхая отъ танцевъ, Сельма глядѣла на него. Какъ онъ превосходно повертывалъ! Какъ могъ онъ при своей толщинѣ двигаться съ такою легкостью?

Вдругъ она вздрогнула. Ей что-то вспомнилось. Какую это сказку рассказывала ей ея старая няня?

Король Линдормъ былъ красавецъ собою, богатъ и могущественъ. Въ день свадьбы онъ взялъ съ своей невѣсты клятву, что она никогда не будетъ входить въ его комнату во время его сна,

потому что тогда ихъ обоихъ постигнетъ страшное несчастье. Она нѣжно любила его и готова была обѣщать ему все на свѣтѣ. Они жили счастливо, пока королева соблюдала свою клятву.

Но какъ-то разъ любопытство одержало верхъ надъ нею. Въ полночь она взяла свѣчу и прокралась тихонько въ спальню короля. Но, вмѣсто него, на постели лежало, свернувшись кольцомъ, чешуйчатое чудовище *), и, при видѣ его, королевѣ объялъ такой леденящій ужасъ, что она едва нашла въ себѣ силы убѣжать.

Теперь ея любопытство было удовлетворено.

Но она не могла забыть этого зрѣлища, и всякій разъ, какъ король Линдормъ прижималъ ее къ своей груди, ей казалось, что онъ опять становится чешуйчатымъ чудовищемъ, такимъ скользкимъ и холоднымъ, что она не знала, какъ вырваться изъ его объятій.

Такимъ образомъ, любовь ихъ умерла и, какъ ни сокрушались они объ этомъ, ничто уже не могло воскресить ее.

Дрожь пробѣжала по членамъ Сельмы, точно по комнатѣ пронесся холодный вѣтеръ. Но ей думалось, что она еще нѣжиѣ полюбила бы короля Линдорма за взятую имъ клятву.

Балъ кончился. Гости стали прощаться и комнаты опустѣли.

Патронъ и Сельма стояли рядомъ, пока мимо нихъ дефилировали уѣзжающіе. Патронъ былъ немножко навеселѣ.

— Знаешь, что сказалъ мнѣ вчера на прощанье этотъ шутникъ Бергстрандъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Патронъ нагнулся къ ней и что-то шепнулъ ей на ухо, а потомъ громко расхохотался.

Сельма вся вспыхнула и закусилла губу. Еслибъ онъ сказалъ ей это вчера, она даже не поняла бы его.

Наконецъ, всѣ уѣхали, кромѣ ея отца и дяди съ теткой. Сельма подошла къ нимъ.

— Теперь настала наша очередь проститься,—началъ пасторъ своимъ разнѣреннымъ тономъ. Онъ не выносилъ сценъ и надѣялся своимъ спокойствіемъ сдержать въ предѣлахъ волненіе Сельмы.

Глаза ея были сухи, но она казалась страшно возбужденною, порывисто схватила его руку и прошептала:

— Я лучше уѣду домой съ вами... О, дядя!

Его лицо потемнѣло, какъ грозовая туча, и онъ увлекъ ее за собой къ окну, между тѣмъ какъ патронъ на другомъ концѣ ком-

*) *Lindorm*—значить въ переводѣ кольчатая змѣя и драконъ. *Прим. перев.*

наты любезничалъ съ своею новою пріятельницей, фру Бергъ, которую величалъ «дорогою тещей».

— Одно только хочу я запечатлѣть въ твоей памяти,—сказалъ пасторъ быстрымъ и едва слышимъ шепотомъ,—что бы ни случилось теперь, какъ бы ни сложилась твоя жизнь, если бы даже по своему неразумію ты сдѣлала ее совсѣмъ нестерпимой, послѣ нынѣшняго дня для тебя *нѣтъ* другаго дома, кромѣ дома твоего мужа. Помни это. Я говорю не только отъ своего имени, но и отъ имени твоего отца.

Сельмъ показалось, что что-то застыло внутри ея при этихъ ледяныхъ словахъ. И, въ то же время, все существо ея возмутилось противъ ихъ безпощадной жестокости и возопило о мести.

Чего бы не дала она за то, чтобы имѣть въ эту минуту въ своемъ распоряженіи хоть одно словечко, которое могло бы вонзиться въ его душу и врѣзаться въ нее навѣки своею острою, какъ сталь, тонкою, какъ волосъ, спиралью!

И какъ могла она такъ выдать себя!... Теперь онъ знаетъ, что она чувствовала въ это мгновеніе, и всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ нею, помня, насколько она была слаба!

Глаза ея были опущены, пока онъ говорилъ. Теперь она подняла ихъ—медленно, съ торжествующею насмѣшкой, и тихо, съ раздѣреннымъ движеніемъ, походившимъ на его собственныя, положила ему руки на плечи. Въ эту минуту никто бы не усомнился въ существовавшемъ между ними родствѣ.

— Я не разъ задавала себѣ вопросъ, насколько ты любишь меня,—сказала она,—теперь я это знаю. Спасибо за то, что ты попался въ ловушку.

Она засмѣялась такъ, что зубы ея засверкали. Никогда еще съ ея губъ не срывалась такая дерзкая ложь, а, между тѣмъ, она произнесла ее, ничуть не измѣнившись въ лицѣ.

Только ноздри ея трепетали отъ гнѣва.

— Поймала я тебя, дядя, перехитрила! О, этого я ужъ никакъ не могла ожидать!

Она не казалась разсерженной, а только смѣялась металлическимъ смѣхомъ, и затѣмъ отошла отъ пастора съ такимъ же чувствомъ, какое должна испытывать молодая лисица, впервые наведшая гончую на ложный слѣдъ.

Патронъ стоялъ въ глубинѣ комнаты. Она отбросила въ сторону шлейфъ и мягко, вкрадчиво оперлась на его плечо.

— Пролила ли я хоть одну слезинку въ день своей свадьбы, собираюсь ли плакать, разставаясь со всѣми? Что же, доволенъ

ты мной?—воскликнула она и подняла при этомъ руку. Въ самомъ жестѣ ея было что-то, напоминавшее экзальтацію вакханки.

— Я обожаю тебя,—шепнулъ онъ ей въ отвѣтъ.

Съ каріатиды, поддерживавшей на стѣнѣ три лампы въ формѣ тюльпановъ, падалъ яркій свѣтъ на эту причудливую группу.

Серебристыя нити нѣжно переливались въ блѣдно-голубой ткани платья, и съ своимъ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, съ лихорадочно горѣвшими глазами Сельма была почти красива: интенсивность внутренней жизни, доведенной до крайняго напряженія множествомъ душевныхъ движеній, до такой степени воспламенила въ этотъ мигъ все ея существо, что оно какъ бы вышло изъ своихъ предѣловъ, переросло само себя. Но эта минутная красота была экзотическимъ цвѣткомъ, который искусственнымъ образомъ развернулъ свои лепестки и тотчасъ же увялъ, оставивъ созрѣвать свой плодъ.

Наивное дитя исчезло, честность пропала и ея мѣсто заняли инстинктъ самосохраненія и притворство,—женщина развилась вполне.

Ученица опередила своего учителя.

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БРАТЬ „ЕДИНСТВЕННОГО“ СЫНА.

(Изъ „Сказокъ дѣйствительности“).

Я такъ его ненавиждѣлъ, что, казалось, сама смерть не могла положить предѣла этому непримиримому чувству. Въ самомъ дѣлѣ, когда я узналъ, что мой врагъ—мой братъ—болѣнь, сильно болѣнь, когда лечившій его докторъ самъ сказалъ мнѣ, что никакой надежды нѣтъ, во мнѣ шевельнулось сожалѣніе: зачѣмъ такъ рано? Я не могъ еще отомстить ему, я не наполнилъ пустоты, образовавшейся въ моей душѣ, сознаниемъ, что за все зло, какое онъ мнѣ сдѣлалъ, я расплатился съ нимъ. Теперь онъ уходитъ изъ міра навсегда и мои воспоминанія о немъ будутъ отнынѣ отравлены горечью этой мысли. Съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства онъ стоялъ на моей дорогѣ. Судьба, какъ нарочно, бросала его поперекъ, чтобы я всякій разъ спотыкался объ это препятствіе. А, между тѣмъ, я долженъ бы любить его, если бы «голосъ крови» не былъ глупымъ вымысломъ старой школы. «Голосъ крови»... Въ немъ онъ сказывался на первыхъ порахъ. Онъ когда-то любилъ меня, дѣйствительно любилъ. Еще бы ему не любить меня, когда онъ все у меня отнял, что только свято и дорого человѣку! Для него эта любовь была выставкой великодушія; про него же говорили: «Какая благородная натура! Посмотрите, какъ онъ любить, *несмотря ни на что*, этого «подкидыша!» Онъ могъ своею любовью гордиться, какъ похвальнымъ листомъ!...

Мои страданія начались съ первымъ его крикомъ. Я помню, мать лежала въ постелѣ. Какая-то женщина, должно быть, акушерка, сказала мнѣ:

— Поди туда, Богъ тебѣ брата далъ.

Я пошелъ и въ первый разъ услышалъ:

— Уведите прочь этого!... Уведите прочь!

Еще бы! У нихъ явился законный сынъ и меня надо было сты-

даться. И меня стыдилися. Ему давали все, его ласкали, я же росъ какъ-то самъ собою, какъ крапива подъ заборомъ. Выливаютъ на нее помой, топчетъ ее всякій скотъ, а она все тянется къ теплу и свѣту. Да, меня стыдилися! Я былъ напоминачіемъ о грѣхъ, послѣдствіемъ позора. Никто не задавался вопросомъ: виновать ли я въ этомъ, — рѣшительно никто; но если бы меня какъ-нибудь принесли домой раздавленнаго колесами, истекающаго кровью, если бы тотъ же докторъ объявилъ, что «наука тутъ ничего не можетъ, а чудеса дѣлаетъ только Богъ», никто бы не огорчился этимъ и Бога о чудѣ молить не сталъ бы. И такъ шло долго, долго. Я долженъ былъ смотрѣть за «братомъ». Онъ лежалъ въ колясочкѣ весь въ кружевахъ и голубомъ атласѣ, бѣлокурый, съ вьющимися надъ лобикомъ волосами, съ ясными, дѣтскими, улыбающимися глазками и вишневыми крохотными губками, все тянувшимися въ трубочку, а я? Я стоялъ около и смотрѣлъ за нимъ, чумазый, немый, включенный, съ фонарями подъ глазами, въ оборванной курткѣ и нечищенныхъ сапожонгахъ.

— А это кто у васъ?—спрашивали у отца тѣ, которые ласкали моего брата и любовались имъ.

— Это?... Такъ,—нехотя отвѣчалъ онъ.—Воспитываемъ.

И такъ, братъ уже однимъ появленіемъ своимъ на свѣтъ отнял у меня заботу отца и ласку матери.

И потомъ шло все такъ же.

Я былъ въ грязи, въ загонѣ, росъ, какъ щенокъ въ конурѣ. Все, что, бывало, я, ребенокъ, сдѣлаю, оказывалось глупо, мерзко, грубо. «У, мужланъ!»—шипѣли на меня всѣ. А онъ? Ему стоило только улыбнуться, сдѣлать мордочку, и ему прощалось все. Я какъ-то упалъ, споткнувшись, и нечаянно разорвалъ ветхіе штанишки. Меня за это высѣкли. Черезъ часъ явился онъ, мой братъ; его новенькое дорогое платье было все замазано чернилами.

— Это что?—всплеснула руками мать.

— Это?... Это тѣнь!—сдѣлалъ онъ наивные глазки и всѣ кругомъ расхохотались и его стали цѣловать.

— Что за остроумный ребенокъ! Дайте варенья остроумному ребенку!

Отчего же мнѣ розги, а ему варенье? Никто даже не думалъ о такихъ противорѣчіяхъ.

Меня начали было учить, пригласили какую-то дѣвицу съ флюсомъ, но родился братъ и дѣвица съ флюсомъ исчезла. Теперь все вниманіе было отдано ему. Онъ долженъ былъ сдѣлать карьеру, ему

подобало образовываться, а я — незаконный, грубый мальчишка, для меня хороша и ремесленная школа.

— Онъ у насъ будетъ профессоромъ! — глядели его по головкѣ.

А мнѣ говорили:

— Хорошіе сапожники тоже нужны!

Потомъ его посылали въ дорогую школу; отказывая себѣ во всемъ, платили учителямъ большія деньги. Когда онъ прихварывалъ, Боже мой, какой содомъ подымался въ домѣ! Доктора, лѣкарства... Я болѣлъ, и болѣлъ серьезно, ко мнѣ навѣрхъ, въ мою крохотную комнату съ косымъ чердачнымъ потолокомъ, не приходилъ никто.

— Ну, что, *тотъ* все еще скрипитъ? — спрашивали про меня.

— Да.

Одна прислуга знала, что я еще не умеръ.

— Отнесите ему что-нибудь поѣсть!

Вотъ и все.

И природа тоже! Она надѣлила его красотой, а меня и этимъ обидѣла. Я росъ какимъ-то угловатымъ обрубкомъ, молчаливымъ, хмурымъ.

— Чего ты все изподлобья смотришь? — спрашивали у меня. — Точно волчонокъ. У, Иродово отродье!

Только этого недоставало! Откуда въ моемъ лицѣ и глазахъ могли бы оказаться ангелы?

Я видѣлъ, какъ ласкали моего брата, и понималъ, своимъ дѣтскимъ мозгомъ понималъ, какъ *они* несправедливы ко мнѣ. Часто, забившись къ себѣ, я рыдалъ горькими, безсильными слезами, допрашиваясь у тишины, стоявшей кругомъ, у луны, свѣтившей въ окно, у трубы, торчавшей чернымъ призраккомъ на крышѣ сосѣдняго дома: «за что, за что?» Но, разумѣется, никто изъ *этихъ* товарищей моего младенчества не могъ разъяснить мнѣ моего недоумѣнія...

Разъ, я помню, при мнѣ мать стала ласкать брата. Я такъ и впился въ эту бѣлую, красную руку, нѣжно лежавшую на его головѣ. Я вспомнилъ, что до его рожденія иногда и на мою нерадостную долю выпадала такая же ласка. О, какъ мнѣ страстно захотѣлось ея! Неужели же эти бездушные люди не угадали моего взгляда, неужели же имъ, швырявшимъ часто гроши нищимъ, трудно было и мнѣ дать милостыню? Я не совладалъ съ собою. Божомъ-божомъ, какъ загнанный щенокъ, подобрался я къ матери и не ловко, неумѣючи, съ безконечною застѣнчивостью подставилъ ей свою шаршавую голову. И глаза закрылъ даже, и замеръ весь. Клянусь своими мугами, не оттолкнула она меня тогда, въ моей

душѣ вспыхнуло бы живое пламя любви и къ нимъ, и къ брату, и ко всему міру. Я бы выросъ инымъ человѣкомъ и въ сердцѣ у меня не оказалось бы мѣста ненависти и злобѣ. Бываютъ такіе моменты въ жизни ребенка, которые, несмотря на кажущуюся мелочность ихъ, безповоротно бросаютъ его на одну или другую дорогу... Да, и глаза закрылъ, и замеръ весь, и маленькое сердчишко мое сладко-жутко забилося, и не одно сердчишко, — въ это мгновение все во мнѣ трепетало. Положи она мнѣ руку на голову, всего бы меня теплою охватило. Ну, что ей стоило это? Неужели не могла она осилить себя, принудить? Вѣдь, я просилъ крохи отъ стола моего брата, только крохи! Но она не поняла этого.

— Ты еще что?... Пошелъ вонъ, неряха! Какую моду завелъ! И руку обтерла, нечаянно коснувшуюся моего лица.

О, если бы я прожилъ еще тысячу лѣтъ, я бы не забылъ тона ея голоса, каждаго звука этихъ словъ, ея негодующаго взгляда и этого жеста, въ которомъ сказалось все отвращеніе ко мнѣ *я*, *моей матери*... Дѣти чутки вообще, а я былъ чутокъ до болѣзненности.

Я былъ дурною травой, которую слѣдовало изъ поля вонъ. Если что-нибудь случалось въ домѣ, — разбивалось, пронадало, портилось, пачкалось, — никто, кромѣ меня, не могъ быть виновникомъ. Меня, случалось, сѣкли за то, что дѣлала прислуга, и еще чаще только послѣ наказанія я узнавалъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Чѣмъ я заслужилъ такую ненависть? Вдолгъ потомъ я перебиралъ въ своей памяти каждое обстоятельство моего дѣтства, я жадно искалъ оправданія для нихъ и не нашелъ иного, кромѣ того, что мнѣ было меня стыдно...

А я все росъ, да росъ.

Я успокоивался, только оставаясь одинъ. Въ той комнаткѣ на чердакѣ я создалъ себѣ призрачный міръ, гдѣ между такими, какъ я, не было обдѣленныхъ, презрѣнныхъ, несчастныхъ, гдѣ мы торжествовали, а враги мои гибли, подвергались тысячамъ невзгодъ, болѣзней, смертей. Во мнѣ стало развиваться истинное чувство; я началъ понимать ненависть въ томъ возрастѣ, когда другіе только протягиваютъ губы для поцѣлуя. О, какъ мнѣ памятливы эти бессонныя ночи, когда одинъ, усталый отъ слезъ, я засматривался въ свое крохотное окно! Ярко сіяла луна, задумчивая, прекрасная, одинокая среди чистаго, прозрачнаго неба. Нѣжно серебрился снѣгъ на крышахъ. Дома стояли совсѣмъ бѣлые, точно морозъ убиралъ ихъ фатою вѣнчалной. Въ ихъ окнахъ рѣдко-рѣдко свѣтилась лампадна. Вдали, чуть тронутые лучами мѣсяца, тихо сіяли

купола и, будто черный призракъ удавленника, мерещился въ про- свѣтахъ колокольни всю мою комнату наполнявшій своимъ тор- жественнымъ звономъ колоколъ; а я, опершись подбородкомъ о по- доконникъ, все думалъ, думалъ... знаете ли о чемъ? Мое дѣтское воображеніе работало жадъ планами одинъ чудовищнѣе другаго. Я мечталъ, какъ бы хорошо было, если бы внизу, тамъ, *они* всѣ умер- ли, а я остался одинъ и все стало бы моимъ. Или, если бы я вдругъ сдѣлался царемъ и приказалъ запереть ихъ въ темницу и держалъ тамъ долго-долго; или волшебница (я уже ознакомился со сказка- ми!) дала бы моему взгляду чудесную силу обращать людей въ жи- вотныхъ. Есть ли такія гадины, въ формы которыхъ не пришлось бы переселиться имъ?... Или если бы отъ моего прикосновенія люди каменѣли!

Потомъ съ совершенною непослѣдовательностью волна теплаго, мягкаго чувства охватывала меня и, слегка покачивая на груди своей, тихо уносила въ иной, счастливый міръ чувствъ, все рѣже и рѣже говорившихъ моею душѣ. Я думалъ: «Богъ съ ними! Пусть живутъ и радуются они всѣ, а умру я одинъ, и они только тогда поймутъ, какъ были несправедливы ко мнѣ, и станутъ плакать надъ моимъ гробомъ, а внутренній голосъ заговоритъ имъ: поздно, поздно! Теперь вамъ уже не вериуть къ жизни того, кого вы такъ жестоко замучили!... И вдругъ все перевернется и они станутъ любить мою память, ѣздить ко мнѣ на могилу, растить на ней цвѣ- ты, и, опять задыхаясь отъ слезъ, я въ испугѣ уже повторялъ:

— Живите, Богъ съ вами! Пусть я одинъ умру!

Но чѣмъ время тянулось далѣе, тѣмъ меньше я останавливался на такихъ сантиментальныхъ картинахъ. Пришелъ моментъ, нако- нецъ, когда, вспоминая о нихъ, я сталъ смѣяться надъ ними. Нѣтъ, именно смѣръть, бѣдствія, темницы, болѣзни, страданія—для нихъ, для нихъ однихъ. Мстительные образы, сливаясь въ какой-то удуш- ливый чадъ, охватывали и кружили мнѣ голову. Весь блѣдный, передъ лицомъ мистически-задумчивой ночи я клялся, не по-дѣт- ски, въ вѣчной ненависти къ нимъ, я серьезно думалъ съжечь ихъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ ихъ домомъ въ эти часы всеобщаго покоя. Что помѣшало мнѣ? Я думаю, что, на ряду съ планами мести, со злобой, во мнѣ стали развиваться трусость и подлость... Да, я, благодаря ему, моему брату, сталъ и трусливъ, и подлъ... И чѣмъ больше я сознавалъ это, тѣмъ глубже его ненавидѣлъ.

Ненавидѣлъ уже не по-дѣтски.

Но мстительная злоба, разъ она явилась, должна была выра- зиться въ чемъ-нибудь. Она и выразилась. Я самъ сталъ безпо-

щадно, съ упоеніемъ, съ сладострастіемъ мучить, но тѣхъ, кто на меня не могъ пожаловаться, тѣхъ, кто передо мною, какъ я передъ моими, былъ безотвѣтенъ. Да, я началъ терзать животныхъ. Что я съ ними дѣлалъ! Брысь и мышей обливалъ версиномъ и зажигалъ въ западняхъ, куда онѣ попадали, кошкамъ рѣзалъ хвосты, несчастныхъ собакъ кормилъ хлѣбомъ съ осколками стекла и обломанными концами булавокъ, голубямъ выкалывалъ глаза... Я уже не говорю о мухахъ, паукахъ, тараканахъ. Только воспитанный несправедливостью, оскорбленіями, уединеніемъ, мозгъ могъ быть такъ изобрѣтателенъ на всевозможныхъ мучительства. Когда я сталъ читать и умъ мой нѣсколько образовался, мнѣ невольно пришлось въ голову, что человѣчество всѣхъ своихъ злодѣевъ воспитало именно такимъ образомъ. Торквемады, Людовики XI, Іоанны Грозные въ дѣтствѣ должны были переживать подобныя впечатлѣнія. Если исторія о нихъ молчитъ — значитъ, она не знаетъ первыхъ лѣтъ ихъ существованія. Когда ихъ называютъ помѣшанными, маниаками, я только улыбаюсь. То, что для другихъ неясно — мнѣ понятно, какъ дважды-два. Они просто мстили людямъ. Подыми меня судьба на подобающую высоту, я бы дѣлалъ то же самое. Пока же я могъ отводить душу на животныхъ и — странное дѣло! — чѣмъ я больше дѣлалъ это, тѣмъ злѣе разгоралась моя ненависть ко всему. Жестокость не удовлетворяла страстной жажды мщенья, напротивъ, она заставляла ее расти. Скоро дома для меня не было иного имени, какъ «Ванька-Баникъ», и я имъ гордился. Я зналъ уже по сказкамъ, что разбойника, носившаго это имя, боялись всѣ. Значитъ, и меня будутъ бояться. Если ужъ нельзя быть любимымъ, остается одно — внушать всѣмъ страхъ. Я понялъ это рано. Говорить, что такія мысли — ядъ. Въ такомъ случаѣ, я весь былъ переполненъ имъ, этимъ ядомъ, моя кровь, мой мозгъ, мое сердце — все, все! Если это дурно, не я виноватъ. Я не такимъ родился, не такимъ росъ въ первые годы моего дѣтства.

Разумѣется, я ничего не могъ сдѣлать этому розовому херувиму, моему брату.

Пока онъ не говорилъ, я еще не выработался, потому я сталъ бояться. Я уже упоминалъ, что я сдѣлался трусливъ и подлъ. Я не стыжусь этого и думаю, что всѣ, кого человѣчество боялось, были, въ сущности, трусливы. Они дѣлали зло, зная, что сейчасъ же вслѣдъ за нимъ не послѣдуетъ наказанія. Трусость и жестокость — родныя сестры. Тиверій былъ и золь, и трусливъ, Неронъ — тоже. Я въ этомъ отношеніи сузу по себѣ.

И — странное дѣло! — въ цѣломъ домѣ одинъ этотъ розовый хе-

рувимиъ любилъ меня. О, если бы кто-нибудь могъ себя представить, какъ меня оскорбляла именно эта любовь! Великодушiе съ его стороны! Я съ особеннымъ остервенѣнiемъ билъ тѣхъ собакъ, которыя въ это время лизали мнѣ руки. А этотъ счастливецъ «со дня рожденiя»... какое онъ право имѣлъ любить меня, когда я его ненавидѣлъ? Онъ дѣлился со мною лакомствами, — я ихъ выбрасывалъ вонъ; онъ дарилъ мнѣ свои игрушки, — я ихъ ломалъ и топталъ съ бѣшенствомъ. Вѣдь, до него и эти сласти, и эти игрушки были мои, какъ моею была ласка матери, — ласка, украденная имъ у меня...

Я ему нарочно рассказывалъ страшныя сказки и, показывая мнѣ позволяли оставаться съ нимъ, будилъ его по ночамъ, спрашивая: не видитъ ли онъ чего-нибудь въ углу, не стоитъ ли тамъ что-то бѣлое? Онъ вскригивалъ, пряталъ голову въ подушки и всхлипывалъ тамъ въ то самое время, какъ я радостно смѣялся. Скоро, впрочемъ, этому «развлеченiю» положили конецъ. Нашли, что намъ въ одной комнатѣ быть нельзя, что онъ дѣлается нервнѣе и плохо спитъ, и меня рано вечеромъ отсылали въ мою собачью конуру наверхъ. Я не могъ уже подходить къ его вроватѣ, въ чехлѣ изъ голубаго кретона, отдѣланной кружевами, — не могъ и тогда, когда онъ самъ требовалъ у меня сказки.

Я принялъ отъ него только одну услугу — единственную.

Когда его начали учить, онъ захотѣлъ, чтобы я былъ съ нимъ, — не въ школѣ, но въ то время, когда ему давали уроки на дому. Ему, видите ли, одному было скучно. Благодаря именно этому, меня подождали отдавать въ какое-нибудь ремесленное заведенiе, какъ хотѣли.

— Пускай они учатся пока вмѣстѣ, отдать мы его успѣемъ всегда!

Это — *всегда!* Оно до сихъ поръ какъ погребальный, зловѣщiй ударъ колокола звучитъ надо мною. Еще бы! Я, вѣдь (какъ мнѣ удалось разъ услышать), «не имѣлъ званiя». А я тогда еще и не понималъ, что такое «званiе», только чувствовалъ, что безъ него, должно быть, очень сѣверно. Я былъ «ни богу — свѣчка, ни чорту — кочерга». Столь остроумно опредѣлилъ мое социальное положенiе отецъ. Съ раннихъ лѣтъ я началъ сознавать, что лицемерiе на свѣтѣ является общимъ закономъ, слова — одно, дѣло — другое. Никто въ моихъ глазахъ и на моей памяти не поступалъ такъ, какъ онъ говорилъ. Любовь къ ближнему? Я чувствовалъ ее на всемъ своемъ тѣлѣ. Справедливость? О, она была мнѣ оказана въ полной мѣрѣ! Оставалось только рассчитывать, что все это во сто

братъ наверстается въ томъ мірѣ, куда мы всё уходимъ рано или поздно, но, судя по тому, что и въ церкви не позволяли *они*, присные мои, стоять рядомъ съ ними, я началъ думать, что и на загробную жизнь надежда плоха. Въ самомъ дѣлѣ, въ храмѣ Божь-емъ, гдѣ, какъ послѣдній изъ послѣднихъ, я долженъ бы быть первымъ, мнѣ указывали мѣстечко въ уголку, по возможности незамѣтное, и отецъ, выдерживая свое хладнокровіе, говорилъ мнѣ, какъ постороннему:

— Мальчикъ! становись здѣсь и веди себя смирно!

И скуластый, съ волосами ершомъ, со взглядомъ изподлобья «мальчикъ» становился отдѣльно отъ нихъ, гдѣ ему было указано, и велъ себя *смирно*.

Я, при этомъ, одинъ не могъ понять, зачѣмъ меня сюда брали и не лучше ли было мнѣ оставаться дома.

Такъ шло долго. Меня продолжали стыдиться. А, между тѣмъ, я былъ ребенокъ способный. Раннее развитіе, привычка думать о многомъ въ одиночку помогли мнѣ понимать то, что по возрасту, казалось, было мнѣ и недоступно. Горькіе для «розоваго херувима» горни ученія мнѣ пришлось по душѣ. Какъ выразался семинаристъ, ходившій къ намъ, я всякое знаніе схватывалъ «клевоиъ, какъ галчонокъ». Это опять-таки явилось для меня источникомъ новыхъ страданій. Еще бы, мой братъ оставался далеко позади! Онъ только морщилъ лобъ, усиливаясь сообразить то, что ему, «разжевавъ, клали въ ротъ», но или онъ былъ ужъ слишкомъ загорелъ, только умственная пища давалась ему туго. По всѣмъ правамъ: по способностямъ, знаніямъ, жаждѣ образованія—я бы долженъ былъ занимать мѣсто на гимназической снажѣ, на которое съѣлъ мой братъ, но отдать меня туда опять-таки было «совѣстно»,— я былъ незаконнорожденный.

— Ахъ, я не перенесу этого!—взвизгивала мать, трагически хватаясь за голову.

Она стала ужасно нервна съ тѣхъ поръ, какъ «въ законъ вступила».

— Да, неловко, неловко,—соглашался отецъ.—Объ этомъ позабыли, пришлось бы вновь напоминать.

И я поэтому оставался расти свинопасомъ.

Я перечитывалъ книги брата; я учился самъ. Я думаю, изъ меня, при иныхъ условіяхъ, выработался бы недюжинный человекъ. Любовь къ знанію въ этомъ отношеніи значитъ многое, но меня, вѣдь, нельзя было учить! И то, что для меня стало бы источникомъ

счастья, свободы, независимости, открыло только еще новую рану въ моей и безъ того истерзанной душѣ.

Неужели эти жестокие люди не видѣли, что дѣлалось со мною? Кто же, впрочемъ, вдумывается въ то, изъ-за чего ребенокъ наступилъ, что творится въ его маленькомъ сердечикѣ? А потомъ... выростетъ изъ него злодѣй или просто дрянной человекъ, — всё накачиваютъ головой и вздыхаютъ.

— Бѣдные родители! Такіе почтенные люди и *вдругъ* у нихъ выросъ подобный негодяй!

Никто только не дастъ себѣ отчета: почему случилось это «вдругъ»?

На нѣкоторое время меня забыли. Едва ли это не счастливѣйшій періодъ моей жизни дома. У отца были книги. Я безъ разбору бралъ ихъ и уходилъ къ себѣ навѣрхъ читать. Стояло лѣто, солнце свѣтило въ мою убогую комнатку, часто къ окну моему подлетали воробьи и весело чирикали о чемъ-то. Когда мнѣ надоѣдало читать, я свѣшивался изъ окна и смотрѣлъ внизъ, въ бездну улицы, раскрывавшуюся подо мною. Чаще всего меня тянуло разжать пальцы, державшіеся за внутренній выступъ подоконника. Одно мгновеніе — два, три оборота въ воздухъ — и конецъ всему. Вонъ тотъ городской, что стоитъ, какъ обратившаяся въ соляной столбъ жена Лота, на углу, вдругъ окажетъ признаки жизни, дастъ свистокъ и подбѣжитъ ко мнѣ. Дворникъ оторопѣло высочитъ, растеряется, точно все это случилось по его винѣ. На вопросъ: «чей это мальчикъ?» онъ резонно отвѣтитъ: «при господахъ Обидиныхъ кормится». Меня положутъ на что-нибудь и понесутъ вверхъ. Я видѣлъ разъ такого унавашаго. У него изъ сломанныхъ ногъ сочилась кровь, было страшно разшиблено лицо и только глаза, широко открытые глаза съ какимъ-то дикимъ ужасомъ переводили свой пристальный взглядъ съ одного на другого изъ наклонившихся къ нему людей. Что меня удержало отъ этого? Вѣдь, всѣмъ и, пожалуй, мнѣ первому было бы лучше. Я думаю, все то же, — я былъ трусъ, трусъ!... Я боялся физической боли.

Наконецъ, осенью совершился давно ожидавшійся переворотъ въ моей жизни.

Эту осень я долго не забуду.

Съ утра до ночи лилъ дождь, а такъ какъ мой потолокъ, въ то же время, былъ и крышей, то мнѣ иногда казалось, что эти безконечныя струи бьются прямо въ мой черепъ. За окномъ стояла какая-то кислая мгла. Отъ проходившей черезъ мой уголокъ желѣзной

трубы пахло угаромъ. Разъ утромъ меня позвали внизъ. У отца былъ какой-то нѣмецъ, судя по выговору.

— Вотъ онъ!—указалъ на меня отецъ.

Я туно взглянулъ на посѣтителя.

— Предупреждаю, онъ упрямъ и золъ. Съ нимъ нужна строгость.

Нѣмецъ одобрительно улыбнулся и крикнулъ. «Чего-чего, а этого у насъ много»,—безъ словъ сказала мнѣ его лицо. Взглянувъ на его громадные, корявые лапы, я даже вздрогнулъ. Мнѣ стало разомъ и холодно, и жутко.

— Онъ у васъ и жить будетъ.

— О, это—извѣстный поррадокъ!

Потомъ отецъ обернулся ко мнѣ:

— Ну, любезный другъ, я тебя отдаю къ переплетчику г. Фридриху. Ты, кстати, любишь книги,—улыбнулся онъ.—Работай, не лѣнься, веди себя хорошо и изъ тебя, *несмотря ни на что*, выйдетъ человекъ. Государству нужны не одни ученые, но и ремесленники. Не всѣмъ стоять впереди. Кому-нибудь надо и позади оставаться. Рости, будь честенъ, и если г. Фридрихъ дастъ о тебѣ хорошей отзывъ, я тебя не забуду и иной разъ возьму къ себѣ. Выростешь, если къ тому времени средства позволяютъ, я тебѣ дамъ на обзаведеніе. Откроешь свою мастерскую... Вы можете взять его. Вещи я пришлю потомъ.

Я все это время смотрѣлъ ему въ лицо. Неужели не шевельнется въ немъ что-нибудь теплое, ласковое? Онъ, вѣрно, угадалъ и повернулся ко мнѣ спиною.

Г. Фридрихъ откланялся.

Онъ, дѣйствительно, взялъ меня, выходя на улицу... за ухо и такъ смалъ, что я крикнулъ. Очевидно, что это сдѣлано было безъ всякаго зла, потому что онъ съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Was poch?... Ну?... Was für Umstände?...

Потомъ новый хозяинъ моего тѣла улыбнулся и прибавилъ:

— Это, мальшигъ, зовсѣмъ нитшево. Абез если ремнемъ, тогда отшень больно. Помни, у меня ухо долъшенъ быть вострый и *von Allem*—*послушаній, послушаній и послушаній!*

Всгдъ за этимъ, вѣроятно, по свойственной этому племени аккуратности, онъ дернулъ меня для симметріи за другое ухо и на время оставилъ въ покоѣ.

Я не хочу вспоминать о жизни, которая началась для меня.

Это были сначала сплошные потемки. Товарищѣй у меня не могло быть, я много читалъ, кое-что узналъ, былъ не по лѣтамъ

равнить. Я стоялъ головою выше окружающаго меня міра, и тѣмъ большѣе приходилось мнѣ отъ того, что другіе принимали какъ должное. Тѣлу приходилось плохо,—я узналъ и ремень, и палку хозяина,—но душа не такъ мучилась, какъ дома. Тутъ не было семьи, которой я опостылѣлъ, не было неравенства, несправедливости. Фридрихъ былъ одинаково жестокъ со всѣми. Я порою встрѣчался съ моимъ братомъ, но, очевидно, ему было строго-на-строго приказано отнюдь не узнавать меня. Онъ, краснѣя, отворачивался и я замѣчалъ при этомъ, что въ его глазахъ стояли слезы. И этого розоваго херувима уже научили *стыдиться* меня! Я былъ теперь отрѣзанный ломоть, отъ меня избавились!...

И, все-таки, когда приходилось плохо, меня по старой привычкѣ позывало къ своимъ. Зачѣмъ?... Развѣ можно разобратъся въ лабиринтъ нашихъ ощущеній и желаній?

Разъ какъ-то, поздно вечеромъ, я побѣжалъ къ *нашему* дому, вошелъ во дворъ его. У *насъ* всѣ окна были освѣщены. На опущенныхъ занавѣсахъ мелькали тѣни. Должно быть, гости! Тамъ жили весело. До меня дошло, что отцу повезло послѣ меня. Онъ получилъ высшее мѣсто, сталъ принимать народъ... О, какъ меня въ эти минуты потянуло вдругъ къ нимъ, туда наверхъ. Казалось, рай открывался! Печальный рай! Сердце еще не совсѣмъ околѣнѣло, оно жаждало любви и ласки. Удивительно живуче оно у чловѣка, чего-чего не вынесетъ и все еще вѣрить и надѣется! Я, какъ будто, сознавалъ, что меня еще можно спасти. Стоило только пригрѣть, и все отошло бы!

Я тихо, едва дыша, поднялся наверхъ.

Изъ-за дверей слышались звуки фортеціано, громкій говоръ, смѣхъ. Мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть имъ: пустите меня, пустите! Вѣдь, все это настолько же мое, насколько и ваше. За что вы меня выбросили? Но, вѣсто того, я вдругъ почувствовалъ, что ноги мои слабѣютъ, подкашиваются, и опустился на холодную ступень лѣстницы, прижался горѣвшею щекой къ чугуннымъ периламъ и заплакалъ.

Счастливы тѣ, тысячу разъ счастливы, кто не знаетъ такихъ слезъ!

Долго ли я просидѣлъ такъ, не знаю. Я жадно вслушивался во все, что тамъ дѣлалось. Различалъ звуки, объяснялъ ихъ себѣ... Вотъ накрываютъ ужинать. Мнѣ, голодному волчонку, даже запахъ кушаній почудился. Меня вдругъ потянуло во что бы то ни стало позвониться къ нимъ... Но... въ передней зазвучали голоса, должно быть, кто-то уходитъ, щелкнулъ замокъ и я, въ слѣпомъ страхѣ,

не жалѣя себя, кубаремъ скатился съ лѣстницы, во дворѣ набѣжалъ за дрова и, притаясь, оттуда высматривалъ, кто идетъ. Потомъ выползъ изъ своего убѣжища и побрелъ домой.

Однимъ хороше было дѣло, къ которому меня приставили, — въ свободныя минуты я могъ читать, сколько мнѣ угодно. И когда мои товарищи бѣгали по улицамъ, а нѣкоторые плялись и по кабакамъ уже, я проводилъ досуги за книгами. Фридрихъ замѣтилъ это и разъ процѣдилъ сквозь зубы: «Der Kerl hat den Kopf auf der rechten Stelle!...» Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ меня бить, началъ со мною разговаривать и, вмѣсто «мальшигъ», называлъ меня «Пауль»... Я уже благодаря этому сталъ забывать о семьѣ, выкинувшей меня на холодъ и на ножи. Она сама, впрочемъ, напомнила мнѣ о себѣ.

Разъ какъ-то прибѣжала оттуда къ Фридриху кухарка. Тотъ вышелъ въ мастерскую.

— Пауль, одѣвай сами кароши платье и ступай съ этою Fräulein.

У меня сердце захолонуло даже.

Та по пути объяснила мнѣ, что мой братъ болѣзнъ, вторую недѣлю лежитъ, что онъ долго плакалъ и просилъ отпустить меня къ нему. Докторъ уже приказалъ исполнить его «фантазію». Докторъ! Самы они не сдѣлали бы этого. Странное чувство меня охватывало, когда я подходилъ къ «себѣ». Я до сихъ поръ не умѣю объяснить его. Я рассчитывалъ, что меня оставятъ опять при братѣ, и, въ то же время, мнѣ было жутко и больно, точно чья-то холодная рука проникала ко мнѣ въ грудь, худыми костлявыми пальцами медленно, но безощадно сжимала мнѣ сердце.

Когда я вошелъ, меня провели прямо къ брату.

Онъ былъ въ постелѣ и красота его еще болѣе выигрывала отъ болѣзни.

Когда я посмотрѣлъ на его постель и вспомнилъ свои нары у нѣмца, чувство злобы сжало мнѣ губы. Я хотѣлъ ему крикнуть: «Ступай вонъ отсюда, воръ! Это мое мѣсто!» — но, совладавъ съ собою, туно сѣлъ около. И, пока тотъ мнѣ радостно болталъ о своихъ дѣлахъ, я миялъ шанку, потупаясь и ожидая, когда войдутъ они. Ю... они не вошли. Мать была въ церкви, отецъ занимался въ кабинетѣ...

Братъ разсказывалъ мнѣ, что его любятъ въ гимназін, что у него славныя товарищи, что онъ часто бываетъ въ гостяхъ въ ихъ семьяхъ, и ему тамъ весело, что теперь ему гораздо легче учиться, кончивъ, онъ уѣдетъ въ университетъ, — это уже рѣшено, — что у

нихъ: часто въ классѣ устраиваются домашніе спектакли и онъ на нихъ играетъ, что отецъ ему за экзамены подарилъ часы, а мать цѣпочку къ нимъ. И во все время, послѣ каждой новой подробности, я мысленно повторялъ: «Это все, все слѣдовало мнѣ, это ты укралъ у меня, у меня! И гимназія—мнѣ, и твои знакомые, и театры, и университетъ, какъ эта комвата, эта постель, эти заботы, эти часы, цѣпочка—все, все это—мое, мое!» Черезъ часъ та же кухарка пришла, вынесла мнѣ три рубля и велѣла идти домой.

— Ты еще придеешь?—спрашивалъ у меня братъ.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я ему.

— Почему? Развѣ тебѣ не хорошо здѣсь, у меня?

Я усмѣхнулся, хотя мнѣ хотѣлось плакать, и какъ-то, не глядя на него, бокомъ, криво вышелъ вонъ; на порогъ дома швырнулъ трехрублевую бумажку, предварительно плюнувъ въ нее, и вернулся домой, проклинаая весь этотъ день, растранившій только мои и безъ того сочившіяся живою кровью раны.

Потомъ, когда меня звали къ брату, я не шелъ.

Нѣмецъ хотѣлъ было прибить меня, но вдругъ задумался, положилъ мнѣ руку на голову и сказалъ:

— Ja, er hat Recht!...

Наконецъ, соблаговолилъ придти, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, мой отецъ. Ему сказали, что я не слушаю. Онъ позвалъ меня.

— Ты что же это, скотина, а?

Скотина, какъ и слѣдуетъ скотинѣ, смотрѣла внизъ и ни слова.

— Да вы наказываете это животное?

Фридрихъ утвердительно кивнулъ головою.

— Сбѣгите эту шельму, сбѣгите хорошенько! Авось изъ нея человекъ выйдетъ.

Это были послѣдніе напутственные слова моего почтеннаго родителя.

Братъ скоро выздоровѣлъ.

Разумѣется, онъ недостаточно еще навредилъ мнѣ. Развѣ онъ могъ умереть тогда! Я, вѣдь, еще могъ быть счастливъ! Онъ бы, такимъ образомъ, по отношенію ко мнѣ не выполнилъ своей миссіи!

Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ этого. Я сталъ уже забывать мое дѣтство. Тѣмъ болѣе, что суровый и тяжелый на руку Фридрихъ, когда я подросъ и сдѣлался отличнымъ работникомъ, назначилъ мнѣ жалованье и далъ отдѣльную комнату и мѣсто за своимъ столомъ. Онъ былъ честный человекъ и научился цѣнить

меня. Вообще во всю мою жизнь я находилъ настоящее сердце только у рабочаго люда. Оно какъ-то ожирѣло у тѣхъ, кто живетъ на всемъ готовомъ, — не доберешься у нихъ до него! Въ этому же времени относится единственный просвѣтъ въ моей жизни. Я говорилъ уже, что много читалъ въ свободное время, именно тогда, когда мои товарищи пьянствовали. Это меня сблизило съ семьей хозяина и особенно съ его дочерью Эмилией. Отецъ ея смотрѣлъ на это довольно благосклонно.

Что такое была эта дѣвушка?

Я думаю, такихъ, какъ она, полагается именно по двѣнадцати на дюжину. Чистенькая, голубоглазенькая, безбровая нѣмочка, съ пухленькими губками, узенькимъ лобикомъ, красными ручками, наивная, какъ только могутъ быть наивны онѣ. Я ей читалъ часто вслухъ, чего, разумѣется, она не понимала. Но ее интересовалъ самый процессъ чтенія. Усядется она, бывало, въ кресло: ей покойно, тепло. Какъ кошкѣ у печки удобно. А тутъ рядомъ молодой человѣкъ мурлычить что-то, отъ чего сами глазки смыкаются. «Только не громко», — просить она. Любила ли она меня, не знаю, но я — я молился на нее. Она первая не оттолкнула меня, она улыбалась мнѣ, и, нажется, всю жажду чувства, ласки, довѣрія, любви я вложилъ въ свои отношенія къ ней... Она мнѣ дарила розовые талстуки съ цвѣтами, вышивала мои русскія рубашки, я ей покупалъ дешевые духи и все шло какъ по-писанному, и быть бы мнѣ теперь счастливымъ отцомъ семейства, если бы опять не вмѣшался во все это розовый херувимъ.

Какъ разъ къ этому времени пріѣхалъ онъ изъ университета къ намъ въ городъ.

О, это ужъ не былъ тотъ наивный и робкій юноша! Онъ отростилъ себѣ волосы, надѣлъ золотыя очки. Языкъ у него работалъ такъ, какъ будто гдѣ-нибудь у него была незамѣтная электрическая пуговочка и онъ ее прижималъ постоянно. Онъ отыскалъ меня.

Я былъ за работою, въ фартукѣ, съ ремешкомъ на волосахъ, какъ вдругъ онъ ураганомъ ворвался въ мастерскую и бросился ко мнѣ — подлинно, какъ «жаждущій елень на источники водные». Не успѣлъ я очнуться отъ неожиданности и его объятій, какъ онъ уже обошелъ моихъ товарищей, приговаривая:

— Позвольте пожать руку честному труженику.

Потомъ онъ сталъ въ позу и забарабанилъ. Слова у него сыпались какъ горохъ. Рабочіе сначала оторопѣли, а потомъ улыаться стали.

И не успѣвъ онъ окончить, какъ восхищенная Эмилія воскликнула, всплеснувъ руками:

— Да вы, г. Обидинъ... вы настоящій благородный, какъ же можно васъ сравнивать съ Павлушъ? Павлушъ, — обратилась она ко мнѣ, — вы читать можете очень скоро, но вы, все-таки, мужикъ, а вы бы, г. Обидинъ, у насъ въ Германіи были настоящій heft Wagen!...

Мечтавшему о слияніи съ народомъ брату это такъ понравилось, что онъ взбилъ себѣ волоса, взглянулъ на себя въ зеркало и произнесъ:

— О, да, всѣ, знаете, находятъ, что у меня аристократическая наружность!

Эмилія не осталась въ долгу.

— Вы совсѣмъ, какъ бываютъ въ романахъ — «надворной».

Бѣдная, она хотѣла сказать придворный!

Братъ, впрочемъ, такъ это и понялъ, наклонился, поцѣловалъ ей руку, чѣмъ окончательно завоевалъ ея сердце и утвердилъ ее въ ея мнѣніи.

Съ тѣхъ поръ, гулявшая всегда со мною подъ руку, Эмилія выбирала его и шла съ нимъ, вся румяная, счастливая, гордая. Мнѣ на все, что бы я ни говорилъ ей, она возражала съ какимъ-то негодованіемъ. Я спрашивалъ, что съ нею, тогда она начинала плакать и вся въ слезахъ отвѣчала:

— Оставьте меня, вы совсѣмъ грубый и необразованный человекъ!

Я не ожидалъ бѣды, но она случилась.

Брату пора было ѣхать въ университетъ.

Онъ наканунѣ извелъ меня попытками сказать что-то, но чего никакъ не могъ сказать. Охаживалъ, охаживалъ меня и, наконецъ, рѣшился, но и тутъ не могъ обойтись безъ фразъ, такъ что я его не понялъ.

— Ты не будешь проклинать меня, нѣтъ? — трагически спросилъ онъ.

Я думалъ, что онъ самъ замѣтилъ, насколько Эмилія переѣдилась ко мнѣ, и отвѣтилъ ему на это:

— Что же проклинать? Уѣдешь — и съ нею эта дурь сойдетъ, какъ съ гуся вода...

— Ты думаешь? — загадочно проговорилъ онъ и затѣмъ вдругъ продекламировалъ: — Мы — братья! Стыдно намъ, въ силу общественнаго предразсудка, врозь идти. Мы должны показать, что со-

ціальное неравенство—ничто для нашихъ душъ. Сблизимся и высоко понесемъ наше знамя...

Какое знамя—это было его секретомъ. Въ тайну самаго знамени онъ меня не посвящалъ. Но его болтовня имѣла въ себѣ что-то одурающее. Даже мать,—мать, которая до тѣхъ поръ знать меня не хотѣла, стыдилась меня,—онъ убѣдилъ, что она должна гордиться мною.

— Помилуйте, мама, вы—героиня. Вы полюбили и отдались—отдались свободно и отважно на зло торжествующей рутинѣ. Вы шли до конца, вы стали матерью—святое имя! Вы не смотрѣли ни на что!

И барабанилъ до тѣхъ поръ, пока она не пріѣхала ко мнѣ, раскрасившаяся, вообразившая себя чуть не Жанною д'Аркъ. Мнѣ, взрослому и честному рабочему, она привезла: *Розовую книжку для милыхъ дѣтей*, ею самую вышитое полотенце и коробку конфетъ. Отца онъ сбить съ толку не могъ. Тотъ, глядя на него, говорилъ:

— Побрыкайся, побрыкайся, братъ! Я самъ теленкомъ былъ, тоже брыкался!

Его, впрочемъ, онъ скоро оставилъ въ повоѣ, но за меня принялся за то основательно. Во-первыхъ, ему надо было *развить* меня, который, разумеется, меньше его учился, но гораздо больше его читалъ и зналъ. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ устроить мое счастье. Безъ него, видите ли, мы сами ничего не сумѣли бы сдѣлать. Ему Фридрихъ сообщилъ о своихъ видахъ на меня—и, весь красный отъ волненія, онъ опять влетѣлъ ко мнѣ въ мастерскую, опять жалъ мнѣ руки, говорилъ что-то о высокомъ чувствѣ любви, о гармоніи душъ и въ тотъ же вечеръ явился въ нашу скромный уломокъ, изящный, завитой, весь опрысканный духами, съ букетомъ цвѣтовъ для Эмилиі. Она, по его словамъ, трогала «своею непосредственностью». Весь вечеръ онъ говорилъ ей такъ много и такъ возвышенно, что она подъ конецъ начала смотрѣть на него, какъ на Бога. Даже красныя ручки сложила на колѣняхъ и ротъ раскрыла. Когда онъ ушелъ, она обратилась ко мнѣ, вздохнула и, совершенно счастливая, восторженно проговорила:

— О, вотъ это настоящій мушкетеръ!...

— Что такое?—не понялъ я въ первую минуту.

Оказалось, что она передъ тѣмъ сама прочла *Три мушкетера* Александра Дюма и нашла въ розовомъ херувимѣ сходство съ однимъ изъ его героевъ. Когда я, уже раскусившій моего брата, сталъ ее нѣсколько расхолаживать, Эмилиі вспыхнула и нагово-

рила мнѣ въ первый разъ много непріятнаго. Я, видите ли, и неблагодаренъ, и завистливъ. Когда я спросилъ ее, за что-жь мнѣ ему быть благодарнымъ, она резонно сослалась на то, что онъ не гнушается мною. Завидую же я тому, что не могу «такъ чисто одѣваться». Въ концѣ-концовъ, она расплакалась и ушла къ себѣ, сильно хлопнувъ дверью. Очевидно, въ ней братъ нашелъ почву болѣе удобную для развитія, потому что послѣ этого не проходило вечера, чтобы онъ не являлся къ намъ... Святая наивность Эмилии при этомъ доходила до невозможнаго. Разъ онъ, разболтавшійся, воскликнулъ съ повосомъ:

— Да, братъ, ты счастливъ, трижды счастливъ! Ты самъ—народъ, для тебя сміяніе съ нимъ не можетъ являться роковою загадкой сфинкса! А мы — мы, дворяне, тщетно стучимся въ его сердце...

Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
И зло наскучило ему!

Потомъ порывисто обнялъ меня, долго прижималъ къ своему сердцу и, наконецъ, выналилъ:

— Во всякомъ случаѣ, не обвиняй меня. Человѣкъ не воленъ въ своихъ поступкахъ. Это, знаешь, послѣдняя научная теорія... Человѣкъ—сумма, а слагаемыя ея—обстановка, жизнь, вліянія, сходство характеровъ, тайная гармонія душъ.

«Что за чертовщина!»—думалъ я, слушая его. Въ послѣднее время онъ усвоилъ себѣ препротивную манеру, искренничая, складывать губы сердечкомъ. Я никогда не вѣрилъ такимъ, которые это дѣлаютъ. Послѣдствія убѣдили меня, что я не ошибался. На этотъ разъ я только отмахнулся отъ него, какъ отъ назойливой мухи, думая: «Пожалуйста, только уѣзжай скорѣе. Безъ тебя опять миръ и любовь воцарятся въ нашемъ тихомъ утолѣ».

Вечеромъ въ тотъ же день Эмилиа выскакивала куда-то въ платочкѣ и вернулась назадъ чуть не въ истерикѣ. Это уже мнѣ рассказывали потомъ. За ужиномъ я замѣтилъ, что теперь жизнь опять пойдетъ попрежнему; Эмилиа расплакалась и, очевидно, со словъ моего брата, совсѣмъ уже глупо заявила, что она «не рождена для мастерской».

— А для чего?—вскочилъ Фридрихъ, подымая свою тяжелую руку.—Честный нѣмецъ выше всего на свѣтѣ считаетъ трудъ.

Я едва удержалъ его.

— Что съ вами, Эмилиа?—спросилъ я ее.

— Оставьте меня, грубый человѣкъ!

— Чѣмъ же я грубѣй? Разумѣется, я не таковъ, какъ мой братъ. Да я и не хочу быть такимъ.

— Еще бы вамъ!...—и она съ негодованіемъ вздернула носъ.— Онъ вотъ руки, и то тридасомъ моетъ, у него бѣлье духами пахнетъ. Я улыбнулся и ушелъ.

Утромъ я вскочилъ отъ грознаго и бѣшеннаго крика Фридриха.

Эмилиа не стало! Она бѣжала съ братомъ и черезъ два дня онъ самъ меня въ этомъ удостовѣрилъ письменно, сообщивъ мнѣ, что Эмилиа «рождена вдохновлять людей мысли на духовные подвиги» (Эмилиа!), что въ прозѣ нашей мастерской она бы задохлась, что онъ счелъ себя обязаннымъ спасти эту музу отъ той грязи, въ которой онъ ее нашелъ, и что, впрочемъ, если я потребую удовлетворенія, то, несмотря на «узы крови и разницу нашихъ общественныхъ положеній», онъ всегда мнѣ готовъ его дать,— мнѣ стоить только пріѣхать къ нему для этого...

Я не счелъ возможнымъ скрыть это посланіе отъ *св* отца.

Онъ изорвалъ его въ клочки.

— Не говорите мнѣ о ней ни слова! У меня больше нѣтъ дочери!...

Судьба Эмилиа была ужасна. Черезъ два года мнѣ случилось быть въ Петербургѣ, и я встрѣтилъ «вдохновительницу» моего брата, его «музу», на тротуарѣ пьяною проституткой. Я хотѣлъ спасти ее. Плакалъ, умолялъ ѣхать со мною домой, говорилъ, что еще вся жизнь передъ нею, что я ее люблю, общалъ тотчасъ же жениться на ней — и только самъ измучился съ нею. Утромъ она, вся въ слезахъ, выдалась къ моимъ ногамъ, упрашивая скорѣе увезти ее, но вечеромъ, съ бѣшенствомъ, съ неистовствомъ требовала водки, кричала въ какомъ-то алкоголическомъ пароксизмѣ: «Всѣ вы подлецы! Уйдите вонъ, оставьте меня!»—выдалась къ огню, била стекла, орала на улицу «караулъ» и, когда сбѣгались дворники, жаловалась, что я ее силою держу у себя.

Неужели и послѣ этого я долженъ былъ любить его, моего брата? Но судьбѣ было этого мало,—она въ немъ берегла для меня еще нѣсколько ударовъ.

Вскорѣ умерла моя мать.

Передъ смертью она позвала меня. Я ожидалъ, что она будетъ прощать меня о прощеніи, и готовъ былъ простить ее. Я не хотѣлъ, чтобы она уносила съ собою сознаніе сдѣланной ею несправедливости. Но я напрасно настраивалъ себя на этотъ ладъ. Въ моемъ прощеніи, въ примиреніи со мною она не нуждалась. Уже стивченнаа привосновеніемъ смерти, посинѣвшая, осунувшаяся,

задышавшаяся, она нашла въ себѣ силы только для того, чтобы сказать мнѣ, что я всегда былъ неблагодарнымъ негодяемъ, что я хотѣлъ погубить брата, сблизивъ его съ какою-то «дѣвкой», и что его спасли только ея материнскія, услышанныя Богомъ, молитвы, что я долженъ дать ей слово никогда больше ему не вредить, не пользоваться имъ, не портить ему жизни.

— Иначе, я изъ гроба встану и приду къ тебѣ за отчетомъ.

Жалкая женщина! Не считаться же было съ нею!

Я молча ее выслушалъ и молча ушелъ, — она не нуждалась въ моей ласкѣ.

Братъ пріѣхалъ вскорѣ. Онъ опредѣлился на службу въ нашешъ городѣ, но, слава Богу, уже не находилъ нужнымъ навѣщать меня. Я и не вспоминалъ о немъ. Мнѣ повезло самому: смерть никогда не приходитъ одна. За мою матерью умеръ хозяинъ, оставивъ мнѣ свою мастерскую. Я ее расширилъ, въ моихъ рукахъ она начала приносить большой доходъ. Такъ прошло еще три года. У меня уже водились деньжонки и я прочно стоялъ на ногахъ. Заказовъ было столько, что мы едва ихъ успѣвали исполнять. Судьбѣ надобно преслѣдовать меня: я выигралъ даже нѣсколько тысячъ въ лоттерей. Я уже мечталъ опять съѣздить въ Петербургъ, во что бы то ни стало найти тамъ Эмилию и, въ какомъ бы видѣ она ни оказалась, хоть силою привезти ее назадъ, жениться на ней. Я былъ убѣжденъ, что здѣсь она оправится и сдѣлается вновь честною женщиной и хорошею хозяйкой для моей мастерской, то-есть именно тѣмъ, чего недоставало моему рабочему раю. Скромное, мѣщанское счастье, счастье никому и ничѣмъ не обязаннаго труженика было такъ близко, какъ вдругъ разъ вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ отецъ.

Я оторопѣлъ даже отъ неожиданности.

Онъ былъ очень взволнованъ. Я его въ эти годы увидѣлъ въ первый разъ. Онъ такъ пережился, весь посѣдѣлъ, сталъ краснѣть, но теперь забылъ это сдѣлать и казался совѣтъ бурнымъ. Подъ глазами у него были мѣшки, правая нога волочилась.

— Я къ тебѣ... — попробовалъ онъ улыбнуться. — Я къ тебѣ, все же мы какъ будто и не чужіе. Проведи меня къ себѣ.

Я пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Онъ, надо отдать ему справедливость, перешелъ къ дѣлу почти безъ предисловія.

— Однако, у тебя тутъ недурно. И книгъ сколько! Если бы тебя по-настоящему учить, ты бы... Ну, да это послѣ. Послушай, у тебя есть деньги?

— Да, есть.

У него все лицо пошло красными пятнами; я сообразилъ, что въ этомъ-то самая суть.

— Вы, по вашей свинской привычкѣ, держите ихъ въ бангѣ на какихъ-нибудь трехъ процентахъ... Я тебѣ дамъ шесть, ну, семь... даже, по родству, восемь.

— Я вамъ дать ихъ не могу.

Онъ поблѣднѣлъ и какъ-то вскинулся на мѣстѣ.

— Отчего?... Отчего «не могу»? Есть—и вдругъ не могу... Это грубо, другъ мой.

— Не могу и не дамъ.

— Но я тебя поилъ, кормилъ, воспитывалъ. Неужели ты, неблагодарный, забылъ это?

Онъ меня называлъ неблагодарнымъ! Но я уже зналъ эту породу и не изумлялся.

— По нашимъ «свинскимъ» привычкамъ мы свято платимъ долги. Пришлите мнѣ счетъ, сколько вы истратили на меня и, главное, на мое *воспитаніе*, я тотчасъ же уплачу по немъ.

Но тутъ у него изъ глазъ вдругъ хлынули слезы, и онъ, этотъ гордый человѣкъ, сначала схватилъ меня за руку, а потомъ вдругъ самъ опустился передо мною на колѣни.

Богъ знаетъ, что я почувствовалъ въ эту минуту. Мнѣ было и стыдно, и какое-то мстительное чувство подымалось угаромъ и кружило голову. Я прислушался къ тому, что говорилъ онъ.

— Спаси насъ, ты одинъ можешь спасти, одинъ. Мой сынъ проигралъ казенныя деньги. Десять тысячъ! Мы тебѣ отдадимъ. Ему остается пустить себѣ пулю въ лобъ. Если бы у тебя былъ ребенокъ, ты бы понялъ, что значить потерять *единственного сына!*...

Въ глубинѣ своего эгоизма онъ не понималъ, что въ эту роковую для него минуту, завися весь отъ моего великодушія, онъ оскорбляетъ меня. *Единственного!* Я не обратилъ, впрочемъ, вниманія на его слова. Мнѣ страстно, такъ страстно захотѣлось видѣть у своихъ ногъ моего брата, этого розоваго херувима. Я уже рисовалъ себѣ, какъ я буду ходить изъ угла въ уголъ, какъ будто въ раздумьѣ, а онъ станетъ ползать за мною на колѣняхъ, съ трепетомъ слѣдя за выраженіемъ моего лица. Мнѣ такъ въ эту минуту *нужно* было его униженіе. Я чувствовалъ, что оно стѣбитъ этихъ денегъ, что я самъ вырасту въ своихъ глазахъ, что однимъ этимъ я стану выше ихъ всѣхъ. Меня такъ потянуло на эту высоту, что я ему отвѣтилъ: «Пришлите его ко мнѣ, тамъ мы увидимъ». Я

не хотѣлъ, чтобъ онъ уносилъ съ собою увѣренность. Я даже думалъ заставить этого розоваго херувима унизиться, валяться передо мною въ истерическихъ рыданіяхъ и потомъ выбросить его на улицу,—его, погубившаго мою Эмилию, отнявшаго у меня все, что только можно отнять у человѣка: отца, мать, жену.

Но все это кончилось совершенно иначе.

Вмѣсто того, чтобы погубить, я его спасъ; растерянный, ничтожный, ополоумѣвшій, онъ до такой степени былъ отвратителенъ, что я почувствовалъ къ этому «единственному» сыну моего отца одно презрѣніе. Въ немъ не было даже мужества отчаянія. Вмѣсто честнаго раскаянія или бѣшенства неудачи, онъ только хватался за голову и трагически восклицалъ:

— Умереть такимъ молодымъ—это ужасно, ужасно!

Я приказалъ ему написать вексель, и когда онъ сдѣлалъ это, швырнулъ ему деньги въ голову. Въ этомъ я не могъ отказать себѣ. Онъ ушелъ, разомъ пережѣвившись, точно изъ кармана другое лицо вынулъ. Голова его была уже закинута назадъ высоко. Я нарочно смотрѣлъ въ окно, куда онъ пойдетъ. Розовый херувимъ остался вѣренъ себѣ. На крыльцѣ онъ засвисталъ что-то веселое. Пощупалъ боковой карманъ и улыбнулся. По пути, какъ гоголевскій поручикъ Пироговъ, онъ зашелъ въ кондитерскую. Сладкіе пирожки всегда были его слабостью. Онъ и въ другомъ отношеніи остался вѣренъ себѣ. Оказалось потомъ, что имъ проиграно не десять, а восемь тысячъ. Двѣ онъ накиннулъ такъ, по случаю. Отчего же де не воспользоваться и не прихватить *кстати*? За одно ужъ, если можно. О, я не даромъ ненавидѣлъ этого баловня! Чтò въ нихъ во всѣхъ есть такое, что отуманиваетъ насъ, лишаетъ силы, воли, всего?... Я, всѣмъ обязанный одному себѣ, я, для котораго, казалось, не было врага злѣе этого *законнаго* сына моей матери, я спасъ его. Зачѣмъ я сдѣлалъ это? Не знаю! Я до сихъ поръ самъ не могу толкомъ объяснить себѣ этого. Безхарактерность, что ли? Вѣрно, постоянныя порыванія отомстить, и отомстить жестоко, и въ рѣшительный моментъ какая-то гадливость, какой-то странный упадокъ силъ. Правда, у меня оставался вексель, подписанный имъ, но лучше бы я не бралъ его вовсе.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ его въ нашемъ городскомъ саду.

Онъ шелъ съ какою-то очень красивою дамой. Поравнявшись со мною, онъ отвернулся въ сторону. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сказалъ ей что-то такое, должно быть, на мой счетъ, потому что она оглянулась на меня и раскѣялась. Потомъ онъ уже пере-

ставалъ узнавать меня даже, когда я съ нимъ сталкивался съ глазу на глазъ. Еще мѣсяца черезъ два мнѣ передали, что между своими онъ меня называетъ: «это грѣхъ моего отца!» Бровь бросилась мнѣ въ лицо, когда я услышалъ это въ первый разъ. Отчего же онъ умолчалъ о своей матери? Я одного не могъ въ толкъ взять: онъ всегда былъ болтунъ, фразеръ; когда это въ немъ успѣла развиться такая подлость? Потому что онъ сдѣлался настоящимъ подлецомъ.

Взбѣшенный его «грѣхомъ моего отца», я уже отправился къ нему самъ и началъ съ нимъ на *сы*.

Я его спросилъ, когда онъ заплатитъ по своему векселю?

— Развѣ ему срокъ?

— Да! Ему срокъ всегда. Вы его написали по предъявленію. Вы меня увѣрили, что *самъ* отецъ достанетъ денегъ черезъ недѣлю. Я человекъ рабочій, содержу мастерскую... Мнѣ необходима эта сумма.

Онъ сдѣлался вдругъ мягокъ.

— Во-первыхъ, почему это *ты* говоришь, что онъ *самъ*, т.-е. мой отецъ, а, во-вторыхъ, что значить это *сы*?

Откровенно, мнѣ хотѣлось плюнуть ему въ лицо въ эту минуту. Я употребилъ нѣкоторое усиліе, чтобы удержаться, и отвѣтилъ только:

— Вы его *сынъ*, а я его *грѣхъ*.

Онъ вспыхнулъ и повернулся ко мнѣ спиною.

И, когда я уходилъ, онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Я вамъ пришлю на-дняхъ.

Это на-дняхъ, разумѣется, длилось опять мѣсяць. Я, наконецъ, узналъ, что ему повезло, что у себя въ клубѣ онъ отыгрался, да еще съ лихвою. У нихъ шла тамъ громадная игра. Я ему уже написалъ, что предъявляю вексель ко взысканію. И тутъ случилось то, чего я даже отъ нихъ—отъ этого розоваго херувима и отъ виновника дней моихъ—не ожидалъ, да и не могъ ожидать. Мнѣ въ тотъ моментъ дѣйствительно нужны были деньги. Я расширялъ дѣло,—не занимать же было самому и разоряться на проценты!

Вечеромъ, какъ и въ тотъ разъ, пріѣхалъ ко мнѣ отецъ. Но теперь онъ не былъ мягокъ и игривъ. Ему не надо было притворяться.

— Ты что тамъ за глуности пишешь?

— Бакія?

— Чтò еще за взысканія и по какимъ такимъ векселямъ? Ты, кажется, о двухъ головахъ. Недоставало еще, чтобы ты подлогами занялся. Ты съ ума сошелъ?

Эта наглость меня возмутила. Вся моя рабочая честность на-кою-то бурною волной поднялась во мнѣ.

— Если кто и сошелъ здѣсь съ ума, такъ это вы, а не я. Довольно и того, что одинъ вашъ сынъ «единственный» проигрываетъ чужое; я спасъ его, я далъ ему свои кровныя десять тысячъ—и, Богомъ клянусь, взыщу ихъ до послѣдней копейки.

— Значить, ты хочешь скандала?

— Нѣтъ, отдайте мнѣ мое—и кончено.

— У насъ нѣтъ теперь денегъ.

— Я слышалъ, что онъ выигралъ много.

— Ему надо на обстановку. Его положеніе требуетъ большихъ расходовъ.

— А мнѣ не надо?

— Тоже сравнилъ!... Тебѣ, мастеровому? Ты обойдешься. Вы всегда умѣете обходиться. Скажите, пожалуйста, какия претензіи! Понадобилось ему десять тысячъ, и выкладывай ему на столъ сейчасъ!

— Да, вѣдь, мой онъ?

— А ты не цѣпишь ни во что нашихъ заботъ о тебѣ? Человѣка изъ тебя сдѣлали. Развѣ я отправилъ тебя въ воспитательный домъ, какъ это случается сплошь да рядомъ? А онъ, вѣдь, для такихъ-то и устроенъ. Кажется, чего бы церемониться, а мы тебя пожалѣли! Тамъ бы ты погибъ!

— Отецъ, отецъ! какъ вамъ не стыдно!—вырвалось у меня.

— Если ты считаешь меня отцомъ, разорви весель.

Я всталъ; очевидно, дѣлать съ ними было нечего. Бѣшенство душило меня.

— Идите вонъ! Вамъ, честнымъ людямъ, здѣсь не мѣсто!—указалъ я ему на дверь.—Подите вонъ скорѣе, а то я не поручусь за себя!

Должно быть, я былъ хорошъ! Онъ сдѣлался разомъ какой-то маленькій, заторопился, даже красный носовой платокъ оставилъ у меня на столѣ, согнулся какъ-то, юрнулъ въ дверь и только оттуда обернулся и въ послѣдній разъ точно на прощанье бросилъ мнѣ:

— Помни же, никакого веселя нѣтъ. Если окажется, значить—подложный. Намъ повѣрять больше, чѣмъ тебѣ. Не совѣтую начинать дѣло,—въ арестантскихъ ротахъ для такихъ, какъ ты, всегда найдется мѣсто!...

И затѣмъ онъ исчезъ.

Въ эту ночь я не спалъ. Даже мое желѣзное здоровье не вы-

держало! У меня болѣла голова. Какіе-то молотки изнутри стучали въ виски, въ ухахъ звонило. Подушка жгла меня, одѣяло казалось непосильною тяжестью. Сухой жаръ смѣнялся ознобомъ. Я бредилъ Богъ вѣсть о чемъ. Открывалъ окно, но и наружный воздухъ казался мнѣ слишкомъ сухимъ и знойнымъ. Я успокоился только къ утру. Теперь я не могъ ихъ щадить. Теперь я долженъ былъ пустить въ ходъ свою угрозу. Какъ, испугаться этихъ подлюковъ мнѣ, честному человѣку?... Отступить передъ ними?... Нѣтъ, это было бы слишкомъ!

Я въ тотъ же день пошелъ къ адвокату и рассказалъ ему все. Онъ съ недоумѣніемъ выслушалъ меня и покачалъ головою.

— Вы убѣждены, что все это именно было такъ, какъ вы мнѣ рассказали? Я знаю Обидина, почтенный старикъ и сынъ его одинъ изъ лучшихъ нашихъ молодыхъ людей... Совсѣмъ что-то на нихъ не похоже.

Я вынулъ вексель и показалъ ему.

Онъ, все-таки, былъ въ нерѣшимости.

— Да за кого же, наконецъ, вы принимаете меня?— крикнулъ я ему.

— Васъ?... Васъ я не знаю...

— Что же, вы думаете, что я самъ поддѣлывалъ вексель?

— Нѣтъ, я этого не считаю возможнымъ. У васъ мастерская, дѣло. Зачѣмъ вамъ векселя поддѣлывать! Но, видите ли, мнѣ извѣстны хорошо обстоятельства вашего рожденія. Можетъ быть, онъ, братъ вашъ, выдалъ вамъ вексель такъ, не получивъ съ васъ денегъ, въ силу какихъ-нибудь великодушныхъ соображеній... Ну, тамъ хотѣлъ, что ли, вознаградить васъ за... за...

— Не оканчивайте!

Я вышелъ отъ этого господина и отправился къ простому ходатаю по дѣламъ.

Тотъ, разумѣется, не былъ такъ щепетиленъ, только деньги впередъ потребовалъ.

Что произошло затѣмъ?

Какъ я пережилъ эти нѣсколько мѣсяцевъ, не знаю. Розовый хорувимъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ разыграли свои роли отлично. Когда за мною затворились ворота тюрьмы, когда замокъ моей арестантской камеры щелкнулъ за мною и я увидѣлъ себя запертымъ отъ всего міра, тогда только я увѣровалъ въ непобѣдимую силу, въ торжествующую власть зла. Ржавая рѣшетка въ окнѣ, за нею свѣтило небо... Я какъ звѣрь бѣгалъ изъ угла въ уголъ, стучался и колотился въ двери, бросался на каменный полъ и ры-

далъ на немъ, хотѣлъ разбить свою голову о стѣны, но меня никто, никто не слышалъ. Дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами — въ зловѣщемъ молчаньѣ моей кельи. Отъ пароксизмовъ бѣшенства я переходилъ къ полному отчаянiю, но все было напрасно... Меня теперь считаютъ сумасшедшимъ и, разумеется, ошибаются въ этомъ, хотя достаточно было одного этого періода моей жизни, чтобы сдѣлать меня такимъ. Подумайте, преступнику невыносимо это одиночество, желѣзо замковъ и рѣшетокъ, холодный камень стѣны, уныніе длинныхъ корридоровъ... Что же долженъ былъ чувствовать я, человѣкъ уже надломленный и сознававшій великую, оказанную мнѣ несправедливость?

Я разорился. Моя мастерская закрылась, рабочіе разбрелись, имущество было раскрадено. Я сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ и долженъ былъ слушать, какъ прокуроръ безнаказанно мнѣ, труженику, выдалъ въ лицо имя «мошенника». Отецъ на судѣ плакалъ крокодиловыми слезами и, наконецъ, по-церковному заговорилъ, обращаясь къ присяжнымъ:

— Пріемлю сіе, какъ праведную кару Господню за великіе грѣхи моей молодости...

И перекрестился даже — и громы небесныя молчали!...

Сочувствіе было на его сторонѣ. «Бѣдный старикъ!» — читалось на лицахъ окружающихъ. Братъ все время говорилъ въ тонѣ презрительномъ, высоко держа свою красивую голову. Я смотрѣлъ на него, — онъ тщательно избѣгалъ встрѣтиться со мною глазами. Какъ онъ мнѣ напоминалъ того избалованнаго ребенка съ вьющимися волосами, котораго я каталъ въ колясочкѣ и таскалъ на рукахъ! Волосы вились у него до сихъ поръ и голосъ его звучалъ такъ же искренно, какъ и тогда, когда онъ погубилъ мою бѣдную Эмилию. Преклоняюсь передъ судомъ присяжныхъ, — дѣйствительно, совѣсть ихъ въ рудѣ Божіей. Они оправдали меня. «Нѣтъ, не виновенъ!» — удивило даже публику, и потомъ я читалъ въ столичныхъ газетахъ по поводу моего процесса передовыя статьи, въ которыхъ упрекали судъ въ томъ, что онъ выпускаетъ на свободу завѣдомыхъ воровъ и разбойниковъ. Какъ легко пишутся подобныя статьи и, должно быть, какъ, въ сущности, подлы ихъ авторы! Что за звѣриная злоба въ нихъ! Ну, а если оправданные дѣйствительно не виновны, — какимъ ужасомъ полно для нихъ каждое слово этихъ проклятыхъ строкъ! А если будетъ обвиненъ правый, чѣмъ эти палачи-добровольцы заплатятъ ему за его безысходную муку?... Всей ихъ жизни мало за одну ея минуту!...

Я вышелъ на улицу свободнымъ. Но... я былъ уже «аре

стантъ», я судился за подлогъ. Въ мастерскихъ мнѣ не было мѣста. Для меня оставалось одно убѣжище— кабакъ. Сначала я не понималъ этого. Я хотѣлъ было послѣ оправданія взыскать съ нихъ деньги, но это оказалось невозможнымъ. Я былъ мѣщанинъ. Меня позвали и предупредили:

— Вотъ что, любезный, будь доволенъ тѣмъ, что ты отвертѣлся отъ суда. Если еще ты у меня пикнешь, я съ тобой не стану разговоры-разговаривать. Меня провести трудно, чѣмъ присяжныхъ.

Я ничего не понималъ, что со мною творится. Я побрелъ къ знакомымъ хозяевамъ наниматься въ работники, но одинъ меня не принялъ вовсе, другіе ясно намекали на то, что у нихъ и для честныхъ людей работы мало, третьи и къ намекамъ не прибѣгали, а прямо рѣзали:

— Ну, милый другъ, съ тобой еще въ дѣла влопаешься. Хорошо, если родной отецъ, и тотъ отъ тебя отрекся! Ступай, ступай. Да по пути, смотри, не стяни чего. Извѣстно, въ какомъ ниверсит' гѣ вы теперь получили свое образованіе... То-то все въ книжку, да въ книжку. Вотъ оно книги-то твои до чего довели!

Я пошелъ къ рѣбѣ. Казалось, она одна оставалась мнѣ. Уйти туда, на самое дно, отъ этого влаго, безпощаднаго міра! Но въ это время мимо проѣхалъ мой братъ, розовый, счастливый, веселый, изящный. Нѣтъ, рано умирать, рано! Я долженъ сосчитаться съ нимъ за все, за все рѣшительно. Все человѣческое теперь умерло во мнѣ, осталась одна злоба, но ей уже не было предѣла. Она наполнила всего меня. Какъ я долженъ былъ наказать его, опозоренный, голодный, нищій, я этого не зналъ, но это было моею обязанностью отнынѣ. Мнѣ вѣрилось, что придетъ моментъ, когда сама судьба дастъ мнѣ случай выполнить это. Я лелѣялъ мысль о мести, днемъ носился съ нею, ночью видѣлъ во снѣ ея осуществленіе, просыпаясь съ мечтами о ней. Какъ мозгъ игрока наполненъ карточными ходами, сочетаніями, случайностями сдачи, ошибокъ противника, такъ и мой каждую секунду создавалъ планы одинъ чудовищнѣе другаго. Пьяный, — а тогда я сталъ пить, — я бредилъ ими, я сообщалъ ихъ такимъ же кабацкимъ завсегдатаямъ и они, хлопая меня по плечу, восторженно орали въ какой-то одури:

— Дѣлай, другъ! За свистокъ (горло) его шельму! Дави! Или погѣномъ въ лобъ, чудесно освѣжаетъ! Пушай же *они* тоже чувствуютъ!

Всѣ эти нынѣшніе мои друзья были такіе же обиженные судьбою люди и въ словѣ *они* виѣстѣ съ моимъ братомъ для нихъ соединялся весь этотъ насильный, истерзавшій ихъ, обезчестившій

и на улицу выбросившій враждебный, громадный міръ. И я оралъ вмѣстѣ съ ними, и попалъсь намъ въ такія минуты мой братъ—о, я не ручаюсь, что мнѣ не пришлось бы второй разъ сѣсть на скамью подсудимыхъ съ тѣмъ, чтобы уже оттуда уйти безвозвратно бритымъ кандалникомъ въ какой-нибудь рудникъ Сибири! Я знаю, если бы я это рассказывалъ людямъ иной среды, они бы не повѣрили въ существованіе такихъ злодѣевъ, какими были мой отецъ и братъ, но, вѣдь, выходя въ люди, обыкновенно пріодѣваются и никто не старается щеголять дурнымъ запахомъ или зіяющему раной. Помилуйте, такіе милые и изящные господа! И кому же повѣрить, мнѣ? Мнѣ, который и въ глаза-то прямо смотрѣть не можетъ, а все изъ подлюбы?

Я опустился и отупѣлъ за это время. Чѣмъ я жилъ, что я дѣлалъ—Богъ знаетъ. Я не умѣю отвѣтить на это. Какъ-то день за днемъ уходилъ... На что я сталъ похожъ: лицо мое опухло, приняло болѣзненный видъ, пожелтѣло! Я ослабѣлъ такъ, что самъ уже чувствовалъ себя неспособнымъ ни къ чему. Ноги дрожали, руки тоже. Я и рюмку не могъ держать, не расплескавъ водку, единственно поддерживавшую меня, какъ веревка повѣшеннаго. Съ каждою минутой сознанія я чувствовалъ, что гибну, но,—странное дѣло!—вмѣстѣ съ этимъ во мнѣ росла дикая, пьяная увѣренность, что я, наконецъ, отомщу этому розовому херувиму. Мнѣ казалось, что день этотъ все ближе и ближе, и если до него нельзя заснуть и проспять, можно было скотски опьянять себя, что я и дѣлалъ, лишь бы не понимать всего, что творится кругомъ, лишь бы не видѣть всего ужаса моего паденія. Я уже не могъ жить безъ надежды, разумъ не давалъ ея, водка давала и я пилъ эту прожигающую меня насквозь «надежду», пилъ, когда было можно, и чувствовалъ себя несчастнымъ, когда ея не было. Ощущенія! Но какія могутъ быть ощущенія у того, кого обожгло тучей и такъ эта туча и не разсѣвается? Я сталъ нѣсколько приходить въ себя теперь—запертый, безъ всякой возможности одурматить себя опять этимъ, какъ вы его называете, ядомъ, но я чувствую себя отъ этого въ тысячу разъ хуже. Возбужденіе, благодаря которому я пишу еще эти строки, скоро пройдетъ и тогда я замру, замру совсѣмъ. Нѣтъ, тамъ, въ томъ кабагѣ, бывшемъ для меня единственнымъ пристанищемъ, я былъ, все-таки, человѣкомъ. Я ненавидѣлъ зло и хотѣлъ карать его... Здѣсь—я... Впрочемъ, зачѣмъ забѣгать впередъ?... Я знаю, отъ этого письма зависитъ ваше мнѣніе обо мнѣ, нормаленъ я или нѣтъ... Пустите меня. Я не хочу вашихъ свѣтлыхъ комнатъ, ва-

него леченія... Пустите въ кабакъ, на холодъ и голодъ... Но я хочу, хочу быть свободнымъ...

Съ однимъ изъ товарищей моего безразсвѣтнаго существованія я какъ-то ушелъ за городъ. День былъ чудесный, лѣтній. Сидѣли мы на берегу рѣки и оба ловили другъ друга на одной и той же мысли: «утопиться бы!» Потомъ вдругъ онъ заплакалъ. Слезъ у насъ не полагалось, —мы и пьяные не любили выдавать своего «я».

— Чего ты?—спросилъ я у него.

— Такъ, брось... мать вспомнилъ.

— Мать? — я даже вздрогнулъ. О, я бы не сталъ плакать о своей матери.—Мать?—повторилъ я.

— Да... Она меня въ праздникъ одѣнетъ, бывало, въ красную рубашечку и поведетъ гулять сюда... Давно это было...

Отъ этой «красной рубашечки» у меня сердце защемило. Я такихъ не носилъ.

— Поди, сама шила?

— Рубашки-то?

— Да.

— А то кому же?... Бѣдная была, въ поденщину ходила... Хорошо, бывало... Цвѣты-то цвѣточки... лазоревые, березки... кудрявые... Теперь и березокъ-то нѣтъ,—порубили.

Я не знаю, что со мной сдѣлалось. У меня ни цвѣтовъ лазоревыхъ, ни березокъ кудрявыхъ въ дѣтствѣ не было... И вдругъ меня всего охватило какою-то злобой. Я всталъ и, ни съ того, ни съ сего, толкнулъ его почти прямо въ его заплаканную, пьяную морду.

— Скотъ эдакой!

— Чего ты ругаешься?—оторопѣлъ онъ.

— А того, что стоишь... Тоже—мать!...

— Ахъ, ты, байструкъ эдакій!—вышелъ и онъ изъ себя.

Байструками у насъ называли незаконныхъ дѣтей.

— Ахъ, ты, байструкъ!... Мать-то отъ меня рыло не ворочала, она вѣнчанная была.

Я свѣта не взвидѣлъ. Мы передрались, какъ способны драться дикія животныя, съ храпомъ, молчаливымъ бѣшенствомъ, ненавистью, которая одинаково растетъ и отъ боли, и отъ сознанія своей неправоты. Когда ослабѣли руки, остались зубы. Кажется, мы оба разомъ обезсилѣли, но и лежа пластомъ я все продолжалъ остервенѣло ругаться, повторяя съ лицемѣрнымъ презрѣніемъ: «цвѣты лазоревые, березки кудрявые» — и глубоко-глубоко въ сердцѣ моемъ что-то рыдало, страстно рыдало по этимъ никогда

не чаровавшимъ моего дѣтства краснымъ рубашечкамъ, цвѣтамъ лазоревымъ, березкамъ кудрявымъ.

— Отчего, отчего? — съ недоумѣніемъ повторялъ я, глядя на уже ступившуюся вдали синеву медленно подступавшей ночи, а что «отчего», едва ли я могъ объяснить толкомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того судьба нанесла мнѣ послѣдній ударъ, отъ котораго я уже не оправлялся: всякій смыслъ у моей жизни былъ отнятъ, и на этотъ разъ безвозвратно.

Братъ мой умеръ.

Я за нѣсколько дней передъ этимъ встрѣтилъ лечившаго его доктора. Онъ меня предупредилъ, но я еще надѣялся, — авось молодой организмъ возьметъ свое. Иначе изъ-за чего же я страдалъ, ждалъ, жилъ этою вѣрой въ наказаніе, которое черезъ мои руки должно было его рано или поздно постигнуть?

Говорять (я читалъ въ книгахъ), что смерть примиряетъ.

Кого?

Напротивъ, она ожесточаетъ окончательно человѣка. Она оставляетъ всѣ его счеты неоконченными. Съ кого онъ получить по всѣмъ своимъ обидамъ, чѣмъ онъ наполнить страшную пустоту, образовавшуюся въ его душѣ?... *Онъ*, мой братъ, болѣлъ недолго и въ этомъ отношеніи судьба была милостива къ розовому херувиму. Она пощадила его и въ другомъ: онъ всю послѣднюю недѣлю своей жизни не приходилъ въ себя. Такимъ образомъ, ему не грезилося, неотступными свидѣтелями не стояли у его кровати ни павшій окончательно, пьяный, опозоренный имъ братъ, ни избитая, загаженная, одурѣвшая отъ нищеты и разврата Эмилія. Напротивъ! Отецъ съ батистовымъ платочкомъ у глазъ пояснялъ всѣмъ и каждому, что его сынъ «*отшелъ* (они не умираютъ, а отходятъ, мы —дохнемъ!) въ лучший міръ, какъ ангелъ!» Хорошо ангелъ! И какой же это міръ для него могъ быть лучше? Чѣмъ нашъ оказывался плохъ для розоваго херувима?

Я, разумѣется, не пошелъ къ нему.

Меня бы, во-первыхъ, не пустили, какъ я думалъ тогда, а, во-вторыхъ, я, — въ опорахъ, рваный, лохмотный, грязный, — самъ бы, кажется, умеръ отъ ужаса, увидя свое отраженіе въ ихъ зеркалахъ. Только будто отуманенный, невѣдомо зачѣмъ, поздно вечеромъ я подошелъ къ ихъ дому. Они уже жили внизу. Занавѣсы были спущены, одна только поотстала, и я увидѣлъ свѣчу, большую восковую свѣчу. Пламя ея вытянулось высоко и курилось къ самому потолку длинною струйкой дыма. У свѣчи выступалъ край бѣлаго глазетоваго гроба и его серебряныя лапки. На краю этомъ алѣли

цвѣты какого-то вѣнка, вмѣстѣ съ нимъ умиравшіе. Даже и тутъ ему было легко, покойно, хорошо. Въ этотъ день я былъ очень утомленъ и пилъ меньше, а потому и чувствовалъ себя несчастнѣе... О, съ какимъ наслажденіемъ я заснулъ бы въ томъ бѣломъ гробу! Впрочемъ, кто бы пустилъ на такое пышное ложе пьяное, опухлое, грязное мурло, какимъ являлся я? Изъ-за занавѣски часто показывались люди. У всѣхъ у нихъ были грустные, торжественныя лица. По мнѣ бы некому было плавать. Подохни я, все равно, что червяка раздавили, никто бы и не вспомнилъ. Можетъ быть, это и лучше...

Незнаю, видѣлъ ли меня отецъ, когда на другой день брата выносили въ церковь. Я притаился на углу одной изъ улицъ и смотрѣлъ. Я думаю, видѣлъ, потому что онъ вздрогнулъ и обернулся въ мою сторону. Пожалуй, не узналъ. Я бы самъ себя не узналъ въ этомъ отвратительномъ созданіи, что дрожало, прислонясь къ стѣнѣ, въ лохмотьяхъ, которымъ не было имени. А, между тѣмъ, безъ этого человѣка, что лежалъ теперь въ гробу, я былъ бы инымъ, совсѣмъ инымъ. Съ какимъ острымъ любопытствомъ я смотрѣлъ на этотъ гробъ!... Даже за нимъ подался, держась за стѣны. Ужъ очень меня качало. «Боже мой! — приходило мнѣ въ голову, — вѣдь, я погибъ, чтобы отомстить ему. Я могъ бы уѣхать, заняться дѣломъ тамъ, гдѣ меня не знали, и я остался только для того, чтобы не терять его изъ вида. Я нарочно опускался, падалъ и сознательно убивалъ въ себѣ человѣка, чтобы въ рѣшительный моментъ въ моей душѣ уже ничего не говорило противъ злодѣяства, чтобы рука моя не дрогнула и ударъ ея былъ направленъ вѣрно. И все это для того, чтобы видѣть, какъ его голова, послѣ смерти ставшая еще красивѣе, качается на изголовьи гроба въ тактъ съ шагами друзей, которые несли его на рукахъ. Качается, киваетъ, а вѣтеръ шевелитъ русыя кудри на его лбу. Да, отецъ на этотъ разъ меня увидѣлъ, потому что, пройдя довольно далеко, онъ еще разъ оглянулся въ мою сторону.

Что при при этомъ шевельнулось въ совѣсти у этого стараго грѣшника? Подумалъ ли онъ, что судьба, быть можетъ, покарала его за меня? Едва ли! У такихъ все, что они ни дѣлаютъ, хорошо. Напротивъ, я полагаю, другая мысль заставила его оглянуться въ мою сторону съ такою ненавистью: «Вотъ этотъ-де живетъ, а кому онъ нуженъ? Тогда какъ тотъ, — моя надежда, любовь, мое «все», — скрестилъ руки на груди и неподвиженъ въ своемъ деревянномъ ящикѣ».

За что? Положимъ, я былъ его стыдомъ, положимъ,

что пока я еще не увидѣлъ свѣта, они съ матерью дѣлали все, чтобы я умерь, *не родившись*. Имъ, къ отчаянію, не удалось этого, а въ воспитательный нельзя было отдать, — слишкомъ многіе знали...

Я пошелъ къ своимъ, полный какихъ-то неопредѣленныхъ ощущеній, растерянный, не понимая, что я долженъ теперь дѣлать и какъ жить. Мнѣ кажется, человѣкъ, который полетѣлъ бы въ пропасть и вдругъ остановился посрединѣ, чувствовалъ бы то же самое. Кругомъ ничего. Вверху небо, внизу мгла. Къ чему онъ виситъ и сколько времени будетъ это продолжаться? Неужели вѣчность? Не лучше ли шлепнуться и разбиться о камни, что въ суманѣ мерещутся тамъ, словно зубы чьей-то чудовищной челюсти? Когда я пришелъ, тамъ уже шли толки о моемъ братѣ. Босую команду интересовало, будутъ ли одѣлять. Кто-то сказалъ, что мой отецъ самъ хочетъ раздавать милостыню сегодня же вечеромъ на паперти послѣ панихиды. Я сначала не обратилъ на это вниманія. Товарищи моего несчастія, зная, какъ я ненавидѣлъ брата, тоже не умѣли ко мнѣ приступить и со мною не заговаривали...

Самъ будѣть раздавать милостыню. Еще бы не самъ! Онъ и изъ этого постарается устроить зрѣлище, театръ, въ которомъ будетъ играть благородную роль... Потомъ въ мѣстной газетѣ прочтемъ о «потрясенномъ» отцѣ, о покорности Провидѣнію и проч., и проч. И вдругъ мнѣ стало душно отъ всей этой подлости, еще душнѣе отъ моего безсилія бороться съ нею. Бороться, да... Но испортить эту торжественную минуту я могу ему. Еще бы! И также внезапно тоскливое, угнетенное чувство смѣнилось радостью. Мнѣ на минуту стало такъ весело, какъ давно не было. О, разумѣется!... Разумѣется, я самъ пойду туда съ ними. Самъ! Стану въ ихъ ряды и подожду, пока его рука, рука моего отца, не коснется моей. Непремѣнно сдѣлаю это... Пусть онъ, разорившій и погубившій меня, дастъ мнѣ пятакъ. Даже поблагодарю въ томъ же нищенскомъ тонѣ. Непремѣнно сдѣлаю это...

— Ожилъ, Павлуша? — спросили меня тѣ, замѣтивъ, что я точно воскресъ.

— Да... Комедію сегодня хочу вамъ представить.

— Какую?

— А вотъ увидите сами.

Я имъ не говорилъ о моихъ намѣреніяхъ, — еще, пожалуй, помѣшали бы. Но сердце мое колотилось въ груди, въ глазахъ даже темнѣло въ ожиданіи этого момента. «О, я не опущу ихъ передъ твоими! — думалъ я. — Я посмотрю, что ты почувствуешь, когда моя дро-

жащая отъ пьянства, грязная лапа протянется къ тебѣ въ числѣ другихъ такихъ же безобразныхъ лапъ. Послѣ этого мнѣ жить будетъ легче. Послѣ этого хоть умереть!

Когда стемнѣло, мы двинулись.

— Неужели и ты съ нами?—спросили меня.

— Нѣтъ, я такъ. Такъ я... Посмотрю—все же «братецъ».

— Это ты хорошо...

— Чего лучше!—загалдѣли кругомъ.—Все своя кровь!

Я поспѣлъ какъ разъ въ-время.

Точно какая-то нечеловѣческая сила охватила меня. Я еталъ пробиваться къ отцу съ такимъ неистовствомъ, отчаяніемъ, какъ будто отъ этого пятака зависѣло спасеніе моей души. Я хваталъ сосѣдей за шивороты и отбрасывалъ въ стороны, и въ общемъ хоръ мой голосъ раздавался хрипло и злобно. Въ этой свалкѣ, я, какъ будто выброшенный волною, очутился вдругъ впереди, лицомъ къ лицу съ своимъ отцомъ, бѣшеный, возбужденный, опьянѣвшій, хотя сегодня ничего не пилъ.

Его покачнуло... Онъ поблѣднѣлъ, даже глаза закрылъ.

Я думаю, что мой острый, воспаленный взглядъ пронизывалъ его насквозь. Только въ это мгновеніе я сообразилъ, зачѣмъ я здѣсь, и преувеличенно-умоляющимъ нищенскимъ тономъ зануль:

— Мнѣ-то, мнѣ-то, господинъ, пожалуйста, неимущему, мнѣ...

Платокъ съ деньгами у отца выпалъ изъ рукъ. Мѣдь со звономъ разсыпалась по каменнымъ ступенямъ. Нищія нахлынули на нее.

Мы остались вдвоемъ лицомъ къ лицу.

Онъ даже руки протянулъ, точно защищаясь отъ меня. Потомъ вдругъ старческія, безсильныя слезы полились по его морщинистымъ щекамъ. Онъ пошатнулся и тихо проговорилъ, точно другой человѣкъ, такъ что я не узналъ его голоса:

— Мы виноваты передъ тобою, Павелъ... Очень виноваты! Не замолишь... Прости, если можешь!

Но я уже механически, самъ не зная что, повторялъ, топчась на мѣстѣ:

— Мнѣ-то что же? Меня за что обидѣли, пятакомъ не одѣлили? Ужли-жь для меня жалъ?

Отецъ, видимо, сдѣлалъ надъ собою усиліе.

— Брату легче будетъ, если ты съ нимъ простишься... Поди къ нему въ церковь, поцѣлуй его... Гробъ кончаетъ все, помирись съ братомъ.

Онъ взялъ меня за руку и потянулъ.

Я точно потерялъ свою волю и пошелъ съ нимъ.

Странно, какъ всякая мелочь этого дня ясно рисуется мнѣ!... А *они* говорятъ, что я сумасшедшій! Да развѣ сумасшедшіе могутъ такъ помнить? Я точно переживаю все это, точно сейчасъ опять вижу пустынную церковь. Въ ней было мало народу. Тѣ, кто и стоялъ еще, сливались въ сумракъ съ круглыми, темными колоннами, пропадавшими вверху, точно кровли и купола не было, а колонны эти уходили въ самое небо, мгlistое, каждое мгновение собиравшееся расплаваться холодными слезами надъ этою несчастною землей. Впереди тускло мерцалъ иконостасъ. Передъ старыми иконами неуверенно мигало нѣсколько лампадъ. Едва-едва поблескивали золоченныя ризы. Изрѣдка внезапно проступали темныя лики угодниковъ и сурово взглядывали на меня. Свѣчи горѣли только передъ Богоматерью и въ мистическомъ полумракѣ храма она одна сіяла алмазами, рубинами и изумрудами своего вѣнца, жемчугами убора, золотомъ оклада... Кругомъ было тихо. Только изрѣдка слышался чей-то вздохъ, но чей — нельзя было различить. Даже люди, отдѣлившіеся отъ колоннъ, казались призраками, — какъ будто выйдетъ такой изъ полутьмы и вновь исчезнетъ въ ней... Словно человекъ родился и умеръ и невѣдомо зачѣмъ прошелъ это слегка освѣщенное пространство. Я оглядывался, упорно сначала стараясь не замѣчать гроба, стоявшаго посрединѣ. Вонъ окно, около котораго ребенкомъ я отдѣльно отъ своихъ стоялъ, ратерянный и скучный, прижимаюсь головою къ холодной стѣнѣ и ничего не понимая изъ того, что дѣлалось кругомъ. Въ моихъ ушахъ еще, казалось, звучало преувеличенно-небрежное: «Мальчикъ, стань тамъ и веди себя смирно...» Теперь я чувствовалъ, что чья-то чужая рука крѣпко держитъ меня за локоть и точно вздрагивающій голосъ въ самое ухо шепчетъ:

— Помиришь съ нимъ, прости ему. Онъ теперь стоитъ передъ Судьей, Который и твои обиды взыщетъ съ него.

Я поневолѣ долженъ былъ посмотреть *туда*.

Бѣлымъ пятномъ посреди церкви выдѣлялся гробъ. Желтая парча покрыва отливалась мягкимъ золотистымъ свѣтомъ. Торжественно и покойно горѣли надъ нимъ желтыя свѣчи, бросая странное сіяніе на лицо покойнаго. Вонъ оно, это ненавистное лицо!... Странно, живой человекъ такъ не лежитъ. Голова неестественно круто приподнята, шея точно ввалилась, грудь съ руками, скрещенными на ней, точно сгорблена. Вотъ онъ, этотъ розовый хирувимъ, погубившій мою жизнь, насмѣявшійся надо мною! Но от-

его же въ эти мгновѣнія вдругъ будто замерла ненависть въ моей душѣ? Ни злобы, ни вражды. Пустота... Меня обволокло туманомъ, обнесло; я стоялъ, какъ околдованный, чарами смерти, что и? Стоялъ и смотрѣлъ на него, смотрѣлъ—и вдругъ отчего-то зашлебалось пламя свѣчей и мнѣ показалось, что его рѣсницы шепелятся, вздрагиваютъ, что блѣдныя губы задвигались, онъ усиливается сказать что-то и не можетъ. Изъ-подъ полусмежившихся вѣкъ свѣтится печальный взглядъ.

— Подойди же къ нему, подойди!—шепчетъ отецъ.

Но я еще не могъ. Какія-то мысли точно со стороны пролегли черезъ мою голову, не оставляя въ ней никакого слѣда,—мысли, ничего общаго не имѣвшія съ моею звѣриною злобой. Я чувствовалъ только, что послѣ нихъ прежнее невозможно.

«Вотъ онъ лежитъ,—думалось мнѣ.—Мошенничалъ, соблазнялъ, игралъ, притворялся, губилъ людей, а зачѣмъ, зачѣмъ это все? Что онъ добился? «Ему обстановка нужна!»—вспомнилась мнѣ отцовская фраза.—Обстановка? Причемъ она теперь?... Его заруютъ такъ же, какъ и меня, и обоимъ понадобится одинаковая яма. И ему, и мнѣ! Что ему толку въ томъ, что его хоронятъ пышно? Глазетовый гробъ, парчевой покровъ, цвѣты,—вся эта помпа погребенія? Завтра катафалкъ со страусовыми перьями, меланхолическіе факельщики, вѣнки, кареты, въ каретахъ скучающіе люди съ официальными лицами. Пожалуй, еще пошлая рѣчь на могилѣ... Развѣ онъ лучше чувствовать себя будетъ, чѣмъ я, котораго полиція подыметъ, околѣнѣлаго, подъ заборомъ, бросить въ наскоро сколоченный изъ барочнаго лѣса съ дырками гробъ, голаго, забить гвоздями, да такъ, что иной сквозь тѣло пройдетъ, и сложить на телѣгу? Верхомъ на гробъ сядетъ пожарный солдатъ по наряду и, ругаясь, что его отвлекли изъ-за тебя отъ дѣла или отъ досуга, погонитъ во всю прыть лошаденку, подсакивая и подпрыгивая вмѣстѣ съ тобою, чтобы на кладбище свалить въ тотъ рядъ ямъ, гдѣ, какъ когда-то объяснялъ мнѣ могильщикъ, лежатъ «безродные», которымъ одинъ Богъ счетъ ведетъ... Въ самомъ дѣлѣ, я и онъ—какая кажущаяся бездна между нами, а для обоихъ все равно—одна цѣль, одинъ конецъ». И вдругъ у меня въ душѣ какъ будто что-то стало таять,—не то что таять, а какъ-то слиняло,—было и слиняло. «Ты скорѣе, я позже»,—думалось мнѣ. Чувства усыпленія, прощенія, примиренія, на которое рассчитывалъ отецъ, не было во мнѣ. Вся моя ненависть показалаь безцѣльной. Кому-то болѣе могучему нужно было,—для чего, почему намъ знать?—чтобы существовали и онъ, и я. И каждый изъ насъ совер-

шалъ свое назначеніе: онъ былъ палачомъ, я—жертвою, и это тоже входило въ программу. А мы лично были тутъ не причеиъ. И такъ стало тоскливо—вся жизнь въ ея печальныя и радостныя минуты, во время труда и бездѣлья, трезвости и пьянства, удачь и погубленія показалась одними сплошными потемками. Чтò все это въ сравненіи вотъ съ этимъ концомъ? И почему-то мнѣ почудилось, что все,—и жизнь, и злоба, и звѣриная хищническая жажда наслажденій за чужой счетъ, и любовь самая,—все это какая-то безконечная нелѣпность, такая нелѣпность, которой и смерть не даетъ объясненій.

Я машинально поднялся на ступень, на вторую...

Помню, взялся руками за край гроба и такъ плохо держался на ногахъ, что думалъ, какъ бы мнѣ не упасть и не опрокинуть его. Еще потомъ мысль явилась: «Вотъ на бѣломъ шелкѣ оставлю грязный слѣдъ свой»... А потомъ другая: «Чтò, еслибъ онъ теперь проснулся? Какъ странно бы показалось ему, что я его цѣлую!»... И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, ни разу въ жизни я не поцѣловалъ этого баловня. Ребенкомъ онъ ласкался ко мнѣ, но я слишкомъ былъ загнанъ, чтобы отвѣчать ему тѣмъ же. Потомъ, съ чего, и самъ не знаю, я поправилъ ему бороду,—она какъ-то некрасиво, на бокъ сбилась. Воротничокъ у него былъ затянута и меня поразила складка кожи, шедшая отъ этого по шеѣ вверхъ. Если бы живой былъ, лицо бы покраснѣло, вздулось отъ этого. Руки желтыя какія, точно восковыя. Отпустъ держуть... Шевелится ли онъ, или это такъ кажется? Платье на груди коробомъ, все къ воротнику надвинулось. И вмѣстѣ съ этими совсѣмъ дикими впечатлѣніями другое: «За чѣмъ же я теперь жить буду? Мы были точно въ одной и той же картинѣ: онъ—свѣтъ, я—тѣнь... Совсѣмъ меня теперь не надо. Никому не надо. Безъ него—картины нѣтъ. Прожухла она, вся въ тѣняхъ...»

— Ну, ну... простись,—слегка толкалъ меня отецъ въ плечо. Голосъ его всхлипывалъ.

Я было наклонился, но отшатнулся прочь.

Мнѣ почудилось—и вдругъ меня охватилъ тогда казавшійся бессмысленнымъ страхъ. И не страхъ,—это слово слишкомъ слабо,—а именно ужасъ. Мнѣ почудилось, что онъ, мой врагъ, мой братъ, открылъ глаза и смотритъ на меня, и точно ждетъ этого момента, чтобы я коснулся его посинѣвшаго лица своими губами. Я постарался совладать съ собою. Какъ это глупо! Разозлился я на самого себя, наклонился и, вмѣстѣ того, чтобы поцѣловать, какъ хотѣлъ, въ щеку, раздвинулъ ему усы и прямо къ губамъ припалъ.

О, если бы я жилъ еще тысячу лѣтъ, я не забылъ бы этого! Каждую секунду воспоминаніе о «первомъ и послѣднемъ» поцѣлуѣ было бы во мнѣ. Днемъ и ночью.

Я почувствовалъ сначала легкое прикосновеніе его мягкихъ усовъ. Затѣмъ холодъ отъ слившихся мертвыхъ губъ и дыханіе смерти, которое прошло мнѣ въ грудь, проникло до сердца и осталось въ немъ. Потомъ (пусть доктора говорятъ, что это все глупо, что мнѣ пригрезилось, что переполненный алкоголемъ мозгъ мой галлюцинировалъ. Они не могутъ объяснить факта, — слѣдовательно, онъ ложь, обманъ чувствъ). Потомъ (что бы тамъ ни говорили) мертвецъ впился въ мои губы своими холодными, мягкими, слившимися губами. Мертвецъ, только и ждавшій этого, поцѣловалъ меня, и когда я хотѣлъ оторвать отъ его поцѣлуя голову, онъ потянулся за мною. *Онъ*, разумѣется, всего этого не видѣли. *Имъ* гораздо удобнѣе ссылаться на то, что мнѣ сдѣлалось дурно, и я не могъ подняться отъ гроба. Но *отчего* мнѣ сдѣлалось дурно? *Отчего?* А! вы не умѣете отвѣтить на это, вы ищете причинъ во мнѣ самомъ, когда онѣ были внѣ меня—въ немъ! Вы говорите, что это невозможно, тогда, докторъ, ужъ скажите, что въ минуту, какъ я пишу это, на небѣ сіяетъ не солнце, а ваша сѣрая мягкая шляпа... Невозможно! Когда дыханіе мертвеца у меня въ сердцѣ. Вы смѣетесь, мертвые не дышатъ, — да, для васъ, для васъ. Можетъ быть, онъ и до тѣхъ поръ, и потомъ не дышалъ, а вотъ въ то, именно въ то самое мгновеніе, когда потянулся ко мнѣ, и удержалъ меня и вдохнулъ въ меня смерть, ужасъ, муку, которой нѣтъ имени. Я зналъ, что такъ оставить онъ меня не могъ. Онъ у меня отнялъ отца и мать, радости дѣтства, школу, онъ укралъ у меня любимую дѣвушку, возможность чистаго, скромнаго мѣщанскаго счастья; онъ потомъ взялъ мое честное имя, не унаслѣдованное, а созданное мною самимъ, швырнулъ его въ грязь и слякоть. Онъ ограбилъ меня и выбросилъ, опозореннаго, въ кабакъ, на улицу, подъ заборъ, на оставленные барки, въ пустыри, гдѣ спать только бездомные псы, — какъ же могъ онъ уйти изъ міра, оставивъ меня жить, какъ же могъ, скажите мнѣ вы, на все отыскивающіе естественныя причины, ссылающіеся на логику? Развѣ логично было бы все это, логично? «Онъ не могъ поцѣловать меня, потому что былъ мертвъ». Мало ли что не могъ, а поцѣловалъ. Да, да, да—тысячу разъ да. Вотъ онъ въ моей груди, въ моемъ сердцѣ, этотъ ядъ его поцѣлуя. Онъ проникъ во всѣ мои жилы, огнемъ обжигаетъ по моему тѣлу, какимъ-то полымемъ охватываетъ мозгъ... Вы слышите—онъ дрожитъ въ моихъ пульсахъ, онъ вмѣстѣ съ

потомъ выступаетъ вонь, но потъ испаряется, а онъ опять уходитъ назадъ? Вы чувствуете, что я дышу *имъ*, этимъ мертвымъ дыханіемъ, который мой врагъ, мой братъ вдохнулъ въ меня? Неужели же вы не замѣчаете, какъ теперь стали слипаться мои губы, — развѣ не такъ же, какъ онѣ слипались у него? Я весь проникнутъ имъ, какъ губка водою. Я чувствую, что *онъ* не хотѣлъ уйти изъ міра и переселился въ меня, въ меня. И я живу двойною жизнью — за себя и за него. Вы говорите: *этого* нельзя; да какъ же нельзя? Приложите руку, — это мое сердце бьется? Вы слышите, оно бьется вдвое быстрее, и бой двойной, за него и за меня. Надо быть дуракомъ, чтобы не понять этого. Развѣ я передъ вами? Это онъ — онъ, я только форма, онъ взялъ мое тѣло, когда оно ему понадобилось, онъ взялъ ласку матери, любовь невѣсты, деньги, честное имя... Онъ всегда бралъ и не отдавалъ. И также онъ отнялъ теперь у меня тѣло для своей злой души. О, Боже мой, да какъ же мнѣ теперь увѣрить васъ въ этомъ, какъ убѣдить? Вы льете мнѣ на голову воду и не видите, какъ отъ нея паръ идетъ, — вѣдь, это онъ огнемъ всего меня палитъ. Вѣдь, я чувствую, что внутри у меня все, все жжетъ и какъ будто онъ боится вашей воды. Вчера у меня сквозь тѣло проступало его пламя багровымъ языкомъ, — это тоже, по-вашему, обманъ?...

Онъ мнѣ даетъ покой.

Я думаю, что онъ спитъ не всегда въ то же время, когда сплю я. Какъ же иначе могло случиться, что я заснулъ въ постелѣ, а проснулся утромъ удѣвившимся за рѣшетку огня? Онъ даетъ мнѣ покой и я пользуюсь этимъ. Въ такіе часы я чувствую себя такъ же, какъ до этого «поцѣлуя». Я даже въ теченіе ихъ написалъ всю эту исповѣдь, написалъ докторъ, для васъ, чтобы вы, наконецъ, поняли, что если здѣсь и есть сумасшедшіе, то это вы, считающіе меня такимъ, что все, все, о чемъ я говорилъ вамъ, живая дѣйствительность. Вы хотите вылечить меня, — да, вѣдь, это же невозможно. Вылечить меня можно, только убивъ его во мнѣ, а убить его можно, убивъ меня. Зачѣмъ же меня вытасили тогда изъ рѣки, куда я бросился, чтобы *его* утопить, понимаете? Самоубійцей я никогда не былъ и самоубійство считалъ и считаю малодушіемъ. Вынули меня изъ петли, хотя я заранѣе радовался, что убью *его*, наконецъ, удавлю въ петлѣ... Я помню, когда я надѣвалъ *его* себѣ на шею, онъ это чувствовалъ: что-то плакало въ моемъ сердцѣ, — это плакалъ онъ, онъ! Развѣ же я себя давилъ и топилъ? Если бы я былъ способенъ на это, думаете вы, что я не сдѣла-

бы этого раньше? Да, онъ, всю свою жизнь жившій чужимъ, и теперь, когда умеръ, продолжаетъ жить мною...

Прочтите, что написалъ я. Развѣ это бредъ помѣшаннаго? Развѣ я гдѣ-нибудь прервалъ нить событій моей жизни? Развѣ я недостаточно послѣдовательно рассказалъ ее вамъ?

Вотъ и сейчасъ я долженъ бросить перо... Я чувствую... просыпается... горячимъ паромъ подымается въ груди, какою-то огненною иглой колетъ мой мозгъ. Огонь по жиламъ... Я сейчасъ уже не я... я—онъ... Дайте, о дайте мнѣ убить его! Смилуйтесь надо мною... Что-нибудь... Гвоздь какой-нибудь... Вотъ онъ охватилъ всю голову... Вотъ онъ... я... нѣтъ, мы... (на этомъ оканчиваются записки несчастнаго).

Примѣчаніе доктора, найденное на этой рукописи:

«Любопытный субъектъ. Мнѣ еще такіе не встрѣчались. Я внимательно перечелъ всю его рукопись, долго думалъ надъ нею и былъ пораженъ, въ концѣ-концовъ, неожиданнымъ выводомъ.

«Онъ ихъ никогда *не* ненавидѣлъ. Любовь была потребностью этой страстной натуры. Онъ всю жизнь продолжалъ ихъ любить болѣзненно, страстно, застѣнчиво, увѣряя себя, что чувствуетъ къ нимъ одну непримиримую злобу. Это бываетъ съ выросшими при такихъ условіяхъ. Проявленія любви разнообразны; не устѣдишь, какую любовь приметъ оболочку. И когда онъ ихъ всего невостовѣ ненавидѣлъ, онъ ихъ всего сильнѣе любилъ.

«Я ему сказалъ объ этомъ въ спокойную минуту, когда его второе «я» спало.

«Онъ сначала улыбнулся, но вдругъ ротъ его скривился, онъ схватился за голову и зашатался...

«— За что же мнѣ любить ихъ было?

«— Для любви, батюшка, нѣтъ вопроса—«за что»... Люби-ли—и баста».

Вас. Немировичъ-Данченко.

Женскіе силуэты.

I.

Она не дѣвочка!... Ей сердце волновали
Потоки разныхъ думъ, и счастье, и печали;
Горючихъ ею слезъ не мало пролило,
Цвѣты любви не разъ въ ней разцвѣтали пышно,
Но кто-то ей всегда нашептывалъ чуть слышно:
«Нѣтъ!... все не то!...»

И часто на челѣ ея видна забота,
Волненье странное... Да, ждетъ она чего-то,
Кого-то ждетъ она!... Еще не бушевалъ
Въ пучинѣ чувствъ ея, бездонной и безбрежной,
Всепобѣдительный, могучій и мятежный
Девятый валъ!...

II.

Онъ ей былъ, конечно, интересенъ
Злой насмѣшкой, даромъ вольныхъ пѣсень,
Легкой дымкой грусти на челѣ...
Свѣтскій кругъ при немъ казался тѣсенъ,
Безъ него блуждала мысль во мглѣ...

Если такъ, она его любила?
— Богъ вѣсть!... Нѣтъ! Она, скорѣй всего,
Чтобъ узнать, что въ сердцѣ у него,
Сердце то охотно бы разбила...
Любопытство—больше ничего!...

III.

Что съ нею?... То вспыхнетъ румянцемъ она,
То станетъ внезапно блѣднѣй полотна,
То вдругъ на рѣсницахъ заискрятся слезы...
То звонко смѣется, то грусти полна,
Въ нѣмомъ обаяньи невѣдомой грѣзы...

Какимъ лихорадочнымъ сталъ ея взглядъ!
Какъ странно изысканъ и ярокъ нарядъ!...
Что все это значить?... Не вызовъ ли мужу?
Не месть ли?... Какія въ ней раны горять,
Что въ сердцѣ Glockenchenъ и рвется наружу?...

Ребенокъ, любимый ребенокъ забыть!
Какая же мать такъ бездушно-сурова?!...
Все гибнетъ... Обида ей душу мрачить...
Спѣши же, охотникъ до счастья чужаго!
Спѣши,—оно «плохо лежитъ»!...

Василій Величко.

ПРИ ДВОРѢ МЕДИЧИ.

Историческій романъ Карла Беркова.

I.

— И такъ, для бѣднаго Федерико нѣтъ никакой надежды, моя милая? Какъ ты разочаровываешь меня! Черезъ нѣсколько дней онъ возвратится изъ своего долгаго путешествія по Франціи и Испаніи. Какъ хотѣлось мнѣ встрѣтить его извѣстіемъ, что здѣсь, въ его родномъ городѣ, черненькіе глазки радуются его возвращенію!

— И если бы все шло такъ, какъ желаетъ его заботливая невѣстка, эти глазки были бы готовы видѣть въ немъ будущаго жениха!— со смѣхомъ заговорила молодая дѣвушка, къ которой относились предъидущія слова.— Нѣтъ, избавь, Джіанина! Ты знаешь, какъ я тебя люблю, вѣрю тебѣ и желала бы быть обязанной тебѣ счастіемъ всей моей жизни, но подумай сейчасъ о замужствѣ, связать себя навсегда неразрывными узами,— нѣтъ, дорогая, этого я не могу.

Онѣ сидѣли обнявшись на балконѣ; вдали синѣла цѣпь Аппенинъ; у ногъ ихъ струились серебристыя волны Арно. Джіанина гладила рукой темные волосы подруги.

— Отчего мысль о замужствѣ такъ ненавистна тебѣ, Валерія?—спросила она.— Судьба женщины—связать себя, подчиниться тому, кого она выберетъ въ мужа. Твой отецъ едва ли захочетъ, чтобы ты осталась старою дѣвой, а богатство твое скоро привлечетъ множество поклонниковъ.

— Отецъ не станетъ торопить меня,—возразила молодая дѣвушка,—онъ не захочетъ скоро разстаться со мной, его единственною дочерью. И если бы я могла сама рѣшать, то я, Джіанина, выбрала бы человѣка, котораго любила бы, любила бы такъ, чтобы, кромѣ него, никого другаго для меня не существовало на

свѣтъ, и тогда я тоже подчинилась бы и охотно пожертвовала бы своею свободою.

— А развѣ ты не думаешь, что можешь такъ полюбить Федериго? Онъ товарищъ твоихъ дѣтскихъ игръ, изъ известной вамъ семьи, и твой отецъ, вѣроятно, охотно назоветъ его сыномъ.

Валерія покачала хорошенькою головкой.

— Когда я видѣла его въ послѣдній разъ, я была ребенкомъ лѣтъ одиннадцати, а ему еще не было восемнадцати; за истекшіе годы онъ могъ сдѣлаться другимъ, также какъ и я измѣнилась.

Джіанина нѣжно поцѣловала ее въ лобъ.

— Ты стала прелестною дѣвушкой, Валерія. И Федериго за шесть лѣтъ, которыя я не видала его, сдѣлался, вѣроятно, не менѣе достоинъ того расположенія, которымъ еще тогда осыпали его со всѣхъ сторонъ. Судя по письмамъ, онъ при всей своей молодости, обладаетъ зрѣлымъ умомъ и серьезнымъ желаніемъ найти въ посѣщаемыхъ имъ странахъ и при дворахъ не только наслажденія и развлечения, но и солидныя знанія.

— Онъ уѣхалъ изъ Флоренціи вскорѣ послѣ твоего замужства?

— Нѣтъ, послѣ него онъ прожилъ еще три года въ нашемъ домѣ. Не забывай, что я уже девять лѣтъ замужемъ за маркизомъ Имполито и уже старуха, которая должна матерински заботиться о такой молоденькой дѣвочкѣ, какъ ты.

Веселый смѣхъ Валеріи и потокъ бурныхъ нѣжностей были отвѣтомъ на ея слова. Сидѣвшая напротивъ величественная красавица съ роскошными золотистыми волосами, глубокими, какъ море, глазами, роскошною фигурой казалась дѣвушкѣ мало похожей на мать.

— Жалко, Джіанина, что у тебя нѣтъ дѣтей, — вдругъ произнесла она.

Облако скользнуло по лицу маркизы.

— Господь не захотѣлъ наградить меня такимъ счастьемъ, — печально возразила она, — поэтому я дѣлю мою любовь между тѣми, кого судьба поставила на моей дорогѣ, и они мнѣ такъ же дороги, какъ собственные дѣти.

— И къ нимъ принадлежимъ мы съ Федериго?

— Да, Валерія. И потому-то, что я васъ обоихъ такъ люблю, я бы хотѣла, чтобы вы понравились другъ другу, такъ какъ я увѣрена, что вы будете счастливы.

— Какъ ты добра! Но знаешь, Джіанина, я бы хотѣла, чтобы мужъ мой не былъ такъ богатъ, какъ братъ твоего мужа. Я бы-

ла бы счастлива, если бы могла осыпать своимъ богатствомъ любимаго человѣка, положить къ его ногамъ то, что имѣю, и сказать: ничтожно то, что я даю тебѣ, если ты... если ты любишь меня.

Щеки ея горѣли, глаза устремились вдаль, какъ будто она обращалась не къ фантастическому образу, а къ извѣстному ей лицу. Джіанина посмотрѣла на нее съ изумленіемъ:

— Глупенькая! Въ такомъ случаѣ, Федерико никогда не будетъ твоимъ избранникомъ, такъ какъ онъ современемъ будетъ и нашимъ наследникомъ.

Валерія поспѣшила перемѣнить разговоръ; испытующій взглядъ подруги не ускользнулъ отъ нея.

— Отчего такая большая разница въ годахъ между твоимъ мужемъ и его братомъ? Твоему мужу сорокъ лѣтъ.

— Федерико послѣдній въ семьѣ, поздно родившійся ребенокъ и стойвшій жизни матери. Нѣсколько человѣкъ дѣтей между обоими братьями рано умерли и здоровье Федерико внушало опасенія моему мужу. Онъ взялъ его поэтому на свое попеченіе, когда женился на мнѣ, и мы привыкли смотреть на него, какъ на сына.

— Я помню, что иногда при торжествахъ онъ бывалъ твоимъ нажомъ,—замѣтила Валерія.—Какъ хороши вы были оба! Я смотрѣла разъ изъ окна, когда на дворцовой площади происходилъ турниръ. На тебѣ было синее бархатное платье, вышитое жемчужомъ, онъ несъ твой шлейфъ, а потомъ стоялъ за твоимъ бресломъ. О, тогда еще я начала боготворить тебя!

— Милое дитя! перенеси же часть твоей любви и на моего юнаго папа тѣхъ дней, который за истекшія шесть лѣтъ сталъ, можетъ быть, еще лучше, чѣмъ прежде.

Валерія вскочила съ свойственною ей живостью и откинула назадъ роскошные локоны.

— Я должна собственными глазами убѣдиться, не хуже ли онъ сталъ, чѣмъ ты думаешь,—шутя отвѣтила она,—а до тѣхъ поръ оставь мнѣ мою свободу, которую послѣ отца и тебя я люблю больше всего на свѣтѣ.

— Только свободу? Кромѣ нея, никто, никто не опередилъ Федерико?

— О, какъ можешь ты думать это!—энергично возразила Валерія.—Но смотри, уже темнѣетъ, мои носилки, навѣрное, ждутъ меня.

Она замѣтно торопилась кончить разговоръ; взоръ Джіанины опять испытующе остановился на ней. Нѣтъ, нѣтъ, подруга не

должна еще узнать того, что съ нѣкоторыхъ поръ наполняетъ блаженствомъ и страхомъ ея юное сердце.

— А твоя воспитательница, синьора Лоренца, не пришла сегодня?— спросила Джіанина, закутывая вуалемъ молодую дѣвушку.

— Бѣдная Лоренца больна, — отвѣтила Валерія. — Я подъ охраной слугъ, да и что можетъ случиться на такомъ короткомъ разстояніи?

Маркиза проводила гостью до прихожей и тамъ еще разъ нѣжно поцѣловала ее; затѣмъ носильщики тронулись въ путь.

Улицы Флоренціи не были освѣщены; факелы впереди идущихъ людей указывали дорогу слугамъ Джакомо Пацци, только у дворцовъ важныхъ господъ висячія лампы или смоленые факелы бросали кругомъ мерцающій красноватый свѣтъ. Валерія сидѣла неподвижно, прислонившись къ подушкѣ, и, только приблизившись къ отцовскому дому, быстро выпрямилась и, отдернувъ шелковую занавѣску окна, начала вглядываться въ ночную темноту, точно ища чего-то опредѣленнаго, ожидаемаго.

Она достигла дома, двери котораго еще не были заперты. Слуги опустили носилки на землю и лакей послѣшно направился отпирать дверцу, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе, его опередила другая рука; глаза Валеріи встрѣтились съ горящимъ, страстнымъ взоромъ юноши, ожидавшаго ея прибытія за одной изъ колоннъ подъѣзда и помогавшаго ей теперь выйти изъ носилокъ.

Дѣвушка почувствовала дрожь тонкой и нервной руки, взявшей на секунду ея маленькую ручку; она медленно освободила ее.

— Благодарю васъ, синьоръ, — чуть слышно прошептала она, отвернувъ вспыхнувшее лицо; она не могла долѣе выносить его страстнаго и, въ то же время, безконечно грустнаго взора.

Юноша молча отступилъ назадъ, — онъ зналъ, что не смѣетъ говорить съ ней, не смѣетъ слѣдовать за ней, такъ какъ не имѣлъ еще права называться другомъ знатной семьи, изъ которой она происходила. Онъ былъ чужой въ этомъ мірѣ блеска, отличавшемъ дворъ Медичи, и хотѣлъ остаться имъ навсегда, пока въ лицѣ прелестной дѣвушки не явилось искушеніе войти въ тотъ кругъ, гдѣ она вращалась.

Теперь онъ ходилъ взадъ и впередъ по темной улицѣ, смотря на освѣщенные наверху окна, пока взглядъ его не остановился на одномъ, въ которомъ показалась высокая стройная фигура.

Нетерпѣливая рука приподняла раму, что-то маленькое, круглое вылетѣло изъ окна и упало на освѣщенную факеломъ улицу. Про-

гуливавшійся внизу человекъ послѣдно поднялъ полураспустившуюся розу, только что украшавшую волосы молодой дѣвушки; онъ горячо прижалъ ее къ губамъ, бросилъ послѣдній взглядъ на домъ и быстрыми шагами удалился по узкому переулку.

Въ комнату молодой дѣвушки вошла, между тѣмъ, ея воспитательница.

— Зачѣмъ ты, дитя мое, стоишь у открытаго окна при сыромъ вечернемъ воздухѣ?— замѣтила она.— Сейчасъ же отойди; тебѣ, должно быть, хочется получить лихорадку?

Валерія послушно закрыла окно.

— Не бойся, Лоренца,— сказала она, улыбаясь,— я здорова и не боюсь ночной росы. Мнѣ надоѣла роза въ волосахъ и я выбросила ее въ окно.

— Я бы могла взять ее у тебя, — отвѣтила синьора Лоренца съ озабоченнымъ видомъ.— Хорошо, что теперь темно: нѣсколько дней тому назадъ, когда ты бросила померанцовые цвѣты, мнѣ показалось, что ихъ сейчасъ же кто-то поднялъ. Молодая дѣвушка должна быть осторожна въ этихъ случаяхъ; какой-нибудь прохожій можетъ подумать, что ты ему бросила цвѣты.

Смѣхъ Валеріи звучалъ несовсѣмъ естественно, когда она отвѣтила:

— Лоренца, кто можетъ подумать это о дочери Джакомо Пацци? Иди, зубная боль дѣлаетъ тебя подозрительной, завтра тебѣ будетъ лучше и ты будешь въ менѣе мрачномъ настроеніи.

Она, ласкаясь, обняла за плечи синьору Лоренцу и шути вытолкала ее изъ комнаты. О, если бы добрая старушка знала, что эти цвѣты никогда не падали случайно, а бросались нарочно, чтобы ихъ подвѣять и положить на грудь юноша, и этотъ юноша не зналъ даже, достоинъ ли онъ тѣхъ знаковъ вниманія, которые привели бы въ восторгъ любого изъ дворянъ и рыцарей при дворѣ Пьетро Медичи!

Разъ въ церкви Santa Croce, поднявъ глаза отъ молитвенника, Валерія увидѣла его недалеко отъ своего мѣста; онъ не молился, она ясно видѣла это, а точно очарованный не сводилъ съ нея восторженнаго взгляда; испугавшись, она склонилась надъ молитвенникомъ. Но молитва замерла на устахъ, когда черезъ нѣсколько минутъ, осторожно поднявъ голову, она встрѣтила его горящій взоръ; напрасно старалась она собрать мысли для молитвы и даже почувствовала облегченіе, когда синьора Лоренца прикоснулась къ ея рукѣ, напоминая, что пора домой. Валерія, не оглядываясь, направилась къ выходу, но вся кровь прилила къ ея лицу, когда и

тамъ она увидѣла незнакомца, ожидавшаго, очевидно, ихъ, чтобы предложить святую воду. Лоренца не обратила на него вниманія и спокойно приняла его услугу; Валерія хотѣла послѣдовать ея примѣру, но дрожащая рука ея не рѣшилась прикоснуться къ его рукѣ и, испуганно схвативъ руку своей спутницы, она ускорила шаги, не въ силахъ будучи выдержать долге выраженія грустнаго изумленія, изобразившагося на его лицѣ.

На слѣдующій день онъ опять былъ въ церкви на томъ же мѣстѣ и не сводилъ съ нея глазъ; она рѣшила не встрѣчаться съ его взоромъ, который такъ пугалъ и смущалъ ее, но глаза ихъ встрѣчались опять и опять, и нѣмой, но краснорѣчивый языкъ его взоромъ нашелъ отголосокъ въ ея душѣ.

Кто былъ этотъ загадочный незнакомецъ, обладавшій такими страшными чарами? Она видала его иногда на улицѣ или около своего дворца, но всегда одного, въ простой и темной сравнительно съ другими молодыми людьми одеждѣ. Неужели онъ низшаго происхожденія и не можетъ попасть въ кругъ равныхъ ей по рожденію? Нѣтъ, этого не могло быть. Какъ горда его осанка, какъ повелительны иногда жесты, какъ благородны черты лица!

Валерію забавляло, какъ ловко умѣлъ онъ устроить каждую встрѣчу, такъ что синьора Лоренца ничего не замѣчала. При одной изъ такихъ встрѣчъ она уронила какъ-то цвѣтокъ, приколотый къ лифу. Какъ быстро онъ схватилъ его, какъ просіялъ его взоръ, когда онъ украдкой поднесъ его къ губамъ, и на минуту исчезла грусть съ его лица! Эти случайныя нотери цвѣтовъ повторялись при встрѣчахъ съ незнакомцемъ, нѣмая, горячая мольба во взорѣ котораго заставляла ее дарить цвѣты, доставлявшіе ему столько счастья.

Сегодня вечеромъ онъ въ первый разъ осмѣлился приблизиться къ ней съ поклономъ; слуги отца, остановленные его повелительнымъ жестомъ, не помѣшали ему, а она... сердце ея забилося сильнѣе при воспоминаніи... она съ восторгомъ положила свою руку въ его, опять давая ему доказательство, что принимаетъ его ухаживанье.

На слѣдующее утро Валерія, по обыкновенію, отправилась въ церковь Santa Croce, но не съ Лоренцой, все еще страдавшей зубною болью, а съ молодою служанкой. Дойдя до паперти, она обратилась къ своей спутницѣ:

— Ты, кажется, говорила, Магдалина, что твои родные живутъ недалеко отсюда?

— Да, синьора, вонъ тамъ, въ маленькомъ домикѣ, — почти-точно отвѣтила служанка.

— Такъ ты можешь пойти повидаться съ ними, пока я буду слушать обѣдню, — продолжала Валерія. — Я знаю, что Лоренца тебя рѣдко пускаетъ. Дома не говори ничего о томъ, что я такъ самовольно распорядилась.

Она быстро отвернулась, сознавая со стыдомъ, что не заслуживаетъ благодарности обрадованной Магдалины, и вошла въ церковь, наполненную таинственнымъ полумракомъ.

Мало народу было въ церкви; Валерія плотнѣе закуталась въ вуаль, когда, не поднимая глазъ, проходила по рядамъ молящихся; ей казалось, что каждый видитъ, что не молитва привела ее сюда. Что, если бы отецъ, гувернантка знали?... О, ей не слѣдовало отсылать Магдалины, ей слѣдовало самой вернуться. Но было поздно; тотъ, о которомъ она думала все время, стоялъ передъ ней, дрожащей всѣмъ тѣломъ и старавшейся спрятаться за одной изъ колонъ. Онъ имѣлъ даже дерзость прикоснуться губами къ краю ея мантильи.

— Вы одна здѣсь? — прошепталъ онъ. — Какое счастье, что я могу, наконецъ, говорить съ вами!

— Моя воспитательница больна, — смущенно произнесла дѣвушка, — но служанка дожидается меня на улицѣ.

— О, это жестоко съ вашей стороны, такъ какъ это мѣшаетъ мнѣ проводить васъ домой!

— Я не могу позволить этого незнакомому человѣку; это противно обычаямъ нашей страны.

— Неужели я всегда буду для васъ незнакомымъ? — грустно спросилъ онъ.

— Постарайтесь познакомиться и приобрести расположеніе моего отца...

— У меня здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ ввести меня въ вашъ домъ; я бы приложилъ всѣ старанія, если бы зналъ, что мой приходъ доставитъ вамъ удовольствіе.

— О, большое удовольствіе! — невольно вырвалось у Валеріи. — Отчего у васъ нѣтъ здѣсь друзей? Почему вы всегда одинъ? — продолжала она въ то время, какъ онъ въ безмолвномъ восторгѣ смотрѣлъ на нее.

— Я въ разладѣ съ міромъ, съ самимъ собою, — отвѣтилъ онъ. — У несчастныхъ не бываетъ друзей.

Ей хотѣлось спросить, отчего онъ несчастенъ, но голосъ священника у алтаря напомнилъ имъ, гдѣ они находились.

Незнакомецъ съ почтительнымъ поклономъ отступилъ назадъ, алая ей дорогу пройти къ налою, гдѣ Валерія опустилась на ко-

лѣни и склонила горящее лицо надъ книгой, не понимая смысла машинально произносимыхъ словъ. Она вздрогнула, когда кто-то тихо назвалъ ее по имени; увидѣвъ свою подругу, маркизу Джіанину, также пришедшую къ обѣднѣ, она въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ знакомы, не обрадовалась ей,—она понимала, что должна скрыть свое смущеніе и недовольство. Къ счастью Валеріи, маркиза ничего не подозрѣвала и на улицѣ весело болтала съ дѣвушкой, не обращая вниманія на ея короткіе отвѣты не впопадъ. Недалеко отъ церкви стоялъ незнакомецъ, ожидая ихъ приближенія, и молодая дѣвушка не смѣла поднять глазъ, боясь выдать себя. Она попробовала незамѣтно взглянуть на него изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, и, къ величайшему изумленію ея, онъ вдругъ глубоко и почтительно поклонился маркизѣ и Джіанина любезно отвѣтила на его точно ожидаемый поклонъ.

Валерія не могла долѣе выдержать.

— Кому ты кланяешься, Джіанина?—спросила она, съ трудомъ пересиливая дрожаніе голоса.

— Неаполитанскому дворянину, недавно появившемуся во Флоренціи, графу Саграмора,—равнодушно отвѣтила маркиза.

— Ты никогда не говорила о немъ; почему ты его знаешь?

— Любопытное дитя! Его прислалъ съ рекомендательнымъ письмомъ кардиналъ Рувелли къ моему мужу, и тотъ принималъ его въ саду, гдѣ случайно находилась и я.

— Я нѣсколько разъ встрѣчала его на улицѣ,—продолжала Валерія, подстрекаемая желаніемъ побольше узнать о незнакомцѣ. — Повидимому, онъ незнакомъ ни съ кѣмъ здѣсь, такъ какъ всегда одинъ, и какой грустный у него видъ!

— Какъ ты интересуешься незнакомцемъ, что даже это замѣтила!—смѣясь, сказала Джіанина. — Онъ имѣетъ основанія быть задумчивымъ. Мой мужъ не хотѣлъ мнѣ ничего говорить о немъ, но я поняла, что его семья обѣдняла или задолжала, и это, можетъ быть, причина его грусти. Маркизъ хочетъ ввести его въ нѣкоторыя почетныя семьи и дать ему возможность участвовать въ турнирѣ, который Лоренцо Медичи намѣревается устроить по случаю своей помолвки. Но отчего ты такъ радостно просіяла? Я начинаю бояться, не затронулъ ли неаполитанецъ твоего сердечка?

— О, нѣтъ!—воскликнула Валерія, стараясь сохранить равнодушный видъ. — Но подумай только, на этомъ праздникѣ я въ первый разъ появляюсь въ числѣ приглашенныхъ! Не понимаешь ты развѣ, какъ я счастлива этимъ? А ты еще недавно общалась отцу, что выберешь мнѣ платье и возьмешь меня съ собой на турниръ.

— Конечно, я съ радостью исполню это. Но вотъ мы и у вашего дома; я войду съ тобой поговорить съ донной Лоренцой относительно платья для турнира.

II.

Домъ Медичи, исторія которыхъ такъ неразрывно связана съ исторіей Флоренціи, въ серединѣ пятнадцатаго вѣка не имѣлъ еще блестящаго прошлаго. Представители его не принадлежали къ стариннымъ родамъ Флоренціи, какъ, на примѣръ, въ Миланѣ Висконти, въ Феррарѣ Эсте, въ Римини Малатеста, въ Фаэнцѣ Манфреди и т. д. Медичи въ концѣ двѣнадцатаго вѣка переселились изъ холмистой страны, лежащей на сѣверъ отъ Флоренціи, и занимались тканьемъ шерстяныхъ матерій, принесшимъ имъ большой доходъ. Удачные денежные обороты увеличили богатство дома, глава котораго ловко воспользовался имъ, чтобы пріобрѣсти народное расположение.

Первый Медичи, имѣвшій вліяніе на государственныя дѣла, былъ Джіованни Аверардо, названный ди-Биччи, избранный въ 1421 году въ должность гонфалоньера, которую онъ умно и добросовѣстно исполнялъ. Черезъ годъ онъ былъ возведенъ папой Мартиномъ V въ графы Монтеверде. Это была первая ступень, которую перешагнули Медичи къ высотѣ, утвердившей за ними одно изъ наиболѣе блестящихъ мѣстъ въ отечественной исторіи.

Быстрое возвышеніе Флоренціи не мало способствовало этому. Столицу Тосканы въ то время справедливо можно было назвать главнѣйшимъ городомъ Италіи. Сколько бурь, сколько войнъ выдержалъ этотъ живописно расположенный въ долинѣ Арно городъ, сколько выстрадалъ онъ отъ нашествія войскъ Радагаиса, отъ готовъ и лангобардовъ; но сила и духъ его гражданъ были настолько крѣпки, что послѣ каждаго пораженія они вновь оправлялись и неустанно трудились надъ дѣломъ, которое только въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ достигло конца, безсмертной славы, еще и теперь окружающей блестящимъ ореоломъ царицу городовъ. Пьетро Медичи, сынъ Козьмы I, засталъ разцвѣтъ искусствъ, науки, торговли, ремеслъ, когда въ 1464 году сталъ во главъ республики.

Изъ двухъ сыновей Пьетро, рожденныхъ отъ брака съ Лукреціей Торнабуони, Джуліано отличался вышними качествами, тогда какъ умъ и проницательность достались на долю Лоренцо. Еще въ ранней молодости онъ проявлялъ желѣзное упорство въ достиженіи

извѣстныхъ цѣлей, замѣчательную осторожность, съ которой избѣгалъ случайныхъ преградъ, и несвойственную его лѣтамъ способность подчинять благоразумію собственныя желанія.

Была весна 1468 года. Защищенный шелковыми одѣялами отъ сыраго вечерняго воздуха, больной ревматизмомъ Пьетро Медичи сидѣлъ въ покойномъ креслѣ съ письмомъ въ рукахъ, которое онъ внимательно читалъ, когда вошелъ въ комнату его сынъ Лоренцо. Юноша съ почтительнымъ поклономъ приблизился къ отцу и остановился недалеко отъ его кресла, ожидая, чтобы тотъ обратился къ нему.

— Я позвалъ тебя, Лоренцо, — началъ Пьетро послѣ нѣкотораго колебанія, — чтобы передать тебѣ содержаніе письма, которое привезъ мнѣ сегодня посоль отъ твоей матери изъ Рима. Ты помнишь, конечно, что заставило донну Лукрецію ѣхать въ домъ твоего дяди.

Серьезное лицо девятнадцатилѣтняго юноши покрылось легкимъ румянцемъ.

— Помню, — тихо произнесъ онъ.

Отцу, повидимому, не понравился его сдержанный отвѣтъ.

— Твоя мать и я, — продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ, — находимъ, что тебѣ пора вступить въ достойный и выгодный для тебя и всего нашего дома бракъ. Донна Лукреція предприняла это тяжелое и опасное путешествіе, чтобы сдѣлать предложеніе невѣстѣ, которая, по мнѣнію дяди, самая подходящая изъ всѣхъ римскихъ дѣвицъ. Это Клариса Орсини, дочь Джакомо Монтеротондо, замѣчательно красивая и обладающая всѣми достоинствами дѣвушка. Согласенъ ли ты на бракъ съ избранною твоими родителями невѣстой?

— Вы приказали, отецъ, и я повинуюсь вамъ и матери, какъ повелѣваетъ мой сыновній долгъ, — попрежнему, невозмутимо отвѣтилъ Лоренцо.

— Ты уже видѣлъ, правда, мелькомъ, эту дѣвушку, когда въ прошломъ году я посылаю тебя въ Неаполь привѣтствовать отъ моего имени короля. Недавно еще ты говорилъ, что она тебѣ понравилась.

— Я не отрицаю, Клариса Орсини показала мнѣ красивою, хорошо воспитанною дѣвушкой, способною осчастливить того, чьею женой она будетъ.

Пьетро недовольно покачалъ головой.

— Тѣмъ не менѣе, извѣстіе, что наше предложеніе принято ея родителями, тебя не обрадовало? — замѣтилъ онъ.

— Простите, отецъ, — заговорилъ немного живѣе Лоренцо, — я проникнуть благодарностью къ вамъ и доннѣ Лукреціи за ваши заботы о моемъ счастіи, но меня смущаетъ мысль, не можетъ ли родство нашего дома съ иноземнымъ родомъ вызвать недовольство въ нашихъ согражданахъ, не могутъ ли насъ упрекнуть въ томъ, что мы слишкомъ высоко стремимся, желая породниться съ одною изъ первыхъ римскихъ фамилій?

— Предоставь это мнѣ. Мы достаточно прочно стоимъ, чтобы не бояться въ подобныхъ дѣлахъ сужденій нашихъ гражданъ. Родство съ домомъ Орсини доставить намъ выгоды, которыя перевѣшиваютъ завистливое раздраженіе нѣкоторыхъ недовольныхъ. Члены этого семейства пользуются расположеніемъ святѣйшаго отца; тебѣ извѣстно, что два дяди Кларисы возведены въ кардинальское достоинство. Богатство Орсини велико и, безъ сомнѣнія, еще увеличится. Родные невѣсты польщены твоимъ предложеніемъ. Ты имѣешь полное основаніе радоваться выбору твоихъ родителей.

Лоренцо молчалъ; отецъ не обращалъ на него вниманія; онъ еще разъ пробѣжалъ письмо жены.

— Мать, какъ мнѣ кажется, очарована твоею невѣстой, — прибавилъ онъ, улыбаясь, — но, при всемъ своемъ расположеніи, она не забываетъ своихъ дочерей. Она съ материнскою гордостью пишетъ, что Кларису, при всей ея привлекательности, нельзя сравнивать съ твоими сестрами и даже Лукрецію Донати, ваша подруга дѣтства, красивѣе ея.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Лоренцо вошелъ въ комнату, лицо его оживилось.

— Это вѣрно, — сорвалось съ его языка.

Отецъ бросилъ на него пронизывающій взглядъ.

— Я завтра буду отвѣчать твоей матери, — произнесъ онъ съ удареніемъ, — я напишу ей, что ты благодаришь ее за заботы и попеченія о тебѣ, и поручу ей покончить дѣло съ синьоромъ Джакомо Орсини и его братьями. Я сообщу также родителямъ твоей невѣсты, что ты пріѣдешь въ Римъ, если они пожелаютъ познакомиться съ будущимъ зятемъ.

Лоренцо подѣловалъ руку отца.

— Пишите, что вамъ угодно, — сказалъ онъ, — и передайте доннѣ Лукреціи мою благодарность и привѣтствія.

Разговоръ кончился. Молодой человекъ вышелъ изъ комнаты отца, медленно спустился съ лѣстницы въ залу и оттуда направился въ садъ. Выраженіе лица его было еще ирачнѣе и губы сла-

лись точно отъ внутренней боли, когда онъ задумчиво шелъ подъ тѣнистыми деревьями, тянувшимися аллеями до конца сада.

Высокій заборъ отдѣлялъ владѣнія Медичи отъ сосѣднихъ, но эта преграда никогда не мѣшала дѣтямъ Пьетро видѣться съ товарищами игръ, дочерьми Донати. Въ одномъ мѣстѣ заборъ немного сломался и тамъ дѣти часто перелѣзали другъ къ другу, пока не миновало время игръ и пока Лукреція и Лоренцо не поняли, что изъ счастливыхъ прошлыхъ дней возникло новое чувство, первая чистая любовь, упоительная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безнадежная.

Въ планы Пьетро Медичи не входило, чтобы его сынъ и наследникъ родился съ древнимъ, знаменитымъ, но обѣднѣвшимъ родомъ Донати. Давно, во времена борьбы гвельфовъ и гиббелиновъ, блескъ этого дома затмѣвалъ всѣхъ современниковъ, но практичный умъ Пьетро искалъ для дѣтей болѣе могущественныхъ связей, чѣмъ они могли найти въ Донати, а къ сердечнымъ склонностямъ Лоренцо относился весьма недоброжелательно. И вотъ чудный сонъ, въ которомъ они жили, кончился! Онъ женихъ другой, которую едва зналъ и къ которой чувствовалъ лишь враждебность, такъ какъ она разлучала его съ любимою дѣвушкой.

Быстрые легкіе шаги раздались по ту сторону забора; юноша вздрогнулъ; въ этотъ часъ она общалась придти въ садъ, гдѣ они привыкли ежедневно видѣться.

— Лоренцо!

— Лукреція!

Руки ихъ встрѣтились, и, весело улыбаясь, безъ всякаго сопротивленія, дѣвушка позволила перенести себя черезъ сломанный заборъ.

— Я давно жду тебя, — сказала Лукреція, заглядывая въ лицо Лоренцо.

Онъ опустилъ глаза.

— Отецъ потребовалъ меня къ себѣ, — отвѣтилъ онъ, — для важнаго сообщенія.

— Какого сообщенія? — спросила она, такъ какъ Лоренцо замолчалъ. — Оно огорчило тебя, повидимому; я еще никогда не видала тебя такимъ, какъ сегодня.

Онъ теперь только рѣшился взглянуть въ ея ясные голубые глаза, молящій взглядъ которыхъ, онъ зналъ, поколеблетъ его твердость, и произнесъ, наконецъ, глухимъ голосомъ:

— Да, я огорченъ, Лукреція; о, если бы я могъ сказать тебѣ, почему!

— Неужели ты не можешь довѣриться мнѣ, милый? Развѣ я

не дѣлила съ тобой радость и горе, не сочувствовала тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы дѣтьми играли на этомъ самомъ мѣстѣ, и неужели ты не скажешь мнѣ, что волнуешь тебя теперь, когда я знаю, что ты любишь меня, — теперь, когда я призналась, что ни о чемъ больше не могу думать, какъ о тебѣ?

Грудь Лоренцо высоко поднималась, руки его невольно протянулись къ возлюбленной, но онъ опустилъ ихъ и отвернулся.

— Потому-то, что я люблю тебя больше жизни, Лукреція, я не могу сказать тебѣ, чѣмъ грозилъ мнѣ сегодня отецъ.

Лукреція простояла нѣсколько минутъ, внимательно смотря на него, потомъ вдругъ по лицу ея какъ бы скользнула мучительная догадка.

— Лоренцо, правда ли, что мнѣ сказала Валерія Пацци? Твои родители хотятъ женить тебя на римлянкѣ и для этого твоя мать поѣхала къ дядѣ?

— Правда, Лукреція; представь себѣ мое отчаяніе, мои страданія!

Долго молчали они; руки ихъ разъединились, какъ сами они рѣшили навсегда разстаться съ сегодняшнаго дня. Лукреція знала, что она не можетъ потребовать отъ Лоренцо, чтобы онъ ради нея воспротивился волѣ родителей; обычай страны, также какъ и времени, предписывали, чтобы родители выбирали для дѣтей то, что имъ хорошо и подходяще, и рѣдко сынъ или дочь противились ихъ приказаніямъ.

— На комъ долженъ ты жениться? — глухимъ голосомъ спросила, наконецъ, Лукреція.

— Невѣста, которую мнѣ выбрали родители, происходитъ изъ рода Орсини.

Молодая дѣвушка приблизилась къ нему и робко положила голову на его плечо.

— Я знала, Лоренцо, что не могу надѣяться занять когда-нибудь то мѣсто, которое твои родители отдаютъ болѣе достойной, чѣмъ я, такъ какъ ни выгоды, ни блеска, ни славы не получить твоей домъ отъ родства съ моимъ. Но больнѣе этого подтвержденія для меня то, что твое сердце отвернется отъ меня, будетъ принадлежать другой.

— Я никогда не полюблю ее, — съ жаромъ воскликнулъ юноша, — нѣтъ, мнѣ кажется, я ненавижу ее уже.

— Ты видѣлъ ее, знаешь?

• — Я видѣлъ ее разъ, когда она возвращалась съ родными изъ

церкви. Даже моя мать должна была сознаться, что она не может сравниться съ тобой.

— Ты, значить, поѣдешь теперь въ Римъ представляться ей и новымъ родственникамъ?

— Никогда! Они могутъ привезти сюда Бларису, если ей угодно меня видѣть; я же не имѣю никакого желанія ѣхать къ ней. И свадьбу я съумѣю отсрочить, насколько возможно... хотя бы молнія поразила меня прежде, чѣмъ я женюсь на ней.

— Лоренцо!

Милое, хорошенькое личико Лукреціи поблѣднѣло при его рѣзкихъ словахъ.

— Развѣ не грѣшно желать этого? Хотя мнѣ суждено на вѣки потерять тебя, хотя мысль о тебѣ будетъ съ этого часа грѣхомъ, я не перестану молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ и защитилъ твою дорогую жизнь, сдѣлалъ ее славною и счастливою на благо тебѣ и тѣхъ, кѣмъ ты призванъ управлять.

На глазахъ Лоренцо выступили слезы, когда онъ наклонился къ Лукреціи.

— Я не такъ добръ, какъ ты, — прошепталъ онъ, — ты ангель, святая. Скажи мнѣ, что ты рѣшаешься стойко выдержать борьбу, которую мнѣ придется начать съ родными, и я пойду противъ нихъ, объявлю, что не разстанусь съ тобой.

Лоренцо обнялъ дѣвушку, цѣлуя ея бѣлогурые волосы; она медленно освободилась изъ его объятій.

— Нѣтъ, Лоренцо, — ласково, но, въ то же время, твердо сказала она, — ты не можешь принести эту жертву бѣдной Лукреціи. Съ меня достаточно сознанія, что короткое блаженное время я владела твоимъ сердцемъ, что мнѣ принадлежала твоя первая любовь. Я никогда этого не забуду. Но возстановлять тебя противъ родителей, которыхъ я ради тебя люблю и уважаю, — неужели ты думаешь, что я способна на это, что я не отступлю передъ неправымъ дѣломъ изъ боязни, какъ бы кара за него не пала на твою голову, самую дорогую для меня на землѣ?

— Неужели въ тебѣ такъ мало мужества, что ты не рѣшаешься бороться за наше счастье? Неужели ты такъ легко готова уступить меня?

Лукреція закрыла лицо руками.

— У меня хватить мужества умереть за тебя, — отвѣтила она, — но я не могу подбивать тебя на преступленіе. У меня хватить мужества влачить жизнь безъ тебя, но не связывать ее съ твоей на горе и несчастьемъ тебѣ.

Лоренцо страстно прижалъ ее къ себѣ.

— Лукреція, разставаясь съ тобой, я жертвую лучшею частью самого себя, теряю надежду на счастье!—прошепталъ онъ.

Грустно смотря на Лоренцо, Лукреція спросила:

— Ты не забудешь меня? Ты всегда будешь помнить, что я любила тебя больше жизни и собственнаго счастья?

— Забыть тебя? Никогда, пока я живъ!

— И будешь добръ къ той, которую даютъ тебѣ въ жены?— продолжала она.—Ты не дашь ей почувствовать, что не любишь ее, не заставишь горько тосковать по родинѣ, когда она пріѣдетъ въ чужой край?

— Я исполню свой долгъ,—холодно произнесъ онъ,—большаго я не могу обѣщать ни ей, ни тебѣ.

Лукреціи удалось, наконецъ, освободиться изъ его объятій.

— Мы не должны такъ часто видѣться, какъ прежде,—проговорила она черезъ силу.—Ты не принадлежишь больше себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не прибавляй еще этого горя!—воскликнулъ Лоренцо.—Помолвки моей съ Кларисой Орсини еще не было; какая-нибудь случайность можетъ прекратить переговоры, которые еще долго будутъ тянуться, а пока они не кончатся, я не хочу думать о томъ, что воля родителей разлучаетъ меня съ тобой.

— И мои родные не разрѣшатъ мнѣ видѣться съ тобой, такъ какъ твои родители отнеслись съ презрѣніемъ ко мнѣ. Мой отецъ такъ же гордится своимъ происхожденіемъ, какъ и твой.

— И вполнѣ основательно. Родъ Донати былъ знаменитъ и уважаемъ еще когда про нашъ ничего не слыхали.

— Но счастье отвернулось отъ насъ, дорогой; вамъ же оно неизмѣнно вѣрно, поэтому лучше порвать твою судьбу съ моею.

— Ты достойна престола, Лукреція,—воскликнулъ онъ, потрясенный ея смиреніемъ и кротостью,—и хоть разъ, по крайней мѣрѣ, я хочу видѣть тебя королевой! Хоть разъ хочу я показать міру, кому принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать мое сердце! Можетъ быть, сердце родителей тронется и они разрѣшатъ мнѣ то, въ чемъ до сихъ поръ упорно отказываютъ.

— Меня королевой? О, Лоренцо, какъ можетъ это случиться?

— Королевой праздника, который я думаю дать гражданамъ. Ни изъ чьей другой руки, кромѣ твоей, я не хочу получить награду на турнирѣ.

Лучъ радости освѣтилъ ея лицо; какъ заманчива была мысль украсить вѣнкомъ чело возлюбленнаго, вкусить послѣднюю минуту счастья передъ тѣмъ, какъ разстаться навсегда!

По длинной аллеѣ, ведущей къ дворцу, бѣгомъ приближался красивый семнадцатилѣтній мальчикъ, Джуліано, младшій сынъ Пьетро, разыскивавшій въ саду брата.

— Гдѣ ты пропадь, Лоренцо? — крикнулъ онъ издали. — Сестры ждутъ тебя, а также Гюльельмо Пацци. Мы хотимъ кататься въ гондолѣ по Арно. Лукреція, пойдемъ съ нами; я самъ повезу тебя.

При приближеніи юноши влюбленные разошлись въ разные стороны. Джуліано торопливо поцѣловалъ руку Лукреціи.

— Отчего вы такъ грустны оба? — прибавилъ онъ съ любопытствомъ. — Идемте скорѣе къ берегу, а то Гюльельмо опять возьметъ лучшую гондолу.

Лукреція колебалась.

— Доставь сестрамъ и мнѣ удовольствіе видѣть тебя еще иногда среди насъ, — тихо проговорилъ Лоренцо, между тѣмъ какъ Джуліано побѣждалъ догонять ушедшихъ впередъ.

Въ тонѣ Лоренцо было нѣчто такое, что побѣдило ея рѣшимость, и она невольно послѣдовала за нимъ. Веселое общество, которому Джуліано сообщилъ о приходѣ брата и Лукреціи, дождалось ихъ на берегу Арно. Обѣ дочери Пьетро были уже нѣсколько лѣтъ замужемъ, старшая — за Гюльельмо Пацци, вторая, Наннина, — за Бернардо Рудекаи. Съ нимъ присоединилась Джіанина Скандіано съ Валеріей, которой маркиза старалась доставить возможность участвовать въ развлеченияхъ молодежи.

Желаніе Джуліано быть кавалеромъ молодой сосѣдки, въ которую онъ тоже былъ полу-дѣтски влюбленъ, не исполнилось, такъ какъ, вмѣсто маленькихъ гондолъ, на подобіе венеціанскихъ, его зять приготовилъ большую лодку, вмѣстившую всѣхъ катающихся. Шутя и смѣясь, веселое общество размѣстилось подъ краснымъ балдахиномъ, защищавшимъ отъ лучей заходящаго солнца. Лоренцо сумѣлъ устроить такъ, что остался около Лукреціи, и она, пересиливъ свое горе, приняла участіе въ оживленной болтовнѣ.

— Лоренцо! — воскликнула вдругъ Валерія Пацци, — мой двоюродный братъ Гюльельмо утверждаетъ, что васъ можно поздравить; вы, говорятъ, помолвлены, и мнѣ интересно знать, кто ваша невѣста!

Лоренцо вздрогнулъ при этихъ необдуманныхъ словахъ; онъ понималъ, какъ должна была опять страдать любящая его дѣвушка.

— Совѣтую вамъ не торопиться съ поздравленіями, Валерія, — медленно возразилъ онъ, — можетъ быть, Гюльельмо болѣе извѣстна объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ мнѣ самому.

Джіанина замѣтила, что лицо юноши приняло недовольное выраженіе, и съ свѣтскимъ навыкомъ дала разговорѣ другое направление.

— Въ этомъ, синьоръ Лоренцо, виноватъ турниръ, который вы на свадьбѣ Браччіо Мартелли обѣщали дать намъ. Наши молодые рыцари и дамы не говорятъ ни о чемъ другомъ и, вполне естественно, ставятъ его въ связь съ подобнымъ торжествомъ. Назначьте, наконецъ, день, конечно, если вашъ свѣтлѣйшій отецъ далъ свое согласіе.

Лоренцо старался овладѣть собой.

— Я, донна Джіанина, надѣюсь устроить турниръ сейчасъ же по возвращеніи изъ Рима моей матери, желающей присутствовать на немъ. Я думаю, что будетъ еще больше гостей, чѣмъ на свадьбѣ Браччіо Мартелли.

— Я очень рада, что братъ моего мужа можетъ быть въ числѣ вашихъ гостей, — продолжала Джіанина. — При испанскомъ и французскомъ дворахъ онъ, вѣроятно, не забылъ владѣть оружіемъ, какъ тому научился на родинѣ.

— Вы развѣ такъ скоро ожидаете Федерико, благородная синьора? — спросилъ Лоренцо болѣе для того, чтобы сказать что-нибудь, чѣмъ изъ интереса къ молодому человѣку.

— Синьоръ Ипполито желаетъ его возвращенія, — отвѣтила маркиза, — и мы хотимъ женить его на одной изъ флорентинскихъ дѣвицъ, чтобы крѣпче привязать къ родинѣ.

— Мнѣ кажется, вашъ выборъ ужь сдѣланъ, — пошутилъ Гюльельмо Пацци. — Какъ хорошо, что Рупеллаи и я раньше Федерико посватались за дочерей Пьетро!

— Конечно, синьоръ Гюльельмо, выборъ давно сдѣланъ, — со смѣхомъ проговорила маркиза. — Я надѣюсь, что вкусъ Федерико будетъ одинаковъ съ нашимъ.

Взглядъ, брошенный на Валерію Пацци, былъ слишкомъ понятенъ; всѣ разсмѣялись.

— Берегись, кузина! — воскликнулъ Франческо, младшій Пацци. — Планъ донны Джіанины касается тебя. Заставь же Федерико подольше ухаживать за собой!

Валерія гордо откинула хорошенькую головку.

— Я совершенно не знаю синьора Федерико, — проговорила она. — Вольно же ему было такъ долго жить вдали отъ Флоренціи и теперь, не успѣвъ пріѣхать, быть увѣреннымъ въ побѣдѣ! Въ истершіе годы онъ, вѣдь, не думалъ обо мнѣ, а ухаживалъ за чужеземными дамами и дѣвицами.

Джіанина шута бросила ей на колѣни нѣсколько цвѣтковъ.

— Ты будешь моею невѣсткой, упрямецъ, будь увѣрена въ этомъ,—сказала она.—Я не узнаю себя, если мнѣ не удастся соединить самыхъ дорогихъ мнѣ людей.

— Слышите, Валерія?—воскликнулъ Лоренцо.—Если донна Джіанина задумаетъ что-нибудь, то непременно исполнить. Я даже сомнѣваюсь въ томъ, что передъ вашею взаимною дружбой и передъ рыцарскими достоинствами Федерико не поколеблется ваша рѣшимость.

Валерія хотѣла что-то отвѣтить. Крикъ гондольера заставилъ ее обернуться; маленькой гондолѣ, управляемой однимъ человѣкомъ, грозила опасность столкнуться съ большою лодкой. Гребецъ, повидному, мало обращалъ вниманія на ходъ своей лодки.

Отвѣтъ на губахъ Валеріи замеръ, когда она увидѣла своего отважнаго незнакомца, всегда умѣннаго встрѣтиться съ ней, гдѣ бы она ни была.

— Что съ тобой, трусиха?—спросила Біанка Пацци, замѣтивъ ея блѣдность.—Неужели ты испугалась, что мы можемъ потонуть на этой тихой рѣкѣ?

— Я думала... Я не знаю, чего я испугалась,—смущенно отвѣтила Валерія,—я боялась, что та лодка потонетъ.

— Гребецъ, кажется, не знаетъ своего дѣла,—насмѣшливо произнесъ Франческо Пацци.—Я бы не довѣрилъ ему везти себя.

— Онъ иностранецъ, не умѣющій управлять нашими лодками,—замѣтилъ Лоренцо.—Я знаю его; онъ былъ у синьора Пьетро съ рекомендательными письмами.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете пригласить его на турниръ,—поспѣшно сказала Валерія, оправившаяся отъ испуга.

Джіанина изумленно взглянула на нее; Лоренцо спокойно отвѣтилъ:

— Такъ оно и будетъ, Валерія, потому что я рѣшилъ пригласить всѣхъ находящихся здѣсь рыцарей. Не знаю только, приметъ ли онъ предложеніе; онъ, кажется, бѣденъ и не имѣетъ необходимаго вооруженія.

Валерія обиженно надулась; ее возмутило, что такъ открыто говорятъ о бѣдности того, кто занималъ все большее мѣсто въ ея мысляхъ. Она готова была сорвать свою злобу на Лоренцо, когда Лукреція обратилась къ нему.

— Можно устранить препятствіе, мѣшающее чужому рыцарю принять твое приглашеніе,—сказала она своимъ звучнымъ, нѣжнымъ голосомъ.—Пригласи его, если онъ тебѣ нравится, въ число

двѣнадцати рыцарей, которые составятъ твою свиту и обязаны надѣть твои цвѣта. Такимъ образомъ, гордость иностраннаго гостя не будетъ оскорблена, если ты дашь ему, подобно другимъ, вооруженіе для этого праздника.

Невозможно было бы устоять передъ ея нѣжнымъ голосомъ и молящимъ взглядомъ добрыхъ глазъ, если бы Лоренцо и безъ того не былъ счастливъ, что можетъ исполнить желаніе возлюбленной.

Валерія готова была броситься на шею Лукреціи Донати, но страхъ, который она такъ плохо сумѣла скрыть, научилъ ее, что, по крайней мѣрѣ, теперь она должна владѣть собой. Она начала шутить съ Джуліано и Франческо, окунала цвѣты въ воду и брызгала ими въ лицо юношей, пока, наконецъ, Джіанина, какъ старшая, не остановила ее. Валерія, видимо, сконфуженная, уронила букетъ въ воду—онъ понесся внизъ по теченію, куда поплылъ и челнокъ иноземца. Найдеть ли онъ его, какъ умѣлъ всегда находить ту, которая посылала ему этотъ сердечный привѣтъ?

III.

Во Флоренціи богатые фамиліи любили обычай развлекать юношей и увеселять народъ большими турнирами. Медичи, не пропускавшіе никогда случая утвердить за собой еще болѣе расположеніе народа, часто жертвовали большія суммы для развлеченія своихъ согражданъ, и теперь, когда они рѣшили устроить зрѣлище, превосходящее по блеску предъидущія, то ими руководило, прежде всего, желаніе снова обратить взоры народа на себя и свою щедрость и заставить флорентійцевъ забыть бѣдствія послѣдней войны и несчастія только что кончившейся чумы.

Народъ, эта многоголовая, легкомысленная толпа, слишкомъ легко склоненъ за нѣсколько часовъ забавы забыть собственные невзгоды и возрастающее недовольство. Флорентинскій народъ по живости характера болѣе другихъ способенъ при видѣ великолѣпныхъ зрѣлищъ забыть все, что еще такъ недавно огорчало его.

Утро назначеннаго для праздника дня освѣтило тысячи радостныхъ лицъ, собиравшихся чуть свѣтъ на площадь Santa Croce. Площадь была роскошно украшена, на балконахъ домовъ, среди зелени, висѣли пестрые ковры, по сторонамъ возвышались трибуны съ мѣстами для зрителей. Въ окнахъ, на балконахъ давно уже собралось множество народу, теперь начали наполняться и трибуны; явились члены Синьоріи въ своихъ длинныхъ красныхъ мантияхъ, затѣмъ знатнѣйшіе дворяне и граж-

дане, для которыхъ были отведены почетныя мѣста, и, наконецъ, толпа красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ города, которымъ поручалась обязанность дѣлить награды между побѣдителями.

Лукреція Донати сидѣла рядомъ съ дочерью Пьетро Медичи. Ея прекрасное, въ послѣднее время всегда грустное лицо свѣтилось радостью; на колѣняхъ ея лежалъ вѣнокъ изъ фіалокъ, любимыхъ цвѣтовъ ея и Лоренцо. Побѣдитель турнира могъ просить у своей дамы знака милости, цвѣтокъ, ленту. Ея тонкія, бѣлыя руки нервно сжимались, — не слишкомъ ли большое счастье, что она можетъ украсить его сегодня своимъ подаркомъ, еще разъ прочесть въ его глазахъ, что она для него гораздо больше той чужой дѣвушки, которую родители даютъ ему въ жены и къ которой ея великодушное сердце не можетъ даже чувствовать ненависти?

— Посмотри, какъ хороша сегодня Лукреція! — шепнула Джіанина Скандіано подругѣ. — Такою, какъ она, мнѣ кажется, явилась Фра Анжелиго его мадонна.

— Да, она похожа на ангела съ своими бѣлокурыми волосами и милыми добрыми глазами, — отвѣтила Валерія въ восхищеніи. — О, Джіанина, какъ это грустно!

— Что, дорогая моя?

— Что Лоренцо долженъ жениться на другой, а не на ней... И какъ она это спокойно и покорно передоситъ!

— Она знаетъ, что не должна ссорить его съ родителями, если не хочетъ навлечь на себя страшной отвѣтственности. Обычай нашей страны таковъ, что родители выбираютъ за насъ. Можетъ быть, если бы меня не заставилъ отецъ, и я бы не вышла за маркиза Ипполито.

— Но, вѣдь, ты довольна и счастлива, Джіанина? — спросила Валерія. — Ты никогда не говорила противнаго.

— У меня все есть для счастья, дитя! Чего мнѣ желать? Я имѣю богатство, блескъ, завидное положеніе. Маркизь Ипполито всегда добръ и внимателенъ ко мнѣ; онъ позволялъ мнѣ устроить свою жизнь по своему желанію, также какъ и онъ самъ это дѣлаетъ.

Валерія задумчиво смотрѣла на прекрасную маркизу.

— Я представляла себѣ совсѣмъ иначе замужество, — проговорила она, наконецъ.

Джіанина невольно разсмѣялась.

— Какъ же ты представляла его себѣ, дитя, еще въ прошломъ году игравшее въ куклы?

— Я думала, — отвѣтила Валерія, понизивъ голосъ, чтобы не

слыхали сосѣдки, — что мужа надо любить горячо, безпредѣльно, ставить ни во что блескъ и богатство въ сравненіи съ его любовью, съ радостью приносить для него всякія жертвы, не желать другаго общества, кромѣ его.

Веселое лицо Джіанины сдѣлалось серьезнымъ.

— Ахъ, ты, мечтательница! — шутя сказала она. — Нарисованная тобою картина хороша, но рѣдко или никогда не осуществима. Надо научиться довольствоваться меньшимъ, чѣмъ то, о чемъ мы мечтаемъ въ ранней молодости, — въ этомъ заключается тайна истиннаго счастья.

Валерія покачала слегка головой. Взгляды Джіанины такъ не соответствовали ея собственнымъ чувствамъ, но, правда, подруга была на много лѣтъ старше ея. Ипполито Скандіано, даже если бы былъ на десять, двадцать лѣтъ моложе, не подходилъ подъ ея идеаль. Онъ былъ серьезный, молчаливый человекъ, увлеченный наукой и въ ней находящій удовлетвореніе. Неразрывная дружба связывала его съ переводчикомъ Платона, Марсиліо Фичино, съ которымъ онъ часто и охотно уносился въ міръ классической мудрости. Валерія уважала его какъ друга отца и мужа обожаемой подруги и никогда прежде ей не приходило въ голову, что женѣ его можетъ чего-нибудь недоставать. Маркиза съумѣла устроить жизнь свою очень пріятно, она смѣялась много и часто, вращалась всегда въ кругу веселой молодежи, гдѣ часто бывала самою оживленной, была всеобщю любимицей и предметомъ восторга всѣхъ, кто ее зналъ, какъ же случилось, что въ сердцѣ молодой дѣвушки шевельнулся вопросъ, дѣйствительно ли счастлива ея всегда веселая подруга?

Барабанные звуки, возвѣщавшіе о приближеніи рыцарей, дали другое направленіе ея мыслямъ. Блестящее шествіе, состоявшее изъ девяти трубачей, пажей, герольдовъ и множества молодыхъ людей подъ предводительствомъ Джуліано Медичи, въѣхало на арену; за нимъ слѣдовалъ второй отрядъ съ Лоренцо во главѣ и двойной рядъ всадниковъ замыкалъ шествіе. Оба брата, какъ организаторы турнира, были въ особенно роскошныхъ костюмахъ; до сихъ поръ еще не видано было столько золота, жемчуга, драгоценныхъ камней, сколько красовалось на одеждахъ обоихъ юношей. Громкіе крики раздались при появленіи шествія; дамы, находившіяся на трибунахъ, балконахъ и въ окнахъ, бросали цвѣты проѣзжающимъ, среди которыхъ многіе узнавали братьевъ, жениховъ или друзей. Никто не обратилъ вниманія на густой румянецъ Лукреціи, когда Лоренцо пріостановилъ коня передъ ея мѣстомъ и скло-

нилъ передъ ней конецъ своего копья; никто не замѣтилъ, какимъ блестящимъ взоромъ смотрѣла Валерія на одного изъ рыцарей въ свитѣ Лоренцо, который, находясь рядомъ съ Федериго Скандіано, смуглымъ цвѣтомъ лица и черными волосами представлялъ рѣзкій контрастъ съ бѣлокуроымъ братомъ Ипполито.

Даже Джіанина, только что внимательно слѣдившая за подругой, такъ увлеклась зрѣлищемъ, что ничего другого не видѣла и не слышала. Она также бросала цвѣты, которые принесла съ собой въ корзинкѣ. Темно-красный цвѣтокъ гранатнаго дерева попалъ въ самую грудь Федериго; тотъ ловко поймалъ его и съ благодарностью поклонился Джіанинѣ.

— Развѣ не похорошѣлъ онъ еще?—обратилась маркиза къ Валеріи.

— Кто?—спросила дѣвушка, точно просыпаясь отъ сна.—Ты развѣ знала его прежде?

— Федериго?... Нашего пріемнаго сына и наследника?—удивленно отвѣтила Джіанина.—О комъ же ты говоришь?

— Я... ни о комъ... но я думала не о Федериго.

— Можетъ быть, сегодня онъ дастъ тебѣ случай не много болѣе подумать о немъ, — замѣтила Джіанина.—Я увѣрена, что онъ останется побѣдителемъ.

— Изъ чего ты это заключаешь?—отвѣтила Валерія, которую начинало раздражать постоянное восхваленіе достоинствъ Федериго.—Мнѣ говорилъ двоюродный братъ Гюльельмо, что единогласно рѣшено уступить первый призъ Лоренцо, даже если онъ окажется и не самымъ искуснымъ.

— Это будетъ не совсѣмъ вѣжливо относительно тѣхъ, кого онъ пригласилъ и которые могутъ претендовать на безпристрастную оцѣнку своей ловкости.

— Я того же мнѣнія,—задумчиво произнесла Валерія.—Но я радуюсь за Лукрецію, которой, благодаря Лоренцо, достанутся сегодня почеть и радость.

— Ты милое, доброе дитя,—сказала Джіанина.—Утѣшимся же другимъ турниромъ, въ которомъ достанется ему желанная побѣда.

Въ эту минуту взоры ихъ привлекли красивыя движенія состязавшихся юношей, старавшихся превзойти другъ друга въ ловкости, силѣ и искусствѣ. Итальянскіе турниры пятнадцатаго вѣка не представляли опасности для участвующихъ; въ то время еще не вошло въ употребленіе острое оружіе,—сражались тупыми копьями безъ панцыря и забрала, въ бархатныхъ и штофныхъ одеж-

дахъ, и бойцы старались превзойти другъ друга ловкимъ сидѣніемъ на богато украшенныхъ коняхъ и граціей движеній.

Изъ Испаніи была занесена во Флоренцію излюбленная маврами игра въ кольца, заключающаяся въ томъ, чтобы всадники на всемъ скаку снимали остріемъ копья кольца, навѣшанныя на стоящее среди арены дерево; эта игра была гораздо интереснѣе боеваго состязанія.

Здѣсь, несмотря на все желаніе друзей, Медичи уступали въ ловкости и умѣньи другимъ юношамъ и вмѣстѣ съ остальными съживѣйшимъ участіемъ слѣдили за завязавшимся соперничествомъ между неаполитанскимъ графомъ Ферранте Саграмора и Федерико Скандіано, выказывавшими замѣчательное искусство въ этой игрѣ.

Федерико въ Испаніи, Ферранте на родинѣ достигли въ ней большаго совершенства; ничего нельзя было представить себѣ привлекательнѣе этихъ двухъ юношей, равныхъ по красотѣ, но несходныхъ по внѣшности, носящихся вокругъ арены, преслѣдующихъ другъ друга, преграждающихъ другъ другу дорогу, затѣмъ ловко вывертывавшихся и подскакивавшихъ къ дереву, почти каждый разъ при одобрительныхъ возгласахъ напряженно слѣдящей толпы, и нацѣпляющихъ на остріе копья металлическое кольцо.

Остальные всадники уже отказались отъ состязанія; всѣ взоры съ возрастающимъ интересомъ слѣдили за юными соперниками. Кто останется побѣдителемъ, у кого будетъ на копѣѣ болѣе число колець? Теперь осталось только одно наверху дерева, — конскія копыта едва касаются земли; два, три раза противники прогнали другъ друга отъ дерева; теперь они вмѣстѣ подскакали къ нему, копье Ферранте уже попало въ кольцо, но Федерико, стремясь впередъ, нечаянно выбилъ его своимъ копьемъ, — кольцо покатилося, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ его подхватить. Федерико поднялъ его остріемъ копья и съ легкимъ поклономъ передалъ графу.

— Вы первый сняли его и вамъ принадлежитъ оно, синьоръ Саграмора, — сказалъ онъ, отступая назадъ въ то время, какъ Ферранте присоединялъ кольцо къ остальнымъ.

Зрители не пропустили этой сцены; оглушительными возгласами привѣтствовали они побѣду неаполитанца и рыцарскій поступокъ Федерико. Судьи начали считать кольца.

— Только однимъ у меня больше, чѣмъ у васъ, непобѣдимый противникъ, — сказалъ Ферранте, — и этимъ однимъ я обязанъ вашему великодушію. Но того, что я сдѣлалъ бы въ другое время, — уступить его вамъ — я не могу сегодня, такъ какъ оно обезпечиваетъ мнѣ награду, отъ которой я не откажусь ни за какія блага міра.

Онъ поскакалъ по направленію, гдѣ сидѣла Валерія съ родными и друзьями. При игрѣ въ кольца существовалъ обычай, чтобы побѣдитель приносилъ свои трофеи къ ногамъ одной изъ присутствующихъ дамъ, у которой могъ просить въ награду подарокъ. Ферранте обинулъ восторженнымъ взглядомъ фигуру любимой дѣвушки, когда остановился передъ ней. Какъ прекрасна она была въ своемъ смущеніи!

— Позвольте мнѣ, благороднѣйшая и прекраснѣйшая синьора, поднести вамъ трофей сегодняшняго дня, — громко произнесъ онъ, — и вознаградите меня ничтожнымъ знакомъ вашей милости.

Онъ положилъ кольца, числомъ двадцать два, на подушку у ногъ дѣвушки. Валерія поднялась, дрожа всѣмъ тѣломъ, руки ея съ лихорадочною торопливостью разстегивали золотой обручъ, подерживавшій ея роскошныя вудри.

— Бъ вниманію, которымъ вы удостоиваете меня, я не приготовлена, благородный рыцарь, — отвѣтила она съ радостно вспыхнувшимъ лицомъ. — Возьмите же ничтожную вещь, которую я могу дать и которую я скоро постараюсь переимѣнить на нѣчто болѣе достойное.

Ей удалось, наконецъ, разстегнуть крючокъ; густые черные волосы рассыпались по плечамъ; Ферранте наклонился, чтобы принять подарокъ, который почтительно поднесъ къ губамъ. Но герольды дали знакъ продолжать состязаніе. Ферранте возвратился къ рыцарямъ, а Валерія, задыхаясь, опустилась на мѣсто. Прохладный весенній воздухъ казался ей душень, солнечный свѣтъ ослѣпительнъ, а окружающая толпа точно заволакивалась туманомъ.

Джіанина нѣжно обняла ее за талію.

— Что съ тобой, дорогая?.. Ты такъ поблѣднѣла.

Валерія закрыла глаза, наполнившіеся слезами счастья.

— Со мной ничего, Джіанина; не безпокойся, я невыразимо счастлива.

— Неужели тебя такъ взволновало вниманіе незнакомаго рыцаря, тщеславное дитя? Оно будетъ, конечно, не единственнымъ, поэтому не придавай ему большаго значенія. Посмотри, вонъ Лоренцо выѣзжаетъ въ ряды. Какъ онъ величественъ и веселъ!

Валерія послѣдовала указанію подруги, стараясь остановить вниманіе на продолженіи турнира, но напрасно. Глаза ея постоянно устремлялись на ряды рыцарей, гдѣ рядомъ съ Федерико Скандіано стоялъ неаполитанецъ, также какъ и тотъ, не принимая участія въ дальнѣйшемъ состязаніи, которое, какъ имъ обоимъ было извѣстно, должно было окончиться триумфомъ Лоренцо.

Любовь къ Медичи была такъ сильна, что ему безспорно отдавали пальму первенства; если бы даже судьи склонны были восторгаться другими рыцарями, то они знали, что толпа чувствовала себя удовлетворенной празднествомъ только тогда, когда могла проводить до дворца своего любимца, украшеннаго лаврами побѣдителя.

Лоренцо, вообще не любившій самопрославленія и всегда готовый цѣнить достоинства другихъ, на этотъ разъ не отказывался принять единодушно присужденный ему призъ. Онъ хотѣлъ, чтобы этотъ день былъ послѣднимъ торжествомъ для Лукреціи, чтобы она вполне раздѣлила съ нимъ почести, которыя достанутся ему, какъ побѣдителю. Такимъ образомъ, приготовленный ею фіалковый вѣнокъ могъ украсить серебряный шлемъ, составлявшій первый призъ, и Лукреція Донати сдѣлалась, какъ онъ предсказывалъ, королевой праздника.

Веселый день долженъ былъ закончиться танцами во дворцѣ подесты, куда послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха собрались всѣ гости. Самъ Пьетро Медичи появился на балѣ и занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ рядомъ съ супругой Лукреціей Торнабуони. Мать Лоренцо только за нѣсколько дней передъ тѣмъ вернулась изъ путешествія въ Римъ; ея сѣрые умные глаза не разъ останавливались на юномъ женихѣ, почти не отходившемъ отъ прекрасной дочери Донати, ея крестницы, и сіявшемъ такимъ счастьемъ, точно онъ забылъ, что черезъ нѣсколько недѣль должна праздноваться въ Римѣ его свадьба съ другой. Лукреція тихонько дотронулась до руки мужа.

— Вы не писали мнѣ, супругъ мой, — сказала она, — какъ принялъ Лоренцо извѣстіе, что Джакомо Орсини отдаетъ за него дочь. Онъ уклонился отъ отвѣта, когда я спросила его объ этомъ.

Пьетро Медичи пожалъ плечами.

— Онъ принялъ его, какъ послушный сынъ обязанъ принять. Бѣдшаго и я не могу вамъ сказать.

Лукреція показала на стоявшюю невдалекѣ юную пару, равнодушную къ тому, что безчисленные взоры устремились на нихъ и что въ этотъ вечеръ ни для кого не осталась тайной ихъ сердечная привязанность.

— Посмотрите туда, Пьетро, — сказала она. — Глядя на нихъ обоихъ, мнѣ кажется, что мы слишкомъ поторопились. Лоренцо не полюбитъ Бларисы Орсини; онъ возненавидитъ ее, такъ какъ любитъ подругу дѣтства.

— Привыкнеть, какъ многіе до него привыкали, — спокойно отвѣтилъ отецъ. — Дочь Донати — не партія для Медичи.

— Она хороша и мила, — замѣтила Лукреція съ почти материнскою гордостью. — Блариса не можетъ съ ней сравниться. Дай Богъ, чтобъ она не уступала ей въ добродѣтеляхъ, украшающихъ мою крестницу! Повѣрьте, супругъ мой, я съ радостью увидѣла бы ее на мѣстѣ, которое вы предназначаете дочери болѣе могущественнаго рода.

— Вы и вашъ братъ первые обратили мое вниманіе на Бларису Орсини.

— Да, Пьетро, вы правы, — чистосердечно призналась она. — Но я не могу подавить въ себѣ приступовъ раскаянія, видя страданія дѣтей, которыхъ мы жестоко разлучаемъ.

— Но, вѣдь, вамъ нравится ваша будущая невѣстка, хотя вначалѣ вы холодно отзывались о ней.

— Я мало знаю ее, чтобы любить такъ, какъ я люблю Лукрецію и собственныхъ дочерей. Блариса мнѣ нравится, хотя она встрѣтила меня холодно и сдержанно, но я приписываю это застѣнчивости.

— Не огорчайтесь случившимся, — возразилъ Пьетро. — Лоренцо еще такъ молодъ, что поддастся новымъ впечатлѣніямъ, Лукреція найдетъ другаго жениха и утѣшится. Намъ же и всему нашему дому важно породниться съ однимъ изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ римскихъ родовъ. Зависть нашихъ согражданъ настолько велика, что при удобныхъ для нихъ обстоятельствахъ они не прочь подстроить намъ опасность и гибель. Діотисальви Перони и Лука Питти изгнаны, но кто знаетъ, не найдутся ли подражатели среди тѣхъ, кто сейчасъ превозноситъ насъ? Когда же мы поднимемся настолько, что сможемъ рассчитывать на помощь извнѣ, тогда намъ легче будетъ справляться съ преступниками, чѣмъ это случилось въ прошлый разъ.

Лукреція молчала; она понимала желаніе мужа усилить, по возможности, свою партію внѣ государства; несмотря на всю популярность, владычество Медичи было, какъ это покажетъ будущее, не настолько прочно, чтобы не бояться соперничества. Тѣмъ не менѣе, материнское сердце Лукреціи съ грустью сознавало, что она безжалостною рукой разбила первую любовь сына.

Никто болѣе Валеріи Пацци не радовался всеобщему вниманію, оказываемому присутствующими Лоренцо и Лукреціи. Она не могла отказать Джуліано въ первомъ танцѣ; теперь же она стояла съ сія-

ющимъ взоромъ около Ферранте Саграмора и слухала, что онъ говорилъ, ловя только звукъ его голоса и не понимая смысла, такъ какъ глаза его говорили больше, гораздо больше, чѣмъ безразличныя часто слова, которыя онъ обращалъ къ ней.

— Я знаю васъ такъ давно,—говорилъ неаполитанецъ, когда по окончаніи фигуры Валерія вернулась на мѣсто,—и только сегодня въ первый разъ мнѣ выпало счастье открыто говорить съ вами при всѣхъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело было держаться такъ далеко отъ васъ!

— Зачѣмъ вы это дѣлали?—тихо спросила Валерія.—Я часто задавала себѣ вопросъ, почему вы не хотите посѣщать дома флорентійскихъ дворянъ, и не находила отвѣта съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что вы равны намъ по происхожденію.

— А вы думали, что я низкаго происхожденія, что я не имѣю права занять мѣсто въ кругу вашихъ друзей?

Валерія лукаво взглянула на него.

— Я боялась этого,—наивно отвѣтила она,—но никогда не думала, когда видѣла васъ.

Онъ готовъ былъ заключить въ объятія милую дѣвушку, но, подавивъ это чувство, отвѣтилъ:

— Не бойтесь, синьора; единственное, что я имѣю, это происхожденіе отъ длиннаго ряда предковъ, дающее мнѣ возможность приближаться къ вамъ, прелестнѣйшей и благороднѣйшей изъ женщинъ. Если я до сихъ поръ медлилъ, то виноваты другія причины, а не та, которую вы предположили.

— Какія же, благородный рыцарь?—спросила Валерія.—Не подумайте, что я спрашиваю изъ любопытства.

Выраженіе глубокой скорби, почти исчезнувшее во время разговора съ дѣвушкой, вернулось опять, и Валерія испугалась своего не деликатнаго вопроса.

— Простите,—прошептала она,—я не хотѣла огорчать васъ. Вы имѣли уважительныя причины такъ поступать.

— О, прекрасная синьора,—грустно произнесъ онъ,—если бы я могъ сказать вамъ, что побуждало меня къ уединенію... но тогда... тогда вы, можетъ быть, лишите меня милости, которую дарите и которая дѣлаетъ меня безконечно-счастливымъ.

Слѣдовательно, ея двоюродные братья и Лоренцо правы, утверждая, что онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы участвовать въ развлеченияхъ сверстниковъ,—думала Валерія; и она, всею душой желавшая избавить его отъ всякаго непріятнаго впечатлѣнія, безжестко напомнила ему объ этомъ.

О, никогда въ жизни не казался ему такими ненавистными оковы, налагаемыя этими невыносимыми людьми! Но, нежалуй, лучше, что онъ не можетъ повиноваться своему пылкому сердцу, не можетъ сдѣлать признанія, которое вертится на языкѣ и которое, — онъ зналъ это, — должно остаться невысказаннымъ.

— Вы не будете теперь уединяться, какъ прежде? — прибавила она, такъ какъ Ферранте молчалъ.

— Я готовъ исполнить все, что вы прикажете, прекрасная синьора, — отвѣтилъ онъ. — Скажите, съ чего мнѣ начать?

— Постарайтесь приобрѣсти дружбу Лоренцо, — сказала она, дѣлаясь немного смѣлѣе, — и тогда вамъ откроются двери всѣхъ остальныхъ домовъ. Отъ Джіанины Скандіано я слышала, что вы представлялись маркизу Ипполито.

Она не рѣшилась прибавить, какъ горячо желала бы, чтобы онъ посѣщалъ домъ ея отца. Ферранте угадалъ это.

— Гюльельмо Пацци обѣщалъ ввести меня въ домъ своего дяди, вашего отца, — замѣтилъ онъ. — Вы не можете себѣ вообразить, съ какою радостью я принялъ его предложеніе, хотя я долженъ былъ бы выдержать характеръ и не поддаваться соблазну.

— Почему? — спросила она съ упрекомъ. — Мой отецъ такъ гостепріименъ, такъ добръ; двоюродные братья и родственники полюбить васъ, а я... — и она остановилась, испугавшись, что слишкомъ многое хотѣла высказать.

— А вы? — повторилъ онъ, въ то время, какъ легкій румянецъ разлился по его смуглому лицу.

— Я тоже буду рада видѣть васъ у насъ въ домѣ, какъ я уже говорила вамъ, — отвѣтила она, съ трудомъ заставивъ себя произнести общепринятую фразу.

Какъ хорошо Ферранте понялъ ее; онъ грустно и нѣжно улыбнулся. Восклищаніе Джуліано прервало ихъ бесѣду.

— Что же вы не танцуете, Валерія? Смотрите, фигура уже кончается.

Неаполитанецъ съ смущеніемъ замѣтилъ свою разсѣянность.

— Простите, синьоръ Джуліано, — сказалъ онъ, быстро оправившись, — на моей родинѣ иначе танцуютъ, чѣмъ здѣсь, во Флоренціи; невѣжливо было съ моей стороны забыть объ этомъ.

Опъ повелъ свою даму въ ряды; руи ихъ крѣпко сжимались и неохотно выпускали одна другую, когда того требовало исполненіе фигуры; но они не разговаривали больше, боясь привлечь на себя вниманіе остальныхъ. Валерія находила, что это и не нужно боль-

ше. Онъ любить ее, это говоритъ каждый взглядъ его, каждый звукъ его голоса.

Визави съ ними танцовали Джіанина Скандіано и братъ ея мужа, Федерико. Маркизь Ипполито не сопровождалъ жены на балъ, какъ не присутствовалъ и на турниръ, и маркиза согласилась на просьбу молодого родственника подарить ему одинъ танецъ.

— Вамъ не идетъ, Федерико, — говорила Джіанина, — танцовать съ такою старухой, какъ я. Посмотрите, чего вы лишаетесь изъ-за меня! Какой букетъ красивыхъ дѣвушекъ! И всѣ онѣ съ восторгомъ примутъ ваше приглашеніе!

— Онѣ успѣють это послѣ того, какъ я исполню свой долгъ, — весело отвѣтилъ молодой человѣкъ, — а онъ повелѣваетъ мнѣ танцовать первый танецъ на родной землѣ съ вами.

— А, я понимаю, только долгъ заставилъ когда-то милаго пажу вспомнить о своей бывшей повелительницѣ, которую онъ переросъ на цѣлую голову. Какъ хорошо, что я узнала причину, вернувшую васъ къ моимъ услугамъ!

Большіе свѣтлыя глаза Федерико съ упрекомъ взглянули на нее.

— Вы жестоки, Джіанина. Бому изъ всѣхъ женщинъ, какъ не вамъ, я обязанъ глубочайшимъ уваженіемъ, искреннѣйшею благодарностью? О васъ я думалъ чаще всего, вспоминая родину, и о вашей добротѣ, которой вы осыпали меня.

— Я старалась, Федерико, замѣнить вамъ мать, которую вы рано потеряли; вы называли меня иногда этимъ дорогимъ именемъ, когда я ухаживала за вами во время вашей болѣзни. Я никогда этого не забуду. Съ тѣхъ поръ я перестала жалѣть, что Господь не далъ мнѣ собственнаго сына.

Онъ задумчиво смотрѣлъ на ея сіявшее красотой лицо.

— Я былъ еще легкомысленнымъ и неопытнымъ мальчикомъ, Джіанина, когда это случилось, — отвѣтилъ онъ, — но и я хорошо помню это. Вѣдь, я не зналъ своей матери, и думалъ, что нѣжныя заботы, ласковыя утѣшенія въ моихъ дѣтскихъ страданіяхъ могутъ быть вознаграждены только тою преданностью, которую я чувствовалъ бы къ родной матери. Но я скоро пересталъ васъ называть этимъ именемъ, — оно показалось мнѣ неподходящимъ для молодой красавицы, сидѣвшей у моей постели. Теперь я удивляюсь, откуда у меня явилась смѣлость васъ такъ называть.

— Мнѣ правило, когда вы меня называли такъ, — задумчиво сказала маркиза. — Я бы желала вернуть то время.

— Зачѣмъ, Джіанина? Неужели вы думаете, что я менѣе искренно и глубоко преданъ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ люблю васъ не

какъ мать, а какъ друга, сестру? Сегодня, какъ и прежде, я готовъ повиноваться вамъ во всемя, что вы найдете для меня лучшимъ.

— Во всемя, Федерико?—шутя спросила Джіанина.—Если бы вы знали, какіе обширные планы мы съ мужемъ составили относительно вашего будущаго!

— Какіе же, повелительница? Я покорюсь вашей волѣ, если она заключается не въ томъ, чтобы я сейчасъ опять отправился въ чужіе края.

— Нѣтъ, Федерико, мы, напротивъ, хотимъ васъ крѣпче при-
вязать къ родинѣ.

— То-есть вы хотите меня женить на незнакомой, какъ же-
нять родители Лоренцо.

— Нѣтъ, вы можете сами выбирать и не обязаны жениться на
той, кого бы мы для васъ выбрали.

— Очень милостиво и для полного ознакомленія съ положе-
ніемъ дѣла мнѣ недостаетъ только имени моей будущей супруги.

— Смотрите, вонъ она стоитъ у колонны, и посудите, хорошъ
ли нашъ выборъ?

Федерико взглянулъ по указанному направленію.

— Валерія Пацци,—спокойно произнесъ онъ.—Дѣйстви-
тельно, она стала очаровательною дѣвушкой, но, вѣдь, у меня еще есть
время обдумать ваше предложеніе, не правда ли? А пока я буду
рѣшать, можетъ быть, кто-нибудь другой похититъ ее у меня, мой
сегодняшній соперникъ, напимѣръ, съ которымъ она такъ ожив-
ленно болтаетъ, что, вѣроятно, и здѣсь, какъ и тамъ, ему суждено
остаться побѣдителемъ.

— Ваша вина, Федерико,—вы имѣли такое же право принести
кольца къ ногамъ Валеріи.

— Но едва ли бы я принесъ ихъ къ ея ногамъ, Джіанина,—
отвѣтилъ юноша.—Я никому не отдалъ бы ихъ, кромѣ васъ.

— Вы остались такимъ же рыцаремъ, какимъ были, но не за-
бывайте въ благодарности, которую вы мнѣ оказываете, что за
счастье вашей жизни вамъ придется вступить въ бой съ тѣмъ, кто
сегодня одержалъ надъ вами побѣду или, вѣрнѣе, кому вы велико-
душно уступили. Мнѣ не нравится, что этотъ чужеземецъ такъ на-
стойчиво ухаживаетъ за Валеріей Пацци. Его никто не знаетъ здѣсь
и вашъ братъ, повидимому, не очень обрадовался его знакомству.

— Такъ онъ знаетъ что-нибудь дурное о немъ?—спросилъ Фе-
дерико.—Это жаль; онъ произвелъ на меня очень хорошее впе-
чатлѣніе.

— Инполито не хотѣлъ высказаться, а вы знаете, какъ я не

люблю выпытывать чужія тайны. Но, повидимому, въ жизни этого человѣка есть нѣчто темное и поэтому мнѣ не нравится, когда Валерія съ нимъ, какъ сейчасъ вотъ.

— Не омрачайте вашей головки подобными опасеніями, Джіанина. Весьма возможно, что онъ совершилъ какой-нибудь проступокъ, заставившій его на время покинуть родину, но не можетъ его развѣ оправдать увлеченіе молодости, котораго нельзя судить слишкомъ строго? Дайте мнѣ лучше вашу ручку, танецъ конченъ и мнѣ пора отвести васъ на мѣсто.

IV.

Было еще рано, когда на слѣдующее утро Джіанина вошла въ кабинетъ мужа поздороваться. Ипполито уже нѣсколько часовъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, оруженый грудой толстыхъ книгъ, изъ которыхъ онъ дѣлалъ выписки и замѣтки на ихъ поляхъ. Онъ былъ такъ углубленъ въ свое занятіе, что замѣтилъ жену когда она уже стояла передъ нимъ; улыбка скользнула по его серьезному лицу; онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Это вы, Джіанина, — радостно сказалъ онъ, — и цвѣтуца какъ роза послѣ шумнаго вчерашняго дня.

Джіанина придвинула скамейку къ его креслу и сѣла.

— Послѣ такого веселаго, оживленнаго праздника развѣ можно проснуться иначе, какъ въ хорошемъ настроеніи! — весело отвѣтила она. — Единственно, о чемъ я жалѣю, это то, что вы, мой супругъ, не присутствовали на немъ.

— Я не люблю такихъ шумныхъ празднествъ, — замѣтилъ онъ, — и неохотно жертвую нѣсколькими часами пустымъ удовольствіямъ. Но я радъ, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, — никакое серьезное дѣло не препятствуетъ вамъ освѣжать душу въ обществѣ молодежи.

Джіанина положила щеку на его руку.

— А почему вы, супругъ мой, пренебрегаете тѣмъ, что для другихъ называете освѣженіемъ? — спросила она съ ласковымъ упрекомъ. — И насколько мнѣ было бы веселѣе, если бы я знала, что ваши добрые глаза слѣдятъ за мной, когда я веселюсь среди другихъ, и ваша охрана была бы защитой, чтобы я не очень закружилась.

— Развѣ тебѣ нужна она, моя хорошая, разумная жена? — возразилъ онъ. — Я бы не хотѣлъ, чтобы ты была иной, чѣмъ ты есть и была въ теченіе девяти лѣтъ нашего счастливаго брака. Я

и сегодня благословляю день, когда ты въ первый разъ переступила порогъ моего дома.

— Да, мы были счастливы, Ипполито, — сказала Джіанина точно самой себѣ.

— А развѣ теперь мы не счастливы? — съ улыбкой спросилъ маркизъ. — Въ дни бурной молодости мы мечтаемъ, можетъ быть, о другомъ счастьи, чѣмъ то, которое жизнь даетъ большинству изъ насъ. Бѣ намъ, дорогая моя, судьба была милостива. Если она и отказала намъ въ одножъ, о чемъ я жалѣю больше ради тебя, чѣмъ самого себя, то она избавила насъ отъ горькихъ разочарованій, лишившихъ многихъ счастья. Мы любимъ другъ друга теперь иною любовью, чѣмъ когда я сватался за тебя, но лучшею любовью, чѣмъ въ то безпокойное, полное страсти время, любовью, проникнутой сознаниемъ, что мы останемся самыми вѣрными друзьями, пока смерть не разлучитъ насъ.

Маркиза утвердительно наклонила голову.

— Если бы я была увѣрена, что я дѣйствительно стала тебѣ такъ дорога! — сказала она съ грустью. — Великіе мыслители и ученые, которыми ты окружаешь себя, всегда были для тебя болѣе достойными друзьями, чѣмъ твоя незнающая жена. Они отняли тебя у меня и часто я, какъ дитя, просящее награды, вымаливаю у тебя полчаса времени, которое ты такъ неохотно отнимаешь у нихъ.

Маркизъ почти съ отеческою нѣжностью погладилъ ея волосы.

— Не сердись на нихъ, милая жена: они даютъ нашей душѣ больше, чѣмъ большинство тѣхъ, кого судьба ставитъ на нашей дорогѣ, и они остаются намъ вѣрны, когда тѣ заставляютъ насъ горько испытать свою негодность; они не могутъ измѣняться, какъ людской умъ и людская честность.

— Я не сержусь на нихъ, Ипполито; они внушили твоему благородному уму чистыя, возвышенныя мысли, ставящія тебя такъ высоко надъ другими людьми, что вѣдетъ иногда, будто ты одинъ стоишь на этой умственной высотѣ. Я чувствовала всегда, какъ будто предо мной отрывался внезапный свѣтъ, когда ты своими словами объяснялъ мнѣ частицу того высокаго ученія, которое они старались дать человѣчеству. Только теперь...

Она остановилась и взглянула на него, точно прося извиненія.

— Только теперь ты негодуешь на нихъ, — докончилъ онъ, — потому что они лишаютъ тебя моего общества болѣе, чѣмъ ты ждала бы?

— Да, Ипполито, — созналась она. — Назови это, если хочешь,

ревностью къ твоимъ собесѣдникамъ въ часы занятій, но я желала бы быть больше съ тобой вмѣстѣ, чѣмъ въ послѣдніе мѣсяцы.

Ея прелестная головка склонилась на его плечо, рука ея протянулась къ его рукѣ; маркизь Ипполито немного смущенно взглянулъ на жену.

— Дорогая жена, я сознаю свою вину, — послѣднее время я слишкомъ много оставлялъ тебя одну. Но тебѣ придется потерпѣть еще немного, пока я не освобожусь отъ занятій. Марсиліо Фичино нужна моя помощь для его новаго труда объ ученіи Платона о безсмертіи; я не могу обмануть его, такъ какъ обѣщалъ ему быть вѣрнымъ помощникомъ въ его работѣ. Поэтому я особенно радуюсь возвращенію Федерико и надѣюсь, что онъ, такой умный и всегда оживленный, будетъ развлекать тебя въ часы одиночества.

— Ты, значить, рѣшилъ надолго оставить его здѣсь? — спросила маркиза слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, милая; онъ останется при дворѣ Лоренцо, который послѣ женитьбы освободитъ болѣзненнаго Пьетро отъ трудной обязанности представителя дома; поэтому онъ желаетъ увеличить свою свиту. И мнѣ братъ будетъ помощникомъ, такъ какъ я думаю передать ему управленіе нашими имѣніями, владѣльцемъ которыхъ онъ по волѣ Божіей современемъ будетъ... Но вотъ и онъ... Точно солнечный лучъ въ нашемъ часто мрачномъ домѣ.

Джіанина встала, краснѣя; она не знала, почему ей сдѣлалось непріятно, что молодой родственникъ будетъ свидѣтелемъ ея нѣжныхъ отношеній къ мужу, но въ открытую дверь Федерико уже замѣтилъ ее; спокойно, съ улыбающимся, по обыкновенію, лицомъ, онъ приблизился къ нимъ.

— Я врываюсь непрошеннымъ гостемъ въ святилище Ипполито, — началъ онъ шутя. — Чего вы испугались, прекрасная невѣстка? Я пришелъ только спросить, не дадите ли вы или братъ мнѣ приказаній передъ отъѣздомъ въ городъ, гдѣ меня ждутъ Джуліано Медичи и Франческо Пацци?

— Твои старые товарищи, Федерико, завладѣли тобой и ты, вполне естественно, охотно слѣдуешь ихъ приглашеніемъ, — сказалъ ученый мягкимъ тономъ. — Но подумай и о томъ, чтобы у тебя оставалось время для твоей сестры, когда ты будешь нуженъ ей, а мнѣ некогда будетъ сопровождать ее.

— Какъ можете вы сомнѣваться въ этомъ, Ипполито? — съ жаромъ возразилъ юноша. — Я весь къ услугамъ донны Джіанины, и она знаетъ, съ какою радостью я это дѣлаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, — горячо отвергла Джіанина. — Вы не должны

ради меня жертвовать удовольствіями, которыя вамъ хотять доставить ваши друзья. Я, если захочу общества, могу видѣть Валерію Пацци и дочерей Пьетро.

— Нѣтъ, Джіанина, — замѣтилъ Инполито, — молодые друзья Федерико могутъ скорѣе подождать, чѣмъ мои старые, противъ которыхъ вы сегодня въ первый разъ выразили ваше недовольство. Мой братъ, конечно, всегда предпочтетъ ваше общество товарищамъ.

— Въ такомъ случаѣ, если вы, Инполито, одобрите, сегодня послѣ обѣда я поѣду съ донной Джіаниной кататься верхомъ, — сказалъ Федерико. — Часъ назначьте сами.

— Я жду Валерію, — отвѣтила Джіанина. — Вамъ будетъ непріятно, если она поѣдетъ съ нами?

— Нисколько, — со смѣхомъ возразилъ юноша, — если только вы не будете настаивать, чтобы я сейчасъ же попался въ ея сѣти.

— Джіанина выболтала-таки, что мы надумали для твоего счастья! — замѣтилъ Инполито. — Мы надѣмся, что дѣвушка понравится тебѣ.

— И уже нравится, конечно, — подтвердилъ Федерико. — Но оставьте мнѣ еще немного насладиться золотомъ свободой!

— О томъ же просить всегда и Валерія, когда я заговариваю съ ней объ этомъ, — сказала Джіанина. — Смотрите, какъ бы это странное совпаденіе не было роковымъ для васъ.

— Валерія вдвое достойнѣе поклоненія, если она того же мнѣнія, — воследкинулъ Федерико, — и съ сегодняшняго дня я не буду бояться встрѣчь съ ней.

— Такъ силенъ въ тебѣ страхъ, что тебя преждевременно запрягутъ въ супружеское ярмо? — пошутилъ маркизь. — Посмотри на насъ, какъ оно легко и пріятно!

— За то вашу жену и зовутъ Джіаниной Салутати, — возразилъ Федерико, — и если я рѣшусь избрать Валерію Пацци, то только потому, что ее воспитала моя пріемная мать.

Онъ почтительно поцѣловалъ руку маркизы, поклонился Инполито и исчезъ такъ же быстро, какъ и вошелъ.

Джіанина тоже удалилась, такъ какъ знала, что мужу нужно продолжать прерванную работу.

Маркизь услышалъ издали веселый смѣхъ брата, который, проѣзжая мимо окна Джіанины, что-то крикнулъ ей, и на серьезномъ лицѣ Инполито появилась улыбка. Какъ счастливъ онъ тѣмъ, что имѣетъ вблизи себя эти два любимыя существа! Ему казалось, что отнынѣ каждое движеніе его души будетъ обращаться въ нѣмую

благодарственную молитву къ Тому, Кто далъ ему такое мирное блаженство.

Послѣ обѣда въ назначенный часъ Федерико явился, чтобы сопровождать верхомъ Джіанину съ Валеріей.

— Вы пригласили кататься вашу прелестную подругу, — сказать онъ маркизѣ, когда Валерія сѣла на лошадь, — надѣюсь, вы не разсердитесь, если Франческо Пацци и Ферранте Саграмора встрѣтятъ насъ за городомъ? Я не могъ отказать имъ, когда мы видѣлись сегодня.

Джіанина была непріятно поражена.

— О, Федерико, къ чему вводить неаполитанца въ наше общество? — сказала она. — Вы знаете, что мнѣ не нравится, когда онъ приближается къ Валеріи.

— Но помѣшать этому вы не можете, если онъ имѣетъ серьезное желаніе, — беззаботно отвѣтилъ Федерико. — Кроме того, я не могу ничего сказать противъ него. Несмотря на свою сдержанность, онъ пріятный товарищъ и въ фехтованіи превзойдетъ насъ всѣхъ.

— Но эти достоинства не имѣютъ никакого значенія, если онъ намѣревается сдѣлать предложеніе Валеріи. Говорятъ, онъ очень бѣденъ.

— За то она богата, — весело отвѣтилъ Федерико. — А теперь позвольте васъ посадить на сѣдло, иначе Валерія заинтересуется, о чемъ мы такъ долго бесѣдуемъ.

Джіанина хотѣла сердито отвернуться отъ него, но это не удалось ей. Легко, какъ ребенка, Федерико поднялъ ее на сѣдло и взглянулъ на нее умоляющими глазами.

— Не сердитесь, Джіанина, — просилъ онъ, вставляя ей маленькую ножку въ стремя. — Ипполито огорчится, если мы не будемъ друзьями.

— Идите, дерзкій, но въ другой разъ не рассчитывайте на мою снисходительность. Я приложу сегодня всѣ старанія, чтобы добросовѣстно исполнить обязанность гувернантки Валеріи.

Федерико поспѣшилъ къ своей лошади, радуясь, что удалось отдѣлаться отъ необходимости быть все время съ Валеріей. Къ чему сейчасъ же надѣвать оковы Гименея, сейчасъ, когда жизнь такъ улыбается ему? Пускай Ферранте Саграмора, такъ скоро превратившійся изъ врага въ друга, ухаживаетъ за дочерью Джакомо Пацци; онъ всегда успѣетъ сдѣлать предложеніе, если замѣтитъ, что она отдаетъ ему предпочтеніе.

— Валерія, — говорила, между тѣмъ, маркиза Скандіано подру-

тъ, — Федерико поразилъ меня сейчасъ извѣстіемъ, что онъ пригласилъ кататься съ нами твоего вчерашняго рыцаря въ турниръ, который такъ замѣтно ухаживалъ за тобой. Я надѣюсь, что ты не будешь поспрять его къ дальнѣйшему знакомству и съумѣешь указать ему его мѣсто, если онъ слишкомъ много позволить себѣ.

Федерико догналъ дамъ прежде, чѣмъ Валерія успѣла дать затруднившій ее немного отвѣтъ.

— Джіанина жалуется на меня, это подсказываетъ мнѣ нечистая совѣсть! — воскликнулъ онъ. — Заступитесь за меня, Валерія, и согласитесь, что я не могъ отказать въ просьбѣ синьору Ферранте, желавшему сопровождать насъ. Когда же флорентійскій рыцарь не оказывалъ гостеприимства заѣзжему рыцарю?

Валерія, между тѣмъ, овладѣла собой.

— Вы хорошо поступили, Федерико, еще разъ поражая великодушіемъ вашего вчерашняго противника, — отвѣтила она. — Джіанина, навѣрное, того же мнѣнія, но боится своею похвалою вызвать въ васъ тщеславіе.

— Моя невѣстка, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знаетъ меня и мои недостатки, — со смѣхомъ замѣтилъ юноша. — Съ ея стороны весьма благоразумно не развивать новыхъ или не усиливать тѣхъ, которые есть. Съ сегодняшняго дня я уже надѣюсь найти въ васъ защитницу, если надѣлаю глупостей и мнѣ будетъ угрожать гнѣвъ Джіанины.

— Кажется, вы не очень боитесь ея гнѣва, — сказала Валерія, — да и ея доброе сердце не способно на него. Она всегда васъ баловала... Не думайте, что я не помню этого.

— Вѣроятно, потому, что она заступалась за меня, когда вы нападали? Помните, какъ вы разъ облѣпили мои длинные локоны репейниками за то, что я не хотѣлъ больше играть съ вами?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, смѣясь, — я такъ часто мучила васъ...

— Сначала вы вылили стаканъ воды на рисунокъ, который я приготовлялъ Джіанинѣ для вышиванья покрыва въ церковь.

— Ахъ, да, теперъ я вспоминаю.

— А послѣ, когда я въ отчаяніи готовъ былъ заплакать, вы начали насмѣхаться, что я обожаю братинну жену и всю жизнь буду пришить къ шлейфу Джіанины.

— Какая я была гадкая и дерзкая! — созналась Валерія. — Понятно, что вы не захотѣли больше играть съ капризною дѣвчонкой!

— Тогда это не казалось вамъ понятнымъ. Въ то время, какъ

я старался спасти работу от окончательной гибели, вы подкрались къ моему креслу и разукрасили мою голову репейниками.

— Я думаю, вы не скоро замѣтили бы, если бы не вступилась Джіанина. Тогда, въ первый и единственный разъ въ жизни, она бранила меня. Послѣ этого я сердито стояла въ сторонѣ и смотрѣла, какъ Джіанина осторожно освобождала вашу голову отъ репейниковъ и расчесывала ваши кудри. Ни къ кому, кажется, я не чувствовала такой ревности, какъ къ вамъ, такъ какъ тогда уже Джіанина была послѣ отца самымъ дорогимъ для меня существомъ.

Лукавое выраженіе скользнуло по его лицу.

— И она останется имъ? Никто другой не можетъ вытѣснить ее изъ вашего сердца?

Валерія прищипривала коня, такъ что онъ сбѣгалъ скачокъ въ сторону.

— Кто можетъ вытѣснить ее, милую, дорогую?—спросила она.

— О, у молодой дѣвушки этого никогда не придугадаешь,— замѣтилъ онъ, поддразнивая Валерію,—красивый, черноокий рыцарь, напримѣръ, который получаетъ обручъ съ ея волосъ, танцуетъ только съ нею одной и употребляетъ всѣ силы увидѣть ее сегодня.

Джіанина, бывшая безмолвною свидѣтельницей ихъ разговора, обратилась къ нему:

— Какъ нехорошо, Федерико, дразнить дѣвушку этимъ глупымъ ухаживаньемъ!—ласково замѣтила она.

— Валерія знаетъ, что я говорю безъ злаго умысла,—возразилъ юноша.—Мнѣ просто пришло въ голову кое-что изъ вчерашняго праздника, когда я увидѣлъ вдали вашего двоюроднаго брата Франческо съ синьоромъ Ферранте. Джуліано тоже съ ними. Какъ это хорошо!

На поворотѣ улицы названные молодые люди встрѣтились съ Федерико и его спутницами.

Подъ внимательнымъ взглядомъ Джіанины Валерія чувствовала, что должна повиноваться только что сбѣланному замѣчанію и сдержанно поклониться Ферранте Саграмора, что было ей совсѣмъ не по сердцу. А Федерико улыбался ей такъ плутовски. Какъ скучно, что друзья только портятъ жизнь! Волей-неволей дѣвушка должна была рѣшиться занять мѣсто между Джуліано и Франческо, тогда какъ Ферранте приблизился къ маркизѣ.

Джуліано Медичи былъ съ дѣтства друженъ съ двоюроднымъ братомъ Валеріи, и какъ прежде они дѣлили игры и ученье, тоже

было и теперь со все́ми занятіями и рыцарскими упражненіями, наполнявшими дни благородныхъ юношей.

Друзья оживленно поговорили нѣкоторое время съ Валеріей, но она ли разсѣянно отвѣчала имъ, они ли предпочли собственныя забавы, только, выѣхавъ въ поле, юноши начали перегоняться; сначала къ нимъ присоединились Федерико и Ферранте, пока послѣдній не нашелъ возможности приблизиться къ Валеріи, воспользовавшись тѣмъ, что общее вниманіе отвлеклось отъ него. Они могли говорить только о самыхъ безразличныхъ предметахъ, но они были счастливы, находясь вблизи, и благодарили судьбу, доставившую имъ возможность послѣ мимолетной встрѣчи въ церкви вторично видѣться въ тотъ же день. Федерико также отсталъ отъ юныхъ товарищей и поѣхалъ рядомъ съ маркизой.

— Какъ хорошо было бы, если бы Ипполито сопровождалъ насъ иногда!— сказалъ онъ, окидывая взглядомъ веселый пейзажъ.— Запертый въ четырехъ стѣнахъ среди своихъ пыльныхъ книгъ, онъ и не подозреваетъ, какъ прекрасенъ Божій міръ.

Джіанина вздохнула.

— Въ прежніе годы я часто пробовала отвлекать его отъ занятій на чистый воздухъ, но всегда напрасно. Онъ съ такою неохотой разстается съ своими работами, да и не любитъ ѣздить верхомъ съ тѣхъ поръ, какъ упалъ разъ вмѣстѣ съ лошадыю.

— Мнѣ очень досадно, что братъ произвелъ на меня не такое благопріятное впечатлѣніе, какого я ожидалъ. Онъ представлялся мнѣ все такимъ же сильнымъ, цвѣтущимъ мужчиной, какимъ я оставилъ его шесть лѣтъ назадъ. Онъ постарѣлъ, сильно постарѣлъ, и имѣетъ утомленный видъ, чего прежде не было.

— Я тоже нахожу, что онъ измѣнился, но, живя вмѣстѣ, труднѣе замѣтить рѣзкость перемены, чѣмъ вамъ, давно не видавшему его. Это—послѣдствія его усиленныхъ занятій, а я бессильна противодѣйствовать этому.

— А васъ не тревожитъ это, Джіанина? Я сознаюсь, что если состояніе брата ухудшится, оно внушитъ мнѣ серьезное опасеніе.

— Можетъ быть, вамъ лучше моего удастся убѣдить его опять пользоваться жизнью,—отвѣтила она,—онъ никого такъ не любитъ, какъ васъ.

— Меня, больше своей обожаемой красавицы-жены?—спросилъ Федерико.—Нѣтъ, Джіанина, не отдавайте мнѣ первенства ни въ чьей любви, а тѣмъ менѣе вашего мужа.

Она не понимала, почему ее, привыкшую къ поклоненію, сму-

тло его открыто высказанное восхищеніе, однако, она отвѣтила спокойнымъ тономъ:

— Я убѣждена, что Ипполито любить и уважаетъ меня, какъ подобаеъ мужу, довольному своею женой, но даже самое глубокое чувство можетъ измѣниться въ мужѣ. Привычкой становится то, что мы называли когда-то счастіемъ. А послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого счастья въ душѣ мужа просыпается желаніе посвятить лучшія силы жизни болѣе высокой и достойной цѣли, обезпечивающей ему вѣчный памятникъ въ сердцахъ будущихъ поколѣній.

— Развѣ истинная любовь можетъ измѣниться, Джіанина? Счастье долгаго супружества можетъ дать сердцу внутреннее спокойствіе, заставляющее насъ забывать страстные волненія, съ которыми мы ждемъ исполненія нашихъ желаній, но привычкой не можетъ сдѣлаться то, что краситъ и возвышаетъ наше существованіе. Не надѣдають же нашимъ взорамъ красоты природы, сколько бы мы ими ни любовались. Неужели же къ высшему земному счастью наше сердце можетъ привыкнуть и отупѣть къ тому, что ежедневно, ежечасно имѣетъ новую прелесть?

Лицо маркизы сдѣлалось грустно.

— Какъ много думали вы объ этихъ чувствахъ, — сказала она, — но съ годами вы приобрѣтете опытность. Теперь вы черпаете изъ чистаго источника первой молодости, готовой весь міръ воплотить въ одно существо. Счастливы вы, что можете еще поддаваться такимъ пріятнымъ очарованіямъ!

— А вы, Джіанина, не удаляющаяся отъ жизни подобно брату, вы не раздѣляете моего мнѣнія?

— Я на семь лѣтъ старше васъ, Федерико, и не могу смотрѣть на жизнь, какъ вы, такъ мало знающій ее.

— О, не думайте, что я тотъ же неопытный мальчикъ, котораго вы когда-то отослали отъ себя! Многія безумныя мечты разбились, пока я жилъ въ далекихъ краяхъ, при чужихъ дворахъ.

— И, все-таки, вы сохранили вѣру въ свѣтлое и вѣчное счастье, вѣру въ людскую добродѣтель и ея высшее значеніе?... Среди соблазновъ, въ которыхъ для васъ, какъ и всякаго другаго, не было недостатка, вы сохранили дѣтскую невинность, такъ идущую къ вамъ, несмотря на то, что нравственно и физически вы возмужали.

— Я изъ родины унесъ въ сердцѣ талисманъ, который оберегалъ меня отъ соблазновъ, — сказалъ онъ серьезно, чѣмъ прежде, — это было воспоминаніе о вашемъ домѣ, въ которомъ я провелъ счастливые дни дѣтства, воспоминаніе о любви Ипполито, на котора-

го я смотрю съ уваженіемъ и восторгомъ, и вашъ образъ, Джіанина. Вы навсегда останетесь для меня лучшею женщиной изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ. Среди окружавшихъ меня соблазновъ я вспоминалъ о васъ обоихъ и о дорогой родинѣ, и чувствовалъ, что я тогда только смогу вступить на родную почву, не омрачивъ счастья, когда буду въ состояніи открыто смотрѣть вамъ въ глаза, выдержавъ вашъ допросъ.

Онъ ѣхалъ рядомъ съ Джіаниной, рука его протянулась къ ней и она подала ему свою, которую онъ крѣпко, долго сжималъ въ своей рукѣ.

— Развѣ нельзя позавидовать мнѣ и Ипполито, что у насъ такой сынъ?—спросила она, смѣясь.

Федерико наклонился къ рукѣ, которую все еще держалъ въ своей.

— Позвольте отнынѣ мнѣ быть вашимъ братомъ, какъ я просилъ уже вчера, — съ чувствомъ произнесъ онъ, — и вѣрьте, что уваженіе мое не уменьшится, если вы дадите мнѣ это мѣсто. Не требуйте, чтобы я смотрѣлъ на васъ, какъ на мать, и разрѣшите мнѣ быть послѣ Ипполито вашимъ лучшимъ другомъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи сзади слѣдовали за ними Ферранте Саграмора и дочь Джалоно Пацци.

— Отвѣтите ли вы мнѣ на одинъ вопросъ, прекрасная синьора?—спросилъ графъ, убѣдившись, что ѣдущая впереди пара не обращаетъ на нихъ вниманія, и Джуліано съ Франческо тоже не могутъ слышать. Валерія вопросительно взглянула на него.

— Встрѣтивъ сегодня товарищей по турниру, — продолжалъ Ферранте, — я подумалъ о васъ и юношѣ, рыцарски уступившемъ мнѣ вчера призъ. Правда ли, что его и ваши родственники предназначили васъ другъ другу, и извѣстно ли вамъ это намѣреніе?

— Это желаніе Джіанины Скандіано, придумавшей весь планъ, — отвѣтила Валерія, — мой отецъ тоже ничего не имѣетъ противъ этого.

— Вашъ отецъ и маркиза! Вы не догориваете того, что сами думаете объ этомъ. Дали вы согласіе на этотъ бракъ? Удастся Федерико Скандіано побѣдить васъ?

— Я давно дружна съ нимъ и люблю его, какъ брата, не больше, — тихо отвѣтила Валерія съ замираніемъ сердца, что сейчасъ послѣдуетъ объясненіе. — Отецъ не станетъ принуждать меня, если я не полюблю его.

— Синьоръ Федерико красивъ, уменъ, образованъ, — замѣтилъ

Ферранте, — и не замедлить испробовать, устоит ли ваше сердце передъ его достоинствами. Бромъ того, онъ наследникъ громаднаго состоянія, какъ мнѣ говорили его друзья.

— Неужели вы думаете, что послѣднее имѣетъ для меня какое-либо значеніе? — спросила Валерія съ упрекомъ. — Еслибъ я любила его, мнѣ было бы все равно, богатъ онъ или бѣденъ; я болѣе благодарила бы судьбу, если бы могла украсить его жизнь средствами, которыхъ у меня больше, чѣмъ у многихъ другихъ.

Пусть онъ не думаетъ, что онъ для нея менѣе достойный женихъ потому, что бѣденъ, — мелькнуло въ ея головѣ, — и боязнь признаться въ этомъ не должна смыкать ему уста. Онъ же ничего не отвѣтилъ; она слышала только, какъ порывисто и тяжело онъ дышалъ. Джуліано и Франческо съ шумомъ и смѣхомъ подсказали къ нимъ и поѣхали рядомъ. Ферранте съ обычнымъ спокойствіемъ и сдержанностью отвѣчалъ на ихъ шутки. Валерія тоже хотѣла вмѣшаться въ разговоръ, но мысли ея были далеко. Часто глаза ея украдкой поднимались на серьезное лицо неаполитанца: неужели онъ все еще сомнѣвается, что она любитъ его, когда она, — стыдомъ она признавалась въ этомъ, — дала ему столько доказательствъ? Если же онъ чувствуетъ, что любить ее взаимно, то отчего избѣгаетъ онъ сказать рѣшительное слово, которое уничтожить между ними всякія преграды, соединить ихъ навѣки?

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ МИХАИЛЪ.

(Историческая повѣсть).

I.

Въ убогой лачугѣ на берегу Золотога Рога сидѣли два брата. По наружности старшаго, по отсутствію растительности на подбородкѣ, по земляному цвѣту лица можно было догадаться, что онъ евнухъ. Его безстрастному лицу придавали нѣкоторое выраженіе только маленькіе узкіе глаза, но выраженіе ихъ было непріятное, плутовское. Младшій братъ мало походилъ на старшаго: это былъ рослый, краснощекій юноша, атлетическаго сложенія, красавецъ собой. Сразу было видно, что у него нервный и чувственный темпераментъ.

— Послушай, Михаилъ, — началъ старшій, — какая у тебя убогая обстановка, даже лечь не на что, изволь сидѣть на деревянной скамейкѣ?

— Что же дѣлать, Іоаннъ! — возразилъ младшій. — Вѣдь, и ты жилъ въ такой же обстановкѣ; когда нѣтъ денегъ, нельзя выписывать ковровъ изъ Дамаска.

— Да, но я отвыкъ отъ подобной простоты съ тѣхъ поръ, какъ пожалованъ въ царскіе спальники и живу во дворцѣ... Но не въ томъ дѣло; я не понимаю, почему ты не хочешь устроиться получше? Или ты собираешься въ монастырь?

— Нисколько.

— Такъ отчего же ты не служишь? Отчего ты отказываешься поступить ко двору?

— Когда же я отказывался? Я только говорилъ тебѣ, что едва ли мнѣ дадутъ какую-нибудь должность; я не получилъ никакого образованія, только что умѣю читать, а дай мнѣ что-нибудь древнее, на примѣръ, Гомера, такъ я его и не разберу.

— Э, братъ, какъ ты разсуждаешь! Кому нужно твое образованіе? Да развѣ я изучалъ философовъ или отцовъ церкви? Я только по наслышкѣ знаю Платона, Аристотеля, Ермогена, Прокла и другія свѣтила древности, а, несмотря на это, я царскій спальникъ и на-дняхъ мнѣ будетъ порученъ надзоръ за царскимъ гинекеемъ *).

— Ты человѣкъ ловкій, ты умѣешь говорить, потому у тебя есть профессія: ты—свнухъ; а это тоже значить не мало.

— А у тебя есть другое преимущество, гораздо болѣе цѣнное—красота, а красота въ настоящую минуту все; она дороже всего цѣнится во дворцѣ. Съ ней все можно. Я пришелъ къ тебѣ не болтать, а предложить кое-что. На-дняхъ тебѣ дадутъ чинъ протоспаваарія **), а потомъ и какое-нибудь мѣсто, по этому случаю тебѣ надо представиться царю и царицѣ. Ты знаешь, что самодержецъ Романъ удостоиваетъ меня своимъ милостивымъ вниманіемъ; я говорилъ ему о тебѣ, и онъ уже приказалъ приготовить хрисовуль ***), которымъ ты утверждаешься въ чинѣ протоспаваарія. На слѣдующей недѣлѣ готовься идти со мною во дворецъ.

— Нельзя ли обойтись безъ этого, Іоаннъ? Я растеряюсь въ присутствіи императора и императрицы.

— Нельзя, этого требуютъ этикетъ и твоя собственная выгода. Чудака ты, право! ты, кажется, хочешь отказаться отъ своего благополучія? Развѣ ты ничего не слыхалъ объ императрицѣ Зоѣ? Здѣсь, надѣюсь, никто насъ слышать не можетъ.

Іоаннъ выглянулъ въ открытое окно и, убѣдившись, что нѣтъ прохожихъ, продолжалъ:

— Ты знаешь, конечно, что хотя царицѣ Зоѣ 50 лѣтъ, она обуреваема страстями; до 48 лѣтъ она оставалась дѣвницей и тогда только отецъ ея, блаженной памяти самодержецъ Константинъ, выдалъ ее за нынѣ благополучно царствующаго Романа. Но императоръ старъ и, притомъ, питаетъ къ Зоѣ какую-то антипатію. Ты понимаешь, конечно, что, какъ говорятъ премудрые философы, стремленіе ея обратилось къ не-сущему, и вотъ ты-то и могъ бы изъ этого не-сущаго сдѣлать страстно желаемое сущее.

— Буда мнѣ, Іоаннъ! Я не съумѣю, да и страшно...

— Полно, братъ, все сдѣлается само собою. Вотъ тебѣ четыре номизмы ****), сшей себѣ платье, какое прилично носить протоспаваарію, и надѣйся на помощь Всевышняго. Слушай еще, чтѣ я

*) *Гинкей*—женское отдѣленіе дворца.

**) *Протоспаваарій*—первый мечелосецъ, четвертый чинъ свнзу.

***) *Хрисовуль*—царская грамота, скрѣпленная золотомъ печатью.

****) *Номизма*—золотая монета стоимостью около 4 рублей золотомъ.

скажу тебѣ, такъ какъ я нахожусь въ полосѣ отвращенности. Нынче ночью явился мнѣ нѣкій мужъ въ свѣтлой одеждѣ и произнесъ: «Все будетъ принадлежать твоему брату Михаилу»—и исчезъ.

— Не понимаю, Иоаннъ.

— Не понимаешь?—спросилъ Иоаннъ и, прищурившись, посмотрѣлъ на брата такимъ плутовскимъ взглядомъ, что у Михаила дрожь пробѣжала по тѣлу.— Не понимаешь? «Все»—это значитъ вселенная,—вселенная будетъ принадлежать тебѣ.

— Вселенная принадлежитъ Богу данному византійскому царю.

— Ты, вѣроятно, знаешь, Михаилъ, что всякій младенецъ, выходя изъ утробы матери, имѣетъ особое выраженіе и что по этому выраженію можно предсказать его судьбу. Когда ты только что явился на свѣтъ, въ глазахъ твоихъ былъ особенный блескъ и вокругъ твоей головы видѣли сіяніе.

Правый глазъ и щека Михаила начали нервно подергиваться; это всегда дѣлалось съ нимъ, когда онъ бывалъ въ большомъ волненіи. Забѣтивъ произведенное имъ впечатлѣніе, Иоаннъ продолжалъ:

— Если хочешь узнать будущее, я могу указать тебѣ два вѣрнѣйшихъ способа: или обратись къ чудотворной иконѣ Влахернской, или же къ пророчицѣ Досиеѣ,—ты знаешь, той, что ходитъ съ хіосскими монахами. Ну, довольно, мнѣ надо идти, проводи меня.

Братья вышли изъ дому и пошли по направленію къ Большому Дворцу. Они шли молча, изрѣдка перекидываясь словами. Разставаясь, Иоаннъ указалъ на св. Софію и шепнулъ брату: «Смотри, какой величественный куполь, доходящій почти до неба. Все это будетъ твое». Михаилъ возвращался домой озадаченный, мысли его путались, слова брата навели на него какой-то туманъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, молодой человекъ чувствовалъ, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ему предстоитъ блестящее будущее. «Развѣ нынѣ царствующій императоръ Романъ,—думалъ онъ,—не попалъ на престолъ случайно, потому только, что за него выдали Зою? Зоя—последній отпрыскъ македонскаго дома, судьба имперіи въ ея рукахъ».

Когда стало смеркаться, онъ пошелъ въ храмъ Влахернской Божіей Матери; при входѣ его встрѣтилъ знакомый монахъ. Михаилъ объяснилъ ему, что по окончаніи вечерни собирается помолиться чудотворной иконѣ и узнать отъ нея будущее. Икона, хорошо извѣстная всѣмъ константинопольскимъ жителямъ, помещалась направо отъ царскихъ вратъ и была прикрыта завѣсою, такъ что нельзя было видѣть лица Богородицы. Но разъ въ недѣлю, по

пятницамъ, послѣ всенощной, свершалось чудо: завѣса сама собою раскрывалась и молящимся являлся божественный ликъ. Это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ; чудо могло явиться и въ необычное время вслѣдствіе молитвы истинно-вѣрующаго.

Только что отошла служба, Михаилъ сталъ передъ иконой и горячо молилъ Богородицу явить чудо, если дѣйствительно съ нимъ должно случиться нѣчто необыкновенное. Черезъ нѣсколько минутъ онъ замѣтилъ, что завѣса взвивается на воздухъ и колеблется, будто на нее подулъ вѣтеръ, и Михаилъ увидѣлъ передъ собою милостивый ликъ Божіей Матери. Еще минута—и завѣса опустилась.

Михаилъ вышелъ изъ церкви въ самомъ радостномъ расположеніи духа. Теперь онъ не сомнѣвался, былъ убѣжденъ, что займетъ выдающееся положеніе. Слава Богу, онъ выйдетъ, наконецъ, изъ бѣдности. Передъ нимъ носились картины одна другой фантастичнѣе. Ему казалось, что вотъ онъ стоитъ среди толпы и вся эта многотысячная толпа падаетъ передъ нимъ на колѣни. До его слуха доносится: «...на многая, многая лѣта». Онъ покоится на бархатномъ ложѣ и его обнимаетъ и ласкаетъ красавица въ діадемѣ и порфирѣ...

Онъ шелъ домой, но какъ-то, незамѣтно для самого себя, очутился противъ трактира подъ названіемъ «Сладкая Ёда». «Зайти развѣ?—подумалъ Михаилъ.—Пожалуй неприлично,—я скоро буду сановникомъ. Ну, куда ни шло, въ послѣдній разъ, хочется поглядѣть на нее». Онъ приподнялъ занавѣску, замѣнявшую наружную дверь, и вошелъ. Его встрѣтилъ привѣтливою улыбкой содержатель трактира Александръ, маленький, на короткихъ ножкахъ, жирный, съ громаднымъ животомъ.

— Добрый вечеръ, братъ Александръ, какъ поживаешь? Экъ животъ-то у тебя все растетъ да растетъ.

— А все отъ заботъ, братъ Михаилъ.

— Ну, да, отъ заботъ... Какія же у тебя заботы? Одна только и есть—подмѣшивать въ вино побольше воды.

— Вотъ какъ вы рассуждаете, неблагодарные люди! Я бьюсь цѣлый день, кормлю васъ и пою, а вы на это отвѣчаете чѣмъ же? Говорите: трактирщикъ!.. Презрѣннѣе этого слова нѣтъ; трактирщикъ все равно, что воръ, плутъ. Его нигуда не пускаютъ, судъ не признаетъ его свидѣтельства, — ну, справедливо ли это?

— Полно, братъ Александръ, я слышалъ это много разъ. Налей-ка лучше кубокъ маронскаго вина, да расскажи что-нибудь веселенькое.

— Должно быть, деньги у тебя завелись, что ты пьешь мафонское.

— На, получай!—весело отвѣтилъ Михаилъ и вынулъ изъ кармана золотую монизму.

Михаилъ выпилъ залпомъ половину поданнаго ему кубка.

— Скажи-ка, братъ Александръ, какъ здоровье твоей дочери, красавицы Анастасо?

— Да что ей дѣлается?... Здорова-то она здорова, а толку отъ нея никакого.

— Какого же тебѣ толку?

— Извѣстно, какого,—дѣвчонгѣ 16 лѣтъ, давно бы пора замужъ. Но кто же ее возьметъ?

— Ты шутишь, милѣйшій Александръ; если такихъ не будутъ брать, на комъ же жениться?

— Ну, чего ты притворяешься? Какъ будто ты не знаешь, что только отъявленный мошенникъ, опозоренный согласится стать мужемъ дочери трактирщика. Я объ этомъ не мечтаю, не такъ глупъ, не того прошу...

— Слушай, Александръ, Анастасо...—Михаилъ внезапно зашнулся.

— Что Анастасо?

— Я хотѣлъ сказать, она красива.

— Да ты ужь это говорилъ.

— Нѣтъ, я хотѣлъ спросить, здорова ли она?

— Ты ужь это спрашивалъ.

— Я все не то. Она не ушла ли куда-нибудь изъ Константинополя?

— Чужакъ, куда же ей уйти? Эй, Анастасо, пойди сюда!

— Иду!—раздался звучный грудной голосъ, и въ комнату вошла молодая дѣвушка въ простенькомъ полотняномъ платьѣ.

Михаилъ недаромъ хвалилъ красоту Анастасо. Только безчувственный могъ устоять противъ ягучаго взгляда ея черныхъ глазъ. Нельзя было равнодушно смотрѣть на ея густую черную косу, на чудныя формы ея только что созрѣвшаго стана. Фигура ея, точно изваянная, напоминала статуи древнихъ мастеровъ, украшавшія константинопольскія площади. Только руки—слишкомъ большія и нѣсколько шероховатыя—выдавали ея далеко не аристократическое происхожденіе.

— Привѣтъ тебѣ, Анастасо, — сказалъ Михаилъ, всталъ и поклонился.

— Добро пожаловать, — отвѣтила дѣвушка и, слегка кивнувъ головой, стала въ уголъ и опустила глаза.

Михаилъ дошелъ губою, взглянулъ на Анастасю, причемило лицо его передернуло, покраснѣлъ, взглянулъ на Александра, считавшаго ибдую монету, опять посмотрѣлъ на Анастасю, не поднивавшую глазъ, и никакъ не могъ начать разговора. Ему хотѣлось рассказать очень многое, но онъ не зналъ, съ чего начать, я, главное, его смущало присутствие трактирщика.

— Чего вы молчите? — проговорилъ Александръ, зѣвнувъ на всю комнату. — Я не говорю потому, что спать мнѣ очень хочется. Вы бы въ ту комнату пошли, а я здѣсь прилягу. А то оставайтесь, мнѣ все равно. — Съ этими словами Александръ легъ на полъ.

— Пойдемъ, — почти шепотомъ сказалъ Михаилъ, и молодые люди, откинувъ занавѣску, отдѣлявшую трактиръ отъ жилой комнаты, тщательно задержали ее за собой.

II.

— Какъ ты живешь, прелестная Анастасю? — спросилъ Михаилъ, когда молодые люди остались вдвоемъ.

— Не хорошо, Михаилъ, — отвѣтила молодая дѣвушка. — Развѣ ты не видишь, что глаза мои заплаканы? Всею виною отецъ. Конечно, мы должны имѣть почтеніе къ родителямъ и повиноваться имъ, но всегда ли?

— Думаю, что всегда. Конечно, если отецъ приказываетъ что-нибудь противузаконное, тогда можно ослушаться.

— Вотъ то-то и есть. А ты не можешь себя представить, что отецъ хочетъ сдѣлать со мной. Вчера приходилъ къ намъ Петръ Иканать, знаешь, тотъ скверный человекъ безъ ноздрей, которому ноздри вырвали за какое-то преступленіе. Его прислалъ богатый генуезскій купецъ Руфини; онъ заходилъ къ намъ раза два и видѣлъ меня. Отецъ долго шептался съ этимъ Петромъ и потомъ велѣлъ мнѣ поговорить съ нимъ. Онъ былъ пьянъ, отъ него страшно пахло виномъ и жутко было смотрѣть на его багровое лицо и выпученные глаза; говорилъ онъ несвязно, но долго. Далеко не все поняла я, на каждомъ шагу онъ повторялъ, что я красива, что Руфини богатъ. Я отказалась продолжать эту бесѣду, я чувствовала, что онъ хочетъ запутать меня въ какія-то сѣти, откуда послѣ и не выберешься. Я просила отца прогнать его. Онъ ушелъ, но сказалъ, что скоро вернется. Отецъ, вмѣсто того, чтобы заступиться за меня, сталъ ругать меня на всѣ лады. По его словамъ, я негодная дура,

гордячка, которой суждено умереть въ нищетѣ... И онъ бранилъ меня, бранилъ, кажется, полдня.

У молодой дѣвушки навернулись на глаза слезы; она отошла въ сторону и закрыла лицо руками.

Михаилъ подошелъ къ ней, обнялъ ее за талию и сказалъ:

— Не печалься, милая Анастасо, скоро настанутъ лучшія времена. Я выйду, наконецъ, изъ бѣдности, и тогда, о, тогда... Слушай, что я скажу тебѣ. Мой братъ Іоаннъ опредѣляетъ меня на службу. Мнѣ дадутъ чинъ протоспаарія и я тогда уже не буду какимъ-то Михаиломъ, я буду протоспааріемъ Михаиломъ; меня будутъ звать во дворецъ на царскіе пиры, ежегодно самъ царь будетъ выдавать мнѣ ругу *). Вѣдь, это только начало, а кто знаетъ, что ждетъ меня впереди? Послушай, я видѣлъ сонъ, странный сонъ. Я видѣлъ, даже страшно вымолвить, будто я сижу на тронѣ, будто вокругъ меня море головъ, головы эти склонились, а за мной какіе-то люди съ сѣкирами, съ копьями...

— Охъ, страшенъ твой сонъ!—прервала его Анастасо.—Не къ добру онъ, я дрожу отъ ужаса.

— Да что же тутъ ужаснаго? Это значить только, что не вѣкъ мнѣ оставаться въ неизвѣстности.

— Тѣмъ и хуже для меня. Ты будешь важнымъ сановникомъ, не станешь тогда заходить въ напгъ трактиръ и забудешь Анастасо.

— Въ трактиръ ходить, конечно, не буду, но тебя я никогда не забуду. Да развѣ можно забыть тебя, твой чудный станъ, твои глаза, твои румяныя щеки, всю твою плѣнительную красоту? Бѣго развѣ видѣлъ тебя, у того твой образъ на вѣкъ запечатлѣлся въ душѣ, если онъ только не безчувственный. Нѣтъ, милая Анастасо, ты красива, какъ небо, твой взглядъ, что лучи солнца,—никому, никому не отдамъ тебя!

— Да и некому отдавать меня, Михаилъ; кто возьметъ меня, кто женится на дочери презрѣннаго трактирщика?

— Это правда. Но я на этотъ счетъ придумалъ одну вещь. Тебя можетъ удочерить кто-нибудь, тогда уже ты не будешь Анастасо, дочь трактирщика Александра, а будешь дочерью магистра **) или другаго какаго титулованнаго лица.

— Такихъ сумасшедшихъ нѣтъ, которые бы сдѣлали подобную глупость.

*) *Руга*—жалованье, выдававшееся разъ въ годъ вои́мъ лицамъ, имѣвшимъ какой-нибудь чинъ.

**) *Магистръ*—одинъ изъ византійскихъ чиновъ.

— Неопытна ты, Анастасо. За деньги чего не сдѣлають, — лишь бы было золото, оно все можетъ. Повѣрь, когда я буду знатенъ и богатъ, все пережънится, и тогда ты узнаешь, каковъ я и что я могу сдѣлать.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги.

— Это, должно быть, онъ, — сказала Анастасо, поблѣднѣвъ, и прижалась къ Михаилу.

— Кто онъ?

— Да Петръ, — шепнула дѣвушка.

— Сиди здѣсь, я пойду посмотрю.

Михаилъ вышелъ въ трактиръ и дѣйствительно увидѣлъ передъ собою Петра Иканата, котораго всѣ знали въ Константинополѣ. Въ его звѣрской физиономіи было что-то страшное, а носъ, изурованный правосудіемъ, наводилъ ужасъ.

— Что тебѣ нужно, Петръ? — спросилъ Михаилъ.

— А тебѣ что нужно? — возразилъ Петръ грубымъ голосомъ, отъ котораго Анастасо вздрогнула въ сосѣдней комнатѣ.

— Александръ спитъ и просилъ меня побыть здѣсь вмѣсто него, на случай если придетъ кто-нибудь.

— Ну, ты не можешь сдѣлать то, что мнѣ нужно отъ Александра.

— А, можетъ быть, и могу... Скажи, за чѣмъ пришелъ?

— Говорять тебѣ, не можешь. Во-первыхъ, онъ всегда подноситъ мнѣ вина и денегъ за это не беретъ.

— Ну, такъ что же? На, пей! — Михаилъ протянулъ ему полный кубокъ. — Да смотри, какое вино, маронское, самое лучшее.

Петръ выпилъ кубокъ съ жадностью, но, все-таки, не хотѣлъ сказать, за чѣмъ пришелъ. Однако, послѣ втораго кубка языкъ его развязался и у него сорвалось:

— Александра-то мнѣ, пожалуй, и не надо, а хочу я пробраться къ его дочери Анастасо.

— Ея нѣтъ, она пошла въ деревню, къ теткѣ, и пробудетъ тамъ три дня.

— А ты почему знаешь?

— Да мнѣ Александръ говорилъ.

— Ты врешь, можетъ быть, — зачѣмъ тебѣ знать, что дѣлаетъ Анастасо?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Мнѣ порученіе дано, могу нажать кругленькую сумму, а это по нынѣшнимъ временамъ не мѣшаетъ.

— Не понимаю.

— Чего притворяешься? Дѣло извѣстное, и тебѣ, должно быть, знакомое. А, впрочемъ, у тебя денегъ нѣтъ.

— Есть или нѣтъ, это все равно, а ты скажи, что тебѣ отъ дѣвушки нужно?

— Мнѣ-то ничего не нужно, а вотъ одному богачу такъ нужно, и не что-нибудь, а все.

— Ну, теперь понимаю. Дѣло прекрасное, желаю тебѣ успѣха. Только сегодня все равно ты ничего дѣлать не можешь. Повторяю тебѣ, Анастасо дома нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ. Приду чрезъ три дня. У меня тутъ есть еще дѣльце по близости, тамъ полегче будетъ, упрямства такого нѣтъ. Прощай, незнакомецъ, я такъ твоего имени и не спросилъ; благодарю за угощеніе, когда -нибудь увидимся, можетъ быть, я пригложусь тебѣ. Не забывай Петра Иганата.

Съ этими словами онъ ушелъ, и Михаилъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Онъ все время боялся, что Петръ не повѣритъ ему, пойдетъ въ сосѣднюю комнату и увидитъ тамъ Анастасо.

— Ушелъ? — спросила Анастасо, просовывая голову изъ-за занавѣски.

— Ушелъ, и въ теченіе трехъ дней, по крайней мѣрѣ, оставитъ тебя въ покоѣ.

— А дальше что?

— Дальше? Но зачѣмъ думать объ этомъ? Слава Богу, что теперь хорошо. Сядемъ, поговоримъ.

«Молодые люди сѣли на кровать.»

— Тебѣ хорошо со мною?—проговорилъ почти шепотомъ Михаилъ, привлекая къ себѣ Анастасо.—Хорошо?

— Да,—отвѣтила дѣвушка. Она хотѣла сказать еще что-то, но не могла, потому что Михаилъ [закрывалъ ей губы страстными поцѣлуями. Онъ былъ въ страшномъ волненіи, щеки горѣли, кровь прилиwała къ сердцу, и сердце такъ вллокотало, что, казалось, сейчасъ выскочитъ изъ груди. Онъ уже не выпускалъ Анастасо изъ своихъ объятій. Жутко становилось дѣвужкѣ отъ этихъ жгучихъ объятій, испытываемыхъ ею въ первый разъ. Ее охватило какое-то сладостное волненіе, голова кружилась, она переставала понимать, что съ ней происходитъ... Что-то скрипнуло въ трактирѣ, и она вдругъ спохватилась, соскочила съ кровати.

— А вдругъ отецъ проснулся? Я слышала какой-то шумъ. Можетъ быть большая бѣда.

— Пустяки, — сказалъ Михаилъ, но, все-таки, пошелъ убѣ-

даться. Александръ лежалъ на томъ же мѣстѣ и храпѣлъ на всь комнату. — Александръ, — закричалъ онъ, — проснись!

Но трактирщикъ даже не пошевелился.

— Мы въ полной безопасности, — сказалъ Михаилъ, возвращаясь къ Анастасо, — твой отецъ спитъ такъ, что его никакіе демоны не въ состояніи разбудить.

Онъ почти силою усадилъ Анастасо на кровать.

— Скажи мнѣ, Михаилъ, какъ дается чинъ протоспаеарія? — начала она.

Но Михаилъ не хотѣлъ говорить о дѣлахъ, да онъ и вообще не былъ въ состояніи вести связнаго разговора. Отъ времени до времени вырывались у него отрывочныя восклицанія:

— О, какъ ты красива! Какіе чудные глаза! Ты моя, я не отдамъ тебя!

Впечатлѣніе этой страстной рѣчи и горячихъ поцѣлуевъ было таково, что Анастасо перестала сопротивляться; она перестала думать и соображать...

Луна только что взошла и ударила прямо въ окно. Она освѣтила сцену, происходившую въ темнотѣ. На кровати лежала Анастасо, блѣдная, какъ полотно, съ закрытыми глазами. Спиною къ ней стоялъ Михаилъ, опершись головою объ стѣну. Простоявъ такъ нѣкоторое время въ какомъ-то оцѣпененіи, молодой человѣкъ какъ будто вспомнилъ что-то, подошелъ къ Анастасо, поцѣловалъ ее въ лобъ и молча вышелъ изъ комнаты.

Пора было уходить. Въ ту самую минуту, какъ онъ проходилъ мимо трактирщика, тотъ проснулся. Онъ зѣвнулъ и, увидѣвъ Михаила, спросилъ:

— Долго я спалъ?

— Нѣтъ, очень мало, — солгалъ Михаилъ. — Прощай.

— Погоди же, я не успѣлъ поболтать.

— Не о чемъ говорить.

— Вишь ты какъ возгордился! Ужь не собираешься ли въ придворные? Скажи-ка, ты съ Анастасо говорилъ?

— Да, то-есть нѣтъ, два слова только сказалъ, не успѣлъ. Тутъ посѣтитель приходилъ, я ему налилъ вина. На тебѣ за два лубка, — и онъ протянулъ трактирщику серебряную монету.

— Благодарю. А ты вотъ что, образумь ты мою дочку.

— Образумить... какъ ее образумить? Ну, я пойду, будь здоровъ.

Михаилъ не далъ трактирщику отвѣтить и, когда тотъ только еще раскрывалъ ротъ, очутился уже на улицѣ. Михаилъ шелъ домой въ особенномъ настроеніи: ему и стыдно было чего-то, и

какъ-то сладко. Никогда не испытывалъ онъ ничего подобнаго, — онъ былъ до сихъ поръ чистъ и невиненъ, какъ младенецъ. Онъ никакъ не могъ отдать себѣ въ томъ яснаго отчета. Холодный ночной воздухъ отрезвилъ его и онъ началъ раздумывать, что же онъ долженъ дѣлать? Жениться? — онъ давно этого хотѣлъ. Но обстоятельства мѣняются; онъ и теперь не прочь. Но жениться на дочери трактирщика — это позорно, это можетъ сдѣлать только какой-нибудь проходимецъ вродѣ Александра или Петра Игваната. Михаилъ вспомнилъ звѣрскую фигуру безъ ноздрей и содрогнулся. Вѣдь, онъ не сегодня-завтра будетъ чиновникомъ, можетъ быть, мѣсто получить. Какъ же это? Надо будетъ посоветоваться съ Іоанномъ, онъ живетъ при дворѣ и знаетъ всѣ правила общежитія, онъ умненъ и дурнаго, конечно, не посоветуетъ.

Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ дому, тѣмъ больше старался убѣдить себя, что онъ менѣе виноватъ, чѣмъ Анастасо. Какъ будто она не хотѣла этого? За чѣмъ же она забыла женскую стыдливость? Это дьяволъ вселился въ нее и прельстилъ его. Впрочемъ, что же, пускай, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь сановникъ удочеритъ ее, тогда и жениться можно.

Придя домой, Михаилъ легъ спать, но не спалось ему. Его била лихорадка, передъ нимъ проходили разныя видѣнія, и онъ не зналъ, сонъ ли это, или дѣйствительность. На первомъ планѣ видѣлась Анастасо, но за ней выступала еще другая женщина, не дававшая ему покоя. «На что тебѣ эта дѣвчонка, дочь презрѣннаго трактирщика? — говорила она. — Я знатна и богата, я все могу, я превознесу тебя».

Ему слышались рыданія Анастасо и смѣхъ той другой женщины, одѣтой въ порфиру, изукрашенной золотыми браслетами и драгоценными камнями. «Кто же ты?» — спрашивалъ онъ, приподнимаясь на кровати и стараясь разглядѣть это лицо, которое онъ какъ будто видѣлъ, но котораго не могъ признать. Отвѣта не было; въ изнеможеніи опускался онъ опять на постель. Вдругъ исчезли обѣ женщины, и онъ увидѣлъ, что надъ нимъ, подъ нимъ, съ боку, вездѣ летали какіе-то духи съ крыльями, съ лицами безобразныхъ старухъ. «Убей его, убей! — пѣли хоромъ демоны. — Убей, убей!» Михаилъ замахалъ на нихъ руками: «Отстаньте, уйдите! Кого мнѣ убивать? Я не преступникъ... и убивать мнѣ некого!»

III.

Проснувшись, Михаилъ все еще не могъ успокоиться. Онъ вспоминалъ видѣнія и не могъ понять ихъ. Долженъ же быть какой-

нибудь смыслъ въ нихъ. Тагъ, безъ причины, ничего не бываетъ. Это предсказаніе. Но ничего подобнаго съ нимъ случиться не можетъ. Вчерашнее происшествіе волновало его еще больше. Это грѣхъ, тяжкій грѣхъ, какъ тамъ ни говори. Его не поправитъ; надо отмолить его, надо покаяться. Михаилъ рѣшилъ пойти къ исповѣднику и тѣмъ облегчить свою душу.

Около полудня къ нему пришелъ придворный служитель, присланный его братомъ Іоанномъ. Онъ сообщилъ, что указъ о дарованіи ему, Михаилу, чина протоспаарія уже написанъ въ императорской канцеляріи. Сегодня же сановникъ, завѣдующій царскою чернильницей, поднесетъ документъ къ подписанію императору, и онъ красными чернилами запечатлѣетъ на немъ свое имя. Спальникъ Іоаннъ проситъ Михаила быть наготовѣ, такъ какъ во всякую минуту его могутъ позвать во дворецъ. Михаила это извѣстіе очень обрадовало. Оно отвлекало его отъ неотступной мысли, такъ безпокоившей его все утро. Явиться во дворецъ въ томъ хитонѣ, въ какомъ онъ ходилъ у себя дома, немислимо. Онъ сейчасъ же пошелъ къ малоазіатскимъ купцамъ высматривать себѣ подходящую матерію. Но такъ какъ онъ былъ малосвѣдущъ въ этихъ дѣлахъ, то и зашелъ за своимъ пріятелемъ Константиномъ Пселломъ. Это былъ 17-ти лѣтній юноша, сынъ очень бѣдныхъ родителей, но, несмотря на это, получившій хорошее образованіе, умный малый, отличавшійся своимъ практическимъ умомъ. Пселлъ свелъ Михаила къ одному знакомому купцу, выбралъ ему соответствующую матерію и даже попросилъ свою мать Θεодоту сшить Михаилу платье, такъ какъ она была отличная мастерица и прекрасно кроила и шила.

Черезъ три дня пришла изъ дворца новая вѣсть. Императоръ согласился зачислить Михаила асикритомъ *) въ императорскую канцелярію, такъ что онъ сразу получить и чинъ, и мѣсто. Это было во вторникъ, въ четвергъ же ему приказано было явиться во дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ получить изъ рукъ царя знакъ, присвоенный чину протоспаарія.

Въ четвергъ, въ третьемъ часу, Михаилъ былъ уже во дворцѣ. Тутъ встрѣтилъ его Іоаннъ и еще разъ объяснилъ ему все, что ему надо дѣлать. Михаилъ такъ робѣлъ, что готовъ былъ бы отказаться отъ мѣста и чина, только бы ему не представляться царю.

— Какіе пустяки! — говорилъ Іоаннъ. — Я много говорилъ о тебѣ императору. Если ты сдѣлаешь какую-нибудь неловкость и въ чемъ-нибудь ошибешься, самодержецъ проститъ тебя, какъ не привыкшаго еще къ церемоніалу. Пойдемъ, сейчасъ начнется церемонія.

*) Асикритъ — чиновникъ, служащій въ приказѣ государственнаго секретаря.

Иоаннъ привелъ брата въ небольшую залу и сказалъ ему: «Стой тутъ, пока не придетъ за тобой логоееть^{*)}», а мнѣ надо занять свое мѣсто въ царской свитѣ». Михаилъ остался совсѣмъ одинъ въ пустой залѣ; прошло нѣсколько минутъ мучительнаго ожиданія, наконецъ, растворились серебряныя двери, ведшія изъ комнаты, гдѣ стоялъ Михаилъ, въ парадную залу, называвшуюся христотриклиномъ, и на порогѣ показался логоееть.

Михаилъ вошелъ въ христотриклинъ и былъ пораженъ блескомъ, ослѣпившимъ ему глаза. Весь полъ обширной залы былъ мозаичный изъ разноцвѣтнаго камня, и выходило, точно на полу были изображены цвѣты и деревья; кое-гдѣ были наложены серебряныя круги. Посреди залы на золотомъ тронѣ сидѣлъ императоръ Романъ въ пурпуровомъ одѣяніи, усыпанномъ камнями, въ пурпуровыхъ туфляхъ, со скипетромъ въ рукѣ. За нимъ стояла варяго-русская дружина, его почетная стража, съ сѣкирами на плечѣ. Направо и налѣво отъ трона полукругомъ размѣстились придворные и самые важные сановники.

Логоееть шелъ передъ Михаиломъ, и какъ только они сдѣлали нѣсколько шаговъ по залѣ, Михаилъ по знаку логоеета сталъ на колѣни и поклонился царю въ землю. Затѣмъ онъ всталъ и логоееть подвелъ его почти къ самому трону. «Со страхомъ Божиимъ, справедливо и нелицепріятно, — сказалъ ему императоръ, — исправляй вѣренную тебѣ должность. Никогда и ни въ чемъ не отступай отъ закона, помни, что за всякую несправедливость, содѣянную тобою здѣсь, тебѣ будетъ воздано сторицею на томъ свѣтѣ. Будь внимателенъ и добръ къ сослуживцамъ, будь почитателенъ къ начальникамъ. Не бери мзды незаконной, помни заповѣди Божіи, соблюдай ихъ, и благо ти будетъ».

На это Михаилъ отвѣтилъ, какъ научилъ его братъ: «Боговѣнчанный, державнѣйшій, божественнѣйшій царь и самодержецъ! Какъ солнце сіяешь ты на небѣ, освѣщаешь и согрѣваешь своими лучами всю подвластную тебѣ вселенную. Ты примѣръ неизреченной доброты, ты образецъ высшей справедливости; мы будемъ подражать этому высокому образцу, хотя онъ для насъ, смертныхъ, недосягаемъ, будемъ стараться уподобиться тебѣ, царю челоуѣколюбивѣйшему, царю справедливѣйшему, царю выше всѣхъ стоящему, превосходящему добродѣтелью великаго Константина».

Послѣ этого царь вновь сказалъ ему, вставъ съ трона: «Во имя Господне Богомъ данная царственность моя жалуетъ тебя асикри-

*) Логоееть — министръ двора.

томъ». Царь сѣлъ, а Михаилъ палъ ницъ, опять поклонился въ землю и, подойдя къ трону, еще разъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ императора въ ногу.

Логоеетъ громогласно объявилъ: «Священный царь нашъ, руководимый Богомъ, пожаловалъ Михаила въ асикриты!» Всѣ придворные хоромъ проговорили многолѣтне императору, а затѣмъ и «многогая лѣта асикриту Михаилу».

Логоеетъ поднесъ царю на серебряномъ блюдѣ золотую цѣпь, изукрашенную драгоценными камнями. Императоръ собственноручно возложилъ цѣпь на Михаила. Послѣдній еще разъ палъ на землю, еще разъ поцѣловалъ царскую туфлю и отошелъ въ сторону. Логоеетъ провозгласилъ, что царь жалуетъ Михаила чиномъ протоспаарія, и опять пропѣли многолѣтне. Царь сошелъ съ трона и, сопровождаемый своею свитой, прошелъ въ спальню, пригласившую къ хрисотриглицу.

— Ну, ты доволенъ?—спросилъ Іоаннъ, выйдя съ братомъ въ ту залу, гдѣ онъ стоялъ раньше.

— Теперь доволенъ, что церемонія кончилась, а было не по себѣ. Какая красивая цѣпь!—Михаилъ, какъ ребенокъ, не могъ оторваться отъ блестящаго на немъ золота.—Я могу постоянно ходить въ этомъ украшеніи?

— Да, имѣешь право. Вѣдь, цѣпь эта и есть знакъ, присвоенный чину протоспаарія. Но дома ее никто не носить, ее надѣваютъ только во дворцѣ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ. Ну, теперь слѣдуй за мной,—ты долженъ явиться къ императрицѣ.

Въ это время пришелъ одинъ изъ спальныхъ евнуховъ и доложилъ: «Державная царица ждетъ асикрита и протоспаарія Михаила». Іоаннъ повелъ брата въ гинекею, на женскую половину дворца; онъ ввелъ его въ залу, гдѣ сидѣла императрица, и, низко поклонившись, ушелъ. Царица Зоя сидѣла на высокомъ креслѣ съ удлиненною высокою спинкой; это былъ простой тронъ, на которомъ она возсѣдала, когда принимала гостей запросто.

Михаилъ поклонился въ поясъ и сказалъ заученную фразу: «Привѣтствую тебя, державнѣйшая царица, тебя, вѣрную спутницу великаго царя, луну нашего солнца, бросающую и на него, и на насъ свой мягкій свѣтъ. Дивлюсь твоей красотѣ, и не только тѣлесной, но умственной и душевной. Если бы присутствовали здѣсь Гомеръ или Гезіодъ, даже они не сумѣли бы воспѣть твоихъ добродѣтелей; нѣтъ словъ для выраженія твоей доброты, чистоты твоихъ помысловъ, возвышенности твоей души, всей твоей прелести нравственной и физической. Чувствуя себя сравнительно съ

твою недосыгаемою высотой ничтожнѣйшимъ изъ смертныхъ, я умоляю, пожелавъ тебѣ, державнѣйшая, мудрѣйшая, человеколюбивѣйшая царица, царствовать и здравствовать многая, многая лѣта».

— Ты прекрасно говоришь, протоспаеарій Михаилъ,—отвѣтила Зоя на это привѣтствіе.—Я рада, что самодержецъ почтилъ тебя чиномъ. Брата твоего мы давно знаемъ,—достойный, хорошій человекъ. А зная его, мы и къ тебѣ чувствуемъ расположеніе.

— Благодарю, державная царица,—сказалъ Михаилъ, кланяясь. Онъ боялся пристально смотрѣть на Зою, но ему очень хотѣлось разсмотрѣть ее подробнѣе, потому что ему показалось, будто она похожа на ту женщину, что онъ видѣлъ во снѣ.

— Скажи, протоспаеарій Михаилъ,—продолжала царица,—царь пожаловалъ тебя асиритомъ, какъ мнѣ говорили, какія же будутъ твои обязанности?

Михаилъ покраснѣлъ отъ смущенія. Онъ совсѣмъ не зналъ, какія обязанности асирита, но нашелся и сказалъ:

— Служба моя не легкая, но, во всякомъ случаѣ, почетная, ибо возложена на меня самодержцемъ. Главная обязанность чиновника состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю царя; объ этомъ я буду заботиться прежде всего и надѣюсь заслужить милость царскую.

— Старайся и ты можешь быть увѣренъ, что мы не оставимъ тебя. Самодержецъ человеколюбивъ и онъ расточаетъ свои милости достойнымъ. Въ такомъ красивомъ тѣлѣ, какъ у тебя, должна быть и красивая душа. Доволенъ ли ты судьбой, Михаилъ?

— Приближаться къ царямъ есть блаженство, какъ же не благодарить мнѣ судьбу?

— Еще не то увидишь ты, протоспаеарій Михаилъ.—При этомъ Зоя бросила на юношу такой нѣжный взглядъ, что ему стало не по себѣ.—Знай,—продолжала она,—что мы всегда готовы принимать тебя и способствовать твоему счастью. Когда у тебя будетъ какая-нибудь нужда къ намъ, предупреди объ этомъ брата твоего Іоанна и онъ доложитъ намъ. А теперь иди съ миромъ, памятуя наши слова.

Михаилъ поклонился и ушелъ. Зоѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ подольше, — очень понравились ей румяныя щеки и статный ростъ Михаила, но этикетъ не позволялъ этого. Она хлопнула въ ладоши три раза и въ комнату вошла ея приближенная иатрикія Евстратія.

— Готовы ли жаровни?—спросила она вошедшую.

— Все готово, державная царица.

— Привезли ли мнѣ съ востока амбры, алоэ и другихъ ароматовъ?

— Нѣтъ, не привезли, но есть еще остатокъ амбры и алоэ.

— Это ужасно, это опять какая-нибудь интрига царя. Онъ находитъ, что я трачу слишкомъ много денегъ на ароматы. Онъ забываетъ, что я дочь великаго Константина, что онъ попалъ на престолъ и можетъ распоряжаться государственною казною только потому, что я согласилась выйти за него замужъ.

— Самодержецъ старъ и не можетъ понять желаній и стремленій царицы.

— Да, ты права, Евстратія, но это непоправимо.

— Царица, на свѣтѣ нѣтъ ничего непоправимаго; что произошло, то можетъ уничтожиться.

— Лучше не думать о неприятномъ. У меня былъ сейчасъ Михаилъ, братъ нашего Иоанна.

— Слышать о немъ слыхала, а видать не видала. Что, каковъ онъ?

— Красивъ, очень красивъ; онъ похожъ на статую Ахилла, которая стоитъ въ спальнѣ императора. Ты знаешь Константина Мономаха? Его всѣ считаютъ красавцемъ, а Михаилъ не хуже его. Только молодъ онъ очень.

— Ну, что же, это преимущество. Все лѣтъ двадцать ему будетъ?

— Двадцать?—да, но не болѣе. Ну, пойдешь, Евстратія, пора приниматься за дѣло.

Въ сосѣдней комнатѣ были разставлены жаровни и таганы и императрица, окруженная придворными дамами и десяткомъ служительницъ, начала готовить ароматы.

IV.

На слѣдующій день зашелъ къ Михаилу внучъ Иоаннъ.

— Доволенъ ли ты приѣмомъ, оказаннымъ тебѣ императрицей?—спросилъ онъ брата.

— Какъ тебѣ сказать, Иоаннъ? Это для меня большая честь, но я все время думалъ только объ одномъ, какъ бы мнѣ уйти поскорѣе. Я не привыкъ къ роскоши дворца, меня смущаетъ присутствіе высокопоставленныхъ особъ, я не знаю какъ стать, что делать съ руками.

— Ну, если ты недоволенъ, то императрица прельстилась тобой. Она призывала меня вчера и долго спрашивала о тебѣ и

твоемъ благосостояніи. Я сообщилъ ей, что ты живешь въ отвратительной лачугѣ, и знаешь, что она сдѣлала? Она приказала мнѣ купить тебѣ домъ на свой счетъ. Я говорилъ уже съ Константиномъ Дукою, его произвели въ губернаторы Антиохійской провинціи, и онъ согласился уступить тебѣ свой домъ. Я затѣмъ только и пришелъ, чтобы принести тебѣ эту важную вѣсть; завтра же ты долженъ пойти во дворецъ благодарить царицу. Пользуйся, Михаилъ, пользуйся неожиданно выпадающимъ на твою долю счастьемъ, — сказалъ Іоаннъ, и уходя, лукаво посматривалъ на брата, стараясь вычитать на его лицѣ, понялъ ли онъ недосказанное.

Съ этого дня для Михаила началась новая жизнь; онъ жилъ въ обширныхъ покояхъ, у него появилось множество слугъ, и то и дѣло ему приносили подарки изъ дворца, рыбу, куропатокъ, сыръ, яйца, масло, вино. Всего у него было вдоволь, даже деньги были; но откуда все это появляется и почему, за какія заслуги, это было ему неясно. Онъ смутно понималъ, что вся эта благодать идетъ отъ императрицы. На службу онъ не ходилъ; его начальникъ протаскритъ *) сказалъ ему, что чиновниковъ у него достаточно и временно ему дѣлать нечего. Среди этой привольной жизни его смущала только мысль объ Анастасо — гдѣ она и какъ бы ее повидать? Въ его новомъ положеніи, ему немыслимо было идти въ трактиръ; это могло наложить такую тѣнь на его нравственность, что его перестали бы принимать во дворецъ и лишили бы чина. Послать за ней кого-нибудь изъ слугителей — это рисковать тѣмъ, что слуга наткнется на Александра, проговорится, и тогда что? Нѣтъ, лучше предоставить событія ихъ естественному теченію. Нельзя жертвовать изъ-за женщины своею репутаціей, своимъ добрымъ именемъ.

Прошла недѣля послѣ переселенія Михаила въ новый домъ. Однажды вечеромъ пришелъ къ нему слугитель и шепотомъ объявилъ, что въ дверь стучится какая-то женщина, но кто, сказать нельзя, потому что лицо ея подъ густымъ покрываломъ.

— Если она спроситъ меня, введи ее сюда, — распорядился Михаилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на порогъ стояла Анастасо. Михаилъ ейчасъ же узналъ ее, несмотря на покрывало.

— Какъ я радъ тебѣ! — сказалъ онъ. — Но отчего ты дрожишь?

— Какъ же мнѣ не дрожать? Я обманула отца, я сказала, что мнѣ необходимо навѣстить больную тетку; онъ далъ мнѣ провожатаго, я съ трудомъ отдѣлалась отъ него; онъ понялъ, что у меня какая-

*) Протаскритъ — государственный секретарь.

нибудь другая цѣль. А потомъ идти одной по улицамъ... какъ неприлично и какъ страшно! Вотъ тутъ недалеко, у церкви св. Ирины, на меня напала собака; она чуть было не растерзала меня, — такая злая.

— Садись, милая Анастасо, я страстно желаю тебя видѣть...

— Отчего же ты не приходишь? Я ждала тебя каждый день.

— Невозможно, неприлично мнѣ ходить въ трактиръ, — я протоспаарій и асикрить.

— Да, дочь трактирщика — презрѣнное созданіе, я забыла. Ты, должно быть, во дворець теперь ходишь?

— Хожу.

— Ты видѣлъ царицу?

— Видѣлъ.

— Говорять, она красива.

— Очень моложава, удивительно моложава! Ей, говорятъ, за сорокъ лѣтъ, а поглядѣть на нее, болѣе тридцати не дашь. Но она далеко не такъ красива, какъ ты, моя прелесть!

— Полно, Михаилъ, я проплакала свою красоту. Я плачу цѣлый день. Отецъ бьетъ меня, да какъ больно...

— Какъ же онъ смѣетъ? — закричалъ Михаилъ, — и за что?

— Смѣетъ, потому что отецъ, а за что? — все за то же. Сегодня опять приходилъ Петръ Иганать. Руфини хочетъ увезти меня въ свою страну, въ Италію. Онъ предлагаетъ за меня большую сумму.

— А сколько?

— Сколько — не знаю, но отецъ говорить, что если я соглашусь, онъ можетъ закрыть трактиръ и жить припѣваючи. А если я не соглашусь, онъ грозитъ убить меня, и онъ сдѣлаетъ это, — ты знаешь, какой онъ лютый.

— Положимъ, онъ этого не сдѣлаетъ: за убійство законъ караетъ очень строго.

— Да кто же узнаетъ, что не стало Анастасо, дочери трактирщика Александра? Никто этого не замѣтитъ. Во всякомъ случаѣ, я не пойду къ Руфини, онъ мнѣ противенъ, я люблю тебя, Михаилъ.

— Успокойся, Анастасо, съ тобой не случится ничего дурнаго. За это ручается тебѣ протоспаарій Михаилъ. Подойди ко мнѣ ближе, дай мнѣ налюбоваться на тебя, мое красное солнышко, дай мнѣ поцѣловать твое изстрадавшееся личико.

Михаилъ не только сказалъ это, но исполнилъ это на дѣлѣ. Подъ вліяніемъ его поцѣлуевъ дѣвушка успокоилась. Она на ми-

нугу забыла свое горе, грознаго отца, страшнаго Иканата и отда-
лась всецѣло своей первой любви.

Михаилу отъ души было жаль Анастасо и онъ долго сидѣлъ
молча, обдумывая, какъ бы помочь ей бѣдѣ.

— Я все это устрою, я найду средство усмирить твоего отца.

— Вотъ что, — сказала вдругъ Анастасо, — я не уйду отъ тебя,
я останусь здѣсь.

— Какъ такъ?

— Да такъ, останусь у тебя навсегда. Развѣ мы не обру-
чены?

— Нѣтъ, при обрученіи пишется контрактъ.

— За то между нами есть связь, которая крѣпче всякихъ кон-
трактовъ.

— Положимъ, но связь эту не признаетъ законъ.

— Какое мнѣ дѣло до закона? Я люблю тебя и буду жить съ
тобой.

— Это невозможно, милая Анастасо. Подумай, что скажутъ
про тебя?

— Мнѣ все равно, только бы не терпѣть побоевъ отъ отца и
не видѣть Петра Иканата.

— Ты его больше не увидишь. Я поговорю съ братомъ и онъ
какъ-нибудь его уничтожить, казнить или, по крайней, мѣрѣ со-
шлетъ. А ты пойдѣ домой и скажи сейчасъ же отцу, что ты на все
согласна. Гнѣвъ его пройдетъ, онъ будетъ ласкать тебя, а не бить;
тѣмъ временемъ Иканатъ исчезнетъ, Руфини увидетъ въ свою Ге-
нью, и ты будешь жить попрежнему.

Дѣвушка ушла хотя и съ сожалѣніемъ, но нѣсколько успокоен-
ная. Дѣйствительно, все устроилось, какъ говорилъ Михаилъ. На
другой же день онъ сходилъ къ Іоанну, сообщилъ ему, что въ го-
родѣ живетъ такой мерзавецъ, который терпимъ быть не можетъ.
Іоаннъ былъ первымъ лицомъ въ государствѣ, его всѣ боялись и
всѣ слушались, такъ какъ знали, что императоръ души въ немъ
не чаеъ и ничего не дѣлаеъ, не посоветовавшись съ нимъ. Ев-
нухъ позвалъ епарха (градоначальника) и приказалъ ему именовъ
царя выслать Петра Иканата. На другой же день послѣ свиданія
Анастасо съ Михаиломъ Петра посадили на трирему и отправили
на островъ Халки подъ Константинополемъ, гдѣ онъ могъ жить на
свободѣ, но безъ права приѣзжать въ столицу. Руфини внушили,
чтобы онъ занимался торговлей, а не грязными дѣлами, и такъ
какъ онъ и безъ того собирался уѣхать, то оставилъ свои планы
на Анастасо.

Молодая дѣвушка не появлялась больше у Михаила; по крайней мѣрѣ, прошелъ мѣсяць, какъ онъ не видѣлъ ея. Мысль о ней отходила на задній планъ. Съ Михаиломъ случилось такое потрясающее и неожиданное событіе, что онъ не могъ теперь думать о ничтожной дѣвчонкѣ. Какъ это случилось? Какъ это могло случиться? Базалось бы, бездна раздѣляетъ императрицу и его. Краска стыда разливалась по его щекамъ, когда онъ вспоминалъ о роковомъ свиданіи. У него и въ помыслахъ не было ничего подобнаго, да развѣ онъ могъ подумать о такой вещи? Правда, братъ дѣлалъ и раньше намеки, но онъ принималъ ихъ за дурныя и неумѣстныя шутки. Чѣмъ же онъ виноватъ? Она соблазнила его, а не онъ ее. Все-таки, стыдно; хотя, конечно, оно лестно, и то правда, что она удивительно сохранилась. Жутко какъ-то, страшно! А ну, какъ узнаетъ императоръ, конфискуютъ его имущество, вырвутъ ему ноздри, сошлютъ его, ослѣпятъ? Братъ Іоаннъ утѣшаетъ. Самодержецъ будто бы совсѣмъ не интересуется своею супругой, ему дѣла нѣтъ до того, чтѣ творится въ гинекеѣ. Ничего не подозрѣвая, онъ осыпаетъ Михаила своими милостями. Въ самое непродолжительное время ему дано было нѣсколько чиновъ, такъ что теперь онъ одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, — протопродръ*). Въ его полное распоряженіе отдано казенное имѣніе, приносящее 300 номизмъ дохода. Все это прекрасно, все это не можетъ не радовать Михаила, еще такъ недавно нуждавшагося въ кускѣ хлѣба.

Его сны начинаютъ сбываться. Прежде его не пустили бы во дворецъ, еще мѣсяць тому назадъ, когда онъ былъ только прото-спаваріемъ и асикритомъ, придворные относились къ нему высоко-мѣрно, на него смотрѣли какъ на плебея, случайно и безъ всякаго права получившаго чинъ. Теперь совсѣмъ не то: ему почтительно кланялись, когда во время придворныхъ церемоній онъ шелъ занять свое мѣсто у самаго трона. Ежедневно получалъ онъ письма, гдѣ въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ прославляли его умъ, доброту и прочія добродѣтели, и просили устроить такому-то мѣстечко потеплѣе. И, вѣдь, дѣйствительно, онъ пристроилъ не мало чиновниковъ. Не забылъ онъ и своего друга Пселла; онъ просилъ за него протасикрита, въ приказѣ котораго тотъ служилъ, и Пселла сдѣлали старшимъ дѣлопроизводителемъ, деканомъ, что было значительнымъ повышеніемъ, такъ какъ Пселлу было всего 17 лѣтъ. Но отказать ему нельзя было ни въ чемъ. Онъ сталъ до такой степени нѣженъ къ Михаилу, выказывалъ ему такую искреннюю при-

*) *Протопродръ* — первый предсѣдатель, одинъ изъ высшихъ чиновъ.

взыанность, что нельзя было не дорожить такимъ человѣкомъ. Прежде онъ вичился своимъ образованіемъ, приводилъ постоянно цитаты изъ Платона, Аристотеля, Гомера, и когда Михаилъ не понималъ смысла этихъ мудреныхъ изреченій, смѣялся надъ его невѣжествомъ. Теперь же онъ сталъ смотрѣть на дѣло иначе; когда Михаилъ чистосердечно сознавался, что онъ не получилъ никакого образованія, Пселль отвѣчалъ съ улыбкой, что онъ слишкомъ унижаетъ себя. Дѣло не въ образованіи, — говорилъ онъ, — а въ природномъ умѣ; никакое образованіе не можетъ замѣнить ума, если его нѣтъ отъ рожденія. Развѣ апостолы были образованные люди? Развѣ это не были простые рыбаки? Тѣмъ не менѣе, они обратили весь міръ въ христіанство. Чтобы управлять государствомъ, вовсе не нужно быть образованнымъ, надо только имѣть прирожденный умъ и чувство справедливости, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи никто не можетъ сравниться съ Михаиломъ. Такія рѣчи очень утѣшали юнаго сановника, потому что иногда ему казалось, что онъ не годится на важныя мѣста, когда онъ не знаетъ даже законовъ. Но вотъ образованнѣйшій Пселль не раздѣляетъ его сомнѣній; не раздѣляетъ ихъ, повидимому, и императоръ Романъ.

По крайней мѣрѣ, царь нерѣдко призывалъ его къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ Іоанномъ и другими сановниками. Ему приходилось сидѣть тутъ съ озабоченнымъ лицомъ и говорить о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ. Чтобы не попасть въ просякъ, онъ по большей части соглашался съ братомъ Іоанномъ, потому что зналъ, что онъ глупаго не скажетъ и по его совѣту будетъ рѣшено дѣло. Императоръ обходился съ Михаиломъ такъ ласково, что ему иногда становилось жутко отъ этого. Особенно разъ съ нимъ случилось обстоятельство, глубоко потрясшее его нервы. Онъ сидѣлъ однажды у императрицы, какъ это случалось нерѣдко. Зоя сдѣлала его управляющимъ своихъ частныхъ имѣній и подъ этимъ предлогомъ посылала за нимъ почти ежедневно. Это былъ какъ разъ такой день. Зоя обнимала его такъ страстно, какъ никогда прежде; она не выпускала его изъ своихъ объятій. И вотъ въ такую минуту, когда посторонніе свидѣтели были по меньшей мѣрѣ излишни, поспѣшно входитъ евнухъ Іоаннъ и останавливается у двери.

— Самодержецъ требуетъ тебя къ себѣ, Михаилъ, — торжественно произнесъ онъ.

Михаилъ всталъ, не говоря ни слова.

— Иди къ императору — спокойно сказала Зоя, — подай ему свой мудрый совѣтъ, а потомъ вернись къ наслажденію.

Михаилъ поклонился молча.

— Вамъ слѣдовало бы быть поскромнѣе, — шепнулъ ему Юаннъ, когда они вышли изъ гинекея.

— Вотъ и ты, — радостно сказала царь Романъ, когда Михаилъ, поклонившись ему въ ноги, сталъ въ ожиданіи приказанія. — Я радъ тебя видѣть, — продолжалъ императоръ и поцѣловалъ его въ щеку. Онъ замѣтилъ, что его поцѣлуй произвелъ сильное впечатлѣніе на Михаила, и подумалъ, что на него подѣйствовала такая монаршая милость. Но дѣло было не въ томъ. По странной случайности, Романъ поцѣловалъ Михаила въ то самое мѣсто, гдѣ все еще горѣлъ поцѣлуй, только что данный ему Зоей. Это сопоставленіе страшно смутило Михаила и у него началось нервное подергиванье правой половины лица, продолжавшееся нѣсколько минутъ. Начался совѣтъ по поводу распространившихся слуховъ, будто русскіе собираются походомъ на Византію. Михаилъ никакъ не могъ сосредоточиться и отвѣчалъ не впопадъ. Эти два поцѣлуя преслѣдовали его; ему было очень неловко, что царь такъ милостивъ къ нему, а онъ совершаетъ дерзкое преступленіе, оскорбляетъ его и какъ мужа, и какъ самодержца.

V.

На львиной шкурѣ, присланной въ даръ султаномъ египетскимъ, лежала императрица Зоя. Голова ея покоилась на черной шелковой подушкѣ, на фонѣ которой еще рельефнѣе выступала красота ея пепельныхъ волосъ. Она закинула руки за голову, широкіе рукава откинулись назадъ; до самаго локтя обнажились ея точно изваяныя руки; можно было любоваться матовымъ цвѣтомъ ея кожи. Полупрозрачное бѣлое платье позволяло если не видѣть, такъ, по крайней мѣрѣ, угадывать то, что было подъ нимъ. Кому случилось видѣть ее въ такой позѣ, слѣдить за ея трепетавшею грудью, за упругостью всѣхъ ея членовъ, тотъ забывалъ, сколько ей лѣтъ. Смеркалось. Въ комнатѣ пахло амброй. Тутъ же на полу, у ногъ очаровательной царицы, сидѣлъ Михаилъ. Шитая золотая туфелька то и дѣло касалась его бока, на него были устремлены темносиніе глаза, его манили чувственныя губы.

— Любишь ли ты меня, Михаилъ? — спросила Зоя.

— Я не дерзаю отвѣчать на такой вопросъ, царица. Не любить тебя я долженъ, а боготворить; ты моя благодѣтельница, ты осыпаешь меня своими милостями, ты чаруешь своимъ челолюбіемъ...

— Оставь возвышенныя рѣчи, забудь, кто я. Съ тобой говорить не императрица, а Зоя, женщина, которая любить тебя. Иногда мнѣ кажется, что ты, можеть быть, любишь другую, что въ твоихъ объятіяхъ бываетъ другая, и эта мысль терзаетъ меня. Сядь сюда поближе.

Михаилъ всталъ и сѣлъ къ самой подушкѣ. Зоя прижала его къ себѣ такъ близко, что у него начала кружиться голова и мысли путались.

— Посмотри, какъ бьется мое сердце, когда я съ тобой, — продолжала она и положила его руку къ себѣ на грудь. — Чувствуешь ли ты то же самое?

— Чувствую.

— Любишь ли ты меня, Михаилъ?

— Люблю.

— Блжнись, что въ твоихъ объятіяхъ не бываетъ другой женщины.

— Блжнусь.

Михаилъ машинально повторялъ послѣднія слова задававшихся ему вопросовъ. Онъ не давалъ себѣ яснаго отчета, говорить ли онъ правду, или нѣтъ. Близость женскаго тѣла и запахъ амбры до того ошпыняли его, что онъ ничего другаго не чувствовалъ, кромѣ любви къ Зоя, и совершенно забылъ объ Анастасо.

— Готовъ ли ты, Михаилъ, доказать на дѣлѣ свою любовь ко мнѣ? — спросила царица, глядя юношу по головѣ.

— Готовъ.

— Все ли ты сдѣлаешь, о чемъ бы я тебя ни попросила?

— Все, — нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ.

— Такъ ты долженъ освободить меня отъ моего мучителя.

— Кто же этотъ мучитель?

— Какъ кто? Царь Романъ.

Михаилъ тяжело вздохнулъ и посмотрѣлъ на свою собесѣдницу умоляющимъ взоромъ; казалось, онъ просилъ прекратить этотъ разговоръ.

— Онъ мучаетъ меня ежедневно, — продолжала Зоя, — онъ оскорбляетъ меня, я ненавижу его. Въ первый же день нашего брака онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, котораго я не въ силахъ простить, — онъ отвергъ мои ласки. А теперь онъ даже не даетъ мнѣ денегъ. Я хочу имѣть настоящаго мужа. Помоги мнѣ, Михаилъ.

— Чѣмъ же я могу помочь тебѣ, царица?

— Какъ чѣмъ? Сообрази самъ.

— Не могу сообразить. Что может простой смертный против державнаго царя?

— Представь себѣ, что Богъ убралъ бы Романа.

— Такъ что же? Это, можетъ быть, было бы хорошо для тебя, царица.

— И для тебя, Михаилъ.

— Напротивъ, вѣдь, новый царь могъ бы отправить меня въ ссылку, а этотъ ко мнѣ благосклоненъ и не видитъ того, что ему не слѣдуетъ видѣть.

Зоя разсмѣялась.

— Новый царь? Да кто же имъ будетъ? Ты забываешь, что я дочь Константина, послѣдній отпрыскъ знаменитаго македонскаго дома. Я распоряжаюсь престоломъ, какъ мнѣ угодно. Царемъ будетъ тотъ, за кого я пойду замужъ. А за кого бы я пошла замужъ, если бы умеръ Романъ, какъ ты думаешь, милый Михаилъ?—спросила Зоя и страстный поцѣлуй придавъ особое выраженіе ея вопросу.

Михаилъ какъ будто начиналъ понимать, но, все-таки, не рѣшался высказать своей мысли.

— Тебя одѣну я въ порфиру, тебя украсу царскимъ вѣнцомъ,—шептала Зоя, наклонившись къ самому лицу юноши.

Михаилъ молчалъ,—онъ не могъ говорить отъ избытка чувствъ; онъ даже не ясно понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Что же ты молчишь, Михаилъ?—продолжала царица полупшепотомъ.—Неужели ты отказываешься отъ собственнаго блага?

— Кто же отказывается отъ собственнаго блага?

Зоя прижала Михаила къ своей груди, цѣловала его и между двумя поцѣлуями спросила:

— Согласенъ ли ты сдѣлать то, о чемъ я попрошу тебя?

— Согласенъ, согласенъ!—почти закричалъ юноша, не помня себя.

— И мы будемъ жить съ тобой подъ одною крышей, никто не разлучитъ насъ, мы будемъ соединены самимъ Богомъ.

— Да, никто не разлучитъ насъ, — какъ эхо повторялъ Михаилъ.

— Мы будемъ любить другъ друга, мы будемъ утопать въ блаженствѣ.

— Да, да,—говорилъ Михаилъ.

— И ты будешь первымъ человѣкомъ во всей вселенной, всѣ покорятся тебѣ, твоя воля будетъ выше закона, колѣнопреклоненные сановники будутъ цѣловать твою пурпуровую туфлю.

— Какія чудныя слова!

— Такъ клянись же, Михаилъ, клянись, что ты это сдѣлаешь!

— Клянусь!

— Клянись, что не будетъ намъ помѣхой презрѣнный Романъ, клянись, что скоро его не станетъ!

— Клянусь, клянусь!—говорилъ Михаилъ, опьяненный.

Замолчала Зоя, замолчалъ и Михаилъ. Все смолкло, ничего не было слышно, кромѣ звуковъ сдержанныхъ поцѣлуевъ...

VI.

Было темно, когда Михаилъ вышелъ изъ дворца. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сановникомъ, онъ не ходилъ одинъ по константинопольскимъ улицамъ, опасаясь, что на него нападутъ и ограбятъ. Его сопровождали придворные служители съ зажженными факелами, а за ними, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, шли вооруженные варяги изъ императорской гвардіи. Самъ же онъ ѣхалъ на породистомъ ворономъ конѣ, подаренномъ ему императрицей. Онъ ѣхалъ, конечно, шагомъ, опустивъ поводья, и до такой степени задумался, что не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ. Какую страшную клятву далъ онъ! Какъ же сдержатъ ее? А не сдержатъ ее нельзя. Ему надо выбирать: быть или убійцей, или клятвопреступникомъ. Онъ вздрогнулъ при этой мысли. Зачѣмъ подпалъ онъ подъ чары этой женщины? Но за то вѣнецъ и порфира... Онъ былъ такъ поглощенъ этими мыслями, что не замѣтилъ, какъ одинъ придворный служитель оттолкнулъ попавшуюся ему на дорогѣ дѣвушку, какъ эта дѣвушка прижалась къ стѣнѣ дома и пристально вглядывалась въ проходившихъ.

Вдругъ онъ услышалъ знакомый голосъ, назвавшій его по имени, повернулъ голову и замѣтилъ Анастасо. Онъ хотѣлъ было проѣхать, но какъ - то неожиданно для самого себя сдѣлалъ ей знакъ и приказалъ служителямъ и варягамъ возвращаться домой.

— Уходите, теперь мнѣ недалеко,—сказалъ онъ,—я доѣду одинъ.

— Осмѣлюсь доложить тебѣ, свѣтлѣйшій протопроедръ, — возразилъ одинъ изъ служителей, — это не безопасно, могутъ встрѣтиться злые люди.

— Ничего, я люблю опасность.

— Какъ прикажешь,—отвѣтили не безъ удивленія варяги и служители и повернули домой.

Михаилъ постоялъ нѣсколько времени молча, пока не исчезли факелы, и затѣмъ сказалъ самымъ ласковымъ голосомъ:

— Привѣтъ тебѣ, прелестная Анастасо.

— Добрый вечеръ, свѣтлѣйшій протопроедръ,— сказала дѣвушка.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь со мной? Для тебя я не свѣтлѣйшій и не протопроедръ.

— Какъ смѣю я говорить иначе, когда ты важный сановникъ, а я—бѣдная дѣвушка, которую ты забылъ?

— Нѣтъ, я не забылъ тебя, милая Анастасо.—Михаилъ сошелъ съ коня и подошелъ къ дѣвушкѣ.—Я не забылъ тебя и вотъ тебѣ доказательство.—Онъ обнялъ ее одною рукою, продолжая держать поводъ другою, и далъ ей такой поцѣлуй, что дѣвушка сразу повѣрила его словамъ.

— Отчего же ты не видѣлся со мной цѣлый мѣсяцъ?

— Оттого, что это теперь очень трудно,—я не знаю, какъ это сдѣлать. Но подожди, имѣй терпѣніе, готовятся важныя событія и тогда все пойдетъ по-новому.

— Мнѣ страшно, Михаилъ; мнѣ кажется, что это новое будетъ дурно для меня. И такъ до меня доходятъ странные слухи. У насъ въ трактирѣ часто говорятъ о томъ, что дѣлается во дворцѣ. Можетъ быть, врутъ, но тебя поминаютъ нерѣдко.

— Тс... молчи, людей, кажется, нѣтъ, но мы на улицѣ, камни мостовой иногда слышать... Современемъ ты узнаешь все и обрадуешься. Скажи, какъ ты живешь теперь, спокойна ли ты?

— Да, съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ въ столицѣ Петра Иганата и уѣхалъ Руфини, отецъ не преслѣдуетъ меня. Но мнѣ грозитъ бѣда.

— Какая же бѣда? Скажи, и я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, ты не можешь помочь.

— Я все могу, я попрошу царя.

— Нѣтъ, не то; слушай, Михаилъ, я беременна...

— О, ужасъ!—почти вскрикнулъ Михаилъ и опустилъ руку, которой все еще обнималъ Анастасо.

— Мнѣ грозитъ позоръ, скоро всѣ узнаютъ объ этомъ.

— Однако, можетъ быть, какъ-нибудь можно избѣгнуть этой неприятности. Я посовѣтуюсь съ знающими людьми, и намъ какъ-нибудь удастся скрыть это. Я пришло сказать тебѣ, какъ поступить. А теперь поѣдемъ.

— Какъ же это поѣдемъ?

— А вотъ какъ.

Михаилъ поднялъ ее одною рукой, вскочилъ на коня и поѣхалъ, держа дѣвушку передъ собою почти на шеѣ лошади. Онъ почти ничего не говорилъ, только отъ времени до времени прижималъ къ себѣ Анастасо и цѣловалъ ее то въ лѣвую щеку, то въ губы, то въ шею. Сомнѣнія, мучившія бѣдную Анастасо цѣлый мѣсяцъ, исчезли. Она забыла о беременности и отдавалась сладкой мысли, что онъ любитъ ее и скоро настанетъ счастливая минута, когда они соединятся навѣкъ. За нѣсколько домовъ до трактира Михаилъ поцѣловалъ дѣвушку въ послѣдній разъ, ссадилъ ее съ коня на землю и, со словами: «Будь спокойна, Анастасо, Михаилъ не забудетъ тебя», — поскакалъ домой.

VII.

Евнухъ Іоаннъ проснулся въ самомъ розовомъ расположеніи духа. Казалось, все идетъ благополучно и мечта его близка къ осуществленію. А мечта эта, по его мнѣнію, не заключала въ себѣ ничего недостижимаго. Ему хотѣлось упрочить за собою власть и, не будучи императоромъ по имени, быть имъ на самомъ дѣлѣ. Іоаннъ сумѣлъ внушить къ себѣ необыкновенное довѣріе императору Роману; но времена измѣнчивы и монаршее расположеніе капризно. Было не мало придворныхъ, смотрѣвшихъ съ завистью и ненавистью на Іоанна; имъ казалось обиднымъ, что человекъ, вышедшій изъ народа, сынъ мнѣнялы, стоитъ выше ихъ, аристократовъ. Они наговаривали царю на Іоанна, и кто знаетъ, что могло выйти изъ этихъ нашептываній? Не далѣе, какъ на-дняхъ, царь призывалъ его къ допросу. На него донесли, будто онъ продаетъ мѣста и взялъ съ нѣкоего Зигавина крупную сумму за мѣсто городского судьи.

— Такъ ты просишь меня не за достойныхъ, а за тѣхъ, съ кого берешь деньги! — сурово сказалъ ему императоръ.

Іоанну стоило не малаго труда оправдаться. Царь успокоился только тогда, когда евнухъ доказалъ, что деньги онъ получилъ съ Зигавина уже послѣ назначенія его на должность и что уговора между ними не было, что, слѣдовательно, онъ получилъ подарокъ, а никакъ не взятку. Но если такіе случаи будутъ повторяться, если клеветники не оставятъ его въ покоѣ, кто знаетъ, что можетъ выйти изъ этого? Гораздо лучше устроить себѣ прочное положеніе, пока это возможно.

Онъ зналъ, что Зоя раздражена противъ Романа и влюблена въ Михаила. Чего же лучше? Надо только внушить имъ, что ум-

ный человекъ самъ распоряжается обстоятельствами. Онъ навелъ Зою на эту мысль и вчерашній разговоръ ея съ Михаиломъ былъ результатомъ этого внушенія. Однако, братъ слабохарактеренъ и способенъ въ самую важную минуту бросить все дѣло и убѣжать. Надо убѣдить его, надо доказать ему, что онъ сдѣлаетъ хорошее дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не хорошее дѣло—попасть на тронъ тому, кого придворные не хотѣли принимать въ свое общество? Это рѣдкій случай, и не воспользоваться имъ было бы безуміемъ. А разъ Михаилъ будетъ облеченъ въ порфиру, какое раздолье! Развѣ онъ станетъ заниматься дѣлами?—конечно, нѣтъ. Все будетъ въ рукахъ его перваго министра. Кто же будетъ этимъ первымъ министромъ?—конечно, онъ, Іоаннъ. Такимъ образомъ, онъ будетъ фактически царемъ.

Все это ясно, какъ дважды два четыре, и все это не можетъ не удасться; нужна только нѣкоторая осторожность. Осторожность должна заключаться, прежде всего, въ томъ, чтобы никто не подозрѣвалъ, что онъ главная пружина интриги. Инициатива должна принадлежать Михаилу; онъ долженъ быть единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Можетъ быть, проще было бы сдѣлать все за него, но не надо шутить съ опасностью. Положимъ, вступивъ на престолъ, онъ не сталъ бы преслѣдовать его за свое же счастье; но будущее неизвѣстно, а потому лучше оставаться невиннымъ въ глазахъ людей.

Іоаннъ былъ поглощенъ этими мыслями, когда къ нему вошелъ Михаилъ. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и дѣйствительно былъ крайне взволнованъ своимъ вчерашнимъ свиданіемъ съ императрицей. Отъ пронизательнаго внуха это, конечно, не ускользнуло.

— Что это ты какъ будто не веселъ?—сказалъ Іоаннъ, цѣлуя брата въ лобъ.

— Разныя мысли преслѣдуютъ меня, Іоаннъ.

— Печальные или какія другія?

— Не то чтобы печальные, а такъ, тревожные... Скажи, если дать клятву сдѣлать дурное дѣло, что лучше: совершить преступленіе или нарушить клятву?

— Вопросъ пустой, Михаилъ,—всего хуже быть клятвопреступникомъ. Но ты не мучься, не тревожься, Михаилъ. Все идетъ отлично,—вспомни предсказаніе пророчицы Досиеи. Судьбы не избѣжишь, нужно помогать ей и устранять препятствія. Не походи на женщину, не будь трусомъ. Сейчасъ придетъ ко мнѣ твой другъ Пселгъ; онъ философъ и разрѣшитъ твои сомнѣнія.

Въ галлерей, прилегавшей къ комнатѣ, гдѣ сидѣли братья, раз-
дались шаги и въ дверяхъ показался Пселль, отвѣщая низкіе
поклоны.

— Привѣтъ вамъ, свѣтлѣйшіе братья! Я радуюсь, видя васъ
въ дружескомъ единеніи. Вы напоминаете мнѣ Кастора и Пол-
лукса.

— Доброе утро, Константинъ, — отвѣтилъ Іоаннъ. — Ты пришелъ
встать, хотя меня ждетъ самодержецъ и я долженъ сейчасъ уйти.
Но за то ты можешь поговорить съ Михаиломъ, котораго мучать
разныя сомнѣнія.

Вслѣдъ за этимъ евнухъ ушелъ, оставивъ друзей наединѣ.

— Говори, свѣтлѣйшій протопродръ, — началъ Пселль, — я
радъ, если могу чѣмъ-нибудь облегчить твою душу.

— Скажу тебѣ прямо: я далъ клятву совершить страшное
дѣло.

— Какое же страшное дѣло?

— Убійство.

— Ну, что же?

— Какъ что же? развѣ можно убивать?

— Убійства бываютъ разныя: можетъ быть убійство хоро-
шее и можетъ быть дурное.

— Какое же это хорошее убійство?

— Когда на войнѣ убиваютъ врага, это не только не дурное
дѣло, это подвигъ. Когда палачъ казнить преступника, онъ со-
вершаетъ хорошее дѣло, ибо онъ освобождаетъ страну отъ злодѣя.

— Допустимъ; но если убиваютъ не на войнѣ и не казнятъ?

— И тогда убійство можетъ быть законно, если, на примѣръ,
на тебя нападаетъ убійца.

— Согласенъ; но если и этого обстоятельства нѣтъ?

— Тогда надо подробно обсудить вопросъ; всякая вещь имѣ-
етъ двѣ стороны: худую и хорошую; всякій поступокъ можетъ быть
истолкованъ и такъ, и сякъ. На примѣръ, ты обѣщаль убить, — въ-
роятнo, ты сдѣлаешь этимъ кому-нибудь удовольствіе.

— Разумѣется.

— Разъ какой-нибудь фактъ доставляетъ удовольствіе, онъ
не можетъ быть названъ зломъ, ибо удовольствіе доставляетъ
только добро. Возьми, на примѣръ, болѣзнь, которая есть безуслов-
ное зло, — доставляетъ ли она кому-нибудь удовольствіе? Затѣмъ,
спрашивается, не принесетъ ли фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, поль-
зу тебѣ самому?

— Несомѣнно, и громадную.

— Слѣдовательно, мы можемъ приравнять это къ убійству на войнѣ и къ казни, ибо освобожденіе отъ злодѣя и непріятеля—это польза. Скажи еще, кому далъ ты обѣщаніе?

— Разъ пошло на откровенность, скажу и это: царственной особѣ.

— Вотъ, видишь ли, Михаилъ: послушаться царственную особу—это преступленіе. Такимъ образомъ, если ты нарушишь клятву, ты совершишь сразу два преступленія. Если же исполнишь обѣщанное, доставишь удовольствіе и принесешь пользу. Осмѣлюсь сказать тебѣ еще одну вещь, свѣтлѣйшій протопродръ, хотя она, можетъ быть, тебя и не касается. Вспомни, что помазаніе на царство смываетъ всѣ грѣхи; это всѣми признано со временъ патріарха Полевкта, вотъ уже сто лѣтъ.

— Какъ? что это значить?—спросилъ удивленный Михаилъ, ничего не слыхавшій объ этомъ догматѣ.

— Это значить, что священнымъ дѣйствіемъ миропомазанія прощаются царю всѣ совершенные имъ раньше грѣхи и царь вступаетъ на престолъ существомъ чистымъ и безгрѣшнымъ.

— Если, напримѣръ, онъ совершилъ убійство?...

— Всякое преступленіе прощается ему. Будь здоровъ, свѣтлѣйшій протопродръ, мнѣ время идти въ приказъ и заниматься дѣлами.

Пселль поклонился и вышелъ, очень довольный своимъ разговоромъ. Онъ исполнилъ свое дѣло. Недаромъ же онъ учился риторикѣ, —искусству, которымъ, по его мнѣнію, можно было убѣждать въ чемъ угодно. Онъ обѣщаль евнуху Іоанну подѣйствовать на его брата въ указанномъ смыслѣ. Онъ отлично зналъ, какая интрига ведется во дворцѣ, и считалъ нужнымъ содѣйствовать ей. Лично онъ ничего не имѣлъ противъ императора Романа, но разъ самые сильные люди обратились противъ самодержца, разъ они нуждаются въ его помощи, было бы безуміемъ не способствовать ихъ планамъ. Все равно, интрига такъ или иначе будетъ приведена въ исполненіе, Романа не спасешь. Если же онъ откажется помогать имъ, ему плохо придется въ слѣдующее царствованіе. То ли дѣло, когда воцарится его старый пріятель Михаилъ!

На Михаила разговоръ Пселла подѣйствовалъ даже сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Іоаннъ. Зная, что Пселль изучилъ всевозможныя науки, онъ питалъ къ нему большое уваженіе и считалъ его непогрѣшимымъ. Въ виду убѣдительности его доводовъ должна умолкнуть совѣсть. И дѣйствительно, совѣсть Михаила замолчала.

Когда вслѣдъ за уходомъ Пселла вернулся евнухъ Іоаннъ, онъ

засталъ брата совсѣмъ въ другомъ настроеніи. Они говорили о постороннихъ предметахъ, даже не намекая на самые интересные для нихъ вопросы, но Іоаннъ понялъ, что дѣло рѣшено.

Придя домой, Михаилъ началъ размышлять о своей странной судьбѣ. Онъ вспомнилъ свои видѣнія, разные предсказанія и рѣшилъ, что онъ избранный сосудъ. Онъ далъ клятву Зоѣ, — онъ обязанъ отмстить за нее Роману. Провидѣніе избрало его въ цари, — онъ не долженъ этому противиться. Вопросъ только въ томъ, какъ это осуществить? Самое простое, конечно, прибѣгнуть къ яду. Но гдѣ достать ядъ?

Тутъ какъ нельзя болѣе кстати подвернулся Пселль. Черезъ нѣсколько дней послѣ того разговора онъ явился къ Михаилу и показалъ ему приготовленный имъ порошокъ.

— Занимаясь медициной, — сказалъ Пселль, — я изобрѣлъ вотъ этотъ удивительный порошокъ. Онъ обладаетъ весьма страннымъ свойствомъ: въ немъ почти нѣтъ никакого вкуса, онъ только нѣсколько сладковатъ и, будучи подмѣшанъ въ вино, можетъ быть выпитъ незамѣтно, а, между тѣмъ, онъ очень ядовитъ и, думается, можетъ убить человѣка. Если хочешь ближе ознакомиться съ этимъ медикаментомъ, я оставлю его у тебя.

Такимъ образомъ, какъ бы по нечаянности, въ рукахъ Михаила оказался порошокъ, обладавшій магическимъ свойствомъ отравлять людей на тотъ свѣтъ. Надо было придумать, какъ имъ воспользоваться. Но и тутъ все дѣлалось какъ-то само собою, — отъ Михаила требовалось только не препятствовать теченію обстоятельствъ.

Какъ-то въ разговорѣ братъ указалъ ему на придворнаго слугителя Алексѣя, находившагося постоянно при императорѣ и пользовавшагося полнымъ его довѣріемъ. Этотъ Алексѣй былъ аристократическаго происхожденія. Дѣдъ его принималъ участіе въ заговорѣ Варды Склира противъ царя Василія; его поймали, сослали и конфисковали его имущество. Отецъ его умеръ въ нищетѣ, и Алексѣй былъ радъ, когда его взяли во дворецъ. Но онъ не могъ забыть, что только вслѣдствіе особеннаго несчастія онъ не богатъ и не чиновенъ, а вынужденъ быть простымъ слугителемъ. Императоръ Романъ былъ вспыльчивъ и нерѣдко билъ даже любимыхъ слугъ; Алексѣй отличался щепетильностью и не выносилъ побоевъ. Поэтому онъ затаилъ въ душѣ глухую злобу противъ царя и готовъ былъ при случаѣ повредить ему.

Въ пятницу на шестой недѣлѣ поста Михаилъ былъ во дворцѣ у брата и нашелъ случай поговорить съ Алексѣемъ.

— Вѣдь, это ты, Алексѣй, — началъ онъ, — наливаешь вино царю и подносишь ему кубокъ?

— Я.

— Слыхалъ ли ты, что державный самодержецъ не такъ здоровъ, а, между тѣмъ, питая недовѣріе къ медикамъ, отказывается принимать какое бы то ни было лѣкарство?

— Слыхалъ, свѣтлѣйшій протопродръ.

— Здоровье нашего царя дорого намъ, и мы обязаны о немъ заботиться. Лучшій нашъ врачъ приготовилъ порошокъ, который возстановитъ слабѣющія силы царя. Вотъ этотъ порошокъ. Завтра за обѣдомъ подмѣшай его въ кубокъ незамѣтно. Никому не говори объ этомъ, иначе самодержецъ можетъ прогнѣваться на насъ, что мы противъ его воли даемъ ему лѣкарства. Если же ты выполнишь благополучно мое порученіе, ты заслужишь мою благосклонность и получишь 5 золотыхъ номизмъ.

— Все будетъ исполнено, какъ ты приказалъ, свѣтлѣйшій протопродръ!

П. Безобразовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ *).

Фердинандъ Лассаль родился 11 апрѣля 1825 г. Дневникъ, изданный Полемъ Линдау, начинается съ 1 января 1840 г. и кончается въ первой половинѣ 1841 г. Дневникъ этотъ очень интересенъ и важенъ для уясненія внутренней жизни знаменитаго агитатора.

Лассаль-отецъ былъ зажиточный бреславльскій купецъ-еврей. Онъ былъ довольно суровымъ домовладыкой, въ семьѣ происходили частыя ссоры, но Фердинандъ Лассаль еще мальчикомъ занялъ такое положеніе, что его голосъ былъ, напримѣръ, рѣшающимъ въ вопросѣ о замужствѣ его старшей сестры. Лассаль обнаруживаетъ при этомъ поразительную дѣловитость и практичность, что производитъ на читателя непріятное впечатлѣніе, но объясняется, конечно, условіями среды и чрезвычайно быстрымъ умственнымъ развитіемъ мальчика. Уже въ это время мы замѣчаемъ въ дневникѣ Лассаля признаки необыкновеннаго самолюбія. Окружавшія Лассаля лица, — и мужчины, и женщины, — открыто удивлялись его дарованіямъ и говорили самому мальчику, что считаютъ его гениальнымъ. Какъ ученикъ, Лассаль былъ, разумѣется, вслѣдствіе особенностей своего задорнаго характера, изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ, — говоритъ Линдау, — смотрѣлъ на учителей бреславльской гимназіи какъ на своихъ заклятыхъ враговъ. Уроковъ Лассаль не училъ; въ его дневникѣ говорится о множествѣ разнообразнѣйшихъ предметовъ, но совсѣмъ не упоминается о домашней работѣ для гимназіи. Наконецъ, Лассаль самъ настоялъ на томъ, чтобъ отецъ отправилъ его въ лейпцигское коммерческое училище. Въ это время мы не замѣчаемъ въ Лассалѣ той неутолимой жажды знанія, той способности къ упорной работѣ, которая ха-

* *Ferdinand Lassales Tagebuch (Nord und Süd, april 1891).*

рактизируютъ этого удивительнаго человѣка. Мальчикъ-Лассаль ведетъ разсѣянную и нелѣпую жизнь, играетъ въ карты, на бильярдѣ, шляется по бреславльскимъ кондитерскимъ. Самъ Лассаль, отмѣчая въ дневникѣ свои проступки, упрекаетъ себя въ легкомысліи, но прибавляетъ, — и это совершенно справедливо, — что въ глубинѣ сердца онъ былъ хорошимъ мальчикомъ, искренно и горячо любившимъ своихъ родителей. Линдау говоритъ, что Лассаль обнаруживалъ уже и въ эти годы способность къ нѣжной привязанности и къ великодушнымъ поступкамъ. Лассаль отличался, кромѣ того, необычайною горячностью и страстностью. Его дневникъ отъ начала до конца отличается прямою и честностью.

Въ апрѣльской книжкѣ *Отвера и Юга* напечатано начало дневника. Линдау говоритъ, что слѣдующая часть имѣетъ большее значеніе. Но и въ первой мы видимъ любопытную борьбу: заносчивый, легкомысленный ребенокъ обнаруживаетъ разсудительность взрослого человѣка, чрезвычайную прямоту и силу характера, способность къ глубокой, неукротимой ненависти и къ не менѣе глубокой любви. Передъ нами находится уже въ зародышѣ могучій трибуна, дѣятельность котораго оставила такой необыкновенный слѣдъ въ социальнo-политической исторіи германскаго народа.

Свой дневникъ Лассаль начинаетъ заявленіемъ, что въ эту тетрадь будутъ занесены все его поступки, все ошибки, все добрыя дѣла, съ ихъ мотивами, съ полнѣйшею добросовѣстностью и прямою. Мы упоминали уже, что дневникъ, дѣйствительно, отличается этими качествами, и нельзя не удивляться тому, какъ ведетъ его пятнадцатилѣтній мальчикъ. Онъ взялъ своимъ *motto* шиллеровскія слова о стремленіи къ истинѣ и такъ объясняетъ нравственное значеніе своего дневника: «Для каждаго человѣка весьма желательно узнать собственный характеръ. Если заносить въ дневникъ свои дѣйствія и разговоры, то всякій, не ослѣпленный самолюбіемъ, вынесетъ такое знаніе». «Если я, — продолжаетъ Лассаль, — совершилъ дурное дѣло, то развѣ я не покраснѣю, отмѣчая его въ дневникѣ? И не покраснѣю ли я еще болѣе, когда потомъ перечту это?»

Уже изъ этихъ словъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ дневникомъ совершенно исключительнаго мальчика, у котораго многому могутъ поучиться взрослые люди обыкновенныхъ способностей.

Перваго января 1840 года Лассаль разсуждаетъ о томъ, извинительно ли нарушеніе имъ отцовскаго запрещенія играть на бильярдѣ. Мальчикъ признаетъ свою ошибку: онъ не исполнилъ слѣпо воли отца. Но чего опасался послѣдній? Увлеченія, страсти къ игрѣ, а страсть эта прошла и не вернется, потому что ни одна

страсть, кромѣ любви, не овладѣваетъ во второй разъ сердцемъ человѣка. Такимъ образомъ, нарушая запрещеніе формально, Лассаль не нарушаетъ его смысла и дѣйствуетъ во имя того, что

Der Buchstabe tödtet,
Der Geist macht lebendig *).

Прямодушіе, впрочемъ, заставляетъ Лассалья прибавить: «Правъ я или не правъ, такъ поступаю,—не знаю самъ».

Заносчивый, приходившій въ безумную ярость, мальчикъ всегда уступалъ ласковымъ просьбамъ любимаго и любящаго отца и говорить о немъ въ дневникъ въ самыхъ почтительныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ. 12 января по одному такому поводу Лассаль пишетъ, что охотно послушался просьбы,—не то бы было, еслибъ отдано было строгое приказаніе. Добротою вообще мною легко управлять,—прибавляетъ мальчикъ. Однажды, сильно наказанный отцомъ, Фердинандъ твердо рѣшился на самоубійство и бросился бы въ воду, если бы слѣдившій за нимъ отецъ не помѣшалъ этому. Добрыя и злыя наклонности, нѣжность и ярость, ненависть къ несправедливости и непомянутое самомиѣніе безпрестанно сталкиваются въ молодомъ Лассалѣ и наводятъ на мысль, какъ много хорошихъ, выдающихся людей могутъ быть сбиты съ толку въ этотъ переходный возрастъ или суровостью, или разными соблазнами. Уже въ эти годы мы замѣчаемъ у Лассалья страстную преданность идеѣ, беззаветную готовность самопожертвованія ради того, что онъ находитъ высокимъ и святымъ. 2 февраля мальчикъ передаетъ свой разговоръ съ товарищемъ о смерти, загробной жизни, юдаизмѣ. Лассаль пишетъ, что онъ, какъ еврей въ бульверовскомъ романѣ *Лила*, способенъ рисковать жизнью для того, чтобы вывести евреевъ изъ ихъ тягостнаго современнаго положенія. «Меня не устрашилъ бы даже эшафотъ,—прибавляетъ Лассаль,—еслибъ я могъ опять сдѣлать ихъ уважаемымъ народомъ». Дѣтскою мечтой знаменитаго агитатора было завоевать, съ оружіемъ въ рукахъ, во главѣ евреевъ, ихъ былую самостоятельность.

Въ одну несчастную минуту Лассаль сильно расшибся. Особенно пострадалъ его носъ. Это наводитъ мальчика на печальныя размышленія. Если носъ будетъ изуродованъ навсегда, то Лассаль станетъ избѣгать женскаго общества, потому что тамъ ему будетъ непременно приходиться въ голову мысль: сколько побѣдъ ты отпраздновалъ бы, еслибъ не этотъ проклятый случай! На ряду съ

*) Буква убиваетъ, духъ животворитъ.

такими стремленіями мы видимъ у Лассалья постоянное увлеченіе игрою, хотя увлеченіе это не чуждо разсчета, и зильбергроши такъ и мелькаютъ въ дневникѣ. Въ немъ чередуются подобныя отмѣтки: «Послѣ обѣда читалъ *Демокрита* К. Ю. Вебера. Дѣйствительно превосходная книга. Потомъ игралъ съ матерью въ экарте и выигралъ пять зильбергрошей. Д-ръ Гуттентагъ увѣрилъ меня, что опухоль моего носа пройдетъ безслѣдно, и запретилъ мнѣ выходить».

Въ рукахъ Лассалья побывали и сочиненія Виланда, и романы Поль де-Кога. Учился онъ, какъ мы упоминали, плохо, поддѣлывалъ на своихъ отмѣтныхъ тетрадяхъ подписи матери и отца, но большую часть отвѣтственности за все это должны нести школа и отчасти семья. Ни одинъ учитель не сумѣлъ заинтересовать Лассалья своимъ предметомъ, не сумѣлъ или не захотѣлъ привязать къ себѣ этого отзывчиваго и дѣйствительно въ глубинѣ сердца добраго мальчика. Нѣкоторые учителя находили даже особенное удовольствіе въ томъ, чтобы унижать и раздражать въ классѣ Лассалья, и онъ не безъ основанія приводитъ въ дневникѣ извѣстный стихъ Овидія, относя этотъ стихъ къ собственному положенію: «я варваръ здѣсь, потому что меня никто не понимаетъ». Лассаль по шестнадцатому году читалъ Шекспира, и читалъ съ большимъ пониманіемъ. Едва ли на это былъ способенъ кто-либо изъ его товарищей по гимназіи. Съ какимъ жаромъ, съ какою страстью Лассаль молится о томъ, чтобы его обманъ (поддѣлка подписи матери и отца) былъ первымъ и послѣднимъ, какія муки испытываетъ онъ при объясненіи съ отцомъ!

Въ слѣдующей части дневника мы увидимъ Лассалья уже въ лейпцигской коммерческой школѣ.

В. Г.

Валуевская коммиссія *).

Мы рассмотрѣли въ первой статьѣ запасъ данныхъ, поступившихъ въ распоряженіе коммиссіи 1872 года. При составленіи ею свода мѣръ, предлагавшихся съ разныхъ сторонъ для устраненія недостатковъ тогдашняго положенія сельско-хозяйственной промышленности **), общій итогъ такихъ мѣръ дошелъ до 284, и нельзя не отмѣтить, что въ числѣ ихъ не мало было такихъ, которыя и въ позднѣйшее время выдавались въ русской печати за нѣчто новое и представляющее собою якорь спасенія. Такъ, наприм., указывалось на необходимость назначенія болѣе удобныхъ сроковъ для взиманія податей и разныхъ сборовъ; на всевозможное ограниченіе продажи крестьянскаго имущества за недоимки ***); на отиѣну круговой поруки и измѣненіе 165 ст. пол. о выкупѣ; на выдачу рабочимъ безденежныхъ паспортовъ и на учрежденіе для нихъ специальной эмеритальной кассы; на скорѣйшее введеніе ипотечной системы; на устройство банковъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для выдачи краткосрочныхъ ссудъ подъ залогъ сельско-хозяйственной движимости и земледѣльческихъ продуктовъ; на безошляпный пропускъ изъ-за границы лучшихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ и на пониженіе для нихъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ; на уменьшеніе акциза съ вина для сѣверныхъ губерній и на поднятіе мелкихъ виноку-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) Прил. III.

***) Не неугодно замѣтить здѣсь, что такое ограниченіе существуетъ въ нашемъ законодательствѣ, но только не всегда и не вездѣ примѣняется съ должною осмотрительностью: въ 154 ст. пол. учр. крест. прямо сказано, что „въ дѣлахъ по взыскапію податей, выкупныхъ платежей и оброковъ соблюдаются слѣдующія правила:... 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-либо сельскомъ обществѣ накопится недоимка свыше сумми полугодового олада, губернаторъ, поручая уѣздовой полиціи немедленное взысканіе недоимокъ, если сіе, по средствамъ крестьянъ, возможно безъ изъ разоренія, вѣстѣ съ тѣмъ обязанъ указать ей, какая именно изъ допускаемыхъ мѣръ взысканія должна быть принята“. Парализація этого закона была, какъ извѣстно, прямымъ послѣдствіемъ установленія специальныхъ наградъ за успѣшное взысканіе казенныхъ сборовъ, откуда и произошло нерѣдкое явленіе, что не успѣвъ крестьянинъ домогаться собраннаго зерна, какъ уже сборщики и полиція гонятъ его на рынокъ, въ самый разгаръ дешевыхъ хлебныхъ дѣвъ.

ренныхъ заводовъ; на распредѣленіе питейнаго дохода по губерніямъ, съ возложеніемъ обязанности вносить таковой въ казну на мѣстныхъ земства и съ передачей имъ же права регулировать питейную торговлю по своему усмотрѣнію, но съ безусловнымъ воспрещеніемъ одному лицу держать болѣе извѣстнаго числа питейныхъ заведеній и съ установленіемъ строгаго наказанія за пьянство; на открытіе земскихъ учрежденій и въ западныхъ губерніяхъ; на всевозможныя улучшенія проѣзжихъ дорогъ и въ особенности водныхъ сообщеній; на скорѣйшее изданіе правилъ о пользованіи проточными водами и на уничтоженіе привилегій разныхъ городовъ взимать произвольную плату за причалъ хлѣбныхъ судовъ къ пристанямъ; на необходимость собиранія точныхъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи сельско-хозяйственной промышленности; на учрежденіе отдѣльнаго «министерства народнаго хозяйства», инспекцій сельскаго хозяйства и мѣстныхъ по губерніямъ агрономовъ и проч., и проч., и проч. Въ какой мѣрѣ коммиссія или, вѣрнѣе, предсѣдатель ея воспользовались этими указаніями, видно изъ слѣдующихъ положеній и пожеланій, высказанныхъ въ ея докладѣ:

I. Относительно *общаго положенія сельскаго хозяйства* докладомъ этимъ установлено, что 1) хотя производительныя силы Россіи вообще значительно увеличились въ истекшее двадцатилѣтіе, но, тѣмъ не менѣе, современное положеніе сельскаго хозяйства и сельской производительности представляетъ многіе и разные недостатки, къ устраненію которыхъ необходимы и разнообразныя мѣры, какъ общія, такъ и частныя; 2) что для принятія этихъ мѣръ необходимо содѣйствіе правительства; 3) что «однимъ изъ видовъ этого содѣйствія должно быть движеніе законодательства по тѣмъ вопросамъ, которые не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ путемъ законодательнымъ»; 4) что «въ настоящемъ дѣлѣ, въ виду тѣсной связи между разными формами и условіями производительности страны, нельзя ограничиться тѣснымъ кругомъ собственно-агрономическихъ интересовъ»; 5) что «для успѣха необходимо дружное содѣйствіе разныхъ вѣдомствъ» *); 6) что неизбежны правительственныя затраты и пожертвованія, но 7) что

*) Четвертый и пятый пункты этого заключенія коммиссія представляютъ собою не болѣе, какъ перифразъ высочайше утвержденнаго 23 декабря 1838 года положенія комитета министровъ, гдѣ проводилась та же безспорная истина, что «промышленное развитіе государства возможно лишь подъ условіемъ настойчивыхъ и въплоть солидарныхъ усилій всѣхъ вѣдомствъ». Если за всѣмъ тѣмъ коммиссія нашла нужнымъ повторить эту истину, то, очевидно, сдѣлала это или потому, что признавала ее забытою, или потому, что желала «дружнымъ содѣйствіемъ разныхъ вѣдомствъ» замаскировать рекомендованную ей мысль о *министерствѣ народнаго хозяйства*. Въ пользу втораго предположенія очень много говоритъ тотъ упомянутый раньше фактъ, что не задолго до учрежденія коммиссіи 1873 года въ средѣ русскихъ хозяевъ сильно пропагандировалась, воскрешенная I. Н. Шатиловымъ въ Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, мысль графа Мордвинова о необходимости особаго «министерства сельскаго хозяйства», которое, именно, «въ виду тѣсной связи между разными формами и условіями производительности страны», самымъ естественнымъ образомъ переродилось въ 1872 году въ *министерство народнаго хозяйства*.

они будут иметь производительный характер и с избытком могут вознаграждаться впоследствии; 8) что «принятие мѣръ слишкомъ торопливыхъ (?) неудобно и не можетъ обезпечить прочныхъ успѣховъ; но что для успѣха тѣхъ мѣръ, на которыя правительство рѣшится, нужно, при данныхъ обстоятельствахъ (?), послѣдовательное и настойчивое приѣмленіе принятыхъ мѣръ»; 9) что «развитію сельской производительности и возвышенію доходности сельскихъ хозяйствъ несомнѣнно способствуютъ и улучшенные техническіе приемы, и усовершенствованныя орудія, и употребленіе машинъ, и введеніе плодосмѣнныхъ системъ тамъ, гдѣ оно оказывается возможнымъ; но что по всѣмъ этимъ предметамъ нельзя (?) устанавливать ни общихъ правилъ, ни оказывать прямого вліянія на самостоятельную дѣятельность частныхъ хозяйствъ»; 10) что разные способы поощренія и воспособленія (школы, музеи, склады, выставки и преміи) «могутъ быть признаны полезными и желательными въ извѣстныхъ предѣлахъ (?) и при соблюденіи извѣстныхъ практическихъ условій (?) и что въ особенности въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ полезно обратить вниманіе на практическія занятія учащихся»; 11) что желательно поощреніе и развитіе специальныхъ культуръ, особенно соотвѣтствующихъ благоприятнымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей, и 12) что «въ высшей степени желательно ближайшее участіе духовенства въ дѣлѣ распространенія началъ нравственности и трудолюбія въ народѣ и что призывъ къ тому духовенства именемъ правительства могъ бы принести существенную пользу» *). Простой перечень этихъ катехизическихъ положеній ясно указываетъ, какъ далеко разошлись они, даже принципиально, съ достопамятнымъ предложеніемъ графа Киселева отъ 12 марта 1851 года департаменту сельскаго хозяйства. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя «заботы о развитіи и усовершенствованіи сельскаго хозяйства между всѣми сословіями имперіи» были возложены на министерство государственныхъ имуществъ при самомъ его учрежденіи, но очень долго оно держалось того воззрѣнія, что на этомъ поприщѣ нельзя дѣйствовать прямо, а можно и должно вліять лишь окольными путями, которые и строило, главнымъ образомъ, на основаніи разныхъ теоретическихъ соображеній или по мало-пригоднымъ заграничнымъ образцамъ. Глубокая ошибочность такого воззрѣнія стала ясна графу Киселеву послѣ того, какъ личное знакомство съ бельгійскими хозяйствами привело его къ убѣжденію, что «главнымъ двигателемъ достигнутаго тамъ совершенства было именно само правительство» и что такая благодарная задача не непосильна уже и министерству государственныхъ имуществъ, разъ оно успѣло закончить дѣла по организаціи управленія, по устройству специальныхъ учебныхъ заведеній и по составленію разныхъ меліорационныхъ капиталовъ. Всю жизнь свою принадлежа къ числу тѣхъ нашихъ государственныхъ людей, девизомъ которыхъ было «знать чего хотѣть и неуклонно идти къ поставленной цѣли», графъ Киселевъ 12 марта

*) Докладъ, стр. 42.

1851 года послалъ департаменту сельскаго хозяйства достопамятное предложение приступить къ положительнымъ дѣйствіямъ по улучшенію сельскаго хозяйства въ Россіи и въ этихъ видахъ составить подробную программу будущихъ дѣйствій, наметивъ въ ней какъ органы, чрезъ которые придется дѣйствовать, и самые способы воздѣйствія, такъ и предметы, на которые слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Главнымъ центральнымъ органомъ, по мысли графа Киселева, долженъ былъ оставаться департаментъ сельскаго хозяйства; въ губерніяхъ же необходимы инспекціи сельскаго хозяйства, изъ коихъ южная уже имѣлась, юго-восточная учреждалась и, затѣмъ, предстояло устроить сѣверо-восточную, западную и центральную; ихъ дополнять Горыгорецкій институтъ, учебныя фермы, образцовыя усадьбы, садовыя заведенія и разныя техническія учрежденія. Надо поставить учебныя фермы (писалъ графъ Киселевъ) въ такое положеніе, чтобы для частныхъ хозяевъ онѣ представляли собою образцы усовершенствованнаго хозяйства по всѣмъ отраслямъ, свойственнымъ данной мѣстности, и чтобы хозяева могли приобретать на нихъ всякаго рода посѣвныя сѣмена, улучшенныя земледѣльческія орудія и племенной скотъ. Инспекторы должны составлять на каждый годъ планъ занятій, вводить улучшения последовательно и съ расчетомъ на очевидную ихъ выгодность, дабы этимъ приобрести довѣріе даже у крестьянъ, наприм., осушать болота, проводить проселочныя дороги, устраивать пристани, разводить сады, огороды, табакъ и т. п., заботясь особенно о томъ, чтобы расширеніемъ круга мѣстныхъ занятій, улучшеніемъ производствъ и облегченіемъ сбыта увеличить самую доходность крестьянскаго хозяйства, не заставляя поселянъ искать заработка вдали отъ дома и семьи. По различію губерній различны должны быть и предметы заботъ: въ губерніяхъ промысловыхъ, съ богатымъ населеніемъ, надо изслѣдовать виды промысловъ, указать, въ чемъ ихъ слабыя стороны и какъ ихъ исправить, при помощи мірскихъ капиталовъ и сельскихъ банковъ, надо содѣйствовать учрежденію мелкихъ фабрикъ, выставокъ и ярмарокъ, постройкѣ мельницъ, распространенію сѣти хорошихъ дорогъ, разведенію садовъ, огородовъ и т. п., поощряя все это преміями и наградами; въ губерніяхъ земледѣльческихъ многоземельныхъ, гдѣ при урожаѣ хлѣбъ не имѣетъ цѣны, а при недородѣ истощаются всѣ запасы и народъ бѣденъ, нужны агрономическія улучшенія, расширеніе скотоводства, насажденіе доступныхъ промысловъ, посѣвы свекловицы, табаку, мака, горчицы, подсолнечника, выдѣлка изъ нихъ сахару, сиваръ и масла, разведеніе льна и пеньки, приготовленіе полотенъ и веревокъ и т. д. Нужно воспользоваться при этомъ и содѣйствіемъ духовнаго вѣдомства, которое уже въ 1849 году готовило на мѣста сельскихъ священниковъ 4,700 чело-вѣкъ, ознакомленныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ,—преміями, пособіями и ссудами можно привлечь къ общей работѣ съ министерствомъ какъ этихъ лицъ, такъ и другихъ техниковъ и капитальныхъ людей. Наконецъ, въ губерніяхъ земледѣльческихъ малоземельныхъ и съ плохю почвою инспекція должна сдѣлаться почти опекуномъ надъ хозяйствомъ крестьянъ, пополнить

ихъ надѣлы, отдать всѣ оброчныя статьи на условіи ежегоднаго возвышенія оброчной платы не болѣе, какъ на одинъ процентъ; всѣ улучшенія вводить за счетъ хозяйственнаго капитала, съ возвратомъ, или даже безъ возврата, давать ссуды на покупку хорошаго скота, сѣмянъ, орудій, торговыхъ ратеней и т. п. Сверхъ того, всѣ инспекціи должны обратить самое заботливое вниманіе на мѣстныя минеральныя богатства, привести ихъ въ извѣстность и озаботиться возможною разработкой строительныхъ и горючихъ матеріаловъ: мраморъ въ Олонецкой губерніи и каменный уголь на югѣ Россіи были открыты случайно, а, между тѣмъ, всѣ ученые указываютъ на изобиліе Россіи въ этомъ отношеніи. Предложеніе свое графъ Киселевъ закончилъ напоминаніемъ, что въ исчисленныхъ указаніяхъ своихъ онъ видитъ *только канву* и ждетъ дальнѣйшей разработки «отъ ученаго комитета, съ непремѣннымъ условіемъ опредѣлить по каждому предмету цѣль, средства и контроль, дабы министерство всегда знало, что уже сдѣлано и что остается дѣлать». Не подлежитъ сомнѣнію, что будь исполнена хоть частица только этой «канвы», наше сельское хозяйство давно уже достигло бы очень видныхъ успѣховъ.

II. Относительно *скотоводства*. Въ виду того, что за истекшія 15 лѣтъ оно количественно въ Россіи уменьшилось, а качественно ухудшилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка луговъ и пастбищъ, сокращенія числа винокуренныхъ заводовъ и дороговизны соли, комиссія 1872 года полагала необходимымъ: 13) «составить и ввести въ дѣйствіе законодательнымъ порядкомъ опредѣлительныя правила о спускѣ воды чрезъ чужія земли, о правѣ провода ирригаціонныхъ водъ, о правѣ пользованія водами въ дачахъ смежныхъ владѣльцевъ и о составленіи частныхъ товариществъ, обществъ или компаній для такихъ предпріятій по осушенію и обводненію земель, которыя не соответствовали бы средствамъ частныхъ предпринимателей»; 14) оказывать правительственное покровительство, поощреніе и по мѣрѣ возможности даже воспособленіе такимъ предпріятіямъ; 15) подавать въ большихъ, чѣмъ доселѣ, размѣрахъ приѣмъ такихъ предпріятій на казенныхъ земляхъ и содѣйствовать распространенію нужныхъ по этой части техническихъ знаній; 16) поощрять разведеніе искусственныхъ кормовыхъ средствъ, облегчая частнымъ хозяевамъ возможность пріобрѣтенія нужныхъ для того сѣмянъ; 17) оказать возможныя облегченія винокуреннымъ заводамъ среднихъ и малыхъ размѣровъ, содержащихъ преимущественно для извлеченія изъ нихъ кормовыхъ средствъ»; 18) рассмотреть вопросъ о возможномъ пониженіи цѣны на соль; 19) усилить содѣйствіе улучшенію породъ скота какъ содержаніемъ расовыхъ стадъ или расадниковъ при казенныхъ фермахъ, такъ и посредствомъ раздачи благонадежнымъ хозяевамъ хорошихъ производителей, соображаясь съ условіями разныхъ мѣстностей, содѣйствуя развитію той породы, кака для данной мѣстности наиболѣе пригодна, и озабочиваясь разведеніемъ мясныхъ породъ въ мѣстахъ, ближайшихъ къ главнымъ потребительнымъ рынкамъ, какъ, наприм., для столицъ въ губерніяхъ Нов-

городской, Псковской, Тверской и др.; 20) обратить особенное вниманіе на устройство случныхъ конюшенъ для разведенія породы собственно рабочихъ лошадей; 21) содѣйствовать учрежденію небольшихъ, но часто и во многихъ мѣстахъ повторяющихся скотскихъ выставокъ и аукционовъ; 22) продолжать воспособленія дѣлу сыроваренія; 23) озаботиться всестороннимъ улучшеніемъ ветеринарной части, обезпечивъ положеніе ветеринаровъ, и устроить школы для ветеринарныхъ фельдшеровъ; 24) не считая вопроса о чумопрививаніи окончательно рѣшеннымъ, продолжать наблюденія и опыты надъ степными породами рогатаго скота; 25) рассмотреть вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ у насъ могло бы быть введено страхованіе скота, добровольное или обязательное, и 26) по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, установить опредѣлительныя правила объ улучшенныхъ способахъ перевозки скота по желѣзнымъ дорогамъ и о старательномъ содержаніи его въ пути *).

Достойно замѣчанія, что по поводу 13 пункта однимъ изъ представителей министерства государственныхъ имуществъ (тайнымъ совѣтникомъ Нееловымъ) было, въ видѣ справки, сообщено, что «проектъ закона объ осушеніи и орошеніи и вообще о пользованіи проточными водами уже составленъ, находится на заключеніи земскихъ собраній и, по полученіи отъ нихъ отзывовъ и замѣчаній, будетъ представленъ въ законодательномъ порядкѣ на утвержденіе». При этомъ предсѣдатель лифляндскаго общества сельскаго хозяйства *А. О. Миддендорфъ*, возобновивъ предъ комиссіей просьбу объ установленіи правилъ насчетъ отвода водъ чрезъ земли сосѣднихъ владѣній, объяснилъ, что «лифляндское экономическое общество давно уже составило проектъ такихъ правилъ и лѣтъ двѣнадцать тому назадъ представило его въ министерство внутреннихъ дѣлъ; но намъ свазали, что нужно ждать, пока выработается общій проектъ для всей Россіи, и, такимъ образомъ, мы не получали возможности устранить эти неудобства у себя, отчего и происходятъ большія потери. Мой собственный лѣсъ (говорилъ онъ), вслѣдствіе производимыхъ городомъ Перновымъ осушеній, наводненъ до того, что я не могу даже рыть канавъ; а, между тѣмъ, на меня же жалуются ниже живущіе крестьяне» **). Съ своей стороны эстляндскій землевладѣлецъ *баронъ К. Н. Корфъ* заявилъ, что искусственные луга съ орошеніемъ и удобреніемъ устраиваются въ Эстляндіи съ большимъ успѣхомъ, но только тамъ, гдѣ не нужны крупныя затраты, «чаще же всего землевладѣльцы останавливаются передъ такими затратами либо по общности владѣнія нѣсколькихъ сосѣдей низменностью, подлежащею осушенію, либо по недостатку капиталовъ; въ Пруссіи (объяснилъ онъ) правительство держитъ для этой цѣли особыхъ инженеровъ, которые, по ходатайству владѣльцевъ, производятъ нивелировку и выработываютъ полный проектъ, а на его основаніи правительство выдаетъ долгосрочныя ссуды на сход-

*) Тамъ же, стр. 43—44, и журналъ № 41.

***) Прил. VI, ч. II, стр. 61.

ныхъ условіяхъ, и затѣмъ всѣ работы производятся подѣ наблюдениемъ ирравительственнаго инженера и заинтересованныхъ сторонъ». Техники въ Эстляндіи (закончилъ баронъ) есть, но правилъ и капиталовъ нѣтъ *). Курскій землевладелецъ *А. А. Ребиндеръ*, въ доказательство крайней необходимости закона о пользованіи проточными водами для орошенія полей, указалъ на случай, имѣвшій мѣсто въ Орловской губерніи, гдѣ, по заявленію о портѣ воды сахарнымъ заводомъ, мировой судья оштрафовалъ заводчика и обязалъ его отвести воду, тогда какъ, по мѣстной обстановкѣ, это равнялось совершенному закрытію завода **). Херсонскій губернский предводитель дворянства *Е. Я. Эрдели* объяснилъ, что на югѣ, гдѣ нерѣдко минутный всесожигающій ураганъ уничтожаетъ всѣ посѣвы, орошеніе не только совершенно необходимо, но, благодаря такимъ рѣкамъ, какъ Днѣпръ, Бугъ и Ингулъ, вполне осуществимо и могло бы быть очень выгодно какъ для хозяевъ, такъ и для общества, которое бы затѣяло его; «мы употребили бы всѣ средства (говорилъ онъ), если бы только явилась инициатива правительства или компаній» ***).

Какъ бы въ наглядное подтвержденіе выгоды подобныхъ предпріятій, на Волгѣ явились тогда же и частные инициаторы, которые, послѣ крупныхъ затратъ на изысканія и опыты, увѣнчавшіеся блестящимъ успѣхомъ, уже въ 1872 году представили въ министерство государственныхъ имуществъ проектированный уставъ *Общества ирригации Самарской и Саратовской губерній*, причеиъ, не требуя ни отъ правительства, ни отъ земствъ, ни отъ самихъ землевладельцевъ никакихъ субсидій и гарантій (тогда какъ даже въ Англіи, гдѣ не гарантируются ни акціи, ни облигаціи желѣзныхъ дорогъ, почти всѣ ирригаціонныя сооруженія гарантированы), выражали готовность принять весь рискъ предпріятія на себя и производить необходимыя работы по соглашеніямъ съ заинтересованными въ дѣлѣ сторонами. Совѣтъ министра государственныхъ имуществъ не затруднился, по поводу этого предпріятія, признать, что «введеніе искусственнаго орошенія земель составляетъ самую настоятельную потребность нашихъ южныхъ губерній и что поощреніе частной въ этомъ дѣлѣ предпринимчивости составляетъ въ извѣстной степени обязанность правительства». Вслѣдъ затѣмъ и самъ министръ, при представленіи этого дѣла въ комитетъ министровъ, высказался въ томъ смыслѣ, что «устройство искусственнаго орошенія въ степныхъ мѣстностяхъ Россіи составляетъ жизненную потребность для сельскаго хозяйства и промышленности; что хотя для восполненія хозяевамъ въ этомъ дѣлѣ и указанія способовъ производства обводнительныхъ сооруженій министерство производитъ нѣкоторыя обводнительныя работы въ Крыму ****), но потребность въ ирригаціонныхъ соору-

*) Тамъ же, ч. I, стр. 78 и 74.

**) Тамъ же, ч. II, стр. 142.

***) Тамъ же, стр. 149.

****) Тогда еще не было извѣстно, что начатны съ 1867—68 годовъ работы въ Крыму по завѣщанію русла р. Салгира и ключей около Магарача, а также по буренію артезиан-

женіяхъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ощущается, можетъ быть удовлетворена только при возбужденіи къ этому дѣлу частной предприимчивости и частныхъ капиталовъ; что если, въ виду недостаточнаго вообще развитія у насъ предприимчивости, всякая частная инициатива въ столь важномъ и сложномъ дѣлѣ не можетъ не заслуживать поддержки правительства, то такой поддержки должно бы заслуживать и образуемое нынѣ общество, представляющее собою первый примѣръ соединенія частныхъ лицъ и капиталовъ для производства ирригаціонныхъ работъ въ обширныхъ размѣрахъ». Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, признавалъ возможнымъ, въ видахъ поощренія названнаго общества, предоставить ему даже привилегію исключительнаго въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ дѣйствія въ двухъ или трехъ губерніяхъ; ибо «если (писалъ онъ) каждой желѣзной дорогѣ, хотя бы она имѣла только мѣстное значеніе, и каждому городскому управленію, при проложеніи или расширеніи улицъ и площадей, дается право отчужденія необходимыхъ для того частныхъ имуществъ, то едва ли можетъ быть какое-либо уважительное основаніе къ отказу въ этомъ обществу ирригаціи въ Россіи, предпріятіе котораго имѣетъ несомнѣнно государственное значеніе». Съ такими вѣрными, повидимому, шансами на успѣхъ проектъ названнаго устава, по разсмотрѣніи его въ комитетѣ министровъ, былъ препровожденъ въ 1874 г. къ государственному секретарю, для внесенія его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Здѣсь опять министръ внутреннихъ дѣлъ высказался въ томъ смыслѣ, что, «хотя, въ виду настоятельной потребности въ искусственномъ орошеніи земель въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, едва ли было бы соотвѣтственно отказывать разрѣшеніе проектируемаго для сей цѣли общества впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ общихъ правилъ объ орошеніи и осушеніи земель, а также о пользованіи водами, но за всѣмъ тѣмъ нельзя бы, кажется, не озаботиться о скорѣйшемъ по возможности введеніи помянутыхъ правилъ и въ особенности нынѣ, когда уже образуется общество для устройства ирригаціи». Министръ путей сообщенія съ своей стороны призналъ, что «орошеніе безводныхъ или маловодныхъ мѣстностей нашего отечества, какъ мѣра, непосредственною цѣлью

скаго колодца въ степной части полуострова послужать для хозяевъ развѣ только доказательствомъ того, какъ не *слѣдуетъ* производить подобныхъ работъ: дѣло въ томъ, что, по указаніямъ особой экспедиціи изъ специалистовъ по лѣсной, гидротехнической и геологической частямъ, произведшей нарочитое изслѣдованіе Крымскаго полуострова, было въ 1868 году приступлено на избранномъ мѣстѣ, у станціи Айбарн, къ буренію артезианскаго колодца, который съ глубины 200 сажень долженъ былъ давать отъ 300 до 400 тысячъ ведеръ воды въ сутки. Въ дѣйствительности буреніе продолжалось девять лѣтъ, достигло 878 сажень глубины, до которой не достигалъ ни одинъ изъ существующихъ въ мірѣ артезианскихъ колодцевъ, но до водоноснаго пласта не дошло, почему государственный совѣтъ отказалъ въ дальтѣйшемъ отпускѣ средствъ на столь безплодную, но дорого стоящую работу (140,000 руб.), вслѣдствіе чего онъ и былъ прекращенъ (*Очеркъ 50-ти лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ*. Сиб., 1887 г., стр. 117, и *Русская Мысль* 1889 г., кн. VII, стр. 168).

которой представляется улучшение сельскаго хозяйства и возвышеніе производительности земли и ея доходности, имѣть несомнѣнно государственное значеніе». Министръ финансовъ точно также не отрицалъ пользы привлеченія частныхъ капиталовъ къ производству ирригаціонныхъ работъ и не встрѣчалъ въ этихъ видахъ препятствій къ учрежденію для сей цѣли акціонернаго общества ирригаціи. За всѣмъ тѣмъ, однако, государственный совѣтъ нашелъ необходимымъ передать это дѣло въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго для пересмотра законовъ объ обязательномъ отчужденіи имущества, гдѣ оно пролежало до окончанія комиссіей работъ своихъ въ 1877 году, послѣ чего вновь положено было ожидать общихъ правилъ объ осушеніи и орошеніи земель. Въ декабрѣ того же года саратовскій губернаторъ, «во вниманіе къ той пользѣ, которую можетъ принести общество введенія ирригаціи въ край, и въ виду неослабѣвающаго въ немъ интереса къ скорѣйшему его осуществленію», вторично ходатайствовалъ предъ министерствомъ государственныхъ имуществъ объ утвержденіи устава названнаго общества. Въ отвѣтномъ на это ходатайство письмѣ отъ 21 февраля 1878 года, № 593, директоръ департамента земледѣлія и сельской промышленности сообщилъ губернатору, что проектъ устава внесенъ въ государственный совѣтъ еще въ 1874 году; но разсмотрѣніе его отложено совѣтомъ впредь до разрѣшенія вопроса о проводѣ водъ черезъ чужія земли, что послѣдній вопросъ уже разсмотрѣнъ въ подлежащихъ министерствахъ, отзывы которыхъ сообщены на окончательное заключеніе министра государственныхъ имуществъ, и что онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вешняковъ, «не оставитъ обратить вниманіе на ускореніе этого дѣла и полагаетъ, что оно могло бы быть разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ въ предстоящую осеннюю сессію совѣта». Случилось, однако, что общія правила объ осушеніи и орошеніи земель были представлены графомъ Валувымъ въ государственный совѣтъ лишь въ февралѣ 1879 года, а въ слѣдующемъ, по желанію заступившаго его мѣсто князя Ливена, возвращены для переработки, не оконченной, какъ извѣстно, и понынѣ *).

Если, въ виду изложенныхъ фактовъ, принять во вниманіе, что за 16 лѣтъ, съ 1872 года, понадобились ссуды изъ одного только общаго по имперіи продовольственнаго капитала (вовсе не упоминая о мѣстныхъ средствахъ, общественныхъ и земскихъ, натурою и деньгами), и для однихъ только степныхъ губерній Европейской Россіи въ количествѣ 16.447,848 руб., а въ ихъ числѣ 7.947,254 р. исключительно для Саратовской и Самарской; и, съ другой стороны, если не терять изъ вида поражающую ничтожность результатовъ, полученныхъ въ тѣ же 16 лѣтъ отъ опытовъ орошенія, производившихся казною, то едва ли возможно будетъ отрицать

*) Всѣ изложенныя подробности заимствованы изъ *Очерка 50-ти лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ*, стр. 186, 152, 215 и 216, и изъ книжки *Что нужно для нашего сельскаго хозяйства. Ирригаціонный вопросъ въ Россіи*, В. П. Виноградова, Спб., 1888 г., стр. 5, 51, 88 и 89, 64, 66, 62, 55, 52, 56, 61 и 67.

справедливость выраженного министромъ государственныхъ имуществъ мнѣнія, что «потребность въ ирригаціонныхъ сооруженіяхъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ощущается, можетъ быть удовлетворена только при возбужденіи къ этому дѣлу частной предприимчивости и частныхъ капиталовъ», каковое «возбужденіе» само собою уже должно исключить возможность тѣхъ злоупотребленій, какія испытало на себѣ заживо-погребенное общество ирригаціи Самарской и Саратовской губерній. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить опыты нашего же Закавказья. Доколѣ Караязская степь, въ 40 верстахъ отъ Тифлиса, находилась въ рукахъ казны, десятина земли въ ней цѣнилась не дороже двухъ рублей; но когда часть ея была передана обществу возстановленія христіанства на Кавказѣ, которое въ три года, затративъ 350,000 руб., избородило ее сѣтью оросительныхъ каналовъ, длиною болѣе 300 верстъ, то уже въ 1867 году явились селенники-поселенцы, платившіе отъ 4 до 6 руб. за десятину въ годъ, соотвѣтственно чему и стоимость земли поднялась до 50—75 рублей за десятину. Еще лучшіе результаты получались въ Эриванскомъ уѣздѣ, гдѣ Аразіанская степь, не приносявшая никакого дохода казнѣ, была сдана въ 1872 году генералу Н. Каханову въ арендное содержаніе на 65 лѣтъ на слѣдующихъ условіяхъ: за землю, которая могла быть орошена, арендаторъ обязался, по истеченіи пяти льготныхъ лѣтъ, платить казнѣ въ теченіе 25 лѣтъ по 15 коп. въ годъ за десятину; въ слѣдующія 10 лѣтъ плата эта доводится до 30, въ слѣдующія 15 лѣтъ до 40 коп., а въ остальные 10 лѣтъ по 80 коп. за десятину, послѣ чего три-четверти земли, со всѣми на ней ирригаціонными сооруженіями, возвращаются казнѣ, а оставшая четверть переходитъ въ собственность арендатора. Не далѣе, какъ въ 1874 г., генералъ Кахановъ открылъ каналъ изъ р. Аракса, оросившую 10,000 дес. и обошедшуюся ему въ 200,000 руб., и сразу половину этой площади переуступилъ другимъ лицамъ за 250,000 рублей, оставивъ за собою только 5,000 десятинъ, которыя уже къ 1880 году представляли собою стоимость въ полмилліона рублей *). Наконецъ, и на сѣверномъ Кавказѣ не мало есть примѣровъ того, что неорошенная земля продается по 10 руб., тогда какъ такая же орошенная по 800 руб. за десятину, и это тѣмъ понятнѣе, что послѣдняя даетъ возможность получать въ годъ по два урожая пшеницы и конопли или по четыре травяныхъ укоса, тогда какъ на первой болѣею частью все выгораетъ: «безъ преувеличенія (замѣчаетъ профессоръ А. И. Воейковъ) можно сказать, что устройствомъ орошенія только одного восточнаго Закавказья создается цѣнность не менѣе контрибуціи, взятой Германіей съ Франціи въ 1871 году **).

III. По отношенію къ нуждамъ *лѣсоводства* въ имперіи, Валуевская коммиссія, въ виду непомятаго истребленія частныхъ лѣсовъ въ наибо-

*) Въ той же книгѣ Виноградова, стр. 39 и 41—43.

***) *Русская Мысль* 1889 г., кн. II, стр. 136 и 141.

лѣе населенныхъ мѣстностяхъ, находила необходимыми: 27) облегчить и обезпечить охраненіе лѣсовъ дополнительными узаконеніями объ огражденіи личности лѣсныхъ сторожей и о присвоеніи единоличному ихъ показанію значенія юридическаго доказательства; 28) усилить сельскую полицію, упростить судебное разбирательство и увеличить число низшихъ судебныхъ инстанцій, а также рассмотреть вопросъ о взысканіяхъ, которымъ въ случаѣ имущественной отвѣтственности должны подлежать лица, виновныя въ лѣсныхъ порубкахъ и потравахъ или въ причиненіи лѣсныхъ пожаровъ; 29) рассмотреть вопросъ объ отбѣлѣ лѣсныхъ сервитутовъ; 30) обратить лѣса отъ чрезмѣрнаго обложенія разными сборами, освободивъ отъ нихъ на 20-ти лѣтній срокъ всѣ искусственныя лѣсонасажденія, поощряя сіи послѣднія особыми преміями и возможно болѣе расширяя ихъ на казенныхъ земляхъ; 31) послѣдовательно въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ приобрѣтать въ казну частныя лѣса, особенно малоцѣнные, молодые, съ открытіемъ на то постояннаго, хотя бы и ограниченнаго, кредита; 32) оказывать возможное воспособленіе развитію каменноугольнаго производства и торфодобыванія и принять мѣры къ образованію или присланію достаточнаго числа техниковъ по этой части; 33) поощрять также развитіе кирпичнаго и черепичнаго производствъ вездѣ, гдѣ таковыя возможны, и 34) обратить вниманіе земскихъ учрежденій на возможность и съ ихъ стороны полезнаго въ этомъ дѣлѣ содѣйствія, въ видѣ льготъ по обложенію лѣсовъ и по уменьшенію страховыхъ премій для построекъ изъ кирпича и съ черепичными крышами *).

По поводу этихъ пожеланій слѣдуетъ замѣтить, что еще редакціонныя комиссіи указывали на настоятельную необходимость принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ сохраненію частновладѣльческихъ лѣсовъ и еще рѣшительнѣе указывала на ту же необходимость сама жизнь. Уже 22 декабря 1864 года почившій Государь Императоръ, вслѣдствіе неоднократно доходившихъ до свѣдѣнія Его Величества заявленій о совершающемся лѣсоистребленіи, возложилъ на бывшаго тогда министра государственныхъ имуществъ генералъ-адъютанта Зеленаго: «войти въ ближайшее обсужденіе этого вопроса и о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты къ сбереженію владѣльческихъ лѣсовъ, снестись съ земскими собраніями, губернаторами и губернскими предводителями дворянства». Въ исполненіе таковой высочайшей воли уже въ 1865 году на обсужденіе земскихъ и дворянскихъ собраній были разсланы соображенія о названныхъ мѣрахъ, вмѣстѣ съ выпиской изъ иностранныхъ законодательствъ по этому предмету. Отвѣты тѣхъ и другихъ получались крайне медленно, тогда какъ лѣсоистребленіе дѣлало, напротивъ, весьма быстрые успѣхи: въ комиссіи 1872 года единогласно было заявляемо, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе ужасающей вырубки лѣсовъ, не только обмелѣли рѣки, иссякли источники и суше сдѣлалась почва, но даже измѣнился климатъ въ крайне

*) Докладъ, стр. 45 и 46.

невыгодномъ для сельскаго хозяйства направленіи, вслѣдствіе чего сама комиссія неоднократно и равнымъ образомъ единогласно высказывалась за настоятельную необходимость положить конецъ «столь вредному и безравсудному истребленію лѣсовъ»). За всѣмъ тѣмъ, въ виду того обстоятельства, что отзывы земскихъ и дворянскихъ собраній единогласно же высказывались противъ всякаго ограниченія правъ собственности лѣсовладѣльцевъ, председатель комиссій, повидимому, самъ уеумнился въ правильности ея заключенія, такъ какъ въ 1875 году, по званію министра государственныхъ имуществъ, входилъ въ комитетъ министровъ съ вопросомъ: «несомнѣнно ли настоятельно принятіе мѣръ противъ быстраго уничтоженія нашихъ частновладѣльческихъ лѣсовъ?» И только когда комитетъ министровъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ новымъ признаніемъ неотложности огражденія страны отъ пагубныхъ послѣдствій обезлѣсенія, началась вновь разработка законопроекта, завершившаяся высочайше утвержденнымъ 4 апрѣля 1888 года положеніемъ о сбереженіи лѣсовъ. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ вся русская печать признала этотъ законъ столько же заповѣдавшимъ, сколько не ограждающимъ отъ дальнѣйшаго истребленія даже такъ называемыхъ «защитныхъ» лѣсовъ.

IV. По вопросу *объ обложеніи земель и сельскихъ обывателей* комиссія 1872 года располагала довольно полнымъ цифровымъ матеріаломъ, изъ котораго, между прочимъ, видно, что всякаго наименованія сборы этой категоріи составляли въ 1872 году:

повинности, взимаемая съ земель . . .	23.330,887 р. с.
платежи крестьянъ за земли	94.681,111 » »
и повинности, взимаемая <u>подушю</u> . . .	89.461,260 » »
а всего . . .	207.473,258 р. с.

Изъ этой общей суммы на земли частныхъ владѣльцевъ (около 90 мил. дес.) приходилось почти 13 мил. рублей или, въ среднемъ размѣрѣ, *менше 14 1/2 коп. съ десятины* и на земли крестьянъ (105 мил. дес.)—вторая изъ показанныхъ выше суммъ или *болше 95 1/2 съ десятины*, причеиъ крестьяне же (19,905 тыс. рев. душъ) платили, сверхъ того, разныхъ личныхъ сборовъ среднимъ числомъ по 4 руб. 45 к. съ ревизской души. Въ частности, капитализированные выкупные платежи оказались: а) *ниже* мѣстныхъ продажныхъ на землю цѣнъ въ губерніяхъ Бессарабской, Волынской, Минской и Виленской—болше тѣмъ на 100%; въ губерніяхъ Таврической, Подольской, Кіевской, Гродненской и Ковенской—на 50—100%; въ губерніяхъ Черниговской, Орловской, Курской и Тамбовской—на 30—50%, и въ губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Рязанской и Нижегородской—на 10—30%—значить, всего въ 18 губерніяхъ, съ платящимъ крестьянскимъ населеніемъ въ 5.038,200 рев. душъ, и б) *выше* продажныхъ цѣнъ въ губерніяхъ Херсонской, Полтавской, Витебской, С.-Петербургской, Владимірской, Тульской, Пензен-

*) Тамъ же, стр. 7, 24, 38, 45 и 52.

ской, Саратовской и Самарской—меньше чѣмъ на 10%; въ губерніяхъ Могилевской, Ярославской, Костромской, Каванской и Сибирской—на 10—30%; въ губерніяхъ Смоленской, Псковской, Валужской, Московской и Пермской—на 30—50%, и въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Вологодской, Вятской, Уфимской и Оренбургской—больше чѣмъ на 50%,—следовательно, всего въ 25 губерніяхъ, съ населеніемъ въ 5.270,000 рев. душъ. Въ виду такихъ цифровыхъ данныхъ, весьма естественно, что спрошенные въ комиссіи лица, по различію мѣстностей, о которыхъ свидѣтельствовали, дали самые разнообразныя отзывы какъ о степени отягощенности земельныхъ сборовъ, такъ и неравномѣрномъ отношеніи ихъ къ получаемымъ отъ земли доходамъ. Одни признавали эти сборы крайне умѣренными, для плательщиковъ не обременительными и во всякомъ случаѣ минимальными, по сравненію съ другими государствами; другіе, напротивъ, сѣтовали на ихъ чрезмѣрность и непосильность, на неодинаковость и безосновательность раскладокъ, особенно земскихъ, причемъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ приписывали упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ въ нечерноземныхъ великорусскихъ губерніяхъ непомѣрности тяготѣющихъ надъ ними налоговъ, часто совершенно произвольныхъ и безконтрольных. С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства *графъ А. П. Шуваловъ*, на вопросъ, улучшилось ли хозяйство въ последнее десятилѣтіе, отвѣчалъ, что за это время онъ «не видитъ такихъ измѣненій въ законахъ, обычаяхъ и условіяхъ хозяйства, которыя могли бы сдѣлать его болѣе выгоднымъ, чѣмъ оно оказалось въ годъ послѣ освобожденія крестьянъ: они и теперь находятся въ томъ же стѣсненномъ положеніи относительно свободнаго распоряженія своимъ трудомъ; частная собственность страдаетъ отъ такого же недостатка въ добротачественныхъ работникахъ и надежныхъ арендаторахъ. Такое состояніе я приписываю, главнымъ образомъ, нашей податной системѣ, со всеми ея стѣснительными для личности послѣдствіями. Я знаю изъ опыта, что при наймѣ сельскихъ работниковъ приходится выдавать значительныя задатки; деньги эти идутъ прямо въ руки старшинъ, посредниковъ и т. д., на уплату податей и недоимокъ, такъ что большая часть сельскихъ работниковъ по названію только «вольнонаемныя», а въ дѣйствительности они такіе же крѣпостные, только не помѣщичьи, а общественныя, и понятно, что они всячески уклоняются отъ работы, не приносящей имъ почти никакой личной выгоды. Что же касается крестьянскаго надѣла, то для меня не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей сложности налоги съ него превышаютъ доходность (ренту) земли, такъ что невозможно даже признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными, причемъ надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ пріурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска. Смію утверждать, что покуда, подъ предлогомъ земельной собственности, налоги будутъ ложиться на трудъ, прикрѣпляя людей къ землѣ, и пока заработки отдѣльныхъ лицъ будутъ идти на уплату какихъ-то общихъ долговъ, не предстоитъ возможности отдѣльными

мѣрами пособія, поощренія, покровительства и т. п. подвинуть впередъ наше хозяйство; въ этомъ отношеніи я считаю дѣйствительною одну только мѣру—скорое разрѣшеніе податнаго вопроса въ смыслѣ полного освобожденія рабочаго труда *)). Спрошенный одновременно, князь *А. И. Васильчиковъ* заявилъ съ своей стороны, что фактъ обремененія крестьянскаго надѣла налогами выше его доходности онъ считаетъ «столь существеннымъ и такъ вполне поразумѣвающимъ всѣ другія причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ, что разсуживать эти причины—напрасный и излишний трудъ: второстепенныя соображенія могутъ навести на нѣкоторыя частныя и мѣстныя улучшенія, но рѣшительно не могутъ повліять на дальнѣйшій ходъ нашего сельскаго хозяйства, и я вполне присоединяюсь къ мнѣнію графа Шувалова, что въ податной реформѣ заключается узелъ вопроса объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи» **). Бывшій орловскій губернскій предводитель дворянства *А. В. Шереметевъ* объяснилъ, что «бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ хозяйствъ истекаетъ изъ двухъ главныхъ причинъ: первая и самая крупная—чрезмѣрное ихъ обложеніе разными сборами, превышающими 200 процентовъ съ получаемаго отъ надѣловъ дохода и вторая—круговая отвѣтственность по ихъ оплатѣ. Крестьянинъ убѣдился, что никакая собственность за нимъ не обезпечена; ему нѣтъ расчета заводить лишнюю лошадь или корову и, тѣмъ болѣе, хорошее орудіе, такъ какъ при первомъ усиленномъ взысканіи недоимки все ему принадлежащее безщадно продается не только за его личный долгъ, но и за долгъ любого изъ его односельцевъ. Чувство это ставитъ его въ безвыходное положеніе,— есть цѣлыя селенія, въ которыхъ все крестьянское имущество заложено у прасоловъ, такъ что лѣтнее платье всей семьи заложено зимою, а къ лѣту заштыряется зимнимъ» ***). Членъ комиссіи отъ министерства государственныхъ имуществъ князь *Н. Лобановъ-Ростовскій* пошелъ еще далѣе, такъ какъ въ особо представленной запискѣ призналъ умѣстнымъ даже сдѣлать очень недвуслысенныя намеки на опасныя послѣдствія чрезмѣрнаго обложенія земли. Приписавъ «главную причину упадка нашего сельскаго хозяйства недостатку капиталовъ, отклоняемыхъ отъ хлѣбопашества, чтобы направиться въ болѣе обезпеченныя предпріятія», и исходя изъ того соображенія, что «среднее обложеніе дѣйствительно получаемаго чистаго дохода съ земель и лѣсовъ той части Россіи, въ которой введены земскія учрежденія, можно считать въ 15—20 процентовъ», авторъ записки привелъ такіе факты изъ жизни другихъ государствъ: «Въ Германіи люди, которые подъ старость нажили себѣ ремесломъ деньги въ городахъ, часто пріобрѣтаютъ небольшія имѣнія, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ; въ Россіи же землевладѣльцы оставляютъ свои имѣнія и продаютъ ихъ. Въ Англіи, когда, по случаю таксы для бѣдныхъ, поземельные налоги дошли до значительныхъ размѣровъ, мелкіе собственники стали продавать

*) Прил. VI, ч. I, стр. 194—196.

**) Тамъ же, стр. 197.

***) Тамъ же, стр. 266 и 266.

свои земли, чтобы помѣшать вырученныя деньги въ болѣе выгодныя предпріятія. Во Франціи, во время первой революціи, налоги на земли дошли до 20 процентовъ съ дохода; съ тѣхъ поръ правительства неоднократно были вынуждаемы понижать поземельный сборъ, такъ что среднее обложение нынѣ можно считать въ 9 проц.; но, тѣмъ не менѣе, довѣріе капиталовъ къ землевладѣнію не возстановилось и сельское хозяйство не находится въ цвѣтущемъ состояніи. Для Россіи же, — продолжаетъ авторъ, — значительное обложение земли опаснѣе, чѣмъ для Франціи, потому что наше сельское хозяйство, находясь въ переходномъ состояніи, требуетъ поощренія; капиталы, которые могутъ утронуть доходность земель, неминуемо уйдутъ отъ хлѣбопашества, ежели земля будетъ обложена тяжелѣ, чѣмъ прочія имущества. Поэтому системой налоговъ предстоитъ привлечь къ сельскому хозяйству капиталы, знаніе и трудъ; а для этого (по мнѣнію автора) необходимо: а) чтобы чистый доходъ отъ земли и лѣсовъ былъ обложенъ опредѣленными и умѣренными повинностями, не превышающими обложения прочаго имущества въ Россіи, движимаго и недвижимаго; б) чтобы доходъ отъ труда сельскихъ рабочихъ былъ обложенъ наравнѣ съ доходомъ, получаемымъ отъ всякаго прибыльнаго занятія всѣхъ сословій въ государствѣ, въ противномъ случаѣ сельскіе жители привлекаются въ города и сельское хозяйство лишается рабочихъ рукъ; в) чтобы повинности земскія взиались въ видѣ добавочнаго сбора къ прямымъ государственнымъ налогамъ и не иначе, какъ въ опредѣленномъ размѣрѣ; г) чтобы для пополненія недоимокъ была введена обязательная работа, на основаніи урочныхъ положеній, и д) чтобы самообложение сельскихъ жителей на мірскіе и волостные расходы было ограничено» *).

Изложенныя заявленія не могли, конечно, не поставить въ крайнее затрудненіе «окончательнаго редактора доклада», а особенно въ виду оговорокъ, сдѣланныхъ имъ въ комитетѣ министровъ. Чтобы выйти изъ такого затрудненія и, вмѣстѣ, не предрѣшить вопросовъ, рассматривавшихся тогда въ специальной комиссіи, статсъ-секретарь Валуевъ, не отвергнувъ въ своемъ докладѣ наличности указанныхъ приведенными заявленіями фактовъ, призналъ, однако, отъ имени своей комиссіи необходимыми только три слѣдующія мѣры: 35) «для части земельнаго обложения, поступающей въ пользу казны, установить общую систему раскладки, по возможности соображенную съ производительностью земли и доходностью отдѣльныхъ угодій по мѣстностямъ»; 36) «основанія, принятая для казеннаго обложения, сдѣлать обязательными для земской раскладки», и 37) «размѣры земскаго обложения ограничить известнымъ процентнымъ содержаніемъ къ казенному налогу, подобно тому, какъ это сдѣлано въ отношеніи къ земскому обложению промышленныхъ и торговыхъ заведеній и документовъ» **). Первое изъ этихъ мѣропріятій, очевидно, переносившее на законодатель-

*) Журн. засѣд. 19 апрѣля 1873 г., № 49.

***) Докладъ, стр. 47.

ную власть невыполнимое дѣло установленія общей раскладки поземельнаго налога «соразмѣрно доходности отдѣльных угодій», въ самомъ докладѣ, впрочемъ, значительно парализировалось ссылкой на тотъ фактъ, что хотя раскладка обязательныхъ платежей крестьянъ за надѣльные земли и «была опредѣлена законодательнымъ порядкомъ, однако, и здѣсь является не мало аномалій и, вслѣдствіе сего, неуравнительность и несправедливость, вредно отзывающіяся на успѣхахъ сельскаго хозяйства» *). Что же касается двухъ послѣднихъ, то, главнымъ образомъ, онѣ были подсказаны тѣмъ фактомъ, что верхотурское земство обложило мѣстные казенные лѣса сборомъ въ 78,000 р., тогда какъ валовой доходъ съ нихъ не превышалъ 7,000 р. **); но такъ какъ при этомъ не было разъяснено ни вопроса о томъ, считался ли въ составѣ дохода ежегодный приростъ лѣсовъ, ни вопроса о томъ, получался ли ничтожный доходъ отъ физической невозможности получать болѣе крупныя, или отъ какихъ-нибудь другихъ, устранимыхъ, причинъ, то въ средѣ самой комиссіи ограничительныя по отношенію къ земскому обложенію мѣры вызвали энергическое возраженіе со стороны членовъ ея отъ министерства удѣловъ С. Н. Тютчева и отъ министерства государственныхъ имуществъ дѣйствит. статск. совѣтника Скворцова; оба они настаивали на логической неизбѣжности одного изъ двухъ: или положить вездѣ опредѣленные нормы обложенія, но значительно сократить всѣ «обязательные» для земства расходы, или же, оставляя обязательные расходы, предоставить земству полную свободу обложенія всѣхъ предметовъ какъ земли, такъ и фабрикъ, заводовъ и проч. ***).

V. Въ отношеніи къ *крестьянскому хозяйству* Валуевская комиссія находила весьма желательнымъ: 38) облегчить способъ выхода изъ общины такимъ ея членамъ, которые имѣютъ гдѣ-либо собственный участокъ земли или арендуютъ на извѣстный срокъ чужую и которые занимаются какимъ-либо промысломъ, связаннымъ съ постоянною осѣдлостью въ другомъ мѣстѣ; 39) установить продолжительные сроки для передѣловъ полевыхъ угодій, и передѣлы эти производить «не иначе, какъ при участіи какой-либо наблюдательной власти»; 40) допускать «при семейныхъ раздѣлахъ переходъ имущества, а въ особенности хозяйственнаго инвентаря, къ выдѣляющимся членамъ семьи не иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ (?) и на основаніи положительно для сего установленныхъ правилъ» (?); 41) дать возможно-широкое развитіе поощрительнымъ или воспособительнымъ мѣрамъ для поддержки и развитія кустарныхъ промысловъ; 42) «всеми зависящими отъ правительства способами поощрять учрежденіе сельскихъ школъ не только мужскихъ, но и женскихъ, а также училищъ для подготовки преподавателей въ этихъ школахъ, а въ особенности преподавательницъ, въ виду опытомъ уже доказанной пользы женскаго преподаванія въ народныхъ школахъ»; 43) въ программы народныхъ

*) Тамъ же.

***) Тамъ же, стр. 45.

***) Журн. засѣд., №№ 45 и 49.

учащить «вести преподаваніе сельско-хозяйственныхъ предметовъ» (?); 44) принять за правило, чтобы патенты на содержаніе питейныхъ заведеній выдавались «только лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства въ хорошей нравственности и представляющимъ поручительство» (?); 45) разрѣшить, вмѣстѣ съ продажей водки, производить продажу пива, чая и горячаго кушанья, дабы «разомъ покончить съ традиціей о кабацкѣ», вмѣсто котораго возникнутъ бѣлыя харчевни, трактиры и постоянные дворы»; 46) обратить особенное вниманіе на точное и неукоснительное примѣненіе законовъ, преслѣдующихъ и карающихъ самый фактъ пьянства и публичныя его проявленія, «постановивъ, въ то же время, за правило, что на судѣ пьянство не можетъ и не должно считаться обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину»; 47) «по возможности ограничить число прогульныхъ и праздничныхъ дней, служащихъ по преимуществу поводомъ къ пьянству», и 48) принять въ законодательномъ порядкѣ мѣры къ устраненію тѣхъ неудобствъ и недостатковъ крестьянскаго самоуправленія, на которые указываютъ уже и достаточный опытъ, и многочисленныя наблюденія *)).

По поводу мѣропріятій, значащихся подъ №№ 44 и 45, въ настоящее время можно замѣтить, что, хотя правилами 1885 года о питейной торговлѣ они и были узаконены, но на практикѣ далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: установленные ими аттестаты нравственной зрѣлости для питейныхъ торговцевъ нисколько не улучшали кабацкиновъ; а новыя названія питейно-торговыхъ заведеній далеко не «покончили съ традиціей о кабацкѣ», такъ какъ, по отзывамъ самого акцизнаго вѣдомства, трактиры превратились въ тѣ же кабаки, и, въ концѣ-концовъ, получилось только новое подтвержденіе той старой истины, что передѣлка нравовъ подобными средствами недостижима.

Что же касается мѣропріятія № 47, тѣсно связаннаго съ однороднымъ № 12, то комиссія 1872 года имѣла полное основаніе зачислить ихъ въ разрядъ пожеланій не только нравственнаго, но и хозяйственнаго свойства. Дѣло въ томъ, что на первыхъ порахъ послѣ 19 февраля реакція тяжелому подневольному труду естественно должна была вызвать въ русскомъ рабочемъ стремленіе къ тому, чтобы вольный сдѣлался менѣе утомительнымъ, и именно съ хозяйственной точки зрѣнія было бы очень важно разъяснить по возможности самые размѣры этой реакціи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе намѣтить и противодѣйствующія ей средства. Въ этомъ отношеніи собранныя комиссіей свѣдѣнія оказались въ высшей степени неприглядными. Почти всѣ спрошенныя ею лица удостовѣрили, что въ истекшее десятилѣтіе число празднуемыхъ, а за ними и прогульныхъ дней значительно вездѣ увеличилось, и, главнымъ образомъ, въ наиболѣе цѣнную рабочую пору. Такъ, было заявлено, что во многихъ губерніяхъ считается за грѣхъ работать въ нагометанскія пятницы; во многихъ другихъ, кромѣ православныхъ, справляются и римско-католическіе праздники и даже прямо

*) Докладъ, стр. 48—50.

языческіе, какъ, наприм., «Маввинъ великденъ» или праздникъ русалокъ; мѣстами не работаютъ въ нерѣдкіе Антоніевы дни (4 раза въ апрѣлѣ, 2 въ маѣ, 5 въ іюнѣ и 4 въ августѣ), потому что иначе «приключится антоновъ огонь»; мѣстами 11 мая, въ день обновленія Царяграда, потому что это « праздникъ царя надъ градомъ»; не работаютъ 30 іюня, ибо это «день полу-Петра, 27 іюля, въ день Пантелеймона, потому что это « праздникъ Паликопы» и у работающаго непременно сгорать всё копны *), и т. д. Землевладѣльцы Полтавской губерніи *П. И. Капнистъ* и Рязанской *Л. М. Муромцевъ* прямо назвали изобиліе праздниковъ въ рабочую пору «совершеннымъ бѣдствіемъ для хозяйства: если сосчитать всё эти дни (говорилъ послѣдній) и помножить ихъ на самую низкую заработную плату, то получится ужасающая цифра ежегодно теряемаго труда, при которой немыслимо народное сбереженіе **). Въ сожалѣнію,—прибавилъ первый,— «духовенство ничего не дѣлаетъ, чтобы просвѣтить въ этомъ отношеніи народъ, а иные священники сами сочиняютъ праздники и, хотя не совершаютъ въ эти дни богослуженія, но на свои работы приглашаютъ крестьянъ, увѣряя, что праздникъ небольшой и что для духовнаго работать можно. Желательно (заключилъ онъ), чтобы, по соглашенію администраціи съ епархіальнымъ начальствомъ, были издаваемы для крестьянъ официальные таблички праздниковъ» ***). Воронежскій землевладѣлецъ *Н. Н. Кокосцевъ* засвидѣтельствовалъ, что «число праздниковъ у крестьянъ превышаетъ третью часть всего годичнаго времени и мѣстное духовенство покровительствуетъ размноженію ихъ, какъ источнику своего дохода» ****). Смоленскій помѣщикъ *А. П. Баумартенъ* заявилъ, что «крестьяне иной разъ рады бы поработать въ праздники, но боятся кары, такъ какъ противъ этого возстаютъ духовенство и, лично, и чрезъ волостныхъ старшинъ, почему, не зная, что дѣлать и не имѣя никакихъ развлеченій, сходятся у кабака» *****). Профессоръ *А. В. Советовъ* рассказывалъ, что его усадьба лежитъ на дорогѣ изъ Блвна въ Волоколамскъ, «оттуда каждый годъ въ рабочую пору носить по Блинскому уѣзду статую Николая Чудотворца и, какъ неизвестно заранѣе, когда (по выраженію крестьянъ) «придетъ угодникъ», потому что онъ останавливается въ разныхъ приходяхъ на неопредѣленное время, то въ ожиданіи его они теряютъ много драгоценнаго времени, не работая иногда по нѣскольку дней» *****). Въ свою очередь кievскій вице-губернаторъ *С. Н. Гудимъ-Левковичъ* сообщалъ, что въ послѣднее время, отчасти вслѣдствіе вліянія духовенства, находившаго почему-то несогласнымъ съ религіей существованіе ярмарокъ въ воскресные дни, а отчасти по проискамъ евреевъ, считавшихъ очень удобнымъ имѣть,

*) Прил. VI, ч. I, стр. 40, 79, 115, 257, и ч. II, стр. 83.

**) Тамъ же, ч. II, стр. 113.

***) Тамъ же, стр. 83.

****) Тамъ же, ч. I, стр. 40.

*****) Тамъ же, стр. 164.

*****) Тамъ же, ч. II, стр. 109.

прошѣ воскресенья, еще одинъ день въ недѣлю для спаванія народа, стали появляться въ Киевской губерніи ходатайства крестьянъ о перенесеніи ярмарокъ съ воскресныхъ дней на будничные. Начальство разрѣшило эти ходатайства, но съ условіемъ, чтобы ярмарки были перенесены на субботніе дни, въ которые евреи не могутъ торговать, и тогда явились новыя ходатайства объ обратномъ переносѣ ярмарокъ на воскресные дни *), но уже безъ возраженій о несовмѣстности торговли съ праздничнымъ днемъ. Очень многіе изъ спрошенныхъ лицъ не считали возможнымъ скрыть отъ комиссiи, что вообще вліяніе духовенства на улучшеніе народныхъ правъ, какъ выразился генералъ-адъютантъ князь *А. А. Суворовъ* **), «блеститъ своимъ отсутствіемъ». Ярославскій землевладѣлецъ князь *А. А. Курский* заявилъ, что, «не имѣя опредѣленныхъ средствъ къ существованію, оно живетъ только побороми и вся его задача состоитъ въ томъ, чтобы собрать съ крестьянъ возможно болѣе денегъ или продуктовъ; нерѣдко случается, что священники, при отправленіи своихъ обязанностей, бывають въ нетрезвомъ видѣ» ***). Предсѣдатель шуйской земской управы *П. П. Волковъ* засвидѣтельствовалъ, что и въ его мѣстности «служители церкви ограничиваются только исполненіемъ обрядовъ, а потомъ сами предаются тѣмъ же дѣйствіямъ, которыя обыкновенно составляютъ прискорбныя явленія въ средѣ крестьянъ» ****). Академикъ *В. П. Безобразовъ* удостовѣрилъ, что не лучше обстоятъ это дѣло и въ Московской губерніи: «духовенство мало проникнуто святостью своего призванія, не представляетъ изъ себя ни малѣйшаго примѣра нравственности, часто предается вину, даже не исполняетъ самыхъ обычныхъ церковныхъ постановленій, — весьма часто у насъ не бываетъ обѣдни въ положенные дни, и за сими въ крестьянскомъ быту совсѣмъ нѣтъ того нравственнаго элемента, присутствіе котораго во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ считается необходимымъ» *****). Курскій землевладѣлецъ *В. И. Березинъ* заявилъ, что и въ его мѣстности «духовенство не пользуется расположеніемъ крестьянъ, да мало и хлопочетъ о томъ, обращая преимущественное вниманіе на полученіе возможно большаго дохода» *****)», а щигровскій предводитель дворянства *Л. И. Отрышковъ* присовокупилъ, что даже «между старообрядцами менѣе замѣтно нравственно-религіознаго упадка, нежели между православными, которымъ невѣдомы даже главныя основанія нравственно-религіознаго ученія вѣры» *****)». Соглашаясь съ своей стороны «съ тѣмъ, что здѣсь говорилось о духовенствѣ», херсонскій и петербургскій землевладѣлецъ баронъ *П. Л. Корфъ* «не могъ, однако, признать правильнымъ тотъ взглядъ,

*) Тамъ же, ч. I, стр. 267.

***) Тамъ же, стр. 189.

***) Тамъ же, стр. 124.

****) Тамъ же, стр. 281.

*****) Тамъ же, стр. 180.

*****) Тамъ же, стр. 226.

*****) Тамъ же, стр. 173.

что если человекъ ходитъ въ рясы, то онъ непремѣнно хорошей нравственности: быть духовенства точно также требуетъ преобразованія и, если оно будетъ основано на тѣхъ же освободительныхъ началахъ, которыя приняты уже къ другимъ классамъ населенія, то это поведетъ къ улучшенію и его нравственного состоянія; дайте имъ нѣсколько свободы въ рѣшеніи ихъ дѣлъ и въ дѣлѣ проповѣди, допустите съѣзды, правильный судъ и выборное начало,—это будетъ однимъ изъ средствъ поднятій нравственности и въ населеніи» *).

VI. Что касается *среднихъ и крупныхъ хозяйствъ*, то вопросъ о мѣрахъ къ ихъ улучшенію вызвалъ въ средѣ самой комиссіи 1872 года существенныя разногласія **). Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ Стремоуховъ высказалъ по этому предмету слѣдующія соображенія: «Привная абсентеизмъ значительнаго числа землевладѣльцевъ одною изъ самыхъ глубокихъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства вообще, такъ какъ вслѣдствіе его: а) обширныя пространства принадлежащихъ имъ земель подвергаются небрежному, а частью и хищническому воздѣлыванію ***); б) крестьянское хозяйство, не имѣя предъ собою образцовъ въ наглядныхъ результатахъ рациональной хозяйственной дѣятельности, продолжаетъ воевать въ прежней рутинѣ и в) ощущается ничѣмъ не восполненный недостатокъ цивилизующаго элемента въ средѣ сельскаго населенія,—я полагаю, что устраненіе причинъ столь прискорбныхъ явленій можетъ быть достигнуто лишь помощью дѣлага ряда экономическихъ и социальныхъ мѣръ, которыя, измѣнивъ настоящія, неблагоприятныя для частныхъ землевладѣльцевъ условія сельскаго хозяйства и обстановку сельскаго быта, могли бы способствовать привлеченію ихъ къ сельско-хозяйственной дѣятельности и къ проживанію въ своихъ помѣстьяхъ. Сюда относятся, между прочимъ: поощреніе развитія земледѣльческаго кредита, учрежденіе школъ для приготовленія управляющихъ и приказниковъ, содѣйствіе къ пріобрѣтенію улучшенныхъ породъ скота, земледѣльческихъ машинъ и орудій, обезпеченіе договоровъ о наймѣ рабочихъ ближайшими средствами суда и расправы, улучшеніе общественнаго управленія и мѣры противъ пьянства, поощреніе землевладѣльцевъ, принесшихъ своею дѣятельностью особую пользу сельскому хозяйству, отличіями и почетомъ и присвоеніе имъ, по примѣру Пруссіи, нѣкоторыхъ правъ и обя-

*) Тамъ же, стр. 185.

**) Журналъ вѣстк. № 46.

***) Управлявшій имѣніями князь Прозоровскаго-Голицына въ Саратовской губерніи П. В. Протопоповъ имѣлъ навивность разсказать въ комиссіи, что у него землю арендуютъ большею частью купцы, на 6—7 лѣтъ, по 2—3 р. за десятину, и дѣлаютъ посѣвы въ такомъ порядкѣ: пшеница, просо, ленъ, греча, горохъ и овесъ (Прил. VI, ч. II, стр. 46). Понятно, что послѣ подобныхъ сѣвооборотовъ надо дать землѣ такой же длинный срокъ для восстановленія производительныхъ ея силъ. Воронежскій землевладѣлецъ А. С. Ермоловъ удостовѣрилъ, напротивъ, что на купленныхъ въ собственность земляхъ тѣ же купцы хозяйничаютъ иначе, берегутъ землю и ведутъ дѣло болѣе или менѣе рационально (стр. 55).

занностей въ сельской общественной администраціи, наковая мѣра не можетъ не быть согласною и съ общими интересами государства». Напротивъ, другіе члены комиссіи находили, что главною причиною абсентеизма помѣщиковъ служить «не недостатокъ правъ и средствъ на участіе въ дѣлахъ общественной жизни, а просто недостатокъ техническихъ познаній, капитала и труда, въ особенности послѣдняго, какъ двигателя, обуславливающаго и желаніе, и возможность принять участіе въ общественной дѣятельности. Дарованіе новыхъ правъ и льготъ и возложеніе новыхъ обязанностей не привлекутъ помѣщиковъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, какъ предоставленное многимъ изъ нихъ званіе почетныхъ мировыхъ судей не привлекло ихъ къ участію въ мировыхъ сѣздахъ. Большинство помѣщиковъ отвлекаются отъ пребыванія въ имѣніяхъ безприбыльностью хозяйствъ и болѣею сравнительно выгодностью другихъ занятій. Поэтому устраненіе общихъ причинъ упадка сельскаго хозяйства, увеличеніе доходности имѣній и улучшеніе вообще сельско-хозяйственнаго быта скорѣе привлекутъ помѣщиковъ къ жизни въ ихъ помѣстьяхъ, нежели дарованіе имъ новыхъ правъ и присвоеніе новыхъ обязанностей». Предсѣдатель комиссіи, не отвергая, «что послѣ реформы 1861 года упростились тѣ мелкія территоріальныя единицы, которыя назывались «имѣніями», что между крестьянскими надѣлами и землями частнаго владѣнія не существуетъ учредительной связи и что самыя волости суть единицы сословныя, а не территоріальныя», замѣтилъ, что комиссія «не можетъ входить въ подробное обсужденіе предметовъ этого свойства, а можетъ только выразить убѣжденіе, что, при отсутствіи въ настоящее время всякихъ правильно-организованныхъ территоріальныхъ единицъ въ обществѣ составѣ уѣзда, неизбѣжны разныя неудобства какъ въ административно-полицейскомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, и что для устраненія этихъ неудобствъ желательно соотвѣтственное пополненіе нынѣ дѣйствующихъ узаконеній». Въ окончательномъ докладѣ комиссіи разнорѣчія эти свелись къ желательности: 49) «скорѣйшаго введенія ипотечной системы и дальнѣйшаго правительственнаго содѣйствія къ развитію поземельнаго (а не земледѣльческаго) кредита»; 50) учрежденія возможно-большаго числа учебныхъ заведеній для приготовленія управляющихъ, прикащиковъ и практиковъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и назначенія въ губерніи, по распоряженію правительства, агрономовъ, луговодовъ, дѣсоводовъ, садоводовъ, винодѣловъ и др., къ которымъ могла бы обращаться въ случаяхъ надобности частныя хозяйства; 51) правительственнаго содѣйствія къ удешевленію цѣны сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудіи и способовъ ихъ доставки; 52) обученія ремесламъ въ народныхъ школахъ и учрежденія специальныхъ ремесленныхъ школъ и 53) облегченія средствъ судебного разбирательства, посредствомъ увеличенія числа мировыхъ участковъ или другихъ, направленныхъ къ этой цѣли, мѣръ. Что же касается абсентеизма помѣщиковъ, то, признавъ вызывающія его обстоятельства «заслуживающими вниманія правительства», докладъ ограничился поясненіемъ, что «абсентеизмъ промсте-

касть не только отъ общихъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства условій, которыя побуждаютъ многихъ землевладѣльцевъ предпочитать ему другія отрасли занятій, но и отъ различныхъ неудобствъ, ощущаемыхъ частными землевладѣльцами въ средѣ сельской жизни, при нынѣшнемъ неудовлетворительномъ территориальномъ (?) устройствѣ волостей, при недостаткѣ полицейскихъ средствъ для полнаго огражденія имущественной и личной безопасности населенія, при неудобствахъ путей сообщенія и при нѣкоторыхъ другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, исключительно свойственныхъ той средѣ» *).

Достоинъ замѣчанія, что въ обширномъ докладѣ статсъ-секретаря Валуева завѣдомые недостатки нашихъ путей сообщенія нашли себѣ скромное мѣсто лишь постольку, поскольку составляли одно изъ неудобствъ, мѣшавшихъ русскимъ помѣщикамъ жить въ своихъ имѣніяхъ. Отнюдь нельзя сказать, чтобы такое отношеніе къ нашему бездорожью простекало отъ недостатка указаній на это бездорожье, какъ на главный тормазъ, существенно задерживающій развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи. Извѣстно, что не только всѣ исследователи хлѣбной производительности и торговли отъ Императорскихъ обществъ вольнаго экономическаго и русскаго географическаго, но и многія учрежденія и лица, которыхъ само министерство государственныхъ имуществъ приглашало заявлять комиссіи о нуждахъ сельскаго хозяйства, весьма категорически указывали на необходимость всевозможнаго улучшенія хотя бы только наиболѣе проѣзжихъ сухопутныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній. Не было недостатка въ такихъ же указаніяхъ и со стороны призванныхъ въ комиссію лицъ. Основательный знатокъ своего отечества *С. В. Максимовъ* говорилъ, что въ бѣлорусскихъ губерніяхъ «дороги находятся въ такомъ печальномъ состояніи, что трудно и вообразить болѣе несчастную страну въ этомъ отношеніи» **). Гродненскій помѣщикъ *И. В. Меркушевъ* разсказалъ, что «недалеко отъ его имѣнія пролегаетъ дорога, по которой въ нынѣшнемъ году хотѣлъ проѣхать губернаторъ, но исправникъ долженъ былъ предупредить, что ѣхать по ней нѣтъ никакой возможности» ***). Извѣстный хозяинъ *А. И. Кошелевъ* заявилъ, что «недостатокъ путей сообщенія замедляетъ развитіе сельскаго хозяйства. Россія хотя и ирѣзана теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ желѣзными дорогами, но, къ сожалѣнію, онѣ управляются у насъ чрезвычайно плохо, товары доставляются чрезвычайно небрежно, такъ что наши желѣзные дороги не приносятъ той пользы, которую должны были бы приносить. Можетъ быть, покажется, совершенно невѣроятнымъ явленіе, къ несчастью, совершенно вѣрно: рядомъ съ желѣзными дорогами тянутся обозы! Я посылаю хлѣбъ съ обозомъ и увѣренъ, что онъ придетъ на мѣсто цѣлымъ и въ-время, а на желѣзной дорогѣ онъ пролежитъ мѣсяцъ, другой и будетъ доставленъ въ

*) Докладъ, стр. 51.

***) Прилож. VI, ч. I, стр. 168.

***) Тамъ же, стр. 168.

гниломъ видѣ» *). Точно также и съ южнаго конца Россіи ростовскій на Дону почетный мировой судья *Н. Т. Джуричъ* объяснилъ, что къ числу крайнихъ хозяйственныхъ затрудненій нужно отнести и тѣ, которыя встрѣчаютъ веденіе сельскаго хозяйства «отъ совершеннаго неустройства мѣстныхъ грунтовыхъ дорогъ, мостовъ, дамбъ и гатей,—они въ такомъ ужасномъ положеніи, что по нимъ страшно ѣздить; у насъ нѣтъ сколько-нибудь устроенныхъ, не только проселочныхъ, но даже и почтовыхъ дорогъ, и это составляетъ величайшее препятствіе для развитія сельскаго хозяйства, такъ какъ съ октября до марта хозяева не могутъ ни доставлять въ торговые центры свои продукты, ни запастись тамъ необходимыми въ хозяйствѣ предметами, вынуждены одновременно и заниматься уборкою полей, и снабжать себя всею нужнымъ, поэтому имѣть гораздо болѣе и рабочихъ людей, и подводъ, чѣмъ если бы дороги были въ хорошемъ состояніи. Железныя дороги, безспорно, имѣли вліяніе на хлѣбную торговлю; но, къ сожалѣнію, у насъ (рѣчь шла о дорогахъ, примыкавшихъ къ Ростову-на-Дону) онѣ сосредоточены въ рукахъ одного человѣка, который является монополистомъ, и на нихъ существуетъ крайній недостатокъ въ подвижномъ составѣ; безпорядки доходятъ до крайнихъ размѣровъ, воровство товаровъ возведено въ систему. Вслѣдствіе всего этого, многіе стали отправлять хлѣбъ, попрежнему, на воловыхъ подводахъ, и, хотя платятъ значительныя суммы, но находятъ, что это выгодно, потому что, при отправкѣ по желѣзной дорогѣ, хлѣбу приходится оставаться подъ открытымъ воздухомъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ, а иногда подвергаться и раскрадѣ. Въ настоящее время (присовокупилъ показатель) этотъ монополистъ скупилъ значительныя пространства земель съ каменноугольными залежами и заинтересованъ въ томъ, чтобы его уголь перевозился прежде, чѣмъ чужой хлѣбъ; вслѣдствіе этого, нужно заранѣе записываться на станціяхъ, заискивать протекціи у начальниковъ станцій, даже давать взятки, чтобы добиться счастья отправить свой грузъ» **).

Едва ли можно сомнѣваться, что давно уже подобныя безобразія отошли бы въ область исторіи, если бы на нихъ рельефно было указано въ самомъ докладѣ комиссіи, а не въ тѣхъ «Приложеніяхъ» изъ пяти громоздкихъ томовъ, которыхъ обыкновенно никто не читаетъ. Случилось, однако, иначе и, надо думать, вслѣдствіе того стариннаго предрасудка относительно «краткости русскаго лѣта и дешевизны (въ крѣпостное время) зимнихъ перевозокъ», благодаря которому графъ Банкринъ еще въ 1831 году находилъ роскошью рекомендованную Мордвиновымъ канализацію русскихъ рѣкъ, а въ комитетѣ 1838 года заявлялъ, что «хотя улучшеніе путей сообщенія и нужно, и полезно, но оно, возвышая нѣсколько цѣну хлѣба тамъ, гдѣ не было сбыта, неминуемо понизитъ оную на главныхъ рынкахъ».

*) Тамъ же, стр. 287.

**) Тамъ же, стр. 140 и 141.

Такъ или иначе, но перечисленными пожеланіями докладъ комиссіи не завершился. Признавъ не лишнимъ еще съ большою убѣдительностью доказать извѣстныя со временъ графа Киселева истины, что «законы международной конкуренціи на всемірномъ рынкѣ подчиняютъ насъ необходимости не только далѣе и далѣе усиливать нашу производительность, но и не замедлять направленныхъ въ тому стараній», что «мы должны имѣть въ виду не только соперничество европейскихъ государствъ, но и быстро усиливающееся соперничество заокеанскихъ странъ», и что «тѣмъ настоятельнѣе изысканіе и принятіе мѣръ, которыя могли бы способствовать успѣхамъ нашего сельскаго хозяйства, въ самомъ обширномъ его значеніи» *), составители доклада привели изъ разныхъ источниковъ рядъ сырыхъ, не проверенныхъ и даже не приведенныхъ къ одной денежной единицѣ цифръ о государственныхъ доходахъ Россіи, Англии, Франціи и Австріи, а также о стоимости ихъ отпуска и привоза за 1852, 1862 и 1872 годы **). Очевидно, эти годы были выбраны только ради симметріи и, уже по одной этой причинѣ, относящіяся къ нимъ цифровыя данныя отнюдь не могли служить ни доказательствомъ, ни опроверженіемъ чему бы то ни было. Случилось, однако, что приведенныя въ научно-говорящій видъ, они доказали какъ разъ противоположное тому, чего хотѣлъ окончательный редакторъ доклада, такъ какъ желаніе могли бы усмотрѣть изъ нихъ, что увеличеніе противъ 1852 года простиралось:

	Въ 1862 г.	Въ 1872 г.	Разность.
въ доходахъ Россіи на . .	10,7 проц.	67,6 проц.	526%
» » Англии » . .	36,8 »	44,2 »	21
» » Франціи » . .	46,4 »	57,7 »	24
» » Австріи » . .	30,8 »	68,8 »	125
въ отпускѣ Россіи » . .	60,0 »	252,0 »	320
» » Англии » . .	124,0 »	243,7 »	97
» » Франціи » . .	119,8 »	134,8 »	13
» » Австріи » . .	— »	154,4 »	—
въ привозѣ въ Россію на . .	50,6 »	314,4 »	521
» » » Францію » . .	137,4 »	247,8 »	80
» » » Австрію » . .	— »	301,0 »	—

и что поэтому о «соперничествѣ европейскихъ государствъ» по меньшей мѣрѣ не стоитъ заботиться, потому что и безъ того ни одно изъ нихъ, по этимъ цифрамъ, не прогрессировало въ столь выдающихся размѣрахъ, какъ Россія, — даже исконная обладательница всемірныхъ рынковъ оказалась едва замѣтнымъ пигмеемъ.

Съ какою поражающею быстротою докладъ комиссіи былъ пущенъ въ ходъ, видно изъ того, что комиссія окончила свои засѣданія 28 апрѣля 1873 года, а на *тринадцатый* послѣ того день (11 мая) управлявшій

*) Докладъ, стр. 53.

**) Въ нѣсколькихъ случаяхъ, впрочемъ, за неотнисканіемъ, вѣроятно, подходящихъ данныхъ, взяты были годы, ближайшіе къ этимъ.

дѣлами комитета министровъ послалъ уже министру государственныхъ имуществъ, «для предварительнаго прочтенія», готовый проектъ резолюціи по этому докладу, послѣ чего обширный журналъ комитета министровъ удостоился 9 марта 1874 года высочайшаго утвержденія.

Журналомъ этимъ *предоставлялось*:

1) *Министру государственныхъ имуществъ*—продолжать начатыя имъ въ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ преобразованія и, по разработкѣ предположенія о развитіи вспомогательныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, дать дѣлу сему установленное въ общемъ порядкѣ движеніе (стр. 8); приступить въ возможной скорости къ разработкѣ предположеній объ образованіи въ учебныхъ заведеніяхъ министерства практиковъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и къ принятію мѣръ, вызываемыхъ стремленіемъ сдѣлать усовершенствованныя сельско-хозяйственныя машины и орудія болѣе доступными массѣ сельскихъ хозяевъ (стр. 84); по разсмотрѣніи тѣхъ поощрительныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты относительно развитія специальныхъ культуръ, вносить особыя объ ихъ осуществленіи куда слѣдуетъ представленія (стр. 9); дать дальнѣйшее движеніе вопросу объ опредѣленіи права спуска и провода водъ и пользованіи оными; принимать мѣры къ поощренію, въ предѣлахъ возможнаго, возникновенія частныхъ товариществъ для обводненія или осушенія земель, испрашивая въ надлежащихъ случаяхъ высочайшія разрѣшенія установленнымъ для того порядкомъ; развить въ надлежащихъ размѣрахъ дѣятельность министерства съ цѣлью возможнаго поощренія на казенныхъ земляхъ предпріятій къ ихъ осушенію или обводненію и къ разведенію кормовыхъ средствъ, аица, притомъ, въ виду содѣйствіе къ распространенію нужныхъ по этой части техническихъ свѣдѣній и къ облегченію частнымъ хозяевамъ пріобрѣтенія сѣмянъ (стр. 21); развивать предпринятые уже мѣры усовершенствованія у насъ породы скота (стр. 26) и войти съ главноуправляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ въ сношеніе по принятію совокупныхъ съ нимъ мѣръ къ развитію улучшенной породы рабочихъ лошадей, давъ составленнымъ по сему предмету предположеніямъ дальнѣйшее въ установленномъ порядкѣ движеніе; принять возможныя мѣры къ размноженію выставокъ и аукціоновъ скота (стр. 28); оказывать, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, возможное содѣйствіе къ дальнѣйшему расширенію сыроваренія, въ томъ числѣ и на артельномъ началѣ (стр. 29); совместно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, принять зависящія мѣры къ продолженію опытовъ для разрѣшенія вопроса о пользѣ или бесполезности чумопрививанія (стр. 30) и войти въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса по взаимному застрахованію скота (стр. 32); принять зависящія мѣры къ разведенію новыхъ лѣсовъ на казенныхъ земельныхъ участкахъ и къ пріобрѣтенію въ казну, когда сіе признано будетъ полезнымъ, нѣкоторыхъ частныхъ лѣсныхъ площадей, испрашивая на то соотвѣтствующіе въ установленномъ порядкѣ кредиты (стр. 46); принять проектированныя мѣры къ воспособленію каменноугольному производству

и торфодобыванію, а министру путей сообщенія внести новое представленіе по предмету скорѣйшаго приступа къ сооруженію донецкой каменноугольной желѣзной дороги (стр. 48); дать предположеннымъ поощрительнымъ для кирпичнаго и черепичнаго производствъ мѣропріятіямъ надлежащее, по мѣрѣ возможности, развитіе (стр. 49) и, наконецъ, по окончаніи предпринимаемаго въ министерствѣ финансовъ изслѣдованія кустарной въ Россіи промышленности, войти съ министрами финансовъ въ подробное соображеніе поощрительныхъ и воспособительныхъ въ отношеніи этой промышленности мѣръ (стр. 60).

2) *Оберъ-прокурору святѣйшаго синода*—обратиться съ предложеніемъ къ синоду съ конфиденціальнымъ приглашеніемъ употребить свое правственное на народъ вліяніе къ тому, чтобы исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе церковью, возможно было соединить съ наименьшимъ прогудомъ и съ увеличеніемъ рабочаго въ году времени и, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, назначить особую комиссію для подробнаго разбора возможныхъ мѣропріятій къ уменьшенію нерабочихъ дней въ народѣ и разгула во время праздниковъ, съ тѣмъ, чтобы соображенія таковой комиссіи были представлены на разсмотрѣніе комитета министровъ (стр. 13).

3) *Министру финансовъ*—приступить, при первой къ тому возможности, къ пересмотру законодательныхъ мѣръ, съ цѣлью изысканія дѣйствительныхъ средствъ поощренія сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, среднихъ и малыхъ размѣровъ, въ особенности же занимающихся производствомъ вина изъ картофеля (стр. 23); дать вопросу объ уменьшеніи акциза на соль дальнѣйшее движеніе, когда, по положенію государственнаго казначейства, сочтеть сіе возможнымъ (стр. 25); войти въ разсмотрѣніе постановленнаго комиссіей заключенія относительно обложенія земель (стр. 60), а равно по предмету улучшенія личнаго состава держателей мѣстъ раздробительной продажи питей и объ окончательномъ уничтоженіи кабаковъ, и о послѣдующемъ внести, когда то признано будетъ удобнымъ, подлежащія въ установленномъ порядкѣ представленія (стр. 75).

4) *Министру внутреннихъ дѣлъ*—дать составленной въ подвѣдственномъ министерствѣ работѣ объ улучшеніи ветеринарно-полицейской части, въ возможно-неотложномъ времени, дальнѣйшій въ установленномъ порядкѣ ходъ; относительно же перевозки скота по желѣзнымъ дорогамъ принять, по соглашенію съ министрами путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, зависящія мѣры къ установленію опредѣленнаго въ семъ отношеніи порядка (стр. 32); совмѣстно съ министрами государственныхъ имуществъ, юстиціи и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, ускорить внесеніемъ въ законодательномъ порядкѣ проекта закона объ огражденіи личности присяжныхъ лѣсныхъ сторожей и присвоеніи ихъ единоличному показанію бѣльшей, тѣмъ нынѣ, передъ судомъ силы (стр. 36); въ ближайшемъ по возможности вре-

ени войти, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ отиѣнѣ лѣсныхъ и полевыхъ сервитутовъ, давъ затѣмъ дѣлу сему дальнѣйшій въ установленномъ порядкѣ ходъ (стр. 41); войти, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, въ подробное расслѣдованіе предположеній объ изданіи облегчительныхъ правилъ обложенія сборами молодыхъ порослей въ научно-устроенныхъ лѣсахъ и о срочномъ огражденіи отъ всякаго обложенія искусственныхъ лѣсонасажденій, а равно поощренія такихъ насажденій преміями, съ тѣмъ, чтобы вопросы сими дагъ былъ должный въ установленномъ порядкѣ ходъ (стр. 43); совмѣстно съ министромъ юстиціи и по сношеніи, въ чемъ слѣдуетъ, съ министромъ финансовъ, войти въ соображеніе о мѣрахъ: а) къ облегченію способа выхода изъ крестьянскихъ обществъ отдѣльныхъ ихъ членовъ; б) къ прекращенію въ крестьянскихъ обществахъ частыхъ передѣловъ находящихся въ общинномъ пользованіи полевыхъ угодій; в) къ устраненію тѣхъ препятствій и затрудненій, которыя нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ положены къ переходу цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому, и г) къ точному опредѣленію порядка перехода имущества при семейныхъ въ крестьянскомъ быту раздѣлахъ и о послѣдующемъ войти, куда слѣдовать будетъ, съ установленными представленіями (стр. 67); совмѣстно съ министромъ юстиціи, приступить къ подробной разработкѣ вопроса о мѣрахъ къ устраненію обнаруженныхъ опытомъ недостатковъ и неудобствъ крестьянскаго самоуправленія и соображеніямъ о томъ дать въ установленномъ порядкѣ дальнѣйшее направленіе (стр. 78) и, совмѣстно съ министромъ народнаго просвѣщенія, принимать зависящія мѣры содѣйствія и побужденія мѣстныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ учреждений къ возможному усиленію дѣятельности по развитію ремесленнаго образованія въ народѣ (стр. 84).

5) *Министру народнаго просвѣщенія*—дать дальнѣйшее, по возможности, развитіе мѣрамъ, принятымъ имъ къ развитію народнаго образованія и къ распространенію въ сельскомъ населеніи полезныхъ въ хозяйственномъ отношеніи свѣдѣній» (стр. 68).

6) *Министру юстиціи*—войти въ обсужденіе возможности дополненія нашего уголовнаго законодательства установленіемъ особыхъ наказаній, карающихъ самый фактъ пьянства, и соображенія свои по сему вопросу представить на окончательное въ установленномъ порядкѣ утвержденіе (стр. 75) и дать дальнѣйшее въ установленномъ порядкѣ движеніе разрабатываемымъ въ подвѣдомственномъ ему министерствѣ законоположеніямъ по предмету условій личнаго найма и обезпеченія соответствующихъ договоровъ (стр. 86).

«Вполнѣ признавъ затѣмъ всю важность, для поднятія уровня сельскохозяйственнаго быта, присутствія и дѣятельности въ мѣстной средѣ представителей интеллигенціи и образованія, комитетъ министровъ положило: всеобщее достиженіе означенной цѣли поставить въ обязанность какъ высшихъ, такъ и подчиненныхъ органовъ государственнаго управленія имперіи» (стр. 88).

Перечень этот наглядно убѣждаетъ, что ни одно изъ постановленныхъ по докладу комиссіи рѣшеній не принадлежало къ числу такихъ, которыя не могли бы состояться помимо всякихъ «комиссій»; ни одно поэтому и не сопровождалось для сельскаго хозяйства и сельской производительности Россіи сколько-нибудь осязательными послѣдствіями. Даже въ обширной хозяйственной литературѣ нашей труды комиссіи не оставили почти никакихъ слѣдовъ: напечатанные всего въ шестистахъ экземплярахъ, они на половину были розданы и разсланы разнымъ учрежденіямъ, гдѣ не замедлили сдѣлаться архивнымъ достояніемъ; остальные хотя и разрѣшены были къ продажѣ, но, вслѣдствіе недоступной цѣны (25 р. за экземпляръ), имѣли очень немногихъ покупателей и засимъ, если сказать, что въ Россіи найдется *сто* человекъ, знакомыхъ съ названными трудами *), то это будетъ скорѣе преувеличеніемъ, нежели преуменьшеніемъ.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло: задуманная въ подражаніе знаменитой французской *l'enquête agricole 1866—1868* годовъ, но безъ вызвавшихъ ее побудительныхъ причинъ, безъ строго-опредѣленной цѣли и безъ тѣхъ громаднхъ общественныхъ и государственныхъ силъ, какими располагала послѣдняя; веденная затѣмъ съ непонятною поспѣшностью и неизбежною при такомъ условіи канцелярскою небрежностью, комиссія статсъ-секретаря Валуева заранѣе была обречена придти къ убѣжденію, что «доколѣ официальная сфера дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ ограничена тѣсными рамками агрономической техники, улучшеніе многихъ условій сельско-хозяйственнаго дѣла, по необходимости, должно ускользать отъ непосредственнаго вліянія министерства, какъ находящееся въ завѣдываніи разныхъ другихъ учрежденій, для которыхъ интересы сельскаго хозяйства, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не всегда стоятъ на первомъ планѣ»; а затѣмъ и къ горькому сознанію *совершенного безсилія министерства государственныхъ имуществъ достигнуть въ отношеніи къ сельскому хозяйству какихъ-либо удовлетворительныхъ результатовъ, безъ сочувствія и содѣйствія всѣхъ другихъ органовъ государственнаго управленія, а въ особенности министра финансовъ **).*

Извѣстно, однако, что даже и эти убѣжденія, задолго до учрежденія комиссіи 1872 г., настойчиво проводились въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, именно въ качествѣ одного изъ доводовъ, что необходимость отдѣльнаго министерства земледѣлія въ земледѣльческой по преимуществу Россіи уже назрѣла. Столько же, поэтому, знаменательно, сколько и неудивительно, что въ приведенныхъ выше заявленіяхъ комиссіи это министерство земледѣлія выросло уже въ «министерство народнаго хозяйства»: сама жизнь все ярче и ярче указывала, что, въ дѣйствитель-

*) Изъ нашихъ изслѣдователей доселѣ пользовался этими трудами одинъ только князь Васильчиковъ, въ извѣстной книгѣ своей *Землевланіе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ*.

**) *Обзоръ упр. государ. имущ. за 25 лѣтъ съ 19 февр. 1855 года*. Спб., 1880 г., стр. 240 и 304.

ности, сельское хозяйство далеко не до такой степени разьединено съ другими отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности и съ разными видами торговли, какъ расчленила ихъ устарѣвшая со дня учрежденія нашихъ министерствъ теорія; все отчетливѣе сознавалось, что завѣдующая нѣкоторыми сельско-хозяйственными интересами центральная власть, управляя, въ то же время, и разными государственными имуществами, не можетъ терять изъ вида, что главная задача ея—охранять эти имущества и увеличивать ихъ доходность, какъ, съ другой стороны, и финансовая администрація, завѣдывая, въ то же время, нѣкоторыми отраслями сельскаго же хозяйства и веѣми видами обрабатывающей промышленности и торговли, не можетъ забывать, что, прежде всего, она—фискальная, которую еще императрица Екатерина II признала для промышленности недостаточно безпристрастною, слишкомъ формальною и придирчивою, по самой природѣ своей неспособною «держать точную средину между таможеней и торговлей и дѣлать такія распоряженія, чтобы сіи двѣ вещи одна другой не запутывали» *); все ощутительнѣе становился недостатокъ такого центра, который бы самостоятельно вѣдалъ все отрасли народной промышленности, защищалъ ея интересы, предстательствовалъ объ ея нуждахъ и объединялъ собою различныя мѣропріятія, необходимыя для своевременнаго ихъ удовлетворенія; не забывался, наконецъ, и тотъ фактъ, что къ «дружному содѣйствію всеѣхъ органовъ управленія» вызвалъ послѣ Екатерины II и Императоръ Николай I, въ высочайше утвержденномъ 23 декабря 1838 г. положенія комитета министровъ, но что въ наличности его не оказалось.

Въ концѣ-концовъ, не могъ не сознавать полной бесплодности своей «комиссія» и самъ ея иниціаторъ, и едва ли мы ошибемся, если выразимъ предположеніе, что именно воспоминанія о ней вызвали слѣдующій знаменательный эспромтъ его **):

„Влаженъ, кто, удалась отъ шума и заботъ,
 Не писаря перо, а плугъ отцовской точить;
 Кто совѣсти своей и близости не морочитъ
 Безмолдной суетой чиновничьихъ хлопотъ;
 Кто не за номеромъ мысли къ мысли подбираетъ
 И къ подписи чужой шагъ съ строку не ровняетъ;
 Кто волю вольную избралъ себѣ въ удѣлъ;
 Кто, сладко отъ памяти слѣдъ канцелярскихъ дѣлъ,
 Въ усадьбѣ прадѣдовъ шатеръ раскинулъ мирный,
 Съ своей тѣнцы силой приказное бѣльмо,
 Къ забитой вѣшалѣ привѣсивъ фразъ мудирный,
 И сбросилъ выветъ съ нимъ служебное ярмо!“

Я. Ст.—къ.

*) *Наказъ ком. о соч. проекта нов. ул.*, §§ 819 и 823.

**) *Новости* 1890 г., № 811:

Средневѣковое міровоззрѣніе *).

(Heinrich v. Eicken: «Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung»).

У.

Согласно воззрѣніямъ средневѣковой церкви, *право* предшествовало государству. Богъ, сотворивъ человѣка, установилъ естественное право, нормы котораго различаются отъ нормъ положительнаго права, возникшаго вмѣстѣ съ грѣхопадениемъ. Только въ установленіяхъ, общихъ всѣмъ народамъ, сохраняется связь положительнаго права съ естественнымъ. Задача церкви должна заключаться въ восстановленіи божественнаго авторитета и естественнаго права въ его полномъ объемѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Эйкенъ такъ и рассматриваетъ дѣятельность церкви въ сферѣ права, какъ послѣдовательное развитіе основныхъ началъ системы «царства Божія», соотвѣтственно которымъ церковь либо удерживаетъ, либо развиваетъ, либо старается вытѣснить нормы римскаго и германскаго права.

Всего менѣе отвѣчаетъ этой схемѣ *гражданское право*. «Цѣль гражданскаго права,—говоритъ Эйкенъ,—церковь видѣла въ возвращеніи людей къ первоначальному безгрѣшному состоянію и установленіи «царства Божія». Поэтому ея воззрѣнія въ области вещнаго и обязательственнаго права опредѣляются не естественными хозяйственными условіями, а сверхчужденными законами. Къ собственности церковное ученіе вообще относилось отрицательно; допуская ее только условно въ виду практическихъ потребностей, церковь стремится ограничить собственность въ отношеніи содержанія и проявленія: она вытѣсняетъ точку зрѣнія римскаго и германскаго права на рабовъ и военноплѣнныхъ, захватываетъ въ свою пользу известную часть правъ собственника (десятины), добивается полнаго уничтоженія частной собственности въ предметахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ церковной жизни.

Въ обязательственномъ правѣ церковь отступаетъ отъ строгаго формализма римскаго права, въ которомъ законную силу имѣли только договоры,

*) *Русская Мысль*, кн. III.

заключенные съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей; съ точки зрѣнія каноническаго права, достаточно простаго выраженія воли, простаго соглашенія сторонъ, чтобы договоръ сдѣлался обязательнымъ: нарушение такого договора, все равно, будетъ ложь и грѣхъ передъ Богомъ.

Рядомъ съ этими примѣрами, въ которыхъ дѣйствительно отразилось аскетическое мировоззрѣніе, Эйкену приходится отмѣчать и такіе случаи, когда церковь, напримѣръ, выставляетъ требованія добросовѣстности для приобретенія правъ и удлиняетъ сроки давности. «Никакая давность не имѣетъ значенія при недобросовѣстномъ владѣніи»,—говоритъ папа Иннокентій III. Церковь старается вытѣснить короткіе сроки давности обычнаго права и замѣнить ихъ римскими десятилѣтними, двадцатилѣтними и тридцатилѣтними, а относительно церковнаго имущества сорока- и даже столѣтними. Въ наследственномъ правѣ церковь стремится къ расширенію свободы завѣщанія и реципируетъ основы римскаго наследственнаго права, хотя въ противорѣчій съ ними распространяетъ свободу завѣщанія и на несвободные классы, ограничивая право завѣщанія и наследованія только ортодоксальностью.

Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, церковь ограничиваетъ собственность, то, съ другой, она способствуетъ ея обезпеченію и развиваетъ ее. Естественное заключеніе отсюда, что правовыя нормы, которыя церковь проводитъ въ жизнь, не всегда находились въ соотвѣтствіи съ ея аскетическими принципами и что во многихъ случаяхъ для нихъ слѣдуетъ искать другихъ основаній. Тѣмъ не менѣе, Эйкенъ, въ интересахъ своей схемы, утверждаетъ, что установленія каноническаго права, направленные къ обезпеченію собственности и владѣнія, являются «скорѣе необходимымъ результатомъ, чѣмъ сознаннымъ цѣлью церковнаго законодательства».

Иначе стоитъ дѣло въ сферѣ уголовного права. Такъ какъ съ церковной точки зрѣнія цѣль уголовного права заключается въ возстановленіи порядка въ «царствѣ Божіемъ», нарушеннаго преступнымъ дѣйствіемъ, то и процессуальные способы доказательства, криминалистическія основанія для квалификаціи преступныхъ дѣйствій и самыя виды наказаній окрашиваются этимъ религиознымъ представленіемъ.

Такимъ образомъ, въ судопроизводствѣ, тамъ, гдѣ не было аутопси, свидѣтелей, письменныхъ данныхъ, удерживаются германскія формы: очистительная клятва, судебный поединокъ, испытаніе водою и желѣзомъ, хотя церковь и старается вытѣснить два послѣдніе способа на томъ основаніи, что требовать чуда отъ Бога есть нечестіе. Наказуемость извѣстнаго дѣйствія ставится въ зависимость не отъ его преступнаго характера, а отъ преднамѣренности и настроенія. Преступленіе, совершенное безъ обдуманнаго намѣренія, не есть преступленіе; наоборотъ, преступное намѣреніе вполне уравнивается съ содѣяннымъ преступленіемъ. Основанія для наказуемости предумышленныхъ преступленій вырабатываются на почвѣ аскетическаго мировоззрѣнія. Преступленіе есть, прежде всего, оскорбленіе воли Божіей, грѣхъ.

Этотъ взглядъ каноническаго права отразился и на свѣтскомъ законодательствѣ; но, главнымъ образомъ, конечно, по отношенію къ тѣмъ преступленіямъ, которыя ближайшимъ образомъ касаются религіи: нарушенію клятвы, магіи, ереси, обидѣ, нанесенной лицу, которое посвящено Богу, покушенію на жизнь государя — помазанника Божія и т. д. Впрочемъ, то же религиозное обоснованіе наказанія вскрывается и въ преступленіяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ Богу: преступленія противъ брачныхъ законовъ рассматриваются, прежде всего, какъ нарушеніе воли Божіей; въ убійствѣ главный преступный элементъ составляетъ оскорбленіе образа Божія, которое влечетъ за собою смерть души, такъ какъ убійца лишаетъ жизни человѣка, неподготовленнаго къ смерти (потому убить еретика въ порывѣ религиознаго усердія считалось дѣломъ дозволеннымъ); запрещеніе обмана мотивируется божественнымъ повелѣніемъ, ростовщичество — евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему и т. д.

Такъ какъ нарушеніе воли Божіей не можетъ быть оставлено безъ наказанія, то преслѣдованіе преступника не можетъ стоять въ зависимости отъ жалобы пострадавшей стороны; процессъ становится поэтому официальнымъ, слѣдственнымъ.

На томъ же основаніи среднимъ вѣкамъ неизвѣстно право помилованія. Согласно изреченію Іеговы: «Грѣхи отцовъ взыщутся на дѣтяхъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна», наказаніе должно карать не только преступника, но и его потомство.

Виды наказанія опредѣляются общими принципомъ удовлетворенія нарушенной справедливости Божіей; поэтому каноническое право требуетъ для преступника духовной кары — проклятія и отлученія отъ церкви; только это духовное наказаніе и можетъ спасти преступника отъ вѣчнаго осужденія на страшномъ судѣ. Вѣчное осужденіе составляетъ основной мотивъ въ системѣ средневѣковыхъ наказаній.

Высшая законодательная и судебная власть на землѣ, съ точки зрѣнія средневѣковой церкви, принадлежитъ папѣ, такъ какъ законодательство и юрисдикція составляютъ часть власти, врученной церкви Богомъ. Въ дѣйствительности, — говоритъ Эйвентъ, — хотя каноническое право и явилось главнымъ источникомъ гражданскаго и уголовнаго права въ средніе вѣка какъ въ теоретическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, положительное право не было развитіемъ церковной идеи и въ значительной степени сложилось подъ вліяніемъ политическихъ и хозяйственныхъ условий. Въ законодательствѣ, какъ и въ юрисдикціи, дѣйствительное вліяніе церкви осталось далеко позади ея притязаній: императоры противопоставляли имъ власть, унаслѣдованную отъ императоровъ римскихъ, территориальные государи старались также ограничить законодательную и судебную власть церкви. Не довольствуясь охраненіемъ своей независимости, государство вторгается и въ самую сферу церкви и старается подчинить своей юрисдикціи духовенство. Границы между свѣтскою и духовною юрисдикціей никогда не были проведены точно, несмотря на то, что къ

этому стремилась и та, и другая сторона. Такимъ образомъ, «хотя государство и признавало церковную метафизику права,—замѣчаетъ Эйкенъ,—однако, старалось избѣгать ея логическихъ послѣдствій въ интересахъ самосохраненія». По поводу этого замѣчанія намъ остается только сослаться на то, что мы уже говорили по вопросу объ отношеніи государства и церкви вообще.

VI.

Въ теоретической сферѣ, въ наукѣ и искусствѣ, вліяніе общихъ началъ аскетическаго мировоззрѣнія, естественно, должно было связываться гораздо значительнѣе, чѣмъ въ области практическихъ отношеній. Средневѣковая наука почти исключительно составляла достояніе церкви; научнымъ занятіямъ отдавалось вообще духовенство и особенно монахи. По свидѣтельству анналиста Випо, въ Германіи считалось даже неприличнымъ посылать въ школу дѣтей, которыхъ не готовили къ духовному званію. Нѣкоторое образованіе получали только лица, принадлежавшія къ княжескимъ или очень знатнымъ фамиліямъ; но вообще свѣтское общество до XIV столѣтія не оказало сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на науку. Народное образованіе находилось вполнѣ въ рукахъ церкви: школы были церковныя учрежденія, учителя—духовныя лица; церкви принадлежалъ надзоръ за университетами и право давать «licentiam docendi»; главный факультетъ былъ теологическій.

Церковь допускала научныя занятія лишь постольку, поскольку они вели человѣка къ выполненію его небснаго призванія. Поэтому предметъ изученія служилъ не дѣйствительный міръ, а выраженная въ немъ божественная идея; одну изъ главныхъ задачъ науки составляло исключеніе всего, что стояло въ противорѣчій или представлялось безразличнымъ по отношенію къ ученію церкви. Для Петра Даміани свѣтское знаніе есть «глупость и вздоръ», Тома Аквинскій самое стремленіе къ познанію вещей считаетъ грѣхомъ, если оно не ведетъ къ познанію Бога, а Рожеръ Беконъ утверждаетъ, что всякое знаніе, которое не имѣетъ отношенія къ христіанскому вѣроученію, влечетъ человѣка во мракъ преисподней.

Источникомъ всякихъ соблазновъ въ сферѣ науки представляла античная литература. Поэтому церковь запрещала изученіе не только философской, но и большей части юридическихъ и медицинскихъ сочиненій древности и допускала занятія классиками только какъ школу научнаго мышленія, которая давала формальное логическое развитіе и изъ которой можно было извлекать научныя основы для поддержанія церковнаго ученія.

Доказывать богословскія истины и дѣлать ихъ доступными разуму составляло задачу *средневѣковой философіи*, которая по отношенію къ теологіи была наукою служебной и представляла апологетику церковной догматики. Въ трехъ главныхъ фазахъ, чрезъ которыя прошелъ одинъ изъ самыхъ кардинальныхъ вопросовъ (отношеніе универсалій къ индивидуаль-

нымъ вещамъ), средневѣковая философія достигаетъ сначала полнаго соотвѣтствія съ церковнымъ ученіемъ, — періодъ ортодоксальнаго направленія схоластики и по времени совпадаетъ съ классическимъ періодомъ среднихъ вѣковъ, — а затѣмъ снова сходитъ съ почвы церковной религіозности. Противорѣчіе между тремя основными направленіями схоластики, крайнимъ реализмомъ послѣдователей Платона, умѣреннымъ аристотелевскимъ реализмомъ и номинализмомъ связано съ глубочайшею проблемой средневѣковаго міровоззрѣнія, съ вопросомъ объ отношеніи человѣка и природы къ Богу. *Крайніе реалисты*, опираясь на ученіе Платона объ идеяхъ, приходили къ пантеизму: уничтожая грань между Богомъ и природою и считая человѣческій разумъ частью божественнаго, они отрицали тѣмъ самымъ авторитетъ церкви *). Въ ученіи Аристотеля объ отношеніи универсалій къ индивидуальнымъ вещамъ *представители умѣреннаго реализма* находили обоснованіе церковнаго воззрѣнія на Бога, какъ на Творца міра, существующаго внѣ міра и властвующаго надъ нимъ. Утверждая противоположность между Богомъ и природою, умѣренные реалисты **) доказывали и необходимость откровенія, безъ котораго ограниченной природѣ человѣка недоступно познаніе божества. Естественнымъ выводомъ отсюда является признаніе авторитета церкви, какъ посредствующаго начала между Богомъ и человѣкомъ. Такимъ образомъ, именно аристотелевскій реализмъ представлялъ научное обоснованіе вѣроученія церкви и ея божественнаго авторитета. *Номинализмъ* является уже отступленіемъ и представляетъ переходную ступень къ новой философіи.

Средневѣковой философіи Эйкенъ касается только въ самомъ общемъ очеркѣ; съ гораздо болѣею обстоятельностью онъ разсматриваетъ средневѣковое естествознаніе и исторіографію. Методомъ *естествознанія*, какъ и философіи, была дедукція. Природа, вышедшая чистою изъ рукъ Творца, была запятнана грѣхопадѣніемъ человѣка, который только съ помощью истинъ откровенія можетъ обрѣсти образъ Бога въ Его твореніи. Средневѣковое естествознаніе, — говоритъ Эйкенъ, — конструировало міръ изъ религіозныхъ представленій. Эта фраза, какъ и все дальнѣйшее изложеніе Эйкена требуютъ разъясненія. Система средневѣковыхъ воззрѣній на природу во многихъ частяхъ, несомнѣнно, представляетъ простой выводъ изъ религіозныхъ вѣрованій, къ которымъ вся она въ цѣломъ приложена и согласована; многія, однако, воззрѣнія, какъ оговаривается вскользь и самъ

*) Первая попытка связать ученіе неоплатониковъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ была сдѣлана С. Эригеной. „Богъ, создавая міръ, творитъ Самого Себя“, — говоритъ онъ. Въ томъ же направленіи учил Ремигій Оксеррскій (въ началѣ X в.), Гильомъ Шампо, Бернаръ Шартрскій (XII в.) и т. д. Концептуализмъ Абеляра привелъ его въ такимъ же нѣптястическимъ воззрѣніемъ, какъ и представителей платонизма. Особенно расходились крайніе реалисты съ церковью въ ученіи о св. Троицѣ. См. *Bicken*, стр. 603—605.

**) Альбертъ Великій, Фома Аквинскій, Ансельмъ Кентерберійскій, Гуго и Ричардъ изъ св. Виктора, Вильгельмъ Оверскій, Бонаaventura и т. д. Въ ученіи о св. Троицѣ средневѣковые перипатетики стояли вполнѣ на почвѣ церковнаго догмата.

Эйкенъ, перешли къ среднимъ вѣкамъ отъ античной науки. Необходимо также имѣть въ виду и другой элементъ, который совершенно игнорируетъ Эйкенъ: во взглядахъ церковныхъ писателей должна была отражаться и народная фантазія, поскольку ея отношеніе къ природѣ не стояло въ противорѣчіи съ основами вѣроученія; во всякомъ случаѣ, во многихъ воззрѣніяхъ, которыя Эйкенъ выводитъ изъ религіозныхъ представленій, какъ, напримѣръ, въ символахъ астрономическихъ явленій, нельзя видѣть ничего, кромѣ наивныхъ объясненій, которыя масса дастъ непонятнымъ для нея и поражающимъ ея воображеніе явленіямъ.

Съ точки зрѣнія средневѣковыхъ натуралистовъ, человѣкъ есть цѣль творенія. Бонавентура утверждалъ, что міръ немислимъ безъ человѣка, потому что помимо человѣка его существованіе безцѣльно. Божественное предназначеніе человѣка есть творческій принципъ мірозданія. Для человѣка созданы земля, солнце, луна, звѣзды и весь видимый міръ; его жилище—земля есть та сцена, на которой разыгрывается великая трагедія силъ невидимаго міра. Поэтому средневѣковые натуралисты и помѣщали землю въ центрѣ вселенной, къ которому стремятся всѣ міровыя силы *). Изъ небесной тверди образовались стихійные элементы: огонь, вода, воздухъ и земля. Звѣзды оказываютъ особое вліяніе на міръ растений: ихъ безконечнымъ числомъ объясняли дифференціацію растений, каждый видъ въ растительномъ царствѣ имѣлъ свою особую звѣзду. Въ свою очередь силы земли имѣютъ и центробѣжное стремленіе, изъ ея испареній возникаютъ кометы и метеоры.

За семью планетными небесами, твердью и кристалльнымъ небомъ помѣщался эмпиреумъ, жилище блаженныхъ духовъ; въ глубинѣ земли; въ самомъ ея центрѣ, находится адъ **). Видимыя глазу перемѣны въ положеніи небесныхъ свѣтилъ объяснялись ихъ движеніемъ, а не движеніемъ земли, что вполне согласно съ ея мѣстомъ въ общемъ планѣ мірозданія. Землю вообще считали плоскимъ кругомъ. Но представленіе о шарообразной формѣ земли встрѣчается уже въ VIII столѣтіи, а во второй половинѣ XII столѣтія Гонорій Отенскій уже могъ говорить, что плоскостью считали землю лишь «нѣкоторые» ***). Представленіе объ антиподахъ церковь отвергала, такъ какъ оно противорѣчило ея ученію о единствѣ человѣческаго рода. Относительно величины земли допускалось сравненіе съ дру-

*) Наприм., Сатурнъ приноситъ землѣ холодъ и сухость, Марсъ—жару, Луна—влажность и т. д. См. *Eicken*, стр. 615. Очевидно, Эйкенъ можетъ здѣсь говорить только о *соотвѣстности* геоцентрической теоріи религіознымъ представленіямъ средних вѣковъ, а не о ея происхожденіи. Во всей античной литературѣ встрѣчаются намеки на основную мысль системы Коперника только у Аристарха Самосскаго. См. *Ламе*: „Исторія материализма“, русск. пер. Страхова, т. I, стр. 92. Ср. также I, стр. 182, пр. 56.

***) По Данту, адъ имѣетъ видъ конусообразнаго кратера, вершина котораго лежала въ центрѣ земли. *Eicken*, стр. 617.

***) Мысль о шарообразности земли встрѣчается, между прочимъ, у Альберта Великаго, Фоми Аквинскаго, Викентія Бовескаго, Бертольда Регенсбургскаго и т. д. *Eicken*, стр. 619.

гими свѣтилами. На основаніи религіозныхъ представленій конструировался и видъ земной поверхности; центромъ земли считался Іерусалимъ *) и, если жилище первыхъ людей, на основаніи указаній Вѣтхаго Завета, помѣщали внѣ Іудей, то мѣстомъ погребенія Адама считалась Голгова, на которой былъ распятъ Спаситель.

Цѣль изученія природы прямо вытекала изъ ея пониманія. Въ природѣ Творецъ далъ человѣку путь къ познанію конечной цѣли жизни, и въ ея явленіяхъ средніе вѣка искали не жизненныхъ законовъ, а дѣйствія чудесной силы Божіей. Съ этой точки зрѣнія природа была непрестаннымъ откровеніемъ, выражая во всѣхъ своихъ явленіяхъ особую добродѣтель или особый порокъ человѣка. Для средневѣковыхъ людей эта символика выражала не ихъ субъективное отношеніе къ природѣ, а представлялась цѣлью самого Бога, объективированною въ природѣ. Уже у Іоанна Дамаскина высказана мысль, что луна потому заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, что Богъ хотѣлъ сдѣлать понятными для человѣка сословныя различія. Скоттъ Эригена прямо говоритъ, что такъ какъ въ человѣкѣ содержится все, что есть въ природѣ, то и во всемъ, что создано, сотворенъ только человѣкъ. Явленія всего неорганическаго и органическаго міра представлялись воплощеніемъ небесныхъ и адскихъ силъ, добродѣтелей и пороковъ. Въ самой наружности человѣка содержится указаніе на его божественное происхожденіе: строеніе глазъ, бровей, носа, рта и ушей составляетъ слова «homo Dei». Богатый матеріалъ находила религіозная символика въ мірѣ животныхъ и растений: агнецъ и единорогъ означали Христа; драконъ, змѣя и медвѣдь служили чувственнымъ образомъ дьявола; пеликанъ символически выражалъ искупительную жертву Христа; лилія означала чистоту, яблоня—первородный грѣхъ и т. д. Но особенно она занималась минералами: 12 камней Апокалипсиса раздѣлялись на 4 группы и обозначали разные виды 4-хъ добродѣтелей христіанскаго совершенства: вѣры, надежды, любви и вѣрности. Объективное значеніе этой символики видно, наприм., изъ того, что медицина цѣлебныя свойства, которыя она приписывала драгоценнымъ камнямъ, выводила изъ ихъ символическаго значенія. То же воззрѣніе лежало въ основаніи алхиміи.

Тайны невидимаго міра старались читать и въ звѣздахъ (Солнце—символь вѣры, Луна—смиренія, Марсъ—силы духа, Венера—любви и т. д.); въ нихъ искали указаній и на человѣческія отношенія (Солнце и Луна—церковь и государство) и въ необычныхъ явленіяхъ природы видѣли предзнаменованіе необыкновенныхъ и исключительныхъ событій (кометы). Такимъ образомъ, вся природа представляла аллегорію религіозной идеи; она была «книгой, написанной перстомъ Божіимъ». Въ такомъ представленіи выражались, разумѣется, воззрѣнія церкви и тѣхъ, кто ихъ строго держался. Народная жизнь, — замѣчаетъ Эйкенъ, — и въ отношеніе къ природѣ вно-

*) Дантъ помѣщалъ Іерусалимъ на вершинѣ адскаго кратера. Стр. 622.

сила практической интересъ; средневѣковая поэзія даетъ многочисленные примѣры и эстетическаго отношенія къ природѣ: и то, и другое стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ эстетическимъ презрѣніемъ міра.

Исторія, подобно философіи и естествознанію, была также вспомога- тельною наукой теологій, апологетикой вѣроученія. Поэтому предметомъ историческаго изученія служили, главнымъ образомъ, жизнь и дѣянія свя- тыхъ, борьба и обращеніе языческихъ народовъ, отношеніе церкви и го- сударства, походы въ Святую землю и т. д.; церковь и христіанская ре- лигія составляютъ основную тему средневѣковой историографіи; всѣ осталь- ные факты она захватываетъ лишь постольку, поскольку они касаются этихъ центральныхъ вопросовъ. Руководящую идею средневѣковая историо- графія нашла въ литературѣ древне-христіанской; источникомъ философ- ско- историческихъ представленій служило сочиненіе Бл. Августина *De civitate Dei*, которое всю исторію человечества рассматриваетъ какъ по- степенное развитіе противоположности между «царствомъ Божиимъ», съ одной стороны, и свѣтскимъ государствомъ—съ другой. «Царство Божіе», въ которомъ сольются двѣ раздѣленные до сихъ поръ области государ- ства и церкви, является цѣлью развитія человечества и съ точки зрѣнія средневѣковой историографіи; осуществленіе этой цѣли она слѣдитъ съ на- чала человѣческаго рода въ смѣнѣ всемірныхъ монархій и только въ отношеніи къ этой цѣли устанавливаетъ связь между событіями; внутрен- няя, причинная связь между событіями не играетъ въ средневѣковой исто- риографіи никакой роли. Поэтому древняя исторія имѣла, главнымъ образомъ, значеніе прообраза, параллели. Въ важнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ древ- ности искали пророческихъ указаній на предстоявшее искупленіе: въ ма- тери Бира Манданѣ видѣли прообразъ Богоматери, въ самомъ Кирѣ, осво- бодившемъ евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго,—прообразъ Христа, освобо- дившаго людей изъ власти дьявола; самопожертвованіе Бодра знаменовало собою искупительную жертву Христа и т. д. Человѣческая исторія, какъ и природа, служила аллегоріей исторіи искупленія.

Въ отношеніи къ прошлому историографія примѣняла вообще принципы практической политики современности. Мѣркою для оцѣнки историческихъ лицъ являлись ихъ отношенія къ церкви: ея сторонники—великіе и добро- дѣтельные, даже святые, ея враги—ничтожные и порочные люди *). На почвѣ этой пристрастной оцѣнки выросли легендарные рассказы, ко- торыми богата средневѣковая историографія и которые возникали частью путемъ сознательной фабрикаціи **), частью изъ наивныхъ вѣрованій ***).

*) Наприм., Григорій Турскій о Хлодвигѣ и Хильперикѣ; изображение Карла Мартел- ла въ жизнеописаніи еписк. Ригоберта; у Бруно Саксонскаго императоръ Рудольфъ представляется мученикомъ вѣры, а Генрихъ IV и всѣ его приверженцы надѣлены самыи позорными пороками. Другіе примѣры см. *Эйменъ*, стр. 651—655.

**) Такова легенда о дарѣ Константина, псевдо-Исидорови декреталии, общанія Плиния Короткаго и Карла В., которые имъ приписываются биографіями папъ Адриана I, и т. д., стр. 656—57.

***) Таковы рассказы о благочестіи Θεодосіа В. у Григорія Турскаго и Нарзеса

Содержаніе средневѣковой историографіи опредѣлило ея форму: не возвысившись до прагматической обработки матеріала, она осталась анналистичкой, т.-е. изображеніемъ событій безъ отношенія къ ихъ причинной связи, а только въ хронологической послѣдовательности. Религіозная идея отразилась даже въ лѣтосчисленіи, элементы котораго стоятъ въ тѣсной связи съ событіями священной исторіи: съ IX столѣтія Рождество Христово становится эрой, началомъ года—день воплощенія Христа (25 декабря, позднѣе—25 марта); дни мѣсяца различаются по церковнымъ праздникамъ, недѣля начинается съ воскресенья (*feria dominica*), сутки дѣлятся на *4 hoiae sapoticae*.

Въ историографіи повторился тотъ же конфликтъ между аскетическою идеей церкви и практической дѣйствительностью, которымъ проникнута область практической политики. «Вѣра въ религіозную идею, воплощенную въ церкви, распространена и въ историографіи,—говоритъ Эйкенъ,—логическое слѣдствіе такого представленія, подчиненіе свѣтской власти божественному авторитету церкви, какъ и въ практической политикѣ, не встрѣчаетъ общаго признанія». Императорская партія имѣла своихъ представителей и въ историографіи *), которые въ свои философско-историческія построенія вносили государственную точку зрѣнія и въ земномъ «царствѣ Божіемъ» свѣтскому государству отводили самостоятельное положеніе рядомъ съ церковью.

Оттонъ Фрейзингенскій «царство Божіе» представлялъ какъ связь двухъ независимыхъ учрежденій—государства и церкви. Иорданъ Оснабрюкскій самое существованіе церкви связывалъ съ государствомъ, съ паденіемъ котораго должно наступить пришествіе антихриста. Въ такой же степени расходятся сторонники государства въ историографіи съ церковными писателями и въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ, хотя вообще ихъ приговоры гораздо умѣреннѣе.

Такимъ образомъ, мы подчеркиваемъ здѣсь еще разъ наше прежнее возраженіе Эйкену—борьба между государствомъ и церковью имѣла мѣсто и въ сферѣ теоріи, и сопротивленіе государства церковнымъ притязаніямъ на этой почвѣ было гораздо значительнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ его представляетъ Эйкенъ. Повторяемъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, что «потребности практической дѣйствительности оказывались могущественнѣе строгой логики системы»; мы видѣли, что въ самой системѣ не было основаній для единообразнаго политическаго міросозерцанія и что даже въ

у Павла діакона; такъ, Видукиндъ объясняетъ войны Карла В. его стремленіемъ повсюду распространять христіанство; въ хроникѣ монаха Бенедикта онъ даже предпринимаетъ крестовый походъ. Бездѣтность имп. Генриха II подала поводъ къ легендѣ о его дѣломудренномъ бракѣ. Въ имп. хроникѣ даже разрушеніе Іерусалима объясняется желаніемъ Тиберія наказать евреевъ за Христа (стр. 657—663).

*) Наприм., эпосъ саксонской войны, *Жизнь имп. Генриха IV*, *Похвальное слово Генриха IV* еп. Бензо, *Жизнь Григорія VII* кард. Бено, аугсбургскіе анналы, хроника Оттона Фрейзингенскаго и т. д.

среди сторонников церкви существовали различные взгляды на роль государства въ «царствѣ Божіемъ»; церковь, конечно, старалась для своихъ притязаній подыскать теоретическое оправданіе; опираясь на тѣ же принципы, государство создавало свою теорію и противопоставало ее церковной.

VII.

Произведенія *поэтической литературы* средних вѣковъ Эйкенъ разсматриваетъ по двумъ группамъ: къ первой относятся произведенія духовныя, созданныя въ монастырскихъ стѣнахъ и представляющія выраженіе религіознаго мировоззрѣнія, ко второй принадлежатъ продукты свѣтскаго творчества, отразившіе въ себѣ направленія мысли, противоположныя, иногда даже прямо враждебныя религіозной идеѣ.

«Почти три столѣтія, съ IX и до половины XII вѣка,—говоритъ Эйкенъ,—монастыри почти исключительно владѣютъ поэтической литературой; это—эпоха, когда поэзія обходитъ свѣтскіе сюжеты, народъ лишеть участія въ поэтическомъ творествѣ, а монахъ является поэтомъ и предметомъ поэтическаго изображенія». Только крестовые походы снова вызвали къ жизни духъ поэзіи, погруженный въ сонъ въ теченіе столѣтій, и XII—XIII вѣка, несмотря на господство церковной идеи, были эпохой разцвѣта поэтической литературы. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Эйкену можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ безъ всякой надобности черезъ-чуръ сгущаетъ краски въ своемъ изложеніи: едва ли основательно говорить о «сонѣ, въ который была погружена свѣтская поэзія» въ періодѣ отъ IX—XII ст., когда какъ разъ въ этотъ періодъ были записаны нѣкоторыя произведенія народнаго творчества *), а происхожденіе многихъ другихъ относится именно ко времени до XII вѣка **). Другое дѣло, если имѣть въ виду общее направленіе средневѣковой литературы: до крестовыхъ походовъ церковная поэзія несомнѣнно подавляетъ свѣтскую. Церковь относилась къ свѣтской поэзіи вполне отрицательно: этотъ строгій церковный взглядъ выражается, наприм., въ презрѣніи Людовика Благочестиваго къ народнымъ пѣснямъ, которыя онъ слышалъ въ дѣтствѣ, суровомъ отношеніи Генриха III къ комедіантамъ, «этимъ служителямъ дьявола», какъ ихъ называетъ Вицентій Бовесскій. Прославленіе спасительныхъ дѣлъ Божіихъ и назиданіе души—вотъ единственная цѣль, которую церковь признаетъ достойной поэзіи. Поэтому церковное творчество разрабатываетъ исключительно религіозныя темы. *Лирику* составляютъ стихотворныя молитвы, основными мотивами которыхъ служатъ молебны о по-

*) Наприм., Гмльдебрантъ: „Пѣснь о Вальтерѣ Аквитанскомъ“.

***) *Ludwigslied, Rudlieb, Письмо о побѣдѣ саксовъ при Эрсбури, Сати о Роландѣ, о Жирарѣ Руссельскомъ, о Вилхельмѣ Оранскомъ, Поесть объ Оксестѣ и Николетѣ*, и т. д. Эйкенъ указываетъ на литературную недолговѣчность этихъ произведеній и въ этомъ видитъ доказательство ихъ слабыхъ поэтическихъ достоинствъ, а, стало быть, и слабого интереса народа къ свѣтской поэзіи.

моши въ приобрѣтеніи вѣчнаго наслѣдія Христа, обращенныя къ св. Троицѣ, Дѣвѣ Маріи и различнымъ святымъ. Мрачное настроеніе, вызванное размышленіемъ о грѣховности и суетѣ земной жизни, гармонически разрѣшается въ радостное предвкушеніе небснаго Іерусалима и райскихъ блаженствъ. Особенными поэтическими достоинствами отличаются гимны Св. Дѣвѣ, представляющіе апофеозъ дѣвственности.

Такое же богатство, какъ и въ лирикѣ, религиозное творчество представляетъ въ *дидактической и этической поэзіи*. Уже въ IX столѣтіи появляются двѣ большія дидактическія поэмы—*Геліандъ* и *Гармонія евангелій* Отфрида. Цѣль, которую преслѣдуютъ эти поэтическія обработки Библии, встрѣчающіяся и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, отнюдь не эстетическая: авторы ихъ стремятся вытѣснить произведенія народнаго творчества и дать подходящій матеріалъ для религиознаго воспитанія народа. Тою же цѣлью проникнута и легенда, которая представляетъ, такъ сказать, героическій эпосъ церкви. Въ противоположность героямъ античнаго эпоса, характерную черту которыхъ составляетъ наслажденіе красотой, юностью и силой, святые этой легенды воплощаютъ въ себѣ добровольное отреченіе отъ радостей земнаго существованія, умерщвленіе чувственности. Легенды по большей части представляютъ біографіи мучениковъ; ихъ составные элементы—аскетическіе подвиги и чудеса; содержаніе занято описаніемъ мукъ, переносимыхъ «атлетами Бога» въ борьбѣ съ міромъ и грѣховною плотью. Въ легендѣ мы имѣемъ иллюстрацію отвлеченной религиозной идеи, и это отражается и на ея литературной формѣ. Общая аскетическая схема связываетъ поэтическое творчество и историческій рассказъ. Легенда не различаетъ ни историческихъ условій, ни индивидуальныхъ особенностей, и одни и тѣ же типическія событія повторяются въ легендахъ, варьируясь только въ незначительныхъ деталяхъ; святые также остаются всегда съ одними и тѣми же типическими чертами, независимо отъ индивидуальности, возраста, происхожденія, эпохи. Исключеніе составляютъ очень немногія легенды.

Эйкенъ даетъ здѣсь нѣсколько одностороннюю характеристику эпической и дидактической поэзіи и ничего не говоритъ о томъ особомъ колоритѣ національности и эпохи, которымъ духовные авторы облакали сознательно или безсознательно разрабатываемые ими религиозные сюжеты *). Эйкенъ, разумѣется, и не имѣетъ въ виду общей характеристики духовной поэзіи и останавливается только на той сторонѣ ея, которая ему необходима для иллюстраціи его мысли. Съ такой же точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и средневѣковую драму. Средневѣковая драма, — говоритъ Эйкенъ, — возникла на почвѣ религиозной идеи и, въ сущности, была ничѣмъ инымъ, какъ превращеніемъ библейскаго и легендарнаго рассказа

*) Въ *Геліандъ* Богъ—могучій конунгъ, апостоли—архи, ангели—валькири въ платьѣ изъ перьевъ и т. д. То же и у Отфрида. См. *Sherer: „Geschichte der Deutschen Litteratur“* (II ausg.), стр. 46 и сл., и *Всеобщ. ист. литер.*, подъ ред. В. О. Керна, II, стр. 136 и сл. О свѣтскомъ элементѣ въ духовныхъ произведеніяхъ см. вообще у *Sherer*, стр. 82 и сл.

въ форму діалога. Цѣль драмы—возможно полное и точное воспроизведе-
ніе этого разсказа—связала свободное развитіе дѣйствія и характеровъ. Эти
замѣчанія вполне справедливы относительно комедій Гросвиты, написан-
ныхъ съ очень опредѣленною благочестивою цѣлью *) и представляющихъ
близкую передачу тѣхъ легендъ, изъ которыхъ взято ихъ содержаніе. Какъ
и въ легендѣ, въ комедіяхъ Гросвиты злоба и глупость язычниковъ-рим-
лянъ составляетъ темный фонъ, на которомъ небеснымъ свѣтомъ сіяютъ
добродѣтели христіанъ. Психологическій элементъ, чуждый легендѣ, отсут-
ствуетъ и въ комедіяхъ; аскетическій подвигъ и чудо—главные моменты
шести комедій Гросвиты, основная тема которыхъ вездѣ одна и та же—
прославленіе небесной любви въ противоположность земной.

Другое дѣло—средневѣковыя церковныя представленія. Цѣлью этихъ
представленій было изображеніе въ живомъ дѣйствіи событій священной
исторіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта цѣль и условія, въ которыхъ
возникла церковная драма, отразились на ея формѣ и придали ей ея эпи-
ческій складъ. Но утверждать, что «церковныя представленія только фор-
мою діалога отличались отъ каноническихъ и апокрифическихъ книгъ Но-
ваго и Вѣтхаго Заветъ и легендъ», какъ это дѣлаетъ Эйкенъ, значить
прямо игнорировать цѣлый рядъ очень существенныхъ фактовъ. Вмѣстѣ съ
появленіемъ народнаго языка въ мистеріяхъ (а вставки на народномъ язы-
кѣ встрѣчаются уже въ самыхъ древнихъ изъ нихъ **) начинается секуля-
ризація церковной драмы: она все болѣе вплетываетъ въ себя свѣтскіе
элементы и все болѣе отражаетъ современные нравы ***). Прибѣгая къ тер-
минологіи Эйкена, мы скавали бы, что мистерія какъ разъ представляетъ
однѣ изъ прищѣповъ побѣды «чувственной природы человѣка надъ стро-
гою логикою системы».

Въ XII и XIII столѣтіяхъ литература освобождается отъ церковна-
го вліянія. Старые героическіе образы оживаютъ и становятся идеаль-
ными образами эпохи. Въ XII и XIII столѣтіяхъ были записаны старин-
ныя саги, духъ которыхъ (наприм., пѣсни о Нибелунгахъ) составляетъ
полный контрастъ съ церковнымъ мировоззрѣніемъ. Ближе къ нему стоитъ
рыцарская поэзія, но и она представляетъ отрицаніе монашескаго аске-
тизма и церковнаго господства. Такъ, содержаніемъ рыцарской лирики было
прославленіе земной любви. Рыцарскій эпосъ хотя и разрабатываетъ ле-
гендарный матеріалъ крестовыхъ походовъ, но жизнь вдохнула въ него не
воинственно-религиозное усердіе, а вновь раскрывшіяся прелести жизни, о
существованіи которыхъ и не подозревали до сихъ поръ въ тѣсныхъ стѣ-

*) Подражая Теренцію, создать противовѣсъ безнравственному содержанію ея
комедій, какъ она сама говоритъ объ этомъ. Klein: „Geschichte des Dramas“, III,
стр. 665 и сл., стр. 679 и сл. Въ комедіяхъ ея встрѣчаются и сцены чисто-комическія,
очевидно, народнаго происхожденія, наприм., сцены въ *Dulcitim*. Klein, стр. 702 и
703, 708 и 709.

***) Наприм., *Притча о десяти дворахъ* (XI в.).

***) См. *Старинный театр въ Европѣ*, А. Н. Веселовскаго, стр. 20 и сл.

нах замковъ, мрачныхъ улицахъ городовъ и въ бѣдныхъ крестьянскихъ поселкахъ. Не отреченіе отъ міра, а призывъ къ наслажденію благи жизни составляетъ основной мотивъ рыцарской поэзіи. Даже въ поэмахъ о Гралѣ, въ которыхъ болѣе всего отразилась религіозная идея, связь ея съ содержаніемъ очень слабая. Въ Парсивалѣ, наприм., рыцарскія военныя и любовныя приключенія составляютъ существенную часть содержанія. Самая религіозная идея видоизмѣняется, такъ какъ исчезаетъ противоположность небеснаго и земнаго. Особенно ярко выражается контрастъ между церковною и рыцарскою поэзіей въ поэмі о Вальтерѣ Аквитанскомъ, гдѣ ревнитель вѣры и аскетъ легенды превращается въ героя любовныхъ приключеній. *Тристанъ и Изольда* Готфрида Страсбургскаго представляетъ апофеозъ чувственной страсти.

Въ связи съ отрицаніемъ аскетическихъ принциповъ церковнаго ученія, по мнѣнію Эйкена, стоитъ отрицательное отношеніе рыцарской поэзіи къ іерархическимъ стремленіямъ церкви. Замѣтимъ, что сами средневѣковые «вольнодумцы» видѣли въ этихъ стремленіяхъ не логическій выводъ, а извращеніе религіозной идеи.

Еще значительнѣе, чѣмъ въ литературѣ, было влияніе церкви съ сферъ образовательныхъ искусствъ. Съ IX до XIII столѣтія, — говоритъ Эйкенъ, — искусство было исключительнымъ достояніемъ церкви, выражая въ художественныхъ образахъ религіозную идею. Свѣтскаго матеріала, какъ и литература, искусство не должно было касаться: предметомъ художественнаго изображенія должны были служить дѣянія и событія, относящіеся къ вѣчному спасенію; въ теченіе многихъ столѣтій живопись и скульптура берутъ матеріалъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и легендъ; люди, животныя и растенія воспроизводятся только какъ аллегорическіе образы. Какъ искусство, архитектура существовала [только для богослужебныхъ цѣлей; зданія, выстроенныя въ римскую эпоху, подвергались разрушенію, а матеріалъ, добытый этимъ путемъ, обращался на постройку церквей и монастырей. Отрицая искусство «міра», церковь не признаетъ и его эстетики: на основаніи религіозныхъ представленій она создаетъ собственный идеалъ красоты и чувственнымъ образамъ античнаго искусства противопоставляетъ идеальные образы святыхъ, какъ основу своей эстетики. Средневѣковый эстетическій идеалъ воплощался въ образахъ Христа, изображая котораго художникъ страшился выразить глубину и силу духа въ тѣлѣ, измощенномъ страданіями, и Маріи, тѣлесная красота которой должна была представлять только отраженіе божественной красоты незапятнанной грѣхомъ и «міромъ» Дѣвственницы *). Такимъ образомъ, идеалъ этотъ составляетъ

*) Эйкенъ указываетъ, что развитіе художественныхъ типовъ Христа и Маріи идетъ параллельно росту церковной идеи: древне-христіанское искусство изображаетъ Христа юнымъ и окруженнымъ божественнымъ величіемъ; съ X в. предметомъ изображенія становится распятый Христосъ, причемъ постепенно все болѣе выдвигается черта страданія. Въ типѣ Св. Дѣвы средневѣковое искусство развиваетъ черты юности и красоты: въ древне-христіанскомъ искусствѣ Она изображается и въ 40—50-ти лѣтнемъ возрастѣ; въ готическомъ Она остается вѣчно-юною.

красота внутренняя, духовная. Стремясь къ ея выраженію, средневѣковое искусство пренебрегаетъ внѣшними формами, не изучаетъ натуры и часто стоитъ съ нею въ прямомъ противорѣчій. Человѣческія фигуры средневѣковой живописи и скульптуры чрезмерно худы и слабы, съ непропорциональными членами тѣла, которому обыкновенно придано неестественное положеніе. Лица, хотя и отличаются глубиной выраженія, лишены индивидуальности и представляютъ общіе типы аскетической идеи.

Самое яркое выраженіе церковнаго идеала представляетъ архитектура. Уже въ формѣ базилики по мѣрѣ отдѣленія духовенства отъ мірянъ происходятъ измѣненія. Апсида, на которой стоялъ алтарь и помѣщалось духовенство, отдѣляется отъ нефа трансептомъ и устраивается нѣсколькими ступенями выше. Въ X и XI столѣтіяхъ, съ усиленіемъ аскетическаго настроенія и могущества церкви, храмы становятся богаче и великолѣпнѣе: дерево вытѣсняется камнемъ. Хоръ въ церквахъ романскаго стиля поднимается еще выше. Полнаго выраженія религиозная идея достигаетъ въ архитектурѣ готической, которая, представляя полное отрицаніе матеріальныхъ условій въ стилѣ и техникѣ, устройствомъ хора, увеличеннаго и отдѣленнаго отъ нефа балюстрадой, еще болѣе выдвигаетъ іерархическій принципъ: духовенство и въ церковной службѣ отдѣлено и поднято надъ «міромъ».

Церковь, несмотря на все свое вліяніе въ сферѣ искусства, не достигла его полнаго подчиненія, хотя область свѣтскаго искусства въ средніе вѣка очень незначительна. Эйкенъ говоритъ, что ландшафтъ и жанръ не существовали въ средневѣковой живописи. Болѣе развито было портретное искусство. Портреты встрѣчаются на печатахъ, на монетахъ, въ иллюминаціяхъ рукописей и на стеклѣ; въ этихъ портретахъ художникъ стремится передать должностное положеніе лица и въ лучшихъ случаяхъ схватываетъ только общее сходство. То же приходится сказать и объ изображеніяхъ на надгробныхъ памятникахъ, которыя за отсутствіемъ портретовъ создавались по воспоминанію. Встрѣчаются въ средніе вѣка и историческія картины, но число ихъ очень незначительно. Большое вліяніе на развитіе исторической живописи оказали крестовые походы.

Несмотря на односторонность главной мысли и излишнюю схематичность изложенія, книга Эйкена заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія: знакомя читателя съ основными направленіями средневѣковой мысли по отношенію къ различнымъ сторонамъ соціальной и культурной дѣятельности, она, въ то же время, даетъ руководящую нить, съ помощью которой можно ориентироваться въ обширномъ матеріалѣ, собранномъ авторомъ. *Исторія и система средневѣковаго мировоззрѣнія* является однимъ изъ основныхъ пособій при изученіи культурной исторіи среднихъ вѣковъ; съ другой стороны, вполне доступное, увлекательное изложеніе должно доставить ей широкое распространеніе среди образованной публики вообще.

А. Нудряцевъ.

Взглядъ на задачи рабочей конференціи въ Берлинѣ 1890 года *).

Берлинская конференція, бывшая въ мартѣ прошлаго года и высказавшая нѣкоторыя общія начала относительно *международной охраны рабочихъ*, вызвала въ обществѣ и печати самыя разнообразныя толки и сужденія. Между тѣмъ какъ одни привѣтствовали ее какъ примѣчательнѣйшую попытку, со стороны правительствъ, рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ въ сферѣ гораздо болѣе широкой, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, — именно въ области международной, — другіе, напротивъ, рѣзко и въ принципѣ осуждаютъ самую идею этой конференціи, а выработанные ею пункты считаютъ однѣми пустыми фразами, чисто-платоническими пожеланіями, которыя никогда не получаютъ практическаго значенія. Наконецъ, третьи, между русскими, говорятъ, что Россія, къ счастью, не имѣетъ, да, вѣроятно, и никогда имѣть не будетъ рабочаго вопроса, а потому мы можемъ къ дѣлу, затѣянному въ Берлинѣ, либо относиться съ полнымъ безучастіемъ, либо слѣдить за нимъ, курьеза ради, въ качествѣ совершенно постороннихъ зрителей.

Въ вопросѣ столь новомъ и важномъ требуется большая осмотрительность; поэтому, прежде чѣмъ высказаться о немъ по существу, бросимъ взглядъ на движеніе, приведшее къ берлинской конференціи, и на принятыя ею рѣшенія.

I.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Швейцаріи, которая не мало трудится для развитія международного права въ наши дни. 19 декабря 1880 года въ ея національный совѣтъ было внесено предложеніе просить ея союзный совѣтъ, чтобы онъ вступилъ съ главными промышленными государствами Европы въ переговоры относительно введенія, хотя постепеннаго, *международнаго фабричнаго законодательства*. Уже въ этомъ предложеніи мотивами къ нему указываются: необходимость для Швейцаріи, со

*) Читано въ засѣданіи московскаго юридическаго общества.

времени введенія у нея фабричнаго законодательства, поддержать, посредствомъ международнаго соглашенія, способность ея національной промышленности конкурировать съ иноземными и положить нѣкоторые предѣлы перепроизводству, вызывающему періодическіе кризисы въ экономической жизни.

Сюзный совѣтъ въ принципѣ отнесся сочувственно къ этому заявленію, но поставилъ на видъ, что мысль, въ немъ проводимая, можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь подъ условіемъ принятія и другими государствами фабричныхъ законовъ; поэтому онъ предоставилъ себѣ право выбрать наиболѣе цѣлесообразное время для обращенія съ этимъ предложеніемъ къ остальнымъ кабинетамъ.

Однако, уже въ 1881 г. правительство Швейцаріи выступило съ этою попыткой, но она совершенно не удалась: многія государства еще не имѣли тогда законовъ объ охранѣ рабочихъ на фабрикахъ; самыя воззрѣнія правительствъ на это дѣло были между собою такъ различны и противорѣчивы, что никакая мысль о соглашеніи по этому поводу не имѣла видовъ на успѣхъ.

Прошло сравнительно немного лѣтъ, обстоятельства во многихъ странахъ измѣнились и Швейцарія не поколебалась взять на себя вторично инициативу по занимающему насъ вопросу. Въ циркулярной нотѣ отъ 15 марта 1889 г. *) она обратилась къ державамъ съ приглашеніемъ заключить конвенцію о нѣкоторомъ регулированіи работы на фабрикахъ.

Упомянувъ объ изданіи многими правительствами съ 1881 г. законовъ для покровительства рабочимъ или о выработываніи такихъ законовъ въ другихъ странахъ, а равно о требованіи подобныхъ реформъ палатами, общественнымъ мнѣніемъ и т. п., нота, прежде всего, измѣняетъ *путь*, которымъ слѣдуетъ идти: сначала должно созвать изъ представителей заинтересованныхъ государствъ предварительную конференцію безъ всякаго дипломатическаго характера. На основаніи определенной программы она изучила бы вопросъ и выставила бы тѣ пункты, осуществленіе которыхъ желательно и которые потомъ были бы представлены на обсужденіе и утвержденіе кабинетовъ путемъ международнаго соглашенія. Мысль вѣрная и осторожная: этимъ способомъ можно было идти къ цѣли не спѣша и менѣе всего рискуя впасть въ ошибки. Нельзя не пожалѣть, что Германія впоследствии не переняла ее у Швейцаріи.

Если, — продолжаетъ депеша, — на конференціи окажется, что правительства принимаютъ не всѣ выработанные ею пункты, а лишь нѣкоторые изъ нихъ, правительства могутъ заключить между собою отдѣльныя спеціальныя конвенціи по тѣмъ пунктамъ программы, относительно которыхъ у нихъ установится согласіе. Эти конвенціи, само собою разумѣется, не имѣютъ въ виду замѣнить національные законы сторонъ: онѣ будутъ только обязывать послѣднихъ къ введенію въ ихъ законодательства извѣстныхъ

*) *Archives diplomatiques 1889, Avt.*

минимальныхъ предписаній, но каждое правительство, конечно, будетъ вольно пойти по этому пути далѣе, если пожелаеть.

Цѣлями всего этого движенія означаются: 1) необходимость известнаго регулированія промышленнаго производства именно путемъ международныхъ соглашеній. Несомнѣнно, что во многихъ странахъ Европы оно далеко вышло изъ границъ спроса и надо отыскать хотя бы нѣкоторые естественные и разумные для него предѣлы; 2) улучшение условій жизни рабочихъ. Этотъ пунктъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ первымъ и надъ рѣшеніемъ его должно трудиться, прежде всего, каждое правительство у себя, но Швейцарія обращаетъ вниманіе на благовременность ограниченія воскреснаго труда и труда женщинъ и дѣтей на фабрикахъ. Это содѣйствовало бы физическому и нравственному улучшенію рабочей семьи, отъ вырожденія которой не мало зависитъ самое вырожденіе человѣчества въ нашей части свѣта. Конечно, это вопросъ громадной важности и трудности, но мы и не рассчитываемъ на быстрое его разрѣшеніе, а лишь на постепенное къ тому приближеніе.

Предварительная конференція созывалась въ Бернѣ къ сентябрю 1889 года. Восемь государствъ *), болѣе или менѣе съ оговорками, согласились на участіе. Россія нашла это дѣло несвоевременнымъ. Четыре кабинета **) не дали никакого отвѣта. Особенно любопытно, что въ числѣ послѣднихъ находилось и нѣмецкое правительство.

Между тѣмъ, 12 іюля того же года Швейцарія, въ видахъ устраненія возможныхъ недоразумѣній и болѣе успешности переговоровъ, сочла нужнымъ приготовить для кабинетовъ подробную программу и отложить бернскую конференцію до весны слѣдующаго года. Къ началу 1890 года была разослана эта программа и открытіе конференціи было назначено къ 5 мая.

Въ названной программѣ выставлены вопросы относительно слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) ограниченія или даже запрещенія воскреснаго труда; 2) установленія возраста, до котораго дѣти вообще не допускаются къ работѣ на фабрикахъ; 3) принятія нѣкоторыхъ правилъ касательно работы подростковъ (опредѣленія для нихъ максимальнаго числа часовъ работы въ сутки, отношенія къ этому времени часовъ обязательнаго для нихъ обученія и т. п.); 4) воспрещенія привлекать молодыхъ людей и женщинъ къ работамъ, особенно опаснымъ или вреднымъ для ихъ здоровья; 5) недопущенія названныхъ категорій лицъ (совершенно или отчасти) къ работамъ по ночамъ и опредѣленія собственно ночнаго времени, и 6) принятія мѣръ, способныхъ обезпечить на практикѣ выполненіе договоровъ, которые государства заключили бы между собою. Здѣсь указывалось на періодическія конференціи изъ ихъ делегатовъ, но собственно задачи подобныхъ конференцій не намѣчались.

*) Великобританія, Франція, Италия, Австро-Венгрія, Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ и Португалія.

**) Испанія, Швеція, Данія и Германія.

Среди этихъ переговоровъ явились вдругъ, неожиданно для всѣхъ, въ официальномъ изданіи нѣмецкаго правительства (*Reichsanzeiger*) 5 февраля 1890 г. два рескрипта германскаго императора: одинъ къ канцлеру, кн. Бисмарку, другой къ вновь назначенному министру торговли, Берлепшу, и къ Майбаху, министру публичныхъ работъ *). Оба рескрипта, подписанные однимъ императоромъ, безъ подписи министровъ, имѣютъ въ виду одну цѣль—улучшеніе быта рабочихъ, но для осуществленія ея намѣчаютъ разомъ два пути: международный и національный.

Въ первомъ изъ этихъ актовъ Вильгельмъ II говоритъ о своихъ заботахъ поддержать существованіе нѣмецкихъ рабочихъ и дать нѣмецкой промышленности возможность конкурировать на мировомъ рынкѣ. Если бы она была вытѣснена съ иноземныхъ рынковъ, то средствъ къ существованію лишились бы не только предприниматели, но и ихъ рабочіе. *Затрудненія, возникающія для умощенія положенія нашихъ рабочихъ изъ международной конкуренции, могутъ быть если не устранены, то уменьшены лишь посредствомъ международного соглашенія съ тѣми государствами, которыя преобладаютъ на мировомъ рынкѣ.* Исходя отъ убѣжденія, что отъ общаго обсужденія этого вопроса не прочь правительства тѣхъ странъ, рабочіе которыхъ на этотъ счетъ вступили уже между собою въ переговоры, императоръ для начала желаетъ официально допросить правительства Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи, склонны ли они вступить съ нимъ въ переговоры, чтобы удовлетворить нуждамъ и желаніямъ рабочихъ, заявленнымъ ими на стачкахъ и при другихъ обстоятельствахъ за эти послѣдніе годы. Едва это предложеніе будетъ одобрено въ принципѣ, какъ императоръ высказываетъ намѣреніе пригласить на конференцію для обсужденія поднятыхъ вопросовъ всѣ правительства, интересующіяся въ той же степени бытомъ рабочихъ.

Не менѣе любопытенъ, хотя и менѣе насъ касается, второй рескриптъ, носящій характеръ чисто-государственнаго акта. Вильгельмъ, прежде всего, заявляетъ въ немъ о своей рѣшимости содѣйствовать развитію внутренняго законодательства страны, въ направленіи, данномъ ему покойнымъ дѣдомъ, который, руководимый христіанскою нравственностью, цѣлью себя поставилъ покровительствовать обдѣленнымъ классамъ населенія. Принятая до сихъ поръ въ этомъ отношеніи законодательныя и административныя мѣры не вполне достигаютъ этой цѣли. Требуется дать удовлетвореніе жалобамъ и стремленіямъ рабочихъ, насколько въ нихъ есть законнаго. Законъ, имѣющій [быть изданъ съ этою цѣлью, долженъ быть проникнуть мыслью, что одну изъ обязанностей правительства составляетъ такое опредѣленіе природы и продолжительности труда, чтобы были уважены правила относительно здоровья рабочихъ, нравственные принципы, экономическія нужды рабочихъ и ихъ стремленія къ равенству предъ закономъ. Въ видахъ сохраненія мира между ними и ихъ хозяевами, им-

*) *Archives diplomatiques* 1890, Mars.

ператоръ рекомендуетъ назначать выборныхъ отъ нихъ лицъ, которые, пользуясь ихъ довѣріемъ, завѣдывали бы ихъ общими дѣлами и отстаивали бы ихъ интересы въ переговорахъ какъ съ предпринимателями, такъ и съ правительственными органами. Подобное учрежденіе дастъ рабочимъ возможность заявлять о своихъ желаніяхъ и жалобахъ свободно и мирно, а правительству оно дозволитъ оставаться съ ними всегда въ сношеніяхъ и слѣдить за ихъ положеніемъ.

Съ точки зрѣнія покровительства, оказываемаго рабочимъ, государственныя копи, по мысли императора, должны быть образцовыми заведеніями, а надъ частными слѣдуетъ организовать правительственный надзоръ, подобный фабричной инспекціи.

Для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ этихъ вопросовъ императоръ рѣшился созвать государственный совѣтъ и по своему усмотрѣнію назначить туда лицъ, компетентныхъ для этого. Но и въ этомъ рескриптѣ онъ, въ заключеніе, не скрываетъ, что *главныя препятствія въ дѣлѣ регулярованія положенія рабочихъ лежатъ въ необходимости оградить интересы національной промышленности въ ея конкуренціи съ иностранною*. Поэтому императоръ обратился къ правительствамъ государствъ, промышленность которыхъ вмѣстѣ съ нѣмецкою занимаетъ мировой рынокъ, съ приглашеніемъ установить на конференціи извѣстныя границы для труда рабочихъ.

Уже 14 февраля произошло, въ присутствіи императора, открытіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и извѣстныхъ своею опытностью. Въ рѣчи *) , произнесенной Вильгельмомъ, мы находимъ развитіе идей, высказанныхъ имъ въ обобщенныхъ вышеприведенныхъ рескриптахъ. Онъ созвалъ совѣтъ для предварительнаго, зрѣлаго обсужденія проекта закона объ охранѣ рабочихъ, который онъ желаетъ внести въ палаты. Обсужденіе это должно быть безъ всякихъ предвзятыхъ идей и исключительно съ точки зрѣнія пользы и практической предлагаемой реформы. Вильгельмъ говоритъ съ удареніемъ о видной связи, существующей между *національною и международною* стороною этой реформы, и прибавляетъ, кромѣ того, что государство собственною инициативой даже не въ силахъ довести ее до желаемого конца безъ свободнаго и дѣятельнаго участія со стороны *церкви и школы*.

Можно было одно время опасаться дипломатическаго пререканія изъ-за первенства, по созванію рабочей конференціи, между Швейцаріею и Германіею, но скоро узнали, что первая отступилась отъ своего намѣренія. Мы лично объ этомъ жалѣемъ: не оспаривая, что Германія обладаетъ несравненно большими *практическими способами дѣйствія*, чѣмъ маленькая альпійская республика, мы находимъ, однако, что для *выработки международныхъ реформъ* такъ называемыя великія державы мало способны и своей склонности всюду ставить на первое мѣсто свой *собственный* пе-

*) Archives, ibid.

литическій интересъ и даже проводить его *силою*. У нихъ очень часто, при обсужденіи вопросовъ *не политическихъ*, а высокой *общечеловѣческой важности*, нѣтъ времени, охоты и даже настоящаго безпристрастія.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ пока непріятно поражаетъ слѣпшность, съ которою вдругъ ввѣлась Германія за дѣло, требующее громадныхъ усилій и самой серьезной подготовки.

Уже въ февралѣ она разослала державамъ программу для конференціи, которая имѣла открыться въ Берлинѣ 15 марта. Эта программа ^{*)}, въ сущности воспроизводя швейцарскую, отличается отъ нея ббльшею систематичностью и краткостью и, опуская вопросъ о ночныхъ работахъ, вводитъ новый: о работахъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Затѣмъ и въ ней шесть отдѣловъ: регулированіе труда въ копяхъ, труда по воскресеньямъ, регулированіе труда дѣтей, молодыхъ людей и женщинъ, наконецъ, исполненіе принятыхъ рѣшеній.

Препровождая свою программу къ кабинетамъ, нѣмецкое правительство ставитъ на видъ, что оно обращается къ тѣмъ изъ нихъ, которые интересуются улучшеніемъ положенія рабочихъ, занятыхъ въ копяхъ и на фабрикахъ. Поднятые вопросы, не имѣя политическаго характера, требуютъ разсмотрѣнія со стороны специалистовъ. Кн. Бисмаркъ, про котораго газеты теперь рассказываютъ, что онъ рѣшительный противникъ всего дѣла, затѣяннаго берлинскою конференціей, самъ очень ясно указываетъ на его пользу и значеніе въ своей депешѣ къ англійскому правительству отъ 8 февраля:

«Соперничество, существующее между народами на поприщѣ міровой торговли, и вытекающая отсюда общность ихъ интересовъ дѣлаютъ невозможнымъ установленіе въ какой-либо отдѣльной странѣ порядковъ, направленныхъ ко благу рабочихъ классовъ безъ нанесенія ущерба конкуренціи этой страны съ остальными. Подобные порядки могутъ быть введены только на основаніи началъ, принятыхъ съ общаго соглашенія всеми заинтересованными странами.

«Рабочіе различныхъ государствъ, понявъ это, вступили между собою въ сношенія въ видахъ улучшенія своего положенія. Но ихъ усилія не приведутъ къ благопріятнымъ результатамъ, пока сами правительства, путемъ международныхъ переговоровъ, не рѣшатъ, по общему соглашенію, вопросы, болѣе всего касающіеся благосостоянія рабочихъ. Изъ этихъ вопросовъ теперь на очередь поставлены: соблюденіе воскреснаго покоя, ограниченіе труда дѣтей и женщинъ и опредѣленіе продолжительности рабочаго дня».

Принимая это приглашеніе, англійское правительство сдѣлало оговорку, что, по своимъ законамъ, оно не можетъ законно ограничить право каж-

^{*)} Обѣ программы, швейцарская и нѣмецкая, дѣликомъ напечатаны въ статьѣ *Ролет-Жемме*: „La conférence de Berlin sur la législation du travail et le socialisme dans le droit international“ (*Revue de dr. intern.* 1890, p. 6—27).

даго совершеннолѣтняго рабочаго работать столько часовъ въ день, сколько захочеть *).

На берлинскую конференцію собрались делегаты 13 государствъ **). Нельзя не отмѣтить отсутствіе на ней представителей двухъ первоклассныхъ государствъ: Россіи и Соединен. Штатовъ. Ихъ не пригласили вслѣдствіе своеобразности ихъ экономического строя, не выдвигающаго еще у нихъ на первый планъ жгучій рабочій вопросъ. Этой точки зрѣнія мы не раздѣляемъ: когда рѣчь заходитъ о болѣе или менѣе важныхъ вопросахъ, при приглашеніи на ихъ обсужденіе должно руководствоваться не политическимъ принципомъ *заинтересованности* тѣхъ или иныхъ правительствъ, а юридическимъ началомъ *равенства* всѣхъ государствъ, дающаго имъ право сказать при этомъ и свое слово.

Конференція продолжалась съ 15 по 29 марта и раздѣлялась на три коммисіи для разработки вопросовъ: о работахъ въ копяхъ, о воскресномъ отдыхѣ и о занятіяхъ дѣтей, подростковъ и женщинъ. Всѣ пренія велись на французскомъ языкѣ и на немъ составлены подлинныя документы этого собранія. Каждое государство располагало только однимъ голосомъ.

Въ заключительномъ протоколѣ конференція пришла къ слѣдующимъ рѣшеніямъ ***):

I. *Работа въ копяхъ.* Возрастъ, съ котораго дѣти могутъ быть допускаемы къ работамъ въ копяхъ, долженъ быть постепенно возвышаемъ, по мѣрѣ указаній опыта, до 14 лѣтъ, а въ странахъ южныхъ до 12 лѣтъ. Работы подъ землею воспрещаются женщинамъ.

Если бы, несмотря на всѣ старанія, не удалось удалить въ копяхъ вредныя для здоровья условія, возникающія изъ природы ихъ или случайно, продолжительность самой работы въ нихъ должна быть ограничена. Каждое правительство обязано само стремиться къ этому результату путемъ ли законодательныхъ и административныхъ мѣръ, или содѣйствуя соглашеніямъ между предпринимателями и рабочими, или, наконецъ, руководствуясь принятыми въ странѣ правилами и практикою.

Безопасность рабочихъ и оздоровленіе ихъ труда въ копяхъ должны быть опезпечены всѣми способами, рекомендуемыми наукою, и находиться подъ надзоромъ государства.

Для этого требуется, чтобы: 1) инженеры, руководящіе работами въ копяхъ, были люди испытанной опытности и доказавшіе свои техническія познанія; 2) отношенія ихъ къ рабочимъ должны быть самыя прямыя, чтобы получить характеръ взаимнаго уваженія и довѣрія, и 3) надо позаботиться о введеніи въ каждой странѣ, сообразно съ мѣстными нравами, учрежденій вспомошествованія, имѣющихъ цѣлью предохранить углеко-

*) Денежь 22 февраля. Объ эти денежи напечатаны въ *Archives*, *ibid*.

***) Германія, Австро-Венгрія, Великобританія, Франція, Италия, Швейцарія, Бельгія, Нидерландъ, Люксембургъ, Швеція, Испанія, Данія и Португалія. Напрасно же были также приглашены къ участію балканскія земли.

***) *Robin-Jacquemyns*, назв. ст.

чловѣ и семьи ихъ отъ послѣдствій болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и смерти. Также должны быть развиваемы учрежденія, имѣющія въ виду улучшить положеніе этихъ лицъ и болѣе привязать ихъ къ ихъ ремеслу.

Въ видахъ непрерывности добыванія угля, слѣдуетъ предупреждать стачки между углекопами.

Опытъ показываетъ, что лучшимъ такимъ предупредительнымъ средствомъ является добровольное обязательство хозяевъ и рабочихъ рѣшать возникающіе между ними споры, въ случаѣ неудачи прямыхъ переговоровъ, посредствомъ третейскаго суда.

II. *Соблюденіе воскреснаго дня.* Желательно, чтобы, кромѣ исключеній, требуемыхъ обстоятельствами отдѣльныхъ странъ, лицамъ покровительствуемымъ и всѣмъ работникамъ *) былъ предоставляемъ одинъ день въ недѣлю для отдыха и чтобы днемъ этимъ было воскресенье. Исключенія допустимы по отношенію къ производствамъ, которыя, по техническимъ причинамъ, требуютъ непрерывности работы или которыя, доставляя публичнѣ предметы первой необходимости, должны быть ежедневно въ дѣйствіи; также для производствъ, въ силу своей природы могущихъ дѣйствовать лишь въ опредѣленное время года или зависящихъ отъ неправильнаго дѣйствія силъ природы. Но даже въ этихъ случаяхъ каждый рабочій долженъ располагать однимъ воскресеньемъ изъ двухъ.

Въ видахъ уравнианія этихъ и подобныхъ исключеній, правительствамъ слѣдовало бы опредѣлить ихъ по общему соглашенію.

III. *Работа дѣтей.* Дѣти обоего пола до извѣстнаго возраста не должны быть допускаемы къ работѣ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Этотъ возрастъ—12 лѣтъ, а въ южныхъ странахъ—10 лѣтъ. Онъ остается одинъ и тотъ же, независимо отъ различія промышленныхъ заведеній, и никакія исключенія тутъ не допустимы. Дѣти, поступающія въ эти заведенія, должны предварительно пройти первоначальную школу. Пока они не достигнутъ 14 лѣтъ, ихъ не слѣдуетъ допускать на работы ни по ночамъ, ни по воскресеньямъ. Рабочее ихъ время не должно превышать шести часовъ въ сутки съ получасовымъ, по крайней мѣрѣ, перерывомъ для отдыха. Къ занятіямъ же вреднымъ или опаснымъ для ихъ здоровья ихъ должно или вовсе не допускать, или при соблюденіи извѣстныхъ предохранительныхъ мѣръ.

IV. *Работа подростковъ.* Желательно, чтобы молодые люди обоего пола съ 14 до 16 лѣтъ вовсе не работали по ночамъ и воскресеньямъ; въ остальное время ихъ рабочій день не долженъ превышать 10 часовъ, съ полутора-часовымъ отдыхомъ на все это время, по меньшей мѣрѣ. Для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, впрочемъ, допустимы исключенія. Ограниченія имѣютъ быть введены относительно занятій особенно нездоровыхъ или опасныхъ.

*) Personnes protégées.

**) Tous les ouvriers de l'industrie.

Что касается молодых людей от 16 до 18 лѣтъ, то, въ виду ихъ огражденія, слѣдуетъ опредѣлить: продолжительность ихъ рабочаго дня, работу ихъ въ ночное время и по воскресеньямъ, а равно допущеніе ихъ къ работамъ особенно опаснымъ или пагубно влияющимъ на здоровье.

V. *Работа женщинъ.* Дѣвушки и женщины не работаютъ по ночамъ. Ихъ рабочій день не превышаетъ 11 час. въ сутки, съ перерывомъ за все это время, по меньшей мѣрѣ, полутора-часовымъ. Тѣ же правила, что и для подростковъ, относительно исключеній и занятій особенно нездоровыхъ. Роженицы могутъ приниматься за свой трудъ лишь четыре недѣли спустя послѣ родовъ.

VI. *Исполненіе принятыхъ конференціею рѣшеній.* Въ случаѣ, если бы правительства дали работамъ конференціи дальнѣйшій ходъ, она рекомендуетъ:

1) Чтобы достаточное число свѣдущихъ лицъ наблюдаемо въ каждомъ государствѣ за примѣненіемъ постановленныхъ мѣръ. Эти лица назначаются правительствомъ и должны быть независимы отъ предпринимателей и отъ рабочихъ.

2) Ежегодные отчеты этихъ лицъ, печатаемые правительствами, сообщаются ими другъ другу.

3) Каждое государство приступаетъ периодически и, насколько возможно, въ одинаковыхъ формахъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ вопросовъ, обсуждавшихся на конференціи.

4) Результаты этихъ изслѣдованій правительства сообщаютъ другъ другу, также какъ и изданные ими, по поводу тѣхъ же самыхъ вопросовъ, законы и распоряженія.

5) Желательно, чтобы переговоры между государствами возобновились и чтобы послѣднія сообщили другъ другу свои замѣчанія на послѣдствія принятыхъ конференціею рѣшеній для измѣненія или дополненія ихъ, если то будетъ нужно.

Наконецъ, члены конференціи обязываются донести эти желанія своимъ правительствамъ съ оговорками, сдѣланными въ протоколахъ 27 и 28 марта.

II.

Перечитывая эти постановленія берлинской конференціи, прежде всего, замѣчаешь ихъ скромный и осторожный характеръ: многого они не касаются, вездѣ облечены въ форму желательнаго, а не повелительнаго навленія *), смягченнаго еще различными оговорками **), и какъ бы уналичиваютъ даже о возможности невыполненія ихъ государствами ***).

*) Во французскомъ текстѣ вездѣ: „il est désirable“, вмѣсто „il faut“. Сами же рѣшенія называются: „dispositions“, „voeux“. Въ этомъ, впрочемъ, можно видѣть оди изъ приемовъ дипломатическихъ „смягченій“.

**) Вродѣ: „sauf les exceptions et les délais nécessaires dans chaque pays“ „autant que possible“; подразумѣваясь сами собой, эти оговорки, съ юридической точки, совершенно излишни.

***) Pour le cas où les Gouvernements donneraient suite aux travaux de la con-

Несмотря на это, противники конференціи, рѣзко осуждая ея платоническія пожеланія, хотять, чтобы для блага Европы дѣло и не двинулось далѣе. Такъ выражается Ролень-Жеменъ, хорошо группирующій въ выше приводимой статьѣ главныя, ходячія возраженія противъ занимающаго насъ теперь вопроса. Нечего, — говоритъ онъ, — къ различнымъ видамъ уже существующаго социализма: ученаго (Kathedersocialismus), государственнаго и христіанскаго — прибавлять еще новый — социализмъ международный (socialisme international). Конференція, созванная въ Берлинѣ, представляетъ лишь первую попытку международной санкціи ученію социализма. Если бы дѣло дошло до конвенціи, она на практикѣ оказалась бы недействительною и полною самыхъ серьезныхъ опасностей для государствъ, которыя подписали бы ее. Бельгійскій публицистъ напоминаетъ, что въ вопросѣ о регулированіи труда рабочихъ и о совмѣстности его съ принципами личной свободы доселѣ борются два рѣзко противоположныя направленія въ наукѣ и въ жизни: съ одной стороны, *либеральная школа*, которая уважаетъ и въ рабочемъ свободнаго и полноправнаго человѣка; она рекомендуетъ государству дѣлать для рабочихъ какъ можно болѣе доступнымъ все, что можетъ улучшить ихъ матеріальное, нравственное и умственное положеніе: ссудо-сберегательныя кассы, страхованія ихъ жизни, кооперативныя ассоціаціи, общества взаимной помощи, народныя читальни, школы, музеи и т. п. Такъ и поступаютъ современныя правительства, ожидая съ довѣріемъ отъ успѣховъ просвѣщенія, нравовъ и идей устраненія золь, угнетающихъ жизнь рабочаго люда. Но они полагаютъ, что не вправѣ влѣшиваться въ договорныя отношенія между лицами совершеннолѣтними, да еще вносить въ нихъ элементъ принужденія, умѣстный лишь тамъ, гдѣ являются посягательства на какія-либо права (лицъ, государства, общественную безопасность, нравственность и т. д.). По мнѣнію либеральной школы, то добро, которое государство могло бы принести своимъ вѣшательствомъ въ эти отношенія (труда къ капиталу), было бы случайнымъ и частнымъ и его далеко перевѣсило бы зло, постоянное и общее, которое возникло бы изъ учрежденія самаго тягостнаго и мелочнаго надзора за всѣми дѣйствіями частныхъ лицъ, какового требуютъ приверженцы государственной регламентаціи труда.

Съ другой стороны, по ученію *соціалистовъ*, само государство должно регулировать, и даже принудительно, отношенія между частными лицами: ему слѣдуетъ быть предусмотрительнымъ, осторожнымъ и благоразумнымъ за тѣхъ, которые этими качествами не обладаютъ. Оно не должно позволять такимъ лицамъ работать сверхъ мѣры, допускаемой разумною гигиеной.

Насчетъ того, которому изъ этихъ направленій дать предпочтеніе, господствуетъ полное разногласіе между законодательствами и учеными и какъ

séquence (въ противномъ случаѣ зачѣмъ же было созывать конференцію?) on recommande les dispositions suivantes...

же послѣ этого относиться къ попыткѣ берлинской конференціи бросить черезъ эти разногласія дипломатическій мостъ?

Ролень-Жеммень указываетъ на то, что въ продолженіе первой половины нашего столѣтія преобладало въ экономической жизни скорѣе враждебное отношеніе къ прежней системѣ родительской опеки и охраны рабочихъ со стороны государства и его постоянныхъ вмѣшательствъ въ опредѣленіе условій труда, производства и обмѣна. Тогда, благодаря вѣяніямъ свободы, чрезвычайно быстро возросли общее благосостояніе и богатство, какъ народное, такъ и частное. Рабочіе въ свою очередь очень много выиграли отъ этого: трудъ ихъ (особенно ручной) сталъ гораздо прибыльнѣе и, въ то же время, менѣе тягостнымъ; средняя заработная плата возвысилась въ болѣе пропорціи, чѣмъ цѣны на предметы первой необходимости, и въ массѣ рабочіе нынѣ живутъ въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ предшествующія эпохи: они лучше одѣваются, ѣдятъ и живутъ и первоначальное образованіе стало для нихъ болѣе доступнымъ. Недаромъ, по отзыву одного писателя, принципъ свободной конкуренціи сдѣлалъ то, что съ теченіемъ времени человѣку становится все труднѣе жить въ роскоши, безъ труда. Доходы землевладѣльцевъ и капиталистовъ понижаются, а лицъ, живущихъ трудомъ, въ широкомъ смыслѣ (фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ, адвокатовъ, медиковъ и т. д.), также какъ и существующихъ заработною платой, возвышаются. Цѣны на предметы первой необходимости пали. Великія открытія нашего времени (пара и электричества), равно какъ и успѣхи промышленности, приносятъ болѣе всего пользы массамъ и содѣйствуютъ уменьшенію сословныхъ различій.

Не оспаривая необходимости улучшенія многихъ сторонъ въ быту рабочихъ, Ролень приписываетъ, однако, удручающія ихъ бѣдствія въ значительной степени ихъ низкому нравственному уровню (отсюда ихъ пристрастіе къ алкоголю, распатанность ихъ семейнаго положенія), а общее ихъ недовольство и озлобленіе—прискамъ демагоговъ и приверженцевъ кооперативной демократіи, мечтающихъ о государствѣ, которое забрало бы въ свои руки всю поземельную собственность и, въ качествѣ единственнаго въ странѣ крупнаго капиталиста и промышленника, опредѣляло бы и оплачивало бы работу каждаго, заботясь о дѣтяхъ, старикахъ и вообще къ работѣ не пригодныхъ.

Берлинская конференція угрожаетъ толкнуть правительства на путь, по которому ихъ будетъ увлекать въ послѣднемъ направленіи силою вещей. Два фактора будутъ дѣйствовать при этомъ непрерывно: *всеобщая подача голосовъ и протекционизмъ.*

Всякая демагогія по природѣ недовѣрчива и завистлива; рабочій социализмъ не составляетъ исключенія изъ этого правила. Онъ пользуется всеобщей подачей голосовъ, какъ орудіемъ, чтобы преобразовать общественный строй по своимъ идеаламъ. Точкою отправленія онъ беретъ антипатію между классами и совершенно невѣрное предположеніе о томъ, что все, полезное одному изъ нихъ, вредно другому. Такимъ образомъ, онъ

отвергаетъ прекрасный законъ экономической гармоніи, столь блестяще развитый экономистами старой либеральной школы. Понимаемая толпою въ указанномъ смыслѣ, всеобщая подача голосовъ неизбежно призвана преувеличивать роль государства въ смыслѣ принудительной регламентаціи повсюду, гдѣ она не встрѣтитъ себѣ противовѣса въ политической организаціи страны и въ здоровомъ смыслѣ просвѣщенныхъ классовъ. Чѣмъ болѣе усиливается, — говоритъ Гербертъ Спенсеръ, — вмѣшательство государства, тѣмъ болѣе распространяется между гражданами убѣжденіе, будто все должно дѣлаться *для нихъ*, а ничего *ими*. Съ каждымъ поколѣніемъ слабѣетъ мысль о томъ, что желаемыя цѣли должны быть достигнуты личными усиліями и стараніями частныхъ обществъ, и понемногу укореняется воззрѣніе, признающее за вмѣшательствомъ правительства единственно-практической способъ дѣйствія.

Протекціонизмъ, будучи въ свою очередь результатомъ государственной регламентаціи, толкаетъ усиленно правительства въ этомъ направленіи, опираясь на всеобщую подачу голосовъ. предприниматели стараются увлечь рабочихъ софизмомъ, что, при обложеніи высокими пошлинами иностранныхъ товаровъ, они, получая больше отъ производства, будутъ въ состояніи возвысить и заработную плату. Аргументъ, повидимому, неопровержимый. Дѣйствительно, вслѣдствіе введенія покровительственныхъ пошлинъ, фабриканты продаютъ свои продукты дороже и заработная плата повышается, но ожидавшееся улучшение въ положеніи рабочихъ не наступаетъ, потому что, въ силу этой же системы, растутъ цѣны на всѣ предметы первой необходимости: на хлѣбъ, одежду, квартиры, топливо и проч. Какъ же рассуждаютъ рабочіе далѣе? За покровительствомъ предпринимателей должно слѣдовать, по той же логикѣ, покровительство рабочихъ. Отсюда до выводовъ государственнаго социализма одинъ шагъ. *Но охранительная мѣра въ такихъ размѣрахъ не могутъ быть приняты какимъ-либо отдельнымъ государствомъ, если всѣ остальные не возложатъ на себя соотвѣтствующія этому тягости.* Таковы, конечно, — говоритъ Ролень, — рассужденіе и выводы молодого германскаго императора, столь пылкого и одушевленнаго доорыми намѣреніями. Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній Ролень переходитъ къ дѣлу берлинской конференціи по существу и осуждаетъ его совершенно на основаніи двухъ соображеній: чисто-принципальнаго и практическаго, относящагося болѣе къ вопросу объ его организаціи въ дѣйствительной жизни.

Вся область такъ называемаго социальнаго законодательства, какъ и вопросы, вытекающіе собственно изъ гражданскаго права (семейнаго, наследственнаго, вопросы о регулированіи собственности, нѣкоторыхъ видовъ обязательствъ и т. д.), не подлежатъ по природѣ своей международной регламентаціи: они связаны слишкомъ многообразными и глубокими нитями со всѣми сторонами народнаго духа и быта, чтобы поддаться какому-либо однообразнымъ нормамъ, выработаннымъ для разныхъ и многихъ народовъ, жившихъ и живущихъ при неодинаковыхъ историческихъ

условіяхъ. Часто эти отношенія, о которыхъ мы теперь говоримъ, бываютъ различны въ предѣлахъ одного и того же государства и всякое навязанное имъ однообразіе представляется зломъ, а не добромъ. Нечего увлекаться тутъ аналогіею новѣйшихъ международныхъ униій *). Онѣ опредѣляютъ однообразно такія отношенія, которыя по самому своему характеру универсальны (безъ отпечатка національности) и могутъ развиваться свободно и широко только подъ условіемъ ихъ охраны закономъ, введеннымъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Сюда относятся: вопросы о способахъ сношеній и передвиженія, телеграфъ и телефонъ, почта, желѣзная дорога, морское судоходство, охрана правъ автора и изобрѣтателя, а изъ торговыхъ сдѣлокъ лишь тѣ, которыя основаны на употребленіи векселя и металлической монеты.

Недостаточно провозглашать международныя нормы, — надо еще позаботиться о проведеніи ихъ въ жизнь и объ устройствѣ надъ ихъ примѣненіемъ контроля. Последний можетъ быть порученъ либо одной какой международной инстанціи (вродѣ центральныхъ бюро въ вышеперечисленныхъ союзахъ), либо предоставленъ усмотрѣнію отдѣльныхъ государствъ. Первый путь такъ неудобенъ, что его, конечно, не изберутъ. Остается второй, но и онъ къ чему сведется на практикѣ? Какъ участники будутъ взаимно наблюдать другъ за другомъ, чтобы принятыя всѣми обязательства соблюдались серьезно и одинаково? Это немислимо безъ вторженія во внутреннюю, ежедневную жизнь народовъ и сопряжено съ такими затрудненіями, что многія правительства предпочитаютъ отсутствіе надзора учрежденію цѣлой арміи чиновниковъ. Наконецъ, это повело бы къ экономической зависимости и даже къ закрѣпощенію слабыхъ государствъ сильнѣйшими. Пререканіямъ и спорамъ не было бы конца и страсти противниковъ возгорались бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онѣ находили бы себѣ пищу въ

*) *Телеграфный союзъ* возникъ въ 1866 г. и получилъ дальнѣйшее развитіе въ конвенціяхъ 1875 и 86 гг. Онъ охватываетъ теперь всю Европу, всѣ владѣнія Великобританіи, колоніи французскія и голландскія, Азіатскую Россію, Персію, Сіамъ, Бразилію.

Еще обширнѣе *почтовый союзъ*, называемый уже „всѣмирный“; онъ основанъ въ 1874 г. и касающіеся до него акты пересмотрѣны въ 1878 и 86 гг. Онъ простирается почти на всю землю. Недавно къ нему присоединили: Франція—Тунисъ, Германія—свои африканскія земли и Маршалльскіе острова.

Промышленный союзъ соединяетъ съ 1883 г. Англію, Францію (съ Тунисомъ), Италію, Бельгію, Швейцарію, Швецію, Испанію, Португалію, Сербію, Соединенные Штаты, Бразилію и Гватемалу.

Литературный союзъ заключенъ въ 1886 г. между Германією, Англією, Францією (съ Тунисомъ), Италією, Швейцарією, Бельгією, Нидерландами (съ Люксембургомъ), Испанією, Гаити и Либерією.

Къ этимъ союзамъ, вѣроятно, скоро присоединится *железно-дорожный* (для перевозки влад). По почину Швейцаріи, для выработки его основъ созывались въ Бернѣ конференціи въ 1878, 81 и 86 годахъ и послѣдняя конференція приняла уже окончательный проектъ, подписанный делегатами: Швейцаріи, Франціи, Италіи, Австріи, Россіи, Бельгіи и Нидерландъ (съ Люксембургомъ).

материальныхъ интересахъ, наиболѣе ослѣпляющихъ людей и увлекающихъ ихъ на путь взаимной вражды.

Международное право,—заключаетъ Ролень,—призвано охранять, а не порабощать внутреннюю жизнь государствъ. Каждое изъ нихъ, оберегая свою независимость, должно избѣгать обязательствъ, которыя дали бы иностранной власти право вмѣшиваться въ его политическіе, административные и общественные распорядки. Въ этой области относится и законодательство о рабочихъ. Даже если бы между промышленными государствами установилось согласіе насчетъ нѣкоторыхъ въ этой сферѣ общихъ и минимальныхъ мѣръ, ихъ не слѣдуетъ вводить въ международныя конвенціи. Интересы и воззрѣнія могутъ легко измѣниться, а между тѣмъ, будетъ признанъ опасный принципъ и будетъ дано орудіе революціонному социализму, который, подъ предлогомъ охраны, не перестанетъ требовать регламентаціи все болѣе широкой и притѣснительной, и мы, такимъ образомъ, очутились бы на пути, ведущемъ къ тому, что Спенсеръ называетъ *работомъ будущаго*.

III.

Мы привели, по возможности не ослабляя, сущность возраженій Ролень-Жаммена противъ попытки, сдѣланной берлинскою конференціей. Въ разсужденіяхъ его много правды, вызывающей на серьезныя мысли, но, намъ кажется, они грѣшатъ въ двоякомъ направленіи: авторъ не даетъ себѣ какъ будто отчета въ постоянно возрастающей силѣ социализма *),

*) Весьма интересно въ этомъ отношеніи сравнить по числу депутатовъ и избирателей въ нѣмецкій рейхстагъ относительное значеніе политическихъ партій въ Германіи за послѣднее двадцатилѣтіе. Мы остановимся только на руководящихъ партіяхъ.

Въ 1871 г. депутатовъ было:

отъ чистыхъ консерваторовъ	54
» вольныхъ консерваторовъ	88
» національ-либераловъ	119
» центра	58
» прогрессистовъ	45
» социалистовъ	1

Въ 1890 году:

отъ чистыхъ консерваторовъ	68
» вольныхъ консерваторовъ	24
» національ-либераловъ	40
» центра	106
» прогрессистовъ	70
» социалистовъ	86

Число избирателей, подававшихъ свои голоса, было въ 1871 г.:

въ пользу чистыхъ консерваторовъ	586,257
» » вольныхъ консерваторовъ	847,964
» » національ-либераловъ	1.128,289
» » центра	718,258
» » прогрессистовъ	848,888
» » социалистовъ	101,927

что не может не вынудить правительства имъ заняться, и онъ смотритъ уже слишкомъ пессимистично на нѣкоторое регулированіе рабочаго вопроса и даже производства въ отдѣльныхъ странахъ путемъ международныхъ соглашеній. Отъ удачнаго рѣшенія этого пункта до подпаденія Европы рабству будущаго или до серьезной опасности для независимости слабѣйшихъ государствъ еще очень далеко. Все зависитъ тутъ отъ *духа и мира* обсуждаемой нами реформы.

Какъ бы то ни было, но справедливость требуетъ, чтобы мы выслушали и тѣхъ, которые съ наименьшею горячностью привѣтствуютъ дѣло берлинской конференціи и ждутъ отъ дальнѣйшаго его развитія не мало благъ въ будущемъ.

Эта оптимистическая точка зрѣнія весьма хорошо проводится въ небольшой, но ясно и популярно написанной брошюрѣ Фульда: *Internationale Fabrikgesetzgebung*, 1890 *). Не подлежитъ сомнѣнію, что фабричное законодательство, — говоритъ авторъ, — прежде всего, національно: каждое государство, проникнутое своимъ призваніемъ — быть покровителемъ немущихъ и несчастныхъ, должно издавать предписанія, сообразныя съ по-

Въ 1890 году:

въ пользу чистыхъ консерваторовъ	919,646
” ” ” вольныхъ консерваторовъ	457,936
” ” ” національ-либераловъ	1.169,112
” ” ” центра	1.420,488
” ” ” прогрессистовъ	1.147,863
” ” ” социалистовъ	1.841,587

По выборамъ, бывшимъ недавно, депутаты въ нѣмецкомъ рейхстагѣ въ численномъ отношеніи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

центръ имѣеть	106	человѣкъ
прогрессисты	70	”
чистые консерваторы	68	”
національ-либералы	40	”
соціалисты	36	”
вольные консерваторы	24	”
поляки	16	”
эльзасъ-лотарингиды	14	”
демократы	10	”
гвельфы	10	”
антисемиты	4	”
независимые	2	”
датчане	1	”

Словомъ, изъ 397 депутатовъ къ правительственнымъ партиямъ принадлежитъ 182 голоса, къ оппозиціоннымъ всѣхъ отъѣвновъ 265 голосовъ (*Archives diplomatiques* 1890, Магъ, р. 386—388. Здѣсь напечатаны сравнительныя таблицы чиселъ депутатовъ и избирателей во всѣхъ ессемъ нѣмецкіе парламенти, собиравшіеся со времени основанія Германской имперіи).

*) Брошюра эта напечатана немного ранѣе рескриптовъ германскаго императора, такъ что авторъ ея собственно имѣеть въ виду инициативу Швейцаріи. Онъ колеблется съ Кономъ (*Cohn*: „Internationale Fabrikgesetzgebung“ въ *Volkswirtschaftliche Aufsätze* 1882 и его рефератъ въ *Schriften des Vereins für Socialpolitik* 1882, В. 21).

моженіемъ рабочихъ и съ экономическимъ состояніемъ страны. Законы другихъ государствъ могутъ ему при этомъ служить только образцами, и то въ извѣстныхъ лишь предѣлахъ. Но это *національное законодательство требуетъ себѣ воспоминія со стороны международнаго*, если мы хотимъ, чтобы промышленность государства, покровительствующаго своимъ рабочимъ, не пострадала на международныхъ рынкахъ отъ конкуренціи со стороны тѣхъ государствъ, которыя либо вовсе не знаютъ такого покровительства, либо оказываютъ его въ болѣе слабой степени. Вотъ основная точка отправления какъ ноть Швейцаріи, такъ и указовъ Вильгельма II.

Всматриваясь ближе въ дѣло, мы должны сказать, что противниками международнаго регулированія положенія рабочихъ могутъ быть только тѣ, которые возстаютъ и противъ охраны ихъ національными законами. Въ ошибку впадаютъ и всѣ утверждающіе, будто законы отдѣльныхъ государствъ въ этой области должны быть выработаны прежде, чѣмъ приступить къ ихъ объединенію международными нормами. Обѣ эти стороны юридической регламентаціи нераздѣлимы и лишь благотворно дѣйствуютъ на взаимное развитіе. Пренія, бывшія въ рейхстагѣ по поводу фабричнаго законодательства, доказали ясно, — говоритъ Фульдъ, — что мы не въ состояніи двинуть его впередъ, пока главные его основанія не будутъ закрѣплены международными нормами, ибо только этимъ устраняется опасность вытѣсненія нѣмецкихъ продуктовъ съ міроваго рынка.

Вотъ почему можно сказать, что реформа, поставленная на очередь въ Берлинѣ, требуется какъ экономическими соображеніями (на которыя мы сейчасъ указали), такъ и мотивами человеколюбія. Она стремится дать рабочимъ защиту, которой они сами по себѣ достичь не могутъ; она хочетъ пробудить ихъ къ нѣскольکو высшей культурной жизни и поставить преграду раннимъ между ними бракамъ, чрезмѣрному увеличенію населенія, а, слѣдовательно, и пролетаріата. Цѣли эти недостижимы для законодательства отдѣльныхъ странъ. Намъ говорятъ, что это поведетъ къ возвышенію издержекъ производства и къ пониженію заработной платы, т.-е. къ объединенію рабочихъ же классовъ. До нѣкоторой степени авторъ согласенъ съ этими возраженіями, но полагаетъ, что указываемые имъ неудобства будутъ лишь временнаго характера, пока рабочіе не свыкнутся съ новымъ порядкомъ вещей, между тѣмъ какъ выгоды, связанныя для нихъ съ покровительственными мѣрами, прочно улучшатъ ихъ бытъ. Въ болѣе дешевыхъ цѣнахъ производства, — восклицаетъ авторъ, — скрывается не одна дѣтская жизнь, загубленная въ зародышѣ; онѣ чрезмѣрно напрягаютъ и разрушаютъ силы человека, низводя его на степень «живой машины» и тѣмъ свидѣтельствуя о низкомъ уровнѣ нашей культуры и законовъ. Если дѣти, вслѣдствіе запрещенія работать, будутъ приносить домой менѣе денегъ, они получаютъ возможность лучшаго развитія въ этомъ возрастѣ; если рабочий день женщинъ ограничится, онѣ могутъ употребить свободные часы на заботы о домашнемъ очагѣ и объ улучшеніи семейной обстановки своихъ мужей; наконецъ, если рабочіе, въ силу закона, будутъ работать

лишь определенное число часовъ въ сутки, они вольны остальное время употребить на отдыхъ и на такія занятія, которыя способны поднять и облагородить ихъ духъ. Словомъ, запрещеніе дѣтскаго труда и ограниченіе женскаго поведенья, по всему вѣроятію, къ повышенію заработной платы мужчинъ, ибо въ нихъ будетъ большая нужда.

Фульдъ не оспариваетъ, что существующія законодательства по рабочему вопросу представляютъ еще много пробѣловъ и противорѣчій, но и это обстоятельство преувеличивается пессимистами: съ одной стороны, въ послѣднее десятилѣтіе многія правительства стали уже издавать законы, направленные къ охранѣ рабочихъ, и какъ общественное мнѣніе, такъ и палаты высказываются все рѣшительнѣе въ пользу такихъ законовъ; съ другой—конференціи, вродѣ берлинской, именно для того и созываются, чтобы постепенно содѣйствовать къ большому сближенію и улучшенію законовъ различныхъ государствъ. Не посягая на верховенство послѣднихъ, эти собранія вызываютъ между участниками дружескій обмѣнъ мыслей и даютъ имъ возможность подѣлиться другъ съ другомъ результатами опыта по вопросамъ, для всѣхъ ихъ одинаково важнымъ. Наконецъ, выходящая изъ этихъ переговоровъ соглашенія частью отмѣчаютъ уже достигнутые результаты, частью намѣчаютъ цѣли, къ которымъ должны направляться остальные. Нечего и говорить, что тутъ требуется величайшая осмотрительность и постепенность; никакіе прыжки недопустимы, а должно на умѣ держать золотое правило Монтескьё, что «законодатель болѣе всего долженъ быть проникнутъ духомъ умѣренности».

На замѣчаніе, что различія въ законахъ отдѣльныхъ государствъ обуславливаются различіемъ ихъ экономическаго быта, авторъ говоритъ, что всѣмъ ходомъ современной жизни правительства наиболѣе промышленныхъ странъ дошли до признанія, въ *принципѣ*, необходимости оказывать рабочимъ покровительство, и споры идутъ только о *мѣрѣ* такогоа *)).

Возражаютъ далѣе, что если бы, вопреки экономическимъ особенностямъ отдѣльныхъ странъ, между ними и состоялся договоръ по фабричному законодательству, то примѣненіе его на практикѣ было бы самое различное и никакой взаимный контроль участниковъ тутъ невозможенъ. Особенно Бонъ съ удареціемъ выставляетъ этотъ пунктъ, ссылаясь на исторію фабричнаго законодательства въ Англіи, Швейцаріи, Франціи и Германіи. Законы этого рода вездѣ встрѣчали себѣ сильное противодѣйствіе со стороны родителей, дѣтей, заводчиковъ и даже мѣстныхъ властей, такъ что устранить его можно было только путемъ назначенія особыхъ фабричныхъ инспекторовъ, постоянныхъ и независимыхъ отъ мѣстныхъ вліяній.

*) Напримѣръ, въ Швейцаріи дѣтямъ запрещено работать на фабрикахъ до 14 лѣтъ, въ Германіи до 12, а въ Англіи до 10 лѣтъ. Это основано, конечно, не на проволѣ, а на экономическихъ условіяхъ этихъ странъ, но международныя конференціи и должны были бы именно, какъ сказано, найти между этими постановленіями компромиссъ,—дѣло весьма трудное, требующее усилій, быть можетъ, нѣсколькихъ поколѣній, но, все-таки, осуществимое.

Недаромъ въ Германіи раздаются голоса въ пользу умноженія этихъ чиновниковъ. Но въ международной области они немислимы, и уже этого одного обстоятельства достаточно, чтобы разбить всѣ иллюзіи насчетъ об-суждаемой нами теперь реформы.

Остроумный писатель, — говоритъ Фульдъ, — очевидно, преувеличиваетъ затрудненія, дѣйствительно фактически существующія. Мы съ нимъ согласны, что не довольно провозглашать однѣ нормы, но необходимо позаботиться о единообразномъ ихъ приложеніи, и что въ немногихъ областяхъ юридической жизни искушеніе обходить эти нормы такъ не сильно, какъ именно тутъ, но заключенія Бона далеко идутъ за предѣлы настоящей цѣ-ли. Мы не видимъ препятствій къ тому, чтобы государствамъ не учредить международную инстанцію, которая наблюдала бы за примѣненіемъ дого-воровъ участниками и сообщала бы о всѣхъ открытыхъ ею нарушеніяхъ ихъ заинтересованнымъ правительствомъ. Вѣдь, созданы же нынѣ, по нѣ-которымъ вопросамъ, международныя бюро, вѣдающія исполненіе извѣст-ныхъ, общихъ нормъ. Такія учрежденія въ дѣлѣ фабричнаго законодатель-ства требуютъ гораздо большихъ усилій, ибо они должны бы обладать и болѣе широкими полномочіями, чѣмъ международныя бюро: почтовое, лите-ратурное и т. д. Но существованіе послѣднихъ, все-таки, доказываетъ воз-можность такихъ органовъ, съ вершины которыхъ, на подобіе какъ бы обсерваторій, удобно слѣдить за примѣненіемъ международныхъ нормъ. Бонъ въ 1882 г. говорилъ, что пусть, прежде всего, Швейцарія сдѣлаетъ опытъ повсемѣстнаго и одинаковаго примѣненія на своей территоріи изданнаго ею фабричнаго закона, и развѣ тогда (да и то едва ли) можно будетъ погово-рить о повтореніи такого опыта въ несравненно большихъ размѣрахъ, цѣ-лою грункой государствъ, которыя связали бы себя договоромъ по суще-ству переходящимъ, но которыя между собою разобщены національными, историческими условіями и не располагаютъ никакими общими чиновниками.

Но именно Швейцарія съ тѣхъ поръ провела на практикѣ блестяще этотъ опытъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ однообразіе вездѣ на ея территоріи ста-новилось исполненіе изданнаго ею закона объ инспекціи на фабрикахъ; ря-домъ съ этимъ усиливалась строгость правительственнаго контроля. Въ Германіи можно указать на такой же успѣхъ, но онъ, конечно, былъ бы еще значительнѣе, если бы личный составъ инспекторовъ въ численномъ отношеніи болѣе соответствовалъ обширности лежащихъ на немъ задачъ. Въ предѣлахъ государствъ, связанныхъ между собою только международ-ными соглашениями, подобные результаты осуществимы гораздо медленнѣе и труднѣе, но что бы ни говорили, они осуществимы, если только допу-стятъ, что государства, подписывая договоръ, серьезно хотятъ его вы-полнить. Поэтому съ теченіемъ времени выработалась бы и однообразная охрана рабочихъ безъ предварительнаго осуществленія мечты о какихъ-то Соединенныхъ Штатахъ Европы.

Разбираемыя нами возраженія противъ международнаго контроля имѣли бы основаніе только въ томъ случаѣ, если бы предполагаемый договоръ

о рабочих определяя всё подробности вопроса и чрезъ это вторгался бы въ область, которая по природѣ принадлежитъ къ задачамъ управления каждой страны въ отдѣльности. Но, какъ уже не разъ замѣчено, такой договоръ долженъ намѣтить лишь въ главныхъ пунктахъ тѣ предѣлы, внутри которыхъ впредь будетъ дозволено эксплуатировать человѣческій трудъ. Національныя законодательства никто и не думаетъ замѣнить международнымъ, а замышляемою конвенціей желали бы только обязать государства, которыя къ ней приступили бы, ввести въ свои законы, по части защиты рабочихъ, извѣстныя *общія минимальныя требованія*. Разъ эта цѣль будетъ имѣться въ виду, нѣтъ основанія не утверждать, что исполненіе такого общаго права будетъ съ годами лишь врѣшнуть.

Приводится еще возраженіе, указывающее на бесполезность занимающаго насъ дѣла, пока будутъ существовать страны, хотя и не принадлежащія къ нашей культурѣ, но настолько развитыя, какъ, напримѣръ, Бѣтай и Японія, которыя своею торговлей и промышленностью могутъ оснашивать у насъ мировой рынокъ. Оставляя въ сторонѣ фактическую вѣрность этого утвержденія, противъ подобныхъ государствъ можно было бы оградить себя особыми покровительственными пошлинами *)), которыя, препятствуя ввозу къ намъ ихъ произведеній и продуктовъ, стремились бы уравнивать издержки производства въ тѣхъ странахъ и нашихъ. Авторъ не прочь отъ идеи великаго европейско-американскаго таможеннаго союза, который оградилъ бы себя особымъ тарифомъ **) отъ промышленныхъ монархій дальняго Востока и стремился бы сгладить различія въ цѣнахъ производства, основанныя на различномъ пользованіи рабочими силами человѣка. Впрочемъ, Фульдъ допускаетъ даже примѣнимость названныхъ пошлинъ и къ какому-либо изъ нашихъ государствъ, въ случаѣ, если его законы дозволяютъ формы эксплуатаціи человѣческаго труда, которыя противорѣчатъ нравственному чувству или правосознанію нашего времени. Тогда подобное косвенное принужденіе получило бы хотя и нѣкоторый карательный, но, все-таки, справедливый характеръ.

Этимъ оканчивается первая часть брошюры Фульда, посвященная разсмотрѣнію общихъ возраженій противъ швейцарской программы. Во второй еѣ отдѣлъ переходить къ отдѣльнымъ ея пунктамъ и полагаетъ, что воспрещеніе дѣтямъ до извѣстнаго возраста работать на фабрикахъ не трудно будетъ провести въ международномъ соглашеніи, ибо существующія различія въ законахъ хотя и вытекаютъ изъ разнообразія экономическихъ условій, но съ теченіемъ времени между ними мыслимы, путемъ благоразумныхъ и постепенныхъ компромиссовъ, бѣльшее сближеніе и уравниеніе.

Также существуетъ между правительствами одобреніе, въ принципѣ, регулярованія рабочаго дня подростковъ. Различно въ законахъ установ-

*) Sozialer Schutzzoll, какъ называлъ ихъ Лоренцъ Штейнъ, а по примѣру его и Ромеръ.

**) Mit einem Zollgürtel у автора.

Лягутся иногда возрасты, но было бы недурно указать на границы между дѣтскими и собственно молодыми людьми ниже 16-ти лѣтняго возраста.

Въ договорѣ, напротивъ, неудобно перечислять, какія занятія считать для молодыхъ людей и для женщинъ нездоровыми или опасными. Все тутъ зависитъ отъ состоянія промышленности и техники, такъ что пренія объ этомъ поневолѣ будутъ всегда носить характеръ чисто-академическій.

Предписанія о соблюденіи воскреснаго отдыха, по мнѣнію Фульда, должны быть совершенно исключены изъ программы. Недаромъ еще въ 1882 г. гн. Бисмаркъ сказалъ въ рейхстагѣ: «гораздо хуже воскреснаго труда полное ничегонеделаніе!» Да и не въ нравахъ нѣмецкаго или французскаго населенія соблюдать воскресный день такъ, какъ это дѣлается въ Англии.

Однако, этотъ пунктъ, какъ мы видѣли выше, получилъ въ Берлинѣ утвердительное рѣшеніе, съ чѣмъ нельзя не согласиться: воскресный отдыхъ абсолютно необходимъ для нравственнаго и физическаго здоровья чело-вѣка и допускаемыя тутъ, въ особенно важныхъ случаяхъ, исключенія никакъ не должны подрывать этого правила.

Запрещенія женщинамъ и молодымъ людямъ ночнаго труда требуютъ подробной регламентаціи, иначе исключенія легко могутъ на практикѣ уничтожить дѣйствіе самихъ запретительныхъ нормъ.

Фульдъ согласенъ съ тѣмъ, что самымъ труднымъ пунктомъ программы представляется послѣдній—относительно устройства надзора за мѣрами, которыя будутъ приняты. Государства всегда такъ ревниво оберегаютъ свои верховныя права, что едва ли согласятся на учрежденіе центральной комиссіи съ болѣе или менѣе широкими полномочіями, безъ чего, однако, самый обсуждаемый договоръ остался бы только мертвою буквою. Поэтому необходимо соглашеніе между правительствами и относительно *однообразнаго примѣненія на практикѣ признанныхъ ими нормъ*. Тутъ важную услугу можетъ оказать воздѣйствіе на нихъ со стороны общественнаго мнѣнія. Оно способно укрѣпить и въ правителяхъ мысль, что учрежденіе, облеченное международнымъ характеромъ и долженствующее наблюдать, въ предѣлахъ независимыхъ государствъ, за дѣйствіемъ охранительныхъ для рабочихъ правилъ, что такое учрежденіе требуется общими интересами всѣхъ культурныхъ странъ, ради которыхъ уже можно поступиться нѣкоторою долей своихъ верховныхъ правъ.

По мнѣнію Адлера *), подобная центральная комиссія должна была бы носить только наблюдательный характеръ: она ежегодно получала бы всѣ нужныя ей свѣдѣнія отъ фабричныхъ инспекторовъ отдѣльныхъ государствъ и предавала бы ихъ гласности. Въ опредѣленные сроки эти инспектора съѣзжались бы для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, потребныхъ для болѣе однообразнаго исполненія договора о рабочихъ.

Фульдъ полагаетъ, что подобной комиссіи недостаточно, надо ей предо-

*) Adler: „Der internationale Schutz der Arbeiter“ (*Annalen des Deutschen Reiches* 1888, S. 465—577).

ставить возможность самой убедиться, поскольку порученный ей договоръ принимается въ отдѣльныхъ странахъ и соответствуютъ ли официальные донесенія ихъ инспекторовъ фактическому положенію дѣла. Окажетъ ли эта реформа вліяніе на регулированіе производства между участниками? Авторъ въ этомъ сомнѣвается, но обѣщаетъ себѣ много отъ нея хорошаго въ будущемъ. Она, прежде всего, увеличитъ число рабочихъ въ домашней промышленности. Положеніе этихъ лицъ часто печальнѣе фабричныхъ, а законы все предоставляютъ тутъ усмотрѣнію сторонъ. Современемъ необходимо регулировать и оградить трудъ рабочихъ и въ этой тѣсной, частной сферѣ, тѣмъ болѣе, что тутъ притѣсняють женщинъ и дѣтей непослѣдственными работами болѣе, чѣмъ на заводахъ, и при нарушеніи всякихъ, хотя бы элементарныхъ, санитарныхъ правилъ. Но этого рода регламентация—дѣло уже каждаго правительства въ отдѣльности. Адлеръ и тутъ сторонникъ международныхъ нормъ и полагаетъ, что въ этой области, по образцу англійскаго законодательства, слѣдовало бы не позволять работать по ночамъ и воскресеньямъ дѣтямъ до 12 лѣтъ, а молодымъ людямъ до 18 лѣтъ не болѣе 10 часовъ въ сутки.

Какъ бы то ни было, но если состоится договоръ, который положитъ начало международной охранѣ рабочихъ, онъ займетъ въ исторіи нашего столѣтія,—говоритъ авторъ,—такое же блестящее мѣсто, какъ женевская конвенція 1864 г., ибо имъ будутъ даны первыя основанія къ зданію, должствующему современемъ пріютить подъ своимъ кровомъ несчастныхъ и бѣдныхъ всѣхъ народовъ. Не безъ основанія одинъ изъ благороднѣйшихъ мужей Англій, лордъ Шефтсбюри, сказалъ, что цѣлью всякаго фабричнаго законодательства является *возрожденіе семьи*. Такойъ идеаль, по отношенію къ рабочимъ, и нашего времени, но онъ достижимъ, если охраняющіе ихъ національные законы найдутъ себѣ добавленіе и подтвержденіе въ законодательствѣ международномъ.

IV.

Къ какимъ же окончательнымъ выгодамъ должны мы придти по отношенію задачъ берлинской конференціи? Надо желать продолженія ея дѣла, постепеннаго, осмотрительнаго и умѣлаго. Весьма ошибаются тѣ, которые приписываютъ зарожденіе и быстрые успѣхи социализма въ наши дни проискамъ и искусству нѣкоторыхъ демагоговъ. Явленіе это гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Будемъ ли мы ему сочувствовать или смотрѣть на него враждебно, но внимательное изученіе современной жизни приводитъ насъ къ убѣжденію, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вопросы социальные и задачи управленія будутъ выдвигаться на первый планъ. Само собою разумѣется, каждое государство должно пользоваться свободою въ области какъ политической, такъ и экономической. Отсюда, оно призвано заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ, какъ и вообще всѣхъ условий экономической жизни своего народа, всѣми силами, какими оно располагаетъ.

еть, и всегда сообразно съ мѣстными особенностями и потребностями. Специально социализмъ можетъ потерять характеризующее его революціонное направленіе, если правительства рѣшительно и умѣло усвоятъ себѣ изъ его задачъ, которыя осуществимы и дѣйствительно требуются благосостояніемъ населенія. Только тутъ слѣдуетъ избѣгать поспѣшности и односторонняго угожденія интересамъ отдѣльныхъ партій или классовъ. Проблема, такъ понимаемая, дѣйствительно неосуществима безъ одновременнаго содѣйствія со стороны государствъ, стоящихъ съ нами на болѣе или менѣе равномъ уровнѣ промышленнаго развитія и держащихъ въ своихъ рукахъ мировые рынки. Практически тутъ дѣлами представляются сами собою покровительство рабочимъ и регулированіе производства между соперничающими странами. Идея какъ бы національнаго только хозяйства переходить, такимъ образомъ, не уничтожаясь сама, въ идею высшаго порядка, хозяйства міроваго, требующаго солидарности и раздѣленія труда между экономическими единицами, называемыми народами, странами.

Рабочіе вѣрно поняли эту сторону дѣла, когда перенесли его на международную почву. Надо только его организацію обратить на благо имъ и самихъ государствъ. Конвенціи въ этой области поэтому желательны; онѣ должны только простираться на пункты, относительно которыхъ достигнута между участниками согласіе и единообразіе нормъ. Это предполагаетъ, какъ сказано, извѣстную общность ихъ экономического строя и, во всякомъ случаѣ, должно быть результатомъ жизни, а не искусственныхъ комбинацій или заднихъ мыслей. До заключенія подобныхъ конвенцій государствамъ нельзя достаточно рекомендовать созваніе конференцій (не политическихъ, а составленныхъ изъ опытныхъ специалистовъ) для совмѣстнаго обсужденія положенія рабочимъ и промышленности у нихъ. Эти съѣзды были бы полезны не только какъ средство обмѣна мыслей по указаннымъ вопросамъ, но и для регулированія его въ будущемъ общими усліями. Весьма возможно, что отдѣльными конференціи (различныя по числу участниковъ и по вопросамъ, рѣшеннымъ въ нихъ) приведутъ современнѣе къ *экономическому союзу* между наиболѣе промышленными странами міра, но союзъ этотъ, разъ онъ будетъ продуктомъ самой жизни этихъ государствъ, не подорветъ ихъ политической независимости вопреки ихъ волѣ, ибо каждой странѣ должно остаться право свободнаго вступленія въ него и такого же изъ него выхода.

На этомъ же принципѣ долженъ покоиться и контроль за примѣненіемъ принятыхъ сообща рѣшеній. Долгое время государства не захотятъ выпустить его изъ своихъ рукъ и международное бюро, если бы таковое сообразилось и для охраны рабочимъ, не имѣло бы иныхъ цѣлей, кромѣ собиранія свѣдѣній, доставленныхъ ему отдѣльными правительствами, обнародованія ихъ въ систематической обработкѣ и приготовленія матеріаловъ къ будущей рабочей конференціи. Подвиже можно было бы перейти и къ настоящимъ международнымъ комитетамъ, которые на мѣстахъ изучали бы эти вопросы и слѣдили бы за практическимъ дѣйствіемъ принятыхъ, въ

пользу рабочихъ, мѣръ. Это не угрожало бы политической независимости государствъ, если бы проводилось безъ всякой политической поделки и тенденціи. Въ составъ названныхъ комитетовъ, всегда съ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго правительства, входили бы лица наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, сами опытные въ хозяйственныхъ дѣлахъ и знакомыя съ языкомъ страны, куда ихъ посылаютъ. Они ни въ какую администрацію не вмѣшивались бы, но констатировали бы факты, собирали свѣдѣнія и предлагали бы свои добрыя услуги тѣмъ спорящимъ сторонамъ, которыя таковыхъ пожелали бы.

Намъ говорятъ, что государство не вправѣ вмѣшиваться во взаимныя отношенія взрослыхъ, совершеннолѣтнихъ гражданъ; тутъ дѣйствуетъ принципъ равенства между ними. Бъ сожалѣнію, это формальная, а не матеріальная правда. Люди, забитые нуждою и подъ ея страшнымъ давленіемъ, не обладаютъ никакою свободою,—къ чему для нихъ равенство предъ закономъ? Имъ нужна помощь, сильная, но, конечно, умѣлая, которая не питала бы въ нихъ лѣни и бездѣятельности, а путемъ честнаго труда вышала бы въ нихъ ихъ человѣческое достоинство. Мы отлично понимаемъ, что тутъ и усилія правительствъ сами по себѣ недостаточны, но имъ на помощь должны придти: школа, церковь, частныя лица и общества, но мы утверждаемъ, что наиболѣе плодотворное рѣшеніе рабочаго вопроса путемъ законовъ предполагаетъ дружное, совмѣстное дѣйствіе государственныхъ и международныхъ нормъ. Вотъ почему работы берлинской конференціи 1890 г. представляютъ интересъ для каждаго серьезнаго ума.

Гр. Л. Камаровскій.

Экскурсы въ область русскаго эпоса *).

III.

Илья и Рустемъ.

Всякій, кто знакомъ съ эпическими подвигами Ильи Муромца и съ похождениями иранскаго Рустема, разбросанными на множествѣ страницъ персидской *Книги царей*, не найдетъ между тѣми и другими такого поразительнаго сходства, которое давало бы основаніе для выставленія нашей гипотезы, предполагающей вліяніе восточнаго типа Рустема на былевой типъ Ильи. Дѣйствительно, мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, въ *Рустеміадѣ* такихъ походовъ, которыя разительно напоминали бы бой Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, съ Идолицемъ, Жидовиномъ, разбойниками и т. под., не говоря уже о томъ, что иранскій національный герой—не крестьянскій сынъ, а могущественный полунезависимый владетель Сейестана. Поэтому, чтобы представиться убѣдительнымъ, наше предположеніе, что личность Рустема *значительно* повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи Муромца, должно быть обставлено подробными и детальными розысканіями, которыя должны, между прочимъ, уяснить путь, которымъ иранскіе отголоски достигали южной Руси, и послѣдовательныя измѣненія, постигнувшія личность Ильи въ развитіи нашего эпоса.

Въ дальнѣйшемъ мы думаемъ держаться слѣдующаго плана. Сначала мы сопоставимъ обѣихъ богатырей—Илью и Рустема—въ общихъ чертахъ характера и постараемся уяснить сходство въ основномъ типѣ. Затѣмъ разсмотримъ отдѣльные эпизоды эпической исторіи того и другаго богатыря.

Изъ моей статьи *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ* ¹⁾ видно, что отголоски иранскаго эпоса на Кавказѣ сводятся почти исключительно къ нѣкоторымъ, наиболѣе популярнымъ, походамъ Рустема. Исторія персидскихъ царей, къ царствованіямъ которыхъ приурочиваетъ иранскій эпосъ различные подвиги своего національнаго богатыря, не могла сама по себѣ интересовать туземцевъ Кавказа, и только богатырская личность

* *Русская Мысль*, кн. III.

¹⁾ *Этнограф. Обзорніе*, кн. II, стр. 1—86.

Рустема была выдвинута изъ массы другихъ иранскихъ сказаній и, усвоенная народною памятью, контаминировалась личностями другихъ казаскихъ богатырей вродѣ Батраза, Урызмага, Амираана и проч. Такое же *центральное* положеніе занимаетъ Рустемъ и вообще *Рустеміада* въ *народныхъ* персидскихъ преданіяхъ. Эпическая исторія Рустема есть, вѣстѣ съ тѣмъ, исторія великой національной борьбы Ирана съ Тураномъ, такъ что смертью Рустема, можно сказать, почти оканчиваются и борьба съ Тураномъ, и иранскій эпосъ. Подобно тому, какъ Илья Муромецъ въ дѣятельности своей связывается, главнымъ образомъ, съ татарами и можетъ считаться главнымъ героемъ татарскаго періода ¹⁾, такъ Рустемъ въ народномъ сознаніи персовъ до сихъ поръ неразрывно связанъ съ идеей о борьбѣ Ирана съ сѣверными кочевниками тюрками. До сихъ поръ имя національнаго пехлевана прикрѣплено и къ родной его области Сейестану, и ко многимъ другимъ, которыя были свидѣтелями его подвиговъ. «Современные персы,—говоритъ г. Зиновьевъ ²⁾,—соединяютъ съ Сейестаномъ воспоминаніе о Рустемѣ, котораго славный родъ тамъ царствовалъ. Жители этой области называютъ его именемъ неизвѣстныя имъ по происхожденію развалины ³⁾. Да и вѣ Сейестана въ Гирканѣ Узелей видѣтъ *престоль* Рустема и другой такой же въ Исфahanѣ. Въ Мазандеранѣ, театрѣ многихъ великихъ подвиговъ героя, гдѣ, по свидѣтельству Кавзини, цѣлая горная область называется *Рустемдаръ* ⁴⁾, ему показывали двѣ или три Рустемовы *дороги*, подобныя которымъ Поттингеръ видѣлъ въ стѣни. Войско Тимура, во время нашествія на Сейестанъ, разрушило такъ называемую *плотину* Рустема (*bendi Rustam*) такъ, что, по выраженію Шерифъ - Эддина, тамъ не осталось и слѣдовъ древняго памятника; а при разореніи древней столицы этой страны, во всемъ Сейестанѣ раздавались крики, которыми заклинали духъ героя: «Рустемъ, подними изъ гробницы свою голову и взгляни на Иранъ, доставшійся въ руки твоихъ смертельныхъ враговъ, туранскихъ воиновъ».

Воплотивъ преимущественно въ Рустемѣ идею великой національной борьбы съ Тураномъ, персидскій эпосъ долженъ былъ поставить своего пехлевана на недосыгаемую высоту, сдѣлать его и физическимъ, и духовнымъ главою всѣхъ современныхъ ему богатырей Ирана. Дѣйствительно, сила его необычайна: по свидѣтельству армянскаго историка Моисея Хоренскаго (въ V в.), рассказывали, что она равна силѣ 120 слоновъ. Рус-

¹⁾ См. *Халавскій. Р. Филол. Вѣсти.* 1885 г., № 1, стр. 116.

²⁾ *Эпическія сказанія Ирана* Н. Зиновьева. Спб., 1855 г., стр. 100.

³⁾ Такъ, гора, поднимавшаяся изъ озера Хамуна близъ р. Хилинда, называется *горой Рустема* (кух-и Рустемъ) иначе *кух-и Хеваджи* (*Риттеръ*: „Иранъ“, ч. I, стр. 318, въ переводѣ, издан. *Имп. русс. геогр. общ.*); развалины на горѣ *кух-и Ходжа* называются *крѣпостью Рустема* (тамъ же, стр. 342); съ урочищемъ *Хансуръ* (домъ свадьбы) связано преданіе, что здѣсь богатырь Гизъ сочетался бракомъ съ дочерью Рустема (тамъ же, стр. 316); съ горнымъ озеромъ *Деки-Тиръ* (горы стрѣлы)—преданіе, что здѣсь Рустемъ досталъ стрѣлу, которой убилъ Исфандара (тамъ же, стр. 316).

⁴⁾ См. также *Риттеръ*: „Иранъ“ (русск. изд.), ч. I, стр. 148.

темъ одинъ поражаетъ цѣлое войско, вырываетъ съ корнемъ огромныя деревья ¹⁾, поднимаетъ и бросаетъ съ легкостью такіе громадные камни, которыхъ не могутъ и приподнять всѣ другіе пехлеваны ²⁾, подставляетъ себя подъ скатывающуюся съ горы каменную глыбу и т. под. Такая необычайная сила дана Рустему отъ Бога (о чемъ герой самъ нѣрѣдко заявляетъ) ³⁾ для совершенія подвиговъ, полезныхъ его народу. По волѣ божества, Рустемъ родится необычайнымъ путемъ (черезъ кесарское сѣченіе) ⁴⁾, причѣмъ представитель божества, вѣщая птица Симургъ, предвѣщаетъ его отцу, что Рустемъ будетъ величайшимъ героемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мудрымъ въ совѣтѣ ⁵⁾.

Фирдоуси, который черпалъ матеріалъ для своего изложенія подвиговъ Рустема изъ народныхъ сказаній, несомнѣнно представлявшихъ много вариантовъ, не сообщаетъ подробностей преданія о томъ, что чрезмѣрная сила Рустема была уменьшена божествомъ, такъ какъ земля не могла держать его тяжести. Но такое преданіе несомнѣнно существовало. Въ эпизодѣ о Сохрабѣ, описавъ неудачный для Рустема второй бой съ сыномъ, поэтъ говоритъ: «Я слышалъ, что Рустемъ получилъ отъ Бога вначалѣ такую силу, что его ноги погрязали, когда онъ становился на камень. Онъ былъ недоволенъ такою непомѣрною силой, которой не желалъ. Онъ обратился къ Творцу съ мольбою освободить его отъ части силы, такъ чтобы онъ могъ ходить по землѣ; и благой Богъ, по желанію гороподобнаго Рустема, уменьшилъ его силу. Но когда онъ находился въ опасности и его сердце раздиралось боязнью, внушаемой ему Сограбомъ, онъ снова обратился къ Богу съ мольбой: «Творецъ! помоги рабу твоему въ этихъ обстоятельствахъ! О, Всемогущій Боже и Всесвятѣйшій, отдай мнѣ мою силу такую, какою ты даровалъ мнѣ ее сначала». Богъ отдалъ ему ее, какъ онъ просилъ, и увеличилъ силу его тѣла настолько, насколько ее раньше убавилъ ⁶⁾.

Остановимся здѣсь и припомнимъ нѣкоторыя черты Ильи. Сила Ильи также божественнаго происхожденія и дана ему для полезныхъ подвиговъ. Не останавливаясь на разборѣ преданія о приходѣ къ Ильѣ каликъ, сложившагося подъ вліяніемъ агиологич., отмѣтимъ только сходство въ общей идѣѣ. Представители божества уменьшаютъ силу богатыря на половину ⁷⁾, причѣмъ это уменьшеніе силы мотивируется каликами (въ одной сказкѣ) ⁸⁾ такъ: «много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ». Хотя не самъ Илья проситъ странниковъ уменьшить ему силу (какъ Рустемъ проситъ объ

¹⁾ *Молл*, I, стр. 436.

²⁾ *Молл*, I, стр. 446; III, р. 311.

³⁾ Наприм., *Молл*, III, стр. 188.

⁴⁾ См. *Молл*, I, стр. 277 слѣд.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Молл*, II, стр. 181.

⁷⁾ *Киргесскій*, I, стр. 2.

⁸⁾ *Киргесскій*, I, прилож. № 2.

этомъ божество), но, все-таки, подобно Рустему, сознаетъ, что чрезмѣрной силы ему не надобно. Такъ, отказываясь во второй разъ наклониться къ щели гроба, изъ которой Святогоръ дуновениемъ передалъ ему часть своей силы, Илья говорить: «Будетъ съ меня, бѣдшій братецъ, не то земля на себѣ носить не станетъ» ¹⁾. Другое сходство силы Ильи и Рустема представляется въ томъ, что, уменьшенная временно, она по молитвѣ богатырей возрастаетъ, когда они находятся въ критическомъ положеніи. Подобно тому, какъ Рустемъ, посредствомъ молитвы, передъ третьимъ боемъ съ Сохрабомъ получаетъ всю свою прежнюю силу, такъ и нашъ Илья, лежа подъ сыномъ (подсокольничкомъ), взмолился Спасу Пречистому и вздохнулъ крѣпко:

„Стоялъ я за церкви Божіи, за тѣ же честны монастыри,
И хранилъ я стольный Кіевъ-градъ,
Да еще я хранилъ Черниговъ-градъ,
Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую“ ²⁾.

И немедленно, укрѣпившись въ силахъ, сбросилъ съ себя подсокольника. По другому пересказу ³⁾, Илья въ томъ же положеніи вспоминаетъ святыхъ отцовъ и апостоловъ, и немедленно у него «лежучи втрое силы прибыло» ⁴⁾.

Подобно тому, какъ громадная сила Рустема выражается въ несовѣмъ обычныхъ приемахъ, напримѣръ: вырываніи дерева съ корнемъ, такъ при случаѣ и Илья даетъ такія же доказательства чрезвычайной силы.

„Пріѣхалъ (Илья) къ заставѣ—дремучимъ лѣсамъ:
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дуби рветъ“ ⁵⁾.

Одинъ изъ приемовъ Рустема въ борьбѣ состоитъ въ томъ, что онъ поднимаетъ противника вверхъ и бросаетъ его на землю ⁶⁾. Въ такому же приему прибѣгаетъ, какъ извѣстно, Илья ⁷⁾. Рустемъ въ увлеченіи боя съ тюрками схватываетъ тюрка и избиваетъ имъ другихъ ⁸⁾. Такъ Илья въ разныхъ былинахъ, но преимущественно въ былинѣ о Калинѣ-царѣ, схватываетъ татарина и прокладываетъ, размахивая имъ, себѣ путь въ татарскомъ войскѣ ⁹⁾.

¹⁾ О. Миллеръ, стр. 247.

²⁾ Ефименко: „Материалы по этногр. русск. насел. Архангельской губ.“, ч. II, стр. 81.

³⁾ Куртесскій, I, стр. 81.

⁴⁾ Ср. еще Куртесск., IV, стр. 46.

⁵⁾ Ефименко, назв. соч., стр. 20. Срав. Куртесск., I, стр. 81 (правой рукой рветъ дубье съ кореньями), и сказка объ Ильѣ М. (Куртесск., I, приложение № 1): ледни онъ за воюю, за которое дерево онъ ни ухватится, изъ корню выдернетъ. Также Рыбниковъ, II, стр. 826; III, стр. 17, 25; IV, стр. 9.

⁶⁾ См. описаніе борьбы Рустема съ Пуладвендомъ. Мош, III, стр. 206.

⁷⁾ Куртесск., I, стр. 6, 51, 76, 84; IV, стр. 12.

⁸⁾ Мош, I, стр. 365.

⁹⁾ См. Куртесск., I, стр. 75; Гильфердингъ: „Онеж. блн.“, столб. 455, 908, 945, 1271, 1297 и 1299 и друг. Къ этому приему ни возвратится ниже.

Соотвѣтственно непомерной силѣ Рустемъ отличается и огромнымъ аппетитомъ. Онъ съѣдаетъ заразъ по цѣлому онагру ¹⁾, но, особенно много пьетъ. Ему подносятъ огромную чашу вина, въ увѣренности, что онъ не осушитъ ея, и онъ не только выпилъ до дна этотъ «красный фонтанъ» (какъ выражается Фирдоуси), но потребовалъ, чтобы другая чаша была безъ примѣси воды ²⁾. Рустемъ любитъ бражничать, такъ что обыкновенно, когда послы отъ царя приходятъ звать его на службу, онъ удерживаетъ ихъ и пьянствуетъ съ ними нѣсколько дней. Нашъ Илья въ этомъ отношеніи еще превосходитъ иранскаго богатыря. Между всеми русскими богатырями, въ числѣ которыхъ есть и специалистъ-пьяница Василій, Илья можетъ выпить заразъ всѣхъ больше. Такъ Васыла-пьяница, собирався на Батыгу, говоритъ Владиміру:

„Поднеси-ка мнѣ чаричку похмѣльную,
Которой чарѣй пьетъ Илья Муромецъ.
А Илья пьетъ чарой въ полсема ведра“ ³⁾.

На этомъ свойствѣ Ильи народная былина любитъ останавливаться и смаковать самый процессъ испиванія. Такъ, Илья говоритъ Владиміру:

„Еще ты, славный князь кievской да владимірской!
Ты носи-ко чашу большую да обѣручную,
Зелена вина да полтора ведра!“
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ,
Еще все-то ему мало кажется:
„Ты носи еще, князь, чашу бoльшую,
Чашу бoльшую да обѣручную,
Еще два ведра да зелена вина,
Все со водоцькой, да со наливоцькой,
Со крѣпкими да со напѣтками“.
Илья примантса да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на одной духъ“ ⁴⁾.

Вспомнимъ далѣе, какъ голи кабацкіе угощаютъ, сложившись по копѣчкѣ, Илью виномъ, причемъ богатырь, переодѣтый каликой, выпиваетъ полтора ведра единымъ духомъ и говоритъ:

„Да и ой же вы, голи да кабацкіе!
Не напоили старика, лишь *раззадорили*“ ⁵⁾.

Затѣмъ онъ въ свою очередь угощаетъ *голей* и упивается уже основательно. Отмѣтимъ тутъ же, что какъ персидскій эпосъ не вибнѣетъ своему богатырю въ вину то, что онъ, предаваясь пьянству, не спѣшитъ на призывъ царя, такъ и наши былины, повидимому, съ удовольствіемъ отмѣчаютъ это свойство Ильи. Такъ, въ былинѣ о Мамаѣ, Илья посланъ звать богатырей, стоящихъ на полѣ Буликовѣ.

1) *Молл*, IV, стр. 476.

2) *Молл*, IV, стр. 505.

3) *Киртесскій*, II, стр. 94.

4) *Киртесскій*, I, стр. 84 и слѣд.

5) *Гильбердингъ*, ст. 1120, 1134.

„Говорать тутъ могуіе богатыри
 Старому козаку Ильѣ Муромцу:
 — Ты сойдѣ-ко къ намъ во бѣгъ шатерьъ,
 Внидѣ у насъ чару зелена вина! —
 Сходилъ Ильѣ Муромецъ съ добра коня,
 Входилъ онъ въ нѣмъ во бѣгъ шатерьъ,
 Внидвалъ онъ чару зелена вина,
 Зелена вина въ колтора ведра.
 Наливали богатыри другу чару,
 Подносили чару Ильѣ Муромцу;
 Съ той ли чары Ильѣ хмель зашибъ.
 Ложился Ильѣ Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
 Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.
 Богатырскій сонъ на двѣнадцать деньъ.
 А Владиміръ князь Ильѣ ждетъ—пождетъ,
 Ильѣ ждетъ-пождетъ и не дожидется 1).

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ черты нравственнаго характера Рустема и Ильи, которыя дѣлають этихъ богатырей естественными главами среди другихъ.

Тотъ и другой, будучи увѣрены въ свой силѣ, отличаются *спокойнымъ мужествомъ* и этимъ противопоставляются другимъ, болѣе юнымъ и заносчивымъ богатырямъ. Фирдоуси отмѣчаетъ именно эту черту Рустема, называя его «славнымъ, многолюбимымъ пехлеваномъ, благороднымъ и *спокойнымъ*» 2). Та же черта настолько уяснена нашими исследователями въ Ильѣ Муромцѣ, что не считаемъ нужнымъ приводить примѣры изъ былинъ. Тотъ и другой пренебрегаютъ земными благами и отличаются *нестязательностью*. Эта черта также въ достаточной степени указана въ Ильѣ. Примѣрами нестяжательности Рустема можетъ служить слѣдующее: царь мазандеранскій предлагаетъ Рустему, посланному къ нему Бейкаусомъ, царственный подарокъ. Но онъ отказался отъ его даровъ: одежды, коней, золота, такъ какъ презиралъ и вѣнцы, и пояса 3). Въ другой разъ Рустемъ пригналъ въ Иранъ табунъ отличныхъ коней Афрасіаба и роздалъ ихъ иранцамъ, не желая самъ имѣть другого коня, кромѣ Ракша, и послалъ отбитыхъ въ Туранъ слоновъ царю 4). Отсутствие корыстолюбія, однако, не мѣшаетъ иранскому и русскому богатырямъ добывать богатую добычу или получать «заработное». Рустемъ, какъ владѣтельный князь Сейестана, богатъ уже по рожденію и получаетъ драгоценные подарки отъ царей Ирана за свои безчисленныя услуги. Нашъ Ильѣ, хотя и не дѣлится богатства, нерѣдко въ былинахъ представляется весьма богатымъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ чертахъ Ильи, замѣчается какая-то двойственность, причины которой мы постараемся уяснить ниже. Вотъ, напримѣръ, какія богатства вонитъ съ собой старый козакъ:

1) *Куртисскій*, I, стр. 61.

2) *Mohl*, IV, стр. 9.

3) *Mohl*, I, стр. 438.

4) *Mohl*, III, стр. 229.

„Только взять вамъ у стараго:
Кожа на плечахъ въ пятьсотъ рублей,
Чуденъ крестъ на груди въ три тысячи,
По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
А косматому бурушкѣ у меня и дѣны нѣтъ“ 1).

Или:

„Въ колчанѣ у меня стрѣлъ до пяти сотъ есть,
Что и каменная стрѣла стоитъ пять рублей.
А чистыхъ со мной денегъ сорокъ тысячъ“ 2).

Эти деньги Илья заработалъ своими подвигами. Такъ, когда онъ освободилъ городъ Бекетовецъ отъ татаръ, то

„Тутъ мужики бекетовцы
Наспиали ему чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью наспиали скатна жемчуга.
Подносить, подавають ему,
Принялъ старичекъ, самъ проговорить:
— Это, братцы, мое заробочее“ 3).

Такіе же подарки, какъ *заробочее*, принимаетъ Илья отъ дѣтей Соловья-разбойника 4), отъ царя Константина Боголюбовича 5) и находитъ золотой казны безъ смѣты въ одну изъ своихъ поѣздокъ 6). Вообще слѣдуетъ подчеркнуть для дальнѣйшаго тотъ фактъ, что великорусскій крестьянинъ-пахарь видитъ въ своемъ идеальномъ представителѣ Илья не мужа-пахаря, а вольнаго козака, добывающаго богатство на полѣ бранномъ палицею и мечомъ булатнымъ, т.-е. тѣмъ способомъ, которымъ обогащались представители высшаго боеваго сословія.

Отмѣчая дальнѣйшія черты характера Рустема и Ильи, слѣдуетъ указать на ихъ *благочестіе*. Эта черта тѣмъ болѣе естественна, что у обоихъ сила божественнаго происхожденія. Рустемъ нерѣдко обращается съ молитвой къ божеству, испрашивая у него помощи. Примѣры благочестія Ильи можно найти во множествѣ былинъ.

Соединеніе необыкновенной физической силы съ высокими нравственными свойствами—благородствомъ, великодушіемъ, благочестіемъ, нестяжательностью и др.—возвышаетъ Рустема и Илью надъ всѣми современными имъ богатырями, которые, какъ мы увидимъ, относятся къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ. Оба народа—персы и русскіе—вѣдѣтъ съ тѣмъ, дадутъ своимъ идеальнымъ представителямъ преклонный возрастъ. Персидскій эпосъ, представляя полную біографію Рустема, отъ рожденія до смерти, какъ бы скользнуть надъ его ранними подвигами. Всѣ дивныя дѣла,

1) *Рыбниковъ*, I, стр. 63.

2) *Киревскій*, I, стр. 15. См. также: *Киревъ*, стр. 17, 23, 27. *Гиллбердинъ*, столб. 923, 924, 1023, 1136.

3) *Рыбниковъ*, I, стр. 47

4) Тамъ же, стр. 49.

5) *Рыбниковъ*, I, стр. 94.

6) *Ibid.*, стр. 65.

прославившія его имя, совершены имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, а нѣкоторыя въ глубокой старости. Въ теченіе его жизни смѣняется на престолѣ Ирана цѣлый рядъ царей—Маночихръ (царствовавшій, по Фердоуси, 120 лѣтъ), Невдерь (7 лѣтъ), Зевъ (6 лѣтъ), Гершаспъ (5 лѣтъ), Кейжобадъ (100 лѣтъ), Кейкаусъ (150 лѣтъ), Кейхосровъ (60 лѣтъ), Лохраспъ (120 л.), Гуштаспъ (100 л.), но главные подвиги Рустема приходятся на царствованія Кейкауса (походъ въ Мазандеранъ, война съ Афрасиабомъ) и Кейхосрова (продолженіе борьбы съ туранцами, бой съ дивомъ Акваномъ, освобожденіе Бижена), когда Рустему было уже *нѣсколько сотъ* лѣтъ. Говоря о своихъ подвигахъ съ Исфендіаромъ, маститый герой выражается о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Уже болѣе 600 лѣтъ, какъ я родился отъ Заля, и въ теченіе всего этого времени я былъ пехлеваномъ міра и не боялся ничего, ни явнаго, ни сокрытаго» ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что эпическая біографія Рустема была составлена не народными «сказителями», а предшествовавшими Фердоуси собирателями народныхъ сказаній, причѣмъ и тусскій поэтъ принялъ участіе въ ея пополненіи. Народъ зналъ отдѣльные сказанія о томъ или другомъ подвигѣ Рустема, причѣмъ, какъ всегда бываетъ, приурочивалъ къ имени своего національнаго героя подвиги другихъ эпическихъ и сказочныхъ личностей. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ и въ разныхъ областяхъ Ирана накопилась такая масса отрывковъ *Рустеміады*, что ученымъ составителямъ *Книги царей* приходилось разбить исторію Рустема и его предковъ на цѣлый рядъ царствованій не менѣе эпическихъ царей Ирана. Біографія Рустема была сведена изъ отдѣльныхъ сказаній подобно тому, какъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей были дѣлаютъ попытки (на нашъ взглядъ неудачныя) составить эпическую біографію Ильи Муромца или Садга. Такія попытки разверстать въ известной послѣдовательности отдѣльные подвиги Ильи дѣлаютъ, впрочемъ, и нѣкоторые «сказители», причѣмъ обыкновенно впадаютъ въ явное противорѣчіе, какъ мы увидимъ ниже. Поэтому лучшими былинами, въ смыслѣ сохраненія болѣе полноты деталей, представляются обыкновенно такія, въ которыхъ воспѣвается тотъ или другой подвигъ Ильи или рядъ подвиговъ, уже давно связанныхъ въ одномъ разсказѣ. Относительно Рустема можно установить фактъ, что въ *народныхъ* сказаніяхъ о его подвигахъ онъ представлялся не молодымъ героемъ (вродѣ Сіавуша, Исфендіара), а богатыремъ солиднаго или преклоннаго возраста, который уже самъ по себѣ давалъ ему право на уваженіе болѣе юныхъ богатырей. Передъ его глазами смѣняется нѣсколько поколѣній царей и богатырей, какъ видно изъ тѣхъ «былинъ», въ которыхъ онъ является воспитателемъ и руководителемъ молодыхъ пехлевановъ (Сіавуша, Бахмана и др.).

Спрашивается теперь, въ какомъ возрастѣ совершаетъ свои подвиги Илья Муромецъ и что известно про его юность?

Просматривая былины объ Ильѣ, нетрудно убѣдиться, что *ося* подвигъ совершены имъ уже въ преклонномъ возрастѣ, «старымъ» козакомъ.

¹⁾ *Молл*, IV, стр. 496.

Хотя нерѣдко говорится въ былинахъ:

„А ѣдиль-то старъ по чисту полю,
И отъ младости да старъ до старости,
И отъ старости да до гробной доски“¹⁾;

но ни одинъ подвигъ, совершенный Ильей во *младости*, народу не извѣстенъ²⁾. Илья называется *старымъ* въ то время, когда ранить Соловья и привозить его въ Кіевъ³⁾, когда встрѣчаетъ разбойниковъ⁴⁾, бьется съ Нахвальщикомъ⁵⁾, съ Мамаемъ⁶⁾, когда ѣдетъ въ Царьградъ⁷⁾, когда ссорится съ Владиміромъ⁸⁾, бьется съ Калиномъ-царемъ⁹⁾, съ сыномъ, убиваетъ королевишну и проч. Можетъ явиться мысль, что эпитетъ «старый козакъ», встрѣчавшійся въ нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ подвиговъ Ильи (положимъ, наприм., въ боѣ съ сыномъ), затѣмъ обобщился и былъ безсознательно переносимъ народомъ и въ такія былины, въ которыхъ нѣкогда Илья являлся молодымъ. Такая эпическая забывчивость свойственна народнымъ былинамъ, въ которыхъ, напримѣръ, Калинъ-царь преспокойно самъ себя называетъ «собака-Калинъ-царь», или татаринъ самъ прибавляетъ къ себѣ эпитетъ «поганого». Но подобною эпической наивностью можно объяснить только появленіе эпитета «старый» въ такъ называемыхъ «сводныхъ былинахъ, въ которыхъ сказители соединяютъ въ одно цѣлое всѣ подвиги Ильи»¹⁰⁾. Изъ отдѣльныхъ же былинъ видно, что народъ дѣйствительно представлялъ себѣ Илью старикомъ со всѣми атрибутами старости. Такъ, въ былинѣ изъ с. Усть - Урени¹¹⁾, содержащей встрѣчу съ разбойниками и Соловьемъ, про Илью говорится:

„Побѣдила его головушка,
Посѣдила его бородушка“.

Самъ Илья въ былинѣ о Мамаѣ¹²⁾, описывая свою наружность царю, говоритъ:

„У старога-го бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая“.

Наконецъ, прямое указаніе на глубокую старость Ильи, только вполнну уступающую возрасту Рустема, находимъ въ былинѣ № 197 Гильфердинга, содержащей начало разсказа о *трехъ* поѣздкахъ и отрывающейся слѣдующимъ образомъ:

1) Гильбердинъ, столб. 310; также ст. 1052, 1201, 1246.

2) Мы не говоримъ здѣсь о мѣстныхъ преданіяхъ Карачарова, о которыхъ ниже.

3) Наприм., Рыбниковъ, I, № 9, 10, 11.

4) Наприм., Куртескій, I, стр. 18.

5) Куртескій, I, стр. 58.

6) Ефименко, стр. 84.

7) Рыбниковъ, I, стр. 92.

8) Рыбниковъ, I, стр. 95.

9) Рыбниковъ, I, стр. 101.

10) Наприм., Куртеск., I, стр. 25. Илья проситъ отца купить себѣ жеребчика и немедленно по отъѣздѣ уже названъ „старымъ козаккомъ“ (стихъ 26).

11) Куртескій, I, стр. 81 и слѣд.

12) Ефименко, № 8, стр. 34.

„Видитъ-то старъ по чисту нолю,
 А самъ себя, старій, дивуется:
 „Ахъ, ты, старость, старость ты стара,
 А старая старость глубокая,
 А глубокая старость триста годовъ,
 А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
 Застала ты стараго во чистомъ полнѣ“ и т. д.

Такимъ образомъ, оказывается, что *все* подвиги были совершены Ильей въ старомъ возрастѣ и что онъ искони представлялся «старымъ козакомъ» воображенію великорусскаго сказителя. До насъ не дошло ни одной былины о подвигахъ, совершенныхъ Ильей въ молодости, и такихъ подвиговъ за нихъ не зналъ и самъ народъ. Съ нашей точки зрѣнія объясненіе этому факту можетъ быть слѣдующее. Самою раннею чертой въ ~~мифе~~ Ильи мы считаемъ именно ту, которая, такъ сказать, закрѣплена за него его постояннымъ эпитетомъ «старый козакъ». Древнѣйшій прототипъ Ильи былъ старый козакъ (т.-е. вольный, независимый богатырь) Рустемъ, перешедшій изъ Ирана въ степные рассказы тюркскихъ кочевниковъ (половцевъ) и подъ новыми именами продолжавшій поляковать на просторѣ вино-русскихъ и сѣверо-кавказскихъ степей. Изъ этихъ степныхъ рассказовъ образъ вольнаго богатыря-всадника перешелъ въ рассказы русскіе, сохранивъ тотъ возрастъ, въ которомъ Рустемъ совершалъ свои подвиги въ Иранѣ. Одинъ изъ наиболѣе популярныхъ и распространенныхъ эпизодовъ *Рустеміады* несомнѣнно бой отца съ сыномъ, и этотъ эпизодъ необходимо предполагаетъ въ отцѣ уже почтенный возрастъ. Мы увидимъ ниже, что наши сказанія объ Ильѣ и сынѣ всего ближе примыкаютъ къ восточнымъ и сложились подъ влияніемъ *Рустеміады*. Старымъ является также Рустемъ сравнительно съ посаженнымъ имъ на престолъ безумнымъ царемъ Кейкаусомъ. По нашей теоріи, отношенія Рустема къ иранскому царю отразились на отношеніяхъ Ильи къ Владимиру, какъ и самъ эпическій Владимиръ во многихъ чертахъ напоминаетъ Кейкауса. Отсюда естественно, что во всѣхъ былинахъ, гдѣ изображается Илья Муромецъ на службѣ Владимира, онъ является уже старымъ. Старшимъ по возрасту представлялся далѣе иранскій Рустемъ въ отношеніи другихъ пехлевановъ, во главѣ которыхъ онъ стоитъ; старымъ являлся замѣститель Рустема и въ южно-русскихъ степныхъ рассказахъ, находясь также во главѣ прочихъ богатырей. Старымъ поэтому оказывается Илья, стоя на заставѣ богатырской съ дружиной богатырей. Такимъ образомъ, разъ усвоенный южною Русью типъ стараго козака,—типъ, сложившійся подъ влияніемъ степныхъ отголосковъ *Рустеміады*, переходитъ затѣмъ на сѣверъ и сохраняется по консерватизму эпоса въ великорусскихъ сѣверныхъ областяхъ, среди мумиковъ-пахарей, чуждыхъ полякованію по степи, не знающихъ ни сѣделшекъ черкасскихъ, ни бѣлыхъ шатровъ, ни тугихъ луковъ,—словомъ, никакихъ атрибутовъ жизни степныхъ рыцарей. Впрочемъ, на этого степнаго рыцаря Суздальско-Ростовская Русь старалась наложить свою печать. При переходѣ типа «стараго козака» въ великорусскую крестьянскую сре-

ду, козакъ становится сыномъ крестьянина, указывается даже село, въ которомъ онъ родился, и называются по имени его родители. Но крестьянское происхожденіе пришито къ козаку (и, въ концѣ-концовъ, къ владѣтельному князю Рустему) лишь живыми нитками. Илья уходитъ изъ дому, какъ только ноги начали ему служить, и оказывается «старымъ козакомъ» уже сейчасъ за воротами отцовскаго дома ¹⁾. Такъ и не удалось великорусскому сказителю по сию пору согласить несогласное — сдѣлать «вольнаго» человѣка крестьяниномъ-пахаремъ ²⁾.

Впрочемъ, въ гаданіяхъ о «первоначальномъ» Ильѣ мы зашли дальше, тѣмъ позволяють разсмотрѣнные до сихъ поръ факты. Возвращаемся къ дальнѣйшему сопоставленію Рустема и Ильи, именно обратимъ вниманіе на отношенія того и другаго къ другимъ богатырямъ и послѣднихъ къ нимъ обонимъ.

Рустемъ можетъ быть названъ facile princeps по отношенію къ современнымъ ему пехлеванамъ Ирана. Онъ ихъ предводитель въ бою, всегда принимающій на себя самую трудную и опасную работу. Во время натиска на войско непріятелей онъ влѣмывается въ центръ, между тѣмъ какъ другіе вожди нападаютъ на фланги. На него одного возлагаютъ всѣ надежды, когда Иранъ находится въ критическомъ положеніи, и эти надежды никогда не обманываютъ. Онъ блюститель царскаго престола ³⁾ и границъ Ирана (Сейестана, Забулистана или Нимруза). Онъ спасаетъ и царя (Кейкауса), и все иранское войско, попавшее въ плѣнъ къ царю Мазандерана. Онъ воспитываетъ царевича Сіавуша (сына Кейкауса), чтобы сдѣлать его достойнымъ престола, онъ же впоследствии, по завѣту умирающаго Исфендіара, беретъ къ себѣ его сына, царевича Бахмана, и заботится о немъ, «какъ о своей душѣ» ⁴⁾. Всѣ современные ему богатыри цѣнятъ его высоко; былъ даже случай, когда ему предлагали корону Ирана, но онъ отказался отъ этой чести ⁵⁾. Когда Кейкаусъ оскорбилъ Рустема, всѣ пехлеваны были возмущены этимъ поступкомъ и убѣждали царя примириться съ великимъ героемъ. Когда царь Кейхосровъ отвернулся отъ своихъ пехлевановъ, то они, подозрѣвая, что онъ подпалъ вліянію *дива*, вызываютъ Рустема изъ его области и ищутъ у него совѣта ⁶⁾.

¹⁾ Чтобы согласить названіе *козака* съ крестьянскимъ происхожденіемъ, одна былина (Калинина, Гильферд., № 5) указываетъ поводъ, по которому Илья получилъ это прозвище. За убіеніе Соловья-разбойника Владимиръ благодаритъ Илью и говоритъ:

„Нареку тебѣ я имя да по новому:
Будь-ко ты козакъ да Илья Муромецъ,
А живи-твое ты у насъ во Киевѣ“.

²⁾ Во изъясненіе недоразумѣнія, считаю лучшимъ замѣтить тутъ же, что въ одномъ изъ дальнѣйшихъ экскурсовъ я рассматриваю, какимъ образомъ сравнительно позднее появленіе *козачества* нисколько не противорѣчитъ принимаемой мною древности типа Ильи—старога козака.

³⁾ *Mohl*, IV, стр. 491.

⁴⁾ *Mohl*, IV, стр. 555.

⁵⁾ См. выше *Экс.* I.

⁶⁾ *Mohl*, IV, стр. 179.

Такое же почетное мѣсто занимаетъ Илья среди другихъ богатырей. Почти все, что выше сказано о Рустемѣ, можетъ быть отнесено и къ Ильѣ. Онъ многократно выручаетъ князя изъ бѣды неминуемой, одолеваетъ такихъ противниковъ, отъ которыхъ отказались другіе богатыри (Добрыня, Алеша), беретъ себѣ *середку* татарской рати ¹⁾, и потому богатыри смотрятъ на него, какъ на своего естественнаго вождя, и повинуются ему безпрекословно. Такъ, желая потѣшиться надъ Владиміромъ, совывающимъ въ страхъ богатырей противъ Калина, угрожающаго отнять у него Опра-сію, Илья говоритъ богатырямъ:

„Ай же вы, братьица крестовне,
Крестовне братьица, названье,
Молодой Потокъ сынъ Ивановичъ,
Молодой Добрынюшка Никитичъ!
Видно, пришла князю тревогушка,
Тревога, бѣда неминучал,
Что тревожитъ насъ, могучихъ богатырей,
А подите-ка, братцы, отказывайтесь,
Что не можемъ мы служить за Кіевъ градъ“ ²⁾,

и богатыри немедленно отказываются передъ Владиміромъ. Въ другой былинѣ «князья-боляре», высказывая свой взглядъ на Илью, какъ на защитника государства, говорятъ Владиміру:

„Гой еси ты, ласковъ Володимерь князь!
Мы всѣ съ тобою, со княгиней,
За тебя мы положимъ наши головы,
А рать поведетъ Илья Муромецъ:
Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
Коней сивыхъ, сабли остра,
Стрѣлы мѣткія со туги лука“ ³⁾.

Такимъ образомъ, всѣ приближенные къ князю будутъ отсиживаться съ нимъ въ Кіевѣ, а отразить врага (Тугарина Бѣлевича) въ чистомъ полѣ посылаютъ Илью Муромца. Самъ Владиміръ нерѣдко въ былинахъ называетъ Илью «первымъ русскимъ богатыремъ» (наприм., *Рыбникъ*, I, № 38, стр. 228; II, № 17, стр. 80), повторяя этихъ лишь всеобщее мнѣніе ⁴⁾. Любопытныя черты, характеризующія отношенія другихъ богатырей къ Ильѣ, содержитъ старина про Алешу Поповича изъ собранія Бѣфиненко. Алеша съ дружиной выѣзжаетъ изъ Ростова на подвиги и спрашиваетъ дружину, ѣхать ли имъ въ Кіевъ, Черниговъ или къ морю синему? Дружина совѣтуетъ ѣхать въ Кіевъ. По дорогѣ встрѣчается рать Василія Прекраснаго, угрожающая Кіеву, и Алеша хочетъ «ослородить крашенъ Кіевъ-градъ», мотивируя свое рѣшеніе такими словами:

1) *Биртескій*, IV, стр. 44.

2) *Рыбниковъ*, I, стр. 99.

3) *Биртескій*, I, стр. 56.

4) Напримѣръ: „Его нѣтъ сильнѣе да могучѣе?

Старика Ильи да Ильи Муромца“ (*Гильбердингъ*, № 248).

„Вислуга наша не забудется;
 А пройдетъ про насъ слава великая,
 Про вислугу нашу богатырскую,
 И узнаетъ про насъ старый козакъ *Илья Муромецъ*,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
 Не дошедши, старики намъ поклонятся“.

Такимъ образомъ, богатыремъ и его дружиной руководить не желаніе снискать благодарность князя Владимира, а желаніе заслужить похвалу отъ главнаго русскаго богатыря. Въ той же былинѣ далѣе Алеша, приглашенный на княжескій пиръ,

„Отдастъ чело на всѣ четыре стороны,
 А особенно поклонится старику *Ильѣ Муромцу*“¹⁾.

Не съ меньшимъ уваженіемъ относится къ Ильѣ пріязній богатырь Дюкъ Степановичъ. Онъ подъѣзжаетъ къ нему и, на предложеніе Ильи поборотся, падаетъ ему во бѣлы ноги со словами:

„Одно у насъ на небѣ солнце красное,
 Печеть во всю землю святорусскую;
 А одинъ на Руск могучъ богатырь,
 Старый козакъ да Илья Муромецъ.
 Кто совѣтъ съ нимъ поборотися,
 Тотъ боками отвѣдати матеръ травъ“²⁾.

Приведенные примѣры достаточно уясняютъ, съ какимъ почтеніемъ относятся другіе богатыри къ Ильѣ Муромцу. Разсмотримъ теперь его отношенія къ болѣе молодымъ богатырямъ.

Преобладающею чертой въ этихъ отношеніяхъ являются добродушіе и ласковость. Илья *братается* съ Добрыней и Алешей, причемъ считается ихъ старшимъ крестовымъ или названнымъ братомъ. Онъ научаетъ Добрыню, какъ справиться съ бабой Горыниной³⁾.

Онъ не сердится на молодого Дюка Степановича за то, что онъ разбудилъ его, желая научиться у него всѣмъ похваткамъ, побѣдамъ богатырскимъ; братается съ нимъ крестами и, отпуская его въ Кіевъ, даетъ ему совѣтъ не хвастать на пиру.

„А стануть обижать тебя на честномъ пиру,
 Держи ко мнѣ вѣсточку во чисто поле,
 Ко моему шатру бѣлополотному—
 Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ“⁴⁾.

Онъ беспокоится душою о молодомъ Ермакѣ, бьющемся съ татарами, посылаетъ остановить его сначала Алешу, затѣмъ Добрыню, наконецъ, ѣдетъ самъ.

„Подъѣхалъ къ богатырю святорусскому,
 Наложилъ онъ свои храмы крѣпкіе

¹⁾ См. *Ефименко*, стр. 26 и 28.

²⁾ *Рыбн.*, III, № 29, стр. 152; срав. I, стр. 140, и III, стр. 169.

³⁾ *Киринскій*, I, стр. 11, 14, 15.

⁴⁾ *Рыбн.*, I, № 47. См. отношенія Ильи къ Дюку также у *Рыбн.*, II, стр. 141, 164, 183.

На его на плечики могуча,
Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку“ 1).

Онъ оказываетъ услугу крестовому младшему брату Потыку, извѣстивъ его о бѣгствѣ его коварной жены съ королемъ Политовскимъ 2).

Вообще Илья чуждъ чувства соперничества или соревнованія. Онъ относится къ другимъ богатырямъ благодушно, какъ къ братьямъ, всегда готовъ помочь имъ совѣтомъ и выручить изъ бѣды. Особенно теплы его отношенія къ молодому Ермаку, который въ нѣкоторыхъ былинахъ называется поэтому его племянникомъ 3). Примѣромъ отсутствія зависти къ молодымъ богатырямъ можетъ служить событіе, рассказанное въ былинѣ Ефименко. Когда Алеша очистилъ дорогу въ Кіевъ, разбивъ войско Василія Прекраснаго, но не былъ почтенъ Владиміромъ и приглашенъ на пиръ, Илья ѣдетъ къ князю въ Кіевъ и настаиваетъ передъ Владиміромъ, чтобы онъ почтилъ молодого богатыря:

„Соберитко-ся, князь Владиміръ, почестенъ пиръ,
Позовитко-ся Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
Посажетко-ся Алешу во большо мѣсто
И уотчуй ко-ся Алешу зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ, да медомъ сладкимъ“ 4),

и князь слушается совѣта стараго богатыря.

Подобно тому, какъ здѣсь Илья ходатайствуетъ передъ княземъ за молодого Алешу, такъ Рустемъ старается оправдать своего воспитанника Сіавуша передъ его отцомъ Кейкаусомъ. Кейкаусъ негодуетъ на сына за то, что онъ прекратилъ войну съ Афрасиабомъ и заключилъ съ нимъ миръ, хотя и на выгодныхъ для Ирана условіяхъ. Отецъ хочетъ отозвать сына и замѣнить его другимъ полководцемъ. Тогда Рустемъ горячо ходатайствуетъ передъ Кейкаусомъ за сына, оправдываетъ его поступокъ и своими правдивыми рѣчами возбуждаетъ противъ себя гнѣвъ царя. Послѣдній доходитъ до того, что отсылаетъ Рустема въ его область: «Я пересталъ, — говорить царь, — называть тебя другомъ и не хочу, чтобы ты сражался за меня» 5). Разгнѣванный герой съ дружиной поспѣшно уѣзжаетъ въ Сейстанъ.

Относясь благожелательно къ младшимъ богатырямъ, Илья является миротворцемъ въ ихъ взаимныхъ ссорахъ и не дозволяетъ дѣлу дойти до убійства. Такъ, когда расходившіяся Добрыня кинулъ коварнаго Алешу о жиряченъ полъ и хотѣлъ «переправить второй-егъ разъ»,

„Такъ скочилъ старій козакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики за могучими за молодецкія,
Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ,

1) Рыбн., I, стр. 118.

2) Рыбн., № 16, стр. 74.

3) Биртескій, I, стр. 61, 65.

4) Ефименко, стр. 27.

5) Молл, IV, стр. 224.

Не убей ты смертію нарасноу
Меньшого братца Алешу Помошча!¹⁾

Такъ же удерживаетъ Илья Дюка, хотѣвшаго, согласно условію состязанія, отсѣчь голову Чурилѣ Пленковичу²⁾.

Заканчивая параллельную характеристику обоихъ національныхъ богатырей—иранскаго и русскаго, намъ слѣдуетъ указать еще на сходство въ отношеніяхъ Рустема къ царю и Ильи къ князю, о чемъ уже была у насъ рѣчь въ экскурсѣ I по поводу сопоставленія Владимира съ Кейкаусомъ. Мы видѣли, что оба богатыря посвящаютъ всѣ свои силы на службу отечеству, служатъ «дѣлу, а не лицамъ» и держатъ себя весьма самостоятельно по отношенію къ преобладающей власти. Тотъ же тонъ, который слышится часто въ словахъ Рустема, звучитъ и въ устахъ Ильи, когда онъ склоняется на подвиги не ради царя и княгини, а ради вѣры христіанской, бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей³⁾.

Мы видѣли также, что представители власти—Кейкаусъ и Владиміръ—личности довольно низменныя въ нравственномъ отношеніи—поступаютъ иногда недостойнымъ образомъ съ главнымъ національнымъ богатыремъ, оберегателемъ ихъ особы и государства. Кейкаусъ изъ-за мелкаго раздраженнаго самолюбія угрожаетъ повѣсить Рустема, Владиміръ сажаетъ Илью въ пожизненное заключеніе въ погреба глубокіе.

Но за несправедливымъ гнѣвомъ властелина на богатыря слѣдуетъ съ ихъ стороны раскаяніе и народный эпосъ—иранскій и русскій—ставитъ ихъ въ униженное положеніе передъ національными богатырями. Особенно ярко выставлено униженіе Владимира въ одной былинѣ о Батыѣ (изъ собранія Кирѣевскаго), содержащей, какъ мы сейчасъ увидимъ, еще одну интересную для насъ черту. Батый съ огромною ратью подступаетъ къ Киеву съ обычными угрозами и требуетъ выдачи богатырей Ильи, Добрыни и Алешки. Илья въ Киевѣ не было, *такъ какъ прїѣздъ къ князю былъ ему запрещенъ*. Владиміръ идетъ въ страхѣ молиться Богу въ церковь, встрѣчаетъ калыку и рассказываетъ ему о требованіяхъ Батыя. На это калыка открываетъ ему:

„Не зови меня нищей калыкой перехожю,
Назови меня старшиъ козакомъ Ильей Муромцемъ“.

Былъ человекъ Владиміръ до сырой земли:

„Ужь ты здравствуй, старъ козаць Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксини,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!“

Говорить старъ козаць Илья Муромецъ:

¹⁾ Рыбн., I, № 26, стр. 146.

²⁾ Рыбн., II, № 23, стр. 150.

³⁾ Кирѣевскій, IV, стр. 42 и 43.

„Ужь давно намъ отъ Кіева отказано,
Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ“ ¹⁾.

Затѣмъ, простивъ князя, Илья уничтожаетъ войско Батыя. Такимъ образомъ, Владиміръ здѣсь прямо сознается, что виновать предъ богатыремъ и не заслуживаетъ, чтобы изъ-за него и его жены тотъ выступилъ на непріятеля. Въѣстъ съ тѣмъ, мы узнаемъ, что, вслѣдствіе какой-то давней ссоры, Владиміръ запретилъ Муромцу въѣздъ въ Кіевъ. Этотъ отказъ отъ двора напоминаетъ вышеприведенный поступокъ Кейкауса съ Рустемомъ,—отсылку послѣдняго царемъ въ Сейстанъ, откуда національнымъ богатырь пріѣзжаетъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобы отчитать царя за его отношенія къ Сіавушу (ставшія причиной его смерти) и убить любимую жену царя, Судабѣ. Впрочемъ, это не единственные примѣры того, что Рустемъ въ теченіе извѣстнаго времени не появляется при дворѣ иранскаго царя или во главѣ его войска и проводитъ жизнь на *границѣ* государства. Изъ словъ Исфендіара мы узнаемъ, что въ теченіе правленія непопулярныхъ и неугодныхъ ему царей Лохраспа и Гуштаспа (этого alter ego Кейкауса, какъ увидимъ ниже), Рустемъ не появлялся при царскомъ дворѣ ²⁾. Посланный отцомъ Гуштаспомъ къ Рустему, чтобы *привести его въ оковы*, Исфендіаръ велитъ сказать богатырю: «Ты, о пехлеванъ, оскорбилъ сердце царя, ты не представился къ его славному двору, не видѣлъ вельможъ, его окружающихъ; ты выбралъ себѣ въ мирѣ *отдаленную окраину*, гдѣ ты скрываешься» ³⁾. На нашъ взглядъ, это напоминаетъ пребываніе Ильи внѣ Кіева на заставѣ и также двѣнадцатилѣтнее отсутствіе Ильи, когда ему, по неизвѣстной намъ причинѣ, было отказано въ пріѣздѣ ко двору Владиміра. Укажемъ тутъ же на нѣкоторыя другія мелкія аналогіи между Рустемомъ и Ильей, не придавая имъ, впрочемъ, большаго значенія.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ, какъ извѣстно, Владиміръ, устроивая пиръ, зоветъ богатырей, но не зоветъ Илью Муромца ⁴⁾, что служитъ поводомъ къ крупной ссорѣ Ильи съ княземъ. Встрѣчается и другая черта, что Илью обижаютъ мѣстомъ за княжескимъ столомъ. Такъ, въ одной былинѣ ⁵⁾ Владиміръ, не узнавъ Илью, долго не бывшаго въ Кіевѣ и назвавшаго себя Няктой Заолѣшанномъ, сажилъ его не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими, что вызвало со стороны богатыря слѣдующія характерныя слова:

„Ужь ты батюшка, Владиміръ князь,
Князь Владиміръ столько-кіевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь.
Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь съ воронатами!...“

¹⁾ *Киртесскій*, IV, стр. 42 и 43.

²⁾ *Мол*, IV, стр. 467.

³⁾ *Мол*, IV, стр. 469.

⁴⁾ Наприм., *Рыбниковъ*, I, стр. 95.

⁵⁾ *Киртесскій*, IV, стр. 47.

За такія рѣчи князь велитъ тремъ богатырямъ вытолкать гостя, но ни они, ни всѣ прочіе не могли сдвинуть его съ мѣста. Илья такъ отдѣлалъ всѣхъ богатырей, что Владиміръ долженъ опять унизиться передъ нимъ:

„О ти гоѣ еси, старъ козакъ Илья Муромецъ!
Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Хоть 'по правую руку аль лѣвую,
А третье мѣсто—куда хошь садись“¹⁾.

Нѣчто подобное представляетъ, въ разсказѣ Фирдоуси, столкновение Рустема съ Исфендіаромъ, который, напомнимъ, дѣйствуетъ по приказанію царя, не питая самъ враждебности къ Рустему.

Исфендіаръ не зоветъ Рустема къ себѣ на пиръ, хотя раньше обѣщаль его пригласить. Маститый герой долго ждалъ дома напрасно посланнаго Исфендіара. Затѣмъ Рустемъ идетъ въ шатеръ царевича и въ рѣзкихъ словахъ изливаетъ свое негодованіе на его поступокъ. Исфендіаръ извиняется, старается смягчить гнѣвъ старика, однако, приглашаетъ его сѣсть лишь по лѣвую сторону рядомъ съ собою. Снова обиженный пехлеванъ восклицаетъ: «Это не мое мѣсто, я хочу сѣсть на мѣсто, принадлежащее мнѣ по праву». Тогда царевичъ приглашаетъ его сѣсть *по правую* руку, но Рустемъ недоволенъ и этимъ. Наконецъ, Исфендіаръ велитъ поставить золотое сѣдалище *передъ* собою для Рустема и послѣдній, все еще негодующій, садится²⁾.

Такии образцы, хотя личности Владиміра и Исфендіара ничего не имѣютъ общаго, мы находимъ здѣсь любопытное сходство въ ситуациі Рустема и Ильи. Того и другаго не зовутъ на пиръ, оскорбляютъ въ мѣстѣ за столомъ, причеи упоминаются три почетныя мѣста, и тотъ, и другой высказываютъ свое негодованіе властелинамъ. Конечно, этимъ мелкимъ аналогіямъ мы не придаемъ значенія: онѣ могутъ пригодиться *для полноты* только тогда, когда главное наше положеніе—о вліяніи личности Рустема на личность Ильи—будетъ обосновано болѣе прочно.

Въ настоящее же время съ насъ достаточно, если изъ всего вышеизложеннаго читатель вынесъ убѣжденіе, что между *личностями, типами* иранскаго и русскаго главнаго богатыря существуетъ значительное сходство и что для дальнѣйшаго сопоставленія того и другаго въ ихъ *дѣятельности* есть достаточное основаніе. Разсмотрѣнныя до сихъ поръ физическія и нравственныя черты Рустема и Ильи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1) Оба по физической силѣ стоятъ выше всѣхъ современныхъ имъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

²⁾ *Молл.* IV, стр. 489—498. Три мѣста за княжескимъ столомъ встрѣчаются и въ нашихъ былинахъ. Такъ, за убіеніе Соловья-разбойника Владиміръ жалуетъ Илью тремя мѣстами:

„Первое мѣсто—подлѣ меня ти садъ,
Друго мѣсто—супроти меня,
Третье мѣсто—гдѣ ти хочешь, тутъ и садъ“ (*Древнерусскій*, I, стр. 89).

богатырей и дают нередко сходныя доказательства своей силы (вырыванія дерева, маханіе туркомъ (татаринкомъ), взбрасыванье вверхъ непріятеля и друг.).

2) У обоихъ сила благотворная и божественнаго происхожденія.

3) У обоихъ она была уменьшена божествомъ, такъ какъ обременяла ихъ и землю.

4) Оба отличаются продолжительностью жизни (700 — 350 л.) и совершаютъ (главные) подвиги уже въ преклонномъ возрастѣ.

5) Оба любятъ бражничать и могутъ выпить вина больше другихъ богатырей.

6) Оба въ нравственныхъ качествахъ стоятъ выше другихъ богатырей, отличаясь благочестіемъ, нестяжательностью, спокойствіемъ въ сознаніи своей силы, благодушіемъ и проч.

7) Оба являются во главѣ всѣхъ прочихъ современныхъ богатырей, совершаютъ подвиги, отъ которыхъ всѣ другіе отказываются, являются главными оберегателями отечества и блюстителями престола и находятся въ эпическихъ сказаніяхъ въ тѣснѣйшей связи съ борьбой своего отечества противъ національныхъ враговъ (туранцевъ, татаръ).

8) Оба добродушно и безъ зависти относятся къ молодымъ богатырямъ, помогаютъ имъ совѣтомъ и дѣломъ, обучаютъ ихъ воинскимъ приемамъ, ходатайствуютъ за нихъ передъ властителями.

9) Оба высоко уважаемы прочими богатырями, которые повинуются имъ и стоятъ на ихъ сторонѣ при столкновеніи ихъ съ преобладающею властью.

10) Наконецъ, къ обоимъ современные имъ властители не всегда относятся по достоинству, причемъ въ личностяхъ властителей (Кейнауса—Владимира) и въ другихъ отношеніяхъ замѣчается сходство (*Экскурс I*). Обоимъ властителямъ при вспыхнѣннѣ гнѣва хотять погубить (повѣсить, зарыть песками рудожелтыми), въ чемъ потомъ раскаиваются. Обоимъ не приглашаютъ на пиръ или оскорбляютъ въ мѣстѣ на пиру и предъ обоими властителями унижаются, когда наступаетъ бѣда, причемъ богатыри великодушно ихъ прощаютъ, такъ какъ отдѣляютъ интересы отечества отъ личныхъ, что, однако, не мѣшаетъ національнымъ героямъ высказывать свое пренебреженіе въ лицо представителямъ преобладающей власти.

Установивъ такое сходство въ типахъ Рустема и Ильи, мы можемъ перейти теперь къ сравненію ихъ дѣятельности, съ нѣкоторою надеждой, что путь, по которому мы до сихъ поръ шли, можетъ привести къ чему-нибудь заслуживающему вниманія.

Приступая къ сопоставленію подвиговъ Ильи и Рустема, я считаю нужнымъ, для оправданія приемовъ, употребляемыхъ мною при сравненіи деталей, напомнить нѣкоторыя черты самого матеріала, подлежащаго изслѣдованію, т.-е. нашихъ былинъ и эпическихъ сказаній Ирана въ изложеніи Фирдоуси.

Покойный Гильфердингъ сдѣлалъ совершенно вѣрное наблюденіе надъ

самыиъ процессомъ сказыванія былинъ онежскими сказителями. «Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть *дѣтъ* составныя части: мѣста *типическія*, по большой части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяють между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. *Первымъ* изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былинну; *переходныя* мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былинну, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыншаго отъ своихъ былинъ и заставьте его процѣтъ два раза кряду одну и ту же былинну, вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

«Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣють свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былинны, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ, типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Филонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью,—они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Филоновъ—каликъ, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи; Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ»¹⁾.

Эти наблюденія Гильфердинга въ достаточной степени разъясняютъ для насъ состояніе, въ которомъ дошли до насъ былинны, и указываютъ въ общемъ, какимъ путемъ получались столь многочисленныя варианты одного и того же сюжета. Какъ ни обширна сравнительно съ нашей памятью сказителей, не ослабленная грамотностью, однако, удержать въ памяти нѣсколько большихъ былинъ, иногда въ сотни стиховъ, сказитель могъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что твердо помнилъ только *типическія* мѣста, а

¹⁾ Онежск. былинны, стр. XXVII.

мѣста *переходныя*, т.-е. фабулу, изображающую самыя дѣйствія и событія, зная только въ видѣ остова, и, притомъ, болѣе или менѣе полнаго, по деталямъ. Передавая, наприм., какую-нибудь былинну о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ, сказитель знаетъ наизусть или, по крайней мѣрѣ, хорошо помнитъ рѣчи, которыя произносили Илья, Владиміръ, Соловей и дѣти Соловья, отчетливо излагалъ loci communes, вродѣ процесса сѣдланія коня, владенія поклоновъ, испиванія чары зелена вина и т. п.; но передавалъ самое содержаніе «своими словами», конечно, подходящими подъ заурядный эпическій складъ, и могъ при этомъ то опускать нѣкоторыя детали дѣйствія, то прибавлять другія изъ запаса своей памяти, внося ихъ въ передаваемый сюжетъ изъ другихъ былинъ, на основаніи нерѣдко какой-нибудь психологической ассоціаціи. Насколько слаба и случайна можетъ быть подобная ассоціація, вносящая въ какую-нибудь былинну отдѣльныя черты изъ другихъ, видно изъ детальныхъ розысканій академика А. Н. Веселовскаго, нерѣдко при разборѣ былинъ отсылающаго на надлежащее мѣсто такія детали, которыя выросли случайно по какой-нибудь ассоціаціи, пришедшей въ голову сказителю. Въ виду того, что процессъ контаминаціи былинныхъ сюжетовъ и лицъ, вслѣдствіе устной передачи, продолжался нѣсколько столѣтій и продолжается въ Заонежьѣ еще доселѣ, многіе сюжеты представляютъ такое множество вариантовъ, что нѣтъ возможности обратиться до *одного* основнаго извода, а приходится установить ихъ нѣсколько, иногда два или три (ср., наприм., былинны о боѣ Ильи съ сыномъ). Сравненіе между собою дошедшихъ до насъ вариантовъ иногда не позволяетъ идти далѣе установленія такихъ двойственныхъ или тройственныхъ типовъ. Однако, не трудно убѣдиться, что и эти послѣдніе, до которыхъ мы можемъ дойти, типы нѣкогда возникли тѣмъ же путемъ контаминаціи, какъ и варианты одного и того же сюжета, но за отсутствіемъ матеріала мы не можемъ уяснить процесса контаминаціи, такъ какъ былинны, которыя ее вызвали, до насъ не дошли. Нельзя же думать, что дошедшія до насъ и изданныя былинны представляютъ *весь* древнерусскій былинный репертуаръ. Напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь послѣдніе бранныя остатки древняго богатства былевой поэзіи.

Немалую службу, при возстановленіи въ древнемъ видѣ нѣкоторыя значительно попортившихся отъ устной передачи эпическихъ сюжетовъ, можетъ сослужить сравнительный методъ, такъ блестяще прилагаемый акад. А. Н. Веселовскимъ въ его мастерскихъ работахъ. Нерѣдко ему удавалось, привлекая иностранный эпическій матеріалъ (византійскій, нѣмецкій, французскій и др.), весьма наглядно уяснить первоначальный видъ того или другаго былиннаго сюжета, дошедшаго до насъ либо въ обрывкахъ, либо значительно искаженнаго всякаго рода примѣсью. Нерѣдко исходомъ для такой реставраціи служитъ какая-нибудь типическая черта, какой-нибудь характерный мотивъ, который завѣдомо принадлежитъ известной группѣ однородныхъ эпическихъ сюжетовъ и даетъ возможность отнести къ послѣдней и былинну, въ которой онъ встрѣчается. Поэтому весьма важно

для изслѣдователя обращать вниманіе на типическія детали, указывать на ихъ *raison d'être* и уяснять ихъ первоначальное мѣсто и происхождение, особенно въ виду того, что какая-нибудь понравившаяся народу *деталь* переносится при случаѣ изъ той былины, которой она первоначально принадлежитъ, въ другія, въ силу той или другой ассоціаціи идей. Пояснимъ это однимъ примѣромъ.

Мы знаемъ, что Илья Муромецъ проявляетъ свою силу, между прочимъ, тѣмъ, что, схвативъ татарина, машетъ имъ и прокладываетъ себѣ дорогу въ татарскомъ войсѣ. Это онъ дѣлаетъ въ столкновеніи съ Калиномъ-царемъ ¹⁾, съ Батымемъ ²⁾, съ Идолицемъ ³⁾ и даже съ разбойниками ⁴⁾. Однако, то же самое въ другихъ былинахъ дѣлаютъ другіе богатыри: Добрыня ⁵⁾, Иванъ или Иванушка Даниловичъ ⁶⁾, Василій Ивановичъ, сынъ князя Барамышевскаго ⁷⁾, богатырь Суровецъ ⁸⁾, такъ что, принимая въ расчетъ наличность этой черты во многихъ былинахъ, можно думать, что такой способъ избіенія враговъ былъ популяренъ въ русскомъ эпосѣ. Спрашивается, однако, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и не принадлежалъ ли этотъ мотивъ первоначально какому-нибудь одному сюжету и затѣмъ былъ сказителями приуроченъ къ разнымъ богатырямъ и внесенъ въ разные сюжеты? Дѣйствительно, если мы внимательное рассмотримъ всѣ былины, въ которыхъ встрѣчается *маханіе татаринномъ*, то убѣдимся, во-первыхъ, въ томъ, что первоначально этотъ приемъ избіенія татаръ принадлежалъ лишь одному Ильѣ Муромцу, и, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ былъ первоначально примѣненъ послѣднимъ только въ столкновеніи съ Калиномъ-царемъ ⁹⁾. Водворивъ теперь мотивъ «маханія татаринномъ»

¹⁾ *Киртескій*, I, стр. 76; *Гильфердингъ*, столб. 1271, 1297, 1299, 455; *Рыбниковъ*, II, стр. 212.

²⁾ *Киртескій*, IV, стр. 46.

³⁾ *Гильфердингъ*, ст. 241, 908, 945; *Рыбниковъ*, I, стр. 93; III, стр. 37.

⁴⁾ *Гильфердингъ*, ст. 1248, 1256, 1218, 1156.

⁵⁾ Наприм., *Рыбниковъ*, I, стр. 160; *Гельфердингъ*, ст. 498.

⁶⁾ *Киртескій*, III, стр. 41; *Гильфердингъ*, ст. 930.

⁷⁾ *Гильфердингъ*, ст. 97.

⁸⁾ *Киртескій*, III, стр. 109 и 112.

⁹⁾ Такъ, не трудно видѣть, что въ былинѣ Рыбникова (I, стр. 160) маханье татаринномъ приписано Добринѣ потому, что положеніе Добрини въ посольствѣ у короля Бутелана напомнило сказителю сходное положеніе Ильи въ посольствѣ у царя Калина. Въ былинѣ Гильфердинга № 192 замѣтно вліяніе того же сюжета: Иванушкѣ Даниловичу устраиваютъ подлоны, какъ Ильѣ, и онъ, какъ Илья въ былинѣ о Калинѣ, разрываетъ пути и машетъ татаринномъ. Другая былина объ Иванѣ Даниловичѣ (*Киртескій*, III, стр. 41), записанная въ Симбирской губ., испорчена. Подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ и Калинѣ маханье татаринномъ перенесено и на богатыря Суровца, такъ же попадающаго въ татарскіе подлоны (*Киртескій*, III, стр. 109 и 112). Такимъ образомъ, всѣ трое богатырей, махнувшихъ татаринномъ (Добрыня, Иванъ Даниловичъ, Суровецъ) заимствовали эту черту отъ Ильи и именно изъ былинъ о Калинѣ. Если Илья машетъ татаринномъ въ былинѣ о Батѣи Батневичѣ (*Киртескій*, IV, стр. 38—46), то потому, что и другія детали этой былинки совпадаютъ съ деталями былинъ о Калинѣ (подлоны, заложение оковъ на Ильѣ). Маханье татаринномъ въ былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ

на надлежащее мѣсто на основаніи разбора русскаго былиннаго матеріала, мы можемъ спросить себя: въ виду соответствія въ другихъ чертахъ Ильи Муромца Рустему, нельзя ли видѣть и въ разсматриваемомъ мотивѣ отголосокъ *Рустеміады*, и немедленно припоминаемъ, что и иранскій національный пехлеванъ въ одномъ изъ своихъ боевъ съ турками схватываетъ турка и избиваетъ имъ другихъ. Взглянемъ на обстоятельства, сопровождающія этотъ мотивъ въ *Рустеміадѣ*, съ цѣлью поискать другихъ аналогій между иранскимъ и русскимъ эпосомъ.

Изъ Фирдоуси мы узнаемъ, что положеніе Ирана по смерти царя Зева было критическое. Велась война съ туранскимъ царемъ Афрасиабомъ, а въ Иранѣ престолъ былъ не занятъ. Пехлеваны избираютъ царемъ Кейкобада, живущаго при горѣ Алборзѣ, и привести новозбраннаго царя долженъ Рустемъ. Между тѣмъ, турки въ огромномъ числѣ залегли путь къ царю и Рустемъ пробивается черезъ нихъ. Афрасиабъ, услышавъ объ этомъ, даетъ войско туранскому богатырю Калуну и велитъ ему преградить пути иранцамъ ¹⁾. Между тѣмъ, Рустемъ прибываетъ во дворецъ Кейкобада, объявляетъ ему объ его избраніи на престолъ, и оба со свитой ѣдутъ въ Иранъ. Встрѣтившись съ туранскимъ войскомъ Калуну, Рустемъ не дозволяетъ Кейкобаду принять участіе въ битвѣ ²⁾ и беретъ на себя прогнать непріятеля. Тутъ-то онъ въ пылу боя схватываетъ турка и избиваетъ имъ другихъ, такъ что изумленный Калунъ думаетъ, что видитъ предъ собой *дива* ³⁾. Затѣмъ Рустемъ бьется съ Калуномъ, поднимаетъ его на копѣй вверкъ и сбрасываетъ на землю. Наконецъ, обращаетъ въ безпорядочное бѣгство все тюркское войско и вмѣстѣ съ царемъ благополучно продолжаетъ путь, по окончаніи котораго идетъ семидневный пиръ.

Конечно, если мы сравнимъ этотъ рассказъ съ нашими былинами о Калинѣ-царѣ (иначе Батыѣ, Мамаѣ, Уланищѣ, Кумбалѣ, Курбанѣ и др.), въ ихъ современномъ видѣ, то мы найдемъ между ними мало сходства. Замѣтимъ только, что эти былины о Калинѣ и др. сложены изъ разныхъ мотивовъ (Василій-пьяница, заключеніе Ильи въ яму, посольство Ильи съ княземъ и др.), изъ которыхъ одинъ (три подгopa, въ которые падаетъ богатырь съ конемъ) хорошо извѣстенъ въ *Рустеміадѣ* и каждый имѣетъ свою исторію. Для насъ достаточно пока отмѣтить слѣдующія аналогіи между изложеннымъ персидскимъ рассказомъ и былинной.

- 1) Критическое положеніе государства и царя.
- 2) Пріѣздъ къ царю (князю) избавителя (Рустема, Ильи) ⁴⁾.

(*Гильбердингъ*, № 186, ст. 908) пришло совсѣмъ не кстати, такъ какъ Ильѣ не захѣлъ пролагать себѣ улицы. Притомъ, въ большинствѣ былинъ того же сюжета этой детали нѣтъ, какъ нѣтъ ея и въ большинствѣ былинъ о встрѣчѣ Ильи съ разбойниками. Такимъ образомъ, уместна эта деталь только въ былинахъ о Калинѣ.

¹⁾ *Мол*, I, стр. 360.

²⁾ *Ibid.*, стр. 364.

³⁾ *Ibid.*, стр. 365.

⁴⁾ Томская былина о Калинѣ, записанная Потанинымъ, не знаетъ эпизода съ Василіемъ-пьяницей. При приступѣ Калина богатырей нѣтъ въ Киевѣ. Затѣмъ какъ разъ пріѣ-

- 3) Богатырь-избавитель ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ (княземъ).
- 4) Царь (князь) не принимаетъ лично участія въ битвѣ съ непріателемъ, старающимся преградить путь.
- 5) Богатырь (Рустемъ, Илья) бьется съ цѣлымъ войскомъ непріателя (турокъ, татаръ).
- 6) Машетъ схваченнымъ туркомъ (татаринномъ), пролагая себѣ путь.
- 7) Убиваетъ затѣмъ, подбросивъ вверхъ, предводителя непріателей (Калюна, Калина).

Если приведенныя аналогии—не чистая случайность, то мы имѣли бы для нашихъ былинъ объ Ильѣ любопытный фактъ, что отголоски *Рустемъ-мады* звучатъ въ нихъ не только въ отдѣльныхъ мотивахъ, но сохранились въ одномъ случаѣ даже въ собственномъ имени (Калюнь, Калинь). Впрочемъ, быть можетъ, мы увлеклись «случайно случившимся случаемъ» и зашли опять слишкомъ далеко впередъ. Напомнимъ, что пока мы разсматривали детальный мотивъ (маханіе татаринномъ) только съ тою цѣлью, чтобы указать на то, какой работѣ подлежатъ отдѣльные мотивы, и оправдать сопоставленіе одиночныхъ мотивовъ иранскихъ и русскихъ, хотя бы, повидимому, другія обстоятельства, ихъ окружающія, имѣли между собою мало общаго. Если мы прибѣгаемъ къ этому сопоставленію отдѣльныхъ лоскутьевъ, представляющемуся, повидимому, не вполне научнымъ, то именно въ виду того, что при устной передачѣ въ теченіе вѣковъ отдѣльные мотивы, нѣкогда принадлежавшіе одной масти, перетасовываются между собою такъ же случайно, какъ карты въ колодѣ. А такую колоду картъ нѣрѣдко напоминаетъ собою какая-нибудь сводная обширная русская былина.

Отмѣтивъ нѣкоторыя свойства русскаго матеріала, которыя нужно имѣть всегда въ виду при изслѣдованіи эпоса, скажемъ нѣсколько словъ о томъ состояніи, въ которомъ дошли до насъ сказанія иранскаго эпоса въ поэмѣ Фирдоуси.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что хотя тусскій поэтъ пользовался *народными* сказаніями, частью записанными до него, частью слышанными имъ самимъ, однако, при самомъ добросовѣстномъ къ нимъ отношеніи, онъ не могъ не наложить на нихъ своей печати, тѣмъ болѣе, что перелагалъ ихъ въ стихи и былъ иногда стѣсненъ самою метрическою формою. Поэтъ, человекъ образованный, жившій при роскошномъ дворѣ султана, покровителя литературы, не могъ усвоить себѣ грубой простоты народныхъ сказаній, стараясь облагородить эпическихъ героевъ, приписавъ имъ тѣ черты утонченности, изящества и благородства, которыя высоко цѣнятся человекъ культуры. Сохраняя остовъ рассказовъ и выбирая, притомъ, тѣ варианты, которые больше удовлетворяли его эстетическому и нравственному чувству, Фирдоуси влагаетъ свободно, по своему усмотрѣнію, въ уста древнихъ пехлевановъ и царей пространныя цвѣтистыя рѣчи, заставляя ихъ писать

засть къ князю Ильѣ Муромецъ, успокоиваетъ его и, наконецъ, освобождаетъ отъ Калина. См. О. Миллеръ, стр. 689.

краснорѣчивыя и напыщенные письма, какъ бы предполагая, что быть древнихъ иранцевъ по культурности не отличался отъ придворныхъ сферъ султана Махмуда. Все это мы должны имѣть въ виду, черпая эпическій материалъ у гусскаго поэта, но особенно должны отнѣять то обстоятельство, что даже въ переработкѣ Фирдоуси чувствуется въ персидскомъ эпосѣ присутствіе вариантовъ одного и того же сюжета ¹⁾. Для нашей цѣли пока достаточно указать на несомнѣнный вариантъ *Рустеміады*, который слѣдуетъ видѣть въ похищеніяхъ богатыря Исфендіара, этого alter ego Рустема ²⁾. На доказательствѣ этой мысли мы остановимся въ виду того, что пользуемся ниже сказаніями объ Исфендіарѣ наравнѣ со сказаніями о Рустемѣ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Ирана личности царевича Исфендіара были приписываемы въ народныхъ сказаніяхъ почти всѣ черты и подвиги, которые въ другихъ областяхъ усвоивались Рустему. Намъ неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ подвиги Рустема были перенесены на другого богатыря, но подобное явленіе принадлежитъ къ числу заурядныхъ въ исторіи эпическихъ сказаній. Припомнимъ, наприм., что въ нашемъ эпосѣ Ермакъ иногда совершаетъ тѣ же подвиги, что Илья, какъ и послѣдній иногда смѣшивается со Святогоромъ. Характернымъ для иранскаго эпоса, по крайней мѣрѣ, въ обработкѣ Фирдоуси, является то, что второй Рустемъ (Исфендіаръ), богатырь младшаго поколѣнія, сдѣланъ современникомъ перваго Рустема, что сказанія изображаютъ ихъ враждебное столкновение и убіеніе Рустемомъ № 1 Рустема № 2, слѣдствіемъ чего является, впрочемъ, смерть Рустема № 1. Объяснить эту черту мы (постараемся ниже, теперь же сравнимъ между собою подвиги обоихъ Рустемовъ, чтобы убѣдиться въ ихъ тождествѣ.)

Исфендіаръ является сыномъ царя Гуштаспа, напоминающаго по своему характеру и дѣйствіямъ царя Кейкауса, и играетъ при отцѣ такую же роль, какъ Рустемъ при Кейкаусѣ, то-есть становится главнымъ хранителемъ и защитникомъ царства, причемъ, однако, въ своихъ дѣяніяхъ Исфендіаръ проникнутъ новымъ духомъ, пропагандой усвоеннаго Гуштаспомъ ученія Зердушта (Зороастра).

При Гуштаспѣ и Исфендіарѣ война съ Тураномъ ведется такъ же энергично, какъ при Кейкаусѣ, хотя Рустемъ уже сошелъ со сцены и живетъ въ своемъ родномъ удѣлѣ, не пріѣзжая ко двору новаго царя. Во главѣ туранцевъ стоитъ Арджаспъ, второе изданіе царя Афрасиаба. Онъ начинаетъ войну, узнавъ, что въ Иранѣ принята новая религія, и является явнымъ ожесточеннымъ противникомъ. Вообще въ борьбѣ эпигоновъ, кромѣ національной, замѣчается еще религіозная подкладка. Пехлеванъ государства Исфендіаръ одерживаетъ побѣды въ отдѣльныхъ бояхъ съ туранскими богатырями, изъ которыхъ нѣкоторые убиваютъ родственниковъ Гуштаспа.

¹⁾ См. исторію Сіавуша, составленную Фирдоуси изъ двухъ параллельныхъ версій. *Mohl*, II, стр. VII.

²⁾ См. *Spiegel*: „Iranische Alterthumskunde“, I, стр. 668 и 720; *Зиневецъ*: „Эпическія сказанія Ирана“, стр. 97.

Подобно Рустему, онъ устремляется обыкновенно въ центръ непріятеля и ищетъ убить Арджаспа, который обращается въ бѣгство. Послѣ наступившаго перерыва въ войнѣ, нѣкто Гурезшъ, завидовавшій его успѣхамъ, старается оклеветать его передъ отцомъ. Онъ возбуждаетъ въ Гуштаспѣ подозрѣніе противъ сына, убѣдивъ его, что послѣдній угрожаетъ его свободѣ и намѣревается заключить его и овладѣть престоломъ. Подозрительный царь велитъ наложить на сына оковы и заключить его въ замокъ Гумбеданъ, приковавъ узника къ четыремъ желѣзнымъ столбамъ. Узнавъ, что главный защитникъ Ирана сидитъ въ заточеніи, туранскій царь Арджаспъ съ войскомъ вторгается въ Иранъ, овладѣваетъ столицей Балхомъ, во время отсутствія царя, убиваетъ его престарѣлаго отца Лохраспа и, оставивъ столицу, продолжаетъ опустошать области Ирана. Жена Гуштаспа скачетъ въ Сейестанъ, гдѣ онъ находится, и извѣщаетъ его о дѣйствіяхъ турокъ. Гуштаспъ выступаетъ противъ непріятелей, но терпитъ поражение и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Совѣтникъ Джамаспъ говоритъ ему, что единственная надежда на спасеніе лежитъ въ Исфендіарѣ, заключенномъ въ замкѣ, и царь, раскаявшись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, посылаетъ Джамаспа освободить сына. Рассказавъ о бѣдственномъ положеніи царя, Джамаспъ склоняетъ Исфендіара къ примиренію съ нимъ, и богатырь, освобожденный отъ оковъ, устремляется на подвиги ¹⁾.

До сихъ поръ нѣтъ сходства между похождениями Исфендіара и Рустема и можно отмѣтить только для дальнѣйшаго нѣкоторое сходство въ ихъ отношеніяхъ къ царю. Оба являются главными защитниками государства и престола и къ обоимъ неблагоприятные и подозрительные цари (Бейкаусъ, Гуштаспъ) относятся враждебно. Бейкаусъ угрожаетъ повѣсить Рустема, Гуштаспъ сажаетъ Исфендіара въ темницу, но затѣмъ, когда наступаетъ бѣда неминуемая, оба цари сознаютъ свою вину передъ богатырями и стараются ее загладить. Богатыри же великодушно имъ прощаютъ и спасаютъ государство. Помирившись съ отцомъ, который проситъ у него прошеніе ²⁾, Исфендіаръ сильно тѣснитъ туранскаго царя, избивая *сотнями* его богатырей. Арджаспъ въ смятеніи. Одинъ изъ его пехлевановъ, Бергсаръ, успокоиваетъ его и хвастается, что вступить въ бой съ Исфендіаромъ и убить его. Онъ пускаетъ въ Исфендіара стрѣлу. Тотъ сдѣлалъ видъ, что раненъ, но когда Бергсаръ подскочилъ, чтобы снести ему голову, Исфендіаръ накиннулъ ему арканъ на шею, стащилъ его съ коня, связалъ ему руки на спинѣ и повлекъ его съ собою въ ряды иранцевъ ³⁾. Услыхавъ о плѣненіи своего главнаго пехлевана, Арджаспъ обращается съ остаткомъ войска въ бѣгство. Гуштаспъ посылаетъ Исфендіара, чтобы покончить съ Арджаспомъ, и обѣщаетъ ему передать престолъ, если онъ проникнетъ въ страну турокъ и освободитъ своихъ сестеръ, уведенныхъ Арджаспомъ изъ Ирана ⁴⁾. Далѣе

¹⁾ См. *Mohl*, IV, стр. 817—875.

²⁾ *Mohl*, IV, стр. 808.

³⁾ *Mohl*, IV, стр. 886.

⁴⁾ *Mohl*, IV, стр. 890.

у Фирдоуси слѣдуетъ исторія семи *заставъ*, т.-е. семи препятствій, которыя преодолѣлъ Исфендіаръ по пути въ мѣдный замокъ, недоступную твердыню туранскаго царя. Эти семь подвиговъ Исфендіара являются вторымъ болѣе распространеннымъ изданіемъ семи подвиговъ, совершенныхъ Рустемомъ по дорогѣ къ царю мазандеранскому, который держалъ въ плѣну Бейкауса со всѣмъ его войскомъ.

Въ рассказѣ Фирдоуси о мазандеранскихъ походахъ Рустема ¹⁾ перечисляются повтомъ семь встрѣчъ богатыря: 1) Ракшъ (конь Рустема) убиваетъ льва. 2) Рустемъ находитъ источникъ. 3) Рустемъ бьется со змѣею. 4) Рустемъ убиваетъ колдунью. 5) Рустемъ овладѣваетъ Ауладомъ. 6) Рустемъ бьется съ *дивомъ* Арзенгомъ. 7) Рустемъ убиваетъ *благое* дива. У того же поэта *заставы*, встрѣченныя Исфендіаромъ, перечисляются слѣдующимъ образомъ: 1) Исфендіаръ убиваетъ двухъ волковъ ²⁾. 2) Исфендіаръ убиваетъ львовъ ³⁾. 3) Исфендіаръ убиваетъ змѣя ⁴⁾. 4) Исфендіаръ убиваетъ колдунью ⁵⁾. 5) Исфендіаръ убиваетъ птицу Сямурга ⁶⁾. 6) Исфендіаръ проходитъ черезъ снѣга ⁷⁾. 7) Исфендіаръ проходитъ черезъ воду и убиваетъ Бергсара ⁸⁾. Уже одно *перечисленіе* подвиговъ того и другаго богатыря показываетъ ихъ параллельность. Нѣкоторые вполне совпадаютъ (убіеніе львовъ, драконовъ, колдуньи), другіе представляютъ аналогіи, на которыя мы укажемъ ниже. Теперь же обратимъ вниманіе на соотвѣтствіе двухъ личностей, хотя враждебныхъ богатырямъ, но отчасти руководящихъ ими, впрочемъ, поневолѣ, при совершеніи подвиговъ. Такія лица: Ауладъ при Рустемѣ и Бергсаръ при Исфендіарѣ.

Рустемъ, пройдя на Ракшѣ страну вѣчнаго мрака, а затѣмъ страну вѣчнаго свѣта, чувствуя усталость, отпустилъ коня и легъ на одной полянѣ. Караулщикъ, увидя коня, топтавшего траву, и спящаго человека, подошелъ къ Рустему и разбудилъ его ударомъ палики по ногамъ. Рустемъ вскочилъ и оторвалъ сторожу поляны уши. Послѣдній побѣжалъ съ жалобой къ властителю этой страны Ауладу, молодому богатырю, который съ своею дружиной въ это время охотился въ лѣсу. Ауладъ, выслушавъ жалобу сторожа, въ негодованіи направляется къ Рустему и кричитъ ему, какъ онъ смѣлъ пройти по запретнымъ мѣстамъ и пустить коня на лугъ? Рустемъ не обращаетъ вниманія на угрозы Аулада и, вступивъ въ бой съ его дружиной, обращаетъ ее въ бѣгство. Затѣмъ онъ догоняетъ Аулада, закидываетъ ему на шею арканъ (какъ Исфендіаръ—Бергсару), стаскиваетъ его съ коня, связываетъ ему руки на спинѣ и уводитъ съ собою. Впро-

1) *Mohl*, I, стр. 404—490.

2) *Mohl*, IV, стр. 393.

3) *Ibid.*, стр. 398.

4) *Ibid.*, стр. 400.

5) *Ibid.*, стр. 404.

6) *Ibid.*, стр. 406.

7) *Ibid.*, стр. 411.

8) *Ibid.*, стр. 418.

чемъ, Рустемъ не убиваетъ Аулада, а обѣщаетъ ему даже престолъ Мазандерана, если Ауладъ будетъ служить ему проводникомъ къ мѣстопробыванію бѣлаго дива и другихъ враговъ и уважать, гдѣ сидитъ въ заключеніи царь Кейкаусъ. Ауладъ соглашается и рассказываетъ Рустему о всѣхъ *заставахъ*, которыя онъ встрѣтитъ на пути. Дѣйствительно, Ауладъ служилъ Рустему вѣрно въ теченіе всѣхъ его походовъ въ Мазандеранѣ, постоянно слѣдуя *за нимъ на арканъ* въ этой странѣ дивовъ, и Рустемъ также исполняетъ свое обѣщаніе: по его настоянію, освобожденный Кейкаусъ утверждаетъ Аулада на престолѣ Мазандерана ¹⁾).

Проводникъ Исфендіара, Бергсаръ, ведомый имъ съ собою на арканъ по пути къ мѣдному замку Арджаспа, оказался гораздо коварнѣе проводника Рустемова. Вначалѣ онъ вѣрно описывалъ предстоящія заставы, причѣмъ каждый разъ Исфендіаръ, разспрашивая Бергсара, велитъ *уостить его виномъ* ²⁾, но затѣмъ, видя, что Исфендіаръ счастливо преодолеваетъ всѣ затрудненія, онъ обманываетъ его, давъ ему ложное указаніе, и послѣ 7-й заставы, перейдя неожиданно встрѣченную массу воды вбродъ, Исфендіаръ разбѣгаетъ лживаго проводника на поля своимъ мечомъ ³⁾).

Мы не безъ цѣли нѣсколько подробнѣе сопоставили личности Аулада и Бергсара, — онѣ пригодятся намъ впоследствии, при разъясненіи личности нашего Соловья-разбойника. Теперь же обратимъ вниманіе на нѣкоторыя другія совпаденія въ подвигахъ Рустема и Исфендіара. Оставляя въ сторонѣ, какъ болѣе безцвѣтные подвиги, убіеніе волковъ ⁴⁾, львовъ, драконовъ, отмѣтимъ нѣкоторыя черты въ столкновеніи богатырей съ колдуньями. Оба богатыря въ прекрасной уединенной мѣстности пьютъ вино, играютъ на музыкальномъ инструментѣ (лиръ, гитарѣ) и поютъ; къ обоимъ подходит колдунья подъ видомъ обворожительной красавицы и богатыри угощаютъ ее чарой вина. Затѣмъ, при произнесеніи Рустемомъ имени Бога и при наложеніи Исфендіаромъ на красавицу цѣпи съ заклятіемъ, колдунья принимаетъ свой настоящій ужасный и безобразный видъ и богатыри убиваютъ ее ⁵⁾).

Мы упомянули, что Исфендіаръ встрѣчаетъ семь заставъ на пути къ цѣли своего путешествія—мѣдному недоступному замку, въ которомъ съ своимъ войскомъ сидитъ туранскій царь Арджаспъ. Подобнаго замка не встрѣчаетъ Рустемъ въ Мазандеранѣ, но если мы рассмотримъ детали проникновенія Исфендіара въ мѣдный замокъ, то немедленно припомнимъ нѣчто весьма сходное въ числѣ подвиговъ Рустема. Не имѣя возможности силой проникнуть въ мѣдный замокъ, Исфендіаръ прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ переодевается купцомъ, нагружаетъ нѣсколько верблюдовъ товарами, ве-

¹⁾ См. *Mohl*, I, стр. 415—420 и 448.

²⁾ *Mohl*, IV, стр. 421.

³⁾ См. *Mohl*, IV, стр. 394, 398, 407.

⁴⁾ Въ этомъ, какъ и въ другихъ походахъ, борьбѣ съ дракономъ, освобожденіи сестеръ, убіеніи невѣрнаго царя, Исфендіаръ близко напоминаетъ Георгія.

⁵⁾ См. *Mohl*, I, стр. 412—414, и IV, стр. 405—407.

литъ затѣмъ принести 160 ящиковъ, въ которые сажаютъ столько же воиновъ, и беретъ съ собою еще 20 самыхъ храбрыхъ въ качествѣ погонщиковъ каравана. Караванъ Исфендіара пропущенъ въ ворота замка. Жители замка рады торговцамъ, и самъ Арджаепъ принимаетъ ихъ любезно и спрашиваетъ купца, что слышно объ Исфендіарѣ. Исфендіаръ затѣмъ нанимаетъ домъ и производитъ торговлю. Сестры, живущія въ замкѣ въ качествѣ рабынь, приходятъ къ нему, чтобы спросить его о Гуштаспѣ и Исфендіарѣ. Онъ сначала притворяется, затѣмъ открывается имъ и говоритъ о цѣли своего пріѣзда. Затѣмъ онъ приглашаетъ всѣхъ богатырей царя съ его согласія къ себѣ на пиръ, который онъ устраиваетъ на террасѣ укрѣпленія дворца. Ночью, во время пира, Исфендіаръ зажигаетъ огонь, что было условнымъ знакомъ для его войска, остававшагося внѣ города, избиваетъ богатырей царя, вмѣстѣ съ своею дружиной, ворвавшейся въ замокъ благодаря всеобщей паникѣ, и, наконецъ, вбѣжавъ во дворецъ, убиваетъ самого Арджаспа ¹⁾.

Почти всѣ черты приведеннаго разсказа встрѣчаются въ сказаніи о походе Рустема, въ то время, когда онъ освобождаетъ Бежана, сидящаго въ ямѣ въ городѣ Афрасіаба въ Туранѣ. Отсылая за подробностями къ нашей передачѣ этихъ походовъ Рустема ²⁾, отмѣтимъ только главные совпадающія черты.

Рустемъ переодѣвается купцомъ и съ караваномъ проникаетъ въ городъ Афрасіаба; сестрамъ Исфендіара, узнающимъ брата, соответствуетъ Менижѣ, которой открывается Рустемъ; костру, зажженному Исфендіаромъ,—костеръ, зажженный Менижѣ близъ ямы Бежана; тамъ и здѣсь главное дѣйствіе совершается ночью, причѣмъ богатыри вторгаются во дворецъ царя; тамъ и здѣсь богатырь нападаетъ на царя, но Рустемъ только обращаетъ его въ бѣгство, Исфендіаръ же убиваетъ.

Приведенныхъ аналогій между Рустемомъ и Исфендіаромъ достаточно, чтобы доказать, что на имя Исфендіара наслоились въ иранскихъ сказаніяхъ многія черты Рустема и что, быть можетъ, въ другихъ вариантахъ походовъ Рустема, не попавшихъ въ редакцію Фирдоуси, но ходившихъ въ устахъ народа въ разныхъ областяхъ Ирана, можно было бы найти еще болѣе сходныхъ мотивовъ въ походахъ Рустема и Исфендіара. Замѣтимъ, что Исфендіаръ можетъ быть названъ восточнымъ Рустемомъ и что на личности и подвигахъ его отразилась та религиозная реформа, ученіе Зердушта (Зороастра), мѣстомъ зарожденія которой, по иранскимъ сказаніямъ (Фирдоуси), является Балхъ, древняя Бактра. Въ то время, какъ Кейнаусъ и другіе ранніе цари дѣйствуютъ въ Фарсѣ и предпринимаютъ (Кейнаусъ) походы въ Мазандеранъ (къ Каспійскому морю) и южныя страны, Гуштаспъ царствуетъ въ Балхѣ (Бактрианѣ) и отсюда черезъ сына (Исфендіара) пропагандируетъ новое вѣроученіе. Древнѣйшій герой Ирана

¹⁾ См. *Молл.*, IV, стр. 423—428.

²⁾ См. нашу статью *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ въ Этнограф. Обзорникѣ*, кн. II, стр. 19—21.

Рустемъ не сочувствуетъ Гуштаспу и новой религiи. Онъ остается за предѣлами историческихъ событiй въ своей окраинной области, онъ уже сошелъ со сцены. Гуштаспъ враждебенъ ему и за неисполненiе имъ обязанностей вассала, и за сопротивленiе принять Зердуштову вѣру. Отсюда понятно, что на восточнаго Рустема (Исфендиара), идеальнаго представителя новаго времени и новаго религiознаго ученiя, наложены народными сказанiями спеціальныя черты ревностнаго пропагандиста религiи и что въ области, гдѣ онъ является національнымъ героемъ, онъ долженъ быть поставленъ выше Рустема. Но старый Рустемъ, которому смерть на бою не написана, еще живъ и народныя сказанiя задаются вопросомъ, въ какiя отношенiя станетъ новый Рустемъ къ старому. Въ сказанiяхъ, обработанныхъ Фирдоуси, мы находимъ компромиссъ, который долженъ нравственно удовлетворить сторонниковъ Рустема и Исфендиара, и ту же глубоко-трагическую развязку, какую мы видимъ въ сказанiяхъ о боѣ Рустема съ Сохрабомъ. Смерть юнаго богатыря Исфендиара является какъ неизбежное рѣшенiе судьбы, въ которой никто не виноватъ. По рѣшенiю рока, Рустемъ *долженъ* убить Исфендиара, хотя всеми средствами избѣгаетъ боя съ нимъ, и затѣмъ самъ *долженъ* послѣдовать за нимъ въ могилу. Припомнимъ нѣкоторыя подробности столкновенiя обоихъ героевъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ пригодятся намъ для дальнѣйшаго.

Когда Исфендиаръ счастливо окончилъ предпрiятiе противъ Арджаспа и убилъ туранскаго царя, Гуштаспъ въ восторгѣ обѣщаетъ уступить сыну престолъ, но вскорѣ раскаивается, и когда Исфендиаръ напоминаетъ ему объ этомъ, приказываетъ сыну привести въ Иранъ скваннаго Рустема. Исфендиаръ угадываетъ, съ какимъ намѣренiемъ посылаетъ его отецъ, и имѣетъ мрачныя предчувствiя. Несмотря на это, онъ готовится на новый подвигъ, отправляется въ Сейестанъ и посылаетъ вѣстникомъ къ Рустему, котораго онъ высоко уважаетъ, своего сына Бахмана. Возвратившись съ охоты, Рустемъ радушно встрѣчаетъ юношу, обнимаетъ его, даетъ ему царь и приглашаетъ къ себѣ его отца Исфендиара. «Еще никто не налагалъ на меня оковы,—говоритъ онъ,—но пусть посѣтитъ меня сынъ Гуштаспа со своею дружиной, два мѣсяца мы будемъ веселиться, охотиться и пить; я стану учить его военному искусству; онъ молодъ, а я старъ. Когда же онъ задумаетъ возвратиться, я отворю ему свои сокровища, провожу его къ отцу и пусть онъ забудетъ свою ненависть». Исфендиаръ на слова Рустема, переданныя ему Бахманомъ, отвѣчаетъ, что онъ долженъ во что бы то ни стало исполнять приказанiе отца: «Богъ свидѣтель, что сердце мое обольется кровью, когда я заключу тебя въ оковы; но царь обѣщалъ мнѣ корону, и едва ея украсится голова моя, я отпущу тебя домой съ дарами».

При свиданiи оба героя рассказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ. Далѣе слѣдуетъ извѣстное намъ оскорбленiе Рустема на пиру, споръ и назначенiе поединка. Сперва противники сражаются копьями, затѣмъ мечами и булавами, наконецъ, переходятъ къ стрѣламъ. Стрѣлы Исфендиара пронзаютъ тигровую кожу Рустема; Рустемъ и конь его (Рахшъ) по-

крыты ранами, а тѣло Исфендіара невреждено. Они сражаются на отдаленномъ мѣстѣ, одинъ на одного, но Зеваръ, братъ Рустема, является, чтобы узнать о послѣдствіяхъ боя. Исфендіаръ видитъ въ этомъ нарушеніе слова и ведетъ свою дружину: начинается сраженіе, въ которомъ падаютъ два сына Исфендіара; въ ярости онъ поражаетъ Рустема стрѣлою и наноситъ ему опасную рану. Богатырь спасается, пользуясь темнотою, на гору. Видя израненнаго сына, старикъ Заль призываетъ чудесную птицу Симурга, покровительницу его дома ¹⁾). Симургъ высасываетъ кровь изъ ранъ Рустема, исцѣляетъ его и убѣждаетъ не вступать въ новый бой: неминуемая гибель постигнетъ убійцу Исфендіара. Но Рустемъ отвѣчаетъ: «Только бы мнѣ убить врага и поддержать славу моего мужества: пусть гибнетъ тѣло, лишь бы осталось мое имя!» Тогда Симургъ уноситъ героя къ чинскому морю, гдѣ растетъ вязъ, съ которымъ связана жизнь Исфендіара. Рустемъ срываетъ съ этого роковаго дерева вѣтвь, изъ которой долженъ сдѣлать себѣ стрѣлу. На другой день поединокъ возобновляется. Напрасно Рустемъ убѣждаетъ Исфендіара отказаться отъ боя, зная, что держать его жизнь въ своихъ рукахъ. Исфендіаръ не хочетъ слышать о примиреніи и Рустемъ направляетъ въ его глазъ волшебную стрѣлу. Смертельно ранивъ Исфендіара, онъ въ такомъ же отчаяніи, какое овладѣло имъ, когда онъ убилъ Сохраба. Умирающій богатырь проситъ Рустема позаботиться о его сынѣ Бахманѣ и научить его владѣть оружіемъ. Онъ прощаетъ Рустема въ своей смерти и во всемъ винитъ отца. Рустемъ обѣщаетъ исполнить его просьбу и оплакиваетъ свою судьбу ²⁾).

И такъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, Исфендіаръ тотъ же Рустемъ поваго поколѣнія, съ другой—напоминаетъ Сохраба въ его роковомъ столкновеніи съ отцомъ. Роль Афрасиаба, всячески старающагося устроить враждебную встрѣчу между отцомъ и сыномъ, исполняетъ на этотъ разъ отецъ Исфендіара, Гуштаспъ, который, напоминая этимъ Афрасиаба, съ другой стороны, напоминаетъ Бейнауза своимъ враждебнымъ отношеніемъ и къ старому Рустему, на котораго хочетъ наложить оковы, и къ молодому Исфендіару, посылая его на вѣрную гибель, ибо не было человѣка, который могъ бы убить въ бою Рустема.

Этими выдержками изъ Шахъ-намѣ мы ограничиваемся, считая ихъ достаточными для доказательства мысли, что Исфендіаръ есть alter ego Рустема, и что поэтому его подвигами мы можемъ пользоваться наравнѣ съ подвигами Рустема при сопоставленіи иранскаго національнаго богатыря съ русскими.

Всев. Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Отмѣтимъ въ отношеніяхъ къ Симургу различіе между Рустемомъ и Исфендіаромъ. Симургъ, божественная птица языческой древней религіи Ирана, покровительствуетъ семьѣ Заль, котораго она спасла ребенкомъ, а Исфендіаръ, представитель новой религіи, убиваетъ Симурга (см. выше).

²⁾ Мы пользовались изложеніемъ этого разсказа у г. Зинovieва: *Эпическія сказанія Ирана*, стр. 98 и слѣд.

Идея Священной Римско-Германской имперіи.

(Предисловіе профессора Лависа къ французскому переводу книги Bryce'a: „The Holy Roman Empire“).

Исторія не знаетъ государства столь узко-эгоистичнаго, какъ государство римское; она не знаетъ завоеванія, ради котораго прибѣгали бы къ такому насилію и вѣроломству, какъ при римскомъ завоеваніи; но когда міръ былъ покоренъ оружіемъ, онъ получилъ сознаніе своего единства въ величіи Рима, олицетвореніемъ котораго былъ цезарь: Римская имперія стала тогда какъ бы формой жизни для человѣчества.

Одинъ ученый и одинъ поэтъ хорошо опредѣлили этотъ переворотъ: «Fiebat orbis urbs» (городъ становился вселенною), — сказалъ Варронъ. А Блазидіонъ говорилъ: «Римъ, одинъ Римъ принялъ въ свои нѣдра побѣжденныхъ; онъ далъ человѣческому роду въ утѣшеніе одно и то же имя; будучи матерью, а не повелительницею, онъ призналъ гражданами тѣхъ, кого побѣдилъ. Лишь ему, великому миротворцу, мы обязаны тѣмъ, что составляемъ одинъ народъ». Римъ, дѣйствительно, пожертвовалъ своими интересами; не было никакой привилегіи для гражданина, родившагося въ городъ; авторитетъ «senatus populusque romanus» исчезъ. Римъ не былъ даже резиденціею императора. Онъ властвовалъ только своимъ именемъ, которое онъ далъ единому народу, закону и миру: этотъ миръ, въ которомъ сошлись народы, племена и религіи, назывался римскимъ.

Римъ, городъ войнъ, завѣщалъ среднимъ вѣкамъ идею организованнаго для мирной жизни человѣческаго рода. Церковь осватила эту идею. Она назвалась римской, и не безъ основанія: она стала католической, то-есть вселенской, потому что единый народъ былъ готовъ принять единую религію, такъ же, какъ рамки имперіи были пригодны для помѣщенія іерархіи священства. И дѣйствительно, христіане вѣрили, что имперія послужила приготовленіемъ для церкви. Богословы учили, что эта форма мірской жизни задумана Богомъ въ первый день, что она непреложна и что имперія будетъ жить, какъ и церковь, до скончанія вѣка и навсегда сольется съ нею въ Богъ. Церковь дала имперіи идеальную жизнь, благодаря кото-

рой имперія пережила свое дѣйствительное существованіе. Вотъ почему Карлъ Великій, германецъ, всемірный наслѣдникъ завоеванія, разрушившаго имперію, становится «*imperator augustus*» въ 800 г., въ то время, когда на Западѣ не остается уже ничего отъ императорскаго управленія: ни сила, ни государственныя средства, ни общаго закона. Полторасти лѣтъ спустя Оттонъ, родомъ изъ Саксоніи, изъ такой нѣмецкой страны, которая оставалась наиболѣе чуждою античной цивилизаціи, Оттонъ, повелитель грубаго племени, принимаетъ въ великомъ городѣ то же званіе «*imperator augustus*». Съ этихъ поръ, въ теченіе вѣковъ, несмотря на то, что міръ преобразуется и растетъ, а умственная жизнь обновляется радомъ переворотовъ, не переводятся императоры, то одѣтые въ каску и броню, то въ шляпѣ и парикѣ, императоры то могущественные, то ничтожные, но все же императоры и все же священные. Эти царственные особы нерѣдко думаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ какъ бы во снѣ. Оттонъ III, который царствовалъ въ 1000 году, живетъ въ священномъ авентинскомъ дворцѣ; онъ называетъ Римъ «главою міра, золотымъ городомъ»; онъ обращаетъ свои указы къ «*senatus populusque romanus*». Этотъ германецъ, этотъ саксонецъ, который только и силенъ своею Германіей и Саксоніей, воображаетъ, что онъ обратилъ Германію въ римскую провинцію. Онъ хвалится тѣмъ, что далъ римлянамъ страну, «куда не ступала нога ихъ предковъ, чтобы имя и слава Рима достигли предѣловъ міра». Юстиніана онъ называетъ своимъ благочестивѣйшимъ предшественникомъ. Онъ вручаетъ магистрату, облеченному судебными полномочіями, кодексъ этого законодателя: «по этой книгѣ суди Римъ и вселенную»,—говоритъ онъ. Онъ раздаетъ права гражданства: «если кто-нибудь пожелаетъ стать римляниномъ, пусть почтительно обратится къ императору, прося, чтобы ему было разрѣшено подчиниться римскому закону и принять титулъ римскаго гражданина». 150 лѣтъ спустя, въ цвѣтущую пору феодализма, императоръ Фридрихъ Барбарусса, феодалъ по преимуществу, глава и цвѣтъ рыцарства, двигался въ Римъ. Въ Сютри онъ встрѣчаетъ самый Римъ, въ лицѣ депутаціи сената и римскаго народа. «Мы радуемся, — сказали ему депутаты, — что ты идешь съ миромъ». Они обѣщаютъ славному швабу владычество надъ миромъ, имя и славу Августа. Они напоминаютъ ему о мудрости древнихъ сенаторовъ, о доблестяхъ тѣхъ рыцарей, которые завоевали страны и острова: вѣдь, ни бурныя волны моря, ни неприступныя скалы Альпъ не могутъ сдержатъ могущества Рима. «Вотъ опять сенатъ, рыцари, трибуны, Капитолій. Развѣ все это не кажется тебѣ великолѣпнымъ? Неужели тебя не приводитъ въ восторгъ тотъ блескъ, который озаряетъ всю твою особу?» Но Фридрихъ улыбался и подсмѣивался. Наслѣдникъ цезаря, онъ не допускалъ такихъ претензій со стороны сената, всадниковъ и трибуновъ. «*Fuit, fuit!*»—говорилъ онъ, перебивая ихъ рѣчь, т. е. «старыя сказки, старыя сказки!» Ораторы представлялись ему реакціонерами, помпеянцами. Они предлагали избрать его императоромъ, но, вѣдь, онъ зналъ и самъ, что онъ императоръ: «Хотите ли, — отвѣчалъ онъ имъ, — а

скажу вамъ, гдѣ находится сенатъ Рима и его гордая знать? Все это—у меня». Епископы и юристы внушили ему, что онъ живой законъ, «lex animata in terris»: онъ вѣрилъ. Отпустивъ посольство, онъ продолжалъ свой путь. *Senatus populusque romanus* рѣшилъ, что ему предстоитъ выдержать бой. Императоръ вступилъ въ городъ; тысяча римлянъ были брошены въ Тибръ. Трибунъ Рима, Арнольдъ, былъ схваченъ. На зарѣ слѣдующаго дня онъ взомелъ на костеръ, который палачи зажгли съ первыми лучами солнца. Призракъ *принсера*'а затмилъ призракъ сената. И такъ, франки, саксы, швабы воображаютъ себя римскими императорами. Они произносятъ слова и принимаютъ титулы, смыслъ которыхъ имъ не понятенъ. Карлъ Великій, ближе всѣхъ стоящій къ истинной имперіи, болѣе всѣхъ похожій на императора, не былъ бы въ состояніи объяснить своего званія «*imperator augustus*». Получивъ этотъ титулъ, онъ почувствовалъ, что сталъ выше и на одну ступень приблизился къ Богу, но онъ даже приблизительно не могъ себѣ представить, чѣмъ были имперія и императоръ. Между тѣмъ, такіе люди, какъ Карлъ, Оттонъ и Фридрихъ, давали себѣ нѣкоторый отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ. Допустимъ, что они ошибаются, но, вѣдь, они не одни въ этомъ грѣшны. Положимъ, это грезы, но, вѣдь, ими увлекается многочисленное и весьма почтенное общество... Умы средне-вѣковыхъ мыслителей трудились надъ идеей всемірной монархіи и создали теорію для доказательства законности и необходимости имперіи. Приведемъ сначала безъ объясненій главные основы этой теоріи.

Римская имперія можетъ законно считаться всемірной: вѣдь, блаженной памяти Эней, предокъ божественнаго Юлія, унаслѣдовалъ часть Азіи—черезъ Ассарака и Креза, часть Африки—черезъ посредство Электры, дочери Атласа и Дидоны, часть Европы—отъ Дардана и Ливіи. Имперія была съ самаго начала подъ покровительствомъ Божиимъ: паденіе щитовъ во времена Нумы, крикъ гусей, спасшихъ Капитолій, доблесть Цинцинната, буря послѣ сраженія при Каннахъ, — все это знаменія; въ нихъ сказывается особое расположеніе божества къ Риму. Чудесно и предсказаніе Виргілія: «Римлянинъ, не забывай, что ты будешь своею властью править всѣмъ міромъ». Имперія была предсказана священными устами пророковъ. Ея прообразомъ было одно изъ 4 животныхъ Даниилова видѣнія; то же надо сказать о иждышнихъ ногахъ статуи Навуходносора. Христосъ, наконецъ, самъ Христосъ призналъ законность ея: Онъ родился во время великой переписи, очевидно, чтобы быть въ ней упомянутымъ. Онъ приказалъ воздать кесареви кесарево; онъ сказалъ Понтію Пилату: «Ты не имѣлъ бы власти надо мною, если бы тебѣ не было дано свыше». Столицею имперіи былъ сначала Римъ; при Константинѣ столица перенесена въ Константинополь, но потомъ возвращена въ Римъ доблестью франковъ и волею папы, Христова напѣстника. Съ этихъ поръ имперія—по праву—принадлежитъ германскому племени, она—«*juris nationis germanicae*». И такъ, Карлъ Великій, Оттонъ, Фридрихъ—прямые наслѣдники императоровъ: право изданія законовъ (*jus populi in condendis legibus*), когда-то врученное пародомъ це-

зарю, теперь во всей своей полнотѣ принадлежитъ императорамъ. Въ нихъ и чрезъ нихъ осуществляются планы Провидѣнія относительно управления міромъ. Они необходимы, они назначены предопредѣленіемъ, они священны. Кто измѣняетъ государству, измѣняетъ Богу. Въ глубинѣ девятаго круга преисподней Люциферъ жуетъ въ своей тройной пасти Іуду Искариота, который предалъ Христа,—Брута и Кассія, которые предали божественнаго Юлія. Между тѣмъ, имперія, по пришествіи Христа, перестала быть единственнымъ авторитетомъ. Христось раздвоилъ человѣка и міръ; въ человѣкѣ Онъ отличилъ двѣ природы: духовную и мірскую; въ мірѣ Онъ отдѣлилъ землю, какъ мѣсто временнаго пребыванія человѣка отъ вѣчной его отчизны—неба. Христіанинъ имѣетъ два назначенія: поступать по правиламъ добродѣтели на землѣ и наслаждаться затѣмъ вѣчнымъ миромъ въ Богѣ. Ему необходимы два руководителя. Поэтому-то въ мірѣ два меча; это—мечи, которые ученики показали Божественному Учителю въ Геосиманскомъ саду, говоря: «Господи, вотъ два меча!» Господь отвѣчалъ: «Довольно». Потомъ онъ отдалъ одинъ мечъ Петру, другой Іоанну. Мечъ, данный Спасителемъ Петру, принадлежитъ папѣ; мечомъ, даннымъ Іоанну, вооруженъ императоръ. О другихъ мечахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ Христось сказалъ: «довольно»; но и менѣе двухъ быть не можетъ, такъ какъ Онъ взялъ въ руки оба меча и освятилъ ихъ. И такъ, существуютъ двѣ власти, и непремѣнно двѣ: «всякому здравомыслящему человѣку ясно, что есть лишь одинъ монархъ, римскій императоръ, равно какъ у всего человѣчества есть одинъ отецъ — римскій первосвященникъ». Вотъ теорія Священной Римско-Германской имперіи. Разсужденія подобнаго рода намъ покажутся странными; но, прежде чѣмъ смѣяться, спросимъ себя, кто разсуждаетъ такимъ образомъ. Кто производитъ власть какого-то Барбаруссы отъ власти Августа, врученной ему народомъ?—архіепископъ Миланскій, въ разговорѣ съ Фридрихомъ I-мъ, и ученые юристы Болоньи. Кто утверждаетъ, будто Христось, родившись въ то время, когда Римъ властвовалъ надъ міромъ, призналъ тѣмъ самую законность имперіи?—святѣйшій Ѳома. Кто присвоилъ папѣ мечъ, данный Петру, а императору мечъ, полученный Іоанномъ?—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ памятниковъ права: «*Sachsenspiegel*». Кто обращается къ Энею, Крезу, Дидонѣ, Нумѣ Помпилю, Виргилію, чтобы удостовѣрить законность имперіи?—это Дантъ. Такъ погодимъ смѣяться: св. Ѳома и Дантъ—слишкомъ великіе люди. Передъ нами два явленія, которыя находятъ мѣсто во всѣ времена: прошедшее проявляетъ свое могущество, а умъ человѣческій—свою слабость и свою гордость: онъ слабъ, такъ какъ признаетъ авторитетъ мертваго прошлаго; онъ гордъ, потому что отвергаетъ дѣйствительность и самоувѣренно выводитъ правила жизни изъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій. Эти люди среднихъ вѣковъ не видѣли своего времени. Дѣйствительность была тогда очень запутана и темна. Люди группировались небольшими кружками въ городскихъ общинахъ и на феодалныхъ земляхъ; горожане и феодалы были близорукі: ихъ всецѣло

поглощала узкая, будничная жизнь. Не намѣчалось ничего на мѣсто добраго стараго порядка. Въ дѣйствительности мѣсто имперіи оставалось незанятымъ, а между тѣмъ, имперія жила въ воображеніи мечтателей. Имъ казалось, что древній міръ все еще живъ. Они не имѣли понятія о городскихъ хартіяхъ, о феодальныхъ контрактахъ, объ этихъ памятникахъ мѣстнаго, сословнаго и личнаго права, которые тогда писались. Они хранили какъ драгоценность памятники классическаго и христіанскаго міра, останки, которые въ силу установившагося слиянія имперіи съ церковью одинаково были для нихъ священны. О нихъ не разсуждали; ихъ не изслѣдовали; имъ поклонялись. Дѣятельность мысли въ то время ограничивалась толкованіемъ какаго-нибудь мѣста изъ Библии, какаго-нибудь притчи, словъ Христа, стиха изъ Виргилія или параграфа изъ римскаго права. Въ настоящее время для насъ ясны заблужденія тѣхъ людей. Мы знаемъ, что имперія, въ существованіе которой они вѣрили, была жертва. Политическія и умственные движенія развили въ насъ духъ критики; мы отводимъ фактамъ и идеямъ ихъ мѣсто. Однако же, мы поддаемся обаянію прошедшаго: легко прослѣдить его вліяніе въ частной и общественной жизни. Правда, взглядъ на современность у насъ яснѣе, чѣмъ у средне-вѣковыхъ людей; но увѣрены ли мы, что хорошо понимаемъ настоящее, располагаемъ факты по степени ихъ важности? Не заняты ли наши взоры картинами, снѣгающимися на поверхности? А развѣ мы не имѣемъ своихъ теорій? Мы увѣрены, что руководимъ своею жизнью посредствомъ силлогизмовъ. Но примѣненіе принциповъ равенства и народовластія, происшедшее на нашихъ глазахъ, покажется черезъ пять вѣковъ столь же нелѣпымъ, какъ теперь для насъ странны выводъ, основанный на текстѣ св. Луки—о мечяхъ. Взглянемъ теперь на взаимодѣйствіе силъ, которыми былъ разсѣянъ призракъ Священной Римско-Германской имперіи. Эти силы имѣютъ различное происхожденіе. Въ Константинополѣ царствовалъ императоръ, который отвергалъ титулъ *«imperator augustus»*, присвоенный Карломъ Великимъ и его преемниками. «Виѣсть съ Константиномъ,—говорилъ Никифоръ посланнику Оттона,—Римъ перемѣстился въ Константинополь». Онъ былъ убѣжденъ, что Римъ и остался на этомъ мѣстѣ. Мысль, чтобы германецъ считалъ и называлъ себя римляниномъ, казалась ему нелѣпой: «Вы не римляне,—говорилъ онъ послу,—а такъ... какіе-то лангобарды». Онъ смѣялся надъ нѣмецкими солдатами, надъ ихъ громадными щитами, массивными панцырями, надъ ихъ непогнѣрными животами (*gastri-margia*). Онъ ослѣпилъ бѣднаго посланника блескомъ царственныхъ процессій, въ которыхъ онъ шествовалъ, какъ священная особа, «божественная» еще при жизни; его привѣтствовали мистическими эпитетами: «Да здравствуетъ дневное свѣтло, да здравствуетъ утрення заря!» Но посланный, какъ представитель страны бородатыхъ рыжихъ гигантовъ съ развѣвающимися волосами, презиралъ «этого пигмея съ оладистою бородой». Въ то время, какъ раздавались эти привѣтствія, онъ бормоталъ сквозь зубы (онъ самъ и разсказалъ намъ эту исторію): «Черный уголь, свинья,

каппадокиецъ!...» Оттонъ Саксонскій и Никифоръ были представителями двухъ противоположныхъ, непримиримыхъ мировъ. Признавалъ ли, по крайней мѣрѣ, Западъ авторитетъ императора? Теорія императорской власти достигла предѣловъ Европы; ее принимали юристы Ирландіи и Шотландіи: по британскому закону, король Ирландіи — вассалъ римскаго императора; шотландскіе чиновные люди дѣйствуютъ «auctoritate imperiale», т. е. именемъ императора. Нѣсколько англійскихъ королей засвидѣтельствовали свое почтеніе цезарю. Передъ нимъ иногда унижались наши послѣдніе каролинги и предки капетинговъ. Одна Испанія постоянно ограждала себя отъ его претензій, утверждая, что не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ императоромъ, такъ какъ она была оставлена римлянами («res derelicta a Romanis») и приобрѣтена путемъ оккупации. Но столь же мало власти имѣлъ императоръ надъ Англіей и надъ Франціей. Находясь ближе къ имперіи, Франція должна была опасаться ея притязаній; но династія капетинговъ, разъ утвердившись, не потерпѣла никакого посягательства на свою самостоятельность. У нея тотчасъ явилось сознаніе своего величія. Она напоминала себѣ о своемъ славномъ прошломъ, въ которомъ къ воспоминанію о королѣ Хлодвигѣ, впервые принявшемъ крещеніе, присоединялось воспоминаніе о королѣ Карлѣ, впервые надѣвшемъ императорскую корону. Гуго Капетъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы саксонцы, правившіе въ Германіи, перехватили славное наследіе Карла Великаго. По его убѣжденію, Франція, какъ и Германія, происходила отъ великаго Карла. Еще въ то время, когда онъ былъ французскимъ герцогомъ, онъ встрѣтился въ Римѣ съ императоромъ. Однажды, по окончаніи бесѣды, императоръ всталъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы Гуго поднялъ его императорскій мечъ, лежавшій на стулѣ. Ему хотѣлось, чтобы герцогъ прошелъ передъ нимъ съ этимъ мечомъ; но одинъ присутствовавшій здѣсь французъ взялъ мечъ, чтобы римляне не видали французскаго герцога въ роли императорскаго вассала. Ставъ королемъ, Гуго обходился какъ равный съ германскимъ цезаремъ. Ни одинъ престолъ не представляется ему выше его собственнаго, кромѣ, пожалуй, того трона, который занимаетъ императоръ константинопольскій. Намѣреваясь женить своего сына Роберта, онъ проситъ византійцевъ Василія и Константина отдать ему «дочь Священной имперіи». И такъ, на Западѣ, какъ и на Востокѣ, дѣйствительность шла въ разрѣзъ съ теоріей. На какой же почвѣ развивалась императорская власть? Она развивалась въ Германіи, въ королевствѣ Арльскомъ, въ сѣверной Италіи (южная часть этого полуострова, принадлежавшая сначала Византіи, перешла послѣдовательно въ руки нормановъ и аррагонцевъ), потомъ въ государствахъ новаго происхожденія на сѣверѣ и западѣ: въ Даніи, Польшѣ, Богеміи, Венгріи. И, при всемъ томъ, верховная власть не была здѣсь устойчива. На самомъ же дѣлѣ территоріей имперіи была сѣверная Италія и Германія. Это мѣсто и было полемъ сраженія между императорскою и папскою властью. Вся теорія средневѣковыхъ мыслителей и мечтателей покоилась на сочетаніи двухъ властей. На необхо-

димость этого сочетанія указывало каноническое право: «Христосъ—посредникъ между Богомъ и людьми—различилъ обязанности обѣихъ властей, указавъ каждой ея функцію и ея собственное достоинство..., чтобы христіанскіе императоры нуждались въ римскихъ епископахъ для потребностей духовныхъ и чтобы первосвященники пользовались императорскими законами для мірскихъ дѣлъ; чтобы служитель Бога не вмѣшивался въ дѣла свѣтскія и чтобы человекъ, запутанный въ дѣла міра сего, не явился руководителемъ божескихъ установленій». И св. Бернардъ опровергалъ мнѣніе, «будто величіе и благоденствіе имперіи вредны для церкви, или миръ и свобода церкви могутъ быть опасны для государства». Пусть такъ; но если земной шаръ довольно обширенъ для нѣсколькихъ властей, онъ все же слишкомъ узокъ для двухъ властелиновъ. На немъ возможно многовластіе, но не двоєвластіе. Императоръ и папа, ставъ во главѣ человечества, смѣрили другъ друга взглядомъ. Никогда у нихъ не было мира, ни разу обѣ власти не признали другъ друга равными. Никогда они не могли установить между собою точныхъ границъ. Всякій государь въ средніе вѣка былъ связанъ съ церковью, и императоръ—богѣе, чѣмъ кто-нибудь другой. Съ другой стороны, церковь, въ эти времена грубой силы, не могла бы существовать, если бы не присвоила себѣ частички земли. Папа былъ государемъ, епископы тоже были государями и, притомъ, глубоко погружались въ сферу свѣтскихъ интересовъ.

И такъ, борьба между папою и императоромъ была роковою. Противники прибѣгали къ силлогизмамъ, метафорамъ, доводамъ, обидамъ, къ анаѳемѣ и насилію. Суетность и призрачность имперіи не замедлила обнаружиться. Императоры вызываютъ воспоминанія и ссылаются на права цезарей, но они похожи на тѣни, блуждающія въ мірѣ, совершенно чуждою древнему міру. Древній міръ любилъ землю и жизнь; смерть онъ считалъ гибелью; его маны были неполноправными людьми, томившимися отъ тоски по миломъ свѣтѣ. Римскій міръ довольствовался самимъ собою; онъ обожалъ себя въ лицѣ своихъ императоровъ. Потому почитаніе цезаря стояло надъ всѣми мѣстными культами и, поистинѣ, имѣло значеніе вселенской религіи: кто отказывалъ въ поклоненіи цезарю, тѣмъ самымъ отказывался отъ права на жизнь. И такъ, власть императора не имѣла ни соперника, ни границъ. Между тѣмъ, новый міръ усвоилъ себѣ пессимистическій христіанскій взглядъ на тѣло—какъ на бремя, на жизнь—какъ на испытаніе, на землю—какъ на плачевную юдоль, тогда какъ смерть есть освобожденіе и начало жизни. Въ противоположность манамъ язычниковъ, которые постоянно вдыхали, души блаженныхъ въ вѣчной радости поютъ: «Осанна». Тѣло, земля, все житейское упало во мнѣніи людей; рядомъ съ властью, которая править всѣмъ этимъ, была установлена новая власть: она руководитъ душами во время ихъ странствія, она же отпираетъ и запираетъ двери къ истинной жизни. Какъ же не поставить эту послѣднюю власть выше первой! Какъ только былъ поднятъ вопросъ о превосходствѣ одной власти надъ другою, его тотчасъ разрѣшила тогдаш-

ная логика. Спросить, кто выше: папа или императоръ—значить спросить, что вѣрнѣе въ человѣкѣ: душа, сошедшая съ неба и которая должна возвратиться на небо, или тѣло, которое создано изъ земли и отойдетъ въ землю. «Все физическое и мірское зависитъ отъ духовнаго, какъ дѣятельность тѣла отъ силы души»,—говоритъ св. Тома; откуда слѣдуетъ, что свѣтская юрисдикція государей зависитъ отъ духовной юрисдикціи св. Петра. Папы любили объяснять это отношеніе сравненіемъ, которое въ эти времена служило доказательствомъ. «Богъ создалъ два великія свѣтила: солнце, т.-е. власть церковную, и луну, т.-е. власть мірскую, императорскую. Какъ луна имѣетъ только тотъ свѣтъ, который она получаетъ отъ солнца, такъ и земная власть владѣетъ только тѣмъ, что получаетъ отъ небесной». Папство имѣло за себя не одну логику: оно ссылалось на исторію, толкуя ее по-своему. Кто именно возвратилъ имперію изъ Константинополя въ Римъ, перенесши ее отъ грековъ къ франкамъ?—папа. Кто возложилъ корону на Карла В.?—папа. Гдѣ получали германцы корону и помазаніе?—въ Римѣ. Происходило ли это во дворцѣ Августа и Ливіи?—нѣтъ, но въ храмѣ апостоловъ. Въ какой позѣ принималъ корону императоръ?—на коленяхъ. Какъ же называется тотъ, кто въ средневѣковыхъ церемоніяхъ преклоняетъ колѣни, чтобы получить инвеституру?—вассаломъ... Папство имѣло также и силу. Если что въ дѣйствительности и осталось отъ имперіи, то это была всюду утвердившаяся церковная іерархія, каждый членъ которой имѣлъ власть и богатство, доставшіяся имъ благодаря вѣрѣ людей и страху послѣднихъ предъ загробнымъ міромъ. Эта іерархія на время погрязла и какъ бы затерялась въ мірскихъ интересахъ, но папы освободили ее. Съ тѣхъ поръ, въ имперіи и за ея предѣлами во всемъ христіанскомъ мірѣ, они приобрѣли послушное воинство. Императоръ, напротивъ, не умѣлъ и не могъ найти системы управления, которая обезпечила бы ему регулярную военную силу. Феодалы и города, государи и республики представляли несовмѣстимые и ненадежные элементы. Папы нашли въ нихъ союзниковъ и возбуждали среди нихъ мятежи. Они вооружали подданныхъ противъ государя, часто даже—сына противъ отца, такъ какъ борьба за такое важное дѣло не разбирала средствъ. Имперія была побѣждена въ половинѣ XIII вѣка, въ лицѣ наиболѣе страннаго изъ цезарей. Фридрихъ II на данныхъ, почерпнутыхъ изъ свѣтской и духовной исторіи, построилъ выгодную для имперіи теорію. Онъ хотѣлъ возстановить въ своей особѣ древнее единство власти и упрочить такимъ образомъ объединеніе міра, какъ будто онъ былъ, въ одно и то же время, наследникомъ Августа и намѣстникомъ Іисуса. Свою родину Јеси онъ называлъ «Видеюмомъ, гдѣ цезарь увидѣлъ свѣтъ». Онъ называлъ свою мать «Diva», своего сына—божественнымъ отпрыскомъ племени Цезаря. Онъ завидовалъ деспотамъ «счастливой Азіи», которые могутъ не опасаться «обмановъ со стороны духовенства». «Онъ угрожаетъ,—восклицалъ папа,—опрокинуть престолъ св. Петра; сиди въ

храмъ, онъ присвоиваетъ себѣ священство!» Папа потребовалъ истребленія «его вмѣстѣ съ его змѣиной породой». Декретъ былъ исполненъ.

Но имперія не исчезла; она пережила еще почти 6 вѣковъ, хотя и была ослаблена. Силы, которыя не поколебали ея, были, какъ я говорилъ, различнаго происхожденія. Двѣ относятся къ очень древнему времени: это—эллинизмъ и иудейство. Онѣ были враждебны единству древней имперіи и гармоніи римскаго міра: эллинизмъ защищалъ отъ Рима свой языкъ и свой духъ; иудейство—свою религію и свое священство. Въ средніе вѣка эллинизмъ принялъ очень характеристичную умственную и политическую форму, форму византійскую: онъ поощрялъ единству христіанской имперіи, сохранивъ своего императора; онъ порвалъ единство церкви, породивъ расколъ. А иудейство, послѣ разрушенія храма и послѣ того, какъ лишь разсѣявшаяся горсть людей осталась вѣрна религіи синагоги, казалось, покончила свое существованіе. Однако, оно завѣщало новому міру, которымъ было отвергнуто, свое колѣно Левинно и своего первосвященника въ лицѣ духовной іерархіи и папы. Такова была его мѣсть Риму. Преемственность императорской идеи находила самую страшную опасность въ развитіи власти верховнаго первосвященника. Карлъ Великій, Оттонъ и Фридрихъ—наслѣдники Тита, который разрушилъ Иерусалимъ; папа происходитъ отъ Самуила, который избиралъ и низлагалъ царей. Вотъ почему онъ коронуетъ и низлагаетъ императоровъ и уничтожаетъ цѣлкомъ ихъ семью. Эллинизмъ и иудейство, величественный деспотизмъ, теократія, власть Бога и его пророковъ,—всѣмъ этимъ живутъ и мыслятъ на Востокѣ; но что дѣлалъ Западъ, страна дѣятельности, свободы и власти человѣка? Онъ выработывалъ себѣ наиболѣе прочныя рамки жизни. Онъ дѣлился и подраздѣлялся на полныя жизни группы. Онъ выдвигалъ народы, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свою физиономію, свой духъ, свою роль. Эдуарды и Генрихи англійскіе, Людовики и Филиппы французскіе—лица новыя и съ большимъ будущимъ соединились противъ Римско-Германской имперіи съ императоромъ Востока, съ судьей Самуиломъ и св. Петромъ.

Въ исторіи средневѣковой Римской имперіи мы видимъ слѣдующую странную особенность: императоръ никогда не имѣлъ въ своихъ рукахъ администраціи, которая обезпечивала бы ему главную основу государства, т.-е. доставляла бы деньги и людей. Его могущество, главнымъ образомъ, основывалось на его земельныхъ владѣніяхъ, на его домашней обстановкѣ и его личныхъ способностяхъ. Фридрихъ I былъ собственникомъ 400 замковъ въ Швабіи, Франконіи, Эльзасѣ, Бургундіи; его феодальная свита внушала трепетъ; онъ же самъ умѣлъ править и повелѣвать. Въ его личности и средствахъ, которыми онъ располагалъ, было все, что нужно для поддержанія правъ имперіи. Но въ половинѣ XIII в., по смерти Фридриха II, въ Германіи не осталось ни одного дома, который былъ бы способенъ поддержать императорское достоинство. Саксонія, Франконія и Швабія, откуда раньше выходили великіе императоры, были полны фе-

одалныхъ и городскихъ смуть. Тамъ насчитывались тысячи политическихъ тѣлъ, почти независимыхъ одно отъ другого; они пользовались почти всѣми верховными правами, особенно—правомъ войны, «кулачнымъ правомъ». Такъ какъ Италия пребывала въ такой же анархіи, то имперія теряла подъ собою почву. Почему же и какъ она осталась жива? Германія, какъ она ни была разрознена, хотя и рѣшилась поддерживать безпорядокъ, который вскорѣ будетъ названъ германскими вольностями, ни минуты не думала, чтобы ей можно было обойтись безъ короля. У нея проявилось было самосознаніе, не такъ, какъ во Франціи, гдѣ отечество воплощалось въ династіи, но гораздо болѣе смутное. Не зная хорошенько—ни гдѣ ея начало, ни гдѣ ея конецъ, она, при каждомъ проявленіи своего безпорядка, думала и грезилла о себѣ, если можно такъ выразиться (такъ какъ обычные термины нашего языка не достаточны для того, чтобы выразиться о германскихъ языкахъ). Она хотѣла имѣть нѣмецкаго короля, чтобы онъ призналъ и обезпечилъ каждому его законную долю въ безпорядкѣ. Монархія, анархія: Германія мирилла противоположности. Она также заявляла желаніе (ибо она всегда была самолюбива), чтобы этотъ государь сталъ повелителемъ міра. Уже въ теченіе 3-хъ вѣковъ составила привычка, чтобы король германскій былъ, въ то же время, императоромъ: Германія держалась этой привычки. Съ другой стороны, папство, хотя и торжествовало свое первенство надъ императорскою властью, не могло обойтись безъ нея. Оно уничтожило двоевластіе: «Церковь одна и единая, она имѣетъ лишь одно тѣло,—говоритъ Бонифацій VIII,—у нея одна глава, а не двѣ головы, какъ у какого-нибудь чудовища. Но единой главѣ церкви необходима была единая свѣтская рука. Гармонія міра была бы нарушена, если бы земля дѣлилась на владѣнія, независимыя другъ отъ друга». Бонифацій требовалъ, чтобы императоръ былъ самодержавнымъ властителемъ государей и королей. Онъ порицалъ «*superbia gallicana*» (гордость французовъ), которая не допускала, чтобы король Франціи былъ у кого-нибудь въ подчиненіи. «Они дгуть,—говорилъ онъ,—по праву они подчинены и должны быть подчинены императору римлянъ». Папа смотрѣлъ съ недо- вѣріемъ (и былъ правъ) на этихъ королей, которые, вороша римское право, священное писаніе и феодальное право, создавали себѣ двойной авторитетъ: реальный и мистическій, матеріальный и неосязаемый. Государь, какъ Цезарь и Юсіа *), сюзерены и верховные властители, сборщики податей и цѣлители ранъ, высшіе судьи и помазанники Божіи,—они изолировались на почвѣ христіанскаго единства. Чтобы прикрыть себя, они отпарывали широкую полосу отъ недѣлимаго плаща. Самодержавное государство имѣетъ границы, которыя задерживаютъ всякое, идущее извнѣ, вліяніе, останавливаютъ буллу, посланную съ апостольской кафедры, не пропускаютъ и муровъ, несущихъ къ общему отцу деньги вѣрныхъ,—словами, эти французскіе короли были въ христіанскомъ мірѣ партикуляри-

*) Иудейск. царь 639 г.

стами, сепаратистами, какъ выражаются теперь; папа былъ представителемъ и стражемъ всемірной идеи. Ему было выгодно, чтобы императоръ, ставъ его покорнымъ слугою, занялъ мѣсто между нимъ и королями, съ цѣлью низвести послѣднихъ на третью ступень той іерархіи, съ высоты которой онъ правилъ міромъ. Онъ повторялъ метафору о двухъ свѣтилахъ, «укрѣпленныхъ на сводѣ воинствующей церкви», и теорію двухъ мечей. «Императоръ,—говорилъ Николай III,—обязанъ обнажить вещественный мечъ по знаку Христова намѣстника». И такъ, папство заключило сдѣлку съ Германіей для того, чтобы продолжить имперію; но какъ для папы, такъ и для Германіи было весьма важно, чтобы императоръ не былъ опасенъ ни для нѣмецкой анархіи, ни для папской власти. Слабость и нищета государя будутъ его лучшими свойствами въ глазахъ избирателей. «Во всемъ мірѣ нѣтъ,—по словамъ одного императора XIV вѣка,—государства болѣе разграбленнаго, болѣе нуждающагося, «*nil spolatus, nil indigentius*», чѣмъ имперія». И справедливы слова Гранвелля, министра Карла V: «Для поддержанія своего достоинства, императоръ не получаетъ со своей имперіи ни гроша». Однако, теорія императорскихъ правъ остается неприкосновенною, мало того, теперь она расширяется и заканчивается. Власть обыкновенно раскрываетъ всѣ свои права на существованіе только тогда, когда она отживаетъ, и всякое паденіе прикрывается гордостью. Самый жалкій изъ императоровъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, гордится своимъ званіемъ властителя міра. Чтобы получить корону, онъ переходитъ Альпы въ сопровожденіи скудной свиты вѣрныхъ ему людей и искателей приключеній. Жесточайшія непріятности ожидаютъ его въ Римѣ. Все равно! Онъ обходитъ, какъ умѣетъ, итальянскія междоусобицы, онъ пріѣзжаетъ, онъ коронуется, передъ нимъ проходятъ процессіи, въ которыхъ несутъ флаги съ изображеніемъ волчицы-кормилицы. Онъ спитъ въ покояхъ Августа и Ливіи и поспѣшно удаляется, довольный уже тѣмъ, что удалось безъ боя вступить въ городъ св. Петра; вѣдь, этотъ Римъ—страшный городъ: онъ пожираетъ людей и служитъ рассадникомъ лихорадки: «*Roma vorax hominum... Roma ferox februm...*» Избраніе императора совершалось съ особымъ торжествомъ. Когда избиратели отправлялись во Франкфуртъ, всякія военныя дѣйствія прекращались на ихъ пути; государи обязаны были указывать имъ путь, а города—доставлять съѣстные припасы «по общепринятой цѣнѣ и нормальному курсу». Въ ожиданіи прибытія избирателей, Франкфуртъ высылалъ изъ своихъ предѣловъ всѣхъ чужеземцевъ, такъ какъ онъ отвѣчалъ за безопасность избирателей своими правами и привилегіями. Когда наступалъ день торжества, избиратели слушали объядню. Они молили Св. Духа—«просвѣтить ихъ сердца, чтобы они выбрали на благо христіанскаго народа хорошаго и полезнаго человѣка». Они подходили къ престолу, на которомъ было открыто Евангеліе отъ Іоанна: «Въ началѣ бѣ слово...» Три архіепископа: майнцкій, трирскій и кельнскій съ глубокимъ благоговѣніемъ держали руки на груди; король богемскій, пфальцграфъ, герцогъ саксонскій и маркграфъ бранденбургскій возлагали свои руки на священный

тексть. Они вѣдѣлись выбрать по совѣсти временнаго главу христіанскаго міра, не входя ни въ какое соглашеніе, не принимая ни денегъ, ни обѣщаній; потомъ они приступили къ дѣлу. Если, по истеченіи 30 дней, они не приходили къ соглашенію, то ихъ осуждали «на хлѣбъ и на воду». Міръ не могъ долго ждать своего владыки. Величественъ былъ и императоръ, сидѣлъ ли онъ, шелъ ли, ѣхалъ ли верхомъ, въ «sessio, deambulatio, processio». Въ конной процессіи выступаютъ: сначала архіепископъ трирскій, передъ которымъ несутъ корону Германіи и Италіи, потомъ герцогъ саксонскій, высоко держа обнаженный мечъ имперіи, направо отъ него пфальцграфъ съ державой, налѣво—маркграфъ бранденбургскій со скипетромъ, затѣмъ императоръ между епископами кѣльнскимъ и майнцскимъ, позади король богемскій, наконецъ, на приличномъ разстояніи, императрица, «одѣтая въ парадное платье и сопровождаемая дѣвами». Когда цезарь обѣдаетъ съ большою церемоніей, архіепископы-избиратели благословляютъ трапезу. Потомъ всѣ трое, архіепископъ майнцскій — великій канцлеръ Германіи, кѣльнскій—главный канцлеръ Италіи, трирскій—главный канцлеръ Галліи,—повѣсивъ свои печати на серебряныя палочки, передаютъ ихъ императору. Маркграфъ бранденбургскій—главный канцлеръ—на конѣ приближается къ императору, держа въ рукахъ кувшинъ и великолѣпное полотенце: императоръ умываетъ и вытираетъ руки. На конѣ вѣзжаетъ и палатинъ, исполняющій обязанности главнаго стольника: онъ держитъ серебряныя блюда и ставитъ ихъ на столъ. Верхомъ вѣзжаетъ главный кравчій, король богемскій, смотря по желанію, — съ короной на головѣ, такъ какъ привилегіи его королевства предоставляютъ ему право снять корону, прежде чѣмъ исполнять свою службу. Онъ подаетъ императору кубокъ вина съ водою; императоръ пьетъ. Избиратели, исполнивъ свои обязанности, идутъ къ своимъ мѣстамъ и садятся всѣ разомъ. Каждый сидитъ одинъ за особымъ столомъ: избиратель трирскій передъ императоромъ, «лицомъ къ цезарю». По правую и по лѣвую стороны цезаря сидятъ по три избирателя въ порядкѣ «sessio». Императорскій столъ помѣщается на возвышеніи, на шесть футовъ выше столовъ избирателей; столъ «Августы» на три фута ниже стола ея супруга. Такъ обѣдалъ во время праздника владыка міра; ему прислуживали, какъ и подобаетъ, князья и одинъ король. Онъ величаетъ себя «мое высочество — celsitudo postea» или «высокость Священной Римской имперіи». Онъ готовится править вселенною, изливать на родъ христіанскій дары мира и спокойствія, быть во всякое время опорой слабымъ, заботиться о благѣ имперіи и вселенной». Душа его величества «постоянно озабочена дѣлами республики и управленія народами, различными по правамъ, по образу жизни, по языку». Таковы собственныя слова императора Карла IV въ Золотой буллѣ, изданной въ ноябрѣ 1355 года, въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ воссѣдалъ на тронѣ императорскаго величества, въ императорскихъ регаліяхъ, съ діадемой на головѣ, среди всѣхъ избирателей—князей духовныхъ и свѣтскихъ, и безчисленнаго множества другихъ князей, графовъ, бароновъ, грандовъ, дворянъ и го-

родских депутатов. Булла была дополнена въ Мецѣ, въ декабрѣ слѣдующаго года, при столь же пышной обстановкѣ.

Между тѣмъ, Карлу IV не было никакого дѣла до имперіи и Германіи. Внучь Генриха Люксембургскаго, за которымъ избиратели отправились въ его бѣдное графское помѣстье (въ Арденской области), чтобы сдѣлать его «владыкой міра», сынъ Іоанна Богемскаго, который погибъ при Бреси смертью странствующаго рыцаря, онъ занимался своими домашними дѣлами. Онъ устроилъ свою имперію на восточной границѣ Германіи. Императоры, которыхъ избирали ради ихъ бѣдности, обыкновенно пользовались своимъ достоинствомъ для собственнаго обогащенія. Составивъ себѣ состояніе, они предоставляли Германіи ея «вольности» и тѣшились тѣмъ, что надъ общимъ хаосомъ возвышается ихъ громкій титулъ. Между тѣмъ, вся дѣйствительность вооружалась противъ долговѣчнаго призрака имперіи. Нации продолжали расти. Франція и Англія окончательно развивали свое самосознаніе въ борьбѣ, продолжавшейся сто лѣтъ. Ни та, ни другая не признавали верховныхъ правъ имперіи. Франціи свойственно отвращеніе къ призракамъ. Филиппъ Красивый выразилъ это однажды въ отвѣтъ на мемуаръ, полный императорскихъ претензій: «*Nimis germanice*», это слишкомъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Девизомъ дворянства стала та мысль, что король Франціи никому не обязанъ, кромѣ Бога и своего оружія. «Доблестные короли Франціи, — говоритъ одинъ юристъ, — императоры и законодатели въ своемъ королевствѣ». Другой указываетъ на преемственность ихъ правъ отъ самого Бога: «Наши короли — намѣстники Іисуса Христа въ дѣлахъ свѣтской власти». Величественный Карлъ IV, составитель Золотой буллы, пріѣхалъ однажды въ Парижъ къ своему племяннику, французскому королю Карлу V. Послѣдній приготовилъ своему гостю двухъ вороныхъ коней; онъ съ особымъ умысломъ выбралъ лошадей вороной масти: дѣло въ томъ, что императоры имѣли обыкновеніе вѣзаться въ большіе города своей имперіи на бѣломъ конѣ, а король у себя не хотѣлъ допустить этого императору, чтобы не выказывать и тѣни подчиненія. Онъ выѣхалъ на встрѣчу цезарю на большомъ бѣломъ конѣ; богатое сѣдло было все украшено французскими гербами. Англія принимала тѣ же предосторожности. Когда сынъ Карла IV, Сигизмундъ, присталъ къ острову и готовился высадиться на берегъ, его встрѣтилъ герцогъ Глостерскій на конѣ; герцогъ потребовалъ, держа обнаженный мечъ противъ августѣйшей груди, чтобы императоръ не задумалъ послануть «на верховныя права короля». И такъ, нации все болѣе уклонялись отъ повиновенія вселенской власти. Идея всемирности всюду приходила въ упадокъ. Папство, побѣдивъ имперію, было побѣждено королею Франціи. Оно также выработало теорію своихъ правъ въ то самое время, когда должно было пасть съ высоты своего величія. Въ результатѣ папы пришли къ убѣжденію, что имъ принадлежитъ Германія, откуда для нихъ явились два спасителя и владыки: Карлъ V. и Оттонъ. Папы повѣрили, что имперія — ихъ собственность. Они утверждали, что нѣмецкіе государи обязаны папамъ за свое возвы-

шеніе, что папы насадили ихъ, какъ «избранныя древа», предоставивъ имъ, «по особой милости», право выбирать того, кто держитъ бразды Римской имперіи». Папство имѣло претензію разсуждать объ избраніи императора какъ объ избраніи епископа. «Потребовавъ указъ объ избраніи и разсмотрѣвъ его въ обществѣ нашихъ собратій, буде личность избранника, насколько мы можемъ судить о немъ заочно, намъ покажется подходящею и достаточно добродѣтельною, мы признаемъ его избраннымъ и считаемъ его достойнымъ императорскаго титула».

Папа, который въ этихъ выраженіяхъ одобрялъ избраніе императора, былъ пѣвникомъ въ Авиньонѣ; властелинъ, говорившій такъ громко, былъ лишь орудіемъ французской политики. Нѣмецкіе государи рѣшили избавиться отъ власти пѣвника. Они смѣло приступили къ секуляризаціи имперіи; въ торжественномъ собраніи они заявили слѣдующее: «Отъ одного Бога исходитъ власть и достоинство императора; право и обычай требуютъ, чтобы императоръ, тотчасъ по избраніи, уже въ силу самаго факта избранія, считался и назывался истиннымъ королемъ и императоромъ римскимъ, не нуждаясь ни въ одобреніи, ни въ утвержденіи со стороны папы или кого бы то ни было во всемъ мірѣ». Такъ порвалось единеніе двухъ властей, которое мудростью предковъ было признано необходимымъ и неразрывнымъ. Духовное направилось въ одну сторону, свѣтское — въ другую: папа и императоръ, эти два старшіе изъ сыновей Божіихъ, заводятъ каждый свое хозяйство. Но всякій домъ, раздѣлившійся самъ на себя, долженъ погибнуть. Если папа не могъ обойтись безъ императора, то чѣмъ же былъ императоръ отдѣльно отъ папы? Имперія осталась въ живыхъ только благодаря церкви, и цезарь перепахалъ пучину вѣковъ буксирный кораблемъ св. Петра. Странно было уже то, что нѣмцы пользовались привилегіей избирать человека, котораго «признавалъ императоромъ» на мѣстникъ апостола; какъ рѣшались они избирать римскаго императора, не спросивши у Рима его мнѣнія? Господа избиратели не имѣли, однако, ни малѣйшихъ сомнѣній относительно своихъ правъ. Эти архіепископы, этотъ саксонецъ, этотъ пфальцграфъ, этотъ бранденбуржецъ, этотъ ботемецъ совершенно спокойно объявили себя преемниками римскаго сената. Эти обскуранты, неспособные видѣть, предъугадывать и даже предчувствовать будущее, тонули въ воспоминаніяхъ и жили на счетъ покойниковъ. И вотъ надъ всею этою старинной занимается заря новыхъ временъ. Эпоха Возрожденія открываетъ за римскою христіанскою древностію старинную языческую; за Римомъ св. Петра — республиканскій и императорскій Римъ; за фигурою Константина — Траяна, М. Аврелія, Августа и Цезаря; за прозвѣнками и поэтами изъ духовенства выступаютъ языческіе писатели и мыслители. Возрожденіе видитъ древнюю цивилизацію такую, какова она есть; оно разрываетъ мистическіе покровы, которые скрывали ея истину и простоту. Оно устраняетъ толкованія и аллегоріи. Вергилія изучаютъ, узнаютъ и цѣнятъ ради его самого, а не какъ предшественника и пророка. Однимъ скачкомъ умъ устремился за предѣлы среднихъ вѣковъ. Тотъ про-

должительный и запутанный периодъ, который отдѣляетъ человѣка отъ предмета его поклоненія, оставленъ безъ вниманія и вскорѣ забытъ. Варварская латынь, схоластическій жаргонъ, героическая поэзія, даже архитектура волшебныхъ замковъ и церквей въ честь Богоматери,—все это остается безъ вниманія, все презрѣно, все забыто. Аристотель падаетъ съ высокаго пьедестала, подобающаго его гению, изъ-за того, что былъ запутанъ въ этомъ мрѣгѣ. Все, что уважали ученые, возбуждаетъ ненависть. Затронута самая вѣра; ее отвергаютъ даже въ Римѣ, недалеко отъ папы, и, кто знаетъ, можетъ быть, не безъ его участія. Средніе вѣка представляютъ трупъ и развалину. Среди мертвецовъ и обломковъ покоится Священная имперія. Открытіе новаго свѣта имѣло для имперіи столь же роковыя послѣдствія, какъ и открытіе древняго міра. Старая папская и императорская теорія объясняла и устроила, такъ сказать, судьбы человечества, но человечества въ узкомъ смыслѣ,—ограниченнаго временемъ и пространствомъ, между Іерусалимомъ и Римомъ. Это человечество заключалось въ народъ Божию, умноженномъ римлянами и германцами; оно представляло какъ бы возросшаго Израиля. Убѣжденіе въ томъ, что Ветхій Заветъ былъ символомъ Новаго, а римская имперія подготовила христіанскую имперію, дало простую и величавую логическую преемственность всѣмъ эпохамъ и событіямъ, начиная съ перваго дня, когда Богъ создалъ небо и землю. Но великіе путешественники XV вѣка открываютъ часть человечества, которая осталась неизвѣстною. Возникаютъ странные вопросы: были ли въ Ноевомъ ковчегѣ эти краснокожіе? Они, конечно, никогда не знали ни римскихъ знаменъ, ни римскаго мира. Они не слушали проповѣди Христовой; къ нимъ не заходили проповѣстники христіанскаго міра. По какому же праву теоретики имперіи и папской власти говорили объ организаціи человѣческаго рода, не имѣя понятія о его огромной части? Но это еще не все. Положимъ, земля состоитъ изъ двухъ частей; но она оказывается, что она незначительна, совершенно ничтожна во вселенной. Земля слыха неподвижнымъ центромъ, около котораго вращается солнце, и воображали, что звѣзды созданы только для того, чтобы служить украшеніемъ ея ночей. А ученые утверждаютъ, что она лишь часть солнечной системы, которая въ свою очередь лишь часть вселенной. Стало быть, ни жизнь, ни Богъ не составляютъ ея монополіи. Іерусалимъ и Римъ—эти два лучезарные пункта—блѣднѣютъ и умалются. Божество уходитъ на безконечное разстояніе въ безпредѣльное пространство. Въ ту минуту, когда обнаруживается узость и лживость притязаній папства и имперіи, реформація разрушаетъ ихъ въ самомъ основаніи. Реформація возвратила каждому христіанину свободу совѣсти, которая терлась до тѣхъ поръ въ общественной совѣсти; она замѣнила вѣру изслѣдованіемъ и водворила разумъ тамъ, гдѣ царилъ культъ буквы. Евангеліе сдѣлалось настольною книгой каждаго вѣрующаго. Для страдающихъ подъ гнетомъ іерархіи реформа представляетъ возстановленіе правъ на жизнь и счастье. Для государей—это конецъ господству священниковъ; для богослововъ—это культъ

новыхъ формулъ, новая почва для нетерпимости, столь же острой, какъ и прежняя; для духовенства — это начало рабскаго подчиненія свѣтской власти, которая прежде служила его интересамъ. Благодаря взаимному соглашенію богослововъ и государей, благодаря новому и своеобразному союзу духовныхъ началъ со свѣтскими, государь становится епископомъ и папою: онъ входитъ въ храмъ и обращаетъ священный ковчегъ въ государственную казну. Своимъ величіемъ и своими бѣдствіями, своими заслугами и недостатками, принципомъ свободы и странными нарушеніями этого принципа реформація, дѣйствительно, сломила имперію. Чѣмъ могла быть Священная Римская имперія въ глазахъ германскихъ протестантовъ? Когда-то «римское» было синонимомъ христіанскаго; одицетвореніемъ же христіанскаго единства былъ союзъ вселенскаго римскаго епископа съ всемірнымъ римскимъ императоромъ. Но римскій епископъ сталъ въ глазахъ реформаторовъ антихристомъ. «Римскій» значило у нихъ католическій; «римскій» отождествлялось со всеми ужасами суевѣрія, фанатизма, деспотизма и обскурантизма. Эти германцы, которые уже нѣсколько вѣковъ выдавали себя за наследниковъ Рима въ управленіи міромъ и величались римскимъ именованіемъ, какъ почетнымъ титуломъ, теперь смотрѣли на Римъ глазами Арминія. Реформа раздѣлила государей имперіи на два лагеря: «*Socius catholicorum*» и «*Socius evangelicorum*». Она низвела императора, который остался католикомъ, на степень вождя партіи. Она возбудила въ Германіи войну и въ эту войну виѣшалась вся Европа. 30 лѣтъ по имперіи двигались то королевскія войска, то шайки разбойниковъ. Императоръ былъ побѣжденъ. Онъ потерялъ все, не исключая своего почетнаго званія: на вестфальскомъ конгрессѣ онъ хотѣлъ выговорить себѣ титулъ «величества»; пришлось, однако, подѣлиться своимъ величествомъ съ королемъ Людовикомъ XIV. Съ этихъ поръ Священная Римско-Германская имперія, по справедливому замѣчанію Вольтера, не можетъ считаться ни священной, ни римскою, ни германскою. Императорскій сеймъ, заставляющій въ Ратисбоннѣ, есть съѣздъ, въ которомъ представителями нѣмецкихъ государствъ являются чопорные педанты: они тратятъ все время на визиты, на поздравленія съ новымъ годомъ, на взаимныя приѣтствія по случаю бракосочетаній и дней рожденія, на соболѣзнованія о покойникахъ и на свѣтскія ссоры. Для этого достопочтеннаго собранія является вопросомъ большой важности, имѣютъ ли право посланники государей, наравнѣ съ представителями избирателей, сидѣть въ красныхъ креслахъ. Императорская судебная камера была предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ. Она сначала находилась въ Спирѣ: «*A Spire les procès respirent et jamais n'espirent*», — говорили остряки. Имперія такъ мало заботилась о своемъ судѣ, что забывала платить судьямъ; ихъ должно было быть 50, по вестфальскому трактату, но это число дошло до 8. Въ концѣ XVIII в. 61,223 процесса ожидали своей очереди. Подати и доходы съ нѣбной доставляли императору 13,000 флоринновъ съ дробью; на это нельзя было сдѣлать и одного праздничнаго платья. Имперія имѣла войско и содержала

гарнизонъ въ Билѣ и Филинбургѣ; вильскій гарнизонъ оставилъ городъ въ 1754 г., а въ 1782 г. ушли 15 солдатъ, составлявшіе гарнизонъ Филинбурга. На цезаря смотрѣли въ мірѣ только какъ на главу австрійскаго дома. Какъ императоръ, онъ былъ лишь принадлежностью парада, причѣмъ онъ и самъ не могъ удерживаться отъ улыбки, когда въ немъ участвовалъ. Когда Францискъ Лотарингскій, въ нарядѣ Карла Великаго, вышелъ изъ церкви св. Варооломея, гдѣ онъ только что былъ коронованъ, и, по уставу, пѣшкѣмъ въ «Рёшег», онъ проходилъ передъ балкономъ, на которомъ сидѣла его жена Марія-Терезія. Онъ поднялъ обѣ руки, чтобы показать ей державу, скипетръ и свои необычныя перчатки, но на это великая императрица, лучшая и самая правдивая женщина въ мірѣ, разразилась громкимъ смѣхомъ; смѣхъ овладѣлъ и всею толпой. Нѣсколько лѣтъ спустя Юсифъ II былъ избранъ и коронованъ на римскій престолъ еще при жизни отца своего, Франциска. Гёте, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, присутствовалъ на торжествахъ, которыя готовились въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ видѣлъ торжественный входъ императора съ только что избраннымъ его сыномъ; входъ совершился съ величайшимъ великолепіемъ, какое только можно себѣ представить: за франкфуртскимъ шталмейстеромъ и кавальерою горожанъ, за кортежомъ свѣтскихъ избирателей, за 40 парадными каретами трехъ архіепископовъ и каретами императорскаго двора, за пиверами, позади самихъ избирателей, послѣ всѣхъ этихъ ослѣпительныхъ золотыхъ и шелковыхъ одѣяній, гербовъ и султановъ, послѣ коней, на которыхъ блестяла сбруя и чепраки, за 10 императорскими скороходами, за 40 лакеями и 8 гайдуками показались, наконецъ, въ каретѣ съ зеркальными стенками, съ позолотой, живописью, чеканкой и бархатомъ обѣ царственные особы. Чтобы карета могла проѣхать по узкимъ улицамъ и чтобы корона, гербъ и геніи, которыми она была украшена, не получили толчка или царапины, франкфуртскіе кушцы сняли навѣсы съ своихъ лавокъ. Въ день коронаціи Гёте сопровождалъ императорскій поѣздъ. «Посланники, — говорятъ онъ, — офицеры, императоръ и король подъ балдахиномъ, три избирателя-епископа, старшины и сенаторы Франкфурта, въ черномъ платьѣ, съ золотыми балдахинами, — все это казалось нераздѣльной массой, движимою единою волею, вся эта толпа, выходявшая изъ храма при колокольномъ звонѣ, поражала взоры, какъ нѣчто священное». Онъ видѣлъ, какъ ихъ величества вдвоемъ восходили по ступенямъ «Рёшег»а», «одѣтые совершенно одинаково, какъ двойники». Императоръ въ своемъ костюмѣ имѣлъ благородный и непринужденный видъ, но его смѣхъ съ трудомъ плелся въ своемъ широкомъ одѣяніи, украшенномъ драгоценными камнями Карла Великаго, точно переодѣтый въ чужое платье, такъ что онъ и самъ, изрѣдка поглядывая на отца, не могъ удержаться отъ улыбки. Корона, которую пришлось передѣлать, была гораздо шире головы и походила на крышу съ выступомъ». Книга, въ которой Гёте помѣстилъ эти воспоминанія, *Wahrheit und Dichtung*, озаглавлена двумя столь

же противоположными понятіями, насколько пышность церемоній противуположна ничтожеству имперіи. Поэзія императорскаго величія чувствовалась еще смутно добрыми германцами, привыкшими въ своей простотѣ къ призрачному величію; ихъ косный умъ не могъ разстаться со своею привычкою. Между тѣмъ, Гёте рассказываетъ, что граждане Франкфурта пришли въ волненіе: въ большой залѣ «Römer'a», гдѣ висѣли въ послѣдовательномъ порядкѣ портреты императоровъ,—отъ Августа до Юсіфа II,—оставалось мѣсто только для одного портрета. При этомъ распространилось чье-то предсказаніе, что явится новый франкскій Карлъ Великій, который установитъ миръ и очиститъ религію. Въ 1792 г. портретъ Франциска II занялъ послѣднее мѣсто въ залѣ «Römer'a». Въ это время новый Карлъ Великій скрывался въ рядахъ французской арміи.

Наполеоновская имперія, по ея мѣсту въ нашей исторіи, представляется намъ простымъ слѣдствіемъ революціи. Не королевское достоинство оказалось непригоднымъ во Франціи въ 1789 году: не годились социальныя формы. И старая династія навѣрное бы спаслась, если бы она могла оставить привилегированные классы въ томъ положеніи, которое она создала имъ, отнявъ у нихъ вмѣстѣ съ фунціями общественной жизни самыя основанія ихъ привилегій. Людовикъ XVI былъ смелъ одинъ день: 20 іюня, когда онъ надѣлъ красный колпакъ и выпилъ стаканъ простаго вина; но король Франціи, который считалъ себя первымъ дворяниномъ въ королевствѣ, не могъ долго носить этотъ колпакъ. Онъ связалъ свою судьбу съ судьбою двухъ первыхъ сословій и этимъ погубилъ себя; но такъ какъ третье сословіе привыкло къ повиновенію и не умѣло ни цѣнить свободы, ни ею пользоваться, то возстановленіе монархіи было неизбѣжно. Общія причины—война противъ всей Европы, страсть французовъ къ военной славѣ (тоже монархическое чувство)—опредѣляли характеръ монарха: это былъ солдатъ. Неограниченный властитель народа въ полномъ разгарѣ страсти, онъ объявилъ войну всему міру, который соединился, чтобы раздавить его. Нѣтъ ничего проще этого эпизода, но дѣйствительно ли онъ такъ простъ? Одной нашей исторіи недостаточно для полнаго объясненія его. Всеобщая исторія и, главнымъ образомъ, исторія Священной имперіи можетъ намъ что-нибудь сказать объ императорѣ. По самымъ разнообразнымъ поводамъ, съ удивительною настойчивостью, Наполеонъ говоритъ о Карлѣ Великомъ. Онъ объявляетъ себя преемникомъ Карла; мало того, онъ называетъ себя Карломъ Великимъ. «Я Карлъ Великій, потому что, какъ и онъ, я соединяю корону французскую и ломбардскую, и такъ какъ моя имперія граничитъ съ Востокомъ». Онъ поручаетъ кардиналу Fesch'у: «Скажите имъ (папскому двору), что я Карлъ Великій, ихъ императоръ». Разгнѣвавшись однажды въ государственномъ совѣтѣ, онъ восклицаетъ: «Вы живете не въ царствованіе Людовика Благочестиваго, а въ царствованіе Карла Великаго». Это не модная фраза педанта или оратора. Словамъ вполне соотвѣтствуютъ дѣйствія. Наполеонъ принимаетъ корону отъ

папы, какъ Пипинъ и Карлъ Великій. Подобно Карлу, онъ надѣваетъ ломбардскую корону. Иной разъ подумаешь, что онъ продолжаетъ дѣла своего «предшественника» съ того самаго пункта, на которомъ послѣдній остановился. Его переписка съ Римомъ—какъ бы дополненіе, тысячу лѣтъ спустя, того «кодекса» писемъ, которыми обмѣнивался Карлъ съ папами. Уничтожая свѣтскую власть духовенства, онъ называетъ этотъ актъ «прекращеніемъ милостей французскихъ императоровъ, его предшественниковъ», какъ будто онъ говорилъ о недавнемъ рѣшеніи и улаживалъ споръ, происшедшій между королями франкскими и папами на другой же день послѣ дарованія Папской области. Въ VIII в. было вопросомъ, кому принадлежить Римъ. Карлъ Великій считалъ этотъ городъ одною изъ метрополій своей имперіи; но папа, во имя св. Петра, пользовался тамъ властью, которая, при всей своей неопредѣленности, была очень значительна. Въ XV в. папа приобрѣлъ верховную власть, которая оставалась спорною въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; ее оспаривали другъ у друга папа, императоръ и римляне. Наполеонъ вспоминаетъ остроу XVIII в.: «Ваше святѣйшество—владыка Рима, но я—римскій императоръ». Наполеонъ не считаетъ себя наследникомъ французской монархіи; онъ хочетъ быть наследникомъ прежней всемірной монархіи.

Философію своей исторіи, какъ онъ ее понималъ, онъ выражалъ словами: «Я преемникъ Карла Великаго, а не Людовика XIV». Тутъ есть надъ чѣмъ подумать и поразмыслить. Во всѣ времена и во всякой странѣ человекъ дѣйствуетъ, когда онъ имѣетъ способность и средства дѣйствовать. Въ варварской средѣ онъ открыто слѣдуетъ самымъ простымъ побужденіямъ; онъ не возводитъ свои дѣйствія въ теорію, а убиваетъ ради убійства и завоевываетъ для завоеванія. Въ цивилизованномъ состояніи онъ обсуждаетъ свое поведеніе: онъ ставитъ себѣ идеалъ, избранный имъ соотвѣтственно его интересамъ и влеченіямъ, и дѣлаетъ его своимъ слугою и сообщникомъ. Правда, слуга иногда отплачиваетъ тѣмъ же: онъ повируется волѣ господина, но самъ въ свою очередь руководитъ имъ. Если бы Наполеонъ даже не зналъ о существованіи своего «славнаго предшественника», онъ все же велъ бы войны и дѣлалъ завоеванія, и его военныя силы пошли бы по стопамъ полковъ Карла Великаго. Генералы республики до него еще перешли Альпы, Пиренеи и Рейнъ; но онъ, наследникъ ихъ счастья и побѣдъ, болѣе способный, чѣмъ его предшественникъ, считалъ себя героемъ всемірной исторіи и искалъ себѣ мѣста въ ряду героев. Я хотѣлъ бы знать, когда представился воображенію Наполеона Карлъ и подъ какимъ видомъ; въ какой мѣрѣ былъ онъ совѣтникомъ наполеоновской политики и насколько участвовалъ въ обрядѣ коронованія, въ устройствѣ Сѣверо-Италійскаго королевства, въ учрежденіи вассальныхъ королевствъ, въ возобновившейся ссорѣ между св. Престоломъ и имперіей, и, наконецъ, въ отношеніяхъ къ царю русскому, преемнику византійскаго императора? Карлъ оказалъ большія услуги Наполеону; онъ придалъ

его мыслямъ и чувствамъ величественный полетъ и далъ почву его поступкамъ; благодаря ему, его насильственные дѣйствія находили себѣ оправданіе въ воображаемомъ правѣ. Въ этомъ идеалѣ сослужилъ свою службу господину, но, въ то же время, онъ заставилъ его невозможное считать легкимъ и какъ бы естественнымъ. Это онъ продиктовалъ ему удивительный отвѣтъ депутаціи отъ одного департамента: «Провидѣніе, по волѣ котораго я долженъ возстановить имперію Карла, «естественнымъ образомъ» присоединило васъ вмѣстѣ съ Голландіей и ганзейскими городами къ ея составу». Любопытно было бы написать главу: «Наполеонъ, введенный въ заблужденіе Карломъ»; но достаточно уже указать на то, что вѣковая преемственность Римской имперіи не прерывается на отреченіи Франциска II. Наполеонъ, правда, не заставилъ себя провозглашать императоромъ по древнему обычаю во Франкфуртѣ и не расширилъ залы «Römer'sa», чтобы помѣстить свой портретъ на ряду съ цезаремъ, Августомъ, Оттономъ и Барбаруссой; онъ, можетъ быть, и сдѣлалъ бы это, еслибъ во время отреченія послѣдняго цезаря не былъ уже самъ цезаремъ. Но онъ, по крайней мѣрѣ, очень своеобразно истолковалъ рѣшенія народа и сената, сдѣлавшія его императоромъ. Французская нація могла рѣшать только для себя и о себѣ самой и не шло, какъ избирательная коллегія, компетенціи выбирать «временнаго главу міра»; но Наполеонъ не считалъ себя ограниченнымъ предѣлами Франціи и не локализовалъ свое достоинство; онъ не императоръ французскій: онъ—Наполеонъ императоръ. Его резиденція,—поскольку вообще онъ ее имѣлъ,—Парижъ, но онъ такой же императоръ въ Римѣ, какъ и въ Парижѣ, а воображеніе его настолько проникнуто идеей универсальности, что онъ возвеличиваетъ своего сына титуломъ короля Рима и этимъ еще тѣснѣе связываетъ себя съ традиціей Священной имперіи, такъ какъ, назначаемые императорами, наследники престола назывались римскими королями. Если въ этой длинной серіи «*imperatores augusti*» есть кто-нибудь дѣйствительно похожій на цезарей, то это не Оттонъ и не Конрадъ, и не Фридрихъ, а Наполеонъ. Да, онъ, съ его античнымъ профилемъ и увѣчаннымъ лаврами челоомъ, человекъ, который былъ, въ одно и то же время, генераломъ, законодателемъ и администраторомъ и геній котораго былъ способенъ дать организацію міру, онъ — истинный императоръ. Онъ не слѣдуетъ тѣмъ средневѣковымъ императорамъ, которые предоставляли королевствамъ, княжествамъ и владѣтельнымъ территориямъ жить по ихъ собственному закону, приспособляясь къ правамъ всѣхъ и облекая анархію въ торжественныя ризы. Онъ, какъ древній Римъ, хочетъ сгладить всѣ различія и противоположности, онъ «оторветъ народы отъ ихъ родной почвы»... «Одинъ изъ принциповъ моей политики,—говоритъ онъ,—лишить Германію ея національности». И, конечно, онъ обѣщалъ себѣ самому, по завершеніи этого дѣла, дать вселенной «римскій миръ». Если взглянуть въ геній и въ силы императора, нужно признать, что никогда еще

съ IV вѣка имперія не была столь реальнымъ фактомъ и никогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не была столь фантастичной, если принять во вниманіе состояніе умовъ и нравовъ. Въ средніе вѣка люди чистосердечно обманывались «великою иллюзіей», философскіе умы и благочестивыя души принимали ее, какъ толкованіе «вселенной». Но въ началѣ XIX вѣка ей не вѣрилъ никто, за исключеніемъ развѣ самого императора. Подготовленное вѣками разъединеніе народовъ приходило къ концу, національное сознаніе пробудилось подъ влияніемъ французской революціи, а имперія самимъ фактомъ своихъ насилій еще подкрѣпила его. Наполеонъ же, хотѣвшій «отнять отечество у народовъ», создавъ народности и, собираясь «лишить Германію ея національности», пробудилъ въ ней забытый, благодаря Священной имперіи, духъ нѣмецкой націи и соединилъ народы и правительства во-едино противъ себя. Вотъ когда имперія представляется какъ невозможный анахронизмъ, и странная судьба слова и идеи, начавшая свое существованіе при мысѣ Акиумѣ, заканчивается на поляхъ Ватерло. Послѣдствія преемственнаго существованія Римской имперіи продолжаютъ, однако, и долѣе, и до нашего времени. Она создала Германіи и Италиі то политическое положеніе, въ которомъ онѣ находились еще тридцать лѣтъ тому назадъ, и ей же обязаны онѣ своею блестящею славой, за которую поплатились впоследствии тяжелымъ бѣдствіемъ. Благодаря имперіи, Германія считала себя и считалась въ средніе вѣка первую державой. Сравните Фридриха, этого судью въ соннѣ королей и создателя королевскихъ престоловъ, который спорить о королевскихъ правахъ съ болонскими юристами, епископами, князьями, маркизами, графами и итальянскими городами и принимаетъ на Ронкальскихъ поляхъ подданничество отъ всякаго, держащаго у имперіи феодальныя земли, сравните его, сына вселенской церкви, провѣряющаго въ сѣздахъ и собраніяхъ отчеты духовенства и имперіи, великаго въ борьбѣ съ папой и даже въ своемъ паденіи и примиреніи, этого покровителя христіанства и надежду «за морями подвигающей церкви», который, несмотря на тяжесть славы и лѣтъ, клянется отмстить «за поруганіе честнаго креста» и организуетъ изъ рыцарскаго воинства дружину Христову противъ вождя сарацинъ—Саладина и всѣхъ враговъ св. креста,—сравните Фридриха съ его современникомъ Людовикомъ VII, который, исключая крестоваго похода, погруженъ по уши въ мелочныя дѣла. Какая поэзія и какая проза! Фридрихъ живетъ и движется въ «великомъ». Протоколы собраній, на которыхъ онъ предѣлательствуетъ, напоминаютъ отрывки эпическихъ поэмъ. Германія обязана еще имперіи тою благодѣтельной умственной связью съ Италией, благодаря которой началъ отшлифовываться германскій «геній»: отсюда шло творческое вдохновеніе, легенды, поэмы, отсюда величественный полетъ мысли,—средневѣковые историки и хроникеры Италиі стоятъ гораздо выше нашихъ,—и отсюда же, быть можетъ, вкусъ къ глубокимъ отвлеченіямъ и къ колоссальнымъ апріорнымъ положеніямъ системъ, въ которыхъ ея философы давали объясненіе міру, и ужъ во всякомъ случаѣ Италиі она обязана тѣми гордыми

воспоминаніями, которыя подкрѣпляли ее во времена бѣдствій. Да, но эти бѣдствія получены ею тоже отъ имперіи. Во Франціи избирательная королевская власть скоро стала наследственной, но въ Германіи она осталась избирательной, такъ какъ осложнилась имперіей. Глава земнаго міра, избранный нѣмцами, долженъ быть принять папою. И Римъ, который съ раннихъ поръ претендовалъ на право «испытывать личность», не могъ допустить, чтобы ему предлагали лицо, избранное по наследству. Онъ сговорился съ нѣмецкими князьями поддерживать обычай избранія, который отдавалъ королевское достоинство въ руки высшихъ лицъ и, въ силу этого, обставлялъ каждое вступленіе на престолъ нѣкоторыми требованіями со стороны этихъ лицъ, въ формѣ «капитуляцій». У капетинскихъ королей есть политическая система, передаваемая отъ отца къ сыну. Какъ ни велико ихъ тщеславіе и высокое представленіе о собственномъ достоинствѣ, они прилагаютъ свои усилія къ немногочисленнымъ и очень опредѣленнымъ вещамъ. Ихъ горизонтъ ограниченъ, они становятся въ центрѣ и охватываютъ его цѣликомъ. Германскій король не видитъ передъ собою горизонта, онъ вѣчно витаетъ по путямъ и дорогамъ въ поискахъ за неопредѣленнымъ. Онъ истратилъ въ Италиіи и въ борьбѣ съ папствомъ больше силъ и энергій, чѣмъ сколько бы ему было нужно, чтобы сдѣлать Германію націей. Замѣшательства, волнующія христіанскій міръ въ средніе вѣка, не разрѣшимы въ Германіи, благодаря имперіи. Во Франціи борьба духовнаго и мірскаго начала была умѣренна и непродолжительна, король почти призналъ вольности церкви, и такъ какъ онъ не претендовалъ проявлять какую-нибудь общую власть надъ христіанскимъ міромъ, то не было особенной причины для столкновенія между ними и папой. Благодаря этому онъ и укрѣпилъ свою власть авторитетомъ церкви. Напротивъ, императоры и папа сталкиваются въ управленіи міромъ, и Италиа становится почвой ихъ постоянной борьбы. Императоръ, будучи «признаннымъ вселенскою церковью», болѣе чѣмъ король французскій связанъ съ ней. Съ ней, главнымъ образомъ, онъ хотѣлъ править и обогатилъ ее: ея епископы и прелаты получаютъ отъ него графства и княжества. Они—великіе міра сего, а три изъ нихъ—«избиратели» и великіе канцлеры. Это могущественное и въ теченіе долгаго времени покорное духовенство—единственный оплотъ императора противъ феодаловъ. Потому-то императоръ скорѣе готовъ до смерти вести борьбу, чѣмъ позволить папѣ отнять у него его власть надъ епископами. Имперія пала. Спрашивается, броситъ ли мысль о ней королевская власть въ Германіи и рѣшится ли благоразумно стать просто національной? Но она совершенно бессильна противъ анархіи, кс ренящейся въ ея правѣ, а ядъ имперіи засѣлъ въ ней, вводитъ ее въ заблужденіе и мѣшаетъ сознательно отнестись къ себѣ самой. Вотъ одинъ изъ тайныхъ пружинъ въ исторіи Германіи. Въ эпоху своей мощи имперія была международною магистратурой, поставленною надъ федераціей христіанскихъ государствъ и королевствъ; когда она перешла къ Германіи, германская монархія, въ своемъ безсиліи ввести что-либо новое и въ свое

приверженности къ вѣками сложившейся привычкѣ, осталась магистратурой, поставленной надъ федераціей нѣмецкихъ княжествъ и республикъ. Хотя и заключенная въ предѣлы націи, она все же осталась международной. Неслыханный образъ правленія утвердился тогда въ этой великой странѣ. Нельзя назвать его федераціей: государствъ слишкомъ много, и они слишкомъ неравны и различны, а центральная власть слишкомъ слаба, чтобы эти органы и голова могли правильно функционировать при самомъ трудномъ—федеративномъ—режимѣ. Неурядицу—вотъ что породила въ Германіи имперія.

Папство и имперія прославили Италію. Римъ, оставленный послѣдними римскими императорами, разграбленный варварами, разрушенный и опустошенный византійцами и остготами, былъ бы только убѣжищемъ привидѣній и лихорадки, еслибъ на Капитоліи не воздвиглась каедрa св. Петра. Уничтожьте имперію и папство—и исчезнутъ цѣлые ряды итальянскихъ художниковъ, политиковъ, мистиковъ, трибуновъ и воиновъ; быть можетъ, исчезъ бы и геній Данта, не найдя почвы для вдохновенія. Но папа не потерпѣлъ рядомъ съ собою національной монархіи: онъ строилъ козни всѣмъ, кто намѣревался ее установить. Онъ—всемирный монархъ, для него Италия не отечество и онъ безъ угрозеній совѣсти призывалъ въ нее иностранцевъ. Нѣмцы, французы и испанцы,—три народа, которые въ теченіе вѣковъ будутъ бороться изъ-за Италіи,—призваны туда папой. Возстановленіе имперіи, совершенное имъ, было для полуострова источникомъ бѣдствій, такъ какъ нѣмцы, черпая изъ него благодѣтельныя богатства ума, въ замѣнъ поступали съ ней какъ нельзя хуже. Господство Австріи, этотъ послѣдній позоръ и пытка для Италіи, въ значительной мѣрѣ унаслѣдовано ею тоже отъ Священной имперіи. И Германія, и Италия, благодаря тому, что несли на своихъ плечахъ папство и имперію, остались до нашихъ дней разъединенными и открытыми для алчныхъ пожеланій и вожделеній. Мы видѣли, какъ они соединились—одна съ протестанскимъ королемъ во главѣ, другая—съ королемъ-революционеромъ противъ своего прошлаго. Италия заперла папу въ Ватиканѣ,—Пруссія выгнала изъ Германіи «его апостольское величество». Послѣдніе эпизоды длинной исторіи, которую мы резюмировали,—сраженіе при Садовой и штурмъ Porta Pia. Конецъ ли это?

Священная имперія отъ времени до времени заставляетъ еще говорить о себѣ. Нѣсколько недѣль тому назадъ *) одинъ баварскій князь въ официальной рѣчи находилъ возможнымъ признавать отраженіе Священной имперіи въ тройственномъ союзѣ. Нѣмецкіе ученые любятъ припоминать славное прошлое среднихъ вѣковъ, находя тамъ доказательства превосходства Германіи надъ другими націями. Одинъ популярный географъ (нѣмецкіе географы иногда изобрѣтаютъ и бываютъ проводниками національнаго тщеславія) выкинулъ изъ послѣдняго изданія своей книги

*) Писано въ октябрѣ 1889 г.

фразу, въ которой онъ отважился заявить, что Италия естественнымъ образомъ подчинена Германіи; но мнѣніе свое онъ врядъ ли измѣнилъ. Я не сталъ бы вѣстаться въ томъ, что одни ученые склонны прошлогодними воспоминаніями опредѣлять отношенія между Италіей и Германіей. Правительства обонхъ государствъ, правда, сносятся какъ равный съ равнымъ, какъ и надлежитъ союзникамъ. Императоръ и король при встрѣчѣ одновременно раскрываютъ другъ другу объятія, князь Бисмаркъ говоритъ г. Криспи: «дорогой товарищъ». Но... г. Криспи чаще переѣзжаетъ черезъ Альпы, чѣмъ кн. Бисмаркъ. Императоръ Вильгельмъ II знакомъ съ исторіей великихъ императоровъ, которую онъ читалъ въ дѣтствѣ, когда его дѣдъ и отецъ воевали съ Франціей. И говорятъ, что во время своего торжественнаго путешествія по Италиі онъ, повидимому, не забылъ этой исторіи. Король Гумбертъ, наконецъ, проѣзжая въ Германіи «подъ липами» мимо статуй «Германіи и Италиі», поставленныхъ въ честь его посѣщенія на одномъ пьедесталѣ, не могъ не замѣтить, что очень большая «Германія» какъ будто покровительствовала малолѣтней сестрѣ. Но эти выходы ученыхъ, приемы государей, фантазіи географовъ и скульпторовъ—все это поэзія, археологія,—все, что хотите, исключая истины.

Священная имперія—учрежденіе; тройственный союзъ—только комбинація; если онъ похожъ на Священную имперію, то потому, что въ основѣ своей содержитъ тотъ разладъ, который ее разрушилъ: разладъ между гвельфами, стоящими за папу, и гибеллинами, вооружающимися противъ него,—разладъ между германизмомъ и итальянизмомъ, между сѣверомъ и югомъ, противоположность національнаго генія. Италия и Австрія—союзники, но ихъ государи не посвѣщаютъ другъ друга за неизмѣнимъ мѣста, имя котораго не напоминало бы имъ, что они враги. Германія и Италия произвели у себя національную революцію вмѣстѣ, но совершенно разными средствами, въ чемъ и раскрывается разница ихъ національнаго генія. Если, наконецъ, тройственный союзъ есть продолжающееся во времени отраженіе Священной имперіи, то императоръ ея пребываетъ въ Берлинѣ... Но я хотѣлъ бы найти сходство между Священною имперіей, этою неопредѣленною силой идеи, безъ дѣйствительной матеріальной основы, которая не смущала (кромя Италиі) ничего существованія и заставляла народы и даже обломки народовъ нѣмецкихъ, славянскихъ, скандинавскихъ и французскихъ признавать свое первенство,—я хотѣлъ бы найти сходство между этою химерой и теперешнею имперіей. Исторія преемственнаго существованія Римской имперіи освѣщаетъ намъ самыя близкія и самыя важныя событія, и болѣе того—она доказываетъ могущество прошлаго, меленность историческихъ эволюцій и то, что людямъ требуются вѣка, чтобы похоронить мертвецовъ. Она призываетъ вниманіе историковъ къ изученію дѣйствія идей и роли привидѣній въ этомъ мірѣ. Историческіе документы не рассказываютъ намъ всей исторіи, а наука не разрѣшаетъ всѣхъ проблемъ. Для лучшаго изъ палеографовъ остается нѣчто не поддающееся разбору, то, что никогда не было написано. Ни одинъ текстъ не говоритъ

о дѣйствіяхъ и подвигахъ Самуила, Давида, апостола Петра и Августа въ средніе вѣка: они, однако, дѣйствовали, и болѣе чѣмъ какой-либо императоръ или король. Какая важность въ томъ, что Давидъ въ дѣйствительной жизни былъ восточнымъ шейхомъ, весьма похожимъ на множество другихъ шейховъ? Чѣмъ дальше личность отъ истины, тѣмъ она сильнѣе! Ея влияние на воображеніе людей тѣмъ могущественнѣе, что она сама плодъ этого воображенія. Созданіе идола—лучшее основаніе для того, чтобы ему поклониться.

Я поручаю Священную имперію съ ея пышною святой идеей и чувствъ критикамъ, берущимся подчинить исторію принципамъ точной науки. Они увидятъ, что въ ней дѣйствуетъ нѣчто неумовное, что не можетъ быть ни установлено съ увѣренностью, ни съ добросовѣстностью обсуждено. Вопросъ о благотѣльномъ или гибельномъ влияніи преемственнаго существованія имперіи разбирался очень тщательно: люди одинаково искренніе давали діаметрально-противуположные отвѣты. И это потому, что «невидимое» захватываетъ самые глубокіе вопросы о судьбѣ людей и объ отношеніи земли къ небу. Въ этомъ заключается главный (и особенно важный для насъ) интересъ этой исторіи. Въ окончательномъ анализѣ Римская имперія, Священная имперія и имперія Наполеона представляются попытками—разными средствами организовать человѣчество. Въ общемъ это славный сонъ, который грезился средневѣковымъ докторамъ и мистикамъ. Одинъ художникъ XIV вѣка изобразилъ его однажды въ залѣ доминиканскаго монастыря Sancta Maria Novella во Флоренціи. На первомъ планѣ онъ нарисовалъ вблизи другъ отъ друга папу и императора, послѣдняго съ мертвою головою въ рукахъ, эмблемою переходящей власти. Направо—въ нисходящемъ порядкѣ—іерархія духовныхъ лицъ: кардиналъ, епископъ и докторъ; налево—іерархія свѣтскихъ чиновъ: король Франціи, знать и рыцари; позади Флорентійскій соборъ, какъ изображеніе видимой церкви; внизу—стадо вѣрныхъ, выдерживающихъ нападеніе ересей, въ видѣ волковъ, и защищаемое «dominicanes»—доминиканцами. На самомъ верху возсѣдаетъ Христосъ, окруженный ангелами и святыми. Къ этому верху ведетъ тропинка, по ней движутся «избранные», которыхъ принимаетъ св. Петръ и провожаютъ въ рай серафимы. Это видѣніе въ теченіе долгаго времени было философіей любви. Оно очень просто объясняло имъ ихъ судьбу, соединяя во-едино божеское и человѣческое и указывая путь отъ одного къ другому. Христіанамъ казалось, что когда земля перестанетъ понимать эту чудную гармонию, она приблизится къ концу.

Аббатъ Энгельбестъ, въ своемъ трактатѣ *О началѣ, развитіи и концѣ Римской имперіи*, предвидитъ въ будущемъ возмущенія; онъ возвѣщаетъ тройное «разъединеніе»: государства земныя отдѣлятся отъ Римской имперіи; церковь отдѣлится отъ апостольскаго престола; вѣрные отдѣлятся отъ вѣры. Потомъ наступитъ конецъ свѣта. Но именно потому, что эти «разъединенія» частью уже совершились, и что мы не знаемъ болѣе іерархій, поднимающихся къ одной и той же вершинѣ, потому, что мы ушли

отъ обычныхъ прежде общихъ идей и ищемъ новыхъ, не будучи въ состояніи ихъ найти, потому, наконецъ, что мы не умѣемъ болѣе познавать челоѣчество, — мы находимъ странную прелесть въ учрежденіи, основанномъ на вѣрѣ въ братское единство рода челоѣческаго, подѣ отеческимъ попеченіемъ Бога. Германія, конечно, много изучала исторію Священной имперіи. Но германецъ не свободенъ въ своихъ сужденіяхъ о прошломъ Германіи, которое въ данное время въ оныхъ возбуждаетъ сожалѣніе, а другими отвергается. Австрійцы и католики, прусаки и протестанты ведутъ войну на этомъ древнемъ полѣ сраженія. Впрочемъ, ни одинъ нѣмецъ не пытался дать цѣльное философское объясненіе Священной имперіи. Одинъ англійскій историкъ М. Вгусе взялъ на себя эту трудную задачу. Для успѣха ея потребовалось свѣтлое пониманіе всемірной исторіи, привычка слѣдить за идеей въ самыхъ разнообразныхъ ея превращеніяхъ и способность уловлять изгибы теологическаго, схоластическаго и юридическаго средневѣковаго ума. Требовалась еще охота къ разбору символическихъ знаковъ, способность наслаждаться художественнымъ и великимъ, любовь къ челоѣчеству, уваженіе къ грезамъ его, снисходительность къ иллюзіямъ и къ ошибкамъ, непристрастность сужденія въ вопросахъ о вѣроисповѣданіяхъ, людяхъ и націяхъ. М. Вгусе надѣленъ этими рѣдкими качествами. Онъ, конечно, отдаетъ нѣкоторое преимущество протестантизму и германизму, но онъ почти всегда достигаетъ успѣха въ стараніяхъ философски осудить этотъ философскій предметъ. Не многія книги, какъ его книга, имѣютъ за собой заслугу вызывать умъ на столь глубокія размышленія. Я лично много изучавшій этотъ вопросъ и часто думавшій и грезившій объ этой странной исторіи, прочелъ *The Holy Roman Empire* съ большою пользой.

Женское творчество *).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Г-жи Смирнова и Ольга Шапиръ.—Заключеніе.

I.

Судьба «женскаго творчества» въ современной литературѣ нашей—та самая судьба, которая постигла и мужское творчество: его художественный уровень значительно понизился. Лучшія представительницы литературнаго «женскаго творчества» текущаго момента—г-жи Смирнова и Шапиръ, безъ сомнѣнія, писательницы талантливыя, но только грубое безвкусіе или узкое пристрастіе могли бы поставить ихъ *въ чисто-литературномъ, эстетическомъ отношеніи* рядомъ съ такими яркими звѣздами, какъ Кохановская и Заіончковская.

Это обстоятельство, однако же, нисколько не должно обезпокоивать насъ. Талантъ, какъ специальная техническая способность,—дѣло случайное, слѣпое, стихійное и мы, общество, отвѣтственны за его содержаніе, потому что отвѣтственны за жизнь, дающую это содержаніе, но не отвѣчаемъ за его размѣры, за его объемъ. Съ этой точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія содержанія, а не формы, идей и тенденцій, а не эстетическихъ красотъ, современныя произведенія литературнаго женскаго творчества представляютъ собою рѣшительный шагъ впередъ по отношенію къ произведеніямъ предъидушаго періода. Кохановская и Заіончковская учили насъ нравственности, г-жи Смирнова и Шапиръ учатъ общественности; первыя предлагали и рѣшали задачи личнаго поведенія, передъ вторыми стоитъ вопросъ объ общественной дѣятельности; первыя указывали пути къ *безгрѣшной* жизни, вторыя даютъ намъ, въ лицѣ своихъ персонажей, образцы *полезной* жизни; основа произведеній Кохановской и Заіончковской—всегда чисто-психологическая и лично-моральная; основа произведеній (лучшихъ) г-жъ Смирновой и Шапиръ чисто-соціальная. Прогрессъ не подлежитъ сомнѣнію, но мы обязаны этимъ прогрессомъ отнюдь не ббльшей талантливости современныхъ романистокъ въ сравненіи съ ихъ пред-

*.) *Русская Мысль*, кн. II.

шественницами, а исключительно прогрессу самой жизни. Г-жи Смирнова и Шапиръ начали свою дѣятельность въ семидесятыхъ годахъ, но въ духовномъ смыслѣ онѣ дочери и воспитанницы эпохи нашего общественнаго и государственнаго обновленія,—эпохи, одна изъ отличительныхъ особенностей которой въ томъ именно и состояла, что идея «гражданина страны родной» возвысилась надъ привычными частными понятіями плантатора, купца, кадета, чиновника и т. д.

Сущность дарованій современныхъ представительницъ женскаго литературнаго творчества такъ немногосложна, что можетъ быть исчерпана даже бѣглою характеристикой. Прежде всего, г-жа Смирнова повѣствовательница столько же веселая и даже, можно сказать, разбитная, сколько г-жа Шапиръ печальна и меланхолична. По возрѣніямъ и по идеаламъ эти писательницы довольно близки другъ къ другу, какъ современницы и единомышленницы, но по своей общей литературной манерѣ это совершенно противоположные антиподы. Г-жа Смирнова обладаетъ нѣкоторымъ, даже, пожалуй, значительнымъ, остроуміемъ и это, конечно, очень хорошо и дай Богъ всякому; но худо то, что, сознавая это свое преимущество, г-жа Смирнова преувеличиваетъ его важность и слишкомъ щеголяетъ имъ, даже «до безчувствія», какъ говорилъ Расплюевъ. Первая фраза романа, которымъ г-жа Смирнова дебютировала въ литературѣ, такова: «случается такъ, что сойдутся двое и спорять до тѣхъ поръ, пока обоимъ захочется выпаранать другъ другу глаза». Такимъ мило-развязнымъ, очаровательно-ухарскимъ тономъ написано страницъ триста изъ четырехсотъ шестидесяти, составляющихъ весь романъ. Вслѣдъ за авторомъ шутятъ и острятъ и всѣ его персонажи, такъ что, напримѣръ, романъ *Оюнекъ* представляетъ собою какъ бы нѣкоторый турниръ остроумцевъ мужскаго и женскаго пола. Для остраго словца ни одинъ изъ персонажей г-жи Смирновой не пощадитъ ни матери, ни отца. Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ изъ разговора главнаго героя и главной героини романа, по уши влюбленныхъ другъ въ друга:

«— Что, въ Малиновкѣ, послѣ моего отъѣзда, не случилось ничего необыкновеннаго?

«— Какъ вамъ сказать? Землетрясенія не было.

«— Никакихъ пикниковъ? Ничего въ этомъ родѣ?

«— Позвольте! Какъ же, какъ же... бѣгали съ корзинками куда-то въ лѣсъ. Предполагается, что за 15 верстъ отъ дома сыръ и колбаса бываютъ гораздо вкуснѣе.

«— Вы участвовали?

«— Въ уничтоженіи сыра и колбасы? Какъ же. Только я всегда просилъ, чтобы мнѣ всегда выдавали провизію заранѣе, и поѣдалъ ее тутъ же на мѣстѣ. Послѣ этого, разумѣется, ужъ не было надобности отправляться за 15 верстъ.

«Владія улыбнулась».

Владія улыбнулась,—еще бы ей не улыбнуться! Эдакое остроуміе! А

если уж такая безобидная вещь, какъ пикникъ, доставляетъ обильную пищу «сатирическому уму» героя, то можете себя представить, какъ онъ отличается при болѣе серьезныхъ случаяхъ! *Клавдія улыбнулась*,—улыбнется, пожалуй, и читатель. Однако, если остроумный авторъ заставляетъ насъ улыбаться почти на каждой страницѣ, мы, наконецъ, начинаемъ чувствовать себя нехорошо, улыбка наша становится принужденной и мало-по-малу переходитъ въ зѣвоту. «Боже,—съ тоской думаемъ мы,—неужели даже о пикникѣ, о колбасѣ и сырѣ нельзя говорить, не остроумничая?» Эта тоска понятна: прочесть одинъ номеръ *Стрекозы*—куда ни шло, но прочесть подрядъ сразу сто номеровъ—это каторжное наказаніе.

Совсѣмъ другое мы находимъ у г-жи Шапиръ. Если г-жа Смирнова чему-то безпрестанно радуется, то г-жа Шапиръ чѣмъ-то безпрестанно огорчается и возмущается, точно также какъ и ея персонажи. Въ параллель къ приведенному разговору двухъ влюбленныхъ изъ романа г-жи Смирновой приведемъ разговоръ героя и героини изъ романа г-жи Шапиръ *Ми-ражи*:

«— Что-о вы ска-за-а-ли?...»

«— Вы слышали.»

«— Какая дурацкая шутка!—воскликнула дѣвушка съ прекраснымъ негодующимъ жестомъ.—Ради краснаго словца, не пожалѣю и роднаго отца!... Это то, что я отъ глубины души презираю... отъ глубины души!...»

«Ожогинъ давно зналъ эти слезы въ ея глазахъ въ минуты сильнаго возмущенія. Злая усмѣшка передернула ему губы.»

«— Вамъ уже кажется, что всѣ должны быть заражены вашимъ при-страстіемъ?»

«— Я предполагала, что всѣ, то-есть вы, знакомы съ такимъ элементарнымъ приличіемъ, какъ уваженіе къ чужому несчастію.»

«— Пожалосердуйте, Анна Владиміровна! Въ чемъ же мое неуваженіе?... Неужели личность г. Строева въ такой же мѣрѣ неприкосновенна, что...»

«— Да, именно!—запальчиво не дала ему договорить Анна.—Въ такой мѣрѣ, что не подлежитъ шуточкамъ и злословію. По крайней мѣрѣ, не въ моемъ присутствіи.»

«— Въ чемъ мое злословіе?!... Вѣдь, я и замкнулся-то о васъ, а совсѣмъ не о немъ!»

«— О, я васъ понимаю, я васъ насквозь вижу!... Вижу, какъ вы разяѣе топорщитесь и щетинитесь, еще ничего не видя... Васъ уже обурялъ этотъ ненавистный духъ соперничества. Если бы вы подозрѣвали, до какой степени всѣ вы злы и гады въ такія минуты, вы бы, по крайней мѣрѣ, научились скрывать это!»

Вотъ какъ разговариваютъ у г-жи Шапиръ молодые люди! Они не только не шутятъ, какъ легкомысленные герои г-жи Смирновой, они «отъ глубины души презираютъ шуточки и злословіе». Это презрѣніе вполне раздѣляетъ съ ними и сама г-жа Шапиръ, которая просто сочла бы ниже своего достоинства выразиться à la г-жа Смирнова: «*тыцаранать друзъ*

другу глаза. Она выразилась бы гораздо длиннѣе и кудреватѣе, упомянула бы, напримеръ, объ открывшейся между собесѣдниками неизмѣримой «безднѣ», о накопившемся въ ихъ сердцахъ океанѣ горечи и пр., и пр. Пусть читатель не думаетъ, что это не болѣе, какъ стилистическое различіе: это глубокая разница въ писательскихъ темпераментахъ, изъ которой вытекаетъ весьма различное отношеніе авторовъ къ своимъ сюжетамъ. Г-жа Смирнова относится къ жизни какъ къ комедіи, переходящей временами въ водевилъ, г-жа Шапиръ изображаетъ жизнь какъ трагедію, грозящую ежеминутно перейти въ мелодраму. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій тонъ ихъ повѣствованія и таковъ общій колоритъ ихъ произведеній. Г-жа Смирнова, чтобы читателю угодить, старается какъ можно веселѣе быть, г-жа Шапиръ съ первыхъ же страницъ впадаетъ въ какой-то поучительный и даже, если можно такъ выразиться, распекательный тонъ. Персонажи ея не ходятъ, а выступаютъ, — живутъ точно священнодѣйствуютъ, разговариваютъ болѣею частью сентенціями и афоризмами, а самъ авторъ при каждомъ поводѣ и безъ малѣйшаго снисхожденія къ читателю:

Корить, грозить! Дыханье трудно,
Лицо сурово, какъ гроза,
И какъ-то бѣшено и чудно
Влестать глубокіе глаза...

Г-жа Смирнова—это литературная г-жа Савина, а г-жа Шапиръ—это литературная г-жа Стрепетова. Первая поучаетъ васъ—увеселяя; вторая увеселяетъ васъ—поучая. Съ г-жей Смирновой вамъ весело сначала и скучно подъ конецъ: однообразіе веселости, въ особенности безпричинной, утоляетъ, какъ всякое однообразіе. Съ г-жей Шапиръ вамъ скучно сначала и весело подъ конецъ: несоответствіе между маленькими вещами, которыя высказываетъ авторъ, и большими словами, которыя онъ употребляетъ при этомъ, становится подъ конецъ очевиднымъ во всемъ своемъ комизмѣ. Сходство между обѣими писательницами состоитъ въ томъ, что обѣ онѣ слова въ простотѣ не скажутъ, а все съ ужимкой. Но «ужимка» г-жи Смирновой—это лукавое подмигиванье весельчака и балагура, который хочетъ во что бы то ни стало распотѣшить компанію, тогда какъ «ужимка» г-жи Шапиръ — это усиленно нахмуренныя брови и «горько» опущенные внизъ уголки рта. Искренность чувствъ, представляемыхъ этими манерами, этими «ужимками», нѣтъ основаній заподозрѣвать, но немножко актерства, предумышленности, преднамѣренности тутъ, все-таки, есть.

Со стороны тенденцій, съ точки зрѣнія литературнаго направленія, обѣ наши писательницы—прогрессистки, въ самомъ общемъ, широкомъ и неопредѣленномъ значеніи этого слова. «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!»—вотъ ихъ общій девизъ. Для установленія настоящей солидарности этого, очевидно, слишкомъ недостаточно. «Впередъ», но собственно въ какую же сторону? Пусть нѣтъ прогресса, кромѣ прогресса, но кто же именно пророкъ его? На эти практическіе вопросы наши романистки дадутъ весьма

несходные отвѣты, которые характеризуютъ не только ихъ писательскія личности, но и тѣ историческіе моменты и умственныя теченія, которыми были внушены эти отвѣты.

II.

«Мутное броженье» шестидесятыхъ годовъ улеглось мало-по-малу и въ слѣдующемъ десятилѣтіи претворилось въ «свѣтлое вино», очень различнаго цвѣта, вкуса и достоинства. Употребляя другую метафору, можно сказать, что широкій, быстрый и мутный весенній потокъ шестидесятыхъ годовъ раздѣлился на два самостоятельныхъ теченія, направившихся по двумъ совершенно различнымъ русламъ. Семидесятые годы были, съ одной стороны, временемъ пышнаго разцвѣта всякаго рода гешефтмахерства, появленіемъ у насъ отличнѣйшихъ «дѣльцовъ», передъ которыми не только полудикій Чичиковъ, но и культурный Штольцъ должны были бы смиренно преклонить голову. Съ другой стороны, тѣ же самые годы были періодомъ, когда идеалистическіе элементы и альтруистическія стремленія нашего общества стали заявлять о себѣ съ небывалою у насъ настойчивостью и послѣдовательностью. Зрѣлище было поучительное, не часто встрѣчающееся въ исторіи. Если разсмотрѣть ближе идейную подкладку тогдашняго гешефтмахерства и тогдашняго идеализма, — ихъ общее происхожденіе отъ нѣкоторыхъ матеріалистическихъ теорій и ученій шестидесятыхъ годовъ станетъ очевиднымъ. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего: вѣдь, и евангельская притча завѣряетъ, что не отъ зерна только, но и отъ свойствъ почвы, въ которую упало зерно, зависитъ будущій урожай. Чему учили шестидесятые годы? Какія идейныя «зерна» сѣяли они на заброшенномъ полѣ нашей умственной жизни? Личность есть сама себѣ цѣль; эгоизмъ есть право; борьба за существованіе есть мировой законъ, управляющій не только зоологическими, но и социологическими отношеніями и явленіями; нравственность есть понятіе относительное и условное; честность — ощущеніе и т. д., и т. д.

Весь ансамбль этихъ ученій и этой морали самъ по себѣ ничего не предрѣшаетъ и ничего не гарантируетъ, именно какъ зерно, которое можетъ и плодъ дать, и можетъ быть пожрано птицами, и можетъ просто зачахнуть и заглухнуть на каменистой землѣ. Отъ этой морали можно перейти и къ морали Христа, учившаго любить ближняго, какъ *самою себя*, но не трудно перекинуть мостокъ и въ другую сторону, къ морали хотя бы того разбойника, который упрекалъ Христа *за свои* муки, — къ морали, исчерпывающей грознымъ возгласомъ торжествующаго дикаря: горе побѣжденнымъ! Въ самомъ дѣлѣ, если въ основу дѣйствій кладется эгоизмъ и критеріемъ морали поставляется «ощущеніе», то, очевидно, все дѣло сводится къ непосредственнымъ органическимъ свойствамъ человѣка: добрый и хорошій человѣкъ будетъ эгоистически наслаждаться добрыми и хорошими дѣлами, злой и дурной человѣкъ, во имя того же эгоизма, будетъ

совершать преступления и злодеяния. Ясно, что при такой постановкѣ дѣла всякое объективное основаніе, объективный критерій теряють значеніе и дѣлаются ненужными.

Пока проповѣдь этого рода исходила отъ людей, которые во вразу могли сказать о себѣ: «я умираю *отъ злою*, что былъ я честенъ»,—не было, разумеется, никакой опасности. Никакой опасности не было и тогда, когда тѣ же люди приглашали отъ словъ перейти къ дѣлу:

Я замъ, друзья,—хочу быть ваникъ,
На трудъ и битву я готовъ,
Лишь бы начать въ сонѣ ваникъ
Живое дѣло, а не слово.

Но если вѣтъ,—мое презрѣше
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ *словопрете*
Одны права свои сознаютъ.

И сплбну-ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ кирѣ съ вольностью людской,
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.

Но, знаю я, работа наша
Ужъ нилгримовъ новикъ идетъ,
И не имеетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Нетрудно, однако, представить себѣ, во что должно было превратиться ученіе, санкціонирующее эгоизмъ, перейдя изъ теоріи на практику, изъ рукъ альтруистовъ-энтузіастовъ въ руки дѣйствующихъ эгоистовъ и соблабцевъ. Равнымъ образомъ этотъ горчій призывъ обратиться отъ словъ къ дѣлу, оставить *словопрете*, бросить *надменно-праздную болтовню* очень скоро и незамѣтно приобрѣлъ смыслъ призыва къ практичности,—той практичности, отъ которой менѣе шага до гешефтмахерства. «Живое дѣло»—это такое широкое понятіе и такое неопредѣленное выраженіе, что въ него можно владывать очень различный смыслъ. *Пилитримъ*, о которыхъ говорилъ Добролюбовъ въ своемъ стихотвореніи, отправившись за «живымъ дѣломъ» въ одну сторону, большинство общества—въ кругую, противоположную, и различные бани, общества, товарищества на вѣрѣ, на пахѣ, на акціяхъ, концессіи съ гарантіями и безъ гарантіи, выросшія какъ грибы послѣ теплаго дождя, явились въ качествѣ «живаго дѣла» на смѣну «праздной болтовни». Лозунгомъ дня стала практичность, дѣловитость, такъ что даже журналистика принялась твердить, что «наше время—не время широкихъ задачъ», а доморощенные социологи съ гордостью указывали, какъ покойный Стронинъ въ своей книгѣ *Политика какъ наука*, на необыкновенный разцвѣтъ экономической жизни нашего общества. Чествуя экономической прогрессъ, звенѣли «чашки», только совѣтъ не «святыхъ»...

Насколько семидесятые годы были важны въ общественно - историческомъ отношеніи, настолько же они были безцвѣтны въ чисто-литературномъ смыслѣ. Глубоко-поучительный и совсѣмъ не случайный параллелизмъ двухъ враждебныхъ по духу и по цѣли общественныхъ теченій отразился очень слабо въ тогдашней журналистикѣ. Г-жа Смирнова, которая какъ разъ въ это время выступила съ своимъ первымъ и лучшимъ романомъ *Огонекъ*, съ большою чуткостью и проницательностью угадала, какія явленія данной минуты должны были занять въ ея произведеніи центральное мѣсто, гдѣ и въ чемъ можно было опредѣлять пульсацію общественной жизни и т. д. Но это и все или почти все. Этимъ почти и ограничилась вся заслуга и вся удача г-жи Смирновой, которая вѣрнымъ инстинктомъ почувствовала жизнь, но оказалась рѣшительно не въ состояніи разобратъ въ ея явленіяхъ, отвести имъ подходящее мѣсто и дать надлежащее освѣщеніе. Героиня романа г-жи Смирновой, даровитая и энергическая дѣвушка Клавдія Ракитина,—она же «огонекъ»,—выражаетъ собою основную тенденцію романа, и вотъ какъ ее характеризуетъ авторъ:

«Клавдія не была изъ числа непонятыхъ натуръ. Такія натуры обыкновенно осуждены всю жизнь свою томиться, страдать, искать призванія, находить его, снова терять, и такъ до могилы. Она, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, призваніе свое поняла очень скоро. Программа общества, въ которомъ отецъ ея числился директоромъ, была ей хорошо знакома. Всякое общественное дѣло получало для нея особенную привлекательность. Она старалась проникнуться тѣмъ, что общество преслѣдуетъ высшія цѣли. У Клавдинынки разгорались глаза, когда она думала о томъ, какъ бы хорошо и ей быть, выражаясь слогомъ папа, колесомъ въ этой сложной машинѣ. Не женскія мечты о кипучей дѣятельности, о блестящихъ рѣчахъ на собраніяхъ тревожили эту странную головку. Часто съ тоской думала она о томъ, что ей нѣтъ впереди надежды, что выходъ одинъ: замужство, да и тотъ никуда не приведетъ, — по крайней мѣрѣ, не туда, куда бы она желала. Ей хотѣлось забыть, что она женщина, и жить виѣсть со всѣми, окунуться въ самую глубину житейской борьбы».

Превосходно, превосходно! Вотъ, наконецъ, женщина человекъ и дѣятель,—не обитательница терема или свѣтелки, вродѣ героинь Божановской, и не губернская мадонна, истекающая отъ хроническаго самоотверженія и самопожертвованія, вродѣ героинь Заіончовской! Вопросы личной морали не тревожатъ Клавдію. Она знаетъ или чувствуетъ, что вся личная мораль исчерпывается единственною заповѣдью: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя», а любить—значить помогать, а помогать можно только въ непосредственномъ общеніи съ людьми, не чуждаясь ихъ дѣлъ, не гнушаясь ихъ слабостями, не удаляясь отъ нихъ *подъ стѣнъ струй*. Повторяемъ: превосходно! Это какъ разъ тотъ шагъ, который надлежало сдѣлать нашей женщинѣ, чтобы возстановить и свое человеческое, и свое гражданское достоинство. Г-жа Смирнова съ своей стороны отъ всей души сочувствуетъ своей героинѣ, но какъ будто немножко опасается за нее и

предусмотрительно слѣдует оборонить ее отъ возможныхъ упрековъ, и эта защита очень характерна и для героини—подсудимой, и для адвоката—автора, и для судьи—общества. Вотъ главные пункты этой защиты:

„Какъ? Ей тѣсно въ семьѣ? Она отрицаетъ семейную жизнь? Позвольте, никто не говорилъ, что она отрицаетъ ее. Она была бы самая несчастная женщина, если бы ее заставляли постоянно произносить рѣчи, искать популярности, блистать въ толгѣ и лишали бы ее людей близкихъ, своего домашнего уголка. Но едва ли она была бы счастливей, если бы ее засадили въ четырехъ стѣнахъ съ кухней, дѣтской, спальней и пріятными развлеченіями вродѣ занятій изящными искусствами. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ непремѣнно простора и на этихъ условіяхъ удовлетворяются самою простою дѣятельностью. Чѣмъ она виновата, что пришла къ убѣжденію, будто всѣ бѣдствія наши оттого и происходятъ, что мы изъ-за семейныхъ интересовъ не видимъ общественныхъ и не хотимъ удѣлить имъ ни капельки времени? Не могутъ же люди всегда дѣйствовать въ разбродъ,—думала Клавдинья,—бываютъ же минуты, когда имъ нужно непремѣнно работать сообща. Что буквально невозможно одному лицу, дѣлается шутя многими. Кому-нибудь надо же заниматься общественными дѣлами. Если скажутъ на это, что эта работа мужчины, а не женщины, то Клавдія заткнетъ себѣ уши и объявитъ, что женскій вопросъ для нея не существуетъ, что она не такъ же мало интересуется, какъ какой-нибудь шлезвигъ-гольштейнскій, но той простой причинѣ, что тутъ и вопроса-то совсѣмъ нѣтъ, а есть давно готовый отвѣтъ: „Я женщина, стало быть, а человѣкъ, стало быть, я и хочу жить, какъ люди, а не какъ нѣчто среднее между людьми, ангелами и животными. Я буду сама кормить и воспитывать вашихъ дѣтей, и не посажу васъ около люльки своего сына. Но когда я свободна, я выберу себѣ занятіе по душѣ и не подумаю справиться въ вашемъ календарѣ, позволено оно мнѣ или запрещено“.

Какъ легко видѣть, защита г-жи Смирновой отличается, во-первыхъ, горячностью, во-вторыхъ, непродуманностью,—двумя качествами, постоянно отличающими отношенія человѣка къ предмету новому и малознакому. Горячность очевидна, а что касается непродуманности, то достаточно указать хотя бы на эту фразу: «Клавдія была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ непремѣнно простора и на этихъ условіяхъ удовлетворяются самою простою дѣятельностью». Если все дѣло въ *просторѣ* и если при условіи простора можно удовлетвориться самою простою дѣятельностью, то и толковать не о чемъ, потому что *этотъ* идеалъ давно осуществленъ въ дѣйствительности. Нянькѣ просторно въ хорошей дѣтской; кухаркѣ просторно въ хорошей кухнѣ; свѣтской женщинѣ просторно въ салонѣ. Если критеріемъ достоинства дѣятельности является не полезность и разумность ея, а большій или меньшій «просторъ», представляющійся для нея въ практическихъ условіяхъ жизни, то Клавдія Ракитиной оставалось только идти по давно протореннымъ путямъ, чтобы найти себѣ удовлетвореніе.

Не будемъ, однако, придрывы и обойдемъ другіе слабые пункты гордой тирады г-жи Смирновой: насъ ждетъ недоразумѣніе гораздо болѣе крупное, но относящееся не къ понятіямъ, а къ дѣйствіямъ героини. Что такое Клавдія Ракитина по замыслу автора? Это первая ласточка, не далающая, но, все-таки, знаменующая весну, это пионеръ женской самостоятельности, это человѣкъ идеи, а не личнаго счастья, это прекрасный об-

фразецъ тѣхъ «паллигримовъ», о которыхъ говорилъ Добролюбовъ. Люди этого типа знаютъ только одинъ родъ страха: какъ бы не пронести мимо устъ «святую чашу», то-есть, безъ метафоръ, какъ бы не прожить свой вѣкъ задаромъ, «ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви». Авторъ называлъ свою героиню «огонькомъ», и это довольно удачное названіе. Да, въ сердцѣ такихъ людей горитъ неугасаемый огонь альтруизма, дѣятельной любви къ людямъ и подвижничества. Правда, авторъ завѣряетъ насъ, что «она не мечтала сдѣлаться мученицей труда и для этого хоть пойти коровъ доить, — напротивъ, она искала себѣ такого занятія, которое пришлось бы ей по душѣ и по возможности доставило бы ей наслажденіе»; но нетрудно понять, что слова эти не болѣе, какъ отголосокъ той проповѣди эгоизма, о которой мы упомянули выше, — проповѣди, по смыслу и духу которой какой-нибудь Сцевола — величайшій эгоистъ, а моментъ, когда онъ жарилъ на угольяхъ свою руку — самое эгоистичнѣйшее изъ его дѣйствій.

Такого-то человѣка автору надо было пристроить къ живому дѣлу, и г-жа Смирнова не затруднилась нисколько. «Клавдія призваніе свое приняла очень скоро. Программа общества, въ которомъ отецъ ея числился директоромъ, была ей хорошо знакома. У Клавдіи разгорались глаза, когда она думала о томъ, какъ бы хорошо и ей быть колесомъ въ этой сложной машинѣ». Слова эти были уже цитированы нами выше, но они до такой степени невѣроятны и несообразны, что я счелъ совершенно необходимымъ привести ихъ еще разъ.

Конечно, чего на свѣтѣ не бываетъ! Жизнь преисполнена сюрпризовъ и никто не обезпеченъ отъ ошибокъ, такъ что, собственно говоря, и удивляться нечему, если человѣкъ, идя въ храмъ, очутится, къ своему стыду и изумленію, въ кабаѣ. Но есть чему удивляться, если, пребывая въ «заведеніи» и слушая срамныя рѣчи, видя кругомъ воспаленныя лица, дыша отравленнымъ воздухомъ, нашъ субъектъ сохраняетъ свое прежнее молитвенное настроеніе и даже готовъ поклониться, что онъ и не ошибся нисколько, а пришелъ именно туда, куда хотѣлъ придти. Клавдія, эта идеалистка, «паллигрима», мечтаетъ о роли въ гешефтмахерскомъ обществѣ, о роли не въ смыслѣ хлѣбнаго личнаго промысла, а въ смыслѣ именно идейнаго общественнаго служенія! Неужели это еще не «субъектъ» нашей метафоры? Исторія и сущность пресловутаго «общества» рассказаны г-жей Смирновой чрезвычайно туманно, но довольно и того, что одинъ изъ учредителей общества обижается, когда его называютъ учредителемъ, и откровенно говорить: «не слишкомъ пріятно называться учредителемъ разбойничьей шайки». Тѣмъ не менѣе, если наша героиня не мечтаетъ объ атаманствѣ или хотя бы только объ эсаульствѣ въ этой шайкѣ, то лишь потому, что такія мечты были бы ужъ слишкомъ смѣлы, по ея мнѣнію... Вотъ какъ тонуть маленькія дѣти!

Г-жа Смирнова рѣшительно не догадывается, въ какое комическое положеніе она ставитъ свою героиню - фаворитку. Она не только серьезно,

но даже уважительно относится къ наивнымъ вѣтвѣмъ и пансіонскимъ мечтаніямъ Клавдіи, которая задумала, въ связи съ дѣятельностью общества, осчастливить Москву устройствомъ «народныхъ кухонь». Я улыбаюсь, когда пишу эти строки, читатель улыбнется, читая ихъ, но г-жа Смирнова, всегда столь веселая и шутивая г-жа Смирнова, сохраняетъ торжественную серьезность именно въ этомъ случаѣ, когда добродушная улыбка была бы всего уместнѣе. Мало того, она доводитъ дѣло до трагической развязки, до самоубійства Клавдіи, съ очевидною цѣлью окончательно утвердить героиню на созданномъ для нея авторскими руками пьедесталѣ, а мы съ читателемъ... да, опять смѣемся, даже передъ лицомъ этой преждевременной и насильственной смерти. «Ни особеннаго горя, ни особенной тоски не было у нея на сердцѣ. Давешнее отчаяніе смѣнилось какими-то равнодушіемъ. Ей было «все равно». Только этимъ словомъ и можно назвать это безразличное состояніе, полное страшной пустоты. Самыя ужасныя, самыя горькія минуты она уже пережила. Давеча у Дениса (брата) она прочувствовала все, что только можетъ прочувствовать человѣкъ, доведенный до послѣдней крайности, почти до сумасшествія. Давеча для нея потухъ послѣдній огонекъ, свѣтившійся въ дали, и тогда же она порѣшила покончить съ жизнью». Но что же случилось *давеча*? Что привело героиню къ такому ужасному рѣшенію? А вотъ что: у брата не оказалось денегъ на открытіе кухонь, а такъ какъ безъ народныхъ кухонь какая ужъ жизнь и другой дѣятельности найти совсѣмъ невозможно, то ясно, что, кромѣ самоубійства, Клавдіи ничего не оставалось... Смерть не бываетъ смѣшна и несчастье— всегда несчастье. Но если вы поставите въ позу Гамлета и сдѣлаете героемъ кровавой драмы гимназиста, застрѣливагося изъ-за двойки,—вы окажете ему очень плохую услугу, осмѣете, а не оповтизируете его. Именно это самое и сдѣлала г-жа Смирнова со своею бѣдною героиней, не желая и не сознавая этого.

Въ лицѣ своей героини г-жа Смирнова намѣревалась показать намъ если не *идеальную*, то *нормальную* современную женщину, для которой слова общее дѣло и общее благо не пустые звуки. Въ результатѣ добросовѣстныхъ усилій талантливой романистки получилась какая-то странная, такъ сказать, янусообразная фигура: съ одной стороны—«подвижница», а съ другой стороны—«разбойница»; съ одной стороны—идейная пионерка трудовой женской самостоятельности, а съ другой—обыкновенная конторская барышня, для которой важны пятьдесятъ рублей мѣсячнаго жалованья и нѣтъ дѣла ни до какихъ принциповъ и вопросовъ. Клавдія Рамитина соединяетъ въ себѣ несоединимые элементы нашей общественности, является представительницею двухъ противоположныхъ и враждебныхъ началъ, и такъ какъ это возможно только въ романѣ, а не въ жизни, на бумагѣ, которая все терпитъ, а не на практикѣ, которая *такимъ* противорѣчій не выносить, то личность нашей героини теряетъ всякое реальное значеніе. И это вина не нашей жизни, а нашей романистики, которая не сумѣла разобраться въ жизни. «Огонекъ» г-жи Смирновой—болотный огонекъ.

Въ тогдашней жизни было уже не мало людей обоего пола, которые, скажемъ словами псалма, не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, не становились на пути грѣшниковъ и не сидѣли на сѣдалищахъ губителей. Великаго раскола, обозначившагося въ нашей жизни, г-жа Смирнова или не замѣтила, или не поняла, и отсюда неестественная двойственность въ личности ея героини.

III.

Два основныхъ идейныхъ теченія (не оставшихся и безъ практическаго выраженія въ конкретной дѣйствительности), о которыхъ мы говорили выше, къ концу семидесятыхъ годовъ разошлись такъ далеко другъ отъ друга, что недоразумѣнія, вродѣ постигшихъ г-жу Смирнову, стали совершенно невозможны. Позиціи выяснились, положеніе обострилось, борьба завязалась. Семидесятые годы были свидѣтелями этой борьбы, которая, къ наступленію послѣдующаго десятилѣтія, закончилась совершенною побѣдой практическаго реализма надъ теоретическимъ идеализмомъ. Эта побѣда и была тѣмъ историческимъ наслѣдіемъ, которое получили восьмидесятые годы отъ предшествовавшаго десятилѣтія. Свойства этого наслѣдія отразились въ литературѣ довольно различными манерами и фасонами. Прежде всего, разумѣется, слѣдуетъ отмѣтить побѣдный кликъ приверженцевъ великихъ формулъ: $A=A$ и $2+2=4$. Если теоретическое достоинство этихъ формулъ восторжествовавшаго реализма было далеко не такъ безспорно, какъ математическое тождество и таблица умноженія, за то онѣ хорошо выражали психологическую сторону дѣла, ту свирѣпую увѣренность, которую возымѣли побѣдители относительно полноты и безповоротности своего торжества. Люди съ идеалистическими стремленіями, но безъ умственной самостоятельности и безъ душевной крѣпости, ошеломленные и оглушенные этими побѣдными руладами, стали отчаяваться въ прогрессъ вообще, потеряли вкусъ къ жизни, принялись и въ прозѣ, и въ стихахъ вздыхать о нирванѣ, и это составило еще отдѣльную струю въ нашей литературѣ, — струю, которую по справедливости слѣдовало бы назвать капризничающимъ безсиліемъ, но которую великоколѣпно называли пессимизмомъ. Далѣе, такъ какъ всякая, а, стало быть, и литературная, толпа побѣдителей не судить, и ея симпатіи всегда на сторонѣ успѣха, какими бы путями онъ ни былъ добытъ, то вотъ еще новая почва для возникновенія тенденцій иного рода, и именно тенденцій воскресить тѣ понятія и воззрѣнія, откуда генетически произошли побѣдительныя формулы вродѣ $A=A$. «Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха, жрецы минутнаго, поклонники успѣха» иначе ни разсуждать, ни чувствовать не въ состояніи, и вотъ, такимъ образомъ, еще литературная группа, которая думаетъ сказать «новое слово», обращаясь мыслью ко временамъ Очагова и покоренья Брыма. Ничего иного, въ сущности, люди этой группы не дѣлаютъ, какъ только бѣгутъ пѣтушникомъ, пѣтушникомъ за колесницей побѣдителей, но говорятъ они непременно во имя

идеала. Изъ всѣхъ «людишекъ игрушечнаго дѣла», характеризующихъ современную жизнь, людишки этой группы едва ли не всѣхъ противнѣе, потому что всѣхъ лицемернѣе.

Г-жа Шапиръ въ полномъ смыслѣ слова человекъ и писательница восьмидесятыхъ годовъ, въ такой же степени, въ какой г-жа Смирнова человекъ и писательница семидесятыхъ годовъ. Преимущество г-жи Шапиръ передъ г-жею Смирновой состоитъ въ томъ, что она стоитъ совершенно на уровнѣ задачъ и вопросовъ своего времени, тогда какъ г-жа Смирнова, какъ мы видѣли, въ хаосѣ «мутнаго броженья» плохо различала правую сторону отъ лѣвой, отъ неправой. Къ какой же изъ современныхъ группъ примыкаетъ г-жа Шапиръ? По крайней мѣрѣ, которая изъ группъ стоитъ въ ея сознанин на первомъ мѣстѣ? Какіе изъ дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ пользуются ея сочувствіемъ? Соотнося эти вопросы къ основной цѣли и основной мысли этихъ нашихъ статей, мы коротко спросимъ: какова героиня г-жи Шапиръ и кто именно она?

На этотъ вопросъ послѣдній и самый значительный романъ г-жи Шапиръ *Миражи* даетъ совершенно удовлетворительный по своей обстоятельности отвѣтъ. Героиня этого романа, извѣстѣйшая дѣвица Анна Голубина, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и героиня жизни и недаромъ въ одной изъ заключительныхъ фразъ романа ей выданъ такой лестный аттестатъ: «такія женщины, какъ Анна, не пропадаютъ». Слово «не пропадаютъ» употреблено здѣсь не въ пошломъ, а въ высшемъ смыслѣ, въ смыслѣ умственной и нравственной благонадежности Анны, неспособной ни на отступничество, ни на предательство. Другая характеристика героини гласитъ, что она «не только артистка, но и философъ». И такъ, устойчивый, надежный человекъ во-первыхъ, артистка, во-вторыхъ философъ въ-третьихъ—вотъ завидные и высокіе атрибуты современной героини, какъ ее представляетъ намъ г-жа Шапиръ. Съ такою интересною особой пріятно поближе познакомиться.

Посмотримъ сначала на артистку, а потомъ побесѣдуемъ съ философомъ. Въ качествѣ артистки, Анна не можетъ жить, какъ обыкновенные люди, въ простомъ домѣ, а живетъ она въ какомъ-то полуфантастическомъ навильонѣ, разукрашенномъ по ея артистическому вкусу:

„...Если навильонъ Анни и былъ безобразенъ снаружи, то внутри онъ былъ чересчуръ роскошенъ. Въ немъ была всего одна большая, высокая, круглая комната, а надъ нею узорчатый куполъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; эффектъ цѣлой массы цвѣтныхъ лучей, падающихъ сверху, былъ поразителенъ. Въ потолокъ заключалась главная дѣйность постройки, и Аннѣ не легко было отстоять передъ „старшимъ“ свою фантазію. Она мечтала въ началѣ, что это будетъ настоящая мозаика—вся знаменитая легенда въ нѣсколькихъ картинахъ. Она по ночамъ набрасывала эскизы этихъ картинъ и знала лично художника, которому можно было поручить исполненіе. Увы, отъ такой роскоши ей пришлось отказаться. Анна долго была безутѣшна и пять разъ заставляла Омогина передѣлывать тѣ фантастическія арабески, которыми рѣшено было замѣнить картины. Въ яркій солнечный день вторая разноцвѣтная сѣтка, нѣсколько только блѣднѣе, чѣмъ наверху, трепетала и переливалась на полу. Стѣны прятались за старинными тканями и любимыми картинами дяди. Въ одномъ изъ двухъ глубокихъ алькововъ, за драгоцѣн

ною гобеленовою драпировкой, стояла его оттоманка, служившая Аннѣ кроватью. Въ другомъ альковѣ прятались холсты, мольберты, ящики съ красками, комки глины и начатые бюсты. По срединѣ комнаты, изъ живописной группы растений, возвышается драгоценная мраморная муза, подарокъ стараго артиста. Повернувъ вдохновенное лицо, приподнявъ тонкую руку, муза смотритъ въ круглое окно, какъ будто чутко прислушивается, о чемъ переговаривается живая зеленая толпа, тѣсно обступившая башню. Эта толпа держать въ плѣну, стережетъ ревниво хозяйку павильона. Чего только не слышится Аннѣ въ шорохѣ лѣса, на который она смотритъ сверху! Какихъ картинъ не рисуетъ ей фантазія въ вѣчно колеблющихся очертаніяхъ зеленыхъ фигуръ!... Это живая толпа, фантастическія существа, которымъ открыта ея душа. Они одни знаютъ все, что въ ней смутно бродитъ и волнуется, тѣмъ она напрасно сится овладѣть. Она боится приговора этой толпы. Она отъ нея ждетъ спасенія. Кажется, съ дуновениемъ вѣтра, съ порывомъ внезапно налетѣвшей грозы, въ это круглое окно снизойдетъ желанное откровеніе, и она пойметъ, наконецъ, что ей дѣлать съ собой, съ своими силами!

Я не покупился на мѣсто для выписки, потому что въ самомъ дѣлѣ это описаніе характерно и для героини, и для самой г-жи Шапиръ. Обратите, прежде всего, вниманіе на тонъ этого описанія: онъ серьезень и теплый, какъ будто рѣчь идетъ о настоящемъ дѣлѣ и настоящей жизни, а не объ эпикурейскомъ бездѣльничаньи, возведенномъ чуть не на степень религіи. Для человѣка восьмидесятихъ годовъ, какимъ мы считаемъ г-жу Шапиръ, это логично. Чѣмъ меньше въ жизни (общественной и личной) этики, тѣмъ больше въ ней эстетики, которой назначеніе, главнымъ образомъ, въ томъ и состоитъ, чтобы скрашивать форму, когда утрачено содержаніе. Грѣбъ поваленный—произведеніе чистой эстетики. Что же касается самой героини, то нужно согласиться, что она какъ нельзя лучше отвѣчаетъ требованіямъ своего времени: она не человѣкъ, а богиня, и это до такой степени, что ей даже противно прозаическое имя ея «Анна» и она переименовала себя въ «Музу». Эта кличка дѣйствительно ей по шерсти, потому что, кромѣ искусства, она ничего знать не хочетъ, не того искусства, которое «сердце волнуетъ, мучитъ», возвышаетъ насъ къ идеалу, учитъ справедливости, а того искусства, которое способствуетъ пищеваренію. Спору нѣтъ, красива, изящна, эффектна эта «Муза», а мы, все-таки, не безъ грусти вспоминаемъ о наивной и даже нелѣпой героинѣ г-жи Смирновой, объ этой дѣвушкѣ-огонькѣ, которая бессмысленно погубила себя изъ-за неудачи какихъ-то народныхъ кухонь. Все дѣло въ томъ, что Клавдія Равитина была человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо, тогда какъ «Муза» г-жи Шапиръ — именно позолоченный грѣбъ, наполненный костями. «Это живая толпа, фантастическія существа, которымъ открыта ея душа», т.-е. душа героини г-жи Шапиръ. Какія же это существа, какая толпа? Это деревья, окружающія знаменитый павильонъ, толпа березъ, липъ, дубовъ, съ которою удостоиваетъ бесѣдовать поэтическая Муза. Героиня г-жи Смирновой тоже любила толпу, но не древесную, а людскую, любила безъ вычуръ, безъ фразъ, безъ *открыванія души*, и пр. Вспомните великолѣпную характеристику, сдѣланную Толстымъ любви красивой и любви дѣтельной. «Любовь красивая,—говоритъ Тол-

стой, — заключается въ любви красоты самого чувства и его выраженія. Для людей, которые такъ любить, любимый предметъ любезенъ только настолько, насколько онъ возбуждаетъ то пріятное чувство, сознаниемъ и выраженіемъ котораго они наслаждаются. Люди, которые любятъ красивою любовью, очень мало заботятся о взаимности, какъ объ обстоятельстве, не имѣющемъ никакого вліянія на красоту и пріятность чувства». Любовь Музы къ кому бы и къ чему бы то ни было могла быть только такою *красивою любовью*, для которой толпа и роща, человекъ и дерево могутъ быть совершенно одинаково близки и дороги. «Любовь дѣятельная, — продолжаетъ Толстой, — заключается въ стремленіи удовлетворять всѣ нужды любимаго существа. Люди, которые любятъ такъ, любятъ всегда на всю жизнь. Любовь ихъ рѣдко выражается словами, и если выражается, то не только не самодовольно, красиво, но стыдливо, неловко». Героиня г-жи Смирновой принадлежала именно къ разряду людей, способныхъ къ чувству такой любви, и вотъ почему въ нравственномъ отношеніи она настолько же выше великолѣпной Музы, насколько живой человекъ лучше и дороже статуи. А кстати сказать, всѣ эстетическія изысканности и утонченности Музы оказались, къ довершенію комизма, отнюдь не выраженіями природы, не органическими потребностями духа, а просто выпѣніемъ крови и раздраженіемъ плѣнной мысли. Несмотря на свою ультра-артистическую обстановку, вплоть до переимѣны христіанскаго имени на языческое, у нашей героини не оказалось ни малѣйшаго художественнаго таланта, ничего, кромѣ потугъ, претензій и сумасшедшаго самолюбія. Черта эта тоже типическая и исторически-вѣрная.

Такова героиня г-жи Шапиръ, какъ артистка; она еще лучше, какъ философа. Если бы не торжественно-невозмутимый тонъ, съ какимъ г-жа Шапиръ излагаетъ курьезное резонерство своей любимицы, можно было бы заподозрить скрытую иронию со стороны автора, приемъ, которымъ мастерски пользовалась иногда Заіончковская. Мы приведемъ отрывокъ изъ одного глубокомысленнаго разговора Музы съ нѣкимъ Строевымъ, который занимаетъ въ романѣ двойное амплуа: отставнаго директора департамента («не нѣе чѣмъ въ десятокъ лѣтъ онъ сдѣлалъ одну изъ тѣхъ исключительныхъ карьеръ, которыя ставятъ человека на виду у всѣхъ») и сверхъестественнаго пессимистическаго философа. Просимъ читателя прислушаться:

„Строевъ въ раздумьи смотрѣлъ въ ея лицо.

„— Вы артистка, — выговорилъ онъ задумчиво, — это одно, чему, кажется, я еще способенъ завидовать.

„— Вы?! — вырвалось у Анны съ недоувѣрчивымъ недоумѣніемъ.

„— Это независимый міръ. Тотъ, кому онъ доступенъ, живетъ двойною жизнью, и между ея частями можетъ не быть связи. Онъ можетъ позабыть, что за предѣлами... ну, хоть такой волшебной замъ, онъ былъ самымъ несчастнымъ и жалкимъ существомъ. Правъ я? Неужели я только воображаю себѣ это?

„— Отчасти этотъ міръ требуетъ одного непреложнаго условія: свободнаго духа.

„— Ну, что-жь?... Свобода духа вновь приложится на томъ рубежѣ, гдѣ ужъ нечего терять. Спокойствіе и безстрастіе — вещи довольно сходныя.

„Анна была блѣдна, только глаза горѣли. Это былъ ея первый серьезный разговоръ со Строевымъ.

„— Если безстрастіе не исключаетъ энергіи, то вы, можетъ быть, и правы,—отвѣтила она, подумавъ.

„Его какъ будто поразили отвѣтъ. Онъ опять поглядывалъ ея въ лицо долгимъ взглядомъ, который такъ неловко было вносить.

„— О, нѣтъ!... На томъ рубежѣ давно позабыто самое слово: энергія.

„— Энергія—простой атрибутъ жизни. Новый запасъ ея можетъ скопиться нечувствительно, незамѣтно... Онъ не можетъ не скопиться!—договорила дѣвушка горько.

„— Вы не только артистка, но и философъ. Вы еще не можете знать, что намъ все отпущено лишь въ строго-опредѣленной пропорціи. Жизненное банкротство не похоже вовсе на коммерческое, гдѣ на послѣдній удѣльшій дѣльвовый можно при счастьи нажать новыя миллионы.

„— Едва ли тутъ возможенъ непогрѣшимая теорія. Каждая человѣческая личность и каждая отдѣльная судьба весьма отлична отъ всѣхъ другихъ.

„— Въ концѣ-концовъ, всѣ одинаково ничтожны... Не трудно и понять, почему это такъ“.

Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана, скажемъ мы словами Фамусова. Не слышимъ ли мы теперь со всѣхъ сторонъ, что для искусства, какъ утверждаетъ и Анна, важнѣе всего «свобода духа», которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается *свободой* отъ какихъ бы то ни было идеаловъ, идей, принциповъ? Какъ въ доброе старое время во имя свободы искусства бездарные, но самолюбивые художники рисовались пренебреженіемъ къ приличіямъ, какъ къ нелѣпой рутинѣ, такъ теперь эта же самая порода людей возстаетъ противъ идей и направленій, потому, видите ли, что все это условно и относительно, а они могутъ жить лишь для вѣчности и для абсолюта. Далѣе, «въ концѣ-концовъ, всѣ личности и ихъ судьбы одинаково ничтожны»—это ли еще не знакомый современный мотивъ? Нѣтъ такого полуграмотнаго ремесленника, такого задорнаго гимназиста, который бы не выражалъ теперь у насъ въ стихахъ или въ прозѣ своего чрезвычайнаго презрѣнія къ людямъ и къ жизни,—презрѣнія, изъ котораго онъ исключаетъ только себя, хотя по всей справедливости ему слѣдовало бы начать именно съ самого себя. Я указываю только на серьезные стороны приведеннаго діалога, вызывающія негодованіе, не говоря о его комическихкихъ особенностяхъ, вызывающихъ смѣхъ. Этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, сдѣлавшійся Манфредомъ, потому что пропала надежда сдѣлаться тайнымъ совѣтникомъ; эта барышня безъ искры таланта, но съ высокоуміемъ генія, безъ тѣни умственной самостоятельности, но съ готовыми фразами о «свободѣ духа»; весь этотъ разговоръ, въ которомъ одинъ собесѣдникъ «задумчиво» изрекаетъ пошлость, а другой, «посмотрѣвъ въ лицо долгимъ взглядомъ», отвѣчаетъ плоскостью,—все это до того поддается насмѣшкѣ, что мы только изъ нѣкотораго уваженія къ автору воздерживаемся отъ соблазна повеселить читателя.

«На рубль амбиціи, на грошъ амуниціи»,—этою ядовитою пословицей совершенно характеризуются тѣ персонажи произведеній г-жи Шапиръ, которые играютъ роль идейныхъ представителей современности и во главѣ

ихъ изящная, но пустопорожняя Анна Голубина, «Муза» тожь. Никакого много, кромѣ отрицательнаго, отношенія они къ себѣ не допускають и въ томъ все горе, вся бѣда г-жи Шапиръ, что она относится къ этимъ полумнымъ, какъ равная, не только безъ ироніи, но съ ясно выраженной симпатіей.

IV.

Если мнѣ удалось надлежащимъ образомъ расположить и, главное, освѣтить фактическій литературный матеріалъ этихъ статей, то читатель опытный не затруднится сдѣлать общія заключенія, вытекающія изъ нашего анализа, а для неопытнаго читателя я попытаюсь дать нужныя указанія *). Въ произведеніяхъ литературнаго «женскаго творчества» мы, прежде всего, находимъ выраженіе различныхъ эпохъ и общественныхъ состояній, породившихъ ихъ. Представительницы старшихъ литературныхъ поколѣній—Бохановская и Заіончовская—стояли, какъ мы видѣли, на почвѣ индивидуально-нравственныхъ идеаловъ; представительницы младшихъ поколѣній—г-жи Смирнова и Шапиръ—возвысились до сознанія чисто-общественныхъ тенденцій. Это прогрессъ, но не «женскаго творчества», а прогрессъ самой жизни и самого общества, который отразился и въ литературѣ.

Припомнимъ, въ ихъ послѣдовательности, тѣ фазисы, черезъ которые, въ полнѣйшемъ согласіи съ измѣненіями въ общественныхъ понятіяхъ и нравахъ, совершилось развитіе идейнаго содержанія «женскаго творчества». Вотъ талантливая Бохановская, дѣтище крѣпостной Россіи, съ проповѣдью смиренія вообще и женскаго смиренія въ особенности. Чѣмъ-то знакомымъ и даже роднымъ вѣтъ отъ этой проповѣди, но уже давно забытымъ и далекимъ, какъ

знакомые потоки,
Златныя игри первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

Возмужавшимъ людямъ и возмужавшимъ обществамъ нѣтъ опасности заразиться этою моралью. При сколько-нибудь правильныхъ общественныхъ условіяхъ, человѣкъ избавляется отъ этой морали, какъ отъ молочныхъ зубовъ, непроизвольно, путемъ естественнаго процесса умственнаго и нравственнаго развитія. Далѣе, вотъ талантливая Заіончовская, дѣти

*) Не знаю, къ какой категоріи—совсѣмъ неопытныхъ или, наоборотъ, ужь слишкомъ опытныхъ—я долженъ отнести тѣхъ читателей, которые заявляли, что основная мысль моихъ статей исчерпывается въ знаменитомъ афоризмѣ: „курица не птица, женщина не человѣкъ“. Вмѣсто всякихъ оправданій отъ этого обвиненія, я укажу на ту, довольно крупную брань, которою оснажили меня *Московскія Ведомости* за совершенно противоположную вину—за то, что я, будто бы, стремлюсь къ чрезмѣрному расширенію женскихъ правъ. Такія противоположныя обвиненія нейтрализуютъ другъ друга и я благодарю московскую газету за ея брань, не только какъ за нравственную честь, но и какъ за практическую услугу, хотя и невольную.

крѣпостной эпохи, когда историческая Немезида, по выраженію Пушкина, дала *узрѣть* свое *инное* лицо и осіяла новымъ и яркимъ свѣтомъ даже самые гнѣвные и темные умы. Произошелъ переворотъ въ понятіяхъ, который долженъ былъ въ послѣдствіи привести къ перевороту въ нравахъ. Общество стало понимать, что казнокрадство и патріотизмъ—вещи несоизмѣстныя; что низкоклонство передъ высшими и высокоуміе передъ низшими совсѣмъ неправильно называть умѣньемъ жить; что честность и безкорыстіе—не то же, что глупость и ротозѣйство; что фамусовщина и чичиковщина совсѣмъ напрасно пользуются репутаціей благонамѣренности; что свѣтлыиикъ ума надо держать на столѣ, а не подъ столомъ; что шапками нельзя сражаться и на одну «подоплеку» нельзя возлагать всѣхъ надеждъ и т. д. Переходъ отъ ветхозавѣтной домостроевской морали къ морали этого рода былъ огромнымъ прогрессомъ, и выразителемъ этого фазиса нашего развитія явилась Заіончковская.

Однако, нравы улучшаются не моральною пропагандой, все значеніе которой заключается въ предварительномъ подготовленіи умовъ и сердець, а воздѣйствіемъ самой жизни, ея основъ, ея строя, ея учрежденій. Урокъ, преподанный исторіей, былъ тяжелъ и вразумителенъ, но пока въ жизни стояла нетронутой великая китайская стѣна, называемая крѣпостнымъ правомъ, до тѣхъ поръ моральная проповѣдь могла быть только гласомъ, въ пустынѣ вопиющимъ. Пала эта стѣна, на нѣкоторыхъ путяхъ жизни открылась возможность движенія, въ нѣкоторыхъ сферахъ явился запросъ не на чиновниковъ, а на людей, на гражданъ; измѣнились или вовсе исчезли нѣкоторыя юридическія и экономическія нормы—и реформа общественныхъ *понятій* стала переходить въ реформу общественныхъ *нравовъ*. Люди пассивной честности, гордившіеся своею безвредностью, почувствовали себя смущенными; индивидуалисты, упражнявшіеся въ никому ненужномъ самосовершенствованіи, услышали призывъ на работу общую; люди, приученные думать, что ихъ хата съ краю, начали не только сознавать свой гражданскій долгъ какъ нѣкоторое отвлеченное положеніе, но стали чувствовать—какъ насущную надобность, какъ право и обязанность, въ одно и то же время. Въ литературѣ, т.-е. собственно въ женской литературѣ, которую одну мы и имѣемъ здѣсь въ виду, это отразилось нѣсколькими робкими попытками нарисовать образъ женщины, какъ общественной дѣятельницы, какъ равноправной и равносильной нашей, мужчине, сотрудницы. Не большой, но живой и чуткій талантъ г-жи Смирновой вѣрнѣе другихъ угадалъ сущность новыхъ запросовъ жизни, и ея Клавдія Ракитина надолго останется любопытнымъ литературно-историческимъ документомъ *).

Этотъ періодъ нашего нравственнаго обновленія и гражданскаго перевоспитанія продолжался, какъ извѣстно, не долго,—до того не долго, что

*) Въ этомъ смыслѣ можно бы указать еще на романъ г-жи Марковичъ *Жизель душа*, который, впрочемъ, далеко уступаетъ произведенію г-жи Смирновой,—не по идеѣ, которая въ обоихъ романахъ одна и та же, а по исполненію.

этого материала у г-жи Смирновой еле-еле достало на одинъ романъ; въ послѣдующія ея произведенія были повтореніемъ, если можно такъ выразиться, *дореформенныхъ* литературныхъ мотивовъ, блистали анализы разныхъ «перегороженныхъ сердецъ», изображеніемъ удачныхъ и неудачныхъ любви и пр., и пр. Г-жа Смирнова, наконецъ, совсѣмъ покинула современность, ваялась за историческій романъ (*Почетитель учебнаго округа*) и въ заключеніе вовсе оставила литературную дѣятельность, очевидно, не имѣя сказать ничего болѣе.»

Переживаемый нами фазисъ характеризуется возвращеніемъ къ индивидуализму, со всѣми его обычными спутниками — политическимъ индифферентизмомъ, чистою эстетикой и столь же чистою метафизикой. Въ героинѣ г-жи Шапиръ мы нашли полное олицетвореніе всѣхъ этихъ началъ, въ тѣхъ самыхъ формахъ и въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя чаще наблюдаются въ текущей дѣйствительности. Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, наше литературное «женское творчество» всегда шло въ уровень съ жизнью, и это, конечно, дѣлаетъ честь его отзывчивости; но оно шло также всегда по теченію жизни, и это мало говоритъ въ пользу его умственной самостоятельности. Мы нисколько не сомнѣваемся, наприм., въ добрыхъ чувствахъ г-жи Шапиръ, въ чистотѣ ея стремленій и намѣреній, а, между тѣмъ, ея героиня, которую она осыпаетъ цвѣтами если не поэзіи, то витіеватаго краснорѣчія, что такое эта героиня, какъ не образецъ натуры сухой и узкой, самолюбивой и самодовольной резонерки, которая стоитъ высоко единственно потому, что стоитъ на ходуляхъ, а не на собственныхъ ногахъ? Два-три хорошихъ толчка или даже щелчка со стороны жизни — и это дутое величіе, это взмыленная репутация, это раскрашенное ничтожество предстанетъ во всемъ своемъ безсиліи, какъ это отчасти уже и случилось съ героиней *Миражей*. И тогда г-жа Шапиръ будетъ къ ней безжалостна и направитъ свое громовое краснорѣчіе не на ея восхваленіе, а на вѣдшее приниженіе. Женская логика, женская справедливость, женское творчество...

Мнѣ, сказавшему раньше (въ первой статьѣ), что «женщины честиѣ насъ», мнѣ можно свободно пронизировать надъ женскою логикой и женскою справедливостью, не опасаясь упрековъ въ односторонности. А, главное, я имѣю за себя авторитетное свидѣтельство самихъ женщинъ, и именно тѣхъ замѣчательныхъ и компетентныхъ женщинъ, о произведеніяхъ которыхъ я разсуждалъ въ этихъ статьяхъ. Да, Кухановская, Заіончковская, г-жи Смирнова и Шапиръ, рѣзко расходящіяся между собою по очень многимъ важнымъ пунктамъ, единогласно сходятся въ одномъ показаніи относительно женскаго типа, преобладающаго въ современной жизни. Этотъ типъ чрезвычайно тонко и тщательно анализированъ Заіончковской, которая обращалась къ нему много разъ и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ своей литературной дѣятельности. Это типъ *жизнерадостной* женщины, — женщины не долга, а наслажденія, не серьезной мысли, а красивой фразы, не чувства, а чувственности, въ широкомъ смыслѣ этого послѣд-

няго термина. Природа, любовь, книга, искусство, деньги,—все, что веселитъ, нѣжитъ, радуется, что даетъ новыя ощущенія, холитъ тѣло, ласкаетъ тщеславіе,—словомъ, «комфортъ» во всѣхъ его видахъ и формахъ, вотъ что такое жизнь, по мнѣнію женщинъ этого типа, и нѣтъ ничего, что онѣ не затоптали бы ради возможности жить такою жизнью. «Варвара Павловна была на балконѣ одна. Въ тѣни отчетливо и живописно выдавался ея нарядъ — смѣшеніе желтаго и краснаго — яркіе цвѣта, гармонирующие съ колоритомъ дня. Она погрузилась въ мягкое кресло, читала *Дамское счастье* и, сидя въ покойномъ положеніи, привычная къ туалету, не находила, чтобы было особенно жарко. Въ тому же, самъ Золя открылъ особенности новыхъ нервныхъ женщинъ: страстную пріятность ощущенія горячаго, жгучаго. Варвара Павловна съ удовольствіемъ подмѣтила ее у себя... Мечтается!... Деревенская тишь, можетъ быть, и беретъ свое, но развѣ можно даже самой себѣ сознаться, что хочется спать? Одурающія благоуханія бьютъ въ голову; разумѣется, это не съ близняго скошеннаго поля; это мечта, переходящая въ дѣйствительность. Въ глазахъ встаютъ безконечные переходы, всячія дѣстницы, наполненные движущимся толпой, поэма нѣжной бѣлизны, туманы сверкающаго газа, облака, кружева, радуги, ленты, небесный сводъ распушенныхъ зонтиковъ... всего такъ многу, многу!... И вѣчное голодное любопытство и шепотъ тайны... Зло, оно же и великое благо!... О, жить! Вѣчно жить!» Это мы взяли изъ романа Заючковой *Обязанности*. Въ тому же типу принадлежатъ и Эмма Ракипина (*Опонецъ*), и Маня Голубина (*Миражи*), и нужно замѣтить при этомъ, что изображеніе этого типа удастся всѣмъ женщинамъ-писательницамъ, даже г-жѣ Шапиръ, которая, вообще говоря, столько же слаба въ психологіи, сколько сильна въ краснорѣчьи. Ясно, что это, дѣйствительно, *типъ*, явленіе живое и жизненное, а не какая-нибудь головная, вымученная схема.

А если такъ, если дѣйствительно Варвары Павловны Торбовы играютъ вліятельную роль во всѣхъ сферахъ жизни, то задача «женскаго творчества», если оно хочетъ быть прогрессивнымъ творчествомъ, опредѣляется сама собою. Варвара Павловна — представительница хищническаго, эгоистическаго, антиобщественнаго начала. Гдѣ властвуютъ Варвары Павловны, тамъ страдаютъ люди, а гдѣ страдаютъ люди, тамъ стыдно спрашивать: что дѣлать? И равнымъ образомъ нелѣпо специализировать такой вопросъ, который, очевидно, имѣетъ всеобщее значеніе. Нѣтъ ни женскаго, ни мужскаго вопроса, а есть вопросъ о Варварахъ Павловнахъ, которыя сами живутъ, а другимъ жить не даютъ.

М. Протопоповъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Черное море въ физико-географическомъ отношеніи.

Если разсматривать землю во всеѣ ея цѣломъ, то ее можно представить себѣ состоящею изъ нѣсколькихъ основныхъ частей или сферъ. Накаленные внутреннія части нашей планеты составляютъ такъ называемую *пиросферу*; ея наружная, охлажденная оболочка, изъ которой слагаются материкъ и дно океановъ, можетъ быть названа *литосферой*; водный покровъ, выполняющій все болѣе значительныя углубленія земной поверхности, въ видѣ морей и океановъ, называется *гидросферой*; вся масса воздуха, окутывающая землю сплошною газовою пленкой, образуетъ то, что мы называемъ *атмосферой*, и, наконецъ, тѣ части земной поверхности, на которыхъ ютится органическая жизнь, составляютъ то, что на языкѣ ученыхъ называется *биосферой*. Все эти пять сферъ находятся въ тѣснѣйшемъ взаимодействіи между собою и, будучи изучаемы въ ихъ различныхъ особенностяхъ, составляютъ предметъ особой отрасли человѣческаго знанія, известной подъ именемъ геофизики или физической географіи.

Изъ всеѣхъ пяти отдѣловъ, на которыя, соотвѣтственно своему предмету, распадается геофизика, наиболѣе тщательно и подробно разработано ученіе о литосферѣ и вообще о тѣхъ частяхъ нашей планеты, въ которыхъ литосфера и гидросфера соприкасаются съ атмосферой, т.-е. объ ея биосферѣ, издавна уже изучаемой человекомъ съ большимъ интересомъ и стараніемъ. Значительно слабѣе и недостаточнѣе наши физико-географическія свѣдѣнія относительно трехъ остальныхъ сферъ земли, что объясняется отчасти ихъ малодоступностью. Такъ, внутреннія части нашей планеты, за исключеніемъ небольшихъ глубинъ, достигнутыхъ буреніями и горными выработками, должны быть совершенно исключены изъ круга нашего непосредственнаго изученія, и только косвеннымъ путемъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ явленіяхъ, совершающихся въ области пиросферы. Воздушная оболочка земли до очень недавняго времени была известна человѣку только въ своихъ болѣе низкихъ слояхъ, что дѣлало ученіе объ атмосферѣ крайне несовершеннымъ. Даже, по отношенію къ этимъ болѣе доступнымъ частямъ ея знанія наши были ограни-

чены, и только за послѣднія 20—25 лѣтъ метеорологія, благодаря трудамъ дѣлаго ряда знаменитыхъ ученыхъ нашего времени, сдѣлала такіе поразительные успѣхи, что стала теперь вполне самостоятельной наукой, имѣющею громадное значеніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Столь же недавно начало обособляться отъ естествознанія и ученіе о гидросферѣ, хотя первоначальное знакомство съ нѣкоторыми особенностями морей и океановъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ ихъ прибрежной полосы, относится еще ко временамъ глубокой древности.

Болѣе подробное и обстоятельное изученіе гидросферы возникло въ эпоху великихъ океаническихъ открытій, но и послѣ этого, еще долгое время, изслѣдованія океановъ и морей ограничивались ихъ поверхностью, главнымъ образомъ, у береговъ континентовъ и острововъ и только отчасти по направленію излюбленныхъ водныхъ путей, служащихъ человѣчеству для торговыхъ и иныхъ сношеній. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда, наконецъ, человѣческая любознательность стала понемногу сосредоточиваться на дѣтельномъ раскрытіи тайнъ океаническихъ пучинъ, изученіе которыхъ значительно облегчилось теперь, благодаря успѣхамъ современной техники, позволившей значительно улучшить и инструменты, и методы глубоководныхъ изслѣдованій.

Какъ на основателя систематическаго и всесторонняго изученія океановъ и морей, слѣдуетъ указать на американскаго морскаго офицера и перваго океанографа, Мори, имя котораго пользуется широкою и почетною извѣстностью во всѣхъ странахъ образованнаго міра. По счастью, научныя стремленія Мори нашли себѣ могучую поддержку въ дѣятельныхъ усиліяхъ человѣчества облегчить и ускорить сношенія между отдѣльными странами, разьединенными обширными водными бассейнами. Усилія эти, какъ извѣстно, привели, между прочимъ, къ устройству подводныхъ телеграфныхъ сообщеній, что въ свою очередь дало сильный толчокъ успѣшному развитію нашихъ океанографическихъ знаній. Дѣйствительно, быстрому и энергичному проложенію подводныхъ телеграфныхъ кабелей мы въ значительной степени обязаны нашимъ первыми, болѣе обстоятельными свѣдѣніями по отношенію къ пространственнымъ, физическимъ и біологическимъ особенностямъ гидросферы.

Начало научныхъ и практическихъ работъ въ этомъ направленіи относится къ пятидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Съ этого времени почти всѣ цивилизованныя страны, наперерывъ одна передъ другою, стали снаряжать специально приспособленные для этого морскія экспедиціи, совершавшія нерѣдко кругосвѣтныя плаванія. Помимо множества сравнительно мелкихъ предпріятій подобнаго рода, возникавшихъ по почину норвежцевъ, шведовъ, голландцевъ, германцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ и сѣвероамериканцевъ, нельзя не отмѣтить нѣсколькихъ болѣе важныхъ глубоководныхъ экспедицій, охватившихъ своими изслѣдованіями громаднаго пространства. Изъ числа ихъ, прежде всего, назовемъ знаменитую экспедицію, снаряженную въ 1872 г. англійскимъ правительствомъ

на корветѣ *Challenger*, находившемся въ кругосвѣтномъ плаваніи съ 7 декабря 1872 года по 24 мая 1876 года и сдѣлавшемъ за это время, въ общей сложности, 68,900 морскихъ миль. Научные результаты, добытые ученымъ составомъ этой прекрасно обставленной экспедиціи, были въ высокой степени плодотворны. Детальная же разработка ихъ продолжается и по настоящее время, при участіи множества специалистовъ, наполняющихъ своими трудами цѣлую серію объемистыхъ томовъ правительственнаго изданія. Одновременно съ *Challenger*'омъ совершалъ плаваніе въ водахъ Великаго океана корветъ *Tuscarora*, снаряженный правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и имѣвшій цѣлью изслѣдовать глубины означеннаго океана вдоль его американскихъ береговъ, а также по сѣверной и южной линіямъ проектированнаго тогда телеграфнаго сообщенія Америки съ Азіей. Экспедиція эта также дала богатые результаты, особенно относительно рельефа дна Великаго океана. При этомъ необходимо вообще замѣтить, что американцы не только проложили первые пути для методическаго изслѣдованія морскихъ глубинъ, но, въ то же время, и значительно способствовали усовершенствованію какъ приборовъ, такъ и способовъ изслѣдованій подобнаго рода. Третья экспедиція, работавшая одновременно съ двумя предыдущими, была совершена на германскомъ корветѣ *Gazelle*, кругосвѣтное плаваніе котораго продолжалось съ 21 іюня 1874 года по 28 апрѣля 1876 года. Помимо выполненія военныхъ и коммерческихъ задачъ, служебный персоналъ этого корвета дѣятельно производилъ и научныя глубоководныя изслѣдованія, давшія весьма цѣнные результаты, обработка которыхъ и теперь еще не совсѣмъ окончена. Изъ французскихъ экспедицій нельзя не указать на экспедиціи *Travailleur*'а и *Talisman*'а, работавшія подъ руководствомъ особой комиссіи съ Мильтъ-Эдварсомъ во главѣ. Глубоководныя изслѣдованія названныхъ экспедицій относятся къ началу восьмидесятыхъ годовъ и обнимаютъ собою прибрежныя части Атлантическаго океана отъ береговъ Франціи и до Зеленаго мыса въ Африкѣ съ уклоненіемъ въ Азорскіе острова и Саргассовому морю, а равно и западную половину Средиземнаго моря. Наконецъ, начиная съ 1884 г., сѣверная часть Атлантическаго океана и различныя прибрежныя части его были изучаемы особою экспедиціей, работавшею подъ руководствомъ принца Альберта Монако на его собственной яхтѣ *l'Hirondelle*. Работы ея продолжались четыре года, и въ настоящее время обширные матеріалы, добытые ею, детально разрабатываются цѣлымъ рядомъ специалистовъ, обѣщая въ будущемъ обогатить океанографію новыми и чрезвычайно поучительными фактами.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ благородными усиліями наиболѣе передовыхъ націй въ дѣлѣ познанія земной гидросферы, а потому замѣтимъ только, что, благодаря всѣмъ этимъ глубоководнымъ изслѣдованіямъ, мы обладаемъ теперь довольно обстоятельнымъ знакомствомъ съ морскими глубинами почти на всемъ протяженіи всемірнаго океана. Такъ, мы довольно удовлетворительно знаемъ очертанія морскихъ бассейновъ, рельефъ ихъ дна и свойства его осадковъ,

глубину морей и океановъ, химическій составъ морской воды, ея плотность и температуру какъ въ вертикальномъ, такъ и горизонтальномъ направленіяхъ, ея цвѣтъ и прозрачность, движенія морской воды, составъ флоры и фауны морскихъ глубинъ и т. п.

Мы, русскіе, почти все время стояли въ сторонѣ отъ этого научнаго движенія. Впрочемъ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія наши просвѣщенные моряки и ученые, изъ числа которыхъ назовемъ Крузенштерна, Боцебу, Ленца и др., не мало занимались изученіемъ морскихъ глубинъ во время бывшихъ тогда кругосвѣтныхъ плаваній, но это продолжалось недолго, и за послѣднее время мы не только не снаряжаемъ какихъ-либо глубоководныхъ экспедицій для изученія чужихъ водъ, но даже по отношенію къ своимъ морямъ сдѣлали очень немного. Особенно не посчастливилось въ этомъ отношеніи Черному морю. Правда, за послѣднее время наше знакомство съ его прибрежною полосой значительно подвинулось впередъ, но съ открытымъ моремъ и его глубинами мы, по крайней мѣрѣ, до прошлаго года, были такъ же мало знакомы, какъ и древніе греки, нѣкогда владѣвшіе его берегами. Въ виду этого и особенно при томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ Черное море для Россіи, систематическое изученіе его и составленіе подробныхъ картъ и атласовъ является дѣломъ насущнымъ и неотложнымъ какъ въ интересахъ науки, такъ и мореплаванія.

Первыя географическія свѣдѣнія о Черномъ морѣ мы находимъ въ греческихъ *периплахъ*, представляющихъ краткія и сухія описи его береговъ, и въ трудахъ древнихъ авторовъ, каковы, наприм., Геродотъ, Страбонъ, Эратосѣенъ, Помпоній Мела, Плиній и др. Тѣмъ не менѣе, ни греки, ни арабы не знали его во всей полнотѣ и, по всей вѣроятности, не имѣли подробныхъ картъ его. Попытки составлять карты Чернаго моря начинаются трудами венеціанцевъ съ XIII вѣка. У генуэзцевъ тоже были свои карты Чернаго моря, но всѣ онѣ мало извѣстны. Русскіе моряки въ первое время своего плаванія по Черному морю придерживались карты вице-адмирала Крѣйса, составленной еще въ 1699 г., и французской карты 1772 г. Подробное же изученіе его береговъ начинается работами русскихъ изслѣдователей съ 1785 г. Изъ нихъ назовемъ: Берсенева, Билингса, Будищева, Влято, Адамопуло и др. Результатомъ ихъ трудовъ является цѣлый рядъ картъ Чернаго моря, изданныхъ въ теченіе первой четверти нынѣшняго столѣтія. Изъ болѣе же подробныхъ атласовъ его можно назвать *Атласъ Чернаго моря*, изданный морскимъ депо въ 1807 году, затѣмъ атласъ Мариньи и въ особенности превосходный атласъ Манганари, появившійся въ 1841 году и повнынѣ не утратившій своего значенія. Помимо указанныхъ описанныхъ работъ русскихъ изслѣдователей, необходимо отмѣтить еще работы надъ изслѣдованіемъ Чернаго моря со стороны англичанъ, произведенныя ими во время крымской кампаніи.

Болѣе подробно опись береговъ Чернаго моря стала производиться съ начала семидесятыхъ годовъ, когда морское министерство приступило къ гидрографической, а военное—къ топографической съемкамъ, которыя про-

должаются и по настоящее время. Задачи гидрографической съемки строго определены и имѣютъ цѣлью составленіе подробной лодки Чернаго и Азовскаго морей, благодаря чему всѣ изслѣдованія, связанныя съ выполненіемъ этой задачи, ведутся исключительно только въ береговой полосѣ ихъ. Что же касается изученія глубинъ Чернаго моря и вообще всѣхъ тѣхъ особенностей его, какія не входятъ въ кругъ прямыхъ задачъ съемочной партіи, то если работы подобнаго рода и не исключаются изъ ея занятій, то, во всякомъ случаѣ, производятся безъ всякой системы и обыкновенно при участіи лишь, случайно примыкающихъ къ составу партіи. При такомъ положеніи дѣла, въ средѣ русскихъ ученыхъ за послѣдніе годы все настойчивѣе и настойчивѣе стали раздаваться голоса въ пользу организаціи самостоятельной глубоководной экспедиціи для изученія Чернаго моря. Мысль эта встрѣтила сочувствіе со стороны иностранныхъ ученыхъ, которые краснорѣчиво высказались по этому поводу на одномъ изъ засѣданій международнаго зоологическаго конгресса во время послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ. Съ немалымъ сочувствіемъ она была встрѣчена и на VIII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, географическая секція котораго обсуждала этотъ вопросъ 30 декабря 1889 года. Въ концѣ-концовъ, въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго 1890 г. совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества, по иниціативѣ предѣлительствующаго въ отдѣленіи географіи математической, А. А. Тилло, обратился къ управляющему морскимъ министерствомъ съ ходатайствомъ, прося его снарядить одно изъ военныхъ судовъ для глубоководнаго изслѣдованія Чернаго моря. Ходатайство это было уважено и для выполненія глубоководныхъ работъ была назначена на одинъ мѣсяцъ канонерская лодка *Черноморецъ*. Распоряженіе всѣми работами было поручено морскимъ министерствомъ завідующему отдѣленіемъ морской метеорологіи въ главномъ гидрографическомъ управленіи, І. Б. Шиндлеру, къ которому отъ географическаго общества были прикомандированы извѣстный гидрологъ баронъ Ф. Ф. Врангель и геологъ Н. И. Андрусовъ. Экспедиція эта начала работать съ 14 іюня и кончила 11 іюля прошлаго года. Такимъ образомъ, все плаваніе было очень кратковременно и продолжалось всего 26 дней, изъ которыхъ только 18 дней были проведены на ходу, причемъ въ общей сложности было пройдено около 2,500 морскихъ миль. Помимо кратковременности плаванія, другое существенное неудобство составляла малая приспособленность *Черноморца* для специальныхъ глубоководныхъ изслѣдованій, и, наконецъ, общая организація изслѣдованій была довольно спѣшной, что не могло, конечно, не отразиться на самомъ качествѣ работъ экспедиціи. Тѣмъ не менѣе, она сдѣлала все, что могла, произведя на пройденномъ ею пути 60 полныхъ промѣровъ, съ послѣдовательными наблюденіями температуры и плотности воды, и 13 драгировокъ, т.-е. вылавливаній, дри помощью особыхъ приспособленій, органическихъ формъ виѣсть съ образцами грунта со дна. Въ общемъ, экспедиція эта доставила цѣлый рядъ новыхъ и весьма важныхъ свѣдѣній о Черномъ морѣ, которыя и даютъ намъ поводъ оста-

нравится нѣсколько подробнѣе на оцѣнѣ того, что было сдѣлано и что предстоитъ еще сдѣлать для всесторонняго познанія Чернаго моря во всѣхъ его физико-географическихъ особенностяхъ.

Первые изслѣдователи Чернаго моря, древнѣе греки, сначала называли его *Понтомъ Аксентикимъ*, т.-е. моремъ негостепрѣимнымъ, но впоследствии, когда болѣе ознакомились съ нимъ, переименовали его въ *Понтъ Фоксенскій*, т.-е. гостепрѣимный, хотя одновременно съ этимъ часто называли его и просто *Понтомъ*. У арабскихъ писателей оно называлось *Нитациамъ*. При началѣ же Русскаго государства, какъ у грековъ, такъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, оно стало называться *Русскимъ*. Такъ, Несторъ говоритъ: «а Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жероломъ, еже море слово Русское». Называли его также моремъ *Хазарскимъ* и *Судейскимъ* или *Суроожскимъ*, по имени богатаго города Судей, бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Судака въ Крыму. Чернымъ же оно стало именоваться, какъ надо догадаться, со времени утвержденія въ Крыму господства татаръ, на языкѣ которыхъ она называется *Кара-Денгизъ*. Названіе это могло возникнуть или благодаря тому, что татары всѣ темноватые цвѣта обыкновенно называютъ черными, причемъ темно-синій цвѣтъ воды Чернаго моря и могъ дать имъ поводъ назвать его Кара (черный)-Денгизомъ, или же благодаря его бурливости и негостепрѣимству, которыя, при тогдашнихъ средствахъ мореплаванія, были крайне гибельны для судовъ, плавающихъ по немъ. По этому поводу нельзя не припомнить слова турецкихъ дипломатовъ, обращенныя въ 1669 г. къ русскому послу Украинцеву: «Не напрасно-де ему и названіе дано моря Чернаго,—бываютъ на немъ во время нужды черныя сердца человѣческія». Въ настоящее время на всѣхъ европейскихъ языкахъ оно называется Чернымъ моремъ и даже теперешніе греки называютъ его *Mavra Thalassi*.

По классификаціи извѣстнаго океанографа Брюмеля, Черное море принадлежитъ къ числу средиземныхъ морей и составляетъ лишь одно изъ звеньевъ цѣлаго ряда внутреннихъ европейскихъ и азиатскихъ морей, крайніе восточные члены которыхъ являются вымирающими. Его воды омываютъ берега Россіи, Турціи, Болгаріи и Румыніи. По широтѣ оно простирается отъ 46° 37' 30" (Очаковъ) до 41° 1' (Требизондъ) с. ш., а по долготѣ—отъ 45° 10' (Бургасъ) до 59° 27' (св. Николай) в. д. отъ Ферро. Наибольшая длина его равняется 1,432 верстамъ, а наибольшая ширина въ западной части его, отъ Очакова до Пендеравіи, составляетъ 776 верствъ, тогда какъ наименьшая ширина его между мысами Сарычемъ (Крымъ) и Беремпе (Анатолія) равняется 330 верстамъ. Берега Чернаго моря имѣютъ протяженіе въ 4,605 верствъ, изъ коихъ Европѣ принадлежитъ 2,686 и Азіи 1,919 верствъ. На долю же Россіи, берега которой начинаются отъ Блѣйскаго устья Дуная и кончаются устьемъ р. Чорока, въ 5 верстахъ къ западу отъ Батума, приходится 2,543 версты или 54,3%. Площадь Чернаго моря, по Семенову, равняется 372,571 квадр. верстамъ, а по Брю-

мелю—381,545 кв. километра, что не представляет полного совпадения объёмов данных.

Въ отношеніи зависимости береговой линіи Чернаго моря отъ геологическаго строенія и пластики прилежащей суши нужно замѣтить, что берега его, на большемъ протяженіи ихъ, принадлежать къ типу береговъ, согласно Рихтгофену, называемыхъ продольными, т.-е. слѣдующихъ направлению береговыхъ горныхъ цѣпей. Благодаря этому, очертанія береговъ Чернаго моря довольно плавны и, за исключеніемъ Крымскаго полуострова, не представляютъ большихъ рѣзкостей, хотя мысовъ и заливовъ, иногда очень удобныхъ для стоянки судовъ, на немъ довольно много. Начиная отъ Константинопольскаго пролива до Батума и далѣе по всему Кавказскому берегу, почти до устья рѣки Кубани, берега Чернаго моря гористы и скалисты, причѣмъ отдѣльныя возвышенности на нихъ достигаютъ 10,000 и 12,000 футовъ абсолютной высоты. Низменныя же пространства въ этой части береговъ представляютъ какъ бы исключенія и встрѣчаются только при впаденіи большихъ рѣкъ. Затѣмъ, по сѣверному берегу болѣе возвышенныя точки мы находимъ только въ Крыму, гдѣ абсолютныя высоты, однако, едва превышаютъ 5,000 футовъ. Далѣе же, вплоть до Бургаса, берега Чернаго моря вообще низменны и только мѣстами достигаютъ 300—400 футовъ высоты. Ближе къ Константинопольскому проливу берега становятся возвышеннѣе, достигая иногда до 1,700 футовъ. Общая форма Чернаго моря хорошо извѣстна всѣмъ. Затѣмъ, къ числу характерныхъ особенностей его слѣдуетъ отнести почти полное отсутствіе на немъ острововъ, если только не считать нѣсколькихъ маленькихъ островковъ, вродѣ Березани, Фидонизи, Кефкенъ и др.

Что касается рельефа его дна, то до послѣдней черноморской экспедиціи мы почти ровно ничего не знали о немъ. Было извѣстно только, что дно Чернаго моря представляетъ глубокую впадину, которую французскій ученый, Делессъ, сравнилъ съ воронкою и что только сѣверо-западная часть его сравнительно мелководна, такъ что линія сто-саженной глубины проходитъ здѣсь по направлению приблизительно отъ Варны къ Евпаторіи, отдѣляя мелководный сѣверо-западный заливъ отъ остальнаго моря, быстро углубляющагося къ югу отъ этой линіи. Далѣе, предполагалось, что наиболѣе углубленная часть Чернаго моря представляетъ двѣ впадины, западную и восточную, раздѣленные подводною грядою, идущею отъ береговъ Крыма къ Анатоійскому берегу въ наиболѣе суженной части моря. Такой взглядъ, хотя и безъ достаточныхъ научныхъ основаній, былъ высказанъ сначала Делессомъ, а затѣмъ Андрусовымъ. Наконецъ, что касается наибольшихъ глубинъ, то на англійской картѣ, изданной въ 1880 году, таковая была отмѣчена въ 1,070 морскихъ (шестифутовыхъ) саженъ на линіи Севастополь-Константинополь. При этомъ, судя по характеру кавказскихъ и анатоійскихъ береговъ, а равно и по промѣрамъ корвета *Льомы*, измѣрившаго въ 1868 г. недалеко отъ Новороссійска глубину въ 1,020 морскихъ саженъ, можно было ожидать, что восточная половина Чернаго моря окажется

вообще болѣе глубокою, чѣмъ западная. По даннымъ же послѣдней черно-морской глубоководной экспедиціи оказалось, однако, что Черное море, за исключеніемъ его мелководной сѣверо-западной части, представляетъ громадную котловину безъ всякой подводной гряды и съ замѣчательно ровнымъ дномъ, глубиною отъ 1,000 до 1,200 морскихъ саженъ, доходящую въ серединѣ моря до 1,227 саж. Брая этой котловины поднимаются медленно до 1,000 морскихъ саженъ, и уже отъ этой глубины идетъ болѣе крутой подъемъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно около мыса Амастро на анатолійскомъ берегу и у кавказскихъ береговъ, тысячесаженная глубина подступаетъ чрезвычайно близко къ берегамъ, отъ которыхъ мѣстами дно спускается съ замѣчательно крутизной. Хотя существующихъ промѣровъ далеко еще недостаточно для вывода средней глубины Чернаго моря, но, по приближительному вычисленію, можно принять, что для всего моря она равняется 800 саженамъ, а если выдѣлить мелководную сѣверо-западную часть, то получится около 1,000 морскихъ саженъ средней глубины для всей остальной и значительно болѣе части Чернаго моря.

Исторія возникновенія столь большаго углубленія земной поверхности, какое представляетъ намъ Черное море, довольно сложна и только отчасти можетъ быть возстановлена при помощи строго обоснованныхъ геологическихъ фактовъ. Факты же эти говорятъ намъ, что еще со времени глубокой геологической древности эта часть земной поверхности неоднократно была ареной могучихъ геологическихъ процессовъ, выразившихся въ цѣломъ рядѣ ея вѣковыхъ колебаній, благодаря которымъ она то поднималась, то снова опускалась, то становилась сушей, то обращалась въ обширный водный бассейнъ. Такъ, въ теченіе громаднаго промежутка времени, протекшаго съ юрскаго періода до конца эоценоваго, на мѣстѣ нынѣшняго Чернаго моря была суша, но было и море, сообщавшееся съ Средиземнымъ, на что указываетъ сходство ископаемыхъ фаунъ въ пластахъ этихъ періодовъ по берегамъ названныхъ морей. Засимъ, въ болѣе поздніе періоды большая часть этихъ пластовъ испытала на себѣ дѣйствіе дислокаціонныхъ, иначе говоря, горообразовательныхъ процессовъ и составила обширную сушу. Еще позднѣе, а именно въ исходѣ среднеіоценовой эпохи, началось опусканіе части этой суши подъ уровень моря, что, въ концѣ-концовъ, совершенно измѣнило рельефъ этой мѣстности и рядомъ съ высокими горами, нутѣмъ мощнаго сдвига пластовъ, образовало огромную впадину, заполнившуюся водами теперешняго Чернаго моря. Опусканіе, а мѣстами поднятіе продолжались и въ такъ называемую сарматскую эпоху, причеиъ Сарматское море все болѣе и болѣе раздвигало свои берега къ сѣверу и востоку, достигая здѣсь Аральскаго моря. Этотъ обширный внутренний бассейнъ, занимавшій значительную часть южной Россіи, отличался замѣтною малосоленостью и чрезвычайно своеобразною фауной. Въ то же самое время, Сарматское море не сообщалось съ Средиземнымъ и было отдѣлено отъ него огромнымъ барьеромъ въ видѣ большаго участка суши, бывшей на мѣстѣ нынѣшняго Греческаго архипелага и Мраморнаго моря.

Въ концѣ сарматской эпохи мѣстами снова начались поднятія; причѣмъ одна часть дна Сарматскаго моря поднялась надъ его уровнемъ, а другая, наоборотъ, быть можетъ, еще болѣе опустилась. Нѣкими свидѣтелями этихъ величественныхъ событій далекаго геологическаго прошлаго является тотъ рѣзкій уступъ на днѣ Чернаго моря, который мы видимъ теперь на границѣ между мелководною сѣверо-западною частью и глубокою впадиной его въ 1,000 морскихъ сажень средней глубины. Сѣверный берегъ этого новаго моря вслѣду пережестился къ югу, на востокъ же берега его, повидимому, не достигали уже Каспія. Все это сопровождалось еще болѣе обширнымъ опрѣснѣніемъ его воды и образованіемъ своеобразныхъ осадковъ, известныхъ подъ именемъ болѣе древнихъ — мѣотическихъ и болѣе новыхъ — понтическихъ. Такимъ почти прѣснымъ или слабо-солончатымъ бассейномъ черноморская глубокая впадина оставалась до самаго исхода третичнаго періода. Въ это время Эгейская суша постепенно и частями стала опускаться въ глубь, и воды Средиземнаго моря начали проникать все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ; пока, наконецъ, оно не слилось съ Чернымъ, что совершилось уже въ послѣтретичную эпоху и, такъ сказать, на глазахъ человѣка. Черезъ Дарданелы, Мраморное море и Босфоръ соленыя воды Средиземнаго моря проникли въ прежній почти прѣсноводный бассейнъ и осолонили его, тогда какъ, съ другой стороны, избытокъ водъ Понта излился въ Средиземное море, что, вѣроятно, сопровождалось цѣлымъ рядомъ грозныхъ катастрофъ, сохранившихся въ памяти людей въ видѣ известнаго преданія о Девкалионовомъ потопѣ.

Между прочимъ, въ одной старой и забытой французской книгѣ *) собраны чрезвычайно любопытныя указанія древнихъ авторовъ на прорывъ черноморскихъ водъ въ Средиземное море, соответствующее тому, какъ это только что было изложено выше. Такое совпаденіе геологическихъ и историческихъ указаній тѣмъ болѣе важно, что они довольно согласно говорятъ намъ какъ о сравнительной недавности этого событія, такъ и о томъ, что геологическіе процессы, вызвавшіе его, по всей вѣроятности, и сейчасъ не прекратили своего дѣйствія. Дѣйствительно, мѣстами берега Чернаго моря носятъ довольно ясныя слѣды недавнихъ пережестиченій по вертикальному направленію. Такъ, по южному берегу Крыма встрѣчаются пласты съ остатками современной фауны Чернаго моря, лежащіе теперь значительно выше его уровня, что указываетъ на поднятіе берега или пониженіе морскаго уровня, тогда какъ, съ другой стороны, по словамъ г. Чернышевскаго, кавказскій берегъ около Сухумъ-Бале обнаруживаетъ ясныя слѣды пониженія береговъ или повышенія морскаго уровня. На продолжающееся дѣйствіе горообразовательныхъ процессовъ въ этой области указываютъ также довольно частыя землетрясенія въ ней. Слѣдуетъ, однако, сознаться, что наличныхъ данныхъ еще недостаточно для рѣшенія этого

*) „Géographie physique de la Mer Noire, de l'intérieur de l'Afrique et de la Méditerranée“ par A. Dureau-de-Lamalle-fils. Paris, 1807.

вопроса, въ виду чего было бы крайне желательно организовать систематическія изслѣдованія относительно вѣховаго колебанія береговой линіи въ Черномъ морѣ. Параллельно съ этимъ необходимо также обратить вниманіе и на землетрясенія по берегамъ его. Для лицъ, интересующихся этимъ предметомъ, можно указать, какъ на руководящее пособіе, на прекрасную статью проф. Мушкетова, составившаго объяснительную записку къ вопросному листу, рассылаемому въ поражаемыя землетрясеніями мѣстности сейсмическою комиссіей Императорскаго русскаго географическаго общества. Здѣсь будетъ встать же сказать, что изъ числа 80 станцій, предполагаемыхъ для сейсмическихъ наблюденій, означенная комиссія семь намѣтила по берегамъ Чернаго моря, а именно: въ Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Берчи, Новороссійскѣ, Сухумѣ и Батумѣ. Для перваго раза это болѣе чѣмъ достаточно, и остается только пожелать, чтобы организація ихъ совершилась возможно скорѣе и безпрепятственнѣе.

Выше мы ознакомились съ общимъ очертаніемъ и происхожденіемъ того обширнаго водоема, какой представляетъ намъ котловина Чернаго моря. Теперь же намъ предстоитъ разсмотрѣть въ подробностяхъ всю ту массу воды, которая выполняетъ его до опредѣленнаго уровня.

Уровень этотъ, однако, не можетъ быть названъ постояннымъ, такъ какъ при внимательномъ наблюденіи оказывается, что онъ подверженъ временнымъ и, притомъ, довольно правильнымъ колебаніямъ. Наблюденія эти ведутся по берегамъ Чернаго моря съ 1873 года и каннны, добытыя ими, уже нѣсколько разъ подвергались обработкѣ. Такъ, баронъ Врангель, завѣдывавшій до 1879 года физическими наблюденіями на Черномъ морѣ, первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и пришелъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ. Средній годовоіъ уровень этого моря оказался непостояннымъ: напряміръ, въ 1874 году онъ былъ ниже, чѣмъ въ 1873. Колебанія его замѣчаются и въ предѣлахъ одного года, причемъ наибольшая высота бываетъ почти всегда въ маѣ, наименьшая въ октябрѣ съ разницею въ уровняхъ, доходящею до 1 фута. Въ теченіе сутокъ также наблюдаются колебанія уровня: до полудня вода, обыкновенно, падаетъ, а послѣ полудня повышается, по крайней мѣрѣ, въ лиманахъ и заливахъ сѣвернаго берега Чернаго моря. Все это, вопреки господствующему мнѣнію объ отсутствіи на немъ приливовъ и отливовъ, заставило бар. Врангеля высказать подозрѣніе о существованіи этого явленія и на Черномъ морѣ. Въ 1879 году барона Врангеля замѣнилъ баронъ Майдель, который внесъ нѣкоторыя поправки къ выводамъ бар. Врангеля и, тщательно переработавъ имѣвшійся у него матеріалъ, показалъ, что наибольшая высота уровня въ Черномъ морѣ на станціяхъ, лежащихъ не далеко отъ устьевъ большихъ рѣкъ, приходится на май, а на станціяхъ, удаленныхъ отъ нихъ, на июнь. Наиболѣе же низкое стояніе воды въ среднемъ падаетъ на октябрь. Въ декабрѣ уровень снова слегка повышается, но не надолго. Вообще же съ сентября по мартъ уровень Чернаго моря стоитъ ниже средней величины. Приблизительно къ такимъ же выводамъ пришелъ и

проф. Клоссовскій въ недавно выпущенной имъ работѣ о колебаніяхъ уровня и температуры въ береговой полосѣ Чернаго и Азовскаго морей. По Клоссовскому, поднятіе уровня начинается обыкновенно въ апрѣлѣ и достигаетъ наибольшей величины въ маѣ, іюнѣ и даже въ іюлѣ (Новороссійскъ и Батумъ); въ сентябрѣ уровень повсемѣстно уже стоитъ ниже средней линіи. Размѣръ годовыхъ колебаній, среднимъ числомъ, достигаетъ 7 дюймовъ. Въ теченіе отдѣльныхъ сутокъ и мѣсяцевъ также замѣчаются довольно рѣзкія колебанія, достигающія нѣсколькихъ футовъ. Если же взять болѣе продолжительный, многолѣтній промежутокъ, то и здѣсь окажется, что уровень береговой полосы Чернаго моря не остается постояннымъ, претерпѣвая небольшія колебанія отъ одного года къ другому. Замѣтимъ, что, въ общемъ, береговой уровень въ послѣдніе годы періода съ 1873 по 1889 г. стоитъ ниже, чѣмъ въ первые.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ для насъ несомнѣнно, что въ предѣлахъ сутокъ, мѣсяца, года и даже многолѣтняго періода уровень Чернаго моря подверженъ постояннымъ небольшимъ колебаніямъ, причеиъ волны этихъ колебаній въ различныхъ частяхъ его побережья являются довольно созвучными, т.-е. проявляются приблизительно въ одно время и съ одинаковою силой. Отсюда естественно заключить, что и объемъ его воды непостояненъ, увеличиваясь при повышеніяхъ уровня, уменьшаясь при его пониженіяхъ, за исключеніемъ, конечно, суточныхъ и даже мѣсячныхъ колебаній, при которыхъ едва ли можетъ происходить измѣненіе объема воды всего моря.

Въ объясненіе столь интереснаго явленія были высказаны различные предположенія. Между прочимъ, баронъ Майдель, пытаясь объяснить его, останавливался на анализѣ возможныхъ вліяній различныхъ факторовъ (количество осадковъ, притокъ воды изъ рѣкъ, нѣкоторыя космическія причины и т. д.) и, въ концѣ-концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что «мы далеко еще не обладаемъ всѣми данными для объясненія колебаній уровня Чернаго моря». Однако, Эд. Бржкнеръ изъ Гамбурга *), опираясь на наблюденія барона Майделя, не согласился съ нимъ и попытался дать въроятное объясненіе этого явленія. Онъ утверждаетъ, что измѣненія объема воды въ Черномъ морѣ, выражающіяся въ годовыхъ колебаніяхъ его уровня, есть слѣдствіе притока воды изъ рѣкъ, впадающихъ въ него, и нагрѣванія поверхностнаго слоя его воды, которая подъ вліяніемъ его не только испаряется въ большей или меньшей степени, но и замѣтно измѣняетъ свой объемъ въ теченіе зимнихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ. Что же касается небольшихъ разницъ въ уровняхъ па болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга станціяхъ, то, помимо притока воды изъ рѣкъ, производящаго непосредственную разность уровней въ мѣстахъ близкихъ и удаленныхъ отъ ихъ устья, важно также оцѣнить степень солености воды у станцій.

*) *Die Schwankungen des Wasserstandes im Schwarzen Meer und ihre Ursachen. Meteor. Zeitschrift 1886, стр. 297.*

такъ какъ чѣмъ количество прѣсной воды будетъ больше, тѣмъ уровень моря въ данномъ мѣсяцѣ, относительно остальной части, стоитъ выше и наоборотъ. Такимъ образомъ, различіе въ солёности воды на отдѣльныхъ станціяхъ можетъ обнаружить мѣстные колебанія морскаго уровня, совершенно не соответствующія дѣйствительнымъ колебаніямъ главнаго бассейна. Почти одновременно съ г. Брюкнеромъ и даже нѣсколько ранѣе его по тому же предмету высказался г. Макаровъ въ своей замѣчательной работѣ объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей. Въ главѣ четвертой этой работы имъ указаны возможные факторы, влияющіе на колебанія уровня Чернаго моря. Къ числу ихъ г. Макаровъ относитъ: разливы рѣкъ, атмосферные осадки, преобладающія воздушныя теченія, нагрѣваніе моря и атмосферное давленіе. Послѣднимъ по этому вопросу высказался проф. Клоссовскій, который снова переработалъ весь матеріалъ относительно колебанія уровня Чернаго моря, хотя при этомъ почему-то совершенно игнорировалъ выводы г. Брюкнера. На основаніи своихъ изслѣдованій, появившихся въ прошломъ 1890 году, проф. Клоссовскій заключаетъ, что два механическіе фактора—давленіе атмосферы и воздушныя теченія—имѣютъ преобладающій характеръ при объясненіи годовыхъ колебаній и исключительное значеніе въ теоріи непрерывныхъ измѣненій береговаго уровня Чернаго моря. Остальные же факторы, указанные гг. Макаровымъ и Брюкнеромъ—притокъ воды изъ рѣкъ и колебанія температуры—входятъ только какъ второстепенныя слагающія влияния въ годовой ходъ явленія.

Въ виду нѣкотораго разногласія и несоответствія въ общихъ выводахъ вышеуказанныхъ авторовъ, было бы крайне желательно изслѣдовать этотъ вопросъ болѣе подробно, такъ какъ, помимо высокаго теоретическаго интереса, рѣшеніе его представляетъ большую важность для опредѣленія средняго уровня Чернаго моря. Въ настоящее время мы знаемъ только, что, по устарѣлымъ даннымъ Гильмена, Азовское море въ Керченскомъ проливѣ выше Чернаго на 1,45 метра, а по опредѣленіямъ г. Макарова уровень Чернаго моря въ Босфорѣ выше уровня Мраморнаго на 1 футъ 5 дюймовъ. По крайней мѣрѣ, такъ было въ іюль мѣсяцѣ 1882 года, когда г. Макаровъ производилъ свои наблюденія въ Босфорѣ.

Такая разниа въ уровняхъ, въ связи съ другими причинами, сопровождается присутствіемъ въ названныхъ проливахъ постоянныхъ теченій, изъ которыхъ теченія Константинопольскаго пролива подробно изучены г. Макаровымъ. По его наблюденіямъ, оказывается, что въ Босфорѣ существуютъ два довольно сильныхъ теченія: верхнее—изъ Чернаго моря въ Мраморное и нижнее—изъ Мраморнаго моря въ Черное. Нижнее теченіе происходитъ отъ разности удѣльныхъ вѣсовъ воды обоихъ морей. Тяжелая и болѣе солёная вода Мраморнаго моря давитъ на нижніе слои съ болѣею силой, чѣмъ легкая и менѣе солёная вода Чернаго моря на тѣхъ же глубинахъ, и это побуждаетъ воду стремиться изъ области большаго давленія въ область малаго. Вслѣдствіе того, что удѣльные вѣса водъ

Чернаго и Мраморнаго морей мѣняются весьма немного; нижнее теченіе, происходящее отъ разницы ихъ, всегда остается приблизительно въ предѣлахъ одной и той же скорости и постояннаго объема. Что же касается верхняго теченія, то оно происходитъ отъ равенсти уровней обоихъ морей, которая въ свою очередь обуславливается какъ плотностью ихъ водъ, такъ и количествомъ осадковъ, притокомъ воды изъ рѣкъ, температурой моря, барометрическимъ давленіемъ и т. п. Вслѣдствіе того, что вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ крайне измѣнчиво, то и верхнее теченіе подвержено большимъ колебаніямъ. Граница между обоими теченіями идетъ по длинѣ пролива не горизонтально, а наклонно, понижаясь по мѣрѣ удаленія отъ Мраморнаго моря къ Черному. Объемъ воды, входящей въ Черное море нижнимъ теченіемъ, по приблизительнымъ вычисленіямъ г. Макарова, равняется 201,017 куб. футовъ въ секунду, а объемъ воды, выходящей изъ него въ Мраморное море верхнимъ теченіемъ, равенъ 371,278 куб. футамъ. Сумма этихъ двухъ величинъ есть количество воды, проходящей въ секунду черезъ Босфоръ обоими теченіями. По количеству протекающей воды, Босфоръ немного уступаетъ Миссисипи, которая въ среднемъ изливаетъ 675,000 куб. футовъ въ секунду. Если принять, согласно Брюмелю, поверхность Чернаго моря равную 381,545 квадр. километрамъ, а среднюю глубину его въ 800 саженъ или 1,3 километра, то мы получимъ, что количество воды, втекающей нижнимъ теченіемъ черезъ Босфоръ, могло бы наполнить всю черноморскую котловину въ 3,080 лѣтъ. Какъ отражается столь значительный притокъ болѣе соленыхъ и теплыхъ средиземноморскихъ водъ на циркуляціи воды въ Черномъ морѣ, мы совершенно не знаемъ, хотя съ теоретической стороны вопросъ этотъ представляетъ весьма большой интересъ.

Теченіе въ Босфорѣ не стоитъ обособленно отъ остальныхъ теченій Чернаго моря, а находится съ ними въ тѣснѣйшей связи. Но наши свѣдѣнія о нихъ крайне недостаточны. Извѣстно только, что по берегамъ Чернаго моря существуетъ круговое теченіе, но ни характеръ его, ни происхожденіе совершенно не изучены нами. Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о нѣкоторыхъ мѣстныхъ теченіяхъ, на примѣръ, въ Днѣпровскомъ и Бугскомъ лиманахъ, которыя были изучены барономъ Врангелемъ въ 1874 г., въ Керченскомъ проливѣ и т. д. О томъ же, на какую глубину распространяется въ Черномъ морѣ дѣйствіе теченій и волнъ, какъ велика сила прибой; каково дѣйствіе прибойной волны на берега, обо всемъ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. Между тѣмъ, все это вопросы, представляющіе огромную теоретическую и практическую важность.

Въ настоящее время приходится довольствоваться только тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, главный факторъ, вызывающій эти явленія, а именно вѣтры; дующіе на Черномъ морѣ и его берегахъ, изучены довольно подробно, благодаря трудамъ гг. Вальда, Рыкачева, Шпиндлера, Кереновскаго, Врангеля, Срезневскаго, Панченко и др. Прежде всего, относительно давленія мы знаемъ, что въ январѣ давленіе воздуха надъ водоемомъ Чернаго моря

постепенно убываетъ по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ веснѣ и лѣту эта равенность давленій начинаетъ постепенно уменьшаться, причемъ давленіе понижается, и въ іюнѣ мѣсяцѣ надъ областью Чернаго моря господствуетъ почти равномерное давленіе (758—759 миллим.). Въ зимѣ распредѣленіе давленія опять преобразовывается и мало-по-малу приближается къ вышеуказанному январьскому типу. Вѣтры, господствующіе на берегахъ Чернаго моря, были изучены г. Шпиндлеромъ, который на основаніи обширнаго матеріала пришелъ къ тому заключенію, что на нашихъ берегахъ съ сентября по мартъ или въ холодное время преобладаютъ вѣтры съ сѣвера, сѣверо-востока и востока, т.-е. вообще съ континента, а въ остальное, теплое время года они дуютъ съ юга, юго-запада и сѣверо-запада или вообще съ моря. На азиатскомъ же берегу въ холодное время года господствующіе вѣтры имѣютъ юго-западное направленіе, т.-е. съ материка, а въ теплое — сѣверо-западное, т.-е. съ моря. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что вокругъ черноморскаго бассейна господствующіе вѣтры образуютъ вращательное движеніе въ сторону, противоположную движенію часовой стрѣлки, т.-е. вѣтры распредѣляются здѣсь такъ же, какъ въ области барометрическихъ минимумовъ или такъ называемыхъ циклоновъ. Необходимо замѣтить при этомъ, что господствующее круговое теченіе въ Черномъ морѣ слѣдуетъ тому же направленію и, вѣроятно, вызывается, главнымъ образомъ, вышеуказаннымъ распредѣленіемъ вѣтровъ, а вовсе не иными отраженіями береговыхъ струй отъ устья Босфора, какъ это многіе думали до послѣдняго времени. Нечего, конечно, говорить, что общія атмосферныя теченія надъ берегами Чернаго моря въ каждомъ данномъ пунктѣ подвергаются болѣе или менѣе значительнымъ отклоненіямъ въ ту или другую сторону въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Не касаясь этихъ отклоненій, укажемъ только на нѣкоторые мѣстные характерные вѣтры, изъ которыхъ особенно рѣзко выдѣляется леденящій бора, дующій иногда въ сѣверной части кавказскаго побережья. Условія его происхожденія въ Новороссійскѣ были, между прочимъ, разъяснены барономъ Врангелемъ въ специальной работѣ, появившейся въ *Метеорологическомъ сборникѣ* въ 1876 году. Что же касается береговыхъ вѣтровъ или бризовъ, то они замѣчаются по всему побережью Чернаго моря, причемъ на сѣверо-западныхъ берегахъ они появляются въ апрѣлѣ и исчезаютъ въ сентябрѣ. Очевидно, правильность бризовъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ значительно зависитъ отъ его топографическихъ особенностей, подъ влияніемъ которыхъ и измѣняются ихъ сила, направленіе, продолжительность и т. п.

Чтобы покончить съ вопросомъ о распредѣленіи вѣтровъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о штиляхъ и буряхъ, замѣчаемыхъ на прострѣтахъ Чернаго моря. Наибольшее число штилей наблюдается у береговъ Крыма, въ особенности по его южному берегу. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ штиля чаще всего бываютъ лѣтомъ и, притомъ, преимущественно въ утренніе и вечерніе часы. Условія образованія бурь на Черномъ морѣ

ислѣдованы въ самое недавнее время гг. Срезневскимъ и Панченко. Изъ сопоставленія ихъ работъ видно, что Черное море, согласно общей молѣ, отличается вообще крайне бурнымъ характеромъ. Средняя годовая сила вѣтра на его берегахъ, на основаніи работы г. Керсновскаго, равна 5 метрамъ въ секунду для сѣверо-западной части Чернаго моря и 3,1—4 метрамъ въ секунду въ остальныхъ его частяхъ. Въ зимніе мѣсяцы въ первой области скорость вѣтра достигаетъ 7 метровъ въ секунду. Въ связи съ этимъ и бури, когда сила вѣтра достигаетъ 15 — 20 и болѣе метровъ въ секунду, чаще случаются здѣсь въ холодное, чѣмъ въ теплое время года. Наиболѣе опасно Черное море въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ. Зимой же одна и та же буря нерѣдко продолжается два, три, а иногда и четыре дня сряду. Впрочемъ, въ среднемъ годовомъ, бури чаще всего бывають однодневными. Направленіе бурь по большей части совпадаетъ съ среднимъ направлениемъ вѣтровъ, хотя встрѣчаются и значительныя отступленія отъ этого; сверхъ этого, необходимо замѣтить, что болѣе половины бурь на Черномъ морѣ возникаетъ при антициклонахъ. По времени дня бури чаще всего бывають вечеромъ и только нерѣдка онѣ начинаются съ полудня. Бури всего чаще бывають мѣстными и только немногія изъ нихъ распространяются на значительныя части побережья. Благодаря такой бурливости Чернаго моря, число крушеній на немъ судовъ довольно значительно. Такъ, за 3½ года (съ 1883 до половины 1886 года) число крушеній достигло 32. Нечего и говорить, что число это замѣтно уменьшилось бы, если бы наше знакомство съ Чернымъ моремъ не было такъ скудно, какъ теперь.

Въ тѣсной зависимости отъ распредѣленія вѣтровъ и теченій въ Черномъ морѣ находится распредѣленіе температуръ какъ надъ его бассейномъ въ воздухѣ, такъ и въ поверхностныхъ слояхъ его воды. Рассмотрѣніе соответствующихъ изотермъ показываетъ, что вообще съ мая по июль воздухъ надъ Чернымъ моремъ холоднѣе, а съ декабря по февраль теплѣе, чѣмъ надъ прилегающимъ материкомъ. Особенно сильно отодвигается къ югу вся система изотермъ въ январѣ, но уже въ февралѣ начинается ихъ обратное пережѣщеніе къ сѣверу, постепенно возрастающее къ лѣту. Лѣтомъ изотермы надъ Чернымъ моремъ пріобрѣтають характерную особенность, точно слѣдуя очертанію его береговъ и проходя черезъ точки съ среднею мѣсячною температурой для мая въ 16 — 17° Ц., для іюня въ 21° Ц. и для іюля въ 23° Ц. Средняя же температура надъ моремъ въ это время равняется для мая 16°, для іюня—20° и для іюля—22° Ц. Данныя относительно температуры поверхностныхъ водъ Чернаго моря мы находимъ у бар. Врангеля, гг. Лапшина, Блюссовскаго и Макарова, но, къ сожалѣнію, онѣ всѣ касаются прибрежныхъ частей моря. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ заключить, что въ зимніе мѣсяцы температура воды вообще выше температуры воздуха, а въ лѣтніе мѣсяцы имѣетъ мѣсто обратное явленіе. Наиболѣе низкія температуры замѣчаются въ январѣ, причеиъ въ сѣверо-западной мелководной части Черное море

замерзаетъ и судоходство здѣсь прекращается. Любопытно было бы прослѣдить, насколько сильно можетъ быть такое пониженіе температуры, и видѣть съ этимъ тщательно провѣрить научное достоинство нѣкоторыхъ историческихъ указаній на особенно суровыя зимы. Такъ, напримѣръ, Геродотъ рассказываетъ, что за пять вѣковъ до Р. Х. воды Чернаго моря отъ Пантикапеи (Керчи) до Херсонеса до того были сгущены холодомъ, что херсонесцы сражались на нихъ и прошли по нимъ съ телегами и что зима здѣсь продолжалась восемь мѣсяцевъ. Четыреста лѣтъ спустя,—говоритъ Страбонъ,—на тѣхъ же мѣстахъ Неоптолемъ, военачальникъ Митридата, разбилъ на льду синеовъ. Въ 401 году уже нашей эры Понтъ замерзъ почти сплошь и во время таянія снѣга громадныя льдины цѣлымъ мѣсяцъ плавали по Мраморному морю. Въ 762 году ледяная кора, покрывавшая Черное море, тянулась непрерывно отъ одного берега до другаго, отъ крайнихъ утесовъ Кавказа до устьевъ Днѣстра, Днѣпра и Дуная. Кроме того, по сказанію современныхъ лѣтописцевъ, выпало такое количество снѣга, что слой его, лежавшій на льду, имѣлъ 20 локтей вышины и совершенно скрывалъ очертанія береговъ, такъ что неизвѣстно было, гдѣ кончается море и начинается твердая земля. Въ февралѣ мѣсяцъ обломки ледяной коры, унесенные теченіемъ ко входу въ Эгейское море, соединились въ одну громадную плиту между Сестомъ и Абидосомъ, поперекъ Геллеспонта. По разсказу Кальвизіуса, въ 801 году Черное море во всю зиму было покрыто льдомъ. Не приводя другихъ свидѣтельствъ подобнаго рода, замѣтимъ только, что Черное море, несмотря на свое сравнительно-южное положеніе, повидимому, вовсе не защищено отъ крайнихъ и сильныхъ пониженій температуры поверхностнаго слоя, при которыхъ леденящая стужа можетъ заковать его сплошною ледяною корою. Что же касается наиболѣе высокихъ среднихъ мѣсячныхъ температуръ воды, то онѣ приходится на июль, достигая въ среднемъ 22° Ц. Однако, въ прибрежной полосѣ Чернаго моря лѣтомъ очень часто замѣчаются весьма значительныя колебанія температуры. Такъ, по даннымъ проф. Клоссовскаго, термометръ въ іюнѣ и іюлѣ можетъ колебаться въ Одессѣ между 29° и 8° Ц., въ Тарханкутѣ—между 30° и 10°, въ Ялтѣ—между 25° и 10° и т. д. Въ объясненіе столь рѣзкихъ скачковъ, проф. Клоссовскій указываетъ, что единственною причиною ихъ можетъ быть выступленіе съ глубины на поверхность холодной и болѣе плотной воды съ температурою около 8—10°. Подобное выступленіе въ свою очередь обуславливается нѣсколькими факторами. Такъ, сильные юго-западные и южные вѣтры, производящіе значительное волненіе и переищивающіе верхніе болѣе теплыя слои съ нижними болѣе холодными, должны сильно понижать температуру воды. Еще болѣе значительное пониженіе возможно при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, которые, такъ сказать, сдуваютъ верхнюю нагрѣтую пленку воды и уносятъ ее въ открытое море, а взамѣнъ ея выступаетъ болѣе холодная глубинная вода. Наконецъ, третье обстоятельство, понижающее температуру поверхностныхъ водъ, заключается въ направленіи установившагося тече-

нія, при которомъ обыкновенно съ лѣвой стороны его выступаетъ болѣе холодная вода.

Значительно меньше мы знаемъ о распредѣленіи температуры на глубинахъ. До работъ послѣдней черноморской глубоководной экспедиціи было известно только, что въ Черномъ морѣ ниже глубины около 80 саженъ начинается слой воды съ постоянною температурой около $9,5^{\circ}$ — $10,5^{\circ}$. Результаты, полученные названною экспедиціей, нѣсколько пополнили наши свѣдѣнія по этому предмету. Согласно имъ, въ июнѣ 1890 года получилась слѣдующая общая картина распредѣленія температуры воды на различныхъ глубинахъ Чернаго моря. Первый слой теплой воды, — по словамъ барона Врангеля, — толщиной около 5 саженъ; затѣмъ быстрое пониженіе температуры до 25 саженъ; отсюда до 25 саженъ слой минимальной температуры нѣсколько ниже $+7^{\circ}$ Ц.; отъ 35 до 50 саженъ постепенное повышение, но не вездѣ одинаковое; на глубинѣ же 100 саженъ во всемъ морѣ встрѣчается равномерная температура въ $+8,5^{\circ}$, которая въ болѣе глубокихъ слояхъ повышается настолько медленно, что на 900 саженяхъ она равна лишь $+9^{\circ}$, а въ самомъ глубокомъ слой придонной воды доходитъ до $+9,5^{\circ}$ Ц.

Такое распредѣленіе температуры, при которомъ слой болѣе холодной воды лежитъ надъ слоемъ болѣе теплой, встрѣчается только въ такихъ моряхъ, гдѣ поверхностная вода прѣснѣе воды нижнихъ слоевъ, иначе равновѣсіе невозможно. Въ Черномъ морѣ на поверхности прибыль прѣсной воды отъ рѣкъ и осадковъ превышаетъ убыль отъ испаренія, отчего соленость въ немъ поддерживается только нижнимъ босфорскимъ теченіемъ, приносящимъ болѣе соленую и теплую воду Средиземнаго моря. По даннымъ бар. Врангеля, гг. Лапшина и Макарова видно, что плотность поверхностныхъ водъ Чернаго моря значительно колеблется въ зависимости отъ близости рѣкъ и другихъ условій. Такъ, у береговъ Крыма, по Врангелю, она достигаетъ наибольшей величины, равняясь $1,014$ съ содержаніемъ солей въ $1,5\%$; у кавказскихъ береговъ она приблизительно такая же, достигая $1,014$ ($1,25\%$), тогда какъ близъ Одессы она понижается до $1,012$ ($1,22\%$), а, по Блоссовскому, даже до $1,0097$ ($1,27\%$). Въ открытомъ морѣ плотность воды всегда больше и повышается иногда до $1,014$. Съ глубиною плотность воды увеличивается, что особенно хорошо видно изъ данныхъ, добытыхъ черноморскою экспедиціей прошлаго года. Изъ этихъ данныхъ видно, что соленость верхняго слоя до 5 саженъ глубины почти не измѣняется; отъ 5 до 10 саженъ она увеличивается сравнительно быстро; затѣмъ продолжаетъ увеличиваться довольно равномерно до глубины 25 саженъ, достигая наибольшей величины между 25 и 50 саженями; переходъ отъ 50 саженъ до 100 опять постепененъ, а начиная со 100 саженъ и до 900 соленость почти не измѣняется, увеличиваясь едва замѣтно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что относительно солености, такъ же, какъ и относительно температуры, весь слой отъ 100 саженъ и до дна представляетъ замѣчательно однородную массу, отличающуюся чрезвы-

чайною устойчивостью своего равновѣсія. Было бы крайне любопытно опредѣлить, не уменьшается ли степень солености Чернаго моря, благодаря постоянному осолоненію его водъ болѣе солеными водами Средиземнаго моря, и какую роль играетъ при этомъ постоянное выдѣленіе соли въ такъ называемыхъ соляныхъ засухахъ по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей?

По свѣдѣнію химическому составу вода Чернаго моря приближается къ обыкновенному типу морской воды, отличаась только, какъ мы видѣли, слабымъ содержаніемъ солей. По старымъ анализамъ Гёбеля и Гассгагена, преобладающею составною частью въ ней является обыкновенная поваренная соль, за которой уже слѣдуютъ незначительныя количества сѣрно-кислыхъ, хлористыхъ и углекислыхъ солей. Что касается количественнаго анализа образцовъ морской воды, добытыхъ прошлогоднею экспедиціей, то результаты его пока еще неизвѣстны. Замѣчательно только, что, по даннымъ этой экспедиціи, вода всего громаднаго слоя, лежащаго ниже 200 сажень, испускаетъ характерный запахъ сѣроводорода. По объясненію г. Андрусова, явленіе это слѣдуетъ приписать усмненному гніенію органическихъ остатковъ на днѣ Чернаго моря, хотя это, какъ мы увидимъ ниже, едва ли справедливо.

Сомнѣніе здѣсь тѣмъ болѣе уместно, что мы еще очень мало знаемъ о характерѣ осадковъ на днѣ Чернаго моря. Первую попытку нѣсколько уяснить этотъ вопросъ сдѣлалъ Делессе, изъ карты котораго видно, что обнаженное и лишенное осадковъ дно въ Черномъ морѣ встрѣчается весьма рѣдко. Обыкновенно въ ближайшемъ соедствѣ съ устьями рѣкъ въ прибрежной полосѣ моря распространены отложенія песка и гравія, а изрѣдка раковинныя банки. У скалистыхъ береговъ довольно часто встрѣчаются полосы галечника болѣе или менѣе крупнаго размѣра. Все остальное пространство морскаго дна покрыто тонкимъ синевато-сѣрымъ иломъ, иногда съ примѣсью углекислой извести. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ осадкахъ Чернаго моря дала все та же глубоководная экспедиція прошлаго года. По словамъ г. Андрусова, за прибрежною зоною слѣдуетъ зона особаго ила, который, до преобладанія въ немъ одного маленькаго моллюска, онъ называлъ *модіоловымъ иломъ*. Зона эта, простирающаяся, вѣроятно, до глубины болѣе 100 сажень, съ замѣчательнымъ постоянствомъ окружаетъ все Черное море, за исключеніемъ Босфора, около котораго составъ этого ила нѣсколько варьируется. Ниже 100 сажень органическая жизнь скоро находитъ свой предѣлъ и за полосою модіоловаго ила слѣдуетъ уже полоса преимущественно свѣтло-сѣраго вязкаго ила, иногда съ чернымъ налетомъ, содержащая мертвыя и даже долуископаемыя раковины дрейссены и друг. моллюсковъ. Полоса эта занимаетъ прилизительно крутой уступъ между стосаженною глубиной и плоскимъ дномъ глубокой котловины Чернаго моря (1,000—1,200 сажень), покрытымъ болѣе или менѣе темнымъ сѣрвато-синимъ иломъ, иногда съ бѣлыми комочками органическаго вещества, совершенно безжизненнымъ и содержащимъ лишь скелеты организмовъ открытаго моря, кремнистыхъ водорослей и косточки рыбъ. Таковъ составъ

дна Чернаго моря по даннымъ 13 драгировокъ, произведенныхъ экспедиціей прошлаго года. Конечно, ихъ крайне недостаточно, но, тѣмъ не менѣе, какъ пробная рекогносцировка, они, все-таки, имѣютъ нѣкоторое значеніе.

На ряду съ изслѣдованіемъ вышеуказанныхъ особенностей Чернаго моря не менѣе важно, по крайней мѣрѣ, для специальныхъ цѣлей мореплаванія, тщательное изученіе магнитныхъ элементовъ по его берегамъ. Начало систематическихъ магнитныхъ наблюденій на Черномъ морѣ относится къ 1859 году, когда мичманъ Диковъ совершилъ для этого отдѣльную поѣздку по всему его побережью. Результаты его работъ были очень важны и для практическихъ цѣлей требовали повторенія этихъ наблюденій. Въ виду этого, вмѣстѣ съ новою съемкой и описью береговъ Чернаго моря, стали производить и магнитныя наблюденія, которыя непрерывно шли съ 1880 по 1886 годъ. Результаты этихъ наблюденій сообщены въ недавней работѣ барона Майделя и вновь переработаны лейтенантомъ Жданко, статья котораго по этому интересному предмету появилась уже въ нынѣшнемъ году въ *Морскомъ Сборникѣ*. Какъ на общій результатъ этихъ работъ, можно указать, что въ восточныхъ частяхъ Чернаго моря въ настоящее время лежитъ область нулеваго склоненія магнитной стрѣлки, а въ остальныхъ частяхъ его господствуетъ западное склоненіе, причемъ изъ года въ годъ оно уменьшается, тогда какъ восточное столь же постепенно увеличивается. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ точкахъ черноморскаго побережья существуютъ довольно замѣтныя аномаліи въ склоненіи магнитной стрѣлки. Изъ такихъ мѣстъ особенно рѣзко выдѣляются окрестности Одессы и Синопа. Опредѣленіе подобныхъ аномалій чрезвычайно важно для мореплаванія, а потому нужно надѣяться, что на изученіе ихъ будетъ обращено особое вниманіе.

Переходя къ биологической характеристикѣ глубинъ Чернаго моря, намъ необходимо было бы, въ дополненіе къ вышеописаннымъ его особенностямъ, прибавить данныя относительно степени прозрачности его воды, но, къ сожалѣнію, мы ровно ничего не знаемъ о томъ, на какую глубину проникаетъ въ немъ дневной свѣтъ и какииъ измѣненіямъ онъ подвергается при этомъ, вызывая ту или другую окраску морской воды. Между тѣмъ, условія освѣщенія на глубинахъ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для распредѣленія въ нихъ органической жизни. Такимъ образомъ, одно изъ существеннѣйшихъ условий для жизни растений и животныхъ въ Черномъ морѣ остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе нашихъ знаній о физико-географическихъ особенностяхъ Чернаго моря: мы еще недостаточно знакомы съ рельефомъ его дна, съ составомъ его осадковъ, съ колебаніями его урояна, съ распредѣленіемъ плотности и температуры какъ на поверхности его, такъ и въ глубинахъ, очень мало знакомы съ его теченіями и составомъ воды и, наконецъ, вовсе незнакомы съ глубиною дѣйствія волнъ и теченій, силою прибойныхъ волнъ и ихъ дѣйствіемъ на берега, а равно

и съ прозрачностью черноморской воды. Еще менѣе мы можемъ похвастаться нашимъ знакомствомъ съ флорою и фауною Чернаго моря.

Не считая старыхъ флористическихъ данныхъ Габлиця, Рупрехта и друг., новѣйшія работы по водорослямъ Чернаго моря мы находимъ въ трудахъ Шперка, Плаутенко, Срединскаго, Рипава, Цениовскаго и Рейнгардта, давшихъ далеко еще не полный списокъ формъ черноморскихъ водорослей и, притомъ, почти исключительно изъ береговой полосы моря. На глубинахъ же его поиски были крайне скудны. Достаточно сказать, что даже послѣ прошлогодней глубоководной экспедиціи мы, все-таки, ничего не знаемъ о нижней границѣ распространенія водорослей, которая, какъ извѣстно, находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ степени прозрачности морской воды и отъ условій освѣщенія на глубинѣ. Точно также попрежнему мы ничего не знаемъ, какъ широко распространены отдѣльные виды водорослей въ Черномъ морѣ и какими характерными особенностями отличаются альгологическія флоры отдѣльныхъ мѣстностей въ его побережья.

Нѣсколько полнѣе наши свѣдѣнія о животномъ населеніи Чернаго моря. Такъ, позвоночныя его довольно хорошо изучены. Что же касается беспозвоночныхъ, то еще очень недавно среди зоологовъ господствовало убѣжденіе въ крайней бѣдности черноморской фауны беспозвоночныхъ, хотя такая мнимая бѣдность должна была бы считаться безпримѣрнымъ явленіемъ. Дѣйствительно, при ближайшемъ изученіи дѣла, оказалось, что это была не бѣдность фауны, а бѣдность нашихъ свѣдѣній о ней. Въ послѣднее время, благодаря трудамъ цѣлаго ряда зоологовъ, изъ числа которыхъ назовемъ гг. Бобрецаго, Маркузена, Черныявскаго, Ульянина, Бричагина, Мережковскаго, Савинскаго, Остроумова, Лебединскаго и др., окончательно выяснилось, что черноморская фауна далеко не такъ бѣдна, какъ это казалось раньше. Значительный успѣхъ въ нашемъ познаніи ея составили фаунистическіе результаты черноморской экспедиціи прошлаго года. Въ настоящее время число извѣстныхъ видовъ черноморскихъ животныхъ достигаетъ 900, причемъ мы имѣемъ среди нихъ представителей всѣхъ типовъ животнаго царства и, виѣстѣ съ этимъ, цѣлый рядъ весьма интересныхъ формъ. Какъ на характерную особенность Чернаго моря, слѣдуетъ указать на то, что въ его береговой зонѣ количество недѣльныхъ какой-либо одной формы вообще преобладаетъ въ немъ надъ количествомъ видовъ. Что же касается фауны открытаго моря и его глубинъ, то и сейчасъ наши свѣдѣнія по этому предмету очень неполны. Между тѣмъ, изъ результатовъ немногочисленныхъ драгировокъ, произведенныхъ прошлогоднею черноморскою экспедиціей, слѣдуетъ ожидать, что фауна эта окажется и довольно разнообразной, и несомнѣнно интересной. Наиболѣе любопытнымъ фактомъ, установленнымъ этою экспедиціей, является присутствіе на днѣ Чернаго моря, въ нѣкоторой опредѣленной зонѣ, полускопаемыхъ раковинъ дрейссенъ и другихъ моллюсковъ, и; притомъ, не морскихъ, а лиманскихъ или скорѣе каспійскихъ видовъ. По словамъ г. Андрусова, какъ наружный видъ этихъ раковинъ, такъ и относительная соленость

воду на глубинѣ въ 200 и болѣе сажень не допускаютъ и мысли о возможности существованія этихъ формъ на соответственныхъ глубинахъ въ настоящее время. Для объясненія этого весьма интереснаго факта г. Андрусовъ обращается къ исторіи возникновенія черноморской фауны, представляющей громадную научную важность какъ для геологовъ, такъ и для зоологовъ. По этому вопросу уже неоднократно высказывались мнѣнія, сосредоточившіяся, главнымъ образомъ, на выясненіи связи черноморской фауны съ фауной Средиземнаго моря. Такъ, г. Ульявинъ и друг. рассматриваютъ береговую фауну Чернаго моря какъ отдѣльную вѣтвь средиземно-морской фауны, тогда какъ г. Маркузенъ и его сторонники доказываютъ, что она болѣе сходна съ фауной сѣверныхъ морей. Какъ бы привирая эти разнорѣчія, г. Андрусовъ, согласно геологическимъ даннымъ, говоритъ, что современная фауна Чернаго моря представляетъ остатки фауны предшествовавшаго ему Понтическаго моря, соединившагося съ Средиземнымъ, какъ мы видѣли выше, уже въ послѣдтретичную эпоху, когда представители мелководной средиземно-морской фауны получили доступъ въ Черное море черезъ Босфоръ. Отсюда неудивительно, что современная намъ прибрежная черноморская фауна сходна отчасти съ таковою же фауной Средиземнаго моря. Что же касается понтической фауны, отличавшейся, какъ извѣстно, сравнительно прѣсноводнымъ характеромъ, то возникновеніе соленыхъ водъ изъ Средиземнаго моря въ Черное было, конечно, губительно для нея, результатомъ чего и могло явиться вымирание такихъ формъ, какъ дрейссены и др. Однако, нѣкоторая часть формъ могла и уцѣлѣть, войдя въ составъ современной намъ фауны Чернаго моря съ нѣсколькимъ своеобразнымъ характеромъ, соответствующимъ характеру морскихъ фаунъ болѣе сѣверныхъ широтъ. Остатковъ этой фауны и слѣдуетъ искать въ болѣе глубокихъ и холодныхъ частяхъ Чернаго моря. Если бы даже такихъ остатковъ въ видѣ живыхъ формъ и не оказалось здѣсь, то, во всякомъ случаѣ, безусловно нельзя согласиться съ г. Андрусовымъ, который, рядомъ съ удостовѣреніемъ факта находенія полуископаемыхъ раковинъ дрейссенъ и другихъ моллюсковъ на днѣ Чернаго моря, утверждаетъ, что вымирание ихъ было быстро и что гніеніе огромной массы ихъ труповъ, надолго затормазившее заселеніе Чернаго моря новыми формами животныхъ, имѣло послѣдствіемъ развитіе сѣроводорода, который и до сихъ поръ заражаетъ глубинныя воды Чернаго моря. Такое утвержденіе пока мало доказательно и настоятельно требуетъ болѣе тщательной проработки.

Оканчивая обзоръ флористическихъ и фаунистическихъ особенностей Чернаго моря, нельзя не замѣтить, что наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи крайне недостаточны и что біологическія тайны этого обширнаго бассейна далеко еще не раскрыты. Между тѣмъ, достоинство русской науки настойчиво требуетъ, чтобы мы сами поспѣшили изученіемъ того моря, которое въ научномъ и во всякихъ другихъ отношеніяхъ мы съ полнымъ правомъ можемъ считать нашимъ внутреннимъ моремъ. Требования эти уже

давно заявляютъ себя, служа нѣмымъ укоромъ для русскихъ ученыхъ, и, тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ систематической описи береговъ Чернаго моря, необходимою въ интересахъ военнаго и морскаго дѣла, мы не организовали еще ни одного научнаго предпріятія для методическаго изученія его во всѣхъ подробностяхъ, ограничиваясь все время пользованіемъ случайными обстоятельствами, изрѣдка позволявшими нашимъ изслѣдователямъ, такъ сказать, на скорую руку сдѣлать кое-какія наблюденія. Только одно предпріятіе, казалось, какъ бы выдѣлялось изъ числа этихъ мимолетныхъ попытокъ изученія Чернаго моря: это—организация биологической станціи въ Севастополѣ, но и она оказалась далеко не прочнымъ учрежденіемъ.

Севастопольская биологическая станція была учреждена по ходатайству съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, бывшаго въ Москвѣ въ 1869 году, съ цѣлью предоставленія русскимъ ученымъ возможности изучать фауну и флору Чернаго моря. При участіи нѣсколькихъ университетскихъ обществъ естествоиспытателей, станція эта была открыта въ 1871 г. и въ теченіе четырехъ лѣтъ существовала на скромныя средства, которые въ размѣрѣ 400 рублей въ годъ затрачивали на нее указанныя общества. Въ 1875 г. состоящее при Петербургскомъ университетѣ общество естествоиспытателей вошло къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ исходатайствованіи отпуска изъ государственнаго казначейства по 1,500 руб. въ годъ на содержаніе севастопольской биологической станціи, такъ какъ только при этомъ условіи могло бы быть прочно обезпечено существованіе въ то время единственной биологической станціи въ Россіи. Ходатайство это было уважено, и станція была организована на болѣе прочныхъ основаніяхъ, имѣя въ качествѣ завѣдующихъ ею сначала г. Ульянина, а затѣмъ г-жу Переславцеву. Обстановка ея, правда, была болѣе, чѣмъ скромная. Помѣщалась она тѣсно, посуду и инструменты имѣла въ недостаточномъ количествѣ, своей лодки у ней также не было, не было и рабочихъ, специально приученныхъ къ собиранію морскаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, въ разное время на ней переработало не мало лицъ, изъ числа которыхъ назовемъ гг. Ковалевскаго, Ульянина, Рейнгардта, Заленскаго, Репяхова, Остроумова, Михайлова, Нассонова, Савинскаго, г-жу Переславцеву и др. Достаточно сказать, что по временамъ на ней работали шесть человѣкъ, не считая завѣдующей станціей г-жи Переславцевой. Такъ обстояло дѣло до 25 февраля 1889 года, когда извѣстный русскій зоологъ А. О. Ковалевскій въ новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей поднялъ вопросъ объ ея реорганизациі, который, въ концѣ концовъ, перешелъ въ вопросъ о томъ, кому должна быть подчинена севастопольская биологическая станція. При этомъ одни изъ членовъ новороссійскаго общества естествоиспытателей, опираясь, такъ сказать, на земскую давность оевнорнаго руководительства ею со стороны означеннаго общества, доказывали, что общество имѣетъ право самостоятельно распоряжаться ею, тогда какъ другіе члены его совершенно основательно утвер-

ждали, что оно не имѣть никакого исключительнаго права на это. Споръ затянулся и, какъ водится, сильно обострился, а въ результатѣ его севастопольская станція фактически почти прекратила свое существованіе, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что севастопольская биологическая станція была бѣдна и работала сравнительно вяло, несомнѣнно также, что, какъ очевидно полезное учрежденіе, она необходимо должна была быть преобразована къ лучшему, но, тѣмъ не менѣе, не было никакой надобности стараться упразднить ее, не имѣя особенныхъ надеждъ на ея скорое возрожденіе.

Будемъ надѣяться, что имѣющій собраться въ Москвѣ IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей обратитъ на этотъ прискорбный инцидентъ должное вниманіе и авторитетно выскажется о будущности севастопольской биологической станціи, которая и была учреждена по инициативѣ московскаго же съѣзда 1869 года. Не отдѣльному обществу или учрежденію, а только ему принадлежитъ несомнѣнное право такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ и, если окажется нужнымъ, ходатайствовать въ подлежащихъ сферахъ о приведеніи своего рѣшенія въ исполненіе. Точно также нельзя не пожелать, чтобы предстоящій съѣздъ энергично занялся организаціей спеціальной и возможно лучше обставленной экспедиціи для систематическаго глубоководнаго изслѣдованія Чернаго моря во всѣхъ его подробностяхъ, обосновавъ это высоко-интересное и полезное научное предпріятіе не на случайномъ стеченіи тѣхъ или другихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, а на прочномъ и постоянно-дѣятельномъ содѣйствіи какъ правительственныхъ учреждений, такъ и частныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться, что наше морское министерство, всегда внимательное къ интересамъ науки, и на этотъ разъ не откажетъ въ своемъ просвѣщенномъ участіи въ осуществленіи подобнаго предпріятія. Не меньшее участіе въ этомъ дѣлѣ могло бы выказать и богатѣйшее въ Россіи русское общество пароходства и торговли, которое уже потому не можетъ быть не заинтересовано во всестороннемъ изученіи Чернаго моря, что пароходы его очень часто терпятъ крушенія на немъ. Точно также, нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній, что въ русскомъ обществѣ безъ труда найдутся и такія лица, которыя пожелаютъ оказать дѣятельное матеріальное содѣйствіе его изученію, и что Черное море будетъ имѣть своего Сибирякова, имя котораго въ лѣтописяхъ науки будетъ повторяться съ неменьшею признательностью и уваженіемъ, чѣмъ имя этого почтеннаго дѣятеля, столь много потрудившагося на пользу научнаго изученія нашихъ полярныхъ морей.

В.—ъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русскій посолъ въ Парижѣ вручилъ, въ торжественной аудіенціи, президенту Французской республики знаки высшаго нашего ордена Андрея Первозваннаго. Это свидѣтельство особеннаго вниманія и уваженія со стороны Императора Александра III къ главѣ французскаго правительства встрѣчено было въ высшей степени сочувственно русскимъ и французскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Почетная любезность, оказанная г. Карно, служить новымъ доказательствомъ дружественныхъ отношеній, установившихся между Россіей и Франціей, и того миролюбія и безкорыстія во внѣшней политикѣ, о которыхъ многократно заявляло наше правительство. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты отнеслись враждебно и насмѣшливо къ врученію президенту Французской республики высшаго русскаго ордена. Мы полагаемъ, что въ этомъ актѣ нельзя видѣть ничего враждебнаго Германіи. Народъ гогенцоллернскіи имперіи нуждается въ мирѣ не менѣе русскаго и французскаго народовъ. Для войны съ нѣмцами у насъ нѣтъ никакихъ основаній, и наша дружба съ Франціей является только противоявіемъ тройственному союзу и надежнымъ оплотомъ противъ нарушенія европейскаго мира. Французскіе шовинисты намъ въ такой же степени несимпатичны, какъ и германскіе. Мы понимаемъ, что французскій патріотизмъ можетъ страдать отъ печальныхъ послѣдствій несчастной войны. Естественно, что многіе и многіе французы не перестаютъ думать объ Эльзасѣ и Лотарингіи и надѣются возвратить Франціи эти двѣ провинціи. Какъ ни законны такія стремленія, но европейская война, цѣною которой они могли бы быть осуществлены, является величайшимъ бѣдствіемъ и для самой Франціи, даже въ случаѣ счастливаго исхода войны, и для всего человѣчества. Поэтому, повторяемъ, искренно сочувствуя современной Франціи, мы не можемъ удержаться отъ непріязненнаго чувства по отношенію къ французскимъ бонапартистамъ, буланжистамъ, орлеанистамъ, клерикаламъ. Поль Кассаньякъ, напримѣръ, въ своемъ *Autorité*, вооружаясь противъ участія французскихъ художниковъ на берлинской выставкѣ, написалъ слѣдующій діалогъ (онъ ведется между мертвыми). Бесѣдуютъ умершіе художники Мейссонье, Реньо, Новиль, императоръ Вильгельмъ I и... Скобелевъ. Послѣдній заявляетъ, что онъ тоже собирался въ Бер-

линь, но только не на выставку. Въ ожиданіи побѣдоноснаго вступленія въ столицу Германіи русской и французской арміи, Скобелевъ совѣтуетъ французскимъ художникамъ отправиться въ Москву, которая ихъ призываетъ и ждетъ. Эта Москва, святая Москва,—говоритъ Кассаньяковскій Скобелевъ,—горѣла отъ французовъ и для французовъ (!). Появленіе французскихъ художниковъ въ святой Москвѣ,—говоритъ Скобелевъ по волѣ Кассаньяка,—будетъ добровольнымъ, великодушнымъ и рыцарскимъ искупленіемъ московскаго пожара. Вотъ какой удивительный вздоръ пишутъ французскіе шовинисты, воображая, что этими нелѣпостями льстятъ нашему національному самолюбію! *).

Мы уважаемъ и любимъ Францію трудолюбивую и миролюбивую, демократическую и просвѣщенную, а бонапартистовъ у насъ и собственныхъ достаточно. Мы внимательно слѣдимъ за успѣхами французскаго законодательства, которое стремится перевести высокіе принципы справедливости и свободы въ учрежденія и нравы великаго народа. Въ сожалѣнію, буржуазные элементы еще очень сильны въ правящихъ классахъ Франціи и правительству республики приходится считаться съ наслѣдіемъ июльской монархіи и второй имперіи. Могущественныя финансовыя ассоціаціи и управляющіе мировымъ денежнымъ рынкомъ банкиры являются весьма значительнымъ препятствіемъ для правильнаго развитія фабричнаго законодательства, преобразованія податной системы и другихъ мѣропріятій на пользу рабочихъ классовъ. А въ этихъ классахъ все болѣе и болѣе развивается самосознаніе и недовольство существующимъ порядкомъ, хотя рабочіе и приходятъ къ убѣжденію въ необходимости мирной и политической борьбы для обезпеченія своего экономическаго положенія. Недавно муниципальный совѣтъ города Парижа былъ занятъ вопросомъ о празднованіи перваго мая, дня, избраннаго для заявленія солидарности рабочихъ всѣхъ странъ. Какъ извѣстно, международный съѣздъ делегатовъ отъ рабочихъ постановилъ, чтобы ежегодно перваго мая прекращались всѣ работы на фабрикахъ и заводахъ. Въ прошломъ году ожидали по этому поводу безпорядковъ, но опасенія не оправдались. Въ Германіи и въ Англіи постановленіе конгресса не было осуществлено. Парижскій муниципальный совѣтъ выразилъ сочувствіе требованіямъ рабочихъ, въ особенности установленію восьми-часоваго рабочаго дня, но относительно майской манифестаціи высказался уклончиво. На международномъ конгрессѣ рудокоповъ, который происходилъ въ Парижѣ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, мнѣнія на этотъ счетъ также раздѣлились.

*) Статья Кассаньяка такъ курьезна, что мы приведемъ выдержку изъ нея въ линиикѣ. Вотъ какъ кончаетъ свою рѣчь Скобелевъ: „Et enat lendant, vosartistes, les vrais, ceux qui ne separent pas le patriotisme de l'Art, iront à Moscou, qui les appelle qui les attend, à Moscou la sainte, qui brûla pour vous et à cause de vous, et à qui seule vous devez votre visite, car cette visite, c'est, la réparation volontaire, la réparation généreuse et chevaleresque, la seule qu'on puisse jamais exiger de la noble France“ (L'Autorité, 25 février).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что социальная неурядица въ Западной Европѣ была бы устранена, если бы не господство милитаризма, который истощаетъ народныя силы и грозитъ разрушеніемъ общественнаго благосостоянія. Въ счастію, паденіе министерства Криспи увеличило шансы мира. О внутреннемъ и международномъ положеніи Италіи, принявшей при бывшемъ министрѣ - президентѣ вызывающее положеніе по отношенію къ Франціи, любопытныя соображенія высказаны были въ статьѣ *Contemporary Review*. Статья эта озаглавлена *Савойская династія, папа и республика*. Ея авторомъ считаютъ Гладстона или кого-либо изъ близкихъ ему людей. Экономическое положеніе итальянскаго народа изображено здѣсь мрачными красками. Въ недовольствѣ, которое вызывается такимъ состояніемъ, присоединяется религіозная борьба и враждебныя отношенія между папою и савойскою династіей. Участіе въ тройственномъ союзѣ не принесло Италіи никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ, разстроило ее финансы, страшно усилило податное бремя населенія. Авторъ статьи англійскаго журнала предсказываетъ революцію, если итальянское правительство не замѣнитъ своей международной и внутренней политики, и предвидитъ возможность образованія республики въ Италіи, что поведетъ къ образованію федераціи латинскихъ государствъ съ папою во главѣ, какъ почетнымъ президентомъ. Это послѣднее предположеніе, т.-е. почетное президентство папы, отличается, разумѣется, полною несостоятельностью и фантастичностью.

Новому итальянскому министру-президенту предстоитъ трудная задача исправить то зло, которое принесла Италіи великодержавная политика Криспи. Въ Африкѣ итальянцы продолжаютъ терпѣть неудачи и король Менеликъ отказался отъ трактата, который предоставлялъ Италіи значительныя выгоды. Кромѣ того, судъ Линча надъ итальянцами въ Луизианѣ поведетъ къ дипломатическому столкновенію съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Итальянскій посланникъ потребовалъ немедленнаго представленія гарантій того, что преступленіе не останется безъ должнаго наказанія, и, не получивши этой гарантіи, былъ отозванъ. Сѣверо-американскій министръ иностранныхъ дѣлъ Блэнъ обратился по этому поводу къ оставшемуся въ Вашингтонѣ повѣренному въ дѣлахъ итальянскаго посольства съ письмомъ, въ которомъ высказано нѣсколько совершенно правильныхъ соображеній: «Американское правительство, — пишетъ Блэнъ, — не усматриваетъ разумныхъ поводовъ для объясненія внезапнаго отъѣзда представителя Италіи и сожалѣніе его усугубляется небезосновательнымъ предположеніемъ, что баронъ Фава былъ отозванъ вслѣдствіе простаго недоразумѣнія. Факты, очевидно, были превратно истолкованы итальянскому правительству. Американское правительство, въ сущности, ограничилось заявленіемъ, что не считаетъ себя вправѣ ручаться за неукоснительное исполненіе требованія Италіи относительно преданія виновныхъ въ насильственной расправѣ американскихъ гражданъ формальному уголовному суду. Конституція Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительно гласитъ, что каждый осужденный вправѣ требовать скорого, безпристрастнаго суда. Но это принципиальное условіе

несовмѣстимо съ требованіемъ Италіи. Правительство Соединенныхъ Штатовъ сознаетъ необходимость нравственнаго удовлетворенія, предписываемаго американскою конституціей и договоромъ 1871 года. Въ силу этого, оно выждетъ точнаго опредѣленія степени виновности каждаго причастнаго къ дѣлу лица законно установленными властями и нелицеприятнымъ судомъ. Нетерпѣніе пострадавшей стороны въ данномъ случаѣ понятно, но правосудіе не допускаетъ неосмысленной поспѣшности въ вопросахъ, требующихъ безпристрастныхъ рѣшеній судебной власти *)).

Послѣднія извѣстія съ Балканскаго полуострова звучатъ очень тревожно. Въ Сербіи продолжается сильное броженіе, вызванное интригами Милана, раздоромъ въ королевской семьѣ и происками австро-венгерскаго правительства. Въ Болгаріи произведено было покушеніе на жизнь министра-президента Стамбулова, причѣмъ былъ убитъ министръ финансовъ Бельчевъ. Повидимому, принцъ Фердинандъ Кобургскій и правительство Стамбулова имѣютъ много враговъ въ княжествѣ. Къ этому присоединяется соперничество между сербами и болгарами. «Въ славянскомъ мірѣ, — говорятъ *Славянскія Извѣстія*, — послѣ польско-русской распри, самое болѣе мѣсто составляетъ сербско-болгарскій споръ изъ-за Македоніи. Не проходитъ дня, чтобы въ печати сербской или болгарской не проявились самыя враждебныя чувства болгарина къ сербу или наоборотъ. Отношенія между этими народами такъ натянуты, что они въ состояніи каждую минуту сдѣлаться другъ съ другомъ и повторить кровавую драму 1885 года, если бы тому не мѣшали разныя политическія, финансовыя и другія условія, въ которыя Болгарія и Сербія поставлены въ настоящее время **). Петербургская газета отдаетъ должную справедливость просвѣтительной дѣятельности болгарскихъ патріотовъ, благодаря которымъ воскресъ къ самостоятельной политической жизни пяти-милліонный болгарскій народъ. Вражда сербовъ и болгаръ изъ-за Македоніи на руку только нѣмецкимъ и мадьярскимъ централистамъ Австрійской имперіи. Для совмѣстной культурной дѣятельности обомъ славянскихъ племенъ могъ бы открыться въ этой области достаточный просторъ, если бы она получила автономію, которая составляетъ одно изъ постановленій берлинскаго трактата. Македонскій вопросъ печально усложняетъ и безъ того невыгодное положеніе, въ которомъ находятся славянскія племена на Балканскомъ полуостровѣ и въ предѣлахъ габсбургской монархіи. Рѣшительная побѣда, которую одержали младо-чехи надъ старо-чехами, не обезпечиваетъ, къ сожалѣнію, близкаго торжества національных стремленій чешскаго народа. Министерство графа Таафе, какъ мы уже упоминали, не располагаетъ въ новомъ парламентѣ однороднымъ большинствомъ и должно будетъ опираться на разныя парламентскія группы. Всего ближе къ правительственной про-

*) *Правительственный Вѣстникъ*, № 68.

***) *Славянскія Извѣстія*, № 11.

граншѣ стоитъ клубъ графа Гогенварта, съ которымъ во многихъ вопросахъ будутъ идти рука объ руку польскіе депутаты. Вожди нѣмецкой либеральной партіи, Пленеръ и Хлумецкій, послѣ долгихъ переговоровъ съ графомъ Таафе, пришли къ заключенію, что ихъ централизаторскія идеи не найдутъ поддержки со стороны правительства. Пленеръ и Хлумецкій отказались, поэтому, отъ опредѣленныхъ соглашеній съ министерствомъ, и это рѣшеніе встрѣтило полное одобреніе всѣхъ депутатовъ, принадлежащихъ къ нѣмецкой либеральной партіи.

Младо-чехи немедленно по открытіи парламента внесли предложенія, клонящіяся къ укрѣпленію и развитію автономіи ихъ народа. Они напоминаютъ, кромѣ того, о торжественномъ обѣщаніи императора Франца-Иосифа вѣнчаться короною св. Венцеслава. При нынѣшнемъ положеніи вещей, этому обѣщанію, данному много лѣтъ тому назадъ, едва ли суждено осуществиться; но младо-чехи, выступая съ этимъ требованіемъ, имѣютъ въ виду, очевидно, доказать чешскому народу, что ихъ нападенія на пассивность и крайнюю уступчивость старо-чешскихъ парламентскихъ вождей не были только избирательнымъ маневромъ, что младо-чешскіе депутаты рейхсрата намѣрены вести дѣятельную борьбу за свои національныя права. Эта борьба грозитъ серьезною опасностью нынѣшней дуалистической системѣ Австро-Венгріи и ослабляетъ, конечно, международное значеніе этого государства. Союзъ Австрійской имперіи съ Германіей и Италіей не соотвѣтствуетъ славянскимъ интересамъ и младо-чехи неоднократно выступали противъ этого союза. Онъ ложится, между тѣмъ, тяжелымъ бременемъ на народонаселеніе и сильно тормазитъ развитіе экономическихъ силъ страны. Участіе въ тройственномъ союзѣ еще дороже обходится Италіи. Новое министерство Рудини вступило, однако, на путь сбереженій и устранило тотъ вызывающій тонъ, который бывшій министръ-президентъ усвоилъ по отношенію къ Франціи. Весьма поучительны пренія въ итальянскомъ парламентѣ, вызванныя обсужденіемъ новаго бюджета, въ которомъ сдѣланы значительныя сокращенія въ военныхъ издержкахъ. Новый министръ финансовъ, въ заключеніе своей рѣчи, настаивалъ на томъ благоприятномъ впечатлѣніи, которое должно произвести и въ Италіи, и за границей серьезныя стремленія установить равновѣсіе между расходами и доходами, укрѣпить, такимъ образомъ, государственный кредитъ и обезпечить общественное благосостояніе. Эти миролюбивыя заявленія были энергично поддержаны министромъ-президентомъ Ди-Рудини. Въ словахъ нѣкоторыхъ депутатовъ прозвучали въ теченіе этихъ преній и шовинистскія нотки. Депутатъ Сани, напримѣръ, называлъ на то, что Италія должна вооружаться и стремиться къ новымъ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ. Сани заявлялъ, что онъ, хотя и старикъ, охраняетъ всѣ идеалы молодости и не думаетъ, чтобы послѣднее слово итальянской исторіи было написано двадцатаго сентября 1870 года, не вѣрить, что Италія должна отказаться отъ стремленій къ величію *). При-

*) *La Tribuna*, 21 marzo 1891.

спи съ своей стороны высказалъ мнѣніе, что его политика есть политика и новыхъ министровъ. Мы уже высказывали предположеніе о томъ, что, дѣйствительно, съ паденіемъ кабинета Бриспи нѣтъ основаній рассчитывать на коренную перемѣну въ направленіи итальянской политики, внутренней и вѣшной. Тѣмъ не менѣе, и сбереженія въ военныхъ расходахъ, и миролюбивый тонъ новаго кабинета по отношенію къ Франціи составляютъ благопріятные признаки. Палата депутатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (изъ 450 воздержалось отъ подачи голоса 45, высказалось противъ правительства 92, за правительство 313) выразила полное довѣріе новому кабинету.

Тѣ стремленія къ государственному величію, о которыхъ говорили, при сочувственныхъ знакахъ вниманія палаты, Джакомо Сани, ближе всего касаются союзницы Итальянскаго королевства въ *миръ мира*, Австро-Венгрии. Нѣсколько областей габсбургской монархіи—южный Тироль и часть побережья Адриатическаго моря—населены преимущественно итальянцами, которые тяготеютъ къ своему объединенному отечеству. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ итальянское населеніе перемѣшано съ нѣмецкимъ и славянскимъ. При такихъ условіяхъ принципъ національности неосуществимъ во всей его полнотѣ. Является необходимость ограниченія этого принципа въ интересахъ другой національности и его дополненія такими началами общей государственной жизни, которыя стоятъ выше каждой національности, обеспечивая и ея самостоятельное развитіе, и правильное развитіе государственнаго дѣлага. Съ этой точки зрѣнія, мы, вполне сочувствуя энергическимъ усиліямъ австрійскихъ поляковъ для упроченія своей автономіи, не можемъ признавать справедливою ту борьбу съ законными стремленіями къ подобной же автономіи малорусскаго народа, каковую ведутъ въ Галиціи поляки*). Требования чеховъ, имѣющія дѣло обезпечить національное существованіе чешскаго народа, также встрѣчаютъ полное и горячее сочувствіе русскаго общества, которое сожалеетъ только о крайностяхъ, столь частыхъ въ острой борьбѣ съ весьма опаснымъ врагомъ.

Намъ приходилось уже много разъ указывать на то, что національная вражда ослѣпляетъ даже весьма выдающихся людей, что она врывается и въ ученое изслѣдованіе, вноситъ злобу и несправедливость въ политическія и личныя отношенія. Новымъ образцомъ такого печальнаго вліянія народнаго самоинѣнія могутъ служить статьи извѣстнаго германскаго ученаго Липперта, напечатанныя въ газетѣ *Bohemia* въ прошломъ году. Липпертъ усиливается доказать, что чешскій народъ никогда не стремился къ равенству и свободѣ, что его ранняя исторія свидѣтельствуетъ о рабскихъ наклонностяхъ племени: собственностью, жизнью и достоинствомъ чеховъ, безъ протеста съ ихъ стороны, неограниченно распоряжались вожди. Естественно, что чешскіе ученые выступили противъ этого

*) *Русская Мысль* дастъ въ скоромъ времени статью, которая сообщаетъ о просвѣтительномъ движеніи въ Галицкой Руси.

страннаго утверждѣнія, основаннаго на недостаточно-полномъ и небезпристрастномъ изученіи источниковъ. Очень обстоятельное и совершенно сполна опроверженіе мнѣній Липперта находится въ книжкѣ Пейскера *).

Поучительна и полемика, вызванная отзывомъ знаменитаго датскаго критика Брандеса о Мольткѣ и Бисмаркѣ. Брандесъ сказалъ, что бывшій канцлеръ не стоитъ на высотѣ германской культуры, что миръ ничѣмъ благотворнымъ не обязанъ прусскому милитаризму и бюрократизму. Это мнѣніе вызвало ожесточенныя нападенія. Авторъ одной изъ брошюръ, направленныхъ противъ Брандеса, осыпая его самою рѣзкою бранью, не менѣе рѣзко нападаетъ вообще на либерализмъ, на международныхъ либераловъ (*Internationale Liberalen*). Главнѣйшее преступленіе этихъ послѣднихъ заключается въ слѣдующемъ ихъ разсужденіи: «Война есть проявленіе дикости; мы всѣ, прежде всего, люди, а потомъ уже нѣмцы, французы или русскіе; зачѣмъ намъ истреблять другъ друга? Разумный и гуманнѣйшій человѣкъ не долженъ участвовать въ кровопролитіяхъ; его идеалъ есть мирно живущее человѣчество». Максъ Беверъ, авторъ упомянутой нами брошюры **), возражаетъ на это, что ни одного культурнаго успѣха нельзя достигнуть безъ приложенія матеріальной силы, какъ будто война имѣетъ цѣлю и результатомъ культурные успѣхи, какъ будто насильственное отторженіе Пруссіей датскихъ и французскихъ областей производилось во славу и на пользу человѣчества, а не въ удовлетвореніе грубаго государственнаго эгоизма и прискорбно раздутаго національнаго тщеславія! Беверъ презрительно утверждаетъ, что либерализмъ отличается половинчатостью, что онъ занимаетъ средину между Гамлетомъ и Бисмаркомъ. Допустимъ, что послѣднее справедливо, но въ такомъ случаѣ либерализмъ будетъ называться маркизомъ Повой и Гарибальди.

Сами безпристрастные нѣмецкіе писатели и общественные дѣятели отмѣчаютъ печальный упадокъ нѣмецкой литературы и вообще искусства за послѣдніе годы и приписываютъ это явленіе господству милитаризма и бюрократизма, тому духу казарменной дисциплины и канцелярскаго единообразія, который повѣялъ надъ Германіей изъ Пруссіи послѣ побѣдоносной войны съ Франціей. Мы уже замѣчали, что *новый курсъ*, о которомъ возвѣщалъ императоръ Вильгельмъ II, быстро сбивается на прежнее, что императорское германское правительство отрывается отъ союза съ либеральными партіями парламента и идетъ на уступки партіи центра. Отставка министра народнаго образованія Госслера, представителя *культурной борьбы*, свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ движеніи въ этомъ направленіи и новымъ побѣдамъ партіи нѣмецкихъ католиковъ можетъ помѣшать лишь отсутствіе такого искуснаго руководителя партіи, какимъ былъ покойный Виндгорстъ. Въ парламентѣ Виндгорстъ игралъ главную роль и

*) *Peisker*: „Die Knechtschaft in Böhmen. Eine Streitfrage der böhmischen Socialgeschichte“. Gegen Herrn Julius Lippert. Prag.

***) *Max Bever*: „Bismarck, Moltke und Goethe“. Eine kritische Abrechnung mit D-r Georg Brandes.

много содѣйствовалъ тому, что это великое учрежденіе, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ и дѣйствительно объединяющее Германію, выросло такъ быстро и принесло уже такъ много пользы нѣмецкому народу. Силою своего ума, непреклонною энергіей, безкорыстною преданностью руководящимъ принципамъ его партіи покойный депутатъ достигъ того, что съ нимъ становилось все труднѣе и труднѣе бороться князю Бисмарку. Виндгорстъ, хотя и ревностный католикъ, всегда вооружался противъ нетерпимости и тѣхъ исключительныхъ законовъ, которыми Вильгельмъ I и его желѣзный канцлеръ боролись съ социаль-демократическою партіей. Естественно поэтому, что личность Виндгорста была окружена общимъ уваженіемъ, и смерть такого парламентскаго дѣятеля вызвала искреннее сожалѣніе людей всѣхъ направленій, дорожащихъ свободнымъ развитіемъ ихъ отечества.

Виндгорстъ принималъ близко къ сердцу нужды и стремленія рабочихъ классовъ и весьма дѣятельно участвовалъ въ законодательныхъ трудахъ рейхстага, имѣвшихъ цѣлью охрану жизни, здоровья и экономическаго благосостоянія фабричныхъ рабочихъ. Германскому парламенту предстоитъ еще очень много дѣла въ этомъ отношеніи. Занять рабочимъ вопросамъ и англійскій парламентъ, все болѣе и болѣе выдвигается необходимость такого законодательства и въ Австро-Венгріи. Намъ приходилось уже указывать на крайне ненормальную отсталость бельгійскаго фабричнаго законодательства, — отсталость, которая объясняется неудовлетворительною системою народнаго представительства въ этой странѣ. Отъ участія въ немъ устранено теперь громадное большинство населенія Бельгіи, но агитація въ пользу введенія всеобщей и закрытой подачи голосовъ приняла въ настоящее время такіе значительные размѣры, что реформа, по всей вѣроятности, не за горами.

Законодательствомъ Французской республики также сдѣлано меньше, чѣмъ слѣдуетъ, для того, чтобы демократическому началу управленія страню соответствовало экономическое положеніе народа. Для устраненія пролетаріата не принято еще никакихъ мѣръ, которыя поражали бы источники его происхожденія. Широкое развитіе благотворительности — и общественной, и частной — можетъ служить лишь палліативомъ, оно въ состояніи исцѣлять только острые проявленія зла, да и то далеко не во всѣхъ случаяхъ. Голодная смерть цѣлой несчастной семьи въ Парижѣ возбудила недавно сильное волненіе среди французскаго общества, и послышались голоса, требующіе преобразованія существующей системы общественнаго призрѣнія. Этотъ вопросъ настолько важенъ, что *Русская Мысль* ответитъ ему нѣсколько статей. Въ хроникѣ иностранной жизни возможно указать толь на нѣкоторые изъ недостатковъ современнаго французскаго законодательства по вопросамъ благотворительности. Справедливо говорятъ, напримѣръ, что дѣйствительная нужда, доходящая до крайнихъ предѣловъ голода, остается неизвѣстною администраціи общественнаго призрѣнія, потому что такая нужда таится, не обиваетъ пороговъ, не рѣшается громко заявить

о себѣ. Необходимо пойти на встрѣчу подобнымъ бѣднякамъ, оградивъ ихъ вполне законное самоуваженіе. Въ Парижѣ считается до ста тысячъ лицъ, которыя получаютъ періодическую помощь отъ управленія общественною благотворительностью. Въ этому надо присоединить больныхъ, сиротъ, людей, которымъ оказывается временная помощь на дому. Понятно, какъ громадны средства, идущія на все это. Средства эти находятся въ столицѣ Франціи, но распредѣляются они неудовлетворительно, и многіе видятъ главную причину этого въ неправильной организаціи благотворительности. Въ каждомъ округѣ (arrondissement) Парижа существуетъ бюро благотворительности изъ нѣсколькихъ комиссаровъ, не получающихъ вознагражденія. Эти бюро руководятся административною комиссіей и почти не зависятъ отъ центральнаго управленія. При всей доброй волѣ комиссаровъ, которые распредѣляютъ между собою каждый округъ на участки, они не могутъ посвятить этой дѣятельности всѣхъ своихъ силъ,—иными словами, не могутъ услѣдить за всѣми случаями тяжелой нужды и во-время придти ей на помощь. Нѣкоторые предлагаютъ поэтому учрежденіе общей и единственной кассы призрѣнія для всего Парижа и назначеніе комиссарамъ жалованья, что обусловило бы ихъ надлежащую ответственность и правильное веденіе дѣла *).

В. Г.

*) Ср. *Paris*, 8 avril 1881.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Лѣтъ сорокъ назадъ мы знали очень хорошо, что такое Петербургъ и что такое Россія. Тогда объ этомъ можно было прочитать у Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Соловьева. Теперь о Петербургѣ, и Россіи ни у кого ничего не прочитаешь. Тогда и Петербургъ, и Россія были что-то цѣльное, и люди ихъ были цѣльные. Человѣкъ, только что родившійся, имѣлъ уже свое опредѣленное мѣсто въ природѣ, впереди его лежалъ готовый путь, по которому онъ шелъ и соответственно которому думалъ и поступалъ. Передъ теперешнимъ человѣкомъ готовыхъ дорогъ нѣтъ, нѣтъ у него и мѣста готоваго, все это нужно найти, да и думать нужно научиться, думать по-своему. Тогда у каждого была готовая ниточка, за которую онъ держался, теперь большинство старыхъ ниточекъ порвалось, новыхъ еще не свили, и очень немногіе знаютъ, за что имъ держаться.

Теперешнее время прозвали временемъ хаоса и шатанія мысли, и всѣхъ, кто выступилъ въ жизнь послѣ того, какъ порвались прежнія ниточки, обвинили въ нравственномъ и умственномъ безпутствѣ, безцѣльности, безпринципности, въ отсутствіи идеаловъ и устоевъ. Тутъ есть недоразумѣніе, вслѣдствіе оптического обмана. Обвиненіе падаетъ на теперешняго человѣка, потому что никого другаго и обвинить больше нельзя. Вѣдь, нельзя же обвинять мертвыхъ? Но теперешній обвиняемый, все-таки, мертвый человѣкъ, хоть онъ и стоитъ передъ нами во весь ростъ. Онъ, этотъ теперешній, есть собственно человѣкъ прошлаго, онъ кость отъ кости и плоть отъ плоти того времени, которое прошло и которое смѣнилось временемъ новымъ и такимъ же новымъ человѣкомъ. Тѣ же, теперешніе, которыхъ обвиняютъ, только родились нынче, но они то, чѣмъ были люди тогда, съ тѣми же принципами и нравственными устоями, съ тѣми же понятіями и воззрѣніями, которыя они и внесли въ новый открывшійся передъ ними просторъ жизни. Просторъ этотъ для нихъ оказался слишкомъ великъ и они въ немъ потерялись, потому что у нихъ не нашлось никакой внутренней, нравственной и умственной дисциплины. Съ старою же, дореформенною дисциплиною на этотъ просторъ выступать было нельзя. Вотъ эти-то люди, съ которыхъ сняли шоры, и натворили неустройства.

Шатается не новое, что вступило въ новое, шатается старое, что вступило въ новое съ своимъ старымъ. Наши публицисты правой, обрушивающіеся на шатающихся и распущенныхъ людей, даже и не подозрѣваютъ того, что они указываютъ лишь на себя и на своихъ, составляющихъ общественно-идейный анахронизмъ. Кто всѣ эти фигурирующие въ позорныхъ процессахъ, кто эти расхитители общественного сундука, кто эти насильники и злоупотребители, кто эти дѣльцы новой формации, кулаки и шіянки, высасывающіе отовсюду живые соки? Кто ихъ создалъ, какая идея дала имъ жизнь и содержаніе и опредѣлила ихъ поведеніе? Реформы создали только просторъ, въ который они и влѣзли съ тѣми идеями, понятіями, стремленіями и аппетитами, истребить которые изъ русской жизни и должны были реформы.

Оптический обманъ, въ которомъ будто бы пребываютъ наши «правые», обманъ не для нихъ, а для ихъ противниковъ. «Правые», зная все, что они знали, въ обманъ впасть не могли и разыграли твердо свою партію, какъ по нотамъ.

Всегда во всѣ времена и у всѣхъ народовъ консерваторы гораздо лучше понимали свое дѣло и искуснѣе вели свою игру, чѣмъ либералы. И это понятно. Консерваторы стояли всегда твердо на практической, личной почвѣ, умѣли хорошо мѣрять и считать, и знали, что именно нужно имъ мѣрять и считать. Блага, къ которымъ они стремились, были всегда блага осязательныя. Освобожденіе крестьянъ было для нихъ вопросомъ о даровой силѣ и землѣ, которая отъ нихъ отходила. Судъ присяжныхъ былъ пугающимъ голосомъ общественнаго мнѣнія, которое могло извлечь на свѣтъ Божій то, что хотѣлось бы имъ оставить безгласнымъ, и т. д. И они были послѣдовательны и громки безъ передышки и пощадъ новыя учрежденія, нарушавшія ихъ выгоды.

А что могли противопоставить имъ либералы? Идеи братства, любви, гуманныхъ человѣческихъ правъ? Идеи! Но много ли на свѣтѣ людей, для которыхъ идеи были бы чѣмъ-то жизненно-осязательнымъ, органически-цѣльнымъ, неотдѣлимую принадлежностью всего ихъ нравственнаго и умственнаго существованія? Вѣдь, сила идеи, за которую люди шли на костры, только въ такой органической цѣльности и заключается. «Вотъ тутъ я весь передъ вами», сказалъ Мартинъ Лютеръ на Вормскомъ соборѣ, и онъ былъ дѣйствительно «весь», цѣльный, сплоченный, не разъединимый отъ идеи, которую онъ высказывалъ и за которую вышелъ на борьбу.

Эта цѣльность въ первой молодости не дается. Она создается многолѣтнею, согласною работой сердца, ума и поведенія, слагающею ничѣмъ неустраняемую привычку быть именно только цѣльностью безъ всякихъ разрывовъ и противорѣчій между словомъ и дѣломъ. Кроме того, въ первой молодости мѣшаетъ цѣльности еще и «исканіе истины», исканіе того «ключика жизни», который, какъ думаетъ молодежь, откроетъ ей всѣ тайны бытія. Эта истина еще не ясна, во многомъ она даже спорна, чувство правды и справедливости ищетъ еще своего выраженія въ той или другой

формуль, которую нужно создать и вложить въ нее житейскій смыслъ практической осуществимости. Эта работа не простая. Какже тутъ не уступить правымъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ этой работы и программа которыхъ ясна и пряма, какъ таблица умноженія, какъ простой счетъ выгоды и убытка?

Но если это такъ, если правые знаютъ и свой счетъ, знаютъ, что для этого счета нужно, чтобы въ новыхъ мѣхахъ было старое вино, то чѣмъ же они возмущаются, что это за комедія негодованія и игра въ благородные порывы? Ложь это, что ли? Да, это ложь, но по-ихнему это не ложь, а «политика».

Любопытный фактъ припоминаю я изъ пушкинскаго торжества въ Москвѣ. Достоевскій, заготовивъ свою извѣстную рѣчь, отправился съ нею къ одному вліятельному петербургскому критику, чтобы выслушать его замѣчанія. Въ рѣчи Достоевскій ссылаясь на *Пророка*. Спуталъ ли онъ, измѣнила ли ему память, но, вмѣсто пушкинскаго *Пророка*, онъ вставилъ въ рѣчь *Пророка* Лермонтова. Критикъ это ему замѣтилъ, Достоевскій заспорилъ, навели справки, и критикъ оказался правъ. Вотъ эту исторію критикъ и рассказывалъ мнѣ со смѣхомъ, и трунилъ при этомъ надъ самимъ Достоевскимъ, надъ его рѣчью и надъ тѣмъ энтузіазмомъ, который она вызвала въ Москвѣ. Все это было на другой день по возвращеніи критика изъ Москвы, а на третій—явился въ газетѣ его фельетонъ, въ которомъ исторія московскаго торжества и эффектъ Достоевскаго «всечеловѣка» были рассказаны съ такою патриотическою восторженностью и искреннимъ увлеченіемъ, точно авторъ самъ былъ полонъ энтузіазма, которымъ онъ хотѣлъ наэлектризовать читателя. Что же, это ложь? У обыкновенныхъ людей, конечно, ложь, но на языкѣ людей печати правдой это тоже только «политика» и «тактъ».

Говорятъ, что мы народъ не политическій. Правда, у насъ нѣтъ политической жизни, и, все-таки, едва ли найдется въ Европѣ другой народъ, у котораго было бы столько политики во всемъ его обиходѣ, въ мысляхъ, въ стремленіяхъ, въ жизни, въ практическихъ отношеніяхъ и во всѣхъ мелочахъ, среди которыхъ мы каждую минуту вращаемся. У насъ политика даже каждый мужикъ. Крестьяне въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ гораздо тоньше и осторожнѣе, чѣмъ мы, интеллигенты, потому что живутъ миромъ, гдѣ больше требуется взаимной бережливости, чѣмъ при индивидуальной жизни интеллигентовъ. Но за то наша политика посложнѣе, хитрѣе и отличается восточнымъ лукавствомъ и большою неискренностью. Повторяется это и въ нашихъ личныхъ дѣлахъ, повторяется и въ дѣлахъ покрупнѣе. Всегда у насъ волчій зубъ да лисій хвостъ.

Въ Европѣ, напримѣръ, политическая газета только и есть, что газета политическая, то-есть она вѣдаетъ лишь внѣшнія общественныя отношенія и условія, да порядки, которые къ нимъ относятся, и добивается силы и вліянія своей партіи. Мы, въ сущности, хотя и не живемъ внѣшнею политическою жизнью, но ведемъ въ своихъ газетахъ ту же игру. А

такъ какъ наша жизнь представляетъ кое-какія особенности, то онѣ-то и заявляютъ свои трудно удовлетворяемыя требованія. Возьмите хоть *Новое Время* или *Неделя*, эти двѣ наши самыя ловкія и изворотливыя газеты. Посмотрите, сколько въ нихъ тонкаго лукавства, такъ называемой русской смѣлки и русскаго себѣ на умѣ, сколько умѣнья двояться и лавировать между опасностями, обходить всякую мель, всякій подводный камень! Нѣтъ такой Сциллы и Харибды, между которыми онѣ не сдумѣли бы найти фарватера. Но, вѣдь, для такого плаванія требуется не только извѣстное историческое воспитаніе и наслѣдственность историческаго характера, но и громадное специальное знаніе всѣхъ теченій жизни и всѣхъ воздушныхъ теченій, и знаніе не однихъ общихъ и внѣшнихъ условій, требуется еще и большой практической тактъ, большой практической смыслъ, умѣнье общее свести на личное, заслужить, расположить, сказать иногда «да», когда требуется сказать «нѣтъ», и сказать «нѣтъ», когда требуется сказать «да». Но, вѣдь, все же опять ложь, лицемеріе, обманъ. Нѣтъ, читатель, это только наша житейская, практическая политика, въ которой насъ воспитала жизнь.

Теперь для этихъ органовъ «политика» въ томъ, чтобы пропагандировать «средняго человѣка», простаго смертнаго, который только одинъ все и сдумѣть сдѣлать. Если бы въ этой проповѣди не заключалось «политики», то столкнуться съ *Новымъ Временемъ* и *Неделей* было бы еще возможно. Но дѣло въ томъ, что пропаганда направлена противъ всего предъидущаго умственнаго настроенія, когда «средними людьми» и «средними дѣлами» считалось не то, что считается теперь.

Заговоривъ о новыхъ мѣхахъ и старомъ винѣ, о политикѣ и среднемъ человѣкѣ, я собственно передаю то общее впечатлѣніе, которое въ этотъ пріѣздъ произвелъ на меня Петербургъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я живу въ немъ при особыхъ условіяхъ, имѣя возможность наблюдать Божій міръ только изъ форточки, которая смотритъ на чужое, незастроенное мѣсто, выходящее на тихую улицу. Положеніе, повидимому, не особенно удобное для обильныхъ впечатлѣній. Но какъ разъ это-то положеніе и личныя обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, и дѣлаютъ то, что хотя многое до меня не достигается, но за то нѣкоторыя впечатлѣнія доходятъ въ такой полнотѣ, что я могу говорить безъ всякой боязни за невѣрность выводовъ.

Петербургъ, поистинѣ, «новые мѣха», въ которыхъ орудуешь старый человѣкъ, и основной центръ дѣятельности «средняго человѣка», котораго пропагандируютъ *Новое Время* и *Неделя*. «Средній человѣкъ» есть собственно боевой кличъ людей новаго катехизиса, ихъ формула протеста противъ людей катехизиса предъидущаго. Въ этой борьбѣ передъ нами встаютъ разные масштабы мышленія, разный уровень требованій, равная сила стремленія впередъ, разные условія удовлетворенія, разные высоты душевнаго резонанса, разные взгляды на формы общественности, и не на одни только общественныя права, а на весь строй матеріальнаго, душев-

наго и эстетическаго существованія. Сторонники новаго катехизиса говорятъ, что для жизни нужны не подвиги и геройства, не возвышенныя и священные слова, а трезвенное, простое, прямое пониманіе жизни и такое же къ ней отношеніе, что жизнь слагаетъ средній человѣкъ, и какой онъ есть, такою будетъ и жизнь, что жизнь есть фактъ, а не мечта, и потому нужно считаться съ фактомъ и брать его такимъ, какой онъ есть, потому что сколько бы ни проповѣдывалось непреклоненія передъ нимъ, онъ, все-таки, охватить своею несокрушимою силою и заставитьъ каждаго поступать такъ, какъ онъ того требуетъ, а не такъ, какъ о томъ мечтаетъ этотъ каждый. Самый же всемогущій фактъ и есть «средній человѣкъ». Не культуренъ онъ у насъ, вялъ, дикъ, распущенъ, ничего не знаетъ, хотя и умничаешь, ничего не понимаетъ, хотя и во все суется, самъ не въ состояніи ничего ни устроить, ни сдѣлать для себя, и во всемъ винить только независящія обстоятельства. И вотъ такой-то «средній человѣкъ» всегда и во всемъ обнаружитъ свою властную руку, все-то онъ повернетъ по-своему, всему придастъ свой цвѣтъ и видъ, всякому преобразованію сообщитъ свой собственный характеръ, повернетъ жизнь на свой путь, такъ что ни въ герояхъ, ни въ подвигахъ ихъ нужды никакой не потребуется, и величіе поступковъ окажется уже ни къ чему ненужнымъ.

Ну, ужъ будто бы все это такъ? Вѣдь, не одна общественная жизнь, но и всякая личная жизнь течетъ по болѣе сильному руслу, которое ее увлекаетъ. Это законъ настолько извѣстный, что его и повторять не стоить. А вотъ что напомнить слѣдуетъ. Напомнить слѣдуетъ, что никакой законъ не есть нѣчто неизбѣжное, законъ не есть то, что обязательно должно свершиться при всякихъ обстоятельствахъ и случаяхъ. Законъ есть то, что неизбѣжно должно случиться лишь при наличныхъ, установившихся данныхъ, влекущихъ за собою, какъ извѣстная причина, непремѣнно и извѣстное послѣдствіе. Тутъ ужъ открываются и просторъ, и выборъ, и разныя возможности.

Послѣдователи новаго катехизиса, говоря о «среднемъ человѣкѣ», умалчиваютъ, какое зеркало они наводятъ на жизнь и въ какія очки на нее смотрять. Но даже статистика отказалась теперь отъ средняго человѣка, потому что онъ—вздоръ, фикція. Точное понятіе о жизни даютъ только минимумы и максимумы, то-есть дорога вверхъ или внизъ, и вопросъ лишь въ томъ, слѣдуетъ ли подниматься или опускаться. Кромѣ того, «средній человѣкъ» еще и потому ничего не даетъ точнаго, что онъ не можетъ быть дѣйствительно обще-среднимъ, въ особенности у насъ, при нашемъ сословномъ составѣ. Какого же средняго человѣка сторонники новаго катехизиса хотять взять за силу, которая всему должна дать свой цвѣтъ и окраску? У насъ есть правящее сословіе, имѣющее своего средняго человѣка, есть образованная городская интеллигенція тоже со своимъ среднимъ, есть интеллигенція внутренней Россіи, помѣстная, земская, есть бытовая—подъинтеллигентный слой купеческій и мѣщанскій, придерживающійся Домостроя, наконецъ, внизу всего лежитъ громадный пластъ сер-

мяжной деревенской Россіи, который своимъ грознымъ стомилліоннымъ численнымъ составомъ образуетъ такую «среднюю», что передъ нею становится жутко всему остальному среднему.

Установивъ всё эти группы и въ каждой изъ нихъ выискавъ настоящаго, точнаго «средняго человѣка», какому изъ нихъ мы ввѣримъ историческія, общественныя и всякія другія судьбы Россіи? Какому среднему каждый изъ насъ отдастъ надъ собою и судъ, и право и построить свою жизнь по правдѣ этого человѣка, а не по своей? Должна ли Россія опроститься до средняго сѣмьянаго обитателя деревни, или подняться до средняго вельможи правящаго сословія? Вверхъ ли намъ тянуться, или опускаться внизъ? Держаться ли каждой группѣ своего «средняго человѣка», или забираться за среднимъ человѣкомъ въ сосѣднюю, болѣе многочисленную группу, а то и совсѣмъ сѣсть на дно народной жизни? Нѣтъ, все это что-то не такъ, и проповѣдники средняго человѣка едва ли сами найдутъ выходъ изъ сочиненнаго ими лабиринта.

Казалось бы, что именно Петербургъ меньше всего и можетъ дать матеріала для политической программы о среднемъ человѣкѣ. Петербургъ по преимуществу городъ аристократическій. Только богачамъ да людямъ съ положеніемъ, талантливымъ, способнымъ, изворотливымъ и умѣлымъ, вообще людямъ съ надежными средствами для борьбы, въ немъ и живется по-человѣчески. Все же среднее, заурядное въ немъ только мыкается и крутится, переколачивается и бѣдствуетъ, подавленное всякими трудностями, съ которыми ему бороться не подъ силу. Весь шаблонъ петербургской жизни направленъ на то, чтобы все обезличить и обезформить, вытравить всякую яркость и оригинальность, окрасить все въ одинъ общій сѣрый цвѣтъ, насадить повсюду томящую всѣхъ скуку и ослабить пульсъ жизни. И «средняго»-то человѣка, создающаго такой шаблонъ и такъ легко опускающаго все книзу, предлагаютъ какъ идеалъ общественнаго благополучія и какъ дѣятельную силу для организациі этого благополучія!

Казовой Петербургъ, который вы видите, проѣзжая по улицамъ, совсѣмъ не Петербургъ дѣйствительный: это—Петербургъ въ его стремленіяхъ и будущихъ возможностяхъ. Фасадный, лицевой, показной Петербургъ изображается меньше, чѣмъ десятою частью населенія. Дѣйствительный же Петербургъ, считающій отъ 800 до 900 тысячъ жителей, живетъ за фасадами. Если бы съ Петербургомъ случилось чудо такого превращенія, что всѣ его наружные фасады исчезли, то получилась бы картина первыхъ, вторыхъ и третьихъ дворовъ, то-есть узкихъ глубокихъ колодцевъ, съ выгребными ямами на днѣ, съ неподвижнымъ, отравленнымъ воздухомъ, съ грязными, холодными, крутыми лѣстницами, для которыхъ не существуетъ ни швейцаровъ, ни цѣтвовъ, ни ковровъ, украшающихъ входы парадныхъ этажей. Квартиры въ этихъ колодцахъ полусвѣтлыя, небольшія, затхлыя, въ которыя не проникаетъ ни воздухъ, ни солнце. И постояннаго-то обитателя этихъ квартиръ и составляетъ «средній человѣкъ». Въ квартирѣ «средняго-человѣка» все чахнетъ и вянетъ, начиная съ него и кончая его

дѣтьми. Цвѣты даже не держатся въ такихъ квартирахъ. И вотъ несчастный «средній человѣкъ», у котораго недостаетъ тысячи рублей на квартиру, исчахнувъ зиму въ своемъ колодцѣ, бѣжить весною на поправку на такъ называемыя дачи. Ужь одинъ тотъ фактъ, что подъ Петербургомъ выросъ цѣлый рядъ дачныхъ мѣстностей, образующихъ городки въ 30—40,000 лѣтняго населенія, показываетъ, какъ живетъ среднему человѣку въ петербургскихъ великолѣпныхъ домахъ и въ той внѣшней обстановкѣ, лучше которой Петербургъ пока ничего выдумать не сдумалъ. А сторонники новаго катехизиса хотятъ, чтобы вся Россія жила въ такихъ же колодцахъ и убѣгала изъ нихъ на лѣто на дачи!

И вся матеріальная жизнь средняго петербургскаго человѣка отвѣчаетъ вполне его промозглому жилью. Все въ этой жизни скончано въ одинъ комокъ, въ которомъ не доберешься ни до начала, ни до конца. Одно цѣпляется за другое въ такой взаимной неустранимой зависимости, которой предѣла не видно. Не богатство и не обиліе свободныхъ капиталовъ создаетъ Петербургу его картинную внѣшность и его магазинную торговлю, придающую ему жизненность и разнообразіе. Не богатство торгуетъ въ этихъ нескончаемыхъ вереницахъ магазиновъ, не богатство ихъ и завело. Что такое всѣ эти маленькія табачныя, да суровскія, да башмачныя, да швейныя, которыми заняты вторыя и третія улицы Петербурга и особенно его концы? Это не торговля, а переколачивающаяся нужда, простое и болѣе легкое средство для жизни. Здѣсь тоже орудуетъ «средній человѣкъ», и этотъ средній человѣкъ создаетъ и свою среднюю торговлю. Вся петербургская жизнь спита красными нитками переколачивающейся нужды «средняго человѣка», которому, потому что онъ «средній», жить еще труднѣе. Начиная съ квартиръ и кончая продовольствіемъ и одеждой, все для средняго человѣка устанавливается по иному, именно «среднему» размѣру.

Я могъ бы сообщить читателю изумительныя на этотъ счетъ подробности, но онъ сюда не идетъ. Я могъ бы сообщить, какъ кочанъ кислой капусты обходится среднему человѣку въ 70 коп., потому что настоящую, хорошую кислую капусту достанешь только у Штурма или Зайцева. Штурмъ (говорять, отставной офицеръ), еще недавно рекламировавшій только свой укусъ, теперь сталъ готовить капусту и огурцы и явился сильнымъ соперникомъ Зайцева, который прежде одинъ вѣдалъ это дѣло на весь Петербургъ. Базалось бы, посолить огурцы и заквасить капусту не особенно хитрая наука, и всякая баба могла бы сдѣлать то же самое. И въ Петербургѣ есть сотни мелочныхъ лавокъ, раскинутыхъ повсюду, въ которыхъ продаются кислая капуста и соленые огурцы. Но тотъ же средній человѣкъ, на этотъ разъ «бытовой», который орудуетъ лавочною торговлей, даже и не хочетъ дѣлать того, что дѣлаетъ всякая баба. Когда ему говорятъ, что просто стыдъ, что за кочаномъ кислой капусты нужно посылать къ Штурму, и почему онъ не дѣлаетъ такой капусты, онъ отвѣчаетъ: «Это намъ нейдетъ»,—вотъ и двигайся впередъ съ такимъ среднимъ человѣкомъ и по его идеалу строй общественные порядки!

Этот-то самый средний бытовой человекъ, занявшій всё первые этажи своею торговлею и забравшій въ свои руки снабженіе Петербурга всёми необходимыми, устроилъ торговое благоустройство такъ, что настоящее масло вы найдете только у одного Чистякова въ Морской, сметану только у одного Маркса, творогъ только у одного Леонова на Невскомъ, настоящій французскій хлѣбъ только въ одной французской булочной, тоже въ Морской, а хорошаго молока, несмотря на то, что молочная лавка есть почти въ каждомъ домѣ, нигдѣ не найдете. И какой бы предметъ первой необходимости вамъ ни потребовался, если только вы не желаете имѣть ни суррогата, ни гнили, ни дряни, а вещь настоящую, хозяйственную, хорошую, вы должны непремѣнно отправляться за нею въ центръ города, въ магазины съ установившеюся репутаціей. Гдѣ же среднему человеку платить за кочанъ капусты по 70 коп., и понятно, что этотъ средний человекъ, въ особенности живущій гдѣ-нибудь на окраинѣ, долженъ пользоваться только поддѣлками и поддѣлками. И ничего «средній человекъ» противъ этого и поддѣлать не можетъ. Жизнь для него сложилась и устроилась раньше, чѣмъ онъ въ нее вступилъ такимъ же, какъ и онъ, «среднимъ человекомъ», и ему, среднему человеку, изъ этой жизни не выскокить и ни на какую новую дорогу ее не повернуть.

Средній пошибъ петербургской жизни, начинающійся съ квартиръ въ колодцахъ, на задворкахъ и съ продовольствія всякою вредною дрянью, только нижній, первый фундаментъ того всеобщаго средняго строя, который охватываетъ петербургскую жизнь во всёхъ ея мелочахъ и развѣтвленіяхъ. Хуже всего, что эта средняя жизнь, съ ея наклоннымъ положеніемъ книзу, все ширится, растетъ и захватываетъ все крѣпче и крѣпче петербургскаго человека, принимая его и матеріально, и умственно, и нравственно. Не вверхъ, не къ свѣту, не къ развитію, не къ большому и разнообразному росту идетъ петербургскій человекъ, а опускается все ниже и ниже и становится все сѣрѣе и однороднѣе.

Эта постоянно понижающаяся жизнь создала въ Петербургѣ особую отрасль существованія, которой прежде не бывало. Несомнѣнно, что эта «отрасль существованія» создавалась прогрессивными причинами; но, Господи, что это за прогрессъ и куда онъ ведетъ! Прогрессъ этотъ, впрочемъ, создалъ не самъ средній петербургскій человекъ, его создалъ новый читатель, а новаго читателя создало въ Петербургѣ развитіе школьнаго дѣла, пустившее свои корни даже въ мѣщанскую и крестьянскую избу. Теперь въ Петербургѣ читаетъ всякій дворникъ, и всякая швед, писарь и извозчикъ, и вотъ для этого-то читателя, поднимающагося съ низовъ, создались особая литература и необходимый для нея работникъ. Литература эта дешевая, двухъ-трехрублевая: тутъ и трехрублевая газеты, и трехрублевая иллюстрированныя изданія, и даже двухрублевая собранія романовъ, чуть ли не по 24 книжки въ годъ. Для такой дешевой литературы требуется, конечно, и такой же дешевый литераторъ, и вотъ этотъ-то дешевый литераторъ и составляетъ ту особенность, которой прежде въ рус-

своей литературѣ не бывало. Литераторъ-ремесленникъ смотритъ на свое дѣло только какъ на простой механической заработокъ. Идеинный, интеллигентный трудъ сведенъ тутъ къ простому счету буквъ и листовъ и къ задѣльной платѣ, какъ за шитье сапоговъ и печеніе булокъ. Что бы такому работнику ни приходилось писать или переводить, ему рѣшительно все равно. Требуется народная сказка,—онъ будетъ писать сказку; требуется романъ или поваренная книга,—онъ будетъ дѣлать романъ или поваренную книгу. Отъ одного изъ подобныхъ работниковъ мнѣ пришлось услышать, что прежде всего нужно «пить и ѣсть». И этотъ несчастный работникъ правъ. Ему дѣйствительно прежде всего нужно пить и ѣсть. Воровать или поддѣлывать векселя онъ не станетъ и не сдѣлаетъ никакого дѣла, за которое сажаютъ на скамью подсудимыхъ, а что онъ сегодня работаетъ въ *Гражданинъ*, завтра въ *Новостяхъ* и вообще не справляется съ направлениемъ изданій, затѣмъ пишетъ кухонную книгу или дѣлаетъ переводъ, какой ему закажутъ, тоже не справляясь, какого направленія издатель, лишь бы онъ платилъ деньги, то, вѣдь, какъ же ему и поступать иначе?

И, тѣмъ не менѣе, именно этотъ ремесленникъ-литераторъ, созданный читателемъ, поднимающимся съ низовъ, очень понизилъ и значеніе литератора, и значеніе литературнаго труда. «Середина», въ которую намъ предлагаютъ теперь съѣсть, только одна этому и причиной. Прежде, когда отъ литератора требовались талантъ, искра Божія, идея, познанія и начитанность, подобному ремесленнику не нашлось бы мѣста въ литературѣ. Такъ какъ ему рѣшительно все равно, чѣмъ добывать деньги, то онъ давалъ бы уроки музыки, служилъ въ какой-нибудь «статистикѣ» или конторѣ, и въ литературу бы не забирался. Но нынче его въ литературу возьмутъ, потому что и литература стала тоже рынкомъ для труда, и тому, кто знаетъ языки и умѣетъ писать достаточно литературно, всегда найдутся на этомъ рынкѣ занятія.

Вы скажете, что и въ читателѣ, поднимающемся съ низовъ, тоже нужно воспитывать и честныя мысли, и честныя чувства, высказанныя убѣдительнымъ словомъ, просвѣщающимъ, очищающимъ, облагораживающимъ и поднимающимъ. Вѣрно! Но, къ сожалѣнію, читатель низовъ имѣетъ совсѣмъ инныя умственные потребности, которыя, однако, нужно тоже удовлетворить. И вотъ эти-то потребности, которыя нужно удовлетворить и для удовлетворенія которыхъ всегда прищутся люди, оттягиваютъ книзу литературныхъ работниковъ, которымъ «пить и ѣсть» надо. Ну, и кто же этотъ читатель низовъ? Онъ, пожалуй, тоже «средній» человекъ, котораго намъ будутъ рекомендовать въ вожди прогресса и въ творцы общественнаго благоустройства.

«Пить и ѣсть», несмотря на то, что оно въ Петербургѣ въ высшей степени дешево, стоитъ среднему человеку очень дорого, потому что у него есть, все-таки, кое-какія интеллигентныя потребности и привычки, которыя неизбѣжно удовлетворить, есть у него и положеніе, ниже котораго

ему тоже нельзя быть. И, все-таки, семья, имѣющая 150 рублей въ мѣсяцъ или около 2,000 р. въ годъ, живетъ въ Петербургѣ вполне по-нищенски. Одинъ человѣкъ на 2,000 еще проживетъ, но я говорю о семьѣ, въ которой двое-трое учащихъ дѣтей. Семья изъ двухъ лицъ, имѣющая 120 р. въ мѣсяцъ, нанимаетъ квартиру уже на второмъ дворѣ, надъ помойными ямами. Семья, имѣющая 80 р. въ мѣсяцъ, живетъ на подобномъ же второмъ дворѣ, но уже подъ небесами. Продовольствіе семьи, имѣющей 100, 120 и 150 р., состоитъ изъ кофе съ булками утромъ, вечерняго чая съ булками и обѣда изъ двухъ блюдъ; но семья, получающая 80 р. въ мѣсяцъ, можетъ имѣть обѣдъ только изъ одного блюда. Эти цифры я не сочиняю.

Нищенское существованіе, начинающееся съ двухтысячнаго годичнаго расхода, падая все ниже и ниже, кончается настоящимъ ниществомъ—жизнью въ углахъ, въ подвалахъ, заливаемыхъ водою, въ ночлежныхъ пріютахъ, да питаніемъ въ проголодь всякою дешевою, испорченною дрянью. Фасадные обитатели замаскировываютъ всю эту жизнь нужды и бѣдственнаго переколачиванья; но этихъ фасадныхъ обитателей въ Петербургѣ, какъ я уже сказалъ, не больше десятой части, то-есть тысячь сто, и занимаютъ они всего тысячь одиннадцать квартиръ, зафасадные же обитатели и жители концовъ составляютъ почти девятьсотъ тысячь и занимаютъ 105,000 квартиръ. Цвѣтъ же Петербургу даютъ его фасады и фасадные обыватели. Ужъ такова Сѣверная Пальмира съ ея всепокоряющимъ закономъ красоты. Человѣкъ, имѣющій 80 р. въ мѣсяцъ, ѣстъ только одно блюдо, а на улицу выходитъ въ цилиндръ и въ щеголеватомъ пальто, точно фасадный обитатель. Одинъ изъ подобныхъ зафасадныхъ обитателей говорилъ мнѣ, что изъ десяти дней только два дня здоровъ: то у него плеврить расходится отъ петербургской погоды, то сердце бьется, то слабость, то общее недомоганье, а изъ Петербурга уѣхать нельзя, потому что человѣкъ живетъ литературною работою. И подобныхъ, привязанныхъ въ Петербургу людей, можетъ быть, сотни тысячь. Тутъ и литераторы, и чиновники, и музыканты, и художники—вообще всѣ тѣ, кому работу можетъ дать только Петербургъ. Въ провинціи эти люди умерли бы съ голоду, въ Петербургѣ же, если они умрутъ и отъ Петербурга, за то имѣя работу. Вотъ что значитъ «пить и ѣсть надо»!

Едва ли, однако, легко интеллигентному человѣку опускаться до этого низваго уровня. Умственный трудъ, ставшій ремесленнымъ трудомъ, понижаетъ и самъ себѣ плату до ремесленной поденщины. А значитъ это вотъ что: одинокая интеллигентная переводчица, чтобы заработать тридцать руб. въ мѣсяцъ, на которые она проживетъ, ограничивая себя во всемъ, должна перевести 10 печатныхъ листовъ. Семейной нужно вдвое. Но, вѣдь, 20 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ не перевести, считая, что переводчица сама должна выискать и матеріалъ для перевода.

Положеніе аристократовъ этого рынка лучше, но тоже тяжелое. И аристократка живетъ переводною работою, но, кромѣ того, она еще и компли-

руеть, работает на дѣтскія изданія, составляет книги для дѣтскаго чтенія, пишетъ оригинальные разсказы и романы. Есть между этими аристократками такія переводчицы и писательницы, къ именамъ которыхъ въ объявленіяхъ о сотрудничествѣ издателя прибавляютъ «талантливая», «извѣстная». Но эти талантливость и извѣстность окупаются только двадцатью, много тридцатью руб. за листъ оригинальнаго писанья, а въ мѣсяцъ, чтобы прожить, нужно заготовить не менѣе шести печатныхъ листовъ.

И тяжела же эта работа,—ой, какъ тяжела! Вы прочтаете ее не только въ каждой складкѣ лица такой работницы, прочтаете и въ ея торпливой походкѣ, и въ ея постоянно озабоченномъ видѣ. Для такой работницы «время—деньги», и не только для нея «время—деньги», но и весь интересъ ея жизни только въ деньгахъ, потому что если это мать семейства, то не о себѣ одной ей приходится думать, но и о дѣтахъ, которыхъ она раститъ и воспитываетъ. Человѣкъ долженъ работать для того, чтобы прокормить себя и семью, а прокармливаетъ онъ себя для того, чтобы работать,—вотъ и вся жизнь этихъ людей. Они только существуютъ. Читать имъ некогда, и читаютъ они только для выискиванья работы. Боекогда театръ, концертъ, вечеръ у знакомыхъ, да то, что они читаютъ въ *Новомъ Времени*,—вотъ вся ихъ умственная жизнь и умственное удовлетвореніе. Исключительныя натуры еще сберегаютъ при такой жизни остатки своей души, остальныхъ условія существованія подавляютъ до того, что они гложутъ и застываютъ для всего, что не касается прямо ихъ денежнаго интереса. Серединная жизнь совсѣмъ заѣдаетъ въ нихъ живаго человѣка. Остается лишь одно своекорыстное и черствое «я». Такихъ-то именно людей и плодитъ петербургская жизнь, а проповѣдники «средняго человѣка» хотятъ наплодить ихъ и еще больше, даже законъ жизни такой устанавливаютъ. Ну, вотъ этотъ «средній человѣкъ» и передъ вами. Хорошъ?!

Нескончаемое труженичество и неустанная мучительная забота о деньгахъ, деньгахъ и только о деньгахъ дѣлаютъ петербургскаго человѣка необыкновенно впечатлительнымъ къ тому, что рисуютъ ему инныя жизненныя возможности. Поэтому только въ Петербургѣ романъ Беллами могъ выйти тремя почти одновременными изданіями. Большое мѣсто сказалося.

Но сказалося и мѣсто здоровое. Сказалося оно въ благородной природѣ человѣка, въ его здоровомъ смыслѣ, въ его чувствѣ справедливости, которые рано или поздно всегда выдвинутся впередъ и возьмутъ верхъ надъ другими теченіями жизни.

Восьмидесятые годы начались подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ 1 марта, и поколѣніе, воспитавшееся въ это десятилѣтіе, слагалось умственно подъ исключительными вліяніями. Оттого ли, что въ поколѣніи восьмидесятыхъ годовъ не нашлось особенно умныхъ, даровитыхъ и образованныхъ представителей, или по другимъ причинамъ, но только оно выросло умственно и нравственно однобокимъ.

Органомъ восьмидесятниковъ явилась *Неделя*, въ которой вожди этого

поколѣнія и излагали свои общественныя и художественныя теоріи. Теоріи этихъ я повторять не стану, потому что о нихъ писалось уже довольно, но я отмѣчу одну особенность восьмидесятниковъ. Имъ показалось, что та работа мысли, которую они свершали при ненормальныхъ условіяхъ, но потому, что это ихъ собственная работа, и потому, что они народились въ восьмидесятыхъ годахъ, должна исключить и 40-е, и 60-е, и 70-е годы и составить эру въ нашемъ общественномъ мышленіи, а сами восьмидесятники должны занять мѣсто новыхъ общественныхъ вождей и обновить наше общественное развитіе. Для подобнаго честолюбиваго стремленія у восьмидесятниковъ, конечно, имѣлся прецедентъ, потому что если были люди 40-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, то почему же не быть и людямъ 80-хъ? Въ силу этого они провозгласили представителей даже наличнаго предъидущаго поколѣнія отжившими и рѣшими, что теперь наступило ихъ время. У меня есть письмо одного восьмидесятника, кончающееся такъ: «да не смущайте насъ, тѣни прошлаго, и вы, отцы, поймите своихъ дѣтей,— шире дорогу: восьмидесятникъ идетъ!» И восьмидесятники, дѣйствительно, могли бы занять широкую дорогу, если бы между ними нашлись люди съ умомъ, образованіемъ, талантами, вообще люди выдающіеся, а не преспопленные только претензіи занять первое мѣсто. Такъ какъ все это были люди не умные и все ихъ мировоззрѣніе было не умное, то восьмидесятники и не обнаружили замѣтнаго вліянія, хотя, нечего скрывать, съ ихъ направленіемъ пришлось, все-таки, побороться и посчитаться, и оно несомнѣнно имѣетъ еще и теперь послѣдователей. По крайней мѣрѣ, *Недѣля* еще не думаетъ складывать оружія и даже нашла себѣ союзника въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, который тоже желаетъ похоронить писателей предъидущаго поколѣнія и замѣстить ихъ своими молодыми сотрудниками. Конечно, все это не представляетъ ни для кого и никакой опасности и, въ сожалѣнію, получило характеръ литературнаго скандала, ненужной, безцѣльной полемики, у авторовъ которой не нашлось ни такту, ни литературной чистоплотности, ни нравственной порядочности, а, главное, не нашлось ума, чтобы понять литературное и общественное неприличіе подобнаго поведенія.

Недостатокъ проникательности лучше всего указываетъ на разиѣръ умственныхъ средствъ этихъ людей, назвавшихъ себя «партіей дѣйствія» (хорошо дѣйствіе, когда партія избрала своимъ лозунгомъ: «сиди у моря и жди погоды»!). Они не сообразили ни обстоятельствъ, при которыхъ развивались и вступили въ жизнь, ни случайнаго характера этихъ обстоятельствъ. Почему имъ показалось, что русская жизнь рѣзко откололась отъ своего прогрессивнаго предъидущаго и что для нея наступило время новаго откровенія, тайны котораго дано постигнуть и провозгласить восьмидесятигамъ, это ихъ секретъ. Но, не понявъ, что они захвачены случайнымъ токомъ жизни и измолоты имъ, что они, въ сущности, лишь «пожертвованное поколѣніе», они собственную измолотость превратили въ общественный принципъ и общественную теорію и начали проповѣдывать нирвану. И еще передъ

къмъ! Передъ тѣми, кто горитъ и кипитъ жизнью, кто полонъ всякими личными и общими вопросами, кто ищетъ на нихъ отвѣтовъ и указаній, кто ищетъ повсюду пророка и учителя, который бы указалъ путь для истинной, человѣческой дѣятельности! И въ отвѣтъ-то на эти страстные вопросы людей, жаждущихъ дѣятельности, имъ предлагается теорія «маленькихъ дѣлъ», «средняго человѣка» и будущей хорошей погоды, если люди будутъ скромно дремать на берегу моря! Что же удивительнаго, что отъ восьмидесятниковъ отвернулось готовящееся смѣнить ихъ поколѣніе, и пророкамъ *Педлам* теперь уже въ Петербургѣ не внемлютъ даже въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ еще недавно газета эта принималась за общественно-руководящій органъ.

Ученіе о «малыхъ дѣлахъ» и «среднихъ людяхъ»—ученіе очень не новое, и его можно проповѣдывать только въ новомъ видѣ, а не перекичивая и придумывая свое, какъ это дѣлаютъ восьмидесятники *Недлам*. Еще Иванъ Аксаковъ много лѣтъ тому назадъ призывалъ къ «малымъ дѣламъ», потому этимъ занимался Тургеневъ. Но, говоря о «малыхъ дѣлахъ», люди эти говорили не о томъ, о чемъ говорятъ теперь. Тогда было время крѣпостное, и задача руководящихъ умовъ заключалась въ томъ, чтобы обратить на крѣпостное право и на положеніе не только народа, но и всей Россіи общественное вниманіе. Это была очень важная и очень опасная работа, на которую могли идти лишь смѣлые люди. Проповѣдь о малыхъ дѣлахъ была тогда тѣмъ болѣе необходима, что даже болѣе умные люди тогдашняго общества упражнялись въ діалектическихъ спорахъ объ «абсолютѣ», объ «я—не я» и т. д.,—однимъ словомъ, вродѣ того, какъ въ 60-хъ годахъ г. Страховъ больше интересовался жителями луны и сухими туманами, чѣмъ вопросомъ о жителяхъ Россіи и объ отиѣнѣ подавлявшаго ихъ крѣпостнаго права. Вотъ противъ этого-то направленія мысли и ратовали писатели, призывавшіе къ «маленькимъ дѣламъ», которыми они считали улучшеніе господствующихъ порядковъ, смягченіе положенія крѣпостныхъ, водвореніе правды и справедливости въ судѣ и администраціи.

И дѣла эти, дѣйствительно, маленькія, земныя, повседневныя, которыми каждый изъ насъ или самъ занятъ, или приходитъ съ ними въ постоянное сопряженіе. Вся наша жизнь только и состоитъ что изъ подобныхъ мелочей, вся она ими запутана и перепутана, точно также какъ и мы всѣ спутаны и запутаны взаимно въ одно нераспутываемое цѣлое сѣтью этихъ тонкихъ, многообразныхъ и многочисленныхъ мелочей и ниточекъ, которыхъ не разорвешь и отъ которыхъ неизбежно подчасъ освободиться, если онѣ гдѣ-нибудь ужъ черезъ-чуръ давятъ и рѣжутъ.

И всѣ эти дѣла—мелкія дѣла, и становятся они большими, когда захватываютъ большое число людей. При крѣпостномъ правѣ освобождали крестьянъ отдѣльные владѣльцы по-одиночкѣ зачастую, освобождали и цѣлыми деревнями. Но освобожденіе стало «большимъ дѣломъ», когда оно захватило 122 милліона народа. И, въ то же время, это большое дѣло свер-

шло очень мелочюю, единоличною работою, работою мысли въ каждой отдѣльной головѣ, что крѣпостныхъ освободить нужно, и послѣдовавшей затѣмъ рѣшимостью осуществить эту мысль, дать на нее отдѣльное согласіе. Вотъ эти-то отдѣльныя согласія и явились цѣлымъ, большимъ широкимъ дѣломъ, хотя все оно состояло изъ отдѣльныхъ маленькихъ частицъ. И въ нашей общей переиѣнѣ понятій бытовыхъ, семейныхъ, общественныхъ повторилось то же. Пока во время крѣпостнаго права только отдѣльные пионеры задумывались надъ бытовыми и общественными понятіями, дѣло это было очень маленькое, а желаніе Ивана Аксакова, чтобы всѣ занялись такимъ маленькимъ дѣломъ, не осуществилось. Но вотъ, когда, во время реформы, нѣсколько милліоновъ людей, составляющихъ интеллигенцію и такъ называемое общество, задумались надъ тѣмъ же, и при этомъ каждый думалъ только своими маленькими мыслями о маленькихъ дѣлахъ, которые его касались или которые онъ могъ выполнить, получилось и дѣло большое, потому что оно захватило уже цѣлую сѣть взаимныхъ отношеній и создало не отдѣльныя, а общія переиѣны.

Всѣ эти малыя дѣла, большія только по ихъ большимъ результатамъ, создаютъ не титаны и не верстовые гиганты, а обыкновенные средніе люди, имѣющіе чувство справедливости и человѣческія понятія о человѣческихъ правахъ. И это тоже «средніе», да только не тѣ «средніе», которые создали «средній» уровень Петербурга, не тѣ «средніе», которые создали и крѣпостное право, и многое другое, что опять тоже «средніе» измѣнили на иное положеніе отношеній.

Базалось бы, что все это настолько просто и общедоступно, что никакихъ бы недоразумѣній и двойныхъ толковъ о «среднемъ человѣкѣ» и «малыхъ дѣлахъ» и явиться не должно. Ни о чемъ особенномъ, ни о какихъ подвигахъ и геройствѣ и вдохновенномъ трепетѣ нѣтъ тутъ рѣчи: простое и небольшое для каждаго отдѣльнаго человѣка дѣло, и дѣлается просто. Зачѣмъ же эта проповѣдь о «малыхъ дѣлахъ», о подвигахъ и геройствѣ, вдохновенномъ трепетѣ, сакраментальныхъ дѣлахъ и даже поющихъ минералахъ? Нѣтъ, не одно тутъ недоразумѣніе, не одинъ тутъ общественный индифферентизмъ,—тутъ еще и особенности чисто-личныя, всея категоріи людей этого направленія. Это они собственную серединность возводятъ въ законъ для всѣхъ, собственные малыя дѣла хотятъ сдѣлать дѣломъ всѣхъ.

Малыя дѣла и большія! Всякое дѣло будетъ ничтожно и мало, и всякій человѣкъ будетъ ничтоженъ и малъ, если онъ между своимъ дѣломъ и общимъ дѣломъ не находитъ связи и не творитъ своего дѣла въ этой связи. Петръ Великій создалъ государство и, въ то же время, шилъ сапоги и плелъ лапти. Онъ зналъ и понималъ, что онъ дѣлаетъ, и какое мѣсто и лапти, которые онъ плелъ, и сапоги, которые онъ шилъ, занимаютъ въ обще-государственной экономикѣ жизни. А вотъ сапожникъ, живущій на Охтѣ и работающій на петербургскій Гостинный дворъ, этого не понимаетъ,

какъ не понимаютъ той же разницы учителя наши въ *Недѣль*, когда они смѣются надъ *великими* дѣлами и предлагаютъ заняться *маленькими*.

Да не о малыхъ и большихъ дѣлахъ они тутъ и думаютъ, а то бы они нашли и указали и для настоящаго времени такіа маленькія дѣла и маленькія задачи, о подобныхъ которыхъ, напримѣръ, думалъ Иванъ Аксаковъ и другіе, когда они усиливались тянуть общественное вниманіе изъ отвлеченныхъ высотъ на практическую почву общественныхъ переимѣнъ. Но объ этомъ восьмидесятники и думать не думаютъ, и такое думанье не входитъ даже и въ программу ихъ мышленія. Они совершенно искренно, подобно г. Абрамову и другимъ, считаютъ желательнымъ, чтобы люди не занимались никакими такъ называемыми идейными вопросами и оставили бы въ покоѣ «идеи высшаго порядка», т.-е. такое мышленіе, которое между сапожнымъ ремесломъ и государственно-общественнымъ строительствомъ видить и умѣетъ найти связь и при которомъ каждый, кромѣ своего маленькаго, дѣлаемаго имъ, дѣла, знаетъ и понимаетъ, какое мѣсто и оно, и онъ самъ занимаютъ въ общемъ строѣ гражданской жизни. Они просто выкорчевываютъ общественное сознаніе, учатъ тому, чтобы не думать и не глядѣть дальше своего носа. Вотъ съ какимъ «новымъ словомъ» они выступили и желали бы покорить этимъ словомъ подъ свою власть всю Россію!

Лично-логически они и не могли поступить иначе. Они развивались и росли въ такую пору, когда легко могла привиться къ нимъ боязнь всякаго мышленія, выходящаго изъ заурядности. Вотъ почему они, какъ г. Абрамовъ, признаютъ только физическій и мѣщанскій идеалъ и свою боязнь мысли хотятъ сдѣлать общою, но ужъ не боязнью, — нѣтъ, хуже, а руководящимъ принципомъ. Но, вѣдь, въ то же время, они, казалось, должны бы понять, что жизнь приходитъ въ равновѣсіе, что у нея есть нормальный уровень и нормальное теченіе, а то, что они проповѣдуютъ, ужъ и совсѣмъ ненормально. Должны понять! А если они понять не въ силахъ? Тогда имъ не слѣдуетъ выступать и съ проповѣдью «новаго слова». Но они и этого не понимаютъ. Даже хуже, чѣмъ не понимаютъ, потому что при непониманіи они имѣютъ еще мужество кричать всѣмъ встрѣчнымъ: «шире дорогу—восьмидесятникъ идетъ!»

Конечно, они и тутъ лично-логически не могутъ поступить иначе. Они, вѣдь, все-таки, «поколеніе», знаютъ они, что всегда бывали «отцы» и «дѣти», и что дѣти всегда смѣняли отцовъ. Вотъ они и заявляютъ о своемъ желаніи превратиться въ отцовъ изъ дѣтей и стать хозяевами положенія.

Но и здѣсь по условіямъ своего развитія они обнаруживаютъ своеобразность тоже вполне личную—злобность. Замѣйте—*злобность*, а не *озлобленіе*. Озлобленіе есть идейное чувство и оно направляется на общія условія, на общія причины или ихъ слѣдствія. Злобность же есть чувство личное и предметомъ его бываетъ всегда человекъ. Посмотрите, въ кого и въ какую сторону направили они свои стрѣлы. Развѣ тутъ ихъ враги, развѣ

здесь стоят помехи движению? Для нихъ, конечно, здѣсь, потому что для нихъ движеніе въ томъ, чтобы занять другое мѣсто. Можно даже думать, что у нихъ составленъ и списокъ писателей предъидущаго времени, которыхъ слѣдуетъ выпустить въ тиражъ, чтобы писатели - восьмидесятники, жаждущіе литературной власти, авторитета и роли, могли бы встать впереди.

На восьмидесятникахъ я остановился такъ долго потому, что мы присутствуемъ при ихъ отходной и говорить о нихъ еще едва ли придется.

Въ концѣ прошлаго года, упоминая о смѣняющихся восьмидесятниковъ (фракція восьмидесятниковъ, резидирующая въ *Недѣль*) людяхъ девятидесятихъ годовъ, я говорилъ только предположительно. Теперь же, на основаніи точныхъ фактовъ, которые проникли ко мнѣ изъ большаго Божьяго міра въ форточку, я говорю объ этомъ утвердительно. По закону нашихъ десятилѣтій такъ оно хронологически и должно быть, но оно должно быть еще и по закону общественной психологіи и общественнаго равновѣсія. Восьмидесятники всѣмъ своимъ умственно-нравственнымъ существомъ составляютъ порожденіе тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя должны были создать и ненормальное теченіе мысли. Кончилась или кончается эта ненормальность — должно кончиться или кончается и его послѣдствіе. Это, впрочемъ, не значитъ, что восьмидесятники будутъ стерты съ лица земли. Если *Недѣля* останется имъ вѣрна, они могутъ еще долгіе годы изображать въ ней пустое пространство нашей публицистики. Если же двери гостепріимства *Недѣль* для нихъ закроются, то они проживутъ свой вѣкъ въ болѣе скромной роли молчаливаго протеста подъ кущей своей домашней смоковницы, подъ которой они всѣмъ совѣтуютъ теперь сидѣть, выжидая хорошей погоды. Погоды девятидесятихъ и послѣдующихъ годовъ они, конечно, хорошей не признаютъ, потому что это, все-таки, не ихъ погода.

Изъ той же форточки я имѣлъ возможность установить и еще одинъ отраднѣйшій фактъ, уже народившійся въ умственномъ состояніи Петербурга: объ окончательной уtratѣ толстовскимъ вѣрученіемъ всякаго авторитета среди нарождающихся девятидесятиковъ. И въ этомъ тоже сказалась неустранимая логика событій, потому что толстовство есть порожденіе тоже восьмидесятихъ годовъ. Въ сожалѣнію, я не могу сообщить подробности факта, потому что меня просили не оглашать письма графа Толстаго.

Это все очень важные признаки наступающаго иного движенія мысли, указывающіе, что девятидесятыя года будутъ формировать людей уже совсемъ не похожихъ на восьмидесятниковъ. И теперь дѣйствительно слагается формація иного поколѣнія, которая въ девятидесятихъ годахъ, можетъ быть, еще и не выработаетъ точной и рѣзкой умственной фізіономіи. Тѣ, кто слагается теперь и кончаетъ гимназію и университетъ, готовятся для жизни болѣе отдаленнаго десятилѣтія. Это будетъ поколѣніе собственно тысяча девятисотыхъ годовъ, когда, достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, поколѣніе получитъ право на активную общественную дѣятельность. Вотъ это-то обстоятельство, т. е. что растущая, развивающаяся теперь моло-

дежь дождется своей очереди еще, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, и обязываетъ ее помнить это и знать свою очередь, для которой она и должна готовиться.

Среди этой молодежи будущаго замѣчается одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у восьмидесятниковъ. Восьмидесятники думали *изъ себя*, думали практически, соображая лишь опасности и трудности, которыя ихъ окружали. Они мало учились, мало читали, и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индифферентизма.

Урокъ этотъ, вѣроятно, не пропасть даромъ. По крайней мѣрѣ, теперешняя молодежь начинаетъ не съ этого, не съ общаго и послѣдняго, представляющаго уже выводъ и практическую программу общественнаго поведения, а съ частнаго—съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать уже и само собою—что дѣлать?

Теперь въ Петербургѣ очень распространяется самообразование и спонсорное, серьезное научное изученіе общественныхъ вопросовъ. Изученіе это обыкновенно кружковое, заключается въ простомъ накопленіи знаній по всѣмъ отраслямъ общественно-государственнаго вѣдѣнія и соціальной экономикѣ. Кромѣ юридически-государственныхъ и экономическихъ свѣдѣній, входятъ еще и изученіе соціально-экономическаго, административнаго и государственнаго состоянія Россіи. Однимъ словомъ, всѣ отдѣлы обширной области общественной науки нашли себѣ тутъ мѣсто. Конечно, не вся эта громадная масса знаній обхватывается сразу каждою отдѣльною группою. Изученіе специализируется какъ бы факультетски, и каждый кружокъ занимается преимущественно однимъ отдѣломъ, выдвигая его впередъ, а другіе ставятъ на второе мѣсто. Такая программа и умна, и практична.

Движеніе это пока возникающее и вполнѣ оно еще не организовалось. Но если все пойдетъ такъ и дальше, то нужно думать, что для тысячи девятисотыхъ годовъ оно создастъ поколѣніе дѣятелей просвѣщенныхъ и образованныхъ, каковаго до сихъ поръ Россія еще не выставляла. Говорятъ, что наше вѣдомство просвѣщенія смотритъ благосклонно на это движеніе. Да и думается, что другаго, кромѣ благосклоннаго, взгляда на это движеніе и быть не можетъ.

Возникшее серьезное самообразование важно не по одному тому, что подниметь и расширить уровень общественныхъ понятій. Оно еще важнѣе потому, что подниметь уровень общественной и личной нравственности. Съ тѣхъ поръ, какъ пошла пропаганда о «малыхъ дѣлахъ» и «малыхъ и среднихъ людяхъ», явилась у насъ какая-то фальшивая приниженность. Приниженность не искренняя, замаскированная другія чувства, смѣшанная съ гордыней, крайности чего такъ рѣзко совѣщались въ Федорѣ Достоевскомъ. Любопытно противорѣчіе, въ которое впадаютъ восьмидесятники между теоріей и практикой своего ученія. Казалось бы, имъ-то, поприжатымъ, и слѣдовало бы протестовать противъ «малости» во имя человѣче-

скаго достоинства. Они же свою приниженность возводят въ законъ. И, получая «малости», тѣ же проповѣдники для подъема общественнаго духа постоянно толковали о «свѣтлыхъ явленіяхъ» и «бодрыхъ впечатлѣніяхъ», точно для пришибленнаго человѣка они могутъ существовать. Наконецъ, проповѣдая малыя дѣла и приниженность другимъ, они сами возглашаютъ: «прочь съ дороги—восьмидесятникъ идетъ!»—и пытаются выкинуть за бортъ всѣхъ, кто думалъ, работалъ и писалъ раньше ихъ.

Ученіе о «малости» принесло уже свои плоды, въ особенности въ провинціи, гдѣ труднѣе самообразованіе, да труднѣе, пожалуй, найти себѣ и дѣло. У меня есть нѣсколько письменныхъ документовъ, авторы которыхъ говорятъ не только за себя, но и вообще за духъ унылости, овладѣвшій провинціальною молодежью, точно намѣренно старающейся себя принизить и даже считающей себя не въ силахъ выполнять то, что проповѣдуетъ графъ Толстой. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ видѣ выражается иногда это душевное состояніе. Въ одномъ письмѣ говорится: «Вы, можетъ, уже догадываетесь, о чемъ я намѣренъ говорить съ вами, и, навѣрное, думаете: опять мелочи, Господи!» Вы угадали. Да, мелочь. И знаете, что я нисколько не обижаюсь на это; я знаю, что я мелкій, маленький человѣкъ и даже напиралъ на эту мелочность, — это мой удѣлъ. «Выше лба не прыгнешь»,—говоритъ русская пословица, и я это знаю хорошо, даже очень хорошо, почему и не задаюсь никакими большими планами жизни, развѣ только иной разъ помечтаешь въ темнотѣ, но это дѣло тихое, безгрѣшное... Я вамъ откровенно скажу, что мнѣ, напримѣръ, да, пожалуй, и многимъ другимъ, быть работниками мысли совсѣмъ не подъ силу. Ну, посудите сами, что я могу работать въ области мысли? Развѣ заниматься фантазерствомъ, строеніемъ воздушныхъ замковъ или вообще праздномысліемъ? Да, вѣдь, это смѣшно и жалко. Пожалуй, чего добраго, вообразишь себя работникомъ мысли, станешь работать, да и выработаешь такой проектъ: «недовольные нашею землей, полѣзайте на луну и устраивайтесь тамъ по-своему». Воображаю, какое благодѣяніе принесешь такимъ проектомъ!»

Да, это все практическіе плоды теоріи «малости». И, въ то же время, тотъ же человѣкъ, въ томъ же письмѣ, набрасываетъ чуть ли не цѣлый проектъ социальнаго переустройства Россіи. Ему представляются двѣ такія параллели: столица или вообще большой городъ, куда стекаются всѣ даровитые, всѣ образованные и гдѣ кипитъ могучая энергичная работа. Каждый по своимъ силамъ и средствамъ будитъ общественное сознаніе и заставляетъ общество мыслить и работать. Вездѣ кипитъ и бьетъ ключомъ умственная жизнь, являются все новыя и новыя общественныя мысли, а администраторы схватываютъ ихъ налету и воплощаютъ въ дѣлесаобразныя формы общественнаго управленія.

Другая параллель такого рода: интеллигентная деревня, устроенная на началахъ простой крестьянской деревни и окруженная подобными же селеніями. Въ нихъ есть хорошія образцовыя школы, бібліотеки, хозяйство

ведется научно, рационально, земля пахется усовершенствованными орудіями, а дѣти, окончившія деревенскую школу, часто продолжают свое образованіе въ городскихъ заведеніяхъ и затѣмъ остаются въ городѣ, а другіе возвращаются въ деревню. Между этою деревней и окружающимъ ее населеніемъ существуютъ дружескія простыя отношенія, почвой которыхъ служатъ обыкновенныя житейскія нужды. И въ деревнѣ идетъ работа скромная, упорная, и въ деревнѣ будитъ сознаніе; но вся разница только въ томъ, что въ деревнѣ все дѣлается непосредственно, лично самою жизнью. «Вы, можетъ быть, скажете: «идиллія!»—пишетъ авторъ.— Не знаю, идиллія это или нѣтъ, но скажу откровенно, что меня прельщаетъ такая картина не своею идилліей, а возможностью честно поработать на этомъ пути и осмысленно приложить свои малыя силы къ благому дѣлу».

Все это пишетъ человѣкъ, несомнѣнно, съ душевными задатками и нутромъ. Правда, идиллія, до которой онъ додумался самъ, давно уже извѣстна и чуть ли не съ 60-хъ годовъ имѣла сторонниковъ «города» и «деревни». Но дѣло не въ этомъ, дѣло въ томъ, что такое громадное общественное преобразованіе, какъ «счастливая деревня», населенная счастливыми людьми, ему кажется чѣмъ-то «маленькимъ» и что онъ находится подъ очевиднымъ влияніемъ ученія о «малыхъ дѣлахъ» и «малыхъ людяхъ». Это ученіе, какъ бы придавливая собою, принуждаетъ его смотрѣть на деревню и на деревенскія дѣла, какъ на что-то микроскопическое, а себя считать «маленькимъ человѣчкомъ», потому что онъ разночинецъ, и большимъ администраторомъ, профессоромъ или умственнымъ вождемъ не будетъ. И, въ то же время, въ этомъ «маленькомъ человѣкѣ» внутренняя присущая ему сила, работающая въ направленіи общественнаго сознанія, именно та самая сила, которая маленькое дѣло превращаетъ въ большое, выражается въ сильныхъ проектахъ грандіознаго, всеобщаго общественнаго переустройства. Это двойственность заставляетъ человѣка не только страдать нравственно, но, принижая, она или убиваетъ въ немъ достоинство, если по натурѣ онъ слабъ, или же озлобляетъ, если онъ хотя и не слабъ, но не имѣетъ силъ средствами своего ума освободиться отъ ея влиянія и стать самостоятельнымъ. Вотъ въ чемъ заключается чуть ли не самая вредная сторона ученія восьмидесятниковъ, и противъ этого теченія мысли слѣдуетъ протестовать и бороться изо всѣхъ силъ. Нельзя не прибавить, что и графъ Толстой влилъ въ это направленіе не одну каплю своего собственнаго меда. Поэтому поворотъ въ мысляхъ петербургской молодежи, на которую и влияніе восьмидесятниковъ, и влияніе графа Толстаго уже утратило свою силу и молодежь начинаетъ думать самостоятельно, не прицѣпляясь къ чьему хвосту, составляетъ очень крупное и отрадное явленіе въ теперешней умственной жизни Петербурга.

Н. Шелгуновъ.

Литература и жизнь *).

III.

Продолжаю вспоминать.

Я былъ молодъ, здоровъ, силенъ, одинокъ, а извѣстно, что одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. И, все-таки, туго приходилось лѣтомъ 1867 года,— туго и отъ невольнаго, вынужденнаго бездѣлья, когда только что попробовалъ сладкаго яда литературной работы, туго и прямо отъ матеріальныхъ лишеній. Для воспроизведенія нашей «богемской» жизни на Черной рѣчкѣ нужно бы было перо Мюрже. Уже кое-что изъ мебели Н. С. Курочкина пошло на растопку плиты... Уже не разъ кухарка на вопросъ: «Въ долгъ, что ли, въ лавочкѣ-то взять?» получала веселый отвѣтъ: «Да, да, въ долгъ, долгъ прежде всего». Уже не разъ веселое богемское житье, при которомъ, возставъ отъ сна, не знаешь, будешь ли сегодня сытъ, или нѣтъ, становилось въ тягость. Въ особенности Курочкину, который былъ и старше, и избалованнѣе, и требовательнѣе меня. И вотъ въ одинъ прекрасный день явился вѣстникъ избавленія. Это былъ П. А. Гайдебуровъ, нынѣшній редакторъ-издатель *Недѣли*. Онъ пріѣхалъ приглашать Курочкина въ ежедневную «судебно-политическую» газету *Гласный Судъ*, издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ которой былъ нѣкто Артоболевскій. По профессіи Артоболевскій былъ не литераторъ, а стенографъ, и, притомъ, человекъ малообразованный. *Гласный Судъ* онъ предпринялъ въ 1866 г., я полагаю, просто съ спекулятивными цѣлями, въ расчетъ на заголовокъ: новый судъ былъ тогда дѣйствительно новинкой. Сверхъ того, Артоболевскій издавалъ *Самоучитель Стенографіи*, выходившій еженедѣльно. Первый годъ газета, то-есть собственно подписка на нее, шла, кажется, бойко, но уже на слѣдующій годъ выяснилось, что на одной спекуляціи въ литературномъ дѣлѣ далеко не уѣдешь. Какъ и когда попалъ въ *Гласный Судъ* г. Гайдебуровъ, я не знаю. Знаю только, что лѣтомъ 1867 года онъ пріѣхалъ къ Курочкину съ просьбой о сотрудничествѣ. Курочкинъ взялъ на себя отдѣлъ иностранной политики и рекомен-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

довавъ г. Гайдебурову меня для критическаго отдѣла и, помнится, Демертъ для внутреннихъ извѣстій. Въ этомъ послѣднемъ я не увѣренъ. Домовитый, хозяйственный Демертъ не выдержалъ нашего слишкомъ уже цыганскаго житья и лѣтомъ же 1867 г. уѣхалъ въ провинцію на службу или искать службы. Но я не помню, уѣхалъ ли онъ до или послѣ неудачной пробы съ *Гласнымъ Судомъ*. Если послѣ, то, по всей вѣроятности, и онъ участвовалъ въ этой «судебно-политической» газетѣ, въ сущности, впрочемъ, издававшейся по обыкновенной программѣ ежедневныхъ газеты. Но за то я хорошо помню себя и Курочкина за работой въ *Гласномъ Судѣ*. Курочкинъ, по своимъ обязанностямъ завѣдующаго отдѣломъ иностранной политики, долженъ былъ ѣздить въ городъ, въ редакцію, каждый день, а же лишь время отъ времени. Помню, какъ мы, окончивъ дѣла въ редакціи, отправлялись, съ спокойствіемъ людей вполне обеспеченныхъ, трапезовать въ греческую кухмистерскую «Афина», на углу Троицкаго переулка и Невскаго. Не знаю, существуютъ ли подобныя благодѣтельныя учрежденія теперь. Въ «Афинѣ» можно было копѣекъ за тридцать наѣсться разной дрянью до хорошаго разстройства желудка, а истративши рубль, самъ Лукуллъ остался бы много доволенъ, особенно если бы зналъ, какъ знали, благодаря *Гласному Суду*, мы, что и завтра, и послѣ завтра разстройство желудка вполне обеспечено. Не житье, а масляница. Однако, и этой масляницѣ пришелъ конецъ и наступилъ настоящій великій постъ. Дѣла Артоболевскаго шли все на убыль. Однажды онъ предложилъ намъ сбавку гонорара, причемъ выдалъ какія-то разсчетныя или памятныя книжки, по которымъ впоследствии, когда дѣла поправятся, мы могли дополучить свой заработокъ. Но дѣла не поправлялись и, какъ очень скоро съ очевидностью выяснилось, не могутъ поправиться. Прекратился ли, за истощеніемъ средствъ издателя, *Гласный Судъ*, или мы не дождались этого конца, не помню. Произошла трогательная сцена разставанія, причемъ Артоболевскій, въ благодарность за сотрудничество, предложилъ намъ подарокъ — *Самоучитель Стенографіи*. Онъ великодушно отдавалъ это еженедѣльное изданіе въ наше полное распоряженіе. Подписчиковъ у *Самоучителя* было, правда, очень мало, но Артоболевскій указалъ намъ другую выгоду: такъ какъ значительная часть *Самоучителя* печаталась не обыкновеннымъ шрифтомъ, а стенографическими знаками, то подъ прикрытіемъ ихъ мы могли совершенно свободно излагать свои мысли, — цензура ничего не пойметъ. Это была блестящая мысль, достойная стенографическаго генія Артоболевскаго, но при осуществленіи ея предстояло то маленькое неудобство, что и читатель ничего не пойметъ. Эта маленькая тучка на открывавшемся передъ нами широкомъ горизонтѣ заставила насъ отказаться отъ подарка.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. На этотъ разъ однако, дѣло дѣлалось почти такъ же скоро, какъ идетъ мой рассказъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, то двумя фельетонами и одною передовою статьей исчерпывается мое сотрудничество въ *Гласномъ Судѣ*.

Приближалась и приблизилась осень, впереди была зима, а зимой бывает ужасно холодно въ лѣтнемъ пальто. Тутъ подошли и еще нѣкоторыя обстоятельства, и я рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга къ роднымъ, въ деревню. Несмотря на всѣ невгоды, у меня ни разу даже не мелькнула мысль измѣнить литературѣ для какой-нибудь другой дѣятельности. Очевидно, я былъ въ этомъ отношеніи уже конченный человѣкъ. Въ самомъ водоворотѣ цыганской жизни мнѣ удавалось, все-таки, работать, приготовляясь къ исполненію обширныхъ литературныхъ плановъ. Въ деревню я повезъ съ собою таковыхъ два.

Еще подъ вліяніемъ Ножина и отчасти подъ его руководство, я заинтересовался вопросомъ о границахъ біологіи и соціологіи и возможностью ихъ сближенія. Ножинъ былъ мало свѣдуецъ въ общественныхъ наукахъ, но въ области біологіи онъ, навѣрное, очень быстро занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, если бы его не подкосила ранняя смерть. Онъ много работалъ самостоятельно, между прочимъ, надъ исторіей развитія низшихъ морскихъ животныхъ, и одна такая специальная работа, — результатъ его личныхъ наблюдений на берегу Средиземнаго моря, — напечатанная въ бюллетеняхъ нашей академіи наукъ, обратила на себя вниманіе и въ Европѣ. Но узкая специальность не удовлетворяла его, онъ рвался въ даль и въ ширь. Онъ былъ ярый дарвинистъ въ біологіи и столь же ярый противникъ дарвинизма въ соціологіи. Дарвина онъ называлъ «геніальнымъ буржуа-натуралистомъ». Не могу достаточно высоко оцѣнить пользу, доставленную мнѣ общеніемъ съ кругомъ идей Ножина, но въ нихъ было, все-таки, много смутнаго, частью потому, что они въ самомъ Ножинѣ еще только развивались, частью по малому его знакомству съ областью обществознанія. Я получалъ отъ Ножина собственно только толчокъ въ известномъ направленіи, но толчокъ сильный, рѣшительный и благотворный. Не помышляя о специальныхъ занятіяхъ біологіей, я, однако, много читалъ по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію. Эта новая струя чтенія бросала своеобразный и чрезвычайно меня занимавшій отблескъ на тотъ значительный, хотя и беспорядочный, а частью и просто негодный матеріалъ, фактическій и идейный, которымъ я запасся раньше. Постепенно, сначала въ очень смутныхъ очертаніяхъ, скорѣе угадываемыхъ, чѣмъ сознаваемыхъ, складывался планъ обширной соціологической работы. Появившіеся въ 1866 г. по-русски первые томы сочиненій Спенсера придали нѣсколько болѣе опредѣленные контуры одной части этого смутнаго плана, — теоріи прогресса. Рѣзкая противоположность идей и приемовъ Спенсера всему тому, до чего я мысленно не то что доработался, а дорабатывался, уяснила мнѣ многое. Однако, и эта часть общаго плана была еще далеко не вполне ясна, когда я уѣзжалъ въ 1867 году изъ Петербурга. Тѣмъ болѣе, что въ то же самое время меня преслѣдовалъ еще другой литературный планъ — романъ. Изъ этого романа, никогда не конченнаго, я впоследствии, въ 1876 — 77 гг., выбралъ значительную часть матеріала для полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ очерковъ *Въ пере-*

между. Перепечатывая эти очерки въ IV томѣ своихъ сочиненій рядомъ со статьей *Что такое прогрессъ?* я писалъ въ предисловіи: «Несмотря на то, что обѣ эти вещи писаны въ разное время, несмотря, далѣе, на разницу формы, читатель, надѣюсь, усмотритъ ихъ внутреннее единство и, слѣдовательно, оправдаетъ такое на первый взглядъ странное сосѣдство». Съ тѣхъ поръ я имѣлъ случаи убѣдиться, что внутреннее единство обѣихъ половинокъ IV тома не такъ ужъ ясно для многихъ читателей, какъ я предполагалъ. Но для меня-то оно тѣмъ яснѣе, что хотя обѣ эти половины писались въ разное время, но обдумывались или зарождались какъ разъ одновременно. Убѣдившись въ слабости своего художественнаго дарованія, я бросилъ романъ (хотя позже, въ восьмидесятыхъ годахъ, меня опять потянуло къ беллетристикѣ), но въ 1867 г. онъ меня очень занималъ. Онъ настолько подвинулся впередъ, что, вернувшись въ 1868 году въ Петербургъ, я уже могъ подумывать о томъ, куда бы его пристроить.

Въ 1868 г. въ петербургской журналистикѣ, послѣ полуторагодового затишья, наступило значительное оживленіе. Некрасовъ взялъ въ аренду *Отечественныя Записки* и совершенно ихъ преобразилъ. Книгопродавецъ и книгоиздатель Тибленъ открылъ новый ежемѣсячный журналъ *Современное Обозрѣніе*. Появилась *Неделя*, издававшаяся тогда Генкелемъ и редактировавшаяся П. Ф. Конради. Н. С. Курочкинъ, приглашенный Некрасовымъ для завѣдыванія библиографическимъ отдѣломъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, усиленно тянулъ меня въ этотъ журналъ, но я упорно отказывался. Громкое, дорогое намъ, тогдашней, да, надѣюсь, и теперешней молодежи имя Некрасова очень потускнѣло со времени закрытія *Современника*. Надо замѣтить, что уже въ 1864 г. *Современникъ* сталъ терять свой престижъ, равнаго которому дотолѣ не было во всей исторіи русской журналистики. Нечего и говорить о насъ, тогдашней молодежи, — мы упивались *Современникомъ*. Но и гораздо болѣе солидные и значительныя сферы испытывали на себѣ его обаяніе. Есть два рода, два характера литературной дѣятельности. Одни писатели думаютъ вліять непосредственно на ходъ государственной жизни въ ея механикѣ сегодняшняго дня. Другіе рассчитываютъ вліять лишь на общественное мнѣніе, воспитывать въ обществѣ известное настроеніе, известные идеалы, подлежащіе практическому осуществленію, можетъ быть, завтра, а, можетъ быть, черезъ много лѣтъ. Нѣтъ принципиальныхъ основаній для разлученія этихъ двухъ видовъ литературной дѣятельности, но жизнь то разлучаетъ ихъ, те дозволяетъ имъ сливаться въ одно теченіе. Въ Европѣ, гдѣ представители общественнаго мнѣнія могутъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и официальными руководителями практической жизни, упомянутое различіе двухъ видовъ литературной дѣятельности весьма слабо. Оно опредѣляется, можетъ быть, исключительно личными вкусами и темпераментами самихъ писателей. Одинъ болѣе склоненъ къ разработкѣ общихъ идеаловъ, озаряющихъ жизнь въ ея цѣломъ и отражающихся на умственномъ и нравственномъ настроеніи всей массы общества; другой, напротивъ, по своему темпераменту, при-

вытѣмъ, воспитанію, предпочитаетъ оказывать непосредственное давленіе на людей, стоящихъ у власти. Но ничто, кромѣ личныхъ склонностей, не мѣшаетъ имъ въ любой моментъ помѣняться ролями или совѣстить ихъ въ одномъ лицѣ. У насъ дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Бѣлинскій, напримѣръ, имѣвшій огромное вліяніе на общество и воспитавшій не одно поколѣніе, не былъ даже и послѣднею спицею въ официальной колесницѣ русской жизни. Блестящій и едва ли повторимый, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, обращеніемъ литературной дѣятельности противоположнаго характера можетъ служить Батковъ. Однако и у насъ, въ нѣкоторые приподнятые моменты жизни, возможно до известной степени сочетаніе обоихъ характеровъ дѣятельности (я говорю о характерѣ, а не о направленіи дѣятельности). Таково именно было положеніе *Современника*. Это, впрочемъ, мимоходомъ.

Для насъ, молодыхъ читателей и почитателей, уже смерть Добролюбова и удаленіе Чернышевскаго произвели непоправимый изъянъ въ физиономіи *Современника*. А рядомъ съ этими тяжкими потерями въ составѣ *Современника* поднималось значеніе *Русскаго Слова*, въ особенности Писарева. И когда *Современникъ*, устами М. А. Антоновича, завелъ длинную и грубую полемику съ *Русскимъ Словомъ*, престижъ *Современника* и еще поблекъ. Русскій читатель любитъ присутствовать при полемическихъ схваткахъ, но есть предѣлы и содержанія, и формы полемики, перейдя за которые даже такой даровитый писатель, какъ г. Антоновичъ, можетъ лишь уронить свое дѣло. Такъ и случилось. Охлажденіе къ *Современнику* вообще осложнилось еще слухами о неблаговидномъ поведеніи Некрасова въ трудное время 1866 года,—слухами, вызвавшими известное посланіе «неизвестнаго друга», озаглавленное *He можетъ быть*:

„Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словомъ лишь толпу къ добру влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою“.

И т. д. Известную степень справедливости дурныхъ слуховъ всенародно призналъ нѣсколько позже самъ Некрасовъ въ своемъ отвѣтѣ «неизвестному другу»:

„Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука...“

И далѣе:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкою и средой,
Я къ дѣлу шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой“.

Враги, которыхъ всегда много у всякаго виднаго литературнаго дѣятеля, ликовали, друзья и сторонники отшатнулись или сконфузились. Мнѣ, горячему почитателю поэта, самому случалось слышать злорадные возгласы: «Ну, что вашъ Некрасовъ? Хорошъ?!» Нехорошъ, конечно, но какъ же горько и обидно было признать это... Оскорбленіе, нанесенное моею юной душою Некрасовымъ, было слишкомъ велико, и немудрено, что я упирался идти въ *Отечественныя Записки*. Тогда въ литературныхъ кружкахъ много говорили, между прочимъ, и о противуестественности союза Некрасова съ Краевскимъ, который тянулъ въ старыхъ *Отечественныхъ Запискахъ* совсѣмъ неподходящую ноту. Но это меня не смущало. Я зналъ отъ Н. С. Курочкина, что никакого союза тутъ нѣтъ, а есть простая денежная сдѣлка, въ силу которой Краевскій отдавалъ на извѣстный срокъ и за извѣстную ежегодную плату свой журналъ Некрасову, обязуясь не вмѣшиваться въ литературную сторону дѣла. Дѣла *Отечественныхъ Записокъ* при Краевскомъ шли все хуже и хуже. Ни борьба г. Страхова съ «Западомъ» и съ «нигилистами», ни другіе перлы не спасали журналъ отъ очевиднаго паденія. И даже послѣ 1866 г. Краевскій не могъ бы повторить фразу Сколозуба: «Довольно счастливъ я въ товарищахъ своихъ, — тѣ, смотришь, умерли, другіе перебиты». Прекращеніе *Современника* и *Русскаго Слова*, благодаря которому сильно очистилось поле конкуренціи, не улучшило дѣлъ *Отечественныхъ Записокъ*. Пришелъ Некрасовъ и предложилъ Краевскому выгодныя условія. Краевскій, человекъ, собственно говоря, совершенно чуждый литературѣ, хотя и нажившій на ней каменные палаты, согласился отдать свой журналъ представителямъ враждебнаго ему направленія (если позволительно говорить о направленіи Краевскаго). Эта сдѣлка бросаетъ тѣнь ужъ, конечно, не на Некрасова, хотя враги Некрасова пробовали эксплуатировать и этотъ фактъ. Меня онъ, повторяю, не смущалъ. Но смущала сама личность Некрасова, котораго я когда-то такъ горячо, хотя и заочно любилъ, которымъ зачитывался до слезъ. Напрасно добрыйшій Н. С. Курочкинъ соблазнялъ меня перспективою возрожденія *Современника*; напрасно указывалъ, что если въ новыхъ *Отечественныхъ Запискахъ* не будетъ такихъ сотрудниковъ *Современника*, какъ гг. Антоновичъ и Жуковскій, то будутъ Салтыковъ и Елисеевъ, имена которыхъ достаточно гарантируютъ направленіе журнала; напрасно объяснялъ поведеніе Некрасова въ 1866 г. исключительностью обстоятельствъ. Самымъ тяжелымъ для меня былъ тотъ аргументъ *ad hominem*, который, наконецъ, пустилъ въ ходъ Курочкинъ. Онъ спрашивалъ: если онъ, Курочкинъ, старый, опытный, никогда себѣ не измѣнявшій писатель, находитъ возможнымъ работать у Некрасова, то неужели же мнѣ, писателю начинающему и еще ничѣмъ себя не заявившему, это постыдно? И неужели я, хорошо его знающій, имѣю къ нему такъ мало довѣрія? Я могъ бы на это, конечно, многое возразить, но не возразилъ ничего. Курочкинъ былъ моимъ литературнымъ крестнымъ отцомъ, онъ пріютилъ и кормилъ меня въ трудное время, никогда ничѣмъ не давая мнѣ почувствовать,

что дѣлаетъ одолженіе. Но и помимо этихъ личныхъ отношеній я, не смотря на всё его слабости и смѣшныя стороны, искренно уважалъ его, какъ человѣка. Естественно, что у меня не повертывался языкъ возражать на его *argumentum ad hominem*. Мы порѣшили на томъ, что я попробую работать въ отдѣлѣ библиографіи, которымъ онъ завѣдуетъ, а что будетъ дальше—посмотримъ.

Оставались еще *Современное Обзорніе* и *Недѣля*. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, навѣянныхъ одной нелѣпою фразой въ объявленіяхъ объ изданіи *Современнаго Обзорнія*, я отправился весной все того же 1868 г. въ редакцію этого журнала съ первою частью своего романа (онъ назывался *Борьба*) и со статьей публицистическаго характера *Письма о русской интеллигенціи*.

Всегдашняя моя бѣда, какъ писателя, состояла и доселѣ состоитъ въ томъ, что я никогда не могъ оградить свой сюжетъ отъ вторженій текущей жизни съ ея пестрымъ шумомъ сегодняшняго дня. Я не увѣренъ, впрочемъ, въ томъ, что это дѣйствительно бѣда, потому что если это обстоятельство мѣшало цѣльности и сосредоточенности работы, то взаимнѣй придавало ей, можетъ быть, извѣстную жизненность. Можетъ быть, да же, это совсѣмъ не моя личная особенность, а общая, воспитанная обстоятельствами времени и мѣста, черта всей той литературной среды, въ которой окончательно сложилась моя литературная фizioномія. По крайней мѣрѣ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* семидесятыхъ годовъ подобались все люди, въ писаніяхъ которыхъ всегда громко билась безпокойная жилка публициста, то-есть болѣе или менѣе страстнаго докладчика по дѣламъ сегодняшняго дня. Не говоря объ Елисеевѣ или Демертѣ, которыхъ обязанность именно и состояла въ освѣщеніи текущихъ событій, черта эта отразилась и въ Некрасовѣ, и въ особенности въ Салтыковѣ и Г. И. Успенскомъ. Что касается меня лично, то когда г. Слонимскій озаглавилъ одну изъ своихъ, направленныхъ противъ меня, статей *Мнимая социологія*, онъ обнаружилъ лишь свое незнакомство съ дѣломъ, о которомъ взялся говорить. Но если бы онъ написалъ статью *Публицистическая социологія*, то каково бы ни было содержаніе этой статьи, а заглавіе было бы и довольно правдиво, и, съ извѣстной точки зрѣнія, достаточно обидно. Я бы, впрочемъ, не обидѣлся: еже писахъ—писахъ. Когда чисто-теоретическая статья, уже изрѣзанная разными публицистическими отступленіями, все-таки, не вмѣщала въ себѣ всего, что меня оскорбляло или радовало въ текущей жизни, я начиналъ, рядомъ съ ней, другія статьи, уже прямо публицистическія, и часто не доводилъ своего теоретическаго плана до конца. Такъ было еще и въ тѣ времена, когда я отправился въ редакцію *Современнаго Обзорнія*. Въ головѣ у меня былъ планъ статьи о прогрессѣ, на бумагѣ—первая часть романа, но, въ то же время, непреодолимо хотѣлось говорить о сегодняшнемъ днѣ. Принесенныя мною въ *Современное Обзорніе* *Письма о русской интеллигенціи* (боюсь, что не совсѣмъ точно

помню заглавіе) должны были служить началомъ цѣлой серіи статей и печататься ежемѣсячно.

Редакторъ-издатель *Современнаго Обозрѣнія* Тибленъ, отставной кавалерійскій офицеръ, немножко черезъ-чуръ развязный, но человекъ образованный, издавшій передъ тѣмъ нѣсколько хорошихъ переводныхъ книгъ, между прочимъ, первые томы сочиненій Спенсера, принялъ меня очень любезно, и сталъ вдвое любезнѣе, когда прочиталъ мои рукописи. Надо замѣтить, что *Современное Обозрѣніе* началось при участіи нѣкоторыхъ бывшихъ сотрудниковъ *Современника* — гг. Пыпина и Жуковского, отделившихся отъ Некрасова, Салтыкова и Елисеева. Но гг. Пыпинъ и Жуковский участвовали лишь въ редижированіи программы и перваго номера журнала. Во всякомъ случаѣ, къ тому времени, когда я пришелъ въ *Современное Обозрѣніе*, Тибленъ хозяйничалъ тамъ одинъ. Онъ рѣшилъ начать печатать *Письма* съ іюня, а романъ — съ іюля, съ тѣмъ, чтобы къ августу я приготовилъ вторую часть. Вышла іюньская книжка, печаталась іюльская. Я продолжалъ писать романъ и *Письма*. Однажды Тибленъ вручилъ мнѣ чистый оттискъ моего романа и пригласилъ къ себѣ на дачу, гдѣ-то на Невѣ, и довольно далеко. Мы ѣхали на пароходѣ. День былъ солнечный, тихій, Нева такая ласковая, носъ парохода такъ красиво и сильно рѣзалъ синюю воду и на душѣ у меня соловьи пѣли. Немудрено: въ карманѣ моего пальто лежалъ сброшюванный печатный оттискъ, на первой страницѣ котораго красовались слова: «*Борьба*. Романъ. Часть первая». Кончены всѣ мытарства! Я у пристани! Какъ только кончу романъ, примусь за статью о прогрессѣ, а *Письма* пойдутъ своимъ чередомъ, а изъ-за статьи о прогрессѣ уже виднѣются неясные контуры другихъ работъ...

Одно меня немножко смущало. Статья о прогрессѣ складывалась въ формѣ критическаго разбора перваго тома сочиненій Спенсера, причеъ мнѣ пришлось бы очень мало въ чемъ согласиться со Спенсеромъ и очень много въ чемъ рѣшительно не согласиться. А, между тѣмъ, Тибленъ былъ не только издателемъ русскаго перевода Спенсера, но частью и переводникомъ и, вдобавокъ, горячимъ поклонникомъ. Въ 1866 г., когда Тибленъ задумалъ изданіе сочиненій Спенсера въ семи томахъ (это изданіе не было кончено), знаменитый нынѣ англійскій мыслитель былъ весьма мало извѣстенъ на европейскомъ континентѣ, — не существовало ни французскаго, ни нѣмецкаго перевода ни одного изъ его сочиненій. Тибленъ, такъ сказать, опередилъ Европу. Да и самъ Тибленъ, издавая для пробы опыты Спенсера о *Классификаціи наукъ*, считалъ, какъ видно изъ предисловія, Спенсера «недавно умершимъ». Между тѣмъ, въ томъ же предисловіи находимъ слѣдующее пророчество: «Спенсеръ займетъ, вѣроятно, въ современной раціональной философіи такое же мѣсто, какое заняли Бокль въ философіи исторіи и Дарвинъ въ философіи естествознанія». Вотъ это глубокое уваженіе Тиблена къ Спенсеру и смущало меня: я боялся, что онъ не допуститъ въ своемъ журналѣ отрицательнаго отношенія ко многимъ

основнымъ мыслямъ излюбленнаго имъ англійскаго писателя. Но и эта черная точка на моемъ веселомъ горизонтѣ была, все-таки, не очень страшна, въ виду нѣкоторыхъ своеобразныхъ взглядовъ Тиблена на права и обязанности редактора журнала. Онъ рассказывалъ мнѣ однажды, какъ поступилъ со статьей, которую въ общемъ не одобрялъ и авторъ которой доставилъ ее безъ своей подписи. Тибленъ ему сказалъ: «Нѣтъ, батюшка, я не могу вамъ позволить трепать восемнадцать вѣковъ философіи отъ имени редакціи; выставляйте свое имя подъ статьей, иначе не напечатаю». Причемъ тутъ восемнадцать вѣковъ философіи, я ужъ не помню, но этотъ прецедентъ давалъ мнѣ надежду, что и статья о Спенсерѣ пройдетъ.

Мы провели на дачѣ Тиблена весь вечеръ вишѣтъ, благодушно и весело бесѣдуя. Я и почевать у него остался. Прощаясь со мной на другой день, Тибленъ просилъ меня торопиться съ работой къ августу, спрашивалъ, не нужно ли мнѣ денегъ впередъ и т. п. Никонимъ образомъ не могъ я думать, что вижу его въ послѣдній разъ и что черезъ какую-нибудь недѣлю всѣ мои розовыя мечты о концѣ мытарствъ и надежной пристани и проч. рассыплются прахомъ. Зайдя черезъ недѣлю въ редакцію *Современнаго Обозрѣнія*, я услышалъ die traurige Mähr, что Тибленъ бѣжалъ отъ долговъ за границу и бросилъ журналъ на произволъ судьбы... Бѣдному малому, какъ я потомъ слышалъ, очень плохо приходилось за границей. Да простятся же ему мои разбитыя мечты!

Такъ и не увидалъ свѣтъ произведенія, на первой страницѣ котораго значилось: «*Борьба*. Романъ. Часть первая»,—юльская книжка *Современнаго Обозрѣнія* не вышла. Впослѣдствіи я былъ очень радъ погибели *Борьбы*, въ достоинствахъ которой очень сомнѣваюсь. Готовъ былъ не только простить, даже благодарить Тиблена за сюрпризъ. Но тогда этотъ сюрпризъ просто ошеломилъ меня. Опять скитальчество! Курочкинъ возобновлялъ свои настоянія, да и самъ я уже съ нѣкоторою завистью поглядывалъ на книжки *Отечественныхъ Записокъ*, завоевывавшихъ все больше и больше симпатій въ обществѣ, да и во мнѣ самомъ. Однако, мысль все еще упрямилась. Отдѣлавшись опять отъ Курочкина обѣщаніемъ писать въ его библиографическомъ отдѣлѣ, я попробовалъ работать въ *Недѣль*, но тамъ что-то очень скоро не поладилось, не помню уже почему. Кажется, меня задѣло за живое какое-то замѣчаніе П. Θ. Конради, который очень мало понималъ въ дѣлѣ литературы и, будучи практическимъ врачомъ по профессіи, попалъ въ редакторы случайно, просто по знакомству съ издателемъ, Генкелемъ. Пошелъ я къ Курочкину сдаваться. Я могъ предложить *Отечественнымъ Запискамъ* остатки отъ крушенія *Современнаго Обозрѣнія*: *Борьбу* и статью о Кельсіевѣ, первоначально написанную въ видѣ одного изъ *Писемъ о русской интеллигенціи*. Курочкинъ обѣщалъ поговорить съ Некрасовымъ, но съ своей стороны, какъ личное свое мнѣніе, выразилъ, что писать романы совѣмъ не мое дѣло. Мнѣ показалось, что онъ въ этотъ разъ былъ со мной холоднѣе обыкновеннаго. Можетъ быть, мнѣ это именно только показалось, потому

что собственная моя совѣсть могла подсказывать Курочкину укорительную мысль: «Что?! брыкался, брыкался, да и сдался?!»

Мнѣ помнится, что этотъ день мой сдачи былъ и днемъ моей первой встрѣчи съ Гл. И. Успенскимъ. Я уходилъ отъ Курочкина. На дѣстнищѣ, этажемъ ниже, стоялъ у дверей молодой человекъ съ неправильнымъ, но чрезвычайно оригинальнымъ лицомъ, на которомъ вниманіе не могло не остановиться. Въ удивленію моему, молодой человекъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы Михайловскій?» — «Да.» — «Я Успенскій. Зайдемте ко мнѣ, я вотъ тутъ живу». Оказалось, что мы стоимъ какъ разъ у дверей квартиры Успенскаго. Онъ меня зналъ по наслышкѣ отъ Курочкина и отъ другихъ, я его зналъ, какъ автора *Правовъ Растеряевой улицы* въ *Современникѣ* и рассказовъ *Будка* и *Остановка*, только что напечатанныхъ въ 1868 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*. По понятнымъ причинамъ, мнѣ не придется распространяться въ своихъ воспоминаніяхъ о Гл. И. Успенскомъ. Но именно поэтому мнѣ и хочется помянуть наше первое знакомство. Онъ былъ тогда холостъ и жилъ вполне необыкновенно. Квартира его состояла изъ одной комнаты и кухни. Въ кухнѣ, которая, разумѣется, никогда не исполняла своего спеціального назначенія, онъ устроилъ себѣ спальню, а комната изображала собою кабинетъ, салонъ, пріемную и все прочее. Прислуги не было. Разная хозяйственная утварь если и была, то въ весьма незначительномъ количествѣ. За то была половая щетка, и когда нуженъ былъ самоваръ или что-нибудь въ этомъ родѣ, Глѣбъ Ивановичъ стучалъ этою щеткой въ потолокъ. Это былъ условный знакъ, по которому изъ квартиры Курочкина являлась его кухарка, хорошо известная многимъ писателямъ, ворчливая, но добродушная, иконописнаго вида старуха, Аксинья Васильевна. Кухня-спальня отоплялась плитой, а въ салонѣ было какое-то особенное отопленіе, безъ топки изнутри комнаты и требовавшее аккуратнаго открыванія и закрыванія каминыхъ-то душниковъ или заслонокъ. А такъ какъ хозяинъ не отличался аккуратностью, то въ салонѣ было очень сыро и вообще скверно. Это не мѣшало хозяину блистать заразительнымъ весельемъ и неподражаемымъ мастерствомъ рассказовъ...

Не знаю, чтѣ говорилъ обо мнѣ Курочкинъ Некрасову, но, должно быть, что-нибудь очень лестное. Сужу по тому, что мою *Борьбу* не просто взяли для прочтенія, а предложили мнѣ прочитать ее самому въ присутствіи всей редакціи. Такъ обыкновенно не дѣлается, и я былъ сконфуженъ. Конфузь мой достигъ высшаго предѣла, когда я въ назначенный день и часъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Курочкинымъ въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ* и увидалъ тамъ Некрасова, Салтыкова, Елисеева и, помнится, еще многихъ. Какъ будто и А. М. Скабичевскій тутъ былъ, и красивое, точно точеное, но, какъ маска, мертвенное лицо Слѣпцова помнится. Но въ этомъ я не увѣренъ. Внѣшнюю обходительность редакція *Отечественныхъ Записокъ* никогда не отличалась, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу была вполне доброжелательна. Въ данномъ же случаѣ смущеніе мое былъ

тѣмъ сильнѣе, что когда мы усѣлись за большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, возлѣ меня оказался Салтыковъ и сталъ смотрѣть въ тетрадь, по которой я читалъ, своими якобы суровыми, слегка выпученными глазами, вряши отъ времени покряхтыя громкимъ басомъ: э—ги! Какъ близки и понятны стали мнѣ потомъ эти якобы суровые глаза и какъ они меня смущали тогда! Между прочимъ, дойдя до одной главы, я почему-то вдругъ тутъ же сообразилъ, что она неудачна и требуетъ такихъ-то и такихъ-то передѣлокъ. Я хотѣлъ ее пропустить и это было тѣмъ удобнѣе, что она была вводная. Я уже перевернулъ двѣ-три страницы, ища слѣдующей главы, но Салтыковъ меня остановилъ: «Что же вы пропускаете?»—«Да тутъ передѣлать надо».—«Нѣтъ, ужъ читайте все, порядкѣ!»

Чтеніе кончилось. Прочиталъ я только первую часть, такъ какъ изъ оставшаго были лишь наброски, и я даже не захватилъ ихъ съ собой. Наступило молчаніе. Прервалъ его Салтыковъ сердитымъ басомъ: «Надо кончать! А то что же такъ-то, безъ хвоста!» Некрасовъ сказалъ то же самое, но гораздо любезнѣе. Елисеевъ сидѣлъ молча, насупившись, поглаживая правую рукой лѣвый усъ и, повидимому, совсѣмъ о моей *Борьбѣ* не думая. Бурочкинъ отвелъ Некрасова въ сторону и что-то пошепталь ему, послѣ чего Некрасовъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ, не нужно ли мнѣ денегъ. Деньги были очень нужны, но я сконфузился и отказался. Выходя вмѣстѣ со мной изъ редакціи, Бурочкинъ меня очень бранилъ за этотъ отказъ, а о романѣ выразился такъ: «Бойко написано, бойко прочитано, впечатлѣніе получилось недурное, а, въ сущности, бросьте-ка вы этотъ романъ, право, не ваше дѣло!» Я и самъ въ эту именно минуту почувствовалъ, что надо бросить, и что это не мое дѣло. Нѣсколько позже, нуждаясь въ беллетристическомъ матеріалѣ, Некрасовъ напомнилъ мнѣ о романѣ, но я отвѣтилъ, что рѣшительно не могу его кончить, не пишется. Онъ просилъ меня, по крайней мѣрѣ, выдѣлать изъ *Борьбы* одинъ эпизодъ,—онъ указывалъ, какой именно,—и обработать его въ рассказъ, но я и этого не могъ сдѣлать, будучи увлеченъ совсѣмъ другими работами.

Несмотря на всѣ предъидущія мытарства, несмотря на только что пережитую бѣду съ *Современнымъ Обозрѣніемъ* и неудачную пробу съ *Недѣлей*, несмотря, наконецъ, на то, что я въ самый вечеръ торжественнаго чтенія *Борьбы* рѣшилъ, что кончать ее не буду,—мнѣ именно въ этотъ же вечеръ стало ясно, что я дѣйствительно у пристани. Конечно, великое дѣло молодость, легко оправляющаяся отъ погромовъ и легко окрыляемая надеждой. Но на этотъ разъ дѣло было, я полагаю, не въ одной молодости. Я въ первый разъ подошелъ къ вершинамъ русской литературы, настоящимъ, несомнѣннымъ, общепризнаннымъ. Бурная жизнь Некрасова создала ему много недоброжелателей. Литературная и въ особенности редакторская его дѣятельность тоже много этому способствовала. Но какъ бы далеко ни шло въ нѣкоторыхъ сферахъ отрицаніе не только личныхъ достоинствъ Некрасова, а и достоинствъ его поэзіи, персть исторіи уже давно отмѣтилъ его, какъ достойнаго даже отдаленнаго будущаго, а въ настоя-

щемъ вся грамотная Россія зачитывалась его стихами. Салтыковъ также давно занималъ положеніе перваго въ своемъ родѣ человѣка. Елисеевъ былъ неизвѣстенъ въ большой публикѣ, но въ литературныхъ кружкахъ его цѣнили очень высоко, а мы, тогдашняя молодежь, не зная его лично, хорошо знали его «Внутреннія обозрѣнія» въ *Современникѣ*. А изъ-за этихъ трехъ выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевскаго, Бѣлинскаго, какъ бы передавшихъ имъ свой авторитетъ. Далѣе, всѣ трое, независимо отъ своихъ собственно литературныхъ талантовъ, были опытные и горячо преданные своему дѣлу журналисты, убѣжденные въ возвышенности задачъ журналистики. Немуудрено, что отъ этихъ людей и отъ руководимаго ими дѣла вѣяло спокойною, сознающею себя силой. Приминая къ нимъ, мы чувствовали, что вступаемъ на какую-то, хорошую или худую, — это какъ кто посмотритъ, но, во всякомъ случаѣ, прочную, смѣю сказать, историческую дорогу. Эта дорога, съ одной стороны, уходила въ даль прошедшаго, гдѣ была пробита не однимъ поколѣніемъ тружениковъ и страсто-терпцевъ мысли, а съ другой — разстилалась въ перспективу будущаго. Велики и ярки были таланты Салтыкова и Некрасова, крупную литературную силу представлялъ собою и Елисеевъ, но ихъ личныя силы удваивались тѣмъ историческимъ путемъ, на которомъ они стояли. Отнюдь не связанные преданіемъ въ томъ смыслѣ, чтобы не смѣть сдѣлать ни едишаго шага за свой собственный страхъ и счетъ, они, кромѣ силы личнаго убѣжденія, еще въ своихъ связяхъ съ прошлымъ черпали увѣренность въ правотѣ своего дѣла. Чѣмъ глубже коренится идея въ прошломъ, тѣмъ спокойнѣе выносить она всякія бури и невзгоды, все равно какъ дерево съ глубоко сидящими корнями. Спокойная, увѣренная въ себя сила чувствовалась во всемъ обиходѣ редакціи *Отечественныхъ Записокъ* и давала себя знать при первомъ, даже самомъ поверхностномъ сближеніи съ нею. Я разумѣю, конечно, не спокойствіе личныхъ характеровъ. Изъ всѣхъ трехъ ровно спокоенъ былъ только Елисеевъ. Некрасовъ былъ скорѣе замкнутъ и скрытенъ, чѣмъ спокоенъ, и я расскажу ниже случай, когда онъ былъ совсѣмъ выбитъ изъ сѣдла. А Салтыковъ былъ весь нервы и постоянное волненіе. Но всѣ эти индивидуальныя особенности ничѣмъ не отражались на общемъ литературномъ дѣлѣ, которое стояло не на темпераментахъ и характерахъ, а на убѣжденіяхъ. Эти-то убѣжденія, прочныя и сами по себѣ, еще упрочивались сознаніемъ преемственной связи съ рядомъ предшествовавшихъ работниковъ.

Меня всегда удивляли и, признаюсь, сердили тѣ странные люди, которые время отъ времени выскакиваютъ въ литературѣ съ «новыми словами», точно балаганный Петрушка изъ-за ширмы: выскочить, выкрикнуть и опять за ширмы впредь до новѣйшаго слова. Конечно, новыя слова необходимы. Но, во-первыхъ, они говорятся гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ люди съ легкою мыслью и легкимъ сердцемъ; во-вторыхъ, люди съ легкою мыслью и легкимъ сердцемъ для провозглашенія ихъ отнюдь не годятся; въ-третьихъ, наконецъ, только то новое слово значительно и прочно, которое не

отрываетъ себя отъ прошлаго. Въ наукѣ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣйствительно говорится новое слово, одна изъ задачъ авторовъ новаго слова состоитъ въ томъ, чтобы примкнуть къ одному изъ существующихъ уже теченій, найти себѣ опору и оправданіе въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ опытовъ, наблюденій, выводовъ. При этомъ о новомъ словѣ собственно даже не думаютъ, оно является само собой. Иначе и быть не можетъ, потому что люди науки обращаются, прежде всего, къ людямъ науки же, и специалисты все равно дознаютъ мѣсто новаго слова въ литературѣ предмета и опредѣляютъ цѣну его. Въ публицистикѣ, критикѣ и т. п. отрасляхъ словесности, имѣющихъ дѣло непосредственно съ массой читателей, такого неуносительнаго контрольнаго аппарата нѣтъ. Поэтому выходитъ, напримѣръ, слѣдующее. Среди множества курьезовъ, вычитанныхъ мною въ *Литературныхъ замѣткахъ* г. Волинскаго въ *Северномъ Вѣстникѣ*, есть такой: «различныя письма одного и того же корреспондента писаны не въ одномъ и томъ же стилѣ—*идѣ мягкимъ гусинымъ перомъ, идѣ нѣсколько развязнымъ, размашистымъ языкомъ*». Конечно, *l'art de bien dire* возможны всякіе, но я могъ бы привести множество подобныхъ удивительныхъ изреченій г. Волинскаго, только нѣтъ охоты, да и надобности возиться. Вы видите, что этому человѣку, хотя бы только для того, чтобы стать удобопонятнымъ, чтобы стать писателемъ, надо прежде про себя, въ тиши своего кабинета рѣшить, чѣмъ ему лучше писать—гусинымъ перомъ или размашистымъ языкомъ. А онъ уже озабоченъ открытіемъ «новой мозговой линіи». Одна *Неделя* столько на своемъ вѣку наоткрыла этихъ новыхъ мозговыхъ линій, что и не перечестъ. Этотъ типъ открывателей новыхъ мозговыхъ линій очень любопытенъ; въ свое время я съ нѣкоторою подробностью войду въ его психологію. Типъ этотъ существуетъ не только у насъ, а и въ Европѣ, но тамъ онъ не можетъ принести большаго вреда, потому что тамъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ постороннія обстоятельства обрываютъ спокойный ходъ преемственного развитія идей и, слѣдовательно, шарлатанскія «новыя слова» не встрѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, поддержки во внѣшнихъ условіяхъ жизни.

Возвращаясь къ *Отечественнымъ Запискамъ*, скажу, что, за вычетомъ горькихъ сомнѣній о личномъ характерѣ Некрасова, я былъ счастливъ примкнуть къ живымъ преданіямъ дѣйствительно новаго слова, сказаннаго самою жизнью въ эпоху пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Такъ какъ *Борьбу* свою я сразу исполнѣ и окончательно забросилъ, то первоначально мнѣ приходилось имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ Елисеевымъ, который въ беллетристическій отдѣлъ не мѣшался, но за то тѣмъ большее вліяніе имѣлъ на прочіе отдѣлы. Да и впоследствии я ближе, роднѣе всѣхъ въ редакціи чувствовалъ себя именно съ нимъ. Странно сказать, но изъ всѣхъ трехъ стариковъ редакціи я былъ, что называется, «знакомъ» только съ Елисеевымъ, и это за все время существованія *Отечественныхъ Записокъ*. Приходилось, разумѣется, очень часто видаться и съ Некрасовымъ, и съ Салтыковымъ, но, за весьма рѣдкими исключеніями

это были свиданія по дѣлу. Складъ жизни Некрасова такъ же рѣзко отличался отъ склада жизни Салтыкова, какъ и сами они рѣзко различались другъ отъ друга. Но для меня и съ тѣмъ, и съ другимъ одинаково невозможно были товарищескія, пріятельскія отношенія, внѣшнимъ образомъ выражающіяся тѣмъ, что люди другъ къ другу ходятъ чайку попить, поболтать и т. п. Впослѣдствіи, уже по закрытіи *Отечественныхъ Записокъ*, Салтыковъ писалъ мнѣ однажды: «Вы были для меня однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и любимѣйшихъ людей, хотя разность лѣтъ и моя болѣзнь препятствовали мнѣ ближе сойтись съ вами». Но Михаилъ Евграфовичъ ошибался,—не въ разности лѣтъ и не въ его болѣзни дѣло было, но крайней мѣрѣ, не только въ нихъ. Елисеевъ былъ даже старше его и тоже человѣкъ хворый, но это не мѣшало намъ съ нимъ быть въ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Глубоко уважая и любя Салтыкова не только какъ литературнаго дѣятеля, но и какъ человѣка; будучи очень близко съ нимъ въ сферѣ идей и общественныхъ симпатій и антипатій, я, однако, даже и представить себѣ не могу, какъ бы мы съ нимъ другъ къ другу, наприимѣръ, «въ гости» ходили. Слишкомъ ужъ велика разница была въ нашихъ привычкахъ, обстановкѣ, во всемъ складѣ жизни. Безъ дѣла я бывалъ у Салтыкова только во время его болѣзни. Еще меньше житейскихъ точекъ соприкосновенія было у меня съ Некрасовымъ, который жилъ баринскою, имѣлъ обширный кругъ разнообразныхъ и нисколько для меня не занимательныхъ знакомствъ, быстро игралъ въ карты, устраивалъ себѣ грандіозныя охотничьи предпріятія, а я, не говоря о прочемъ, не беру карты въ руки и терпѣть не могу охоты. Съ Елисеевымъ же у меня было много общаго въ привычкахъ и образѣ жизни, да и просто какъ-то по душѣ мы другъ другу пришлились. Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 г. одинъ безконечно прискорбный для меня случай чисто-приватнаго характера и, притомъ, не имѣвшій никакого отношенія лично къ Елисееву оборвалъ нашу дружескую близость. Мы стали встрѣчаться только въ редакціонные дни. Но на общемъ дѣлѣ это отозвалось также мало, какъ и отсутствіе личной близости съ Некрасовымъ, и Салтыковымъ. Упомянутый случай оборвалъ нашу дружбу, такъ сказать, формально, нисколько не повліявъ на наши взаимныя чувства, но въ послѣдніе годы, за отсутствіемъ *Отечественныхъ Записокъ*, и, слѣдовательно, сборнаго пункта, мы встрѣчались уже только случайно, у больного Салтыкова или на улицѣ. Въ прошломъ году, возмущенный удивительною затѣей отпраздновать юбилей свободы русской печати, Елисеевъ, уже очень слабый, попросилъ меня зайти къ нему поговорить объ этомъ дѣлѣ, и я пришелъ. Затѣмъ я увидалъ его уже покойникомъ. Но объ Елисеевѣ потомъ. Теперь начну съ Некрасова.

IV.

Недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* я прочиталъ замѣтку подъ громкимъ заглавіемъ: *Развѣтчаный Некрасовъ*. Вотъ она:

«Извѣстно, что роль «мученика» была одною изъ благодарнѣйшихъ ролей въ либеральной комедіи, вошедшей въ моду съ начала шестидеся-
тыхъ годовъ. Провинціальныя «raucres diables», молодые, восторженные,
наивные, увлекающіеся, съ сердечнымъ трепетомъ слушали столичныхъ
«апостоловъ», въ предположеніи, что они за меньшую братію полагаютъ
душу свою. Провинціальныя молодые энтузіасты рисовали всѣмъ изъ-за
этой проповѣди, предполагая, что все это святая истина, что сами про-
повѣдники суть апостолы, люди идеи, а не наживы. И какъ стадо овецъ,
молодежь шла на этотъ призывъ, не щадя ничего.

«Но время раскрываетъ все. Любимымъ апостоломъ либерализма и до
сихъ поръ считается «нашъ гениальный поэтъ» Н. Некрасовъ. Для под-
держанія его престижа, печать упорно поддерживала мнѣніе, будто Не-
красовъ былъ «мученикъ идеи», будто онъ началъ свою карьеру въ тру-
щобахъ, и потому именно радѣлъ о меньшей братіи, что лично испыталъ
всѣ стадія нужды и нищеты. Никто не смѣлъ и подумать о томъ, что
«пѣть» о нуждахъ меньшей братіи было... просто *выгодно*».

Далѣе авторъ замѣтки приводитъ выдержку изъ статьи г. Глинки въ
Историческомъ Вѣстникѣ. Г. Глинка, помянувъ извѣстныя свѣдѣнія о
бѣдности или даже прямо нищетѣ Некрасова въ ранней молодости, гово-
рить: «не рѣшалась опровергать такую яркую картину, и хочу рассказать
лишь о моемъ случайномъ знакомствѣ съ Некрасовымъ». Оказывается,
что Некрасовъ бывалъ у отца г. Глинки, потому жилъ нѣкоторое время съ
его братомъ и «въ это время,—говоритъ г. Глинка,—могу удостовѣрять,
ни въ чемъ особенно не нуждался». Какъ видите, сообщеніе г. Глинки
ни малѣйше не опровергаетъ общеизвѣстныхъ фактовъ крайней бѣдности
юнаго Некрасова. Г. Глинка впервые увидалъ Некрасова у своего отца,
который въ свою очередь познакомился съ поэтомъ у Полевого. Что было
съ Некрасовымъ до этой встрѣчи, г. Глинка не знаетъ и потому весьма
основательно «не рѣшается опровергать яркую картину» нищеты Некра-
сова, имѣющуюся во всѣхъ біографіяхъ поэта. Но *Московскія Вѣдомости*
непостижимымъ образомъ усматриваютъ въ рассказѣ г. Глинки какое-то
опроверженіе, разоблаченіе, даже «развѣнчаніе», и чему-то очень радуются.
Я сейчасъ вернусь къ этой радости, а теперь обращаю вниманіе читателей
на печатающіяся въ газетѣ *Русская Жизнь* воспоминанія В. А. Панаева,
человѣка очень близкаго Некрасову. Г. Панаевъ встрѣтился въ первый
разъ съ Некрасовымъ у нѣкагого художника Даненберга. Даненбергъ и
Некрасовъ жили въ одной комнатѣ, пытались щами, узнавали время по
солнцу, имѣли одни общіе сапоги и одно общее верхнее платье, такъ что
выходили со двора поочередно. Но все это было еще роскошью въ
сравненіи съ тою нищетой, отъ которой избавилъ Некрасова Даненбергъ.
Передъ этимъ будущій знаменитый поэтъ жилъ въ подвальной комнатѣ съ
окнами на улицу и долженъ былъ писать лежа на полу, такъ что прохо-
дившіе по тротуару часто останавливались посмотреть на оригинально
примостившагося юнаго писателя. Все имущество его состояло изъ ков-

рика и подушки, даже верхняго платья не было, питался онъ чернымъ хлѣбомъ и рисковалъ быть выгнаннымъ на улицу.

Ничего этого не было, по мнѣнію *Московскихъ Выдомостей*, и именно потому не было, что г. Глинка видѣлъ Некрасова въ другое время въ другомъ положеніи! А такъ какъ ничего этого не было, то Некрасовъ «пѣлъ о нуждахъ меньшей братіи» не по внутреннему убѣжденію, а потому, что это было «выгодно!» Логика изумительная, выводы артистически лишены всякаго смысла... Для полноты надо замѣтить, что г. Глинка приводитъ слѣдующее, по мнѣнію *Московскихъ Выдомостей*, «весьма характерное свѣдѣніе изъ біографіи знаменитаго поэта»: «Помню еще, что въ 1848 г. въ литературныхъ кружкахъ *говорили, будто* Некрасовъ скупалъ оставшіеся экземпляры сочиненій Гоголя, стоившіе по 8 руб. за экземпляръ, и продавалъ ихъ по 25 руб.» *Московскія Выдомости* радостно спрашиваютъ по этому поводу: «*Не очевидно ли* отсюда, насколько сильно Некрасовъ радѣлъ о просвѣщеніи меньшей братіи, изъ-за «невѣжества» которой онъ пролилъ столько кроводилковыхъ слезъ?!» Ну, еще бы не очевидно! Если въ 1848 г. «говорили, будто», то вполне очевидно, что это «весьма характерное свѣдѣніе изъ біографіи». Счастливые люди эти господа *Московскихъ Выдомостей*. Они въ Аркадіи родились и по сейчасъ живутъ въ ней безвыѣздно, невинно играя на свирѣли, слушая соловьиныя пѣсни и украшая бѣленькихъ барашковъ розовенькими ленточками. Имъ не знакомы ни «зависть тайная», ни «злоба открытая», ни «друзей клевета ядовитая». Въ невинности своей они вѣрятъ всему, когда имъ «говорятъ, будто», потому что если и про нихъ самихъ «говорятъ, будто», то все это такъ и есть: бѣленькіе барашки, свирѣль, трели соловья... Такіе ангелочки! Если, однако, это идиллическое незнанство съ плодами древа познанія добра и зла украшаетъ ихъ добродѣтелью, то, съ другой стороны, лишаетъ здраваго смысла. Даже допуская достовѣрность сплетни о скупкѣ и перепродажѣ сочиненій Гоголя, только невинные жители Аркадіи могутъ приплести сюда «просвѣщеніе меньшей братіи», потому что, вѣдь, и восьмирублевое изданіе Гоголя отнюдь не для невѣственной меньшей братіи предназначалось. Но это безразлично для невинныхъ обитателей Аркадіи: имъ бы только наговорить на тему о «развѣнчанномъ Некрасовѣ» побольше словъ, хотя бы и вполне бессмысленныхъ. Пробѣгая газетные столбцы, читатель не въ каждую же замѣтку вчитывается и вдумывается. Отсутствіе какой бы то ни было логической связи между послылками и выводами можетъ остаться незамѣченнымъ, а впечатлѣніе получилось: «развѣнчанный Некрасовъ». По крайней мѣрѣ, на это рассчитываютъ добродѣтельные аркадскіе люди, хотя, къ счастью, результатъ этотъ не всегда ими достигается. Я очень прошу читателя, хотя бы не ради Некрасова, а для обращика этого рода литературныхъ упражненій, внимательно прочитать замѣтку *Развѣнчанный Некрасовъ*.

Въ то время, когда Некрасовъ бѣдствовалъ, его никто не зналъ и, значить, никакимъ «апостоломъ» онъ быть не могъ. А въ то время, когда тысячи

ни тысячи сердец откликнулись на его стихи, онъ былъ богатъ и никогда бѣднякомъ не прикидывался. Если впоследствии Некрасовъ вспоминалъ о своей былой бѣдности и если говорили о ней его биографы, то «мученикомъ идеи» ни самъ онъ, никто другой его не рисовали. Тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что онъ началъ свою литературную карьеру въ нищетѣ, и весьма вѣроятно, что онъ отчасти «потому именно радѣлъ о меньшей братіи, что лично испыталъ всѣ ступени нужды и нищеты». Чтобы радѣть о меньшей братіи, нѣтъ никакой надобности непременно самому проходить школу нищеты, — великодушныя идеи доступны и баловнямъ судьбы отъ рожденія, — но у Некрасова эти идеи сплелись съ личными впечатлѣніями нищеты, и это просто фактъ, который никто никогда не думалъ ставить ему въ заслугу. Гдѣ, отъ кого слышали эти сыны Аркадіи, что Некрасовъ голодалъ ради идеи? Голодалъ потому, что безъ работы сидѣлъ. Всѣ такъ и понимаютъ, такъ что съ этой стороны и повода для «развѣнчанія» не было. Но выводите изъ этого заключеніе, что Некрасовъ «пѣлъ» въ извѣстномъ тонѣ только потому, что это было «выгодно», значитъ — мѣрять людей аршиномъ, можетъ быть, и очень употребительнымъ въ Аркадіи, но отнюдь не непреложнымъ. Это даже фактически ни съ чѣмъ несообразно, потому что въ сороковыхъ годахъ стать на ту дорогу, на которую сталъ Некрасовъ, было вовсе невыгодно. Но что до всего этого за дѣло сынамъ Аркадіи, когда вся ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы наскоро набросать какъ можно больше тѣней на Некрасова, и когда, ослѣпленные злобой, они готовы противорѣчить и самимъ себѣ, и несомнѣннымъ фактамъ! Потому что, надо, наконецъ, правду сказать, нѣтъ болѣе злобныхъ людей, какъ эти добродѣтельные сыны Аркадіи. И знаете что? — это еще хорошо, если они руководятся въ данномъ случаѣ настоящею, искреннею злобой. Представьте себѣ человѣка, который когда-то получилъ отъ стиховъ Некрасова толчокъ въ извѣстную сторону и который потомъ, подъ давленіемъ жизни, искренно разочаровался въ золотыхъ снахъ своей молодости. Я могу себѣ представить, что, при извѣстныхъ условіяхъ, этотъ человѣкъ крайне враждебно относится къ своему бывшему кумиру и радъ сорвать злобу развѣнчаніемъ его. Это дѣло житейское. Очень, конечно, нехорошо, если человѣкъ при этомъ ослѣпляется злобой до забвенія предписаній здраваго смысла, логики и приличія. Очень скверно, но искренность злобнаго чувства, ничего не оправдывая, по крайней мѣрѣ, объясняетъ. Такого человѣка даже пожалѣть можно: бѣдный, молъ, бѣдный! до того озлобился, что ослѣпъ, — въ отворенную дверь свирѣпо ломится, грозно сжатымъ кулакомъ въ пустое мѣсто тычетъ, самъ себѣ ногу отдавляя... Возможно еще болѣе некрасивое нравственное положеніе. Нѣкоторая часть нашей печати считаетъ себя представительницею и стражею «консерватизма». Ничего она не «консервируетъ», а, напротивъ, склонна очень многое, созданное жизнью и мыслью, разрушать. «Благонамѣренною» она также себя почитаетъ, тогда какъ намѣренія ея частью именно не благія, а прямо злыя, а частью состоятъ просто въ томъ, чтобы пожить

въ свое удовольствіе, независимо отъ какихъ бы то ни было идей. Завтра выйдетъ новый фасонъ идей, и она спокойно перекроитъ ихъ. Немудрено поэтому, что иногда она даже не воодушевляется злобой, а напускаетъ ее на себя, притворяется. Это ужъ самое послѣднее дѣло...

«Развѣнчать» Некрасова дѣло не хитрое. Для этого не требуется бытъ ни «консерваторомъ», ни злоцомъ. Какъ человекъ, Некрасовъ давно развѣнчанъ, и такъ развѣнчанъ, что дѣтски-смѣшными кажутся попытки ухватиться за рассказъ г. Глинки о томъ, что въ такомъ-то году поэтъ ни въ чемъ не нуждался, а въ такомъ-то про него «говорили, будто». Я уже говорилъ о той тѣни, которая четверть вѣка тому назадъ пала на личность поэта и затуманила ее въ глазахъ самыхъ горячихъ поклонниковъ. И одна ли она лежитъ пятномъ на его памяти! Но люди, сколько-нибудь вдумчивые, непохожіе на добродѣтельныхъ и невинныхъ сыновъ Аркадіи, не довольствуются простымъ развѣнчаніемъ. Не хитро его совершить, да не умно на немъ опочить. Уже вышеупомянутый «неизвѣстный другъ» писалъ Некрасову въ 1866 г.:

„Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихи твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!

Не отчего-жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читать?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?!
Не можетъ быть!“

Да, не можетъ быть! Пустопорожніе волтижеры, съ легкостью перекашивающіе съ одного берега на другой, естественно, должны мѣрять всѣхъ на свой аршинъ, ибо никакая другая мѣра вещей имъ недоступна. Но надо еще, кромѣ того, не имѣть ни малѣйшаго понятія о поэзии, о процессѣ творчества, чтобы утверждать, что можно писать такіе стихи, какъ некрасовскіе, всю жизнь неискренно и ради выгоды. Такое утвержденіе могутъ подсказать только убогая мысль и пустое сердце. Понятны еще всякія увлеченія въ жару полемики, но Некрасовъ умеръ безъ малаго пятнадцатъ лѣтъ тому назадъ, для него наступила исторія. Крайняя сложность богато одаренной «музы мести и печали» слишкомъ очевидна, чтобы ее можно было характеризовать грубыми одноцвѣтными чертами. И вотъ почему въ то самое время, когда запоздалые старатели радостно разыскиваютъ разные вздорные и неprovѣренные пустяки, якобы біографическаго характера, люди, чтущіе память поэта, не боятся рассказывать подлинныя и дѣйствительно мрачныя подробности его жизни.

Напомню для примѣра рассказанный въ воспоминаніяхъ г-жи Головачевой-Панаевой случай самоубійства Піотровскаго. Слишкомъ извѣстно, что Некрасовъ былъ страстный игрокъ. Какъ у всякаго игрока, у него были разныя суевѣрныя примѣты. Молодой сотрудникъ *Современника* Піотровскій взялъ у него однажды впередъ, въ счетъ гонорара, 200 руб.,

и въ тотъ же вечеръ Некрасовъ сильно проигрался. Черезъ недѣлю Пиотровскій прислалъ ему письмо съ новою просьбой о 300 руб., объясняя при этомъ, что если онъ денегъ не получитъ, то пуститъ себя пулю въ лобъ. Некрасовъ долженъ былъ въ этотъ вечеръ опять играть и, памятуя, что послѣ предъидущей выдачи Пиотровскому онъ проигрался, что и раньше были такія же совпаденія, отказалъ. А Пиотровскій дѣйствительно въ тотъ же день застрѣлился. Можно себя представить душевное состояніе Некрасова... Но г-жа Головачева-Панаева одна знала истинную причину самоубійства Пиотровскаго, остальные знакомые и сотрудники приписали волненіе Некрасова простой нервности. Г-жа Головачева, съ уваженіемъ относящаяся къ памяти поэта, могла бы и сейчасъ не включать этого ужаснаго эпизода въ свои воспоминанія. Но она не сочла нужнымъ скрывать его, именно потому, что крупная и уже историческая фигура Некрасова не подлежитъ упрощенной операціи развѣнчанія. Съ формальной точки зрѣнія Некрасовъ отнюдь не былъ виноватъ въ самоубійствѣ Пиотровскаго. Выдавать Пиотровскому или кому другому деньги по всякому требованію онъ вовсе не былъ обязанъ, да и не имѣлъ бы возможности. Но всѣ подобныя вполне здравыя разсужденія не могли, разумѣется, заглушить голоса ущемленной совѣсти въ самомъ Некрасовѣ: какъ-никакъ, а изъ-за него погибла молодая, богатая надеждами жизнь. Да и намъ, третьимъ лицамъ, невольнымъ зрителямъ этой драмы, Некрасовъ не въ ореолѣ рисуется. Не въ томъ дѣло, что онъ не исполнилъ просьбы Пиотровскаго, — послѣдовавшее за тѣмъ несчастіе могло быть именно только несчастною случайностью и для Некрасова, все равно какъ если бы онъ, напримѣръ, нечаянно застрѣлилъ Пиотровскаго на охотѣ: вѣчно преслѣдовала бы его тѣнь убитаго, однако, у насъ не повернулся бы языкъ осудить его. Въ данномъ случаѣ память Некрасова омрачается не самымъ фактомъ, а подробностями: Пиотровскій погибъ собственнo изъ-за неприглядной игрецкой страсти, ослѣпляющей разумъ, подавляющей волю и ставящей игрока въ рядъ рискованнѣйшихъ положеній. Въ жизни Некрасова эта несчастная страсть играла огромную роль. Онъ много проигрывалъ, много выигрывалъ, а, главное, много душевныхъ силъ тратилъ на это странное, но, должно быть, очень увлекательное дѣло. Я помню, какъ однажды въ редакціонный день мы собрались, по обыкновенію, часу во второмъ въ квартирѣ Некрасова, а хозяинъ все не выходилъ. Я думалъ, что онъ спитъ, — вставалъ онъ вообще поздно. Но вотъ является Некрасовъ не изъ внутреннихъ комнатъ, а изъ входной двери, съ шапкой въ рукахъ, свѣжій, веселый. «Откуда это, Николай Алексѣевичъ?» Оказалось, что Николай Алексѣевичъ на этотъ разъ даже не ложился, а всю ночь и все утро игралъ въ карты и былъ въ выигрышѣ. При проигрышѣ онъ становился угрюмъ и мраченъ. Обидно было знать все это, обидно и сейчасъ вспомнить. Тѣмъ не менѣе, я вполне увѣренъ, что собственно жадности къ деньгамъ тутъ не было. Разумѣется, кто играетъ, тотъ хочетъ выиграть. И когда Некрасовъ еще только выбивался изъ бѣдности, выигрышъ,

по всей вѣроятности, составляя его главную цѣль при игрѣ. Но постепенно этотъ моментъ такъ осложнялся жаждою специальныхъ волненій, даваемыхъ игрой, что подъ конецъ и совсѣмъ въ нихъ утонулъ. Извѣстно пророчество Бѣлинскаго: «Некрасовъ наживетъ себѣ капитадецъ». Онъ его дѣйствительно нажилъ, а, съ другой стороны, пожалуй что и не нажилъ. Жилъ онъ въ то время, когда я съ нимъ познакомился, баринномъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, но послѣ его смерти денегъ не оказалось совсѣмъ. Я самъ читалъ его завѣщаніе, въ которомъ прямо говорилось, что никакихъ денежныхъ капиталовъ у него нѣтъ, а есть такое-то и такое-то движимое и недвижимое имущество, которое такъ-то и такъ-то распределяется между наслѣдниками. Знаю я также, что незадолго до смерти онъ взялъ на прожитіе и леченіе изъ конторы *Отечественныхъ Записокъ* 1000 руб. впередъ (деньги эти его сестра, благоговѣнно чтившая его память, потомъ возвратила въ контору). Вдову его я видалъ еще довольно долго спустя послѣ его смерти и знаю, что на оставшіяся у нея средства она могла жить лишь очень скромно, хотя, конечно, не нуждаясь въ помощи литературнаго фонда.

Что же касается часто повторяемаго пустопорожними, а иногда просто презрѣнными людьми мнѣнія, будто Некрасовъ ради выгоды писалъ и издавалъ журналъ въ извѣстномъ тонѣ, то это мнѣніе не имѣетъ никакого смысла. Поистинѣ «не торговалъ онъ лирой». Некрасовъ былъ, прежде всего, необыкновенно уменъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на любомъ поприщѣ, которое онъ избралъ бы для себя, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ людей, уже въ силу своего ума. Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ, блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ. Это мое личное мнѣніе, которое, я думаю, однако, не удивитъ никого изъ знавшихъ Некрасова. Онъ выбралъ литературу, потому что любилъ ее, въ литературѣ онъ выбралъ извѣстное направленіе, потому что вѣрилъ въ него. Нищета и униженія, претерпѣнныя имъ въ ранней молодости, озлобили, очерствили его. Какъ онъ самъ говорилъ, онъ «попылся не умереть на чердакѣ» и, можетъ быть, не разъ въ жизни прибѣгалъ къ средствамъ, къ которымъ позволительно относиться съ безразличностью. Надо, однако, сказать, что ничего такого ужаснаго, что рѣзко выдѣлялось бы на общемъ фонѣ нашихъ тогдашнихъ нравовъ, онъ не совершалъ, онъ только не отказывался быть съ волками по-волчьи. И какъ бы ни пригнула его судьба къ землѣ, въ немъ никогда не исчезали желаніе и способность искать глазами небо. Благодаря своей практической ловкости, благодаря умѣнью цѣнить даровитыхъ людей и вѣрить имъ, онъ поставилъ *Современникъ* и потомъ *Отечественныя Записки* блестяще. Но, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени онъ могъ бы сдѣлать то же самое и съ журналомъ совершенно другаго направленія. Хорошо же шелъ, на примѣръ, *Голосъ*, дополнившій своими доходами то огромное наслѣдство, которое осталось послѣ Краевского. Однако, Некрасовъ издавалъ не *Голосъ*, а *Отечественныя Записки*. Барыши же его съ *Отечественныхъ Запи-*

сомъ были относительно вовсе не велики. Во-первыхъ, онъ платилъ значительную и съ увеличеніемъ числа подписчиковъ все увеличивавшуюся аренду Краевскому. Во-вторыхъ, онъ самъ добровольно предложилъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и соредакторамъ, Салтыкову и Елисееву, долю участія въ доходахъ изданія, на равныхъ съ нимъ правахъ. Это случай небывалый въ русской журналистикѣ, и никто, можетъ быть, даже не зашѣтилъ бы, если бы Некрасовъ, подобно другимъ издателямъ, вкалъ весь доходъ полностью въ свой карманъ. Тѣмъ болѣе, что онъ всегда могъ бы сослаться на положеніе *Отечественныхъ Записокъ*: ихъ бюджетъ и безъ того былъ обремененъ арендною платой, которая не лежала на другихъ журналахъ и газетахъ.

Я, однако, отнюдь не думаю объявлять или возведаивать Некрасова, какъ человѣка. Я хочу лишь подчеркнуть сложность его натуры, не поддающейся слишкомъ ужъ простому «развѣнчанію».

Въ книгѣ г. Андреевскаго *Литературныя чтенія* я нашелъ о Некрасовѣ слѣдующія умныя слова, съ которыми отнюдь не могу вполне согласиться, но которыя хорошо намѣчаютъ сложность натуры поэта. Г. Андреевскій не весьма симпатично относится къ самому типу некрасовской поэзіи и находитъ въ ней много грубаго и дѣланнаго. Но онъ не архаическій сынъ. Онъ говоритъ:

«Видна ли любовь Некрасова къ народу въ его произведеніяхъ? На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго. Эта любовь,—не только къ народу, но и ко всемъ обездоленнымъ и голодающимъ,—течетъ у Некрасова лавою по всемъ его произведеніямъ. Она имѣетъ всѣ оттѣнки: раздирающей душу скорби (*Морозъ*), смѣлой защиты передъ сильными міра (*Парадный подъездъ*), доброй ласки отца (*Крестьянскія дѣти*), горячей защиты публициста (*Плачъ дѣтей*, *Желтая дорога*), вдохновеннаго увлеченія поэта (*Коробейники*, *Зеленый шумъ*) и т. д., и т. д. Какой же источникъ этой любви? Намъ кажется, здѣсь вгляди два фактора: во-первыхъ, эпоха общей влюбленности въ крестьянскую массу; во-вторыхъ, событія въ личной жизни поэта... Проницательный Некрасовъ не заносился въ облака, но общее тяготѣніе къ народу, съ которымъ онъ бокъ-о-бокъ выстрадалъ голодъ, было ему на руку. Изъ жизни этого народа онъ сталъ брать темы для своихъ потрясающихъ картинъ. Онъ увидѣлъ свой успѣхъ; эта работа его увлекала. По натурѣ сдержанный и крутой, почти не отзывчивый на чувство прекраснаго, человѣкъ сильный и глубокой, но изуродованный и огорченный жизнью, Некрасовъ нуждался въ отпущеніи за обиды судьбы, и онъ полюбилъ мстить самодовольнымъ за несчастныхъ. Граница между искреннимъ и искусственнымъ у него потерялась. Часто онъ любилъ только «мечту свою», часто обливался слезами надъ «вымысломъ». Но онъ чувствовалъ себя хозяиномъ скорбящаго народнаго царства, этихъ необозримо богатыхъ владѣній для извлеченія изъ нихъ въ каждую минуту чего-нибудь ужасающаго для «сильныхъ міра». «Народъ безмолвствовалъ», но это только придавало еще бо-

лѣе трагическій оттѣнокъ пѣснямъ Некрасова. Онъ увлекался своею миссіей, облагораживался въ ней, возвышался до голоса истиннаго гражданина, видѣлъ въ ней свою славу, свое искупленіе за какой-то грѣхъ, на который содержатся горькіе, сдержанные намеки въ его поэзіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ цѣлой Россіи развертывался этотъ романъ Некрасова съ народомъ. Поэзія была уже не только въ томъ, что онъ писалъ, но въ самой его роли, въ этой исторіи нераздѣленной, болѣзненной любви Некрасова къ народу. Такъ что, когда онъ умеръ, то его, издавна уже избалованнаго богатствомъ, несмѣтная толпа хоронила со слезами, какъ страдальца за народъ и убогихъ».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается указаніе на чрезвычайно любопытную черту всей судьбы Некрасова. Стоустая молва и печатныя инсинуаціи давно уже довели до всеобщаго свѣдѣнія, что пѣвецъ скорбщихъ и обездоленныхъ—богатый человѣкъ, что муза мести и печали оставилась довольно комфортабельно. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Некрасовъ не «мученикъ идеи» въ смыслѣ какихъ-нибудь матеріальныхъ лишеній, хотя въ свое время и вынесъ горькую, унижительную нищету. И, однако, надъ гробомъ его оплакивали именно «страдальца за народъ и убогихъ» и никакія усилія добродѣтельныхъ сыновъ Аркадіи не сотрутъ этого образа ни въ общемъ сознаніи, ни со страницъ исторіи русской литературы. Дѣло въ томъ, что мыслью Некрасовъ несомнѣнно искренно страдалъ за всѣхъ обездоленныхъ, за всѣхъ неправо униженныхъ и оскорбленныхъ, и именно въ силу этой искренности «весь міръ сильнѣй любить вамъ хочется, стихи его читалъ». И если личная жизнь Некрасова не совпала съ тономъ его произведеній, то пусть бросаютъ въ него за это камни тѣ, кто чувствуетъ себя въ этомъ отношеніи вполне безгрѣшнымъ. Это разъ. А, во-вторыхъ, никто лучше самого Некрасова не сознавалъ неприглядности этого разлада, и обстоятельство это вносило въ его душу новый источникъ страданій, воспѣтый имъ тоже такими стихами, что «имъ безъ волненія внимать невозможно».

V.

Обращаюсь къ личнымъ своимъ воспоминаніямъ.

Первою моею статьею въ *Отечественныхъ Запискахъ* была *Жертва старой русской исторіи*, напечатанная въ декабрѣ 1868 г. Это была передѣлка приготовленнаго для июльской книжки *Современнаго Обзорнія* втораго *Письма о русской интеллигенціи*. Рѣчь тутъ шла о Кельсіевѣ, который незадолго передъ тѣмъ вернулся въ Россію, выпустилъ двѣ книжки *Пережитое и передуманное* и *Галичина и Молдавія* и въ нихъ съ необыкновенною, почти наивною развязностью отрекался отъ всего своего прошлаго. Положеніе Кельсіева, какъ и всякаго ренегата, было въ Петербургѣ незавидное. Въ кругу своихъ новыхъ единомышленниковъ онъ былъ еще совсѣмъ чужой и встрѣчалъ тамъ, вѣроятно, много для себя обиднаго

подъ личиною любезности, а къ старымъ знакомымъ ему, конечно, лучше было бы совсѣмъ не являться. Но былъ ли онъ отъ природы безтактенъ или сбить съ толку новостью своего положенія, только онъ не воздержался отъ нѣкоторыхъ ненужныхъ визитовъ. Я сидѣлъ однажды у Н. С. Курочкина, когда къ нему пришелъ незнакомый мнѣ высокій, худой брюнетъ съ развязными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы растерянными манерами. Замѣтивъ, при входѣ этого незнакомца, странное, недоумѣвающее выраженіе лица Курочкина и догадываясь о щекотливости предстоящей бесѣды между ними, я ушелъ въ третью комнату. Незнакомецъ сидѣлъ въ кабинетѣ, должно быть, съ полчаса. Мнѣ было видно, какъ онъ потомъ проходилъ въ переднюю. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ. По дорогѣ онъ неловкимъ движеніемъ задѣлъ стулъ, уронилъ его и, поднимая, съ напряженною, неловкою улыбкой попробовалъ пошутить: «Александръ Македонскій былъ великій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?!» Курочкинъ, тоже видимо взволнованный, объяснилъ мнѣ по уходѣ незнакомца, что это былъ Бельсіевъ...

На мою статью о Бельсіевѣ обрушился въ *Недѣль* покойный Минаевъ. Онъ находилъ, что я слишкомъ мягко и серьезно отнесся къ этому чловѣку, что съ репегатами надо поступать гораздо круче, не вдаваясь въ логическія и психологическія тонкости, что такъ можно, пожалуй, дойти и до оправданія ренегатства. Выразилъ все это Минаевъ довольно грубо, и Некрасовъ счелъ нужнымъ меня, необстрѣленного еще новичка, утѣшить или ободрить. Онъ убѣждалъ меня не смущаться подобными выходками, говорилъ, что если Минаевъ нашелъ мою статью слишкомъ мягкой и серьезною, то, съ другой стороны, и Бельсіеву этотъ приемъ покажется гораздо обиднѣе, чѣмъ голыя насмѣшки и ругань, что, судя по строю моихъ мыслей и манерѣ писанія, я долженъ и на будущее время приготовиться къ нападкамъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, но что это не бѣда,—надо, не смущаясь, вести свою линію.

Къ начинающимъ писателямъ Некрасовъ относился съ большимъ вниманіемъ, охотно давая имъ разные совѣты. Нельзя было, при этомъ, не любоваться его умомъ. Онъ отлично зналъ пробѣлы своего образованія и никогда не старался ихъ скрыть. Но даже по поводу статей о совершенно незнакомыхъ ему предметахъ у него находилось умное слово, заимствованное изъ его огромной житейской и журнальной опытности. Но разговорчивъ онъ не былъ, и когда молодой сотрудникъ сколько-нибудь оперялся, онъ предоставлялъ его самому себѣ и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ выражалъ свое удовольствіе. Благодаря безусловному довѣрію Некрасова къ своимъ главнымъ сотрудникамъ и соредакторамъ, редакціонныя дѣла *Отечественныхъ Записокъ* шли точно сами собою, точно никто ничего и не дѣлалъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, всѣ много работали. Какія-нибудь пререканія были величайшею рѣдкостью. Тотъ же порядокъ былъ и потомъ, когда послѣ смерти Некрасова отвѣтственнымъ редакторомъ сталъ Салтыковъ. Только Салтыковъ, въ силу своей крайней экспансивности, не

могъ удержатъ въ себѣ ни одной мысли, ни одного чувства, тогда какъ Некрасовъ, напротивъ, былъ до такой степени замкнутъ и скрытенъ, что иной разъ и догадаться было невозможно, что онъ думаетъ. Со мною былъ слѣдующій характерный въ этомъ отношеніи для Некрасова случай. Дѣло было въ 1874 г., когда я былъ уже вполне своимъ человекомъ въ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*. Однажды студентъ, помнится, института путей сообщенія, по фамилии Шмаковъ, принесъ мнѣ тетрадку своихъ стихотвореній. Они показались мнѣ пригодными для печати и я передалъ ихъ Некрасову, но безъ всякой съ своей стороны рекомендаціи: посмотрите, молъ. Черезъ нѣсколько дней получаю отъ Некрасова записку: «Вашъ поэтъ Шмаковъ вытолкнулъ меня изъ постоянно гнуснаго настроенія, въ которомъ я чортъ знаетъ отъ чего нахожусь уже давно,—у него есть талантъ и онъ непремѣнно будетъ хорошимъ поэтомъ, если будетъ строго работать и овладѣетъ вполне формой, безъ которой нѣтъ поэта. Если онъ здѣсь, то не скажете ли ему, чтобы зашелъ ко мнѣ». Молодой поэтъ былъ у Некрасова, три или четыре его, дѣйствительно, недурныхъ стихотворенія были напечатаны въ томъ же 1874 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*, но затѣмъ онъ куда-то исчезъ и что-то я не знаю теперь такого поэта. Некрасовъ больше о немъ не вспоминалъ. Много времени спустя, уже незадолго до своей смерти, Некрасовъ признался мнѣ въ случайномъ разговорѣ о стихахъ, что сначала онъ считалъ Шмакова псевдонимомъ, подъ которымъ укрылся я, конфузясь своихъ стихотворныхъ опытовъ, и что онъ былъ очень разочарованъ, увидавъ настоящаго, живаго Шмакова. Почему онъ думалъ, что это мои стихи и что я хитрю, выдавая ихъ за чужіе, я не знаю. На мой вопросъ объ этомъ онъ отвѣтилъ только: «такъ мнѣ показалось». Но и его предположеніе насчетъ моей хитрости, и его долгое молчаніе кажутся мнѣ очень для него характерными.

Конечно, это случай мелкій, но вообще въ Некрасовѣ было что-то загадочное, невысказанное, затаенное отъ всѣхъ постороннихъ взглядовъ. Тѣмъ поразительнѣе были случаи, когда это затаенное рвалось наружу и, все-таки, не могло вырваться вполне.

Въ 1869 г. появилась брошюра гг. Антоновича и Жуковскаго *Материалы для характеристики современной литературы*, въ которой заключались крайне ядовитыя нападки на Некрасова, на Елисеева, на *Отечественныя Записки*. Она состояла изъ двухъ частей: изъ *Литературнаго объясненія съ Н. А. Некрасовымъ*, написаннаго г. Антоновичемъ, и изъ статьи г. Жуковскаго *Содержаніе и программа Отечественныхъ Записокъ за прошлый годъ*. И самая эта брошюра, и, тѣмъ болѣе, ея интимная подкладка представляютъ собою нѣчто совсѣмъ чужое большинству нынѣшнихъ читателей. Я и самъ узналъ эту прискорбную исторію во всѣхъ ея подробностяхъ только теперь, разбирая бумаги Елисеева. Покойный Григорій Захаровичъ, видимо, придавалъ ей большое автобіографическое значеніе, и потому я, можетъ быть, расскажу ее его собственными словами, когда дѣло дойдетъ до воспоминаній о немъ. Теперь скажу только, что

брошюра гг. Антоновича и Жуковского содержит въ себѣ много злобно выраженныхъ непріятныхъ намековъ и предположеній насчетъ Некрасова, Елисеева и *Отечественныхъ Записокъ*. Значительная часть этихъ намековъ и предположеній давно, такъ сказать, ликвидирована самою жизнью. Авторы брошюры предсказывали рѣшительное отклоненіе *Отечественныхъ Записокъ* отъ того направленія, котораго Некрасовъ, Салтыковъ и Елисеевъ держались прежде въ *Современникѣ*, а этого, какъ извѣстно, не случилось (Салтыковъ въ брошюрѣ не поминался по имени, ему предоставлялось узнать себя въ общей формулѣ «разной шушеры и шелухи изъ *Современника*»). Авторы брошюры потратили много остроумія насчетъ объединенія Некрасова и Краевского, слитія ихъ въ одну литературную фирму, а такого объединенія и слитія никогда не было. Но *Отечественныя Записки* были еще тогда вновь; за одинъ годъ существованія онѣ успѣли, конечно, выясниться, не настолько, однако, чтобы для нихъ были вполне безразличны нападки бывшихъ сотрудниковъ *Современника*. Притомъ же, въ брошюрѣ заключалась крупная истина, хотя и вполне безтактно выраженной; и это было тѣмъ непріятнѣе, что крупная истина находилась въ связи съ обстоятельствами, бросившими на Некрасова такую тѣнь въ 1866 году. Никогда, ни до, ни послѣ этой брошюры, Некрасовъ не былъ «развѣнчанъ» такъ грубо, такъ открыто и беспощадно, — и гѣмъ же? — не какии-нибудь отпѣтыиъ проходимцемъ, а «своими», людьми, объявлявшими себя истинными хранителями лучшихъ литературныхъ преданій. А за одно съ Некрасовымъ призывался къ отвѣту и весь журналъ, въ лицѣ, впрочемъ, главнымъ образомъ, Елисеева. Немудрено, что, придя въ ближайшій редакціонный день въ редакцію, я засталъ тамъ переполохъ. Салтыковъ рвалъ и металъ, направляя по адресу авторовъ брошюры совершенно нецензурные эпитеты. Елисеевъ сидѣлъ молча, поглаживая правою рукою лѣвый усъ (его обыкновенный жестъ въ задумчивости), и думалъ, очевидно, невеселую думу. Я знаю теперь эту думу: онъ ничего подобнаго не ожидалъ, если не отъ г. Жуковского, то отъ г. Антоновича, и былъ тѣмъ болѣе оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ, что имѣлъ о Некрасовѣ свое особое мнѣніе. Самъ Некрасовъ произвелъ на меня истинно удручающее впечатлѣніе, и я, пользуясь тѣмъ, что не былъ еще тогда членомъ редакціи и, значитъ, не обязанъ былъ сидѣть въ ней, скоро ушелъ. Тяжело было смотрѣть на этого человѣка. Онъ прямо-таки заболѣлъ и какъ теперь вижу его вдругъ осунувшюся, точно постарѣвшую фигуру въ халатѣ. Но самое поразительное состояло въ томъ, что онъ, какъ-то странно заикаясь и запинаясь, пробовалъ что-то объяснить, что-то возразить на обвиненія брошюры и не могъ: не то онъ признавалъ справедливость обвиненій и калялся, не то имѣлъ многое возразить, но, по закоренѣлой привычкѣ таить все въ себѣ, не умѣлъ. Это просто невыносимое зрѣлище и видѣлъ еще разъ потомъ, въ трагической обстановкѣ предсмертныхъ расчетовъ Некрасова съ жизнью...

Крупная истина, заключавшаяся въ брошюрѣ, лучше всего выражена

въ слѣдующихъ словахъ г. Антоновича, обращенныхъ непосредственно къ Некрасову: «*Современникъ* закрытъ; для предотвращения этого оказались безсильными все ваше искусство, всё ваши отреченія и вся ваша литература на объѣдъ; ваши громоотводы и щиты, купленные цѣною столькихъ моральныхъ и неморальныхъ жертвъ съ вашей стороны и удовлетворительно защищавшіе васъ въ обыкновенное время, при обыкновенной непогодѣ, не могли защитить вашъ журналъ при необыкновенно сильной, экстраординарной грозѣ».

Это все вѣрно. Вѣрно, что для защиты своего дѣла Некрасовъ въ теченіе многихъ лѣтъ приносилъ обильныя моральныя и неморальныя жертвы; вѣрно, что онъ былъ въ этомъ отношеніи очень искусенъ; вѣрно, наконецъ, что въ 1866 г., въ моментъ экстраординарной грозы, все искусство и всё жертвоприношенія Некрасова не спасли дѣла. Но на всѣхъ этихъ несомнѣнно вѣрныхъ данныхъ можетъ быть построено не обвиненіе Некрасова, не развѣнчаніе его, а, напротивъ, его апологія. Таковую именно апологію я нашелъ въ одной рукописной замѣткѣ Блиссеева, не подлежащей, въ сожалѣнію, опубликованію. Вотъ отрывокъ: «Некрасовъ не пошелъ бы ни на смерть, ни на страданія за дѣло новой идеи, которое онъ несъ на себѣ... Это былъ, если угодно, герой, но герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль, по временамъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ; онъ понимаетъ, что такимъ только образомъ можетъ ее добиться, а, кромѣ того, понимаетъ, что въ той средѣ, которая его окружаетъ, не найдется такихъ людей, какъ онъ; хотя, быть можетъ, есть не мало лицъ изъ тронутыхъ новою идеей, которыя гораздо выше, то - есть самоотверженнѣе и чище, лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее жизнью, но не найдется такихъ героев-рабовъ, которые бы такъ упорно шли въ теченіе десятковъ лѣтъ шагъ за шагомъ по тому тернистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ день разнымъ мелкимъ мученіямъ и перенося сдѣлки съ своею совѣстью. Герой-рабъ могъ писать, что его рука иногда «у лиры звукъ невѣрный исторгала», что, «жизнь любя, въ ея минутнымъ благамъ прикованъ онъ привычкой и средой», что онъ «къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой». Но дѣйствительный герой, герой въ современномъ значеніи этого слова, не могъ ни дѣйствовать, ни писать. Мы, однако, не должны забывать, что каждый герой долженъ оцѣниваться по условіямъ времени и цѣлямъ. Для cadaго времени является свой «мужъ потребенъ». Герой тотъ, кто понималъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло, публично запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжденія. Хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертью, въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣ-

юкъ съ своею совѣстью, умираеть никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ ошпы въ измѣнѣ дѣлу».

Поведеніе Некрасова въ 1866 году Елисеевъ считаетъ сознательнымъ жертвоприношеніемъ... Я не иду такъ далеко, я думаю, что Некрасовъ тогда просто растерялся, испуганный надвигавшеюся грозой, тѣмъ болѣе страшной, что неизвѣстно было, какъ и куда она направитъ свои удары. Испугался онъ, можетъ быть, частью и за журналъ, но, главнымъ образомъ, я думаю, за себя лично. Такъ и самъ Некрасовъ понималъ дѣло. Однако, нарисованный Елисеевымъ трагическій образъ героя-раба въ общемъ вѣренъ дѣйствительности, да ему и не противорѣчитъ испугъ въ трудную минуту. Только для ясности этого образа надо подчеркнуть нѣкоторыя его непривлекательныя стороны.

Некрасовъ былъ человѣкъ вполне убѣжденный, то - есть искренно вѣрилъ въ справедливость тѣхъ принциповъ, которые исповѣдывалъ въ своей поэтической и журнальной дѣятельности. Подробности идей, развиваемыхъ въ его журналахъ, а иной разъ даже и самыя идеи могли быть ему въ томъ или другомъ случаѣ чужды, вслѣдствіе пробѣловъ въ его образованіи, которое онъ, рано брошенный въ водоворотъ практической жизни, никогда не успѣлъ пополнить. Но, не говоря уже о томъ, что въ практическихъ вопросахъ, обсуждавшихся въ его журналахъ, онъ ориентировался превосходно, потому что зналъ науку жизни, рѣдкій умъ и рѣдкое чутье дѣлали его отнюдь не чужимъ и относительно чисто-теоретическихъ вопросовъ. Онъ и здѣсь понималъ или чуялъ добро и зло съ точки зрѣнія своихъ общихъ убѣжденій, потому что сидѣли они въ немъ крѣпко. Въ работѣ этихъ убѣжденій играли значительную роль испытанія его несчастной юности. Они очень рано начались, эти испытанія.

Я не біографію Некрасова пишу, да въ общихъ чертахъ она и довольно извѣстна. Но не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одно воспоминаніе Достоевскаго. Въ *Дневникъ писателя* за 1877 г. писалъ онъ о началѣ своего знакомства съ Некрасовымъ въ 1845 году: «Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя разъ навсегда обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самою существенною и самою затаенною стороною своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было ранено въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то никогда не зажившая рана его была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь». Не буду, впрочемъ, продолжать выписку. Достоевскій говоритъ здѣсь о впечатлѣніяхъ самаго ранняго дѣтства, которыя ему сообщалъ самъ Некрасовъ, — о любимой матери-страдалицѣ, къ которой онъ такъ часто обращался въ своихъ стихахъ. Затѣмъ слѣдовали впечатлѣнія жестокихъ сценъ старо-помѣщичьей деревенской жизни, затѣмъ личные испытанія голода, холода и униженій петербургскаго пролетарія. Впечатлѣнія эти были столь сильны, что Некрасовъ никогда не измѣнялъ голоднымъ, холоднымъ и униженнымъ ни въ

своей поэзіи, ни въ своей журнальной дѣятельности. Никогда. Сюда падалъ центръ тяжести и его собственной поэзіи, и тѣхъ идей, теорій, образовъ, картинъ, которые развивались и рисовались людьми, въ теченіе десятковъ лѣтъ около него группировавшимися. Но въ тѣхъ же горькихъ впечатлѣніяхъ пролетарія лежало зерно другой стороны его развитія. Оскорбленный голодомъ, холодомъ и униженіями, онъ «покаялся не умереть на чердакѣ». Страшная клятва! Никто не обязанъ умирать на чердакѣ, никто не имѣетъ права осуждать человѣка, не желающаго чердачной жизни и смерти, да никто ея и не желаетъ. Но для юноши, при условіи нѣкотораго энтузіазма, пожалуй, естественнѣе была бы противоположная клятва: клянусь жить на чердакѣ, пока есть голодные и холодные! Правда, что такого рода энтузіазмъ обыкновенно довольно быстро выдыхается, но самъ по себѣ онъ, во всякомъ случаѣ, больше подходитъ юному пѣвцу голодныхъ и холодныхъ. А когда перспектива жизни и смерти въ палатахъ становится съ ранней молодости задачей жизни, въ особенности когда въ эту перспективу напряженно вглядывается человѣкъ умный, ловкій и упорный,—бѣда близка: край нравственной пропасти подъ самыми ногами. Некрасовъ и ходилъ всю жизнь по краю пропасти. «Сколько разъ я надъ бездной стоялъ... снова падалъ и вовсе упалъ»,—говоритъ онъ самъ. Но, какъ пѣвецъ голодныхъ и холодныхъ, онъ никогда не падалъ, даже тогда, когда извлекалъ изъ своей лиры «невѣрные» звуки. Оригинально сплетались въ немъ эти двѣ стороны его жизни, исходившія изъ общаго корня—тяжелыхъ впечатлѣній ранней юности. Мало ли путей ему предстояло для приведенія въ исполненіе своей клятвы, однако, онъ выбралъ совершенно опредѣленный путь, съ котораго не сходилъ всю жизнь. Даже въ минуту крайняго раздраженія и вполнѣ безцеремоннаго отношенія къ Некрасову г. Антоновичъ долженъ былъ признать, что Некрасовъ приносилъ «моральныя и неморальныя жертвы» для спасенія не только себя, а и своего журнала. И мы всѣ, сотрудники его двухъ журналовъ, пользовавшіеся плодами его жертвоприношеній, а за нами и всѣ наши читатели, едва ли имѣемъ моральное право вздвигаться надъ этими жертвами, какъ бы брезгливо мы въ нихъ ни относились. Но мы можемъ, все-таки, признать, что есть притяжкіи этихъ жертвоприношеній къ Некрасову прилягало много нечистаго. И онъ это самъ зналъ, и въ этомъ состоялъ трагизмъ его двойственнаго существованія, разрѣшавшійся покаянными воплями (*Рыцарь на часъ, Ликуетъ врагъ, Умру я скоро* и проч.)

Некрасова часто упрекали (между прочимъ, и въ упомянутой брошюрѣ), напримѣръ, за излишнюю разносторонность знакомствъ. Онъ дѣйствительно являлся съ самыми разнообразными сферами, въ томъ числѣ и съ такими, которыя могли имѣть развѣ только отрицательное отношеніе къ *Современнику* и *Отечественнымъ Запискамъ*. Онъ безспорно находилъ въ этихъ знакомствахъ удовлетвореніе своимъ избалованнымъ вкусомъ богатаго барина и крупнаго игрока, что, пожалуй, было и не къ лицу редактору такихъ журналовъ. Но здѣсь же онъ находилъ для этихъ журналовъ

гѣ «щиты и громоотводы», о которыхъ говорить г. Антоновичъ. Онъ по-жагалъ, впрочемъ, что литератору, какъ литератору, необходимо все знать и видѣть.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ существовало какое-то гастрономическое общество. Оно устраивало обѣды, куда знатоки гастрономическаго дѣла, люди, конечно, богатые и избалованные, а также извѣстнѣйшіе столичные рестораторы поставляли кто одно блюдо изъ своей кухни, кто другое, кто одно вино изъ своего погреба, кто другое. Все это серьезнѣйшимъ образомъ смаковалось и сообща обсуживалось; ставились даже баллы за кушанья и вина. Бывалъ на этихъ обѣдахъ и Некрасовъ. Я не только самъ бывалъ, а и другихъ тащилъ, между прочимъ, и меня, который, вѣроятно, по своему гастрономическому невѣжеству, не могъ видѣть въ этомъ учрежденіи ничего, кромѣ до уродливости странной формы разврата. Когда я выразилъ Некрасову свое мнѣніе на этотъ счетъ, онъ со мной согласился, но привелъ три резона, по которымъ онъ на эти обѣды ходилъ: во-первыхъ, тамъ можно дѣйствительно вкусно поѣсть; во-вторыхъ, литератору нужно знать и тѣ сферы, въ которыхъ такими дѣлами занимаются; въ-третьихъ, это одинъ изъ способовъ поддерживать знакомство съ разными нужными людьми. Въ гастрономическое общество я не попалъ, но въ балетъ меня однажды Некрасовъ затащилъ-таки, и это единственный разъ въ жизни, что я былъ въ балетѣ. Боюсь, что читатель заподозритъ меня по этому поводу въ похвальбѣ тѣмъ, что французы называютъ *grâce*. Отнюдь нѣтъ, не въ суровой добродѣтели тутъ дѣло, а просто въ томъ, что условныя, разнѣренныя движенія танцовщицъ и танцовщиковъ показались мнѣ некрасивыми и невыносимо скучными. Но рѣчь не обо мнѣ, а о Некрасовѣ. Балетъ привлекалъ его тѣми же тремя сторонами: это красиво, это надо знать, это почва для сближенія съ нужными людьми. Если кто вздумаетъ придаться къ этому расположенію аргументовъ, къ тому, что на первомъ планѣ стоять вкусная ѣда и красота балета, то это будетъ тщетная придирка. Я отнюдь не увѣренъ, что Некрасовъ располагалъ свои три резона именно въ такомъ порядкѣ. Онъ, впрочемъ, никогда не прикидывался презирающимъ «минутныя блага жизни».

Въ числѣ другихъ видовъ общенія съ нужными людьми у Некрасова бывали, если не ошибаюсь, еженедѣльно спеціальныя собранія, на одномъ изъ которыхъ былъ и я. Это было некрасивое зрѣлище. Изъ ненужныхъ людей, кромѣ меня, былъ только Салтыковъ. Остальные все нужные. Правда, это были *des minores* Олимпиа нужныхъ людей, но, все-таки, значительные, почтенные люди. Некрасовъ накормилъ насъ хорошимъ обѣдомъ, наполнилъ хорошимъ виномъ, потомъ сѣли играть въ карты на нѣсколькихъ столахъ. Игра была небольшая, не некрасовская. Некрасовъ былъ очень милъ и любезенъ, но его тактъ избавлялъ его отъ какихъ-нибудь занскивающихъ формъ любезности. И, все-таки, мнѣ было какъ-то не по себѣ, какъ-то чуждо и жутко, точно я въ дурномъ дѣлѣ участвовалъ. Между прочимъ, игралъ въ карты и Салтыковъ, по обыкновенію, раздражаясь на

неудачный ходъ партнера, на плохія карты и проч. За его спиной сталъ одинъ изъ неигравшихъ гостей, значительный сѣдобородый старецъ, и совѣтовалъ ему какой-то ходъ. Салтыковъ проворчалъ что-то вродѣ: «Ну, да! совѣтчики!» Однако, послушался. Но когда ходъ оказался неудачнымъ, Салтыковъ грубо выбранилъ совѣтника и безцеремонно потребовалъ, чтобы онъ отошелъ отъ его стула и не совался въ игру. Эта вспышка, очевидно, портила политичную музыку Некрасова, но мнѣ, признаюсь, Михаилъ Евграфовичъ былъ въ эту минуту необыкновенно милъ и дорогъ. Я больше не бывалъ на этихъ собраніяхъ, и не только потому, что мнѣ на нихъ дѣлать нечего было, такъ какъ въ карты я не играю, — просто почти безсознательное чувство брезгливости протестовало.

Скажутъ, можетъ быть, что вотъ не поцеремонился же Салтыковъ съ нужнымъ человѣкомъ, а, вѣдь, и онъ, послѣ смерти Некрасова, ткнулъ лямку отвѣтственнаго редактора. Дѣйствительно, политика Салтыкова, какъ редактора, рѣзко отличалась отъ некрасовской. Но не надо забывать, что, во времени редакторства Салтыкова, литература была уже далеко не такъ поставлена, какъ въ ту мрачную пору, когда Некрасовъ началъ свою журнальную дѣятельность и получилъ свое воспитаніе, какъ редакторъ-издатель; да и всероссійскіе нравы измѣнились. Литература наша, къ сожалѣнію, и доселѣ не пользуется довѣріемъ правительства въ той степени, въ какой это было бы желательно намъ, писателямъ, да и не только намъ. Но каковы бы ни были претерпѣваемые ею неудобства и невзгоды, ихъ и сравнить нельзя съ прежнимъ положеніемъ вещей, когда самое существованіе литературы было едва терпимо. Въ наше время «щиты и громостовды», для сооруженія которыхъ Некрасовъ приносилъ столько моральныхъ и неморальныхъ жертвъ, утратили свое значеніе; они частью не нужны, часть невозможны; но тогда нужна была необыкновенная изворотливость, чтобы провести корабль литературы среди безчисленныхъ подводныхъ и надводныхъ скалъ. И Некрасовъ велъ его, провозя на немъ грузъ высоко-художественныхъ произведеній, составляющихъ нынѣ общепризнанную гордость литературы, и свѣтлыхъ мыслей, постепенно ставшихъ общимъ достояніемъ и частью вошедшихъ въ самую жизнь. Въ этомъ состоитъ его незабвенная заслуга, нѣна которой, быть можетъ, даже превосходить цѣну его собственной поэзіи. Но практика постоянной изворотливости, практика постоянного исканія или сооруженія щитовъ и громостовдовъ не можетъ служить къ украшенію личнаго характера практиканта. Она непремѣнно должна положить на него болѣе или менѣе густыя тѣни, приучивъ его ко всякаго рода компромиссамъ, житейскимъ противорѣчіямъ и непослѣдовательностямъ, сдѣлкамъ съ своею совѣстью. Это и случилось съ Некрасовымъ. А онъ былъ къ этому и безъ того слишкомъ подготовленъ основнымъ противорѣчіемъ его жизни, — противорѣчіемъ между клятвою не умереть на чердакѣ и искреннимъ сочувствіемъ къ обитателямъ чердаковъ, ко всѣмъ голоднымъ, холоднымъ и обездоленнымъ. Все это сплеталось въ Некрасовѣ въ одинъ запутанный пестрый клубокъ, многосложность и пестрота котораго тяжелѣе

всего отсылалась на немъ самомъ. Поверхностные и пустопорожніе люди думаютъ, что жизнь Некрасова была, за вычетомъ горечи молодыхъ годовъ, какимъ-то сплошнымъ праздникомъ. Это—глубокая ошибка. Вѣрно, что онъ сладко ѣлъ и мягко спалъ, но, тѣмъ не менѣе, не лгалъ онъ, когда писалъ:

„Что враги? Пусть клевету злыгубнѣй,
Я вошадъ у нихъ не прому,
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!...“

Базнь, пославшая имъ въ сердцѣ, была тѣмъ мучительнѣе, что въ странномъ клубѣ его жизни черныя, бѣлыя и цвѣтныя нити переплетались тѣснѣйшимъ образомъ. Онъ сознавалъ искренность своей повѣи, но признавалъ и разладъ ея съ собственною его жизнью; разладъ этотъ имѣлъ, однако, въ его глазахъ извѣстное оправданіе въ обстоятельствахъ его молодости и въ той трудной роли литературнаго кормчаго, которая выпала на его долю,—онъ сознавалъ, что какой-нибудь Бѣлинскій съ своею хрустальною нравственною чистотою не смогъ бы сдѣлать для литературы то, что сдѣлалъ онъ своими компромиссами и уступками совѣсти; но признавалъ онъ также, что къ нему прилипло много грязи на этой трудной житейской дорогѣ. Сознавая все это по частямъ, онъ не могъ, однако, разобратъ въ цѣломъ этой смѣси добра и зла, вины и заслуги, и еще менѣе, конечно, могъ растолковать ее кому-нибудь другому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда растолковать хотѣлось: многое грязное подлежало здѣсь объѣвнью, многое доброе было загрязнено. Отсюда пасмурная замкнутость, переходившая иногда въ дѣловитую жесткость...

Еще немножко личныхъ воспоминаній...

Финансовыя мои обстоятельства поправились въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Я много работалъ и достаточно зарабатывалъ. Но частью потому, что дѣла мои были очень разстроены предъидущими невзгодами, частью по всегдашнему моему неумѣнью какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами, на мнѣ скоро оказался довольно значительный долгъ конторѣ *Отечественныхъ Записокъ*. На бѣду, весной 1870 г. мнѣ понадобились экстренныя средства на отправку одного близкаго мнѣ больного человека за границу. Я изложилъ Некрасову исключительность обстоятельствъ, но онъ очень сухо отказалъ въ деньгахъ, указавъ на мой долгъ. Я понималъ, что онъ правъ, но, все-таки, съ горькимъ и обиднымъ чувствомъ вернулся домой, а тутъ еще надо было статью дописывать. Дописалъ, сдалъ въ редакцію и уѣхалъ на нѣсколько дней изъ Петербурга искать денегъ, потому что состоятельныхъ знакомыхъ у меня въ Петербургѣ не было. Однако, и поѣздка оказалась неудачною. Вернувшись и раздумывая, какъ быть, получаю отъ Некрасова пригласительную записку. Застаю его за корректурой моей статьи. Онъ заговорилъ со мной тѣмъ же сухимъ, дѣловымъ, сумрачнымъ тономъ, но уже другими словами: «Вы просили денегъ, сколько вамъ надо?»—«Столько-то». — «Такъ я вамъ дамъ записку въ контору, вы намъ

человѣкъ нужный». Хотя слова эти выводили меня изъ труднаго положенія, въ благополучномъ выходѣ изъ котораго я уже отчаялся, они, все-таки, оставили во мнѣ тяжелое впечатлѣнiе. Опять-таки Некрасовъ былъ несомнѣнно правъ: еслибъ я не былъ нуженъ журналу, такъ не зачѣмъ мнѣ и льготы оказывать, а коли нуженъ, такъ надо обратить вниманiе. Но какъ-то ужь очень это жестко и обнаженно вышло...

Не всегда, однако, Некрасовъ былъ такъ жестокъ и сухъ. Мнѣ кажется, что на него дѣйствовала въ этомъ отношенiи петербургская жизнь, въ особен-ности ея петербургская жизнь—шумная, пестрая, но несладкая. Лѣтомъ-сердце его, вѣроятно, размягчалось и уста разверзались для мягкихъ и ласковыхъ словъ. Сужу такъ частью по его писанiямъ, а частью по собственному опыту, очень, впрочемъ, незначительному. Однажды я былъ у него на дачѣ, въ Чудовѣ, а въ другой разъ столкнулся съ нимъ за границей, въ Биссингенѣ. Онъ былъ тамъ съ женой и сестрой, подобрался и еще знакомые, въ томъ числѣ Елисеевъ съ женой. Биссингенъ, хотя и имѣлъ честь лечить своими водами такихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ императоръ Вильгельмъ I и Бисмаркъ, есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ курортовъ. Развлеченiя своимъ многочисленнымъ и разноязычнымъ гостямъ онъ предоставляетъ самыя скромныя: ѣда самая умѣренно-нѣмецкая, въ гастрософическомъ смыслѣ оставляющая многого желать; музыка ниже посредственной; скромныя ассамблеи въ «ротондѣ», гдѣ подъ звуки той же музыки, а то и рояля, танцуютъ нѣмчины съ нѣмочками; игорныхъ учрежденiй никакихъ; театра нѣтъ,— по крайней мѣрѣ, нѣтъ постоянной труппы, а наѣзжаютъ третьестепенные актеры. Можетъ быть, во время пребыванiя особъ, вродѣ Вильгельма и Бисмарка, все это измѣняется, но я видѣлъ Биссингенъ такимъ два раза, въ 1871 г. и въ 1873 г., когда столкнулся тамъ съ Некрасовымъ. И Некрасовъ, видимо, отмякалъ, если можно такъ выразиться, въ этой простой обстановкѣ.

Верстахъ въ двухъ отъ Биссингена есть развалины древняго замка Боденлаубе. Преданiе гласитъ, что замокъ этотъ былъ построенъ знаменитымъ миннензингеромъ XIII вѣка, поэтѣмъ-рыцаремъ Отто фонъ-Боденлаубе. Теперь въ этихъ живописно заросшихъ зеленью развалинахъ ютится элементарный рестораникъ, гдѣ можно получить яйца въ смятку, кофе, молоко, дешевое вино. Однажды мы сидѣли тамъ съ Некрасовымъ. Онъ разговаривалъ, рассказывалъ про Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, отзываясь о нихъ почти восторженно. Преданiе о рыцарѣ-поэтѣ, въ развалинахъ замка котораго мы теперь пьемъ скверный нѣмецкiй кофе, навело разговоръ на поэзію вообще, потомъ на поэзію Некрасова. Онъ говорилъ грустно и задушевно и какъ-то вдругъ сталъ не то оправдываться, не то казнить себя. Мнѣ живо припомнился тотъ Некрасовъ, котораго я видѣлъ въ 1869 г. послѣ брошюры гг. Антоновича и Жуковскаго. Не было того остраго волненiя, но та же затрудненная, смущенная, сбивчивая рѣчь человѣка, который хочетъ сказать очень много, но не можетъ... Я очень хорошо помню, что ни единымъ нескромнымъ вопросомъ не вызы-

валъ его на откровенность. Онъ самъ началъ, а я даже не поддерживалъ этого щекотливаго разговора. Мнѣ было неловко...

Но уже не неловко, а прямо жутко и страшно было слушать эти обрывистыя, затрудненныя откровенныя рѣчи, когда Некрасовъ умираетъ. Умиралъ онъ долго и мучительно; несмотря на все свое самообладаніе, временами стоналъ, прямо кричалъ и плакалъ. Но въ свѣтлые промежутки неустанно кумалъ и говорилъ о литературѣ. Поводовъ для этого было много. Онъ самъ писалъ или диктовалъ послѣднія изъ своихъ «послѣднихъ пѣсней». Онъ получалъ со всѣхъ концовъ Россіи множество писемъ, адресовъ, телеграммъ отъ почитателей, скорбѣвшихъ о тяжкихъ страданіяхъ любимаго поэта. Посѣщали его, конечно, главнымъ образомъ, литераторы. Посѣтилъ его и Тургеневъ, когда-то закадычный другъ, а потомъ врагъ, много несправедливаго о немъ сказавшій и отрицавшій даже его поэтическій талантъ. Это посѣщеніе, послѣ многихъ лѣтъ враждебныхъ отношеній и разлуки, разумѣется, окончательно убѣдило бы страдальца въ близости конца, еслибъ онъ и безъ того не былъ въ этомъ увѣренъ. Я не присутствовалъ при этомъ свиданіи. Говорили послѣ, что оба бывшіе друга молча прослезились... Въ такомъ-то состояніи умирающій, худой какъ скелетъ, Некрасовъ и со мной, и со многими другими заводилъ свои затрудненныя оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стонами и криками. Очевидно было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ; страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни, можетъ быть даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ. Но умирающій не находилъ словъ для выраженія «той казни мучительной, которую въ сердцѣ носилъ». Онъ то хватался за какой-нибудь отдѣльный эпизодъ своей жизни, то пробовалъ подвести ей общій итогъ, запинаясь и опять начиналъ. Въ сравненіи съ этою страшною сценою—ничто, дѣтскія игрушки тѣ щеголеватыя публичныя исповѣди, авторы которыхъ самодовольно заявляютъ, что они отрясли прахъ прошлаго отъ ногъ своихъ и достигли высшей ступени нравственнаго сознанія. Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отречься не приходится. Но она трагически-фатально забрызгалась грязью, и передъ зияющею пропастью смерти Некрасовъ не могъ ни другимъ рассказать, ни самому себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился... Дѣло происходило въ той самой комнатѣ, въ которой поэтъ вспоминалъ своихъ «унесенныхъ борьбой» друзей:

„Пѣсни вѣщія ихъ не допѣти.
Пали жертвою злобы, вѣмъ въ
Въ дѣлѣ гдѣ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...“

Я не видалъ болѣе тяжелой работы совѣсти, да не дай Богъ и видѣть. А, между тѣмъ, такъ ли уже въ самомъ дѣлѣ велики вины Некрасова? И

не искуплены ли онъ благою стороною его дѣятельности и этою страшною, несказанною мукою совѣсти? Поэтъ молилъ: «прости меня, о родина! прости!» Благодарная родина давно простила. Но есть неумолимые, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ «развѣнчать» Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами... Да, эта совѣсть, очевидно, спокойна; да, оспаривать эти лавры немного найдется охотниковъ. Пусть... Но мы, грѣшные, не послѣдуемъ за ними. Мы скажемъ: насъ прости, тѣнь поэта! свою родину прости,—ту родину, грѣхами которой ты самъ заразился и для просвѣтлѣнія которой сдѣлалъ такъ много...

Ник. Михайловскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Новая эра» въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—«Большія компаніи».—Новыя правила для пассажировъ на дорогахъ.—Поступленія государственныхъ доходовъ въ 1890 году.—Выкупъ голландскаго займа.—Конверсія 5% банковыхъ билетовъ.—Новыя правила для экзаменовъ въ гимназіяхъ.—Дѣло о поединкѣ въ Павловскомъ полку.—Эпидемія убійствъ „изъ-за любви“.—Процессы Селиванова, Котельникова, Лиманцева, Мельникова и Павлова.

«Новая эра въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ», «новый фазисъ нашей желѣзно-дорожной политики»—вотъ неожиданная перспектива, какую открылъ предъ нами истекшій мѣсяцъ. Впрочемъ, новая, въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ современныхъ переи́нѣнахъ, реформа представляла бы собой только возвращеніе къ тому старому, которое считалось рѣшительно осужденнымъ и окончательно сданнымъ въ архивъ. Рѣчь идетъ о воскресеніи концессионной системы постройки желѣзныхъ дорогъ.

Первое обстоятельное извѣстіе о новой «желѣзно-дорожной комбинаціи», возникшей въ министерствѣ финансовъ, было дано *Новостями*. Изложимъ вкратцѣ эту комбинацію съ ея мотивами. Финансовое вѣдомство, по словамъ газеты, «шире и шире развиваетъ свой планъ, первоначально намѣченный лишь немногими общими штрихами». Мелкія желѣзно-дорожныя общества постепенно таятъ, соединяясь въ болѣе крупныя единицы. Часть дорогъ, съ меньшимъ коммерческимъ значеніемъ, быстро переходитъ въ казенное управленіе; нѣкоторыя частныя общества уже соединились и въ непродолжительномъ времени ожидаютъ новыя мѣропріятія въ этомъ же направленіи; такимъ образомъ, «вопросъ о сліянніяхъ, долго не выходявшій изъ сферы добрыхъ пожеланій, получаетъ, наконецъ, практическое осуществленіе». Казенное управленіе дорогами оказывается очень хорошимъ, но оно, все-таки, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ развитія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Большія, коммерческія линіи требуютъ болѣе гибкаго и менѣе формальнаго управленія. Для этого нужны частныя общества, которыя собственнымъ интересомъ побуждаются скорѣе и точнѣе приспособляться къ подвижности коммерческихъ дѣлъ. Прежніе недостатки частнаго желѣзно-дорожнаго хозяйства уже не могутъ возобновиться при нынѣшней полной регламентаціи его—какъ въ техниче-

скомъ, такъ въ финансовомъ, тарифномъ и ревизионномъ отношеніяхъ подъ руководствомъ министерства путей сообщенія, финансовъ и государственнаго контроля. Между тѣмъ, желѣзно-дорожное строительство должно быть подвинуто впередъ: необходимы нѣсколько новыхъ магистральныхъ линій, такъ какъ многія мѣстности Россіи остаются еще внѣ существующей сѣти, и, сверхъ того, настоятельно нужна повсемѣстная постройка путей питательныхъ, подъѣздныхъ, которые оживили бы сельское хозяйство и возвысили бы доходность всей сѣти.

Наконецъ, постройка сибирской дороги, если она будетъ произведена непосредственно казною, надолго поглотитъ всѣ тѣ средства, какими казна можетъ располагать на желѣзно-дорожныя работы изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ своихъ бюджетовъ; если же постройку сибирской дороги предоставить частной компаніи, то уже это само будетъ поворотомъ къ системѣ частнаго строительства. Предоставляя постройку въ 300 милл. р. частному обществу, было бы странно отказываться отъ частнаго содѣйствія въ сооруженіи дополнительныхъ линій и подъѣздныхъ путей, необходимыхъ въ Европейской Россіи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, министерство финансовъ предположило не приступать пока къ выкупу дорогъ, принадлежащихъ существующимъ богатымъ обществамъ, которымъ остается въ большинствѣ еще нѣсколько лѣтъ до срока выкупа, но за то ввести въ уставы этихъ обществъ такія новыя постановленія, которыя еще усилить правительственный контроль надъ ними. Вообще же предполагается ввести всю желѣзно-дорожную сѣть въ сферу полнаго правительственнаго руководства путемъ образованія нѣсколькихъ большихъ обществъ и отдачею въ ихъ эксплуатацію тѣхъ недоходныхъ казенныхъ линій, которыя составляютъ съ частными, доходными линіями общіе коммерческіе пути къ портамъ и главнымъ внутреннимъ рынкамъ. Отсрочивая выкупъ дорогъ у большихъ обществъ, министерство финансовъ воспользуется этимъ, чтобы обязать тѣ общества къ равдѣлу выручаемаго ими чистаго дохода съ казною и возложить на нихъ же постройку новыхъ магистральныхъ и подъѣздныхъ путей. Подъ магистральными линіями, которыхъ постройка имѣется въ виду въ ближайшемъ будущемъ, разумѣются: рязанско-казанская, курско-воронежская, саратово-уральская, балашово-камышинская и владикавказо-петровская. При этомъ высказывается увѣренность, что постройка новыхъ дорогъ большими компаніями будетъ производиться не дороже казенной, именно въ силу того многосторонняго правительственнаго контроля, которымъ въ настоящее время обнимается вся дѣятельность большихъ желѣзно-дорожныхъ компаній.

Объ этомъ новомъ поворотѣ въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ сперва передавалось по слухамъ. Но въ минувшемъ мѣсяцѣ онъ уже проявился фактически — предоставленіемъ обществу московско-рязанской дороги постройки дороги казанской, причемъ общество выговорило себѣ, что новая дорога пойдетъ на Казань изъ Рязани (первоначально проектировалась дорога на Казань отъ Мурома). Представленіе объ этой новой концессіи было раз-

«смотря въ особомъ присутствіи при комитетѣ министровъ, которое не нашло принципиальныхъ препятствій къ разрѣшенію построекъ новыхъ линій частнымъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ.

Данный фактъ получаетъ особое значеніе именно въ связи съ обсужденіемъ общаго принципиальнаго вопроса о предоставленіи сооруженія новыхъ дорогъ большимъ частнымъ компаниямъ. Отдѣльные случаи такого предоставленія бывали и въ послѣдніе годы, какъ-то: постройка новыхъ вѣтвей обществомъ юго-западныхъ дорогъ. Но теперь дѣло, повидимому, вводится въ принципъ, который и долженъ обозначить собою «новый фазисъ» желѣзно-дорожной политики.

Прежде всего, спрашивается, чѣмъ непосредственно вызванъ такой поворотъ? Все шло до сихъ поръ самымъ рѣшительнымъ образомъ къ ограниченію и затѣмъ къ полному устраненію частной инициативы какъ въ эксплуатаціи, такъ и въ строительствѣ желѣзныхъ дорогъ. Казенная сѣть въ настоящее время доведена уже до одной трети (7,776 верстъ) всего протяженія нашихъ желѣзныхъ путей и дала за прошлый годъ чистаго дохода 19½ м. р. Правда, что платежи по займамъ на тѣ дороги превышаютъ эту сумму, составляя 27 м. р., такъ что казенныя дороги, все-таки, даютъ въ общемъ дефицитъ. Но это объяснялось дороговою постройкою большинства ихъ, произведенною именно частными обществами; притомъ же, въ официальныхъ изданіяхъ указывалось доселѣ, какъ на единственное средство для устраненія дефицита по эксплуатаціи казенныхъ дорогъ, на выкупъ и включеніе въ ихъ число наиболѣе доходныхъ частныхъ линій, то-есть именно такихъ, которыя находятся въ рукахъ большихъ и богатыхъ частныхъ компаний. Предоставленіе юго-западному обществу постройки нѣкоторыхъ вѣтвей составляло лишь исключеніе изъ принципа, который, между тѣмъ, проводился систематически. Такъ, еще недавно перешла въ казну дорога либаво-роменская, а въ настоящее время переходитъ курско-харьковская. Принципъ опредѣлялся именно въ устраненіи всякой частной инициативы въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ и цѣлью прямо ставился переходъ всей желѣзно-дорожной сѣти въ казенное управленіе, причемъ имѣлся въ виду примѣръ Пруссіи. Справедливо считалось аксіомою, что только при непосредственномъ государственномъ завѣдываніи желѣзными дорогами («этими могучими факторами современной жизни» и т. п.) мыслимы устраненіе произвола, беспорядковъ, вредной конкуренціи и соглашеніе всѣхъ интересовъ («такъ чтобы желѣзныя дороги въ самомъ дѣлѣ существовали для нуждъ народной производительности и для интересовъ публики, а не наоборотъ» и т. д.). «Концессионерство» не только казалось осужденнымъ безповоротно, но еще представлялось какъ одно изъ главныхъ золъ, отъ которыхъ освободилась Россія.

И вдругъ, теперь, не только выдана московско-рязанскому обществу концессія на постройку казенной дороги, но и провозглашается, какъ общій принципъ, что слѣдуетъ выдавать дальнѣйшія концессіи, а дѣйствующія, наиболѣе богатая линія не выкупать, но именно владѣющимъ ими обще-

ствамъ и предоставлять новыя постройки, благопріятствуя вообще соединенію желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ большихъ компаній. Мало того, идетъ рѣчь уже и о томъ, чтобы нѣкоторыя дороги, перешедшія въ казенное управленіе, отдавать въ аренду тѣмъ же частнымъ обществамъ. Такъ, дорога тамбово-саратовская, которая доселѣ обыкновенно указывалась какъ примѣръ превосходства системы казеннаго управленія, имѣетъ быть передана въ аренду обществу рязанско-козловской дороги. Между тѣмъ, результаты казеннаго хозяйства по упомянутой дорогѣ сводились къ тому, что, вмѣсто 100—500 тысячнаго дефицита въ годъ (при акціонерномъ управленіи) дорога дала чистаго дохода 800 т. р. Это, во всякомъ случаѣ, представляло результатъ хорошій. Не оказывалось даже и казенной «неподвижности» въ управленіи, такъ какъ мѣстное начальство произвело изысканіе на проведеніе къ тамбово-саратовской дорогѣ четырехъ подъѣздныхъ путей. Между тѣмъ, повидимому, и тамбово-саратовская линія, и «голова» ея—линія козлово-тамбовская—вмѣстѣ {будутъ} сданы частному обществу, которое получитъ еще концессию на постройку желѣзнаго пути отъ Саратова къ Уральску.

Все это представляетъ «фазисъ» столь неожиданный, что дѣйствительно первымъ вопросомъ здѣсь представляется, чѣмъ онъ былъ непосредственно вызванъ? Газетныя сообщенія придаютъ во всемъ этомъ дѣлу большую важность предпринимаемой постройкѣ сибирской дороги. Известно, что эта постройка рѣшена, что уже отправились на мѣсто инженеры, имѣющіе произвести изысканіе, и арестанты для приступа къ работамъ, все въ предположеніи, что постройка будетъ казенная. Теперь говорятъ, если казна будетъ строить дорогу, которая обойдется въ 300 милл. рублей, то есть ли какая-нибудь возможность, чтобы казна могла еще предпринимать постройки нѣсколькихъ большихъ линій, предположенныхъ въ Европейской Россіи, и подъѣздныхъ путей вообще?

Но не невѣроятно и то, что имѣется въ виду выдать концессию на постройку сибирской дороги или значительнаго ея протяженія частной компаніи, которая располагала бы большими капиталами, наприм., компанія французскихъ капиталистовъ, которую предполагалъ устроить ген. Анненковъ. Уже это одно представило бы столь крупное перерѣшеніе вопроса о полномъ устраненіи частнаго строительства, что затѣмъ естественно возникалъ вопросъ: не воспользоваться ли услугами большихъ обществъ въ для сооруженія другихъ дорогъ, признаваемыхъ нужными?

Какъ бы то ни было, мы должны признать, что мотивы, приводимые въ оправданіе новаго «фазиса» или новой «эры» въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, въ совокупности своей слишкомъ разнородны и не слагаются въ логически-убѣдительную цѣльность. Такъ, наприм., изъ того, что хотятъ ту или другую дорогу осуществить скорѣе, предоставивъ ея постройку компаніи, вовсе не истекаетъ, что слѣдовало бы и существующія уже казенныя дороги отдавать въ аренду частнымъ обществамъ, если тѣ дороги входятъ въ общую коммерческую линію съ дорогами компаній. Точно такъ,

изъ такого положенія, что будто бы «казна вообще дурной хозяйинъ», что казенному управленію недостаетъ «гибкости» въ приноровленіи къ нуждамъ производительности и торговли, нигдѣ не слѣдуетъ, что и самую постройку новыхъ дорогъ лучше производить посредствомъ концессій и гарантированіемъ дохода, чѣмъ прямымъ распоряженіемъ министерства путей сообщенія. Мотивы, приводимые въ пользу слиянія дорогъ съ образованіемъ большихъ компаній, и принципы отдачи имъ постройки новыхъ магистральныхъ линій представляются и сами по себѣ неубѣдительными.

Нельзя не признать, что нѣкоторыя условія нынѣ созданнаго усиленнаго государственнаго вниманія въ дѣятельность обществъ могутъ дѣйствительно ослабить одну изъ худшихъ сторонъ концессіоннаго способа постройки дорогъ. Съ тѣхъ поръ, какъ министерство финансовъ само реализуетъ займы желѣзно-дорожныхъ обществъ, устраняется просторъ финансовыхъ комбинацій, какимъ пользовались прежніе концессіонеры. Но, все-таки, частныя общества строили бы новыя линіи на капиталъ, реализованный правительствомъ, и съ его гарантіей дохода. Спрашивается, почему же казнѣ не строить самой? Есть нѣсколько примѣровъ казенной постройки ниже 50 т. р. за версту и нѣтъ основаній для увѣренности, что частныя общества станутъ строить дешевле казны. Положимъ, рязанское общество заявило на постройку линіи въ Казань цѣну 35 т. р. съ версты, но и казна строила по этой цѣнѣ псково-рижскую дорогу. Во всякомъ случаѣ, сторонники частной постройки обѣщаютъ только, что она можетъ обходиться не дороже казенной.

Правительство реализуетъ денежные средства для постройки, правительство имѣетъ огромный составъ инженеровъ, оно же опредѣляетъ всѣ условія постройки, его агенты свидѣтельствуютъ и «принимаютъ» дорогу, построенную концессіонерами, и потому рѣшительно непонятно, для чего тутъ нужно посредничество частныхъ обществъ, которыя производили бы постройку на реализованные правительствомъ займы и при помощи тѣхъ же правительственныхъ инженеровъ? Частная предприимчивость въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ и въ прежнее время оправдывалась лишь настолько, насколько она сама реализовала средства, и, притомъ, въ тѣ времена, когда заграничныя капиталы неохотно шли на это дѣло. Нынѣ же обращаться къ посредничеству компаній для производства постройки было бы совершенно излишнимъ. Какъ бы даже добровольно и исполнило общество работы, оно, все-таки, не возьмется за нихъ безъ барыша.

Говорятъ, у казны неостанетъ средствъ, наличные и кредитные ресурсы, какими она можетъ располагать, будутъ надолго поглощены сибирскою дорогою. Любопытно было бы, однако, если бы, послѣ предъявленія этого аргумента, новый «фазисъ» начался съ предоставленія частной компаніи постройки именно сибирской же дороги на значительнѣйшей части ея протяженія. Но допустимъ, что сибирскую дорогу будетъ строить сама казна, — спрашивается, на какіе же капиталы будутъ строить «большія компаніи» другія новыя магистральныя линіи, наприм., хоть саратово-ураль-

скую? Если на облигацин, реализованный казной, или на дополнительный акционерный капитал, гарантированный казной, то, вѣдь, это представляет, все-таки, дальнѣйшее напряженіе государственнаго кредита для постройки тѣхъ линій, сверхъ обращенія къ кредиту для непосредственной постройки дороги сибирской. Различіе составило бы только то, что уплата займовъ, реализованныхъ правительствомъ, относилась бы на отчет частныхъ обществъ. Но это нисколько не улучшило бы самыхъ условій тѣхъ займовъ. Капиталу, который откликнется на призывъ русскаго правительства, и за его отвѣтственностью, нѣтъ дѣла до его расчетовъ съ желѣзными дорогами.

Въ заключеніе мы должны остановиться надъ самымъ вопросомъ о «слияній» линій и благопріятствованіи образованію большихъ компаній. Въ пользу большихъ компаній можно сказать, что онѣ дѣйствительно облегчаютъ административный надзоръ, какъ его облегчаютъ во всѣхъ акціонныхъ промышленностяхъ (винокурной, табачной, сахароваренной) тѣ узаконенія, которыя сосредоточивали ихъ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, отчасти съ ущербомъ для народнаго хозяйства. Но противъ большихъ желѣзно-дорожныхъ компаній можно привести нѣсколько практическихъ соображеній, на основаніи опыта Франціи, гдѣ онѣ положительно господствуютъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Чѣмъ «больше» компанія, тѣмъ ближе дѣлопроизводство ея и хозяйство напоминаютъ свойства эксплуатаціи казенной, то-есть тѣмъ сильнѣе формалистика и медленность рѣшеній, тѣмъ слабѣе коммерческая «гибкость». Газета *Новости*, которая сообщила основаніе будущей «новой эры» въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, въ одной изъ своихъ статей по этому предмету говоритъ: «Всѣ усовершенствованія желѣзно-дорожной техники, всѣ приспособленія для выгоднѣйшей эксплуатаціи природныхъ богатствъ и для развитія международной и внутренней торговли приходится заимствовать именно изъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ мы видимъ самое широкое распространеніе частной желѣзно-дорожной дѣятельности... Элеваторы, склады, варанты, удешевленные способы сооруженія дорогъ и перевозки грузовъ,—все это придумано на почвѣ широкой частной предпримчивости и могучихъ побужденій личнаго интереса, умѣющаго угадать общія потребности»,—безъ правительственной гарантіи, добавимъ мы, безъ казенной реализаціи капитала и безъ распределенія тарифовъ по департаментскому усмотрѣнію.

У насъ дѣло представляется нѣсколько иначе, и весь вопросъ, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, чтобы не парализовать частной инициативы въ ея дѣйствительно полезныхъ, самостоятельныхъ проявленіяхъ, но не привлекать ея къ такому дѣлу, гдѣ правительство беретъ на себя все: и доставленіе средствъ, и ручательство дохода, и браковку личнаго состава строителей, и повѣрку произведенныхъ ими работъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, частная инициатива въ постройкѣ представила бы лишь какія-то ширмы для уменьшенія отвѣтственности.

При нынѣшнихъ условіяхъ всеобъемлющей административной регла-

ментация желѣзно-дорожнаго хозяйства логика требовала бы скорѣйшаго выкупа всѣхъ линій и установленія государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Но, во всякомъ случаѣ, постройка ихъ непременно частнымъ обществомъ, на средства, доставляемыя казною, и при помощи казенныхъ инженеровъ не выдерживаетъ и самой снисходительной къ новымъ «вѣяніямъ» критики.

Въ прошломъ мѣсяцѣ опубликованы составленныя совѣтами по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ новыя правила «о пользованіи пассажирскими помѣщеніями на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ» и правила «для телеграфовъ въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ». О большинствѣ заключающихся въ этихъ правилахъ статей приходится сказать, что едва ли была нужда составлять ихъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствовали и доселѣ, а другія представляются прямо излишними. Уже въ самомъ общемъ желѣзно-дорожномъ уставѣ немало ненужныхъ статей, вродѣ такихъ, что пассажиры обязаны подчиняться законнымъ требованіямъ, что воспрещается курить въ вагонахъ, не предназначенныхъ для курильщиковъ, а мужчинамъ занимать мѣста въ дамскихъ отдѣленіяхъ. Теперь, вдобавокъ къ тѣмъ постановленіямъ, повторяется еще въ новыхъ «правилахъ», что «относительно куренія табаку соблюдаются изданныя на сей предметъ особыя правила», что «пассажиры обязаны съ осторожностью обращаться со спичками и окурками сигаръ и папиросъ и не бросать ихъ внутри вагона или въ помѣщеніе для оконныхъ рамъ»; что пребываніе «лицъ мужскаго пола» свыше 10-ти лѣтняго возраста въ отдѣленіяхъ для дамъ воспрещается, что прибѣгать къ снарядамъ, устроеннымъ для тормаженія поѣзда и подачи сигнала, «дозволяется только въ случаяхъ крайней надобности» и т. п. Но, вѣдь, все это уже вывѣшено въ вагонахъ, а, сверхъ того, разумѣется само собою, для чего же было издавать новыя правила? Для полноты? Но если нужно особое правило противъ остановки поѣзда изъ шалости, то мало ли какія бы еще могли потребоваться правила. На станціяхъ помѣщенія для пассажировъ разныхъ классовъ обозначены надписями, которыя сами уже составляютъ правило. Включено еще въ особое узаконеніе, что «пассажиры разныхъ классовъ занимаютъ на станціяхъ помѣщенія, соответствующія классамъ тѣхъ вагоновъ, въ которыхъ они намѣрены ѣхать».

Само собою разумѣется, что въ нынѣшнія правила включены и обычные постановленія о воспрещеніи отворять окна вагоновъ во время топки или одновременно съ обѣихъ сторонъ иначе, какъ съ общаго согласія. И это правило существуетъ давнымъ-давно, но не соблюдается и не будетъ соблюдаться, несмотря на то, что вышло нынѣ въ новой редакціи. Нравы у насъ таковы, что не бываетъ поѣзда, на которомъ не происходило бы нарушенія правила о неоткрываніи оконъ съ двухъ сторонъ. Бываетъ такъ, что въ вагонѣ ѣдутъ только двое, и если одинъ открылъ у себя окно, то другой не сядетъ на ту же сторону, но откроетъ окно на другой сторонѣ. Много споровъ бываетъ по этому поводу, а навѣрное случается

часто, что многие, не желающие дѣлать такъ называемой «исторіи», лучше рискуютъ зубною болью или простудой въ какомъ-либо иномъ видѣ. Въсто повторенія въ правилахъ того, что уже есть и въ уставѣ, и на объявленіяхъ, вывѣшенныхъ въ вагонахъ, не вѣрнѣ ли было бы придѣлать къ рамамъ защелки, отворяемыя ключомъ, и въ каждомъ поѣздѣ, подаваемомъ на станціи отправления, отмыкать защелки только въ окнахъ съ завѣтряной стороны? Черезъ это прекратились бы неизбежныя въ каждомъ поѣздѣ споры и устранилась бы опасность для здоровья, какую представляетъ сильный сквозной вѣтеръ, всегда бывающій на ходу при отворенныхъ окнахъ. Нѣтъ такого жаркаго времени, въ которое подобный вѣтеръ могъ бы быть безвреденъ, о чемъ засвидѣтельствуетъ каждый врачъ.

Правило, по которому станціи отворяются за два часа до отхода поѣзда и закрываются только черезъ часъ послѣ его отбытія, установлено въ интересѣ публики и противъ лѣности станціонной прислуги. Статьи же о «льготномъ пребываніи» пассажировъ на станціяхъ въ часы, когда онѣ закрыты, очевидно, направлены къ тому, чтобы комнаты не обращались въ постоянное помѣщеніе для разнаго посторонняго народа. Между прочимъ, «льготное пребываніе» предоставляется лицамъ, прибывшимъ на такую станцію, которая находится далеко отъ города и отъ гостиницы. Несмотря, однако, на то, что правила хотятъ все предвидѣть и устранить всякія неудобства, въ нихъ не включено ничего для устраненія изъ вокзаловъ большихъ и малыхъ, и въ особенности съ платформъ, той толпы гуляющихъ или стоящихъ въ ожиданіи какихъ-то дѣлъ, которая на большаиствѣ станцій, особенно въ вечера праздниковъ, крайне стѣсняетъ пассажировъ. Все ближайшее населеніе приходитъ гулять на станціи. Одно время на платформы не пускали никого безъ билета, какъ теперь не пускаютъ въ вагоны, но это не удержалось, потому что трудно въ самомъ дѣлѣ не пускать на платформу родственниковъ и знакомыхъ, которые приходятъ провожать пассажировъ. Не практичнѣ ли было бы продавать при калиткахъ и дверяхъ, ведущихъ на станцію, наприм., 5-ти копѣечные билеты на входъ, а всѣмъ покупающимъ въ кассахъ билеты на поѣздъ—возвращать 5 коп. Такое распоряженіе устранило бы толпу постороннихъ «завсегдатаевъ», а деньги, вырученныя съ провожающихъ или съ лицъ, имѣющихъ на станціи дѣло, наконецъ, съ приходящихъ въ буфетъ, обращались бы на пособіе станціонной прислугѣ. Точно также нѣтъ нужды допускать бѣганье по станціи къ вагонамъ съ пачками. Если наружный ящикъ будетъ довольно помѣстителенъ и если его будутъ вносить въ почтовый вагонъ или прикрѣплять къ обыкновенному вагону за 3 минуты до отхода поѣзда, то этого будетъ совершенно достаточно. А то, вѣдь, съ ногъ спшибаютъ стремительно бѣгущіе въ послѣднюю минуту къ вагонамъ разныя артельщики съ «торговыми циркулярами».

Опубликованныя «предварительныя» кассовыя свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1890 годъ представляютъ уменьшеніе нѣ-

которыхъ поступленій, что приписывается прошлогоднему частному неурожаю. Въ общемъ результатъ хозяйства года обнаруживается дефицитъ. Но такому валовому результату нельзя придавать значенія. Дефицитъ по чрезвычайному бюджету доходить до 73,8 милл. рублей, но надо принять во вниманіе, что при этомъ казначейство погасило изъ текущихъ средствъ государственныхъ долговъ (билетовъ казначейства) на 51,8 милл. рублей. За покрытіемъ 46,8 милл. руб. изъ свободнаго остатка по обыкновенному бюджету, остается дефицита 27,8 милл. руб., которые могутъ быть покрыты изъ наличности казначейства, образовавшейся за прежніе смѣтные періоды. Понятно, что нельзя считать дефицитомъ, въ смыслѣ фанансовомъ, того, что явилось вслѣдствіе уплаты долговъ, которой могло бы и не быть. Но серьезное значеніе имѣетъ уменьшеніе по исполненію бюджета 1890 года въ поступленіяхъ главнаго нашего дохода—питейнаго и другихъ доходовъ, въ которыхъ отражается экономическое положеніе крестьянъ. Поступленіе податей уменьшилось на $\frac{2}{3}$ милл. руб., сборъ съ капиталовъ на $\frac{1}{6}$ милл. руб., питейный доходъ на $6\frac{2}{3}$ милл. руб., табачный на почти $\frac{1}{2}$ милл. руб., пошлины ярѣпостныя, судебныя и канцелярскія на $\frac{4}{5}$ милл. рублей, лѣсной доходъ на $\frac{1}{5}$ милл. руб., выкупные платежи бывшихъ помещичьихъ крестьянъ на $1\frac{1}{2}$ милл. руб., а бывшихъ государственныхъ на 2 слишкомъ милл. руб. Оставляемъ въ сторонѣ уменьшеніе въ поступленіи обязательныхъ платежей желѣзно-дорожныхъ обществъ, а также возвратъ ссудъ, составляющіе въ общемъ около $13\frac{1}{2}$ милл. рублей уменьшенія. Но особаго вниманія заслуживаютъ именно тѣ изъ приведенныхъ выше цифръ, которыя свидѣтельствуютъ о пониженіи платежной силы народа, а именно цифры пониженія въ поступленіи дохода питейнаго и выкупныхъ платежей.

Какъ въ истекшемъ году была обращена часть наличныхъ средствъ казначейства на погашеніе внутренняго долга, такъ въ прошломъ мѣсяцѣ рѣшено выкупить одинъ изъ долговъ внѣшнихъ. Состоявшійся по этому предмету указъ повелѣваетъ выкупить остающуюся часть долга по первому 5% голландскому займу, составляющую на нашу валюту 13 милл. 852 т. р. мет. Заемъ этотъ былъ заключенъ въ 1798 году; выкупъ его совершится на наличныя средства, которыми наше министерство финансовъ располагаетъ у иностранныхъ банкировъ, окончательное же отнесеніе этой операціи на опредѣленный источникъ послѣдуетъ, вѣроятно, при составленіи финансоваго отчета за текущій годъ.

«Кто платитъ свои долги, тотъ богатѣетъ»,—замѣчаетъ *Новое Время* по поводу досрочнаго выкупа голландскаго займа. Но изъ этого положенія можно бы вывести и такое послѣдствіе, что кто отсрочиваетъ уплату своихъ долговъ, обремениая тѣмъ свою будущность, тотъ бѣднѣетъ. Это представляетъ для него готовый переходъ къ продолжающейся колоссальной операціи конверсій. Если Россія обогатится досрочною уплатой долга въ 13 милл. руб. мет., то что же, въ такомъ случаѣ, сказать объ отсрочкѣ на десятки лѣтъ уплаты цѣлой массы нашихъ большихъ высокопроцент-

ныхъ займовъ? Конверсіи включаютъ пониженіе размѣра интереса, но въ томъ-то и дѣло, что наши конверсіи представляютъ собой въ большей степени именно разсрочку долга (т.-е. пониженіе размѣра ежегоднаго погашенія), чѣмъ уменьшеніе процента.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ объявлена еще одна конверсія; но прежде мы должны упомянуть о фактѣ, относящемся къ той конверсіи (5½% выкупныхъ свидѣтельствъ), которая была занесена въ нашъ предшествующій обзоръ. Срокъ для предъявленія свидѣтельствъ къ обмѣну былъ назначенъ 28 февраля. Оказывается, что изъ общей суммы, представляемой 5½% свидѣтельствами, а именно 65 милл. 174 т. р., къ 28 февраля было предъявлено на 54 м. 535 т. р., т.-е. что владѣльцы свидѣтельствъ на сумму около 11 м. р. не предъявили ихъ къ обмѣну. По всей вѣроятности, нѣкоторое число владѣльцевъ не представили бумагъ къ обмѣну потому только, что, вслѣдствіе краткости срока, не успѣли это сдѣлать или не знали о самой операціи. Но это — лишь единичныя исключенія; въ общемъ же владѣльцы упомянутыхъ бумагъ не представили ихъ къ обмѣну на 4-хъ процентныя потому, что не желали и предпочитаютъ получить нарицательный капиталъ наличными деньгами, чѣмъ приобрести за прежнюю 5% облигацию новую 4%, съ доплатой 7 р. на 100, т.-е. по цѣнѣ 93 за 100. Въ числѣ такихъ владѣльцевъ, отказывающихся отъ обмѣна, могутъ находиться, наприм., нѣкоторые благотворительныя общества и мелкіе раттеры; приобрѣвшіе выкупныя свидѣтельства давно, по выгодной цѣнѣ, и не могущіе разстаться нынѣ съ пятою частью всего своего дохода.

Такимъ образомъ, казначейство должно будетъ уплатить около 11 м. р. наличными деньгами. За то у него останется новыхъ 4% свидѣтельствъ на соответствующую сумму и эти бумаги оно можетъ реализовать по курсу 98, вмѣсто 93 за 100, какъ предлагало ихъ въ обмѣнъ, ибо такова теперь биржевая цѣна. Но, конечно, приступъ къ такой реализаціи могъ бы повліять на цѣну и нѣсколько сбавить ее съ нынѣшней цифры (97½—98). Вотъ почему едва ли это будетъ сдѣлано теперь же, а, стало быть, покажѣтъ казначейство должно будетъ произвести по этой конверсіи расходъ въ около 11 м. р. изъ наличныхъ же средствъ. Результатъ этотъ не вполне удобный и принимаются мѣры, направленные къ нѣкоторому расширенію операціи обмѣна, съ отступленіемъ отъ первоначальныхъ правилъ. Во-первыхъ, министерство рѣшило выдавать тѣмъ же 4% облигациями и самую 7% доплату къ нимъ всѣмъ тѣмъ, кто того пожелаетъ; во-вторыхъ, предположено удовлетворять и тѣ требованія обмѣна, которыя были заявлены послѣ 28 февраля.

Въ Берлинѣ, по поводу значительнаго числа оказавшихся отказомъ отъ обмѣна, распространились, въ первыхъ числахъ марта, сильно преувеличенные слухи, будто большинство владѣльцевъ 5½% свидѣтельствъ отказались отъ обмѣна, такъ что казнѣ пришлось оставить за собой значительную часть новыхъ облигаций и пожалѣть, что было отклонено предложеніе петербургскихъ частныхъ банковъ объ уступкѣ имъ остатка по-

этого займа, причемъ эти банки радуются теперь, что ходатайство ихъ было безуспѣшно. По словамъ берлинскаго *Börsen Courier* (заимствуемъ это извѣстіе изъ газеты *Русская Жизнь*), министерство финансовъ, подвліяніемъ «неожиданнаго исхода» перваго опыта съ конверсіями внутреннихъ займовъ, будто бы проектировало, въ видѣ «принудительной мѣры», для пресѣченія «непокорный» капиталистамъ возможности отказываться отъ конверсіоннаго объёма и помѣщать полученныя наличныя въ высокопроцентныхъ частныхъ бумагахъ, «спѣшно» произвести конверсію 6% и 5½% вкладныхъ листовъ земельныхъ банковъ, начиная съ дворянскаго и крестьянскаго.

Во всемъ этомъ есть только доля правды. «Неуспѣхомъ» нельзя называть конверсію 5½% свидѣтельствъ, но, все-таки, примѣрно, 1/6 предложенной къ объёму суммы осталась пока не помѣщенной. Что касается конверсіи вкладныхъ листовъ земельныхъ банковъ, то это дѣло, дѣйствительно, рѣшено и даже въ статьяхъ, идущихъ прямо изъ источника, не отрицается, что эта мѣра необходима для парализированія фактической оппозиціи конверсіямъ правительственныхъ фондовъ. Въ этому спеціальному вопросу мы еще возвратимся.

Теперь же достаточно сказать, что такъ называемый «неуспѣхъ» перваго опыта съ конверсіей внутреннихъ высокопроцентныхъ займовъ не имѣлъ того значенія, какое ему придавалось въ Берлинѣ въ первые дни истекшаго мѣсяца. Доказательство тому явилось въ мартѣ: министерство предприняло новую конверсію внутреннихъ займовъ уже 5-ти процентныхъ и, притомъ, на огромную сумму 184 милл. р. Указомъ 5 марта повелѣно выкупить 5% банковые билеты части 1 выпуска, 3, 4 и 5 выпусковъ, всего на сумму 184½ милл. р., выпустивъ для этой цѣли новыя 4% облигаціи, на нарицательный капиталъ 194 милл. р. (подъ названіемъ 3-го 4% внутренняго займа). При этомъ для заявленій объ объёмѣ назначенъ опять недалекій срокъ—«только по 30 марта исключительно до 4 часовъ пополудни». Расчетъ по предложенному этому конверсіей объёму представлялся въ слѣдующемъ видѣ: за каждые 100 р. нарицательнаго капитала въ 5% банковыхъ билетахъ выдаются 100 руб. нарицательнаго капитала облигаціями 3-го 4% займа и по 5 р. на 100 р. донлаты.

Министерство финансовъ, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ смѣлости, фактически отодвинуло на задній планъ частичный неуспѣхъ первой конверсіи внутреннихъ займовъ, выступивъ немедленно послѣ того съ новою такою же конверсіей на огромную сумму, причемъ поставило *ipso facto* на очередь конверсію всѣхъ 5% бумагъ, а, стало быть, должно было предварительно рѣшить въ принципѣ, что оно будетъ благопріятствовать и даже болѣе или менѣе обязательно содѣйствовать къ конверсіи частныхъ ипотечныхъ бумагъ, по которымъ доселѣ уплачивалось свыше 5 процентовъ.

Условія объёма прежнихъ облигацій на новыя установлены были возможно-выгодныя для держателей бумагъ, чтобы уменьшить число отказовъ отъ объёма. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что было бы, если бы

всѣ владѣльцы упомянутыхъ 5% бумагъ потребовали уплаты наличными деньгами 184 милл. рублей? Подобный фактъ сразу сдѣлалъ бы невозможнымъ продолженіе дѣла конверсій, которое зашло уже теперь такъ далеко, что нѣтъ иного выхода, какъ продолжать его. Выпускной курсъ новыхъ облигацій назначенъ былъ въ 95 (между тѣмъ какъ уже въ первыхъ дняхъ марта 4% фонды стояли по 97, а затѣмъ по 97 $\frac{1}{2}$ и 98). Хвалители конверсій выставляютъ при этомъ на видъ, что конверсируемыя 5% облигаціи стояли нынѣ на биржѣ всего по 102 за 100. И такъ, если принять курсъ новыхъ облигацій въ 97—98, то, съ приплатой 5 рублей, это составитъ тѣ же 102 р. и даже нѣкоторый излишекъ. Мы должны, однако, замѣтить, что курсъ 5% бумагъ 102 самъ обусловленъ фактомъ конверсій; стало быть, приведенное сравненіе нѣсколько хромаетъ. Особенно же представляются сомнительными такіе посулы хвалителей, что 4% фонды не останутся на цѣнѣ 97 и 98, но пойдутъ несомнѣнно выше. Это дѣло гадательное и зависитъ оно отъ того, какая часть новой конверсій окажется непожѣщенной, а затѣмъ—въ какой мѣрѣ энергично будетъ поведена, съ одной стороны, конверсія всѣхъ вообще 5% фондовъ, съ другой—конверсія ипотечныхъ акціонерныхъ бумагъ.

Наконецъ, если даже представимъ себѣ, что совокупностью всѣхъ упомянутыхъ мѣръ удастся прекратить частному капиталу всякій выходъ къ покупкѣ иныхъ бумагъ, то еще спрашивается, не станеть ли капиталъ искать себѣ иного помѣщенія, не набросится ли онъ на бумаги торгово-спекулятивныя и на недвижимую собственность и не устранится тѣмъ самымъ возможность, чтобы 4% фонды поднялись выше «пари»? А, между тѣмъ, только такое предположеніе оправдывало бы опыты выпуска займа 3-хъ процентнаго, слухи о которомъ приносятся германскими газетами.

Въ самой порѣ переводныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ подоспѣли новыя экзаменаціонныя правила, выработанныя въ комиссіи подъ предѣтельствомъ товарища министра просвѣщенія. Правила эти касаются экзаменовъ приѣмныхъ и переводныхъ, но мы займемся только послѣдними. Главною новостью въ новомъ порядкѣ является предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ права переводить въ слѣдующій классъ безъ экзамена такихъ учениковъ, которые имѣютъ удовлетворительныя среднія отиѣтки по всѣмъ предметамъ и, сверхъ того, «хорошія» отиѣтки по двумъ изъ слѣдующихъ предметовъ: русскому, греческому и латинскому языкамъ и математикѣ.

Къ этому правилу нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ. Оно устанавливаетъ принципъ отиѣтны тяжкой формальности предъэкзаменнаго «зубренія» для тѣхъ, кто учился хорошо въ теченіе года, и, такимъ образомъ, создаетъ сильное побужденіе къ серьезнымъ занятіямъ въ продолженіе курса, несомнѣнно болѣе полезнымъ, чѣмъ лихорадочное затверживаніе передъ испытаніями. Справедливо и то, что провѣрки во время прохожденія курса даютъ болѣе вѣрное основаніе для сужденія объ успехахъ учениковъ, чѣмъ экзамень, котораго результатъ всегда соединенъ съ

долю случайности. Наконецъ, нельзя не одобрить и того, что, прийдя къ такому сознанию, составители новыхъ правилъ, однако, не лишили безусловно права на переходъ въ слѣдующій классъ учениковъ малоуспѣвавшихъ, но предоставили имъ шансъ экзамена. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть разные причины неравности въ занятіяхъ во время курса, ихъ могло прерывать нездоровье и т. п., бываетъ и то, что способный мальчикъ, лѣнившійся въ первую половину года, старается и успѣваетъ подтянуться во вторую половину курса; лишать его надежды на экзаменъ значило бы уменьшать возможность такого исправленія.

Правила, однако, отступаютъ отъ упомянутаго принципа въ особомъ ограниченіи, какое установлено для учениковъ V, VI и VII классовъ. Тѣ изъ этихъ учениковъ, которые имѣютъ неудовлетворительную отиѣтку по одному изъ основныхъ предметовъ (закону Божию, русскому, греческому и латинскому языкамъ или математикѣ), могутъ, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, быть недопускаемы къ переводному экзамену. Такимъ ученикамъ позволяется, однако, ходатайствовать въ округѣ о разрѣшеніи держать экзаменъ по другимъ предметамъ, съ тѣмъ, чтобы по упомянутому выше предмету они экзаменовались послѣ каникулъ. Непонятно, для чего же тутъ ходатайство въ округѣ? Понятно, что всѣ, поставленные въ такое положеніе, будутъ ходатайствовать, и, казалось бы, оторочка экзамена по одному основному предмету, съ правомъ экзаменоваться изъ прочихъ вмѣстѣ съ товарищами, могла бы быть опредѣляема самымъ педагогическимъ совѣтомъ. Предвидимъ возраженіе: тогда всѣ ученики будутъ мало заниматься, положимъ, хоть математикой, разсчитывая на отсрочку экзамена изъ нея на осень. Но, вѣдь, въ самой гимназій лучше же, чѣмъ въ округѣ, могутъ судить, что было причиною неуспѣшности ученика по тому или другому предмету и слѣдуетъ ли вообще допускать его къ экзамену.

По всему видно, что нынѣ учебное вѣдомство уже свободно отъ того фанатизма по отношенію къ древнимъ языкамъ, какимъ оно отличалось въ семидесятыхъ годахъ. Такой ученикъ, который будетъ имѣть отиѣтку «три» по всѣмъ предметамъ своего курса, въ томъ числѣ и по обоимъ древнимъ языкамъ, и отиѣтку «четыре» по математикѣ и русскому языку, согласно новымъ правиламъ, можетъ, все-таки, быть переведенъ въ слѣдующій классъ безъ экзамена. То же направленіе проявляется и въ нѣкоторомъ облегченіи, какое правила предоставляютъ тѣмъ юношамъ, которые проходятъ гимназическій курсъ внѣ гимназій, дома. Извѣстно, что при графѣ Толстомъ практиковалось нѣчто вродѣ гимназическаго «протекціонизма»: всякій обходъ гимназій по возможности затруднялся, и хотя постороннія лица допускались къ выпускному экзамену на полученіе свидѣтельства «зрѣлости», но требовательность по отношенію къ нимъ была столь велика, что лишь весьма рѣдкіе изъ нихъ проходили сквозь это «каудинское ущелье». Нынѣ правила предоставляютъ лицамъ домашняго воспитанія право экзаменоваться вмѣстѣ съ гимназистами изъ всѣхъ предметовъ низшихъ четырехъ классовъ, а черезъ два года по выдержаніи этого испытанія подвергаются такому же

экзамену изъ курса V и VI классовъ, каковой экзаменъ даетъ уже права средняго образованія при отбываніи воинской повинности.

Наконецъ, вмѣсто нынѣшняго порядка, при которомъ малоуспѣвающіе ученики VIII класса безусловно не допускаются къ «испытаніямъ зрѣлости», правила предоставляютъ имъ подвергаться этому испытанію хотя уже только наравнѣ съ лицами посторонними, т.-е. экзаменуясь изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса. При опредѣленіи приемовъ испытаній письменныхъ, новыя правила, разумѣется, упоминаютъ уже только о переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій, такъ какъ переводы на древніе языки, такъ называемыя *extemporalia*, отиѣнены съ прошлаго года.

Нельзя не пожалѣть, что новыя правила поспѣли такъ поздно—къ самымъ экзаменамъ; будь они объявлены при началѣ или въ первой половинѣ учебнаго года, многіе ученики, имѣя ихъ въ виду, занялись бы старательнѣе въ теченіе курса и избѣгли бы нынѣ той «страдной поры», которая отравляетъ весну для всего учащагося поколѣнія.

Разсматривавшееся въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ дѣло о дуэли между офицерами, имѣвшей смертельный исходъ, заслуживаетъ вниманія по той причинѣ, что здѣсь понятія, лежащія въ основѣ предразсудка о дуэли, понятія о нарушеніи личной чести бранью и о возстановленіи чести вооруженною дракой, сопровождаемою формальностями, высказывались во всей чистотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, бывають случаи, когда оскорбленіе служить скорѣе предлогомъ для кровавой расправы, какъ бы узаконенной обычаемъ, чѣмъ дѣйствительнымъ къ ней поводомъ. Это тѣ случаи, когда между противниками существуетъ ненависть, обусловленная, наприм., ревностью или местию за неудачу въ какой-нибудь общественной или частной борьбѣ.

Въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было. Единственнымъ поводомъ къ дуэли между офицерами гвардейскаго (павловскаго) полка, подпоручикомъ княземъ Вадбольскимъ и поручикомъ Ломоносовымъ, было произнесеніе послѣднимъ бранныхъ словъ. Разсуждая серьезно, разсматривая это дѣло «по-человѣчески», нельзя не признать его совершенно пустыннымъ, за исключеніемъ послѣдняго момента, обставленнаго всѣми формальностями убійства. Юноши, едва достигшіе совершеннолѣтія, кн. Вадбольскій и Ломоносовъ были «однонашники», т.-е. товарищи въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ товарищи въ полку, и отношенія между ними были дружескія. Ломоносовъ былъ характера раздражительнаго, нервнаго и иногда у него вырывались «рѣзкости», которыя товарищами, даже менѣе къ нему близкими, чѣмъ кн. Вадбольскій, извинялись и «промачивались», потому что Ломоносова любили за его добродушный и честный характеръ (показаніе одного изъ секундантовъ штабсъ-капитана Печволодова).

Въ офицерскомъ собраніи полка 25 января Ломоносовъ уговорилъ князя Вадбольскаго играть, чтобы составить партію, въ карты, и хотя былъ предваренъ своимъ пріятелемъ, что тотъ можетъ остаться только до опредѣленнаго часа, такъ какъ долженъ быть у врача, но когда кн. Вадболь-

скій въ назначенное время всталъ, Ломоносовъ разсердился, бросилъ карты и ушелъ въ другую комнату. Случай свелъ ихъ опять въ тотъ же вечеръ на квартирѣ штабсъ-капитана Завадскаго, съ которымъ жилъ Ломоносовъ. Бнязь Вадбольскій, помня, что товарищъ разсердился, хотѣлъ извиниться: «Не удивляйся, что я кончилъ игру...»—началъ онъ (пословами обвинительнаго акта; по свидѣтельскимъ показаніямъ, онъ сказалъ: «ты, кажется, сердишься на меня, но я долженъ быть» и т. д.). Но Ломоносовъ прервалъ это извиненіе словами: «Ты играешь не какъ офицеръ, а какъ...» Подлинныя слова брани не были повторены на судѣ; удостовѣрено только, что это было «ругательство», «грубое и оскорбительное сравненіе, не заключающее въ себѣ, однако, упрека въ недобросовѣстной игрѣ».

И такъ, покойный Ломоносовъ просто выругался, въ сердцахъ, за то, что пріятель его разстроилъ партію, да еще пристааетъ съ объясненіями,—короче, не утерпѣлъ, чтобы не сказать одну изъ своихъ «рѣзкостей». Что это было нехорошо, нечего и говорить, но надо принять во вниманіе, что юности эти, всего года два-три тому назадъ будучи кадетами, конечно, не стѣснялись между собой въ выраженіяхъ, и что всю разницу въ значеніи оскорбительныхъ словъ составляли въ данномъ случаѣ надѣтыя эполеты, о которыхъ Ломоносовъ забылъ, но кн. Вадбольскій помнилъ. Впрочемъ, онъ самъ сказалъ, въ своемъ показаніи на судѣ, что это было уже не въ первый разъ, что Ломоносовъ позволялъ себѣ съ нимъ грубости; обвиненный приглашалъ своего пріятеля измѣнить манеру, но Ломоносовъ, очевидно, недостаточно сознавалъ происшедшее различіе въ положеніи и продолжалъ держать себя по-кадетски. Онъ выругался, но не хотѣлъ оскорбить товарища, и на другой же день заявилъ сожалѣніе, что оскорбилъ его; какъ только получилъ его вызовъ, поручилъ своему секунданту шт.-кап. Завадскому передать секундантамъ Вадбольскаго, что сожалѣеть о происшедшемъ, а по убѣжденіямъ Завадскаго, согласился извиниться.

Въ дальнѣйшемъ теченіи дѣла оказывается, что Ломоносовъ заявлялъ ту же готовность нѣсколько разъ и даже когда на полпути въ загородное мѣсто, избранное для дуэли, оказалось, что пистолеты были забыты въ городѣ и что надо было посылать за ними. Наконецъ, уже на мѣстѣ поединка, стоя съ пистолетомъ въ рукѣ, на приглашеніе секундантовъ примириться, Ломоносовъ сперва не отвѣчалъ отказомъ, но, опустивъ глаза въ землю, ждалъ, что скажетъ вызвавшій его товарищъ, и, лишь не видя почина съ его стороны, заявилъ самъ, что подъ дуломъ пистолета поздно уже извиняться.

Тотъ постоянно, во всѣхъ моментахъ переговоровъ, рѣшительно отказывался отъ примиренія, объявлялъ, что «извиненія ему мало», и здѣсь, на мѣстѣ поединка, отвѣчалъ на приглашеніе секундантовъ, «отрицательно покачавъ головой», по одному показанію, «разведя руки»—по другому. Въ своемъ показаніи онъ, Вадбольскій, сообщилъ, что въ ту минуту ему приходила мысль о возможности принять извиненіе, если бы Ломоносовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщалъ выйти изъ полка, но, сообразивъ, что это

было бы оскорбленіемъ для противника, онъ промолчалъ. Онъ же полагалъ на судѣ, что не желалъ смерти Ломоносова, но желалъ «выйти изъ того тяжелаго нравственнаго состоянія, въ какомъ самъ находился, и не видѣлъ иного выхода, какъ поединокъ».

Чѣмъ, собственно говоря, обусловилось это «тяжелое состояніе», непремѣнно требовавшее такого исхода и признававшее въ немъ дѣйствительный исходъ? Это было именно основное представленіе о томъ, что честь человѣка можетъ быть нарушена не какимъ-либо позорнымъ дѣломъ, имъ же совершоннымъ, но бранью, какая ему сказана; что для «возстановленія» чести требуется не общее удостовѣреніе о порядочности, но выстрѣлъ.

Представимъ предрасудокъ въ дѣйствительныхъ его чертахъ, обусловленныхъ кастовыми и мундирными взглядами, послѣ того, какъ сперва мы взглянули на дѣло съ точки зрѣнія простой, «человѣческой». Кн. Вадбольскій ничего предосудительнаго не сдѣлалъ, онъ былъ и остался юношей безупречнаго поведенія. Что товарищъ произнесъ брань, это, конечно, нисколько не вліяло на нравственный характеръ молодого человѣка, а если было непроситительно съ точки зрѣнія мундирной, то, вѣдь, Ломоносовъ предлагалъ извиненіе. Между тѣмъ, изъ сознанія обвиняемаго и изъ показаній свидѣтелей мы видимъ, что дуэль была необходимостью. Кн. Вадбольскій постоянно ссылается на то, что всякій изъ его товарищей офицеровъ поступилъ бы такъ же, какъ онъ, а свидѣтели хотя и говорили, во время хода переговоровъ, что ему «ничего не будетъ», если онъ приметъ извиненіе, что всякій, попрежнему, подастъ ему руку, что брань можетъ быть просто промолчана, такъ какъ она была произнесена при одномъ только свидѣтелѣ, но, тѣмъ не менѣе, на судѣ свидѣтели показали, что дуэль была почти неизбежною.

А, между тѣмъ, секунданта Плещеевъ еще на мѣстѣ поединка «умолялъ» товарищей помириться, а самъ Ломоносовъ отозвался при прежнихъ переговорахъ, что ему будетъ «дико» стрѣлять въ Вадбольскаго. Въ этомъ-то контрастѣ взглядовъ человѣческихъ и взглядовъ данной среды и заключался бы иного рода трагизмъ, если бы только было установлено, что, по представленіямъ людей той среды, поединокъ въ данномъ случаѣ былъ необходимъ безусловно. Но это вовсе не установлено. Военный прокуроръ, подполковникъ Бирининъ, между прочимъ, сказалъ: «не знаю, что побудило кн. Вадбольскаго поступить такъ жестоко съ своимъ товарищемъ», и находилъ нѣкоторое для него извиненіе только въ молодости, неопытности и страданіи, какое онъ долженъ былъ испытать при видѣ роковаго результата.

Взглянемъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія формальной, свойственной данной средѣ. Если извиненіе было недостаточно, если, для выхода изъ тяжелаго состоянія, кн. Вадбольскому необходимо было исполненіе формальности дуэли, то эта формальность могла быть исполнена и безъ жертвы. Стрѣляя на 17 шагахъ разстоянія изъ пистолета дуэльнаго, къ тому же, снабженнаго прямыми наръвами и слабыми—по отно-

шенію къ калибру—зарядами (какъ то было въ данномъ случаѣ), никто когда-либо державшій оружіе въ рукѣ не можетъ попасть въ человѣка нечаянно: будь, вмѣсто человѣка, доска шириною въ 3 вершка, то и тогда изъ 10 выстрѣловъ, въ этихъ условіяхъ, ни одинъ не пройдетъ мимо при желаніи и не попадетъ противъ намѣренія.

Обвиненный и не утверждалъ, что онъ не хотѣлъ попасть въ противника; наоборотъ, онъ показалъ, что не допускалъ возможности стрѣлять въ воздухъ. И хотя онъ также не заявилъ прямо, что намѣренъ былъ ранить товарища, но въ дѣлѣ имѣются слѣдующія указанія: когда у одного пистолета, при заряденіи, отломилась часть ручки, то кн. Вадбольскій тотчасъ попросилъ, чтобы этотъ пистолетъ былъ данъ ему; когда же, по требованію Ломоносова, выборъ былъ рѣшенъ жребіемъ и надломанный пистолетъ (что, впрочемъ, не мѣшало его прицѣльности) достался Ломоносову, то кн. Вадбольскій счелъ нужнымъ громко заявить сожалѣніе, что ему достался пистолетъ цѣлый. Эти признаки невольно наводятъ на мысль, что обвиненному хотѣлось предупредить, чтобы послѣ не приписывали исходъ дуэли такому обстоятельству, что ему, который и безъ того стрѣлялъ лучше Ломоносова, дали пистолетъ цѣлый, а тому—сломанный. Въ этомъ можно видѣть дополнительное указаніе, что кн. Вадбольскій намѣренъ былъ попасть въ противника.

Между тѣмъ, если бы, по понятіямъ среды, въ данномъ случаѣ и былъ невобѣженъ поединокъ,—что не удостовѣрено,—то ужъ, во всякомъ случаѣ, и формальныя требованія не могли доходить до того, чтобы, несмотря на свою готовность извиниться, Ломоносовъ непременно понесъ по меньшей мѣрѣ увѣче.

Вотъ это-то обстоятельство, которое намъ кажется важнымъ выяснить, и оправдываетъ отзывъ прокурора, что подсудимый поступилъ съ товарищемъ жестоко; оно же объясняетъ высокую мѣру наказанія, назначенную судомъ: три года заключенія въ крѣпости, безъ ограниченія правъ. При иныхъ обстоятельствахъ судъ могъ ограничиться и 4-мя мѣсяцами заключенія. Самую молодость кн. Вадбольскаго судъ, очевидно, не призналъ поводомъ къ милосердію. И дѣйствительно, трудно согласиться съ этими мотивомъ, несмотря на то, что его проводилъ самъ прокуроръ. Правда, молодости, какъ выражался онъ, свойственны «сила жизни», «сила впечатлѣній», но ей же свойственна и сердечность.

Въ рѣчи прокурора мы не можемъ не отмѣтить тѣхъ оговорокъ, въ которыхъ положительно признавалась необходимость дуэли въ нѣкоторыхъ случаяхъ. «Бываютъ случаи, — говорилъ онъ, — когда оскорбленіе смывается только кровью, когда нѣтъ мѣста въ этомъ мірѣ одному противнику рядомъ съ другимъ»... Такъ могутъ думать частныя лица и хотя бы цѣлыя сословія. Но, тѣмъ не менѣе, поединокъ есть преступленіе, караемое закономъ. Удобно ли для представителя этого закона провозглашать на судѣ принципъ прямо противный закону, хотя бы это дѣлалось въ видѣ оговорокъ въ пользу обвиненія въ данномъ случаѣ? Если когда-ни-

будь подполковнику Кириллону случится обвинять по дѣлу о дуэли, вызванной въ самомъ дѣлѣ тажкимъ оскорбленіемъ, то не можетъ ли защитникъ привести противъ обвиненія тѣ слова, какими оно обложилось въ данномъ случаѣ?

Съ легкой руки Бартенева, точно изъ какаго-то рога изоблила, посыпались случаи убійства женщинъ или покушеній на убійство ихъ изъ-за побужденій такъ называемыхъ любовныхъ. Какъ будто судьба хотѣла подтрунить надъ «тонкимъ психологическимъ анализомъ» защитника Бартенева. Этотъ «анализъ» представлялъ его дѣло въ видѣ чего-то чрезвычайнаго, роковаго, объясняющагося совсѣмъ особыми индивидуальными чертами, а также безвыходностью, какая обуславливалась различіемъ въ положеніи жертвы мнимой любви и палача, возбужденнаго мнимою любовью. Разумѣется, немалую роль въ оправдательномъ анализѣ играла и крайняя нервность ихъ обожъ. Извѣстно, что «неврозу» нынѣ приплетаютъ ко всему.

И вотъ теперь, какъ нарочно, оказалось, что совершенно то же самое могутъ дѣлать полуграмотные, хотя и читающіе газеты «спинжаки», за которыми признавать «неврозу» было бы не по чину, но за то нельзя не признавать и бездушный эгоизмъ, и пьяное самодурство, отрицающее все, кромѣ животнаго побужденія, а у нѣкоторыхъ даже и притворное намереніе самоубійства, и стараніе оправдать себя очерченіемъ на судѣ своей же жертвы, будто бы безумно любимой. Рядъ судебныхъ дѣлъ этого рода, прошедшихъ передъ нами въ самое послѣднее время, выясняетъ совершенно достаточно, безъ дальнѣйшаго «тонкаго анализа», истинныя побужденія этихъ «романическихъ» преступниковъ. А такъ какъ есть немало нетвердо мыслящихъ людей, которые на вопросъ о жизни и смерти (чужой, конечно) смотрятъ кто съ точки зрѣнія мундира, кто сивозъ туманъ сантиментальности, кто съ аффектаціей фатализма, то весьма поучительно будетъ провѣрить такіе взгляды—геройскіе, романическіе и философскіе—на буфетчикахъ, поварахъ, конторщикахъ и мастеровыхъ. Тогда дѣло представится безъ прикрасъ, въ своемъ истинномъ видѣ и значеніи. Всѣ дѣла, о которыхъ мы будемъ говорить, производились въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Особенное сходство съ дѣломъ Бартенева имѣло дѣло конторщика, крестьянина Селиванова. Селивановъ на одной квартирѣ проживалъ самъ съ 16-ти лѣтнею дочерью, а на другой содержалъ любовницу свою Анну Ковальскую, которую, по его показанію на судѣ, онъ «любилъ безумно» и продолжаетъ любить, убивъ ее. Связь его съ Ковальской продолжалась съ 1885 года, и уже вскорѣ послѣ начала этой связи Селивановъ убѣдился «въ полной развращенности Ковальской и затѣмъ ему приходилось избличать ее въ измѣнѣ». Фактическихъ указаній по этому поводу онъ, однако не далъ. И такъ, пять лѣтъ Селивановъ хотя и избличалъ, но безумно любилъ. Но вотъ 12 ноября ему, за пьянство, отказали отъ мѣста въ мастерской, гдѣ онъ получалъ 60 р. въ мѣсяцъ. Съ отчаянія, въ тотъ же день, онъ купилъ револьверъ, съ намереніемъ убить Ковальскую и самого

себя. На судѣ онъ объяснялъ, что Ковальская была виновата въ потерѣ нѣсколькихъ мѣстъ, такъ какъ она его побуждала пить и требовала у него денегъ. Въ предшествующіе годы, находясь въ связи съ Ковальской, онъ, однако, не пьянствовалъ и не лишался мѣстъ, и даже продолжалъ «безумно любить» Ковальскую, несмотря на ея измѣны. Но пришло пьянство, и мѣсто Селивановъ потерялъ, и нечѣмъ ему было содержать долге любовницы, и звѣрскіе истязанія взяли волю надъ всѣмъ. Однако, съ 12 ноября до 2 декабря, несмотря на принятое рѣшеніе убійства и самоубійства, Селивановъ продолжалъ «путаться».

Но вотъ 2 декабря онъ вдругъ пошелъ къ Ковальской «уговаривать ее жить какъ слѣдуетъ», причемъ «надѣялся, все-таки, на счастливый исходъ переговоровъ», а потому захватилъ съ собой, кромѣ револьвера, наливки, водки и закусокъ. По всей вѣроятности, онъ уже шелъ нетрезвый. Или они и пили передъ убійствомъ, совсѣмъ какъ Бартеневъ и Висновская. Но когда Селивановъ началъ нравственно усовѣщевать Ковальскую, чтобы «убѣдить ее измѣниться», то она стала гнать его вонъ, въ чемъ и была совершенно права при данныхъ условіяхъ. Тогда Селивановъ началъ ее бить (о чемъ свидѣтельствовали ссадины и кровоподтеки на подбородкѣ), а когда она отъ него вырвалась, то онъ пустилъ ей въ догонку двѣ пули въ шею, которыми и убилъ ее. Потомъ, по его увѣренію, онъ «два раза заводилъ курокъ, направляя револьверъ въ себя, но выстрѣла почему-то не послѣдовало». Тогда онъ убѣжалъ домой, положилъ револьверъ подъ подушку и отправился въ участокъ заявить о случившемся. Для чего ему нужно было прежде относить револьверъ домой—не выяснено, но, по всей вѣроятности, первымъ его побужденіемъ было скрыть дѣло, а потомъ, раздумавъ и убѣдившись, что скрыть было невозможно, онъ предпочелъ заявить самъ въ участкѣ, рассчитывая на облегченіе мѣры наказанія или даже на оправданіе. Пришелъ въ участокъ и объявилъ, что убилъ Анну, совсѣмъ какъ Бартеневъ пріѣхалъ въ полкъ и объявилъ, что убилъ Маню.

Но наиболѣе любопытенъ слѣдующій фактъ, на который мы укажемъ потому, что онъ прекрасно освѣщаетъ все дѣло. Селивановъ утверждалъ на судѣ, что, идя 2 декабря въ послѣдній разъ къ Ковальской, онъ надѣялся на счастливый исходъ переговоровъ, а, между тѣмъ, въ квартирѣ его найдены его письма, написанныя къ разнымъ лицамъ 25 и 28 ноября, въ которыхъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Черезъ милую Анюту мѣсто потерялъ, черезъ нее и вѣчное мѣсто получу; если не успѣютъ помѣшать, то я и себя тоже успокою. Пусть меня судить правый и милостивый Богъ! я, все-таки, люблю и даже въ загробномъ мірѣ буду любить» и т. п. Найдена еще отгѣтка, имѣя же писанная 14 ноября: «Скажу послѣднее слово: тебя люблю, тебя убью». Писемъ тѣхъ Селивановъ не отправилъ и все было написано, очевидно, съ цѣлью оправданія на судѣ, какъ и тѣ записки, которыя Бартеневъ заставлялъ писать Висновскую, но съ неудачнымъ результатомъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ оказались обвинительнаго свойства и хотя были имъ мелко порваны, но свидѣтельствовали

противъ искренности другихъ, которыя онъ положилъ на тѣлѣ своей жертвы. Себя Селивановъ, разумѣется, убивать и не думалъ, какъ и Бартеневъ, что ясно изъ самой преднамѣренности самооправданія—приготовленными письмами и записками. И такъ, тутъ и кутежъ передъ убійствомъ, и фальшивый замыселъ самоубійства, и безумная любовь, даже послѣ убійства, в записки, и самооправданіе на судѣ обвиненіемъ любимой женщины въ развращенности,—словомъ, все какъ въ варшавскомъ дѣлѣ. Только «неврозу» здѣсь уже нельзя объяснить воспитаніемъ, изолированіемъ въ чужой средѣ и т. д., а развѣ только привычкой къ пьянству, которая была на-лицо въ обоихъ случаяхъ.

Другой примѣръ: трактирный слуга Ботельниковъ 9 прошлаго сентября былъ прогнанъ хозяиномъ за пьянство, но, лишившись мѣста, продолжалъ ходить въ тотъ же трактиръ для свиданій съ проституткой Сергѣевой, въ которую былъ «влюбленъ». Изъ дѣла видно, что онъ и прежде ревновалъ Сергѣеву и требовалъ, чтобы она ни съ кѣмъ не была знакома, кромѣ его. Самъ Ботельниковъ показалъ на судѣ, что онъ давалъ ей деньги, «но слишкомъ мало, чтобы она могла жить на эти средства, а потому она гуляла съ другими, что сначала не очень смущало его», но что потомъ любовь эта усилилась и потому онъ сталъ грозить Сергѣевой, что убьетъ ее, если она будетъ водиться съ другими. Послѣ одного такого разговора, когда Сергѣева,—собственное его показаніе,—сказала ему, что «не можетъ оставить свое занятіе, потому что не имѣетъ средствъ къ жизни», онъ 26 сентября купилъ ножъ и пригрозилъ ее зарѣзать. Позволительно, однако, догадываться, что съ 9 по 26 сентября усилилась не столько любовь Ботельникова, сколько его пьянство и бездѣлье, вслѣдъ за потерей мѣста.

Наконецъ, 2 октября, въ томъ же трактирѣ, они сидѣли и пили вино, но когда Сергѣева, встрѣтивъ другаго знакомаго, поцѣловала его, то Ботельниковъ побѣжалъ за нею, перерѣзалъ ей шею и нанесъ три глубокия раны ножомъ надъ ключицей. Возвратясь, онъ объявилъ: «я зарѣзалъ Дуню». Въ этомъ дѣлѣ повторяется та же погудка, что онъ ее «любилъ безумно». Прокуроръ настаивалъ, чтобы Ботельникову даже не было дано снисхожденія, такъ какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ одной животной страсти. За то присяжный повѣренный Потѣхинъ произнесъ «блестящую, горячую рѣчь», въ которой, между прочимъ, былъ такой курьезный доводъ, что «не будь у Ботельникова *случайно* ножа, дѣло кончилось бы пощечиною, какъ не разъ бывало». И такъ, оказывается, что ножъ, купленный Ботельниковымъ за 6 дней до убійства и съ признанною имъ на судѣ цѣлью убійства, былъ при Ботельниковѣ лишь «случайно»; не будь ножа, онъ бы не убилъ. Дѣло, однако, въ томъ, что и былъ-то ножъ для того, чтобы убить.

То были покушенія противъ любовницъ, а вотъ два покушенія противъ женъ и одно противъ бывшей невѣсты. Буфетчикъ одной изъ гостиницъ въ Петербургѣ Лишантьевъ, имѣвшій молодую жену въ деревнѣ, влюбился въ горничную и вступилъ съ ней въ связь. Жена его, Авдотья, увѣдомленная братомъ, пріѣхала въ Петербургъ, чтобы отбить своего мужа

У соперницы, но это ей не удалось. Тогда она, женщина добрая, по показаніямъ свидѣтелей, отказалась отъ сценъ ревности съ мужемъ, и, сказавъ: «пусть онъ тутъ путается, авось прѣдетъ ко мнѣ, если не изъ-за меня, то изъ-за дочери», собралась въ деревню. Но буфетный злодѣй, писавшій лакейскіе стихи къ своей возлюбленной, рѣшилъ отдѣлаться отъ жены и отравлялъ ее, подмѣшивая мышьякъ въ разныя кушанья, въ нѣсколько пріемовъ. Авдотья умерла въ страшныхъ страданіяхъ, а Лишантьевъ ходилъ, покуривая, при обмываніи жены, и торопилъ шохорону по такому соображенію, что «чего ей тутъ валаться».

Продолжаемъ. Поваръ въ буфетѣ на желѣзно-дорожной станціи въ Царскомъ Селѣ Мельниковъ, послѣ долгихъ съ его стороны стараній, женился на Федосьѣ Марковой, дѣвушкѣ безукоризненнаго поведенія. Они жили вмѣстѣ пять мѣсяцевъ, но потомъ Мельниковъ «сталъ выпивать» и срывать злобу на женѣ,—ему все казалось, что она не любитъ его, и онъ ревновалъ ее ко всѣмъ. Федосья рѣшила, наконецъ, уйти отъ мужа. Тогда Мельниковъ ударилъ жену ножомъ въ лѣвый бокъ; она упала, обливаясь кровью, но не была убита; Мельниковъ нанесъ и себѣ нѣсколько ударовъ ножомъ въ грудь и животъ, но не упалъ отъ нихъ, такъ какъ производилъ ихъ осторожно, о чемъ удостовѣряетъ то обстоятельство, что сейчасъ послѣ того онъ началъ рѣзать себѣ горло тупою стороною ножа», пока этого ножа не отняли. Маневръ этотъ вполнѣ ему удался. Прокуроръ настаивалъ на обвиненіи; защита, въ лицѣ прис. повѣр. Коробчевскаго, «шагъ за шагомъ проанализировала психологическіе мотивы». Между тѣмъ, даже ни одной невѣрности жены не было доказано: можно было основаться только на показаніяхъ Мельникова, что «жена недостаточна его любила, была съ нимъ груба, относилась къ нему какъ-то пренебрежительно, будто снисходя къ нему».

Приведемъ еще такой примѣръ, гдѣ даже и связи никакой не было, ни законной, ни незаконной. Сапожникъ Павловъ, обвиняемый въ покушеніи на убійство, показалъ на судѣ, что онъ сватался къ дочери крестьянки Громовой и что дѣвушка сперва согласилась, а потомъ, когда онъ «сталъ ссориться съ ней, услыжавъ, что у нея есть еще трое возлюбленныхъ, то дѣвушка написала ему, чтобъ онъ больше не приходилъ. Онъ долго и не приходилъ, но 3 декабря, «будучи выпивши, онъ рѣшилъ покончить съ нею» и, купивъ для этой цѣли столовую ножъ, отправился къ ней, но на лѣстницѣ, принявъ за нее другую женщину, жену мастера Лочъ, ударилъ эту послѣднюю ножомъ, самъ не помнитъ куда. Рана оказалась нанесенною въ плечо и неопасною. И такъ, нанесеніе этой раны можно было признать случайнымъ только въ томъ смыслѣ, что ударъ ножа предназначался другому лицу; но онъ былъ вполнѣ намѣренный и, притомъ, рассчитанный на нанесеніе не раны, а смерти, такъ какъ самъ обвиненный сознался, что онъ шелъ «покончить» съ Громовой.

Здѣсь также дрянная натурашка проявляется въ намѣреніи очернить дѣвушку, будто бы любимую, для оправданія себя: Павловъ упоминалъ о

трехъ возлюбленныхъ ея, кромя его самого, но поставленными затѣмъ вопросами былъ принужденъ признаться, что самъ съ Громовой «въ близкихъ отношеніяхъ не состоялъ и не знаетъ, была ли она съ кѣмъ-либо въ таковыя отношенія». Между тѣмъ, сама дѣвица Громова дала показаніе, которое отняло у подсудимаго всякую возможность позировать въ роли Отелло. Когда Павловъ, вскорѣ послѣ того, какъ братъ ея познакомилъ его съ семействомъ, посваталъ ее, она ему сказала, что посовѣтуется съ матерью, а когда мать отсвѣтовала ей идти за Павлова, какъ человѣка нехорошаго и пьяницу, то она ему сказала, чтобы онъ больше къ ней не приходилъ. Далѣе Громова заявила, что она ни съ Павловымъ и ни съ кѣмъ другимъ въ близкихъ отношеніяхъ не состояла и не состоитъ. Удивительно, что отъ дѣвушки, которая являлась не обвиненною, а свидѣтельницею, потребовалось подобное объясненіе. Приставъ и околоточный удостовѣрили, что Павловъ какъ въ моментъ задержанія, такъ и на слѣдующій день говорилъ, что жалѣетъ, что ему попалась другая женщина, а не Громова, и что онъ при первомъ удобномъ случаѣ, все-таки, убьетъ ее. Несмотря на это и на свое заявленіе при дознаніи, что онъ хотѣлъ «покончить» съ Громовой, этотъ симпатичный молодой человѣкъ (Павлову всего 20 лѣтъ) на судѣ старался доказать свою невиновность тѣмъ, что онъ не имѣлъ намѣренія убить Громову, а только разсердился, зачѣмъ она его не приняла, и, притомъ, совершилъ преступленіе въ пьяномъ видѣ.

Если относиться серьезно къ объясненіямъ этихъ самокуровъ убійства, дрянныхъ натуръ, которыя свой капризъ ставятъ выше всего, а чужую жизнь ни во что, если пьянство считать «неврозой» и извиненіемъ для человѣка *fin de siècle*, то, въ такомъ случаѣ, Павловъ, Бартеневъ, Лишантьевъ, Ботельниковъ, Мельниковъ и Селивановъ могутъ сдѣлаться модными героями и будетъ до нѣкоторой степени понятно снисхожденіе къ нимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для каждой, хотя бы самой безупречной молодой женщины создается опасность жизни: первый испьянствовавшійся мальчишка могъ бы давать волю ножу или пистолету, рассчитывая на оправданіе, вслѣдствіе «романическаго» мотива. Совершенно вѣрно опредѣлялъ настоящій (да и всѣ вышеупомянутые) случай защитникъ Павлова прис. повѣр. Андреевскій (поэтъ), сказавъ, что это былъ только «пьяный дебошъ». Прекрасно, но оправданіе, какого онъ требовалъ для Павлова, могло бы способствовать повторенію «пьяныхъ дебошей», весьма серьезныхъ, такъ какъ мы привели шесть дѣлъ (включая Бартенева), гдѣ «дебошъ» означалъ убійство. Въ данномъ случаѣ, присяжные вынесли вердиктъ обвинительный, признавъ Павлова виновнымъ въ покушеніи на убійство «въ запальчивости и раздраженіи», явившихся даже безъ свиданія съ Громовой, однако, съ предварительной покупкой ножа. На этомъ основаніи судъ, имѣя въ виду молодость Павлова, приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 1½ года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Апрѣль.

1891 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.— Психологія и педагогика.— Исторія и біографія.— Политическая экономія и статистика.— Медицина.— Военное дѣло.— Дѣтскія книги.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Кіевская Старина“, июнь 1890 г.—мартъ 1891 г.—„Дѣтское Чтеніе“, январь—мартъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Деревенскіе типы и картинки“. Н. Астырева. — „Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера“. А. А. Бршова. — „На досугъ“. Н. В. Максимова. — „Опытъ въ стихахъ“. В. И. Петровскію. — „Стихотворенія“ I. Г. Окуева.

Деревенскіе типы и картинки. Очерки и рассказы Н. Астырева. Москва, 1891 г. Цѣна 1 руб. 20 к., съ пересылкою 1 р. 40 к. За всѣми извѣстными намъ произведеніями г. Астырева должно признать въ высшей степени важное достоинство: всѣ они вполне правдивы. Но это правда—не „фотографическая“, и это—не тотъ реализмъ, который нерѣдко сбиваетъ съ толку даже очень талантливыхъ писателей. Въ этихъ *Очеркахъ и рассказахъ* мы находимъ настоящую литературную правду, какою она желательна въ описаніяхъ быта какого бы то ни было класса, общества и народа. „Выдумки“ и „сочинительства“ нѣтъ въ рассказахъ г. Астырева. Читая ихъ, никто не усомнится въ томъ, что переданное въ нихъ на самомъ дѣлѣ было и что авторъ видѣлъ это своими глазами. Изъ этого, однако же, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы можно было г. Астыреву отказать въ творчествѣ. Онъ ничего не выдумалъ, и, тѣмъ не менѣе, все видѣнное и слышанное прошло черезъ творчество писателя такъ же точно, какъ изображенная на полотнѣ жанровая или бытовая картина, взятая изъ дѣйствительной жизни, представляетъ собою художественное произведение, если она написана человѣкомъ талантливымъ. Художникъ и писатель, берущіеся воспроизводить жизнь такъ называемаго простаго народа, должны относиться къ своей задачѣ съ очень большою осторожностью, именно потому, что очень „просто“ взятое ими для изображенія,—просто настолько, что такъ не выдумать и проще не сочинить. А въ этой-то простотѣ и заключается весь смыслъ крестьянскаго быта, и ею обуславливаются интересъ и вся прелесть повѣствованій о житьи-бытьи деревни. Мы недавно говорили (въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года) о погонѣ нѣкоторыхъ талантливыхъ авторовъ за „интересными“ сюжетами для рассказовъ изъ деревенской жизни. Такая ловля сюжетовъ кончается, по большей части, выхватываніемъ всякой уголовщины изъ судебныхъ хроникъ и газетныхъ сообщеній о разныхъ злодѣяніяхъ. Въ результатѣ получаются картины не такой жизни, ка-

кова она есть въ повседневной дѣйствительности, а изображеніе казусовъ, можетъ быть, и происходившихъ гдѣ-либо, но совершенно случайныхъ, часто нисколько не характерныхъ и потому совсѣмъ не типичныхъ. Такимъ образомъ добытыя повѣствованія производятъ почти всегда совсѣмъ не такое впечатлѣніе, на какое расчитываютъ ихъ авторы. Читатель видитъ въ подобныхъ разсказахъ не жизнь, а только ея уродливости и болѣзненные явленія, ничего не доказывающія и не выясняющія сущности деревенскаго быта. Г. Астыревъ иначе отнесся къ увлекавшему его дѣлу; онъ пошелъ въ деревню и въ народъ настоящему. Онъ не только пошелъ, но и вошелъ въ этотъ народъ, не наблюдалъ его только, но жилъ съ нимъ его жизнью. Какъ писатель, онъ не искалъ и не ловилъ сюжетовъ. Сама жизнь темнаго деревенскаго люда захватила его, вела, тащила и толкала, иногда очень больно, и показывала ему на немъ самомъ, какова она такова есть изо дня въ день и изъ года въ годъ. При такихъ лишь условіяхъ и можно узнать и уразумѣть сущность такой простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мудреной вещи, какъ бытъ деревенскаго люда.

Лучшимъ изъ помѣщенныхъ въ книжкѣ г. Астырева мы считаемъ разсказъ *Слѣпые и зрячіе* (былъ напечатанъ въ *Русской Мысли* 1886 г., кн. VI). Передать его содержаніе весьма трудно, если не пересказывать его своими словами отъ начала до конца. Суть же дѣла состоятъ въ изображеніи безпомощности крестьянъ передъ такою бѣдой, какъ падежъ лошадей. Темный, „слѣпой“ народъ не знаетъ, какъ избавиться отъ несчастія; „зрячіе“, мѣстная интеллигенція, не умѣютъ помочь народу. Получается рядъ живыхъ и яркихъ „картинокъ“. Почти равный по достоинству первому, третій разсказъ *Первые опыты* передаетъ исторію двухъ деревенскихъ обывателей-кумовьевъ, соблазненныхъ возможностью скорой наживы одинъ на счетъ другаго. Обоихъ, разумѣется, „слопалъ чумазый“. Въ разсказѣ *Сельскіе министры* авторъ даетъ два любопытныхъ типа сельскихъ писарей. Затѣмъ въ *Вымершемъ типѣ* г. Астыревъ изображаетъ стариннаго, крѣпкаго мужа, хозяина своему дому и владыки своей семьѣ, разросшейся до нѣсколькихъ десятковъ душъ, живущей въ нѣсколькихъ избахъ, но на одномъ нераздѣльномъ дворѣ, при общемъ хозяйствѣ, въ полномъ подчиненіи единой воли „старика“. Писатели „изъ господъ“ склонны идеализировать такой видъ деревенскаго „державства“ по старинѣ. Господа, заставшіе еще въ живыхъ этотъ нынѣ „вымершій типъ“, съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о немъ и приписываютъ его исчезновенію многія деревенскія неурядицы, въ особенности обѣднѣніе крестьянъ, происходящее отъ семейныхъ раздѣловъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе очень сложнаго вопроса о томъ, насколько правы или неправы идеализирующіе такой патріархальный видъ крѣпостнаго права. И мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ разсказъ г. Астырева въ качествѣ правдиваго и подлиннаго „документа“, съ которымъ полезно ознакомиться всѣмъ, воздыхающимъ о крестьянской старинѣ, отодвинутой самою жизнью въ невозвратное прошлое. Во всѣхъ разсказахъ г. Астырева всего дороже ихъ безыскусственность, отсутствіе какой-либо натяжки или фальши. Написаны они хорошимъ, живымъ литературнымъ языкомъ, безъ ненужной ни на что поддѣлки подъ крестьянскій говоръ. Книжка прочитывается легко и съ неослабвающимъ интересомъ.

Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Сочиненіе А. И. Ершова (Е. Р. III-ова). Изданіе А. С. Суворина

Спб., 1891 г. Цѣна 75 коп. Въ этой книжкѣ, раздѣленной на семь главъ или тетрадей, какъ ихъ называетъ авторъ, г. Ершовъ описываетъ довольно подробно все видѣнное имъ за время пребыванія въ осажденномъ Севастополѣ съ осени 1854 года до дня оставленія нашими войсками разрушеннаго города. Ничего новаго читатель не почерпнетъ изъ *Воспоминаній артиллерійскаго офицера*; все это давно извѣстно, описано и обстоятельнѣе, и талантливѣе. Г. Ершовъ не обладаетъ особеннымъ даромъ рассказчика, способнаго сильно заинтересовать и увлечь читателя. Нѣкоторые несомнѣнно любопытные эпизоды славной защиты Севастополя тонуть въ массѣ однообразныхъ повѣствованій о жизни на батареяхъ, о бомбардировкахъ, разрушительныхъ выстрѣлахъ; слишкомъ ужъ много мѣста занимаютъ пушки, брустверы, мерлоны, банеты, осколки бомбъ, передвиженія съ батареи номеръ такой-то на батарею другаго номера и другія подробности боевыхъ эволюцій. Мы не беремъ судить о томъ, насколько всѣмъ этимъ можетъ интересоваться артиллеристъ или вообще военный человѣкъ; для насъ же, мирныхъ обывателей, не имѣющихъ ни малѣйшаго представленія о какихъ-то „мерлонахъ“, „траверсахъ“, „ложементахъ“, о „навѣсномъ огнѣ“ и объ „огнѣ вертикальномъ“, всѣ подробности этого рода не имѣютъ никакого значенія. Въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ говоритъ: „Земля дрожала, небо багровѣло, стонали окрестности, по которымъ прокатывались грозные раскаты бѣшеной канонады. Для того, кто не былъ въ Севастополѣ въ это время, всѣ описанія бесполезны“... Это совершенно вѣрно,—бывшимъ въ Севастополѣ рассказы о „грозныхъ раскатахъ бѣшенныхъ канонадъ“, вѣроятно, напомнятъ многое, воскресятъ въ ихъ представленіи полузабытыя картины и заставятъ усиленно биться ихъ сердца. Для обыкновенныхъ же читателей, никоимъ не выдавшихъ пушекъ и не слыжавшихъ никакихъ выстрѣловъ, всѣ эти батталическія слова не имѣютъ никакого смысла, особливо же, когда ими опредѣляется не фонъ картины, а исчерпывается все ея содержаніе, какъ въ *Воспоминаніяхъ* г. Ершова. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что рассказы и воспоминанія о боевой жизни или описанія сраженій не должны имѣть мѣста въ литературѣ и въ беллетристикѣ. *Севастопольскіе рассказы* гр. Л. Н. Толстаго, *Война и миръ*, нѣкоторые рассказы Вс. Гаршина повѣствуютъ объ осадахъ, походахъ и битвахъ. Но въ этихъ повѣствованіяхъ первое мѣсто, передій планъ картины занимаютъ люди съ ихъ внутреннею жизнью и характерными особенностями, проявляющимися въ исключительной обстановкѣ, создаваемой войною и ея ужасами. Въ *Воспоминаніяхъ* г. Ершова люди, и между ними очень крупныя, какъ Нахимовъ, Тотлебенъ, Хрулевъ, командиры, офицеры и солдаты, мелькаютъ тѣнями, не оставляя по себѣ никакого опредѣленнаго представленія. Даже чувства и впечатлѣнія самого автора переданы очень смутно и какъ-то однотонно. Всѣ изображенныя имъ картины написаны сѣро, неярко и однообразно,—можетъ быть, весьма правдиво, но незанимательно для большинства читателей.

На досугѣ. Беллетристическій сборникъ сочиненій Н. В. Максимова (автора книги „Двѣ войны“, бывшаго военного корреспондента). Изданіе автора. Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Обертка книги очень пестрая, съ картинками и даже съ золочеными буквами,—совсѣмъ лубочная; содержаніе—весьма удивительное. Одно предисловіе чего стоитъ! Въ немъ, между прочимъ, авторъ говоритъ о помѣщенной въ этой книгѣ комедіи *Власть свѣта* такими словами: „Я приобрѣлъ

желаніе написать ее подъ вліаніемъ слѣдующихъ воздѣйствій на мою волю“. „Воздѣйствовало“ на г. Максимова хорошее исполненіе пьесъ Островскаго московскими актерами. „Тогда,—продолжаетъ авторъ,—я приобрѣлъ удивительную страсть написать пьесу. Меня заинтересовалъ процессъ обитія талантовъ, который происходитъ на сценѣ передъ публикой и даетъ такіе блистательные результаты“. Авторъ не рѣшился писать драму, ибо, по его мнѣнію, „драматургъ обязанъ развивать такъ тонко нервный клубокъ веревочки, которая затагиваетъ жертву петлю на шеѣ героя драмы“, какъ это по силамъ только Островскому. А потому г. Максимовъ порѣшилъ написать „идейную комедію“. „Идейная комедія,—говоритъ онъ,—потребовала отъ меня изображенія борьбы страстей на счетъ мотива соціального характера“... „Я писалъ комедію ровно годъ. Я передѣлывалъ ее пять разъ, постепенно изучая правила сценичности. Она далась мнѣ съ большимъ трудомъ. Я дѣлалъ попытки поставить ее на сценѣ, но встрѣтилъ полное равнодушіе. Для меня, какъ писателя, доступны всѣ формы литературнаго творчества, и я пришелъ къ заключенію, что нѣтъ необходимости писать пьесы для сцены, которая наводняется произведеніями авторовъ, ближе знакомыхъ съ ходами, съ которыми незнакомъ я“... И г. Максимовъ твердо убѣжденъ въ томъ, что его „идейная комедія“ потому только не играется на всѣхъ сценахъ, что онъ, ея авторъ, незнакомъ съ какими-то „ходами“. Но онъ не впалъ въ уныніе, такъ какъ ему „доступны всѣ формы литературнаго творчества“, и натворилъ для этой книги еще семь разсказовъ, одинъ другаго курьезнѣе. Лучшимъ же перломъ его творчества остается, все-таки, „идейная комедія“ *Власть свѣта*. На первомъ мѣстѣ въ книгѣ напечатана, впрочемъ, не комедія, а *Романъ сельской двушки, опытъ психологическаго анализа поэмы Евгеній Оптинъ*. Этотъ „анализъ“ приводитъ автора къ такимъ заключеніямъ: „Татьяна обдала его (Онѣгина) холодомъ. Разумъ Онѣгина приобрѣлъ сотрясеніе. Инстинктъ красоты душевной Татьяны произвелъ интересъ въ душѣ Онѣгина“. Мы полагаемъ, что для опѣнки „психологическаго анализа“ этого вполне достаточно, и переходимъ къ „идейной комедіи“ въ пяти дѣйствіяхъ. Въ ней тридцать четыре дѣйствующихъ лица; занимаетъ она 186 страницъ такого формата, какъ книжка нашего журнала. Если бы г. Максимова удалось черезъ какіе-нибудь „ходы“ протащить эту машинищу на сцену, то ее пришлось бы тащить всѣмъ наличнымъ персоналомъ Малаго театра въ продолженіе, по меньшей мѣрѣ, 8—9 часовъ. До сыта насмотрѣлась бы публика за свои деньги и часамъ къ 5 утра разошлась бы по домамъ, если бы ранѣе этого времени половина артистовъ не была сдана на печеніе докторовъ и дѣйствіе не прекратилось бы *faute de combatants*. Въ описаніи декораціи перваго дѣйствія мы читаемъ: „На заднемъ планѣ *полисадникъ* граничитъ садъ вдоль улицы и калитка“. Приятельница говоритъ героинѣ „Ты пойдешь въ Петербургъ!... Счастливая!... Будешь блистать въ электричествѣ и въ бриллиантахъ! Сколько явятся поклонниковъ! А теперь что?... Ты терпишь поражение и пресмыкаешься“. Говорится это очень серьезно, отнюдь не комизма ради. Герой говоритъ своему товарищу: „Да, не мѣшало бы поработать по смыслу соприкосновенія чистаго разума съ идеалами народа. Въ этомъ заключается прогрессъ“. Одно изъ 34 дѣйствующихъ лицъ говоритъ героинѣ: „Вы заключаете въ себѣ теплоту общественныхъ отношеній въ сильной степени. Васъ такъ и претъ, сударыня, въ струю, полезную для общаго блага“. Отецъ героини въ концѣ втораго дѣйствія, по ремаркѣ автора, *ошальдеваетъ*.

Вышеназванная подруга героини желаетъ увлечь товарища героя и для достиженія своей цѣли, опять-таки, по авторской ремаркѣ, *старается дышать усилленно ему въ лицо*. На слѣдующей страницѣ она опять „усилленно дышетъ ему въ лицо“... Такъ написана сплошь вся комедія; нѣтъ въ ней ни одной сцены, изъ которой нельзя бы было привести такихъ же красотъ слога и необычайныхъ плодовъ „постепеннаго изученія правилъ сценичности“. Что же касается „идейной“ комедіи, то, какъ намъ кажется, вся идея заключается въ томъ, что не слѣдуетъ заниматься грабежомъ, ибо въ концѣ пятаго дѣйствія придутъ прокуроръ, слѣдователь и исправникъ, заберутъ грабителей въ кутузку и тѣмъ избавятъ отъ разныхъ неприятностей героевъ, желающихъ „поработать по смыслу соприкосновенія чистаго разума съ идеалами народа“. За комедіей слѣдуетъ „картинка съ натуры“, озаглавленная словомъ: *Скандалъ*. „Картинка“ эта есть ничто иное, какъ лубочнаго издѣлія карриатура на какое-то губернское земское собраніе. Гласные, псовые охотники, называютъ волковъ-перяярковокъ „перяядочками“ и называютъ Костромскую губернію „родиной *псовыхъ* собакъ“... Вся же соль разсказа въ томъ, что гласные, призванные обсудить вопросъ о преданіи суду за растрату земскихъ денегъ предсѣдателя управы, находятъ, что подѣ судъ отдавать его не слѣдуетъ, ибо никто послѣ этого не пойдетъ служить по выборамъ и всѣ должности будутъ заняты людьми „по назначенію“. „Въ залѣ поднимается ревъ. Со всѣхъ сторонъ кричатъ: „Разумѣтся, воровать будутъ! Разумѣтся, лучше, ежели будутъ воровать выборные! Ну, пріятно ли это будетъ, въ самомъ дѣлѣ, воровать по назначенію?“ Мы полагаемъ, что сказаннаго нами достаточно для оцѣнки беллетристическихъ произведеній автора, которому „доступны всѣ формы литературнаго творчества“, направленнаго „на изображеніе страстей на счетъ соціальнаго характера“...

Опыты въ стихахъ. В. И. Петровскаго. Спб., 1891 г. Цѣна 60 к. Мы не можемъ назвать удачными *Опыты* г. Петровскаго. Въ его стихахъ нѣтъ ни оригинальности мысли, ни поэтическаго чувства, ни звучности. Числомъ сорокъ три стихотворенія представляютъ собою сплошь самыя заурядныя и довольно однообразныя упражненія въ лирикѣ. Въ сочиненіяхъ г. Петровскаго, какъ и стихахъ многихъ другихъ, насъ продолжаютъ удивлять погрѣшности противъ элементарныхъ правилъ стихосложенія, неумѣнье владѣть русскимъ языкомъ и находить въ немъ выраженія, соответствующія тому понятію, которое было въ мысли автора. Вотъ какъ г. Петровскій распоряжается стихомъ:

„Вновь привѣтливо смѣются
Голубня небеса,
И съ выси ихъ раздаются
Вольныхъ пташекъ голоса“...

Сочинитель не стѣсняется обычными удареніями и переноситъ ихъ съ одного слога на другой, какъ ему вздумается и когда понадобится, напрямѣръ:

„Не тревожь позабытые звуки!
Моя арфа, другъ милый, съ пльми;
Не проси, чтобъ усталыя руки
Ее снова для пѣсень взяли!“

Въ другомъ мѣстѣ:

„Дят! твой жребій *счастливей*!
Тебѣ еще знакомы слезы,
И свѣтлый міръ души твоей
Обходить жизненныя грозы!“

Въ стихотвореніи *Гимнъ веснѣ* г. Петровскій пишетъ:

„Незримо надъ міромъ юдолимъ проносится
Богиня-весна“...

И въ слѣдующей строфѣ:

„И спилеть своею бездонною урною
На землю цвѣты“.

Авторъ не понимаетъ, очевидно, значенія слова „юдоль“ и дѣлаетъ изъ него небывалое и ничего не выражающее прилагательное. Слыхаль г. Петровскій, что нѣкія дамы за грѣхи тяжкія были осуждены лить воду въ „бездонную“ бочку, и потому вообразилъ, будто изъ „бездонной“ посуды можно выливать или высыпать что-либо обратно, не соображая того, что содержамаго въ „бездонной“ посудѣ быть не можетъ. Положимъ, поставивши „бездонную урну“ на землю, въ нее можно насыпать столько цвѣтовъ, сколько она вмѣститъ въ себя. Но, вѣдь, „Богиня-весна“ г. Петровскаго „проносится“ въ лазурной выси съ „своею бездонною урною“, т.-е. съ посудой пустой, ибо если въ ней были цвѣты, то они насквозь проскочили, какъ только этотъ негодный сосудъ былъ поднятъ съ земли; цвѣточки же на мѣстѣ остались, насыпанные ворохомъ. Есть границы и „поэтическимъ вольностямъ“, а за этими границами лежитъ уже область стихотворной чепухи...

Стихотворенія Іос. Григ. Окуева. Москва, 1890 г. Цѣна 30 к. Двѣнадцати стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ этой книжкѣ, авторъ предпослалъ обращенное къ читателямъ предисловіе, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: „Предлагая настоящее сочиненіе на судъ читателя, я покорнѣйше просилъ бы его не прощать мнѣ за незрѣлые опыты мои, а отнестись къ нимъ, какъ къ пробѣ пера, и удостоить меня своимъ благосклоннымъ совѣтомъ, который могъ бы разъ навсегда вывести меня изъ заблужденія, если фактъ этотъ будетъ констатированъ имъ. Вотъ цѣль настоящаго моего изданія“. Дѣло въ томъ, что г. Окуевъ, по совѣту друзей, „рѣшился издать часть своихъ стихотвореній“; но друзьямъ онъ, все-таки, не довѣряетъ и покорнѣйше проситъ читателей высказать ему откровенное мнѣніе о достоинствѣ его произведеній. Мы не знаемъ, какіе способы имѣютъ читатели къ тому, чтобы „удостоить“ Іосифа Григорьевича Окуева „своимъ благосклоннымъ совѣтомъ“, съ своей же стороны, — не во гнѣвъ автору и его друзьямъ, — мы можемъ дать только одинъ благожелательный совѣтъ: не писать стиховъ. Если же г. Окуевъ никакъ не можетъ воздержаться отъ этого, то не печатать своихъ стихотвореній и удовольствоваться чтеніемъ ихъ въ кругу своихъ добрыхъ друзей. При искусномъ чтеніи, для слушателей остается незамѣтнымъ многое такое, что рѣжетъ глазъ и ухо посторонняго читателя, несвязаннаго съ авторомъ узами дружбы и родства. Близкимъ людямъ могутъ казаться очень трогательными такія строки, напримѣръ:

„Усыаяъ терньемъ былъ мой путь,
Густаго мрака онъ волнами
Мнѣ для прохода былъ замкнуть.
Боролся долго я со тьмою,
Но жизнь не ждала и впередъ
Бѣжала быстро предо мною“...

На насъ такіе стихи производятъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ на друзей автора, такъ же точно, какъ нижеслѣдующіе:

„О, пусть, я тамъ уничтоженней,
На вѣкъ покинувъ край родной,
Страданъ вѣкъ въ ней влюбленней,
Борюсь я вѣчно съ нищетой“...

Или еще:

„И какъ дѣточекъ обновленный
Сіяемъ солнечныхъ лучей,
Такъ къ жизни вновь я возрожденный
Вернуть огнемъ твоихъ очей“...

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ настоящемъ изданіи помѣстили такія стихотворенія, „которыя онъ нашель болѣе удобными“. Если таковы „болѣе удобныя“ произведенія г. Окуева, то каковы же должны быть „менѣе удобныя“, остающіяся пока не напечатанными? Іосифъ Григорьевичъ, вы почему-то кажетесь намъ человѣкомъ хорошимъ, искреннимъ, — послушайте нашего добраго совѣта и не поддавайтесь убѣжденіямъ друзей, если они опять стануть уговаривать васъ печатать ваши стихотворенія.

ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Die Seele des Kindes“, von Preyer.—„Einführung in die Pädagogik“, von Baumann.

Die Seele des Kindes, von Preyer. Leipzig, 1890. Dritte Auflage. Книга Прейера выдержала два изданія съ 1881 г., давно уже переведена на французскій и англійскій языки, и, по нашему мнѣнію, вполне заслуженно. Прейеръ задался цѣлью прослѣдить развитіе психическаго механизма ребенка съ начала виѣтробной жизни до 3—4 лѣтъ. Такими изслѣдованіями занимались раньше, наприм., Сигизмундъ, Кусмауль, Дарвинъ, Перэ, Тэнъ, Сикорскій и друг., но работы ихъ носятъ болѣе или менѣе односторонній характеръ и отличаются нѣкоторою неполнотою. Прейеръ же, производившій наблюденія надъ собственнымъ сыномъ, воспользовался также матеріаломъ, доставленнымъ ему другими лицами.

Картина психической жизни ребенка, нарисованная Прейеромъ, по нашему мнѣнію, представляетъ глубокой интересъ и для физиолога, для философа, педагога, врача, психолога и для всѣхъ интересующихся вопросами воспитанія.

Взрослому человѣку проникнуть въ душевную жизнь ребенка весьма трудно и никогда этого сдѣлать нельзя безъ широкаго примѣненія фантазіи. Прейеръ разсматриваетъ сначала развитіе чувствъ и чувствованій, затѣмъ воли, разсудка и въ связи съ этимъ послѣднимъ языкъ дѣтей.

По отношенію къ развитію чувствъ можно сказать слѣдующее. Зрѣніе въ собственномъ смыслѣ слова у ребенка въ первыя недѣли отсутствуетъ. Въ началѣ онъ отличаетъ только темное отъ свѣтлаго и отличаетъ смѣну того и другаго, и то только тогда, когда значительная часть зрительнаго поля бываетъ освѣщена или затемнена. Различіе *цвѣтовъ* въ первые мѣсяцы очень несовершенно и, вѣроятно, ограничивается только узнаваніемъ неравномѣрной силы свѣта. По всей вѣроятности, ребенокъ одного года зеленое и голубое ощущаетъ только какъ нѣчто сѣрое. Движенія глазъ у новорожденнаго ребенка не координированы, не ассоціированы, какъ впоследствии при ясномъ зрѣніи, но въ первые дни, по преимуществу, совершаются атипически. *Фиксированіе* и ясное видѣніе предмета развивается очень медленно. Въ первой стадіи ребенокъ вытаращиваетъ глаза (starrt) въ пространство. Во второй стадіи онъ направляетъ глаза на предметы, находя-

пшися непосредственно на полъ зрѣнія. Въ третьей онъ слѣдитъ за медленно движущимися предметами глазами съ головой или только глазами.

Переходъ отъ вытаращиванія къ смотрѣнiю (Blicken) совершенъ; переходъ отъ смотрѣнiя къ разсматриванiю совершается въ четвертой стадiи. Но медленно всего у ребенка вырабатывается способность проецировать видимое. Прозрачность, блескъ, тѣнь въ теченiе перваго года непонятны и теряютъ свою загадочность только послѣ повторнаго воспрiятiя. Толщина видимыхъ предметовъ долго остается непознанной, а третье измѣренiе предметовъ является довольно поздною составною частью познанiя. Ложное схватыванiе показываетъ, какъ недостаточно опредѣлене пространства. *Слухъ* у новорожденнаго такъ несовершененъ, что онъ можетъ быть названъ глухимъ. Даже нѣсколько дней послѣ рожденiя различенiя звука еще не существуетъ. Направленiе звука ребенокъ воспринимаетъ только на второмъ или третьемъ мѣсяцѣ. Изъ органовъ чувствъ у ребенка наиболѣе развитымъ оказывается *вкусъ*. Что касается *обонянiя*, то уже нѣсколько часовъ послѣ рожденiя дѣти отличаютъ прiятные запахи отъ непрiятныхъ. *Эмоции и чувства* ребенка изъ всѣхъ психическихъ процессовъ проявляются съ наибольшою опредѣленностью. Изъ эмоций этого періода можно указать на *страхъ* и *удивленiе*. Чувство страха нужно признать прирожденнымъ, потому что дѣти обнаруживаютъ страхъ передъ собаками, кошками, прежде чѣмъ испытали ихъ опасныя свойства. Когда ребенокъ испытываетъ какое-либо новое впечатлѣнiе, то у него рождается чувство удивленiя, часто переходящее въ страхъ.

Изъ *пожеланiя* того, что вызываетъ чувства удовольствiя, мало-помалу развивается *воля* ребенка. Волевая дѣятельность возможна только тогда, когда совершены извѣстныя воспрiятiя. Тотъ, кто что-нибудь *желаетъ*, знаетъ то, что онъ желаетъ; а такъ какъ ребенокъ этого не знаетъ, то онъ не имѣетъ воли. Постепенное развитiе воли ребенка мы можемъ прослѣдить, если обратимъ вниманiе на его движенiя. Движенiя, совершаемыя ребенкомъ въ первые годы жизни, могутъ быть раздѣлены на 4 категорiи: *импульсивныя*, *рефлекторныя*, *инстинктивныя* и *произвольныя*. Импульсивныя движенiя врождены, совершенно безвольны (происходятъ только отъ раздраженiя центральныхъ органовъ). Рефлекторныя движенiя происходятъ отъ периферическихъ раздраженiй. Первый послѣ рожденiя крикъ ребенка носитъ характеръ рефлективный: это есть сильное выдыханiе. Инстинктивныя движенiя также зависятъ отъ извѣстныхъ периферическихъ возбужденiй. Типическимъ примѣромъ инстинктивныхъ движенiй можетъ быть признано сосанiе. Прейеръ полагаетъ, что дѣлсообразность, присущая инстинктивнымъ движенiямъ, можетъ быть объяснена тѣмъ, что инстинктъ есть прирожденная память. Изъ всѣхъ движенiй ребенка въ первое полугодiе ничто не представляетъ такой важности для его духовнаго развитiя, какъ движенiе хватанiя. Поэтому Прейеръ обратилъ особенное вниманiе на развитiе этого акта. Первое движенiе рукой впадъ и впередъ, въ особенности по направленiю къ лицу, врождено, носитъ характеръ импульсивный, обусловлено утробнымъ положенiемъ. Схватыванiе пальца, положеннаго на руку, въ первые дни носитъ рефлекторный характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ механическое удерживанiе предметовъ, положенныхъ на руку, еще не сознаваемое, слѣдовательно, инстинктивное. На 17 нед. впервые Прейеръ замѣтилъ первое *нр. д. намъренное* протягиванiе руки, а, слѣдовательно, и первое проявленiе

воли. Къ инстинктивнымъ же движеніямъ относятся сосаніе, кусаніе, жеваніе, держаніе головы, стояніе, хожденіе и т. д. Есть еще одна группа движеній, связанныхъ съ волевыми движеніями,—это именно *подражательныя*. Для подражанія нужно чувственно воспринимать, нужно имѣть представленіе о воспринимаемомъ и производить движеніе, соотвѣтствующее этому представленію. Когда ребенокъ подражаетъ, онъ уже имѣетъ волю; чѣмъ чаще произвольное движеніе повторяется однимъ и тѣмъ же образомъ, тѣмъ больше оно приближается къ рефлективному движенію. Но первыя подражанія всегда волевыя. Изъ *выразительныхъ* движеній Преьеръ обратилъ вниманіе на улыбку, смѣхъ. Какъ улыбка, такъ и смѣхъ связаны съ извѣстнымъ состояніемъ удовлетворенія, и нѣтъ никакого основанія принимать его за менѣе наследственный, чѣмъ крикъ отъ боли, который никто не пожелаетъ свести на подражаніе. Говоря о волѣ, Преьеръ обращаетъ вниманіе на слабость воли у дѣтей, что, между прочимъ, выражается въ ихъ неспособности быть загнипотизированными.

Переходя къ разсмотрѣнію развитія разсудка, Преьеръ начинаетъ съ развитія *разсудка независимо отъ языка*. Несправедливо то мнѣніе, что будто бы „безъ языка нѣтъ разсудка“. Такъ, напримѣръ, память, образованіе понятій, способность отвлеченія могутъ существовать и независимо отъ рѣчи. Преьеръ обращаетъ особенное вниманіе на то, что въ ранніе годы существуетъ образованіе понятій безъ языка,—фактъ, отрицаемый многими изслѣдователями. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что существованіе понятій есть необходимое предварительное условіе для обученія языку. Развитіе рѣчи происходитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Всѣ новорожденные или совсѣмъ глухи, или плохо слышатъ. Первый крикъ произволенъ; самимъ новорожденнымъ этотъ крикъ не бываетъ слышимъ и не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ языка. Наступаетъ эпоха, когда ребенокъ слышитъ какой-либо звукъ, понимаетъ его значеніе, но произнести не въ состояніи. Затѣмъ наступаетъ періодъ, когда мы уже можемъ констатировать произношеніе услышаннаго звука, слога, слова и т. д. По мнѣнію Преьера, совершенно безразлично, какіе слоги и слова употребляются для перваго обозначенія дѣтскихъ представленій. Онъ соединяетъ уже существующія у него представленія съ тѣми звуками, которые ему подсказываются окружающими. Другой способъ изученія слова состоитъ въ томъ, что представленіе и слово возникаютъ вмѣстѣ, напримѣръ, при звукоподражательныхъ обозначеніяхъ и междометіяхъ. Междометія должно признать подражательными.

Въ связи съ развитіемъ разсудка Преьеръ разсматриваетъ развитіе *чувства „я“*. Онъ не соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ, что будто это чувство впервые возникаетъ тогда, когда ребенокъ перестаетъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Онъ относитъ появленіе этого чувства въ гораздо болѣе раннюю эпоху. Самосознаніе пробуждается послѣ ряда опытовъ по преимуществу болеваго характера. Другой факторъ, способствующій развитію самосознанія, это—воспріятіе измѣненія, совершеннаго собственною дѣятельностью, это—воспріятіе самопричинности.

Чувство „я“ пробуждается не изученіемъ языка,—это чувство существуетъ гораздо раньше; языкъ содѣйствуетъ *развитію*, а не возникновенію чувства „я“.

Есть одно очень важное достоинство въ книгѣ Преьера: это, именно, его дневникъ наблюденій, отличающійся необыкновенною подроб-

ностью, тщательностью и остроуміемъ; въ особенности оригинальнѣе его наблюденія въ области развитія рѣчи въ первые 1000 дней.

Переводъ этой книги съ добавленіями относительно психическихъ особенностей русскаго ребенка способствовалъ бы, по нашему мнѣнію, оживленію интереса къ психологій ребенка.

Einführung in die Pädagogik, von Baumann. Leipzig, 1890. Между сочиненіями, обогатившими въ послѣднее время педагогическую литературу, обращаетъ вниманіе книга геттингенскаго профессора Баумана. При составленіи этой книги, авторъ задался вопросомъ: что нужно знать изъ научной педагогикѣ учителю, въ началѣ его дѣятельности, чтобы она была сознательна и плодотворна? Для этого, по мнѣнію Баумана, нужно понимать современную школьную систему въ ея историческихъ основаніяхъ, а для этого нужно знаніе тѣхъ педагогическихъ теорій, которыя дали начало современнымъ воспитательнымъ системамъ. Эта исторія педагогическихъ теорій для начинающаго школьнаго дѣятеля не должна быть цѣлью сама по себѣ, а должна быть средствомъ для опредѣленной цѣли. Какъ ни интересно изученіе китайской, японской, индійской, египетской и др. системъ воспитанія и обученія, однако, оно мало способствуетъ пониманію современныхъ педагогическихъ системъ. Кромѣ историческаго пониманія педагогической современности, для начинающаго школьнаго дѣятеля необходимо знаніе общей педагогикѣ, поскольку она есть педагогическая психологія, это—арсеналъ, изъ котораго воспитаніе и обученіе заимствуютъ свои средства. Но педагогическую психологію нужно отличать отъ теоретической психологій. Послѣдняя можетъ быть сборнымъ пунктомъ разнообразныхъ неизбѣжныхъ споровъ; педагогическая психологія можетъ заимствовать изъ нея только то, что можетъ быть пригодно для практическихъ цѣлей. Юношество не должно дѣлаться объектомъ для эксперимента различныхъ психологическихъ гипотезъ.

Въ сжатомъ историческомъ очеркѣ педагогическихъ системъ Баумана мы находимъ все, что легло въ основаніе современной системы воспитанія. Въ этомъ очеркѣ занимаютъ мѣсто Бэнъ и Спенсеръ. Къ этому послѣднему Бауманъ относится не совсѣмъ благосклонно,—онъ отрицаетъ его оригинальность; по его мнѣнію, у Спенсера нѣтъ ничего такого, что не было бы высказано раньше Песталоцци и др. (исключая, разумѣется, его эволюціонную точку зрѣнія). Переходя къ изложенію *Педагогической психологій*, онъ задаетъ очень интересный вопросъ, насколько для будущаго педагога можетъ быть полезно въ практическомъ отношеніи знаніе педагогикѣ? По его мнѣнію, первое требованіе для будущаго педагога—это любовь къ воспитанію и прирочное къ тому дарованіе.

Кто имѣетъ то и другое, для того педагогика, какъ наука, весьма поучительна, подобно теоріи искусства для художника; кто не имѣетъ ни того, ни другаго, для того педагогика—ненужный балластъ. При этомъ нужно помнить, что теорія воспитанія, хотя и выражаетъ съ извѣстною точностью законы человѣческой природы, однако, всегда остается до нѣкоторой степени абстракціей въ виду крайней индивидуальности случаевъ практикѣ воспитанія. Духовныя силы, которыя подлежатъ развитію, суть слѣдующія: воспріятіе, вниманіе, память, рассудокъ, воображеніе, разумъ и воля. Понятія объ этихъ силахъ и законахъ ихъ дѣйствія заимствуются изъ психологій, такъ что педагогика можетъ быть названа также и педагогическою психологіей, хотя общія точки зрѣнія заимствуются изъ этики. Книга Баумана содер-

жить такъ много цѣнныхъ указаній, что мы рѣшаемся предложить ее вниманію интересующихся вопросами воспитанія.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФІИ.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. В. Н. Витевскаго. — „Госпожа Роландъ“. Н. Миrowska. — „Aristotle on the constitution of Athens“, by F. G. Kenyon.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. второй. Казань, 1890 г. Вып. третій. Казань, 1891 г. Трудъ г. Витевскаго нѣсколько разросся сравнительно съ первоначальными предположеніями автора и законченъ будетъ только въ 4-мъ выпускѣ. Первый выпускъ посвященъ былъ біографіи Неплюева до его прибытія въ Оренбургскій край и исторіи края до начала управленія Неплюева. Въ разбираемыхъ двухъ выпускахъ излагается исторія края при Неплюевѣ. Въ самомъ началѣ его управленія, въ 1744 г., сформирована была, по его представленію, Оренбургская губернія, въ составъ которой вошли: 1) Уфимская провинція, имѣвшая до того своего особаго вице-губернатора, 2) Исетская провинція, 3) вѣдомство „Оренбургской комиссіи“, киргизъ-кайсацкаго народа и пограничныхъ дѣлъ. Нѣсколько позднѣе сюда присоединились: 4) ставропольскіе крещенные калмыки и 5) яицкое козацье войско. Изложивъ въ главѣ VIII первыя мѣры Неплюева по управленію краемъ и дѣло по злоупотребленіямъ уфимскаго вице-губернатора Аксакова, кончившееся отставкой послѣдняго, г. Витевскій обращается затѣмъ къ изслѣдованію отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась старая Оренбургская губернія. Слѣдующія четыре главы посвящены исторіи яицкаго козацкаго войска, именно: въ главѣ IX излагается исторія войска до Неплюева, въ главѣ X—пограничныя укрѣпленія на Яикѣ и за Яикомъ при Неплюевѣ, въ гл. XI—внутренняя реорганизация яицкаго войска, въ гл. XII—положеніе бѣглыхъ и раскольниковъ на Яикѣ. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ (XIII—XV) авторъ переходитъ къ исторіи Уфимской провинціи; въ гл. XIII рассматривается составъ ея населенія; главы XIV и XV посвящены исключительно мѣропріятіямъ относительно башкиръ и другихъ инородцевъ Уфимской провинціи. Слѣдующая XVI глава содержитъ рассказъ объ Исетской провинціи; въ четырехъ послѣднихъ главахъ (XVII—XX) излагается исторія ставропольскихъ калмыковъ.

Матеріалъ, употребленный въ дѣло авторомъ, отчасти рукописный: сюда относятся дѣла тургайскаго областного архива и одинъ документъ сенатскаго архива въ Петербургѣ „о сопротивленіяхъ телтарей, мещеряковъ и черемисъ при платежѣ ясака“ въ 1748 г. Сколько мы могли замѣтить, изъ тургайскаго архива авторъ беретъ исключительно правительственные указы, получавшіеся мѣстнымъ начальствомъ. Желательно было бы знать, сводятся ли къ этой категоріи всѣ документы мѣстнаго архива? Богатый матеріалъ московскихъ архивовъ былъ вовсе недоступенъ автору. Что касается печатныхъ источниковъ, главнымъ изъ нихъ является *Полное Собраніе Законовъ*, въ значительной степени, правда, уже эксплуатированное Ешевскимъ и Ойрсовымъ. Изъ печатныхъ сочиненій авторъ особенно усердно пользуется Рычковымъ. Весьма тщательно эксплуатированы мѣстныя изданія, за что нельзя не поблагодарить автора. За то знакомство автора съ общею литературой,

особенно по исторической этнографіи края, и съ обще-историческими источниками далеко нельзя назвать полнымъ.

По поводу нашей рецензіи на первый выпускъ, г. Витевскій напечаталъ весьма неспокойный отвѣтъ и даже предался по этому случаю грустнымъ размышленіямъ „о томъ, какъ иногда пишутся рецензіи на серьезные и спеціальныя труды въ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналахъ“. Непосредственнымъ поводомъ, онечалившимъ автора, было то обстоятельство, что мы, отмѣтивъ *неумѣренное* пользованіе Соловьевымъ, „почему-то умолчали“, что г. Витевскій „въ то же время пользовался и другими источниками“, которые онъ тутъ же и перечисляетъ на цѣлой страницѣ. Дѣйствительно, если авторъ пользовался „и другими источниками“ такъ, какъ, по нашимъ сличеніямъ, онъ пользовался Соловьевымъ, то пришлось бы назвать его книгу не компиляціей, а просто плагиатомъ. Мы такъ далеко не шли, и даже не хотѣли назвать первый выпускъ компиляціей, каковою онъ въ дѣйствительности и представляется, такъ какъ ожидали большаго отъ слѣдующихъ выпусковъ, о чемъ и заявили въ той же рецензіи. Принимая въ расчетъ тѣ трудности, которыя встрѣчаетъ провинціальный изслѣдователь, и тѣ требованія, которыя можно предъявлять къ непатентованному ученому, мы охотно признаемъ, что въ этихъ выпускахъ г. Витевскій сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать при своихъ ученыхъ средствахъ; и мы ничего не могли бы сказать противъ его книги, если бы авторъ всегда помнилъ границы этихъ средствъ и сообщалъ только то, что ему лучше извѣстно и доступно; если бы онъ писалъ не для того провинціальнаго читателя, которому „весьма трудно и ориентироваться“ въ Соловьевѣ и почти невозможно „имѣть его подъ руками“, и не для такого читателя, для котораго рассказы о Салтычихѣ и кн. Козловской имѣютъ всю прелесть новизны,—а для науки и для изслѣдователя спеціалиста. Изъ того, что такихъ странностей, о которыхъ мы говоримъ, уже меньше во 2-мъ выпускѣ, чѣмъ въ первомъ, а въ 3-мъ почти и вовсе нѣтъ, мы убѣждаемся, что авторъ можетъ стать на нашу точку зрѣнія; намъ остается пожелать, чтобы въ четвертомъ выпускѣ онъ еще меньше говорилъ о себѣ и своихъ претензіяхъ, и еще больше о своихъ источникахъ; въ этомъ случаѣ, его трудъ, несомнѣнно нелегкій и вполнѣ почтенный, вызоветъ одну только благодарность спеціалистовъ; рассчитывать на большую публику произведеніе, подобное разбираемому, все равно, не можетъ; а литературными вкусами земляковъ авторъ могъ бы до нѣкоторой степени и пожертвовать.

Мы присоединяемся къ пожеланію, выраженному другими рецензентами, чтобы авторъ имѣлъ возможность въ послѣднемъ выпуску своего труда приложить историческую карту края.

Госпожа Роланъ. Историко-литературный этюдъ Н. Мировича. Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. Книга г. Н. Мировича, составившаяся изъ ряда статей, помѣщенныхъ въ *Пантеонъ Литературы*, представляетъ опытъ характеристики „единственнаго мужчины въ партіи Жиронды“ на основаніи переписки и мемуаровъ самой г-жи Роланъ.

Жизнь г-жи Роланъ распадается на два періода, гранью между которыми служатъ 1788—89 гг., когда г-жа Роланъ, жена инспектора мануфактуръ въ Лионѣ, совершенно поглощенная заботами о мужѣ и своими семейными интересами, выступаетъ въ роли политической дѣятельницы и сразу приобретаетъ вліятельное положеніе въ партіи жирондистовъ. Первому періоду (1754—1789) въ книгѣ г. Мировича по-

священы 8 главъ. Авторъ останавливается, главнымъ образомъ, на внутренней жизни г-жи Роланъ (ея дѣвическое имя Manon Phlipon), касаясь внѣшнихъ событій и семейной обстановки лишь постольку, поскольку они повліяли на развитіе ея характера и мировоззрѣнія. Съ семилѣтняго возраста Manon начинаетъ читать книги, которыя ей попадаются въ библиотекѣ родителей, и всѣ ея дѣвическіе годы проходятъ среди научныхъ и литературныхъ занятій. Въ дѣтствѣ — ея любимые писатели Плутархъ, Тассъ и Фенелонъ, позднѣе, въ 17 — 20 лѣтъ, она поглощаетъ все, что выходитъ изъ-подъ пера рационалистическихъ писателей. Ея мозгъ „кпичтъ, какъ растопленный воскъ“, она жаждетъ на кратковременность дня, ищетъ уединенія, чтобы „имѣть возможность вдоволь работать“, и сожалеетъ только о томъ, что судьба судила ей родиться женщиной. „Горячка воображенія“ толкаетъ ее отъ одного предмета къ другому: отъ исторіи она переходитъ къ математикѣ, отъ естественныхъ наукъ къ философіи, но научныя занятія не удовлетворяютъ ее. „Къ чему мой энтузіазмъ къ общественному благу, если я не въ состояніи чего-либо сдѣлать для него!“—восклицаетъ она съ сожалѣніемъ. Политическіе и социальныя идеалы Manon складываются подъ вліяніемъ Руссо, который, по ея собственному выраженію, становится „истолкователемъ ея чувствъ“. „Имѣть всего Жанъ-Жака въ своемъ распоряженіи, чтобы каждую минуту своей жизни совѣщаться, утѣшаться и возвышаться съ нимъ—это наслажденіе, счастье, которое возможно испытать, лишь боготворя его такъ, какъ я“,—пишетъ она пріятельницѣ и мечтаетъ о возрожденіи человечества посредствомъ возвращенія его къ идеальному „первобытному состоянію“. Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи Руссо, имѣющій первостепенную важность въ биографіи г-жи Роланъ, мало разработанъ авторомъ, такъ что и о политическихъ воззрѣніяхъ г-жи Роланъ читатель не получаетъ вполне яснаго представленія.

Этотъ недостатокъ сказывается особенно ошутительно во второй части очерка, которая содержитъ характеристику политической дѣятельности г-жи Роланъ (1789—1793). Эти послѣднія главы (IX, X, XI и XII), вообще говоря, уступаютъ первымъ, что отчасти объясняется планомъ, котораго держался въ своемъ изложеніи авторъ. Заданпшсь цѣлью выяснить отношеніе г-жи Роланъ къ современнымъ политическимъ событіямъ, г. Мировичъ слишкомъ много мѣста отводитъ пересказу и оцѣнкѣ общезвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи 1789—93 гг. Изложеніе несомнѣнно бы выиграло, если бы авторъ сосредоточилъ его на томъ матеріалѣ, который характеризуетъ настроеніе г-жи Роланъ и ея взгляды на событія и дѣятелей революціи. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Мировича собрано не мало любопытныхъ данныхъ. Съ самаго начала революціи г-жа Роланъ забываетъ совершенно о „высокой задачѣ работы о семейномъ счастьи“. „Гдѣ тотъ измѣнникъ, у кого могутъ быть въ настоящую минуту иные интересы, кромѣ интересовъ націи?“—пишетъ она Боску въ іюлѣ 1789 г. Оставаясь вдали отъ Парижа, —1789 годъ засталъ ее въ Ліонѣ,—она занимается распространеніемъ революціонныхъ идей въ провинціи и напряженно слѣдитъ за парижскими событіями, письмами старается побудить своихъ политическихъ друзей къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, помѣщаетъ статьи въ журналахъ и т. д. Будущее Франціи представляется ей въ самыхъ яркихъ краскахъ, и она находитъ, что теперь уже „нечего завидовать древнимъ республикамъ“. Съ переѣздомъ въ Парижъ (въ началѣ 1791 г.) ея настроеніе мѣняется. Отъ посѣщенной національнаго

собрания ее „бросаетъ въ лихорадку“; въ кружкѣ депутатовъ крайней лѣвой, который сгруппировался около Ролановъ, она видитъ только „философовъ, резонеровъ, ученыхъ политиковъ въ спорахъ, не имѣющихъ понятія о томъ, какъ руководить людьми“. Исключеніе она дѣлаетъ только для Петіона, Бюзона и „мощнаго защитника свободы“ Робеспьера. Относясь съ презрѣніемъ къ національному собранію, которое „трепещетъ при одномъ имени республики“, она возлагаетъ свои надежды на народъ: народныя демонстраціи представляются ей „величественными и ободрительными для республиканцевъ“.

Собственно политическая роль г-жи Роланъ очерчена въ книгѣ только съ вѣшной стороны.

Въ мартѣ 1792 г. составилось жирондистское министерство, которое Маратъ иронически называлъ „министерствомъ г-жи Роланъ“. Когда послѣ 10 августа завязалась рѣшительная борьба между жирондистами и монтаньярами, г-жа Роланъ стала мишенью ожесточенныхъ нападеній со стороны враждебной партіи: „Едва ли приписывалось болѣе преступленій Маріи-Антуанетѣ, съ которой меня сравниваютъ, чѣмъ сколько приписывается ихъ мнѣ“,—говорятъ она въ своихъ мемуарахъ. Она была даже призвана въ конвентъ, чтобы оправдаться въ обвиненіяхъ по доносу нѣкоего Віара; ей удалось безъ труда опровергнуть ихъ, и Жиронда устроила ей шумную овацію. Г-жа Роланъ до конца раздѣляла судьбу своей партіи; она была арестована въ ночь, послѣдовавшую за переворотомъ 31 мая, и 9 ноября 1793 года окончила жизнь на эшафотѣ.

Для объясненія значенія г-жи Роланъ, которое приписывалось ей ея политическими друзьями, равно какъ и противниками, книга г. Мировича даетъ очень немного. Какъ далеко простиралось ея вліяніе и въ чемъ оно собственно заключалось, на это мы находимъ только отдѣльныя указанія. Въ общемъ новая книга производитъ благопріятное впечатлѣніе: если политическая роль г-жи Роланъ остается не совсѣмъ выясненною, то о личности этой замѣчательной женщины она даетъ очень определенное представленіе и при вполнѣ литературномъ, живомъ изложеніи до конца читается съ интересомъ. Изданіе сдѣлано журналомъ *Пантеонъ Литературы* и оставляетъ желать многого: оно изобилуетъ опечатками, тѣмъ болѣе неудобными, что онѣ могутъ ввести читателя въ заблужденіе относительно нѣкоторыхъ собственныхъ именъ и хронологическихъ датъ.

Aristotle on the constitution of Athens, edited by F. G. Kenyon. 1890. Въ прошломъ году классическая литература обогатилась важнымъ произведеніемъ: на одномъ папирусѣ британскаго музея было открыто сочиненіе Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, которое исчезло, повидимому, уже болѣе 1000 лѣтъ назадъ и отъ котораго намъ извѣстны были до настоящаго времени лишь небольшіе отрывки. Находка эта представляетъ чрезвычайную важность для греческой исторіи и греческихъ древностей: сами древніе ученые позднѣйшаго времени, схоласти и лексикографы, главнымъ образомъ, пользовались этимъ сочиненіемъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся вышеупомянутыхъ областей. Къ сожалѣнію, это произведеніе сохранилось несовсѣмъ въ исправномъ видѣ: въ началѣ недостаетъ, повидимому, описанія двухъ первыхъ эпохъ аѳинской исторіи, обозначаемыхъ у Аристотеля именами Іона и Тезея, и въ концѣ—нѣсколькихъ страницъ, такъ какъ послѣднія колонны папируса настолько пострадали отъ времени, что, кромѣ отдѣльныхъ словъ, прочесть ничего нельзя; кромѣ того, и въ срединѣ книги встрѣчаются

небольшіе пропуски. Найденная рукопись есть одна изъ самыхъ древнихъ, какія только дошли до насъ: она относится, по опредѣленію издателя, къ концу I или, никакъ не поздиѣе, къ началу II вѣка по Р. Х.

Сочиненіе это раздѣляется на двѣ части. Первая, наиболѣе интересная, содержитъ въ себѣ исторію постепенныхъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ Аѳинъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ (или, правильнѣе, со времени заговора Килона, такъ какъ первыя главы не сохранились) до возстановленія демократіи въ 403 году послѣ изгнанія тридцати тирановъ (гл. 1—41). Вторая часть представляетъ детальное описаніе разныхъ должностныхъ лицъ и учреждений Аѳинскаго государства IV вѣка (гл. 41—63 и фрагменты). Аристотель самъ резюмируетъ въ 41 гл. все свое историческое введеніе: здѣсь перечисляетъ онъ различныя перемѣны, которымъ подвергалось государственное устройство Аѳинъ, и такихъ перемѣнъ или эпохъ аѳинской исторіи насчитываетъ одиннадцать со времени Іона до возстановленія демократіи: 1) эпоха Тезея; 2) законодательство Дракона; 3) законы Солона; 4) тиранія Пизистрата; 5) учрежденія Клисѳена; 6) усиленіе ареопага послѣ персидскихъ войнъ; 7) реформы Аристиды и Эфіальты; 8) правленіе „Четырехсотъ“; 9) возстановленіе демократіи; 10) господство „Тридцати“ и „Десяти“ и 11) возстановленіе демократіи. Историческій обзоръ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что Аристотель приводитъ здѣсь большое количество хронологическихъ данныхъ и во многихъ случаяхъ дополняетъ и исправляетъ наши свѣдѣнія по греческой исторіи. Для примѣра приведемъ исторію архонтовъ по Аристотелю. Обыкновенно думаютъ, что послѣ правленія единоличныхъ архонтовъ, избравшихся на 10 лѣтъ, верховная власть была раздѣлена въ 683 году между 9 архонтами, выбравшимися только на одинъ годъ. Между тѣмъ, Аристотель вполне ясно говоритъ, что полемархъ и архонтъ (то-есть поздиѣйшій архонтъ-эпонимъ) существовали еще во времена царей, а еесмоветы были учреждены уже значительно поздиѣе, когда власть архонтовъ была ограничена однимъ годомъ. Въ первыя времена, до Дракона, архонты назначались изъ лучшихъ и богатыхъ людей ареопагомъ, Драконъ передалъ это назначеніе народному собранію; по законамъ Солона, пока они еще не потерпѣли измѣненій отъ внутреннихъ смутъ, ихъ избирали по жребію изъ 40 кандидатовъ, представленныхъ четырьмя филами; при Клисѳенѣ, повидимому, народъ выбиралъ ихъ прямо въ собраніи; съ 487 года они опять стали назначаться по жребію изъ 100 (или 500) кандидатовъ, представленныхъ десятью филами; наконецъ, поздиѣе и эти кандидаты, представляемые филами, начали избираться также по жребію.

Книга напечатана превосходно, на хорошей бумагѣ и отличнымъ греческимъ шрифтомъ, употребляющимся въ Англии. Издатель снабдилъ ее обширнымъ введеніемъ, довольно значительными примѣчаніями и подробнымъ указателемъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Emigration and immigration“, by Smith.—Труды варшавскаго статистическаго комитета по десяти губерніямъ Царства Польскаго“.

Emigration and immigration, by Smith. 1890. Смятъ даетъ въ своей книгѣ очень обстоятельный разборъ послѣдствій, которыя вле-

четь за собою иммиграція изъ Европы для Соединенныхъ Штатовъ. Что Америка, благодаря переселенцамъ изъ Европы, быстро приобрѣла многочисленное населеніе и сдѣлала крупныя культурныя успѣхи—это извѣстно всѣмъ и главы разсматриваемой нами книги, посвященныя этой сторонѣ иммиграціи, не даютъ ничего новаго. Гораздо больше интереса представляетъ все то, что авторъ говоритъ о вредномъ вліяніи европейскихъ колонистовъ на американскую жизнь. По мнѣнію автора (V глава), иммигранты имѣютъ дурное вліяніе на политическую жизнь Америки. Даже ставъ американскими гражданами, они сохраняютъ живыя воспоминанія о родицѣ и нерѣдко стараются настроить общественное мнѣніе въ своемъ новомъ отечествѣ противно дѣйствительнымъ интересамъ Америки. Последнее не имѣетъ основаній особенно принимать къ сердцу ирландскій вопросъ и, ради ирландцевъ, дѣлать по адресу Англіи какія-либо враждебныя заявленія. Но ирландскіе иммигранты со всею страстностію стараются вызывать въ Америкѣ враждебныя чувства противъ англичанъ. Для политической жизни Америки дурно и то, что большая часть иммигрантовъ имѣютъ очень низкое умственное развитіе. Принимая участіе въ выборахъ, они образуютъ бессознательную массу, которая легко становится игрушкой въ рукахъ демагоговъ. Плохой иногда составъ американской администраціи, подкупность, небрежное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ Смитъ сводитъ также къ усиленной иммиграціи, какъ одной изъ важныхъ причинъ. Много ли эконоимическихъ выгодъ доставляетъ Америкѣ иммиграція?—спрашиваетъ авторъ. Повидимому, европейскіе колонисты наполняютъ ряды американскихъ ремесленниковъ: по переписи 1880 г., въ американской хлопчато-бумажной промышленности 45% рабочихъ были иностранцы; въ кузнечномъ дѣлѣ такихъ было 27%, сапожномъ—37%, пекарномъ—56%. Однако, эти цифры не выражаютъ еще ровно ничего. Богатство, доставляемое странѣ иммигрантами, измѣряется запасомъ капитала и характеромъ труда, который они приносятъ съ собою. Въ послѣднее время иммигранты привозятъ въ Америку по 100 доллар. на голову, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ имущество, причитающееся на голову, составляетъ не менѣе 1000 долларовъ. Такимъ образомъ, иммиграція относительно уменьшаетъ народное богатство. Получается столь же неблагоприятное впечатлѣніе, когда узнаешь, какую рабочую силу приносятъ въ Америку переселенцы: $\frac{3}{4}$ принадлежатъ къ чернорабочимъ (in skilled labour). Хотя въ каждомъ обществѣ наиболѣе великъ запросъ именно на этотъ трудъ, однако, успѣхи американской культуры понизили запросъ на эти работы. Было даже преобладаніе такой рабочей силы въ средѣ иммигрантовъ,—они становятся очень опасными соперниками американскихъ рабочихъ. Соперничество особенно давитъ американцевъ, когда туземные предприниматели специально и по формальнымъ договорамъ подражаютъ европейскихъ рабочихъ. На американскія желѣзныя дороги подражаются для работы итальянцы; то же происходитъ на кирпичныхъ заводахъ, въ бумагопрядильняхъ. Затронувъ это болное для американца мѣсто, Смитъ съ безглявостію говоритъ о ничтожной платѣ, которою довольствуются эти люди, и о томъ, насколько ихъ standard of life ниже американскаго. Но даже рабочіе изъ французской Канады довольствуются гораздо меньшею платой, чѣмъ американцы: послѣдніе получаютъ въ среднемъ не менѣе 12 доллар. въ недѣлю, а первые—отъ 7 до 9 доллар. Перехода къ оцѣнкѣ вліянія иммиграціи на другія стороны общественной жизни (гл. VIII), авторъ отмѣчаетъ среди умалишенныхъ

очень большое число людей иностраннаго происхожденія: они составляютъ 0,047, тогда какъ изъ американскихъ уроженцевъ—только 0,036. Столь же относительно высокій процентъ даютъ иммигранты слѣплыми, парализованными, страдающими отъ хроническихъ болѣзней. Авторъ объясняетъ эти явленія тѣмъ, что иммигранты первые годы пребывания въ Америкѣ и борются съ нищетой, различными лишениями и скорѣе разстраиваютъ здоровье, нежели болѣе выгодно поставленное туземное населеніе. Уголовная статистика Соединенныхъ Штатовъ также обнаруживаетъ любопытные факты. Въ штатѣ Массачузетса изъ всѣхъ осужденныхъ за 1885 годъ 19,70% происходили отъ родителей, родившихся въ Америкѣ, и 51,14% имѣли родителями лицъ, родившихся за предѣлами Соединенныхъ Штатовъ. Такія же данныя представляетъ и статистика пауперизма. За 1887 годъ въ домахъ для бѣдныхъ штата Нью-Йорка было 9,172 бѣдныхъ, родившихся въ Америкѣ, и 9,288 чужестраннаго происхожденія. Столь же неблагоприятное вліяніе имѣетъ иммиграція и на увеличеніе въ Соединенныхъ Штатахъ числа неграмотныхъ. Очень понятно, если вспомнить, что многіе колонисты являются изъ Венгріи, Италіи и французской Канады, гдѣ школьное дѣло поставлено еще очень неудовлетворительно. Последняя перепись дала для бѣднаго населенія въ возрастѣ старше 10 лѣтъ 9,4% неграмотныхъ; изъ нихъ туземные уроженцы составляли 8,7%, а иностранные—12%. Въ отдѣльныхъ же штатахъ вліяніе иммигрантовъ на эту сторону обнаруживается особенно рѣзко: за 1885 въ Массачузетсѣ было 13,898 неграмотныхъ туземныхъ уроженцевъ и 108,365 иностранныхъ (88,63%). Неграмотность иммигрантовъ является болѣею частью „неизлечимою болѣзнию“, такъ какъ они находятся уже въ зрѣломъ возрастѣ. Подробному обсужденію авторъ подвергаетъ мѣры, которыя принимаются западноевропейскими народами для поощренія эмиграціи, поскольку въ ней видятъ средство, уменьшающее въ странѣ число бѣдныхъ. Таковой политикѣ, начиная съ 50 гг., очень охотно слѣдовали многіе швейцарскіе кантоны. Изъ тѣхъ общинъ, которыя содержали много бѣдныхъ, охотно отправляли эмигрантовъ въ Америку и даже уплачивали за ихъ проѣздъ. Такіе эмигранты, прибывъ въ незнакомую страну безъ всякихъ средствъ, буквально подвергали осаду швейцарскихъ консуловъ съ мольбою о помощи. Подобной же политикѣ слѣдуютъ иногда и въ Великобританіи. Такъ, въ 1887 году дублинская управа мѣстнаго управленія заявила, что въ ея распоряженіи есть неожиданный остатокъ въ 23,000 фунтовъ, который можетъ быть затраченъ на то, чтобы помочь бѣднымъ эмигрировать. Такому же образу дѣйствій слѣдуютъ и нѣкоторыя благотворительныя общества въ Англіи. Особая глава посвящена китайской иммиграціи. Она началась съ 1844 г. и, усиливаясь все болѣе и болѣе, достигала того, что въ 1876 г. Америка имѣла уже 114,000 китайцевъ. Калифорнія, бывшая главнымъ мѣстомъ вселенія китайцевъ, еще съ 50-хъ гг. устанавливала для ихъ иммиграціи нѣкоторыя ограниченія. Общій законъ о недопущеніи ихъ на американскую территорію былъ изданъ 1 октября 1888 г. Авторъ строго порицаетъ безчеловѣчное обращеніе, которому китайцы часто подвергались со стороны американцевъ, но оправдываетъ ограниченіе иммиграціи. Народъ, говоритъ онъ, имѣетъ настолькоъ право на свою территорію, что можетъ охранять ее отъ вредныхъ вліяній извнѣ. А потому онъ одобряетъ законъ 1882 года, предписывающій отправлять обратно нѣкоторыхъ иммигрантовъ, какъ-то: осужденныхъ за уголовныя преступленія, лунатиковъ, идіотовъ, бѣдныхъ, которые не въ силахъ содержать себя собствен-

нымъ трудомъ. Но,—говоритъ авторъ,—отыскивая дѣларство отъ злоупотребленій, которыя нынѣ столь часты, мы постоянно рискуемъ сдѣлать большой прыжокъ назадъ, въ самый мракъ среднихъ вѣковъ, и создать такія ограниченія, которыя рѣшительно не примираются съ условіями современной жизни. Контроль надъ иммигрантами долженъ быть свободенъ отъ недостойнаго крика: „Америка для американцевъ“ и отъ своекорыстнаго желанія монополизировать весь рынокъ труда. Этотъ контроль долженъ находить себѣ оправданіе только въ нуждахъ общества, въ необходимости избирать тѣ элементы, которые способствуютъ гармоничному развитію нашей цивилизаціи... Поэтому, можно высказаться за ограниченіе только для тѣхъ иммигрантовъ, которые съ первыхъ же шаговъ на землѣ нашей становятся бременемъ для общества“ (стр. 278). Трудъ Смита долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ по вопросу о переселеніяхъ какъ по богатству собранныхъ фактовъ, такъ и по многосторонней ихъ оцѣнкѣ. Достоинство книги еще болѣе выигрываетъ отъ приложенія обширнаго библиографическаго указателя, охватывающаго все лучшее, что написано о переселеніяхъ въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Труды варшавскаго статистическаго комитета по десяти губерніямъ Царства Польскаго. Выпуски I, II и III. Изд. 1889—1890 гг. Статистическая литература Царства Польскаго вообще не богата точными свѣдѣніями о мѣстной жизни, да и тѣ статистическіе труды о нашихъ привислянскихъ губерніяхъ, какіе уже имѣются налицо, носятъ крайне отрывочный характеръ. Весьма возможно, что такая скудость статистическихъ публикацій по Привислянскому краю должна быть объяснена отсутствіемъ тамъ сколько-нибудь правильно организованныхъ статистическихъ учрежденій: тамъ не только не могло быть земско-статистическихъ изслѣдованій, но до самаго послѣдняго времени не было даже и губернскихъ статистическихъ комитетовъ, существующихъ въ большинствѣ губерній имперіи еще съ 50-хъ годовъ и, хотя не особенно часто, все же дававшихъ болѣе или менѣе дѣльные статистическія работы, характеризующія разныя стороны жизни мѣстнаго населенія. Даже центральный статистическій комитетъ въ своихъ публикаціяхъ о Россіи или вовсе обходитъ губерніи Царства Польскаго, или даетъ о нихъ свѣдѣнія неполныя, отрывочныя.

Только къ началу 1889 года былъ окончательно организованъ варшавскій статистическій комитетъ, главная обязанность котораго—направлять и объединять дѣятельность чиновниковъ по статистической части, имѣющихся въ каждой изъ 10 губерній Царства и состоящихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи губернаторовъ; такимъ образомъ, вновь образованный варшавскій статистическій комитетъ является центральнымъ статистическимъ органомъ для всѣхъ привислянскихъ губерній. Во главѣ комитета стоитъ его предсѣдатель—варшавскій генералъ-губернаторъ, а главнымъ редакторомъ комитета назначенъ профессоръ политической экономіи и статистики мѣстнаго университета г. Симоненко. Кромя обычнаго для губернскихъ статистическихъ комитетовъ доставленія свѣдѣній общеперскому центральному статистическому комитету—по его запросамъ, вновь сформированный статистическій комитетъ Привислянскаго края поставилъ себѣ дѣлю публиковать мѣстныя статистическія данныя, собранныя по его инициативѣ, по вопросамъ, представляющимъ интересъ для освѣщенія различныхъ сторонъ жизни и нуждъ Царства Польскаго; комитетъ ставитъ себѣ также задачей, чтобы собираемый статистическій матеріалъ отличался возмож-

ною полнотою и достовѣрностью. Выполняя намѣченные задачи, привислянскій статистическій комитетъ и началъ изданіе своихъ *Трудовъ*, заключающихъ въ себѣ, съ одной стороны, подробный отчетъ о ходѣ своихъ засѣданій, съ другой—добытый и обработанный статистическій матеріалъ; три первыхъ выпуска этихъ *Трудовъ* лежатъ передъ нами, свидѣтельствуя объ энергической, обдуманной и продуктивной дѣятельности новаго учрежденія.

Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе *Трудовъ* варшавскаго статистическаго комитета, отмѣтимъ все же, что два первыхъ выпуска заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, подробныя свѣдѣнія о его дѣятельности, о выработкѣ программъ и приемахъ собиранія и публикатиці статистическаго матеріала и т. п., а третій выпускъ состоитъ преимущественно изъ таблицъ, сообщающихъ о состояніи населенія въ 10 губерніяхъ Царства къ 1 января 1890 года, а также изъ небольшого текстоваго обзора этихъ цифровыхъ данныхъ.

Всѣ данныя о населеніи привислянскихъ губерній почерпнуты изъ такъ называемыхъ книгъ постоянного и непостояннаго населенія, которыя ведутся здѣсь съ начала текущаго столѣтія; ежегодная проверка этихъ книгъ, съ подведеніемъ итоговъ, замѣняетъ здѣсь переписи населенія. Какъ извѣстно, такого рода книги или текущіе списки населенія особенно удачно ведутся въ Скандинавскихъ государствахъ, гдѣ населеніе мало подвижно и однородно по вѣроисповѣдному составу; хотя населеніе Привислянскихъ губерній довольно подвижно и разнообразно по вѣроисповѣданіямъ, тѣмъ не менѣе, текущіе списки въ нихъ, по мнѣнію профессора Симоненко, даютъ удовлетворительные результаты; онъ считаетъ даже, что данныя о возрастномъ составѣ и о семейномъ состояніи въ текущихъ спискахъ болѣе точныя, чѣмъ при однородныхъ переписяхъ, такъ какъ онѣ добываются изъ документовъ; къ сожалѣнію, выборку свѣдѣній этихъ двухъ послѣднихъ категорій комитетъ—за недостаткомъ средствъ—не нашелъ возможнымъ произвести.

Изъ третьяго выпуска *Трудовъ* мы узнаемъ, что къ 1 января 1890 года во всѣхъ 10 привислянскихъ губерніяхъ насчитывалось 8.256,562 наличныхъ жителей, что составитъ почти 74 человека на квадратную версту; восточная часть Царства населена менѣе плотно, чѣмъ губерніи, расположенныя къ западу отъ Вислы. Всѣ свѣдѣнія III выпуска сообщены не только въ воловыхъ итогахъ по 10 губерніямъ, но 84 уѣздамъ, но и по каждой изъ 1,286 гминъ (или волостей) Привислянскаго края, причѣмъ сельское населеніе можно выдѣлить отъ городского, постоянное отъ непостояннаго, т. е. не приписаннаго въ мѣстахъ осѣлости. Жители городовъ составляютъ около 18% населенія всего края, остальные 82% приходятся на долю сельскаго населенія; коренные или постоянные жители Царства Польскаго составляютъ болѣе $\frac{3}{10}$ всего его населенія, остальные 9% состоятъ изъ пришлыхъ элементовъ—иностранцевъ (1,1%) и русскихъ подданныхъ (7,9%). Постоянное населеніе Привислянскаго края болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ (75,9%) состоитъ изъ католиковъ; за тѣмъ слѣдуютъ іудеи (13,9%), протестанты (5,4%) и православное населеніе (4,8%). Еврейскій элементъ сосредоточенъ, главнымъ образомъ, въ городахъ, такъ что $\frac{1}{2}$ (50,9%) городского населенія края состоятъ изъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, католики же здѣсь составляютъ всего 42%; впрочемъ, въ Варшавѣ католики даютъ 55% населенія, а іудеи лишь 40%.

М Е Д И Ц И Н А.

„О псевдогаллюцинаціях“. В. Х. Кандинскаго. — „Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе“. А. Forel'я. — „Справочная книга для врачей“. — „Современные психопаты“. А. Бюллера.

О псевдогаллюцинаціяхъ. В. Х. Кандинскаго. Критико-клиническій этюдъ (съ таблицею и портретомъ автора). Спб., 1890 г. Ц. 2 р. Посмертное сочиненіе выдающагося русскаго психіатра, погибшаго столь трагически, представляетъ весьма интересный этюдъ по общей психопатологіи, первоначально появившійся въ печати на нѣмецкомъ языкѣ въ 1885 г., а затѣмъ получившій премію общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ имени врача Филиппова. Очеркъ *О псевдогаллюцинаціяхъ* долженъ былъ открыть, по плану автора, цѣлый рядъ очерковъ, обнимающихъ все ученіе объ обманахъ чувствъ, но преждевременная смерть остановила всѣ предположенія талантливаго изслѣдователя. Подъ именемъ псевдогаллюцинацій, по Гагену, разумѣются вообще тѣ случаи, когда больные въ своихъ разсказахъ подставляютъ ими измышленное на мѣсто пережитаго въ дѣйствительности, но въ частности здѣсь возможны чрезвычайно разнообразныя случаи, а самъ авторъ даетъ этому понятію своеобразныя толкованія и опредѣленія и до сихъ поръ въ томъ объемѣ и смыслѣ, какъ въ указанной работѣ, эти явленія не были еще описаны въ литературѣ. Авторъ признаетъ настоящими псевдогаллюцинаціями весьма живыя и чувственно до крайности опредѣленныя субъективныя воспріятія, характеризующіяся всѣми особенностями галлюцинацій, за исключеніемъ лишь существеннаго для послѣднихъ характера объективной дѣйствительности. Псевдогаллюцинаціи возможны въ сферѣ каждаго изъ чувствъ, но, по мнѣнію автора, для ознакомленія съ сущностью этого рода субъективныхъ психопатическихъ фактовъ достаточно изучить лишь псевдогаллюцинаціи зрѣнія и слуха. Изслѣдованіе этихъ фактовъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что, несмотря на количественное богатство литературы объ обманахъ чувствъ, ученіе о галлюцинаціяхъ еще далеко не закончено, до сихъ поръ еще отсутствуетъ теорія, всецѣло обнимающая дѣйствительные факты изъ этой области, и самое понятіе о галлюцинаціи не вполне еще точно установлено въ наукѣ.

Содержаніе книги распадается на десять главъ, въ которыхъ послѣдовательно разсматриваются: опредѣленіе галлюцинацій и псевдогаллюцинацій у различныхъ ученыхъ, характеристика и примѣры псевдогаллюцинацій въ смыслѣ автора, условія возникновенія ихъ у здоровыхъ и душевно-больныхъ и т. д. Десятая глава посвящена теоретическимъ заключеніямъ по данному вопросу и критикѣ существующихъ воззрѣній, а въ послѣдней XI главѣ излагаются общіе выводы изъ предшествующаго изложенія.

Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе. А. Forel'я. Перев. д-ра мед. Я. И. Левинсона. Спб., 1890 г. Ц. 75 к. Русскій переводъ небольшой брошюры проф. психіатріи А. Фореля въ Дюрихѣ содержитъ въ себѣ краткое изложеніе важнѣйшихъ явленій гипнотизма или внушенія и современныхъ его теорій, вмѣстѣ съ предисловіемъ переводчика и самого автора въ русскому изданію и къ нѣмецкому тексту. Въ названной брошюрѣ вратцѣ разъясняются факты, теорія и терминологія гипнотизма, условія воспримчивости отдѣльныхъ лицъ къ внушенію, различіе между сномъ и гипнозомъ, различнаго рода гипноти-

ческія и послѣдовательныя явленія, а также терапевтическое и судебно-медицинское значеніе внушеній.

Справочная книга для врачей. Изд. медиц. департамента. Т. I. Спб., 1890 г. Ц. 4 р. Въ концѣ прошлаго года медицинскій департаментъ призналъ полезнымъ издать, въ видѣ приложенія къ журналу *Вѣстникъ общественной жизни, судебной и практической медицины*, справочную книгу для врачей, заключающую въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) обзоръ гражданскихъ врачебныхъ законовъ Россійской имперіи; 2) основныя правила судебно-медицинскихъ актовъ о вскрытіяхъ мертвыхъ тѣлъ; 3) опытъ разработки результатовъ регистраціи врачей въ Россіи; 4) справочныя свѣдѣнія по русскимъ минеральнымъ водамъ, грязямъ, морскимъ купаньямъ и климатическимъ станціямъ; 5) общедоступныя гигиеническіе способы изслѣдованія; 6) сифилисъ въ санитарномъ отношеніи. Какъ видно изъ предисловія, въ слѣдующемъ томѣ *Справочной книги* будутъ помѣщаться монографическіе очерки по вопросамъ врачебнаго и санитарнаго дѣла, имѣющимъ наибольшую важность для Россіи.

Первый отдѣлъ книги, составленный д-ромъ С. М. Ершовымъ (столоначальникомъ 2-го отдѣленія медицинскаго департамента) содержитъ въ себѣ лишь краткій обзоръ *части* врачебнаго законодательства Россіи: о правахъ и обязанностяхъ врачебно-административныхъ учреждений, высшихъ, среднихъ и низшихъ, объ условіяхъ врачебной практики, опредѣленіи на службу, командировкахъ, пенсіяхъ и т. п. Отдѣлъ этотъ, сравнительно съ другими сборниками, представляетъ лишь записки изъ существующихъ узаконеній, составленъ довольно неточно и, притомъ, изложенъ сбивчиво, чѣмъ затрудняются необходимыя справки. Слѣдующій отдѣлъ, обработанный д-ромъ С. П. Косоротовымъ (ассистентомъ при кафедрѣ судебной медицины военно-медиц. акад.), имѣетъ въ каждомъ данномъ случаѣ доставить судебному врачу возможность самостоятельно составить себѣ планъ вскрытія мертваго тѣла и завести въ протоколъ все необходимое. Съ этою цѣлью въ упомянутомъ отдѣлѣ справочной книги для врачей излагаются: поводы къ судебно-медицинскимъ вскрытіямъ, формы составленія актовъ, образцы правильно и неправильно составленныхъ судебно-медицинскихъ актовъ и т. д.

Третій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ изложеніе результатовъ предпринятой медицинскимъ департаментомъ съ октября 1882 г. по іюль 1890 г. регистраціи врачей въ Россіи по карточной системѣ: численность врачей гражданскихъ, военныхъ и морскихъ, распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ имперіи, по роду службы и специальностямъ, народностямъ и вѣроисповѣданію, по возрастному составу и матеріальной обеспеченности (недвижимое имущество, жалованье, пенсія и валовой доходъ съ частной практики). Содержаніе слѣдующихъ двухъ отдѣловъ (четвертаго и пятаго) опредѣляется самымъ заглавіемъ.

Наконецъ, громадное значеніе мѣропріятій противъ сифилиса побудило включить въ справочную книгу для врачей обстоятельную монографію ученія о сифилисѣ съ санитарной точки зрѣнія, составленную д-ромъ К. Л. Штрмеромъ (эволюція сифилиса, мотивы санитарной дѣятельности, источники и пути распространенія сифилиса, статистика его и мѣры борьбы противъ сифилиса), съ приложеніемъ подробнаго библиографическаго указателя иностранной и русской литературы по сифиллологіи за 1886—90 гг. Этотъ послѣдній отдѣлъ изданія медицинскаго департамента представляетъ, несомнѣнно, выдающійся инте-

ресь. Замѣтимъ, что книга издана весьма опрятно, на хорошей бумагѣ и для подписчиковъ на журналъ медицинскаго департамента продается, вмѣсто объявленной цѣны, по 1 рублю, съ наложеніемъ платежа стоимости пересылки ея по почтѣ.

Современные психопаты. А. Кюллера. Перев. съ французскаго. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. Объ этой книгѣ *Русская Мысль* говорила при ея появленіи въ подлинникѣ. Термины „психопатъ“ и „психопатка“ получили въ настоящее время полныя права гражданства въ русскомъ общенномъ языкѣ. Французское заглавіе (*Les frontières de la folie*) названной книги, составляющей одинъ изъ томовъ научно-практической бібліотеки, издаваемой Ф. Павленковымъ, болѣе соотвѣтствуетъ темѣ, избранной авторомъ. Изучая *границы сумасшествія*, д-ръ Кюллеръ задался цѣлью прослѣдить многочисленныя, но рѣзко выраженныя формы разстройства разсудка и воспримчивости. Признанное помѣшательство есть величайшее изъ несчастій, но, по словамъ автора, „крупица сумасшествія бываетъ для нѣкоторыхъ умовъ равносильна высокимъ достоинствамъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что съ того дня, какъ не будетъ полупомѣшанныхъ, міръ цивилизаціи погибнетъ не отъ избытка мудрости, а отъ избытка посредственности“. Иллюстрируя изложеніе отдѣльными психіатрическими случаями, авторъ, вѣрный своей основной идеѣ, въ популярной формѣ въ семи главахъ знакомитъ читателей съ научными понятіями о сумасшествіи и наследственности, объ умственномъ и нравственномъ вырожденіи, а затѣмъ даетъ краткія характеристики субъектовъ, одержимыхъ навязчивыми идеями (боязнь пространствъ, бредъ сомнѣнія и т. д.), субъектовъ съ болѣзненными импульсами (влечение къ самоубійству и убійству, къ запово, воровству и проч.), чудаковъ (тронутые, непосѣды, авантюристы, свареды, изобрѣтатели, утописты), одержимыхъ бредомъ преслѣдованія, мистиковъ, извращенныхъ (истеричные, лгуны, притворщики, преступники). Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ разсматриваются вопросы судебной медицины (преступность и сумасшествіе), а также отношенія между сумасшествіемъ, законодательствомъ и цивилизаціей. Между прочимъ, по поводу патологической психологіи въ литературѣ и въ искусствѣ авторъ неодобрительно отзывается объ одностороннемъ направленіи новѣйшей натуралистической школы, въ лицѣ Зола. Въ частности, относительно знаменитаго родословнаго древа Рутонъ - Макаровъ, Кюллеръ вполне справедливо замѣчаетъ, что, вопреки увѣреніямъ главы натуралистической школы, „наука никогда не утверждала, чтобы случайное нравственное пятно, констатированное въ семьѣ, обрекало ее на вѣки производить во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ лишь вырождающіеся типы преступниковъ и смѣшныхъ уродовъ“. Дѣйствительно, наследственный фатализмъ, къ счастью, не носитъ того роковаго характера, какимъ отличался античный фатализмъ судьбы. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не пожелать болѣе частаго появленія на русскомъ языкѣ книгъ, выясняющихъ истинное значеніе современныхъ психозовъ и психопатій, ибо только путемъ серьезнаго изученія пограничныхъ съ ними „странностей“ возможно проведеніе въ жизнь общественныхъ мѣръ для борьбы съ печальными уклоненіями вѣтъ тюрьмы, ссылки и казни.

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

„La poudre sans fumée et ses conséquences tactiques“, par le Colonel B...—„Солдатское ремесло или праздничныя бесѣды о службѣ“. С. Михѣевъ.—„Справочная книжка для вольвоопредѣляющихся, поступающихъ въ сухопутныя войска“. В. Курсакова.

La poudre sans fumée et ses conséquences tactiques, par le Colonel B... Подъ этимъ заглавіемъ анонимный авторъ написалъ изслѣдованіе о вліяніи бездымнаго пороха на тактику военныхъ дѣйствій въ будущемъ. Стараясь по возможности избѣгать техническихъ выраженій, онъ придать обсужденію этого спеціальнаго вопроса форму, вполне доступную пониманію непосвященныхъ въ военное искусство читателей. Въ первой главѣ даны нѣкоторыя свѣдѣнія объ устройствѣ и баллистическихъ свойствахъ различныхъ системъ ружей, принятыхъ въ европейскихъ арміяхъ, по которымъ можно судить о превосходныхъ боевыхъ качествахъ современнаго малокалибернаго ружья; вслѣдъ за тѣмъ авторъ приступаетъ къ подробному разсмотрѣнію вопроса о вліяніи бездымнаго пороха на дѣйствія воюющихъ сторонъ въ періодъ, предшествующій бою—при развѣдывательной и сторожевой службѣ, и въ самомъ бою—начиная съ перваго выстрѣла и кончая атакой холоднымъ оружіемъ. Свое изслѣдованіе полковникъ В. заключаетъ слѣдующими главными выводами о тактическихъ послѣдствіяхъ замѣны прежняго пороха новымъ: а) роль кавалеріи на полѣ сраженія должна будетъ уменьшиться, б) значеніе пѣхоты и артиллеріи въ бою, напротивъ, возростетъ еще болѣе, в) завязка боя начнется съ разстояній, значительно превосходящихъ дальность прежнихъ, и г) оборонительныя дѣйствія представлять несомнѣнныя выгоды передъ наступательными, при условіи обороны активной, т.-е. перехода всѣми силами въ наступленіе, какъ только это окажется возможнымъ по ходу боя.

Книга французскаго автора отличается обстоятельностью изслѣдованія поставленнаго имъ вопроса и обнаруживаетъ правильное пониманіе дѣйствительной боевой обстановки. Взятая имъ тема, вызывающая лишь гадательныя предположенія, такъ какъ на самомъ дѣлѣ боевой опытъ еще не отмѣтилъ значенія бездымнаго пороха на войнѣ, легко могла бы увлечь автора въ сторону крайнихъ и одностороннихъ приговоровъ, которыми нерѣдко отличаются появляющіяся въ военной литературѣ изслѣдованія о новомъ порохѣ и о значеніи его въ будущемъ; въ данномъ же случаѣ авторъ касается вопроса съ большою осмотрительностью, подтверждая свои заключенія соответственными примѣрами изъ боеваго опыта прошлыхъ кампаній.

Солдатское ремесло или праздничныя бесѣды о службѣ. Составилъ С. Михѣевъ. Благое намѣреніе дать солдату подходящій матеріалъ для чтенія въ свободныя часы, занять его умъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснить ему важнѣйшіе военные принципы побудило г. Михѣева написать эти *Бесѣды*. Вполнѣ сочувствуя такому намѣренію, мы не можемъ, однако, согласиться съ авторомъ въ необходимости вести разговоры на служебныя темы искусственно-грубымъ языкомъ, поддѣлываясь (мѣстами очень неудачно) къ народной рѣчи. Пора бы убѣдиться, что солдатъ, какъ и всякій простолюдинъ, прекрасно понимаетъ обыкновенную разговорную рѣчь и безъ пересыпанія ея разными плоскими остротами и каламбурами трактирнаго происхожденія, если только въ ней не попадаются иностранныя слова и мысль выражена ясно, безъ многословія.

Бесѣды ведутся отъ лица одного изъ начальствующихъ нижнихъ

чиновъ, поясняющаго новобранцамъ ихъ важнѣйшія служебныя обязанности; поученія его, сами по себѣ интересны для солдатъ, тѣмъ болѣе занимательны, что въ нихъ разговоръ о службѣ весьма кстати чередуется съ практическими совѣтами на разные случаи обиденной солдатской жизни, хотя нѣкоторыя подробности солдатскаго быта можно бы, казалось, оставить безъ разъясненія въ печати, не затрогивая, напримѣръ, вовсе вопроса объ отношеніяхъ солдатъ къ „женскому полу“. Несмотря на излишнее стремленіе автора непремѣнно выражаться слогомъ просто-народья, книга г. Михѣева можетъ доставить полезное и занимательное чтеніе солдату, вполне отвѣчая своимъ содержаніемъ уровню его понятій и интересовъ.

Справочная книжка для вольноопредѣляющихся, поступающихъ въ сухопутныя войска. Составилъ В. Курсаковъ. Молодые люди, желающіе поступить на службу вольноопредѣляющимися, нерѣдко бываютъ поставлены въ затрудненіе, не зная формальностей приѣма на службу и не имѣя возможности навести точныя справки о будущемъ ихъ служебномъ положеніи. Къ тому же, и законоположенія, относящіяся до вольноопредѣляющихся, изданныя въ разное время и дополняемыя приказами по военному вѣдомству и циркулярами главнаго штаба, не легко отвѣсать лицу, незнакому съ системой военнаго законодательства. Книга, составленная г. Курсаковымъ, выводитъ изъ подобнаго затрудненія, давая точныя указанія закона по вопросамъ, касающимся положенія и правъ вольноопредѣляющихся сухопутныхъ войскъ, причемъ въ самомъ текстѣ обозначены №№ приказовъ и циркуляровъ, изъ которыхъ заимствованы справки, что придаетъ книгѣ характеръ оффиціальнаго руководства.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Въ странѣ контрастовъ“. Л. П. Шелгуновой. — „Кладъ“. — „Лѣсничій Фредерикъ“. — *Эрклана-Шатриана.*

Въ странѣ контрастовъ. Изъ жизни и природы Туркестанскаго края. Л. П. Шелгуновой. Спб., 1891 г. Названная книга составляетъ приложение къ журналу *Дѣтское Чтеніе* за 1890 годъ. Она украшена рисунками г. Каразина. Авторъ воспользовался для характеристики природы и жизни Туркестанскаго края трудами гг. Каразина, Иванова, Костенко, Семенова и другихъ знатоковъ Средней Азій. Повѣствованію придана беллетристическая форма, вслѣдствіе чего много интересныхъ географическихъ, естественно-научныхъ и бытовыхъ свѣдѣній усваиваются безъ всякаго труда. Г-жа Шелгунова сообщаетъ также историческія подробности и описываетъ современное состояніе Самарканда, Бухары и другихъ мѣстностей Туркестана. Фабула разсказа отличается занимательностью. Маленькій сарть (таджикъ) во время войны русскихъ съ туземцами былъ спасенъ русскимъ докторомъ, былъ воспитанъ въ Россіи, затѣмъ съ разными приключеніями отыскивалъ своихъ родныхъ. *Въ странѣ контрастовъ* — очень полезная книжка для дѣтей старшаго возраста. Мы не знаемъ, продается ли она отдѣльно отъ журнала *Дѣтское Чтеніе*.

Кладъ. Сказочная быль. Москва, 1891 г. Эта *Сказочная быль* написана стихами, кольцовскимъ складомъ. Въ книгѣ семь раскрашенныхъ, нѣсколько пестро и аляповато, но хорошо скомпонованныхъ картинокъ. Печать крупная, отчетливая. Разсказъ ведется просто и съ

чувствомъ, но встрѣчаются изрѣдка такія мѣста, которыя могутъ ввести въ недоразумѣніе. Такъ, на страницѣ 25 говорится, что Яковъ привезъ изъ города извѣстіе о войнѣ:

„Англичина гянетъ
Русская казна:
Руки-де ослабли,
Надобно погрѣть!“

Жаль, что здѣсь прозвучала какъ будто и несимпатичная нотка. Но въ общемъ *Кладъ* дышетъ любовью и уваженіемъ къ труду, къ крестьянской жизни и къ дѣтямъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непоколебимою вѣрой въ великое нравственное значеніе образованія.

Лѣсничій Фредерикъ. Эркмана-Шатриана. Переводъ А. В. Успенской. Спб., 1891 г. Цѣна 75 к. Съ мастерствомъ, которымъ отличались общія произведенія этихъ двухъ писателей, въ *Лѣсничемъ Фредерикѣ* рассказывается печальная исторія франко-прусской войны и страданій населенія въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Съ ужасами и безобразіями войны переплетается трогательная деревенская идиллія, разрушенная нашествіемъ нѣмцевъ. Книга пронизана истиннымъ патріотизмомъ, который нерааученъ съ уваженіемъ къ патріотизму другаго народа и съ враждою противъ всякаго насилія и произвола. Переводъ сдѣланъ отлично. Мы замѣтили только два-три ничтожныхъ промаха (неправильно, напримѣръ, переводить *Hauptmann*—городской голова). Для дѣтей старшаго возраста *Лѣсничій Фредерикъ*—очень хорошая книга. Издана она прекрасно и стоитъ дешево.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь“ проф. И. Е. Андреевскаго.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго. Томъ II (полутомы 3 и 4). Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1891 г. На первомъ листѣ 4 полутома напечатанъ списокъ сотрудниковъ, помѣстившихъ „самостоятельными“ статьи въ вышедѣанныхъ книгахъ *Энциклопед. словаря*, и тѣхъ лицъ, которыя примутъ участіе въ *Словарѣ* самостоятельными статьями. Въ этомъ списокѣ есть нѣсколько именъ очень извѣстныхъ ученыхъ и профессоровъ, есть имена, встрѣчающіяся въ литературѣ, и есть такія имена, которыя не напоминаютъ намъ ни о какихъ ученыхъ или литературныхъ заслугахъ. Но какія бы славныя и громкія имена ни носили лица, принимающія участіе въ *Словарѣ* своими „самостоятельными“ статьями, это не можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что изданіе гг. Брокгауза и Ефрона удовлетворитъ требованіямъ, которыя публика имѣетъ право предъявлять къ *Энциклопедическому словарю*, стоящему очень дорого. Энциклопедія—не альманахъ, не сборникъ, который можно скрасить одною, двумя или нѣсколькими хорошими, умными и дѣльными статьями, способными вознаградить читателя за пустоту и негодность другихъ статей. Отъ энциклопедіи требуется, чтобы каждая статья или статейка и даже каждая строка давали свѣдѣнія вѣрныя, точныя и, по возможности, сжатые, ибо это не учебникъ и не собраніе трактатовъ и монографій, а только справочная книга. Для желающихъ ознакомиться болѣе подробно и основательно съ какимъ-либо предметомъ въ *Энциклопедическомъ словарѣ* должно быть помѣщено указаніе на литературу каждаго трак-

туемаго предмета. Задача эта можетъ быть выполнена въ желательной полнотѣ только специалистомъ-ученымъ, и въ этомъ-то отношеніи, главнымъ образомъ, необходимо сотрудничество людей компетентныхъ. Въ 4 полutomѣ *Словаря* г. Андреевскаго мы имѣемъ статью *Банки*, занимающую 61 страницу изъ 467, т.-е. для банковъ отведено болѣе одной восьмой части объема всей книги. 61 страница въ двѣ колонки убористаго шрифта, объѣмъ, это само по себѣ — цѣлая книга. Статья, несомнѣнно, очень обстоятельная, только банковаго дѣла по ней, все-таки, изучить нельзя. Превосходныя статьи о *Бабочкахъ* и о *Бактеріяхъ* занимаютъ каждая по 12 страницъ, и мы считаемъ, что этого болѣе чѣмъ достаточно для справочной книги. *Артиллеріи* посвящено 5 стран., и этого вполне довольно. Для чего же понадобилось отягощать изданіе такою несоразмѣрною и съ задачами изданія несообразною статьей о банкахъ? Стоить поусердствовать и можно написать сотни страницъ о желѣзныхъ дорогахъ, напимѣръ, или о землевладѣніи, о земствѣ, о винодѣліи и винокуреніи и мало ли о чемъ еще. Это будетъ усердіемъ „не по разуму“. При составленіи энциклопедическихъ словарей необходимо относиться съ большою осмотрительностью не только къ выбору и обработкѣ статей, но и къ ихъ размѣрамъ. Редакція *Словаря* г. Брокгауза и Ефрона продолжаетъ свое дѣло такъ же неряшливо и безтолково, какъ вела его при изданіи первыхъ двухъ полutomовъ, на что мы указывали въ свое время. Такъ же точно, какъ прежде, печатаются свѣдѣнія о какомъ-то селѣ Аргамаковѣ, о пригородной слободѣ Аргамачей, и нѣтъ объясненія слова „аргамакъ“. На стр. 491 имѣется *Афимьевскій* винокуренный заводъ, замѣчательный тѣмъ, что на немъ „30 рабочихъ“. На стр. 684—*Базарная Кенша* (выписывается дословно) — „или с. Всесвятское, Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Городищъ, при р. Кенишѣ. Число жителей 2,238 об. п., дворовъ 327, православная церковь, никола, два поташныхъ завода, одинъ овчарный (?), 5 лавокъ и 9 постоялыхъ дворовъ. Еженедѣльный базаръ и ярмарка“. Да, вѣдь, такихъ заводовъ и селъ въ Россіи тысячи, чѣмъ же эти-то и другіе, имъ подобные, особенно замѣчательны, что попали въ *Энциклопед. словарь*? Или еще на стр. 677: „*Бажановъ*, Петръ Аванасьевичъ, священникъ с. Починокъ, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губ.; род. 1812, † 1874. Основатель и учитель лучшей народной школы въ своемъ уѣздѣ“. Дай Богъ за это отцу Петру царство небесное и мѣсто покойное; но совсѣмъ не мѣсто въ *эциклопедіи* именамъ лицъ, бывшихъ когда-либо основателями и учителями лучшихъ школъ *своею* уѣзда и ничѣмъ инымъ не прославившихся. Почтить память скромнаго дѣятеля—вещь хорошая, только не слѣдуетъ уже обижать молчаніемъ и другихъ такихъ же дѣятелей; а у г. Андреевскаго едва ли хватитъ средствъ перечислить основателей и преподавателей лучшихъ школъ всѣхъ уѣздовъ имперіи. На стр. 491 насъ удивило нижеслѣдующее: „Аффрѣ (Дени-Августъ)—архіепископъ парижскій, извѣстный своею *мученическою* смертью“... Никогда мы с такимъ „мученикѣ“ не слыхивали и заинтересовались архіепископомъ мученикомъ, родившимся въ 1793 г. Когда же, гдѣ и какъ монсиньоръ Аффрѣ пріялъ мученическій вѣнецъ? Оказалось, что 25 іюня 1848 г. архіепископъ, желая помочь генер. Кавеньяку подавить восстаніе въ Парижѣ, пошелъ увѣщевать инсургентовъ, засѣвшихъ на баррикадѣ предмѣстья св. Антонія, и былъ раненъ какою-то шальной пулей. Отъ этой раны онъ умеръ черезъ два дня, когда Кавеньякъ заливалъ кровью весь Парижъ и безъ суда разстрѣливалъ кого попало, не щадя ни жен-

щинъ, ни дѣтей. Весьма возможно, что монсеньоръ Аффръ былъ достойнѣйшимъ архіепископомъ, но сопричислять его къ лику мучениковъ мы не видимъ основаній. На стр. 541 мы прочли: „*Ахундъ*—звание мусульманскаго ученаго. Мусульманскіе ученые имѣются двухъ разрядовъ: высшій разрядъ—ахунды, низшій—муллы или моллы“. Ничего подобнаго нигдѣ не „имѣется“: ахундъ, вѣрнѣе же *ахунъ*,—что и слѣдовало обрѣвать въ *Словарь*,—есть слово персидское и значить оно, собственно, „чтецъ“. У насъ *ахунтами* титулуются высшія лица магометанскаго духовенства, такъ сказать, оберъ-муллы. Къ слову о магометанствѣ; на стр. 722 напечатано: *Байрамъ* или *Бейрамъ* празднуется „въ началѣ октября“. Непозволительнѣйшая это неправда. Первый *Байрамъ*, „праздникъ разговѣнья“ послѣ поста Рамазана, начинается съ той минуты, когда покажется новая луна наступающаго луннаго мѣсяца Шеваля; второй *Байрамъ*, „праздникъ жертвоприношенія“, бываетъ черезъ семьдесятъ дней послѣ перваго. Оба праздника переходящіе, по численію на лунные мѣсяцы, приходятся каждый годъ въ разное время и въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ обходятъ всѣ времена года. Въ нынѣшнемъ (1891) году *Байрамъ* „разговѣнья“ приходится на конецъ нашего апрѣля мѣсяца; въ 1890 г. *Байрамъ* былъ 9 мая. Перевернанію подвергаются въ *Энциклопед. словарь*, редактируемомъ проф. Андреевскимъ, объясненія и таковыя словъ, значеніе которыхъ доподлинно извѣстно каждому, даже неграмотному русскому человѣку. Вотъ примѣры: „*Балыкъ* представляетъ изъ себя сперва просоленныя и потомъ заваленныя на воздухѣ спинныя, боковыя и брюшныя части „красной рыбы“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ неясностей о томъ, какъ готовятся балыки. „*Бадья*—большое ведро, окованное обручами, а по дну—накрестъ; *предназначено* для водоотлива воротомъ на высоту отъ 8 до 10 ф.“ и т. д. въ томъ же родѣ. Почему бадья предназначена только для водоотлива? почему только воротомъ? почему только на высоту отъ 8 до 10 футовъ? Премудрый Эдипъ, разрѣши! Вопреки „предназначенію“, установленному проф. Андреевскимъ, мы видали, какъ достаютъ бадьями воду съ гораздо бѣльшей глубины и не одними воротами, а и журавцами, и руками черезъ блоки, и не одну только воду, а также песокъ, землю, камень, уголь, руду... Или еще: „*Баклага*—деревянное ведро, подвѣшиваемое подъ осью полеваго и осаднаго лафетовъ и держащее воду для смачиванія баниковъ. При русскихъ повтонныхъ перевозкахъ тоже имѣются баклаги“. На этомъ и покончено дѣло съ „баклагой“. По свидѣніямъ, сообщаемымъ *Энциклоп. словаремъ*, выходитъ, что баклаги употребляются только въ войскахъ, а у мирныхъ обывателей онѣ не въ употребленіи. По части монетъ мы находимъ такіе курьезы: „*Аиренсакъ*—низкопробная серебряная египетская монета = $\frac{1}{10}$ піастра (около 3 коп.)“. Египетскій піастръ стѣитъ $6\frac{1}{2}$ копѣтъ, какъ же $\frac{1}{10}$ часть его можетъ равняться 3 коп.? „*Байоко*—монета прежней Церковной области, приблизительно=3 коп.“. На самомъ же дѣлѣ она стѣила почти вдвое менѣе. По части исторіи: „*Ашмунейнъ*—мѣстечко въ Ср. Египтѣ“... „неподалеку отъ Ашмунейна и пустыни *іерусалимскій царь Амальрихъ* былъ побѣжденъ 18 марта 1167 г. *Ширкузомъ*“... „*Битва* эта называется тоже битвой при Моніи или Ламоніи въ честь города Минига“. Ни *царства Іерусалимскаго*, ни *царя Амальриха*, ни *Ширкуза* никогда не существовало, въ честь городовъ никогда сраженія не назывались. Въ 1167 году былъ королемъ іерусалимскимъ братъ Балдуина III, Амори или (по Пюшару) Америкъ, носившій ранѣе титулъ герцога Яффскаго и Аскалонскаго. Во время экспе-

дичи въ Египетъ онъ былъ разбитъ военачальникомъ сарацинскимъ Ширеу. „*Аччиджомо (Assajoli)*—флорентинская фамилія“... Такой не было, а были во Флоренціи *Assajoli*. „Николай А., вице-король апулійскій, знаменитый совѣтникъ *Джованни* Неаполитанской“... Догадываемся, что это должно означать *Jeanne de Naples*. „Райнеръ А. покорилъ, кромѣ Аѳинъ, Коринъ и *Віотинію*“... Догадываемся, что это должно означать *Беоцію*. Вообще же свѣдѣнія объ этой знаменитой фамиліи не сходятся съ тѣмъ, что о ней напечатано въ нѣкоторыхъ другихъ словаряхъ (въ русскомъ Плюшара, въ нѣмецкомъ Брокгауза и друг.). По части описаній мѣстностей, про городъ *Ахамитъ* сказано: „Много садовъ, прекрасный климатъ, замѣчательна выдѣлка *походныхъ оружія*“. Въ нѣмецкомъ *Словарѣ* Брокгауза напечатано: „Зимы въ Ахсуровыя, гѣта—звойныя“. И это совершенно вѣрно. Мы же отъ себя можемъ удостовѣрить, что въ Ахалцыхъ садовъ мало, климатъ прескверный, никакого особенно замѣчательнаго оружія не выдѣлывается. А что разумѣетъ проф. Андреевскій подъ наименованіемъ „походное“ оружіе, мы не понимаемъ и догадаться не можемъ. При имени скульптора *Афитера* сказано, что „Павлиній островъ (Pfaueinsel) находится въ Потсдамѣ“. Онъ находится близъ Потсдама. „*Ачъ*—деревня недалеко отъ коморнскихъ *крѣпостныхъ укрѣпленій*“... Это относится столько же къ географіи, сколько къ области безграмотности. Слово *бандитъ* объясняется такъ: „наемный убійца“, а подъ словомъ *банда* сказано, что названіе *бандитъ* происходитъ отъ этого слова и „понинѣ означаетъ разбойника“. Для наемныхъ убійцъ существуетъ другое наименованіе: *bravo* (мн. *bravi*). Конечно, бандитъ можетъ сдѣлаться „браво“, и „браво“ можетъ превратиться въ бандита; но смѣшивать два эти „ремесла“ совсѣмъ не слѣдуетъ. Не слѣдовало бы также утверждать, будто „ремесло“ наемныхъ убійцъ занесено въ Италію и въ Европу крестоносцами, которые якобы заимствовали у „ассасиновъ“ Востока этотъ способъ отдѣлываться отъ враговъ. Объясненіе слова *банда* списано съ словаря Плюшара и, притомъ, съ нѣкоторыми искаженіями, послужившими не къ украшенію *Словаря* проф. Андреевскаго. Полагаемъ, что приведенныхъ нами примѣровъ достаточно для оцѣнки *Энциклопедическаго словаря*, редактируемаго проф. Андреевскимъ. Ихъ можно было бы привести и еще множество. Мы слышали въ обществѣ, невѣдомо откуда взявшіяся, восхваленія географическимъ картамъ, приложеннымъ къ этому *Словарю*, и считаемъ своимъ долгомъ разсѣять заблужденіе публики на этотъ счетъ. На одной картѣ Африки (4 полутомъ), въ объяснительной таблицѣ совсѣмъ пропущены итальянскія владѣнія; на другой картѣ въ объясненіи сказано, что владѣнія англійскія, французскія и итальянскія отмѣчены рововымъ цвѣтомъ. На самыхъ же картахъ мы находимъ двѣ береговыхъ полосы, отмѣченныхъ коричневою краской, которой въ объяснительной таблицѣ не показано. Прочитавши на коричневомъ фонѣ названіе Массовы, мы догадались, что это должно обозначать владѣнія Италіи. Вообще карты для русскаго изданія сдѣланы грубо и неряшливо. Два новыхъ выпуска, третій и четвертый, *Энциклопедическаго словаря*, подъ редакціей проф. Андреевскаго, нисколько не измѣнили нашего мнѣнія о непригодности этого изданія въ качествѣ справочной книги. Довѣряющихся сообщаемъ въ ней свѣдѣніямъ она можетъ на каждомъ шагѣ ввести въ очень забавныя заблужденія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

— Киевская Старина, июль 1890 г.—мартъ 1891 г.—, Дѣтское Чтеніе, январь—мартъ.

Кіевская Старина, июль 1890—мартъ 1891 г. Въ ряду историческихъ статей *Кіевской Старины* наиболѣе общій интересъ имѣетъ изслѣдованіе Ив. В. Теличенка: *Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи*. По депутатскимъ накіазамъ и другимъ источникамъ авторъ изобразилъ состояніе и настроеніе различныхъ слоевъ малороссійскаго общества: картина вышла дѣльная и тѣмъ болѣе яркая, что авторъ пожертвовалъ массой второстепенныхъ частности, выдвинувъ съ замѣчательнымъ искусствомъ наиболѣе существенныя черты и сгруппировавъ ихъ въ очень стройной послѣдовательности. Г. Теличенко начинаетъ выраженіемъ сомнѣнія въ томъ, чтобы цвѣтистыя фразы малорусскихъ наказовъ о глубокой благодарности императрицѣ за ея призывъ соотвѣтствовали дѣйствительности. Все дальнѣйшее изложеніе какъ нельзя лучше подтверждаетъ основательность такого недовѣрія. Въ дѣйствительности, какъ оказывается, всѣ призванныя къ участию въ комиссіи сословія, несмотря на ихъ внутреннюю ровнь между собою, сходились въ одномъ желаніи относительно предстоявшихъ работъ по составленію новаго уложенія: всѣ они одинаково боялись, чтобы новый пересмотръ русскаго законодательства не повелъ за собой уничтоженія остатковъ старыхъ малороссійскихъ вольностей. Лицомъ къ лицу съ нивелирующимъ законодательствомъ просвѣтительнаго вѣка малороссійское общество крѣпко держалось за свое идеализированное прошлое: знаменемъ этого прошлаго были договорныя статьи Богд. Хмельницкаго. Однако же, подъ невѣрной историческою ссылкой на статьи Хмельницкаго каждое сословіе проводило свои собственныя, исключительно сословныя требованія; при этомъ тѣ изъ сословій, которыя потеряли отъ времени и отъ совершившихся за 133 года перемѣнъ въ общественномъ строѣ, разумѣли подъ этою ссылкой, дѣйствительно, восстановленіе старыхъ порядковъ; но главное сословіе, господствующее, только выигравшее отъ того же историческаго процесса, добивалось подъ тѣмъ же знаменемъ лишь санкціи своихъ новыхъ злоупотребленій.

Г. Теличенко послѣдовательно излагаетъ сословныя желанія шляхетства, духовенства, горожанъ и козаковъ. Крестьянство Малороссіи не имѣло голоса въ комиссіи. Послѣдуемъ за авторомъ въ порядкѣ его изображенія.

Большимъ мѣстомъ малороссійскаго шляхетства былъ вопросъ о правахъ его на дворянское званіе. Выйдя изъ рядовъ козацкой старшины и не имѣя никакихъ другихъ правъ на дворянство, кромѣ фактическаго владѣнія населенными имѣніями, малороссійская шляхта особенно хлопотала (и добилась этого) о введеніи ея законодательнымъ путемъ въ корпусъ руссійскаго дворянства. Такъ какъ ступенью къ приобретенію шляхетства послужила ей служба въ козацкихъ войсковыхъ чинахъ, то естественно и другое ея стремленіе—реабилитировать эти чины и сравнять ихъ съ великорусскими. Естественно также и то сравнительно демократическое положеніе, которое заняли депутаты этой молодой аристократіи при встрѣчѣ съ обнаружившимися въ той же комиссіи притязаніями московскаго *столбованаго* дворянства—отдѣлить себя отъ новаго дворянства—чиновнаго. Малороссійскіе депутаты протестовали противъ этихъ притязаній.

Другимъ большимъ мѣстомъ малороссійскаго дворянства былъ вопросъ

о его правах на владѣнныя имъ земли. Приобрѣта эти земли болѣе или менѣе темными путями, преимущественно захватомъ войсковыхъ земель, шляхетство, въ большинствѣ случаевъ, не могло представить законныхъ доказательствъ собственности; тѣмъ усиленнѣе оно хлопотало теперь о подтвержденіи своего права грамотами, всячески стараясь скрыть его сомнительность.

Къ этимъ пунктамъ и сводятся всѣ существенныя требованія шляхетства. Какъ видимъ, эти требованія носятъ специфически-сословный характеръ. О положеніи крестьянства на своихъ земляхъ дворянство благодаразумно умалчивало; за то тѣмъ настойчивѣе указывало необходимость облегчить это крестьянство отъ государственныхъ податей и повинностей. Пробовало дворянство обнаруживать и нѣкоторыя автономистическія стремленія; но попытки этого рода или были потушены уже при составленіи наказовъ, или встрѣтили энергическій отпоръ (со стороны маршала Бибякова) въ самой комиссіи; то, что осуществилось изъ этихъ стремленій, входитъ опять-таки въ рамки чисто-сословныхъ привилегій: наравнѣ съ остальнымъ дворянствомъ имперіи, малороссійскіе дворяне получали при введеніи губернскихъ учреждений Екатерины II господствующую роль въ администраціи, судѣ и хозяйствѣ своихъ губерній.

Духовенство особенно много потеряло послѣ присоединенія, съ того времени, когда продолжительный споръ о подчиненіи кievской митрополіи константинопольскому или московскому патріархату разрѣшился въ 1685 г. въ послѣднемъ смыслѣ. Однако же, и грамота 1685 г., встрѣченная въ свое время какъ смертный приговоръ самостоятельности малорусской церкви, вѣкъ спустя (въ 1768 г.) представлялась уже наладіумомъ ея свободы; подтвержденіе правъ и преимуществъ, обезпеченныхъ малороссійскому духовенству этою грамотой, составляло высшую цѣль его желаній въ наказахъ. Наканунѣ окончательной секуляризаціи монастырскихъ имуществъ духовенство хлопочетъ о неприкосновенности своей земельной собственности и даже о возвращеніи крестьянъ, перешедшихъ въ козачество. Митрополитъ хлопочетъ о сохраненіи стараго титула, старой власти надъ епархіей и старыхъ размѣровъ духовнаго суда. Надо, впрочемъ, прибавить, что всѣ эти требованія духовенства не пошли далѣе синода; да они и не имѣли шансовъ повліять на Екатерину, которая въ малороссійскомъ духовенствѣ продолжала видѣть политическую силу, враждебную русскому правительству, проводившую „въ самыхъ училищахъ“ „начала ненасытнаго честолюбія... по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства“.

Городское населеніе, не только въ городахъ, подчиненныхъ войсковому управленію, но и въ городахъ съ магдебургскимъ правомъ, находилось, по изображенію автора, въ величайшемъ упадкѣ. Городскія имущества были расхищены частными лицами, преимущественно тою же войсковою старшиной, городская торговля совершенно упала и жалкіе остатки ея перешли въ руки великорусскихъ купцовъ, городское самоуправленіе находилось въ рукахъ военной власти, съ устраненіемъ мѣщанъ, что, однако, не мѣшало послѣднимъ оставаться единственнымъ городскими плательщиками. Всѣ эти бѣдствія были предметомъ жалобъ и просьбъ о соотвѣстныхъ мѣрахъ въ городскихъ наказахъ. „Другихъ желаній внѣ круга узкихъ сословныхъ интересовъ у мѣщанъ намъ неизвѣстно“, — говоритъ авторъ.

Наконецъ, и козачество въ моментъ призыва въ комиссію представляло совершенно бессильное и въ экономическомъ, и въ социальномъ

отношеніи сословіе"; оно быстро разлагалось, сближаясь съ крестьянствомъ; какъ бессильная попытка противодействовать этому процессу, тянувшему козачество къ социальнымъ низамъ, интересны его хлопоты въ наказаніи о признаніи за нимъ его „шляхетскихъ правъ“, подъ которыми разумѣется въ данномъ случаѣ свобода отъ податей и повинностей, свобода виннаго промысла, право вольнаго избранія старшинъ для суда и самоуправленія.

По серьезности взгляда, по сдержанности, дѣльности и изящной простотѣ изложенія работа г. Теличенка напомнила намъ манеру В. Б. Антоновича. Въ наше время, когда искусство дѣлать изъ девяти книгъ десятую получило такое распространеніе и когда разсужденія о словахъ такъ часто заслоняютъ отъ кабинетнаго изслѣдователя вещи, означаемыя словами, нельзя не дѣлать высоко этой манеры. Въ лицѣ г. Теличенка мы, кажется, можемъ правдѣствовать не сочинителя книгъ объ историческихъ предметахъ, а настоящаго историка.

Объ обстоятельной работѣ г. Шульгина (*Очеркъ козацщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ*) мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣ. Въ этихъ книжкахъ *Очеркъ* автора законченъ и теперь вышелъ отдѣльною книгой (Кіевъ, 1890 г.). Разобравъ въ двухъ предыдущихъ главахъ участіе въ козацщинѣ гайдамаковъ и крестьянъ праваго берега Днѣпра, въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ остальные элементы козацщины: участіе въ ней запорожцевъ, внесшихъ въ возстаніе стройности организаціи, въ степныхъ гайдамаковъ, придавшихъ возстанію особенно ожесточенный характеръ. Затѣмъ въ 4 главѣ характеризуются дѣйствія противъ козацщины польскаго правительства, выставившаго противъ возстанія самыя ничтожныя силы; въ 5-й—отношеніе къ козацщинѣ Екатерины и ея сотрудниковъ. Объясненія послѣдняго отношенія авторъ совершенно основательно ищетъ въ сферѣ тогдашней иностранной политики русскаго правительства.

Третья обширная работа, посвященная XVIII в. и въ обзорѣваемыхъ книжкахъ далеко еще не законченная, принадлежитъ директору московскаго архива оружейной палаты Г. В. Есипову: *Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.* На основаніи многочисленныхъ архивныхъ и печатныхъ документовъ авторъ подробнѣйшимъ образомъ, изо дня въ день, описываетъ времяпрепровожденіе императрицы, ея занятія, встрѣчи и распоряженія.

И. П. Житецкій напечаталъ очень интересную статью *О литературной дѣятельности Иоанна Вишенскаго*, писателя конца XVI и начала XVII вв. Ревностный защитникъ православія противъ уни, Иоаннъ Вишенскій представляется автору „первымъ начинателемъ южно-русскаго національнаго дѣла“, поднявшимъ „вопросы о народности, вопросы о родномъ языкѣ, о школѣ и о „посполитомъ“ просвѣщеніи“.

Изъ другихъ статей *Кіевской Старины* назовемъ интересное сообщеніе г. Э. Кудринскаго *О цеховыхъ братствахъ въ мѣстечкѣ Степани*; сообщеніе г. В. А. Мясотина *О дѣлахъ по исторіи крестьянства мѣобережной Малороссіи*; очень типичную біографію *Семена Вакуленки, сотника пирятинскаго (1696—1720 и.)*, составленную Н. В. Стороженкомъ; продолженіе *Культурныхъ переживаній* проф. Сумцова; наконецъ, большую статью Э. Р. Рыльскаго *Къ изученію украинскаго народнаго мировоззрѣнія*; подъ этимъ заглавіемъ авторъ дѣлаетъ очеркъ семейныхъ отношеній современнаго малороссійскаго крестьянства, главнымъ образомъ, на основаніи народной поэзіи и рѣшеній волостныхъ

судовъ за послѣдніе годы. Библиографическій отдѣлъ *Кіевской Старины*, попрежнему, отличается полнотой, обстоятельностью и компетентностью отзывовъ, большею частью дѣлаемыхъ специалистами.

Дѣтское Чтеніе, январь—мартъ. Въ стихотвореніи *На новый годъ* журналъ желаетъ дѣтямъ бодро двигаться впередъ

Чистой, свѣтлой дорогой
Правды, чести и добра,
Помня то, что жизнь—не шутка
И не правдая игра“.

Стихотвореніе это, написанное П. И. Вейнбергомъ, призываетъ дѣтей на работу, на честный трудъ, на пользу всѣмъ людямъ. Разнообразно составленная книжка *Дѣтскаго Чтенія* за нынѣшній годъ проникнута тою же гуманною мыслью. Журналъ даетъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, знакомитъ съ исторіей, съ жизнью и дѣятельностью выдающихся людей. Такъ, въ январской книжкѣ помѣщены небольшія статейки о Н. Г. Сверчовѣ и Г. П. Данилевскомъ (съ ихъ портретами). *Дѣтское Чтеніе*, вмѣстѣ съ тѣмъ, печатаетъ занимательныя статьи, дающія очень полезныя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ; оно сообщаетъ новости изъ книгъ и журналовъ, предлагаетъ своимъ читателямъ шарады, загадки и т. п. Въ мартовской книжкѣ *Дѣтскаго Чтенія* начатъ интересный рассказъ г-жи Шелгуновой объ Японіи, въ февралѣ и мартѣ помѣщенъ дѣльный этнографическій очеркъ г. Бахтіарова: *Пища человека*. Судя по этимъ тремъ книжкамъ, *Дѣтское Чтеніе* выходитъ изъ того нѣскольکو неопредѣленнаго положенія, въ которомъ оно находилось, и быстро совершенствуется во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣтскихъ журналовъ у насъ очень мало, хорошихъ и того меньше,—поэтому нельзя не привѣтствовать усилій редакціи названнаго петербургскаго журнала дать разумное удовлетвореніе дѣтской пытливой мысли и свѣжему чувству, которое можно направить въ сторону добра и разумнаго труда. Отмѣтимъ, что въ *Дѣтскомъ Чтеніи* встрѣчаются и хорошія стихотворенія. Такова поэма (?) г-жи Чюмяной: *Малеткій шарманщикъ*, просто, искренне и тепло написанная.

ОГЛАВЛЕНІЕ

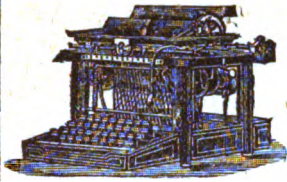
„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Волеетристка: „Деревенскіе типы и картины“. <i>Н. Аотырса</i> . — „Сева-стопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера“. <i>А. А. Ериова</i> . — „На до-сугѣ“. <i>Н. В. Максимова</i> . — „Опыты въ стихахъ“. <i>В. И. Петровскаго</i> . — „Стихо-творенія“ <i>Г. Т. Окуева</i>	175
Психологія и педагогика: „Die Seele der Kinder“, <i>von Preyer</i> . — „Ein-führung in die Pädagogik“, <i>von Baumann</i>	181
Исторія и биографія: „И. И. Нешлиевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.“. <i>В. Н. Витесскаго</i> . — „Госпожа Роланъ“. <i>Н. Мироо-ча</i> . — „Aristotle on the constitution of Athens“, <i>by F. G. Kenyon</i>	185
Политическая экономія и статистика: „Emigration and immigration“, <i>by Smith</i> . — „Труды варшавскаго статистическаго комитета по десяти губерніямъ Царства Польскаго“.	189
Медицина: „О псевдогаллюцинаціяхъ“. <i>В. Х. Кандидискаго</i> . — „Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе“. <i>А. Форелъ</i> . — „Справочная книга для врачей“. — „Со-временные исконяты“. <i>А. Буллера</i>	194
Военное дѣло: „La poudre sans fumée et ses conséquences tactiques“, <i>par le Colonel B...</i> — „Солдатское ремесло или праздничныя бесѣды о службѣ“. <i>С. Мю-хлема</i> . — „Справочная книжка для вольноопредѣляющихся, поступающихъ въ сухо-путныя войска“. <i>В. Курсакова</i>	197
Дѣтскія книги: „Въ странѣ контрастовъ“. <i>Л. П. Шелмуновой</i> . — „Кладъ“. — „Лисичій Фредерикъ“. <i>Эркмана-Шатриана</i>	198
Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь“ <i>проф. И. Ю. Андре-евова</i>	199

II. Периодическія изданія.

„Кіевская Старина“, июль 1890 г. — мартъ 1891 г. — „Дѣтское Чтеніе“, ян-варь — мартъ	203
--	-----

Пишущая машина
РЕМНГТОНА № 5.

Новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ, признана лучшей.

Сотни въ употребленіи въ правительствен. учрежденіяхъ.

КЕРОСИНОВЫЕ ОСВѢТИТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ

„УЭЛЬСЪ“

для ночныхъ работъ, рудниковъ, копей, туннелей, сооруж. мостовъ и проч. раб.

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ.

Москва, Кузнецкій Мостъ, уголь Лубанки.

О.-Петербургъ. | Варшава. | Екатеринбургъ.
21. В. Морская. | 27. Сенаторск. | Соборная.

Общій прейсъ-курantzъ специальностей
Торговомуъ Домомъ
высылается бесплатно.

Самый значительный въ Россіи складъ:

ВЕЛОСИПЕДОВЪ,
ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ,
ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ,
ВЪСОВЪ,
ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВИФТЪ

ПЕРВОЕ МѢСТО

ПОДАТЕЛЮ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ СВИФТЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

и с. п. в. а. * С ПЕТЕРБУРГЪ

Болѣе 500 велосипедовъ въ наличности.

Швейныя и вязальныя машины всѣхъ сортовъ.

Всѣ предметы исключительно высшаго качества.

Общій прейсъ-курantzъ специальностей высылается бесплатно.

== **НОВОСТЬ** ==
КЕРОСИНОВЫЕ двигатели „ПРИСТМЭНЪ“.

Американскіе вѣтряные двигатели „ЭКЛИПСЪ“.

Насосы — Дугласъ.
Пилы — Дистонъ и пр. пр.

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВЫЕ

АМЕРИКАНСКІЕ ВЪСЫ

КЛЕЙМЕННЫЕ ГОРОДСКОЮ ДУМОЮ, ПО ВЫСОЧАЙШЕ

УТВЕРЖД МНѢНІЮ ГОСУДАРСТВА СОВѢТА

ФЕРБЭНКЪ

имѣются въ наличности отъ ПИСЬМЕННЫХЪ ДО ВАГОННЫХЪ ВЪ МОСКВѢ: НА КУЗНЕЦКОМЪ МЕСТУ, УГОЛЬ ЛУБАНКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: НА НЕВСКОМЪ ПРИБЛИЖЕНІИ (УГОЛЬ БОЛ. МОРСКОЙ)

Ж. БЛОКЪ УПОЛНО: КО МОЧЕННЫЙ К=ФЕРБЭНКЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ.

НОВАЯ КНИГА:
ЗАПРОСЫ НАРОДА
И
ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВЪ ОБЛАСТИ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. С. Пругавина.

Издание редакціи журнала „Русская Мысль“.

Содержаніе: Вольныя крестьянскія школы.—Публичныя чтенія для народа въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Ярославлѣ и т. д.—Народныя библіотеки и читальни.—Почему „хорошія книжки“ не доходили до народа?—Лубочные издатели.—Литература улицы.—Офени-книгошопи.—Страстующіе чтенія.—Современная лубочная литература.—Публика выросла.—Что и какъ читаетъ народъ?—Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія.—Къ вопросу о расплатѣ съ народомъ.—Приложенія: Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія, относящіеся до школь грамачности.—Правила для устройства народнаго чтенія.—Правила о народныхъ читальняхъ.—Какъ основалась первая сельская общественная библіотека?

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Русская Мысль“

(Москва, Леонтьевскій, № 21).

Въ книжномъ складѣ

„ПОСРЕДНИКЪ“

(С.-Петербургъ, Ягловка, д. № 29)

вступили въ продажу слѣдующія НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

№ 95. Русскій пѣсенникъ. Ц. 8 к. № 103. Царь Мидасъ и другіе рассказы, сказки и стихотворенія А. Барыковой, В. Гаршина, Н. Лѣскова, Андерсена, В. Гюго, А. Додэ и друг. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Ц. 10 к. № 105. Новая повѣсть съ англійскомъ милордѣ Георгѣ. Составила А. Юрьева. Ц. 7 к. № 106. Первое сраженіе. Рассказъ И. Щеглова. Ц. 3 к.

Крашенныя картины: 1) Начало проповѣди Иисуса Христа на горѣ. 2) Иисусъ Христосъ съ учениками на засѣянномъ полѣ. 3) Притча о милосердномъ самарянинѣ. 4) Притча о блудномъ сынѣ.

Цѣна каждой картины 3 коп.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Безъ догмата. Современный романъ Генрика Сенкевича. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» пользуются бесплатною пересылкою.

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Объ искусствѣ. Бритическія замѣтки. В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Бритическій опытъ). Н. К. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.

Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Четвертое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Второе изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. А. С. Пругавина. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго. Цѣна за два тома 3 р., съ пересылкою 3 р. 80 к.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

	<i>Стр.</i>
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Черное море въ физико-географическомъ отношеніи.—В.—а	142
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	165
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. В. Шелгунова	174
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. <i>Продолженіе</i> .—Н. К. Михайловскаго.	193
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: «Новая эра» въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—«Большія компаніи».—Новыя правила для пассажировъ на дорогахъ.—Поступленія государственныхъ доходовъ въ 1890 году.—Выкупъ голландскаго займа.—Конверсія 5% банковыхъ билетовъ.—Новыя правила для экзаменовъ въ гимназіяхъ.—Дѣло о поединкѣ въ павловскомъ полку.—Эпидемія убійствъ «изъ-за любви».—Процессы Селиванова, Котельникова, Лищантьева, Мельникова и Павлова.	227
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Психологія и педагогика. — Исторія и біографія. — Политическая экономія и статистика. — Медицина. — Военное дѣло.— Дѣтскія книги. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Кіевская Старина», июль 1890 г.— мартъ 1891 г.— «Дѣтское Чтеніе», январь—мартъ.	175

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1891 годъ

(двѣнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 »	7 »	3 » 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 20 '86
